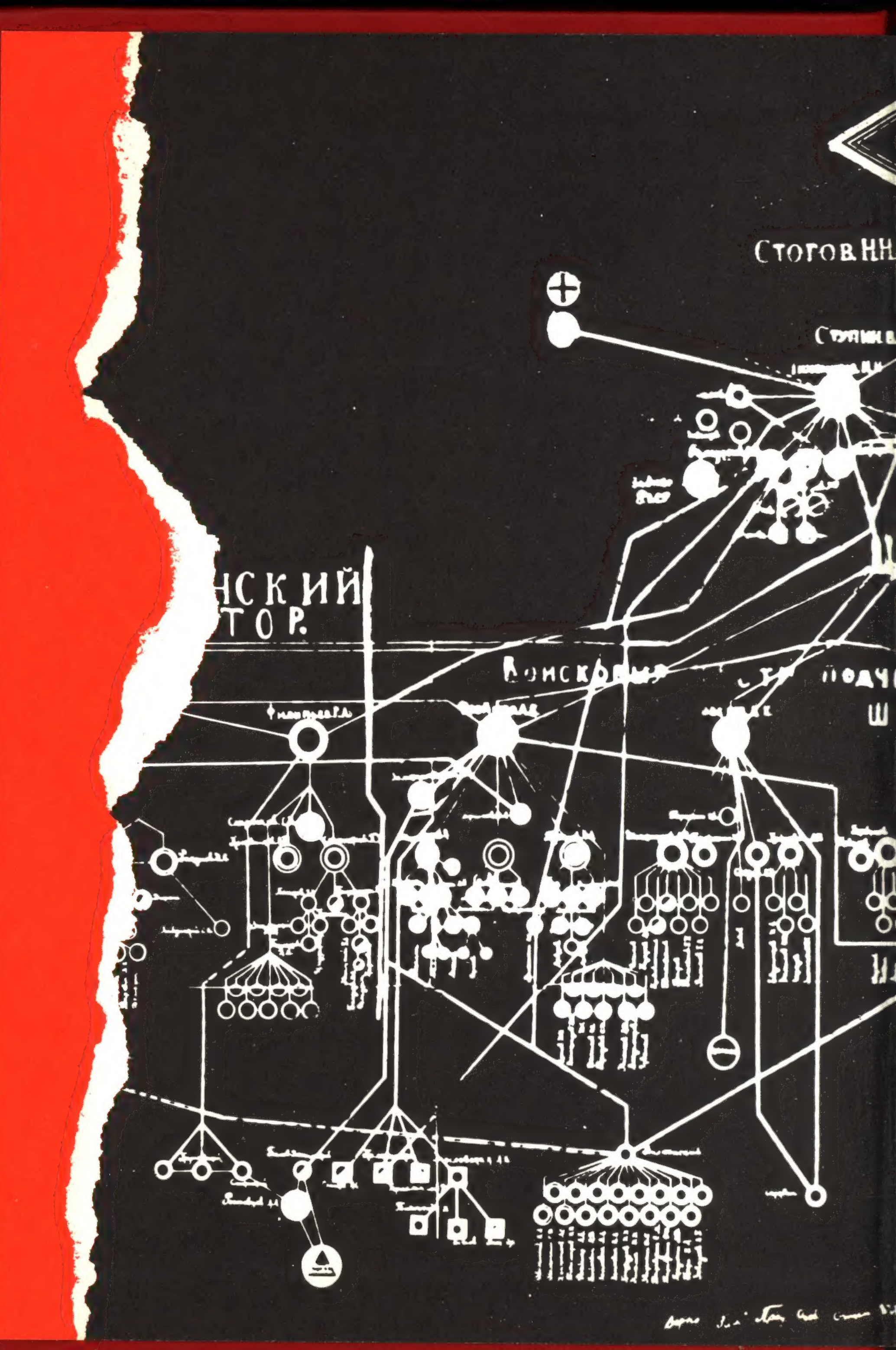
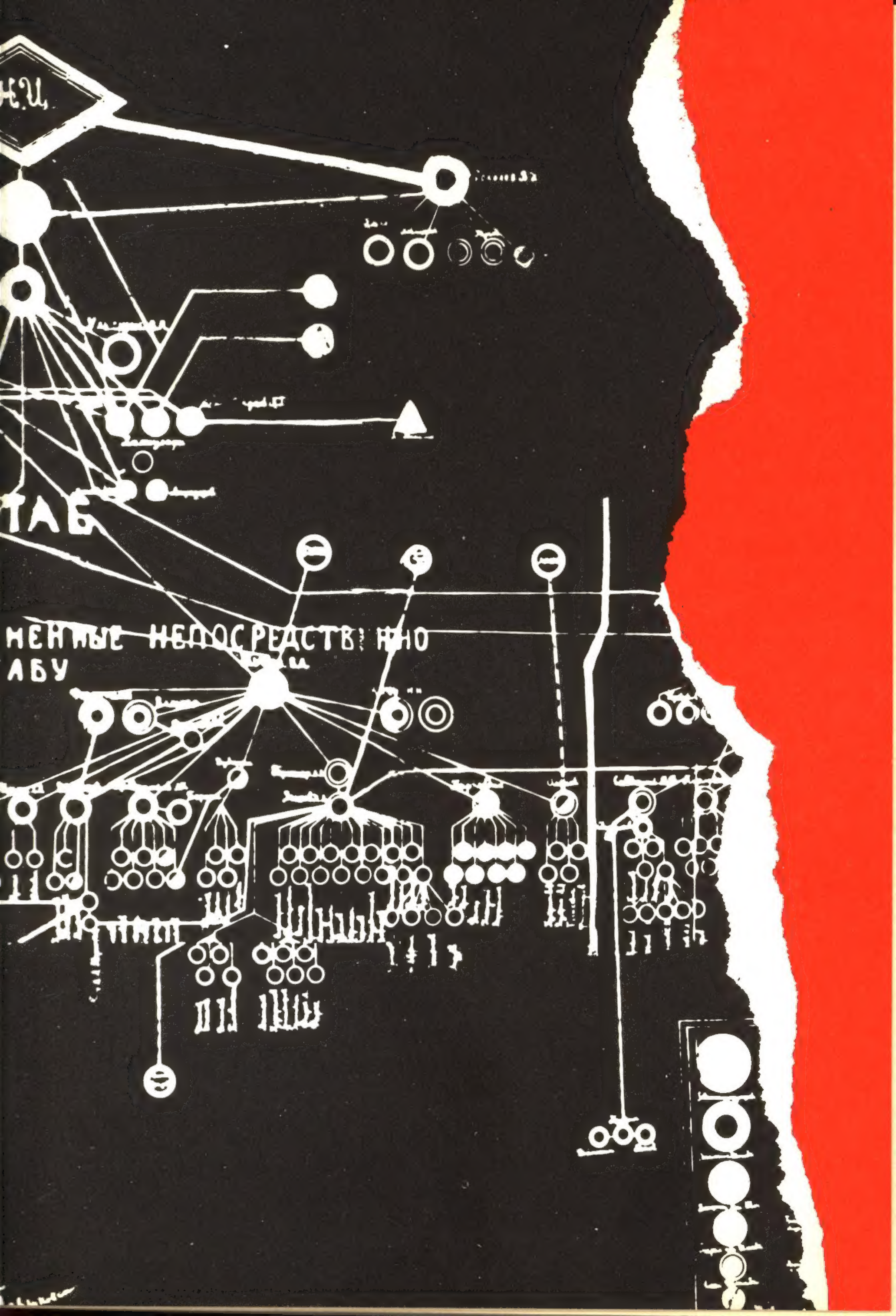
Красная книга ВЧК

Том 2

Стогов.НН
НСКИЙ
ТОР.

Н.И.
ТАБ
МЕННЫЕ НЕПОСРЕДСТВ ННО
АБУ

Р. С. Ф. С. Р.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КРАСНАЯ КНИГА В. Ч. К.

Под редакцией М. И. ЛАЦИСА.

ТОМ II-й.

МОСКВА. 1922 г.

Красная книга ВЧК

Том 2

Издание второе, уточненное

Москва
Издательство политической литературы
1990

ББК 67.99(2)116.2
К78

Научная редакция
доктора исторических наук, профессора
А. С. ВЕЛИДОВА

К $\frac{0503020400-183}{079(02)-90}$ 128—90

ISBN 5—250—00686—8 (Т. 2)
ISBN 5—250—00817—8

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во второй том «Красной книги ВЧК» вошли следственные материалы за период с начала 1918 года по осень 1919 года.

Эти годы были периодами бешеного натиска международной буржуазии на первое пролетарское государство.

Контрреволюционное движение, начатое внутри страны социалистами (читай: мелкобуржуазными элементами), разрасталось по мере первых неудач «спасателей буржуазной революции от социалистической» — озлобившихся до беспамятства этих самозваных вождей крестьянства (эсеров) и пролетариата (меньшевиков). К началу 1918 года «спасатели отечества» обращаются к помощи войск иноземной буржуазии, и скоро начинают создаваться внешние фронты, пока к лету 1919 года вся Советская Россия не становится сплошным вооруженным лагерем, окруженным со всех сторон еще послушными армиями буржуазных стран.

Эта близость скорой помощи буржуазии окрылила надеждами осевшие внутри страны контрреволюционные элементы.

В надежде на эту приближающуюся помощь они напрягают все усилия, чтобы разрушить советский тыл и открыть ворота надвигающимся буржуазным армиям.

В начале 1918 года, как грибы, возникают подпольные военные организации, ставящие себе одну и ту же цель — свержение Советской власти. Но эти организации действуют еще вразброд, и генерал Алексеев дает директиву эсеру Савинкову объединить их и направить по одному руслу разрозненные действия контрреволюционеров. Савинков приезжает в Москву и организует боевую организацию «Союз защиты родины и свободы» (смотри 1-й том «Красной книги ВЧК»). С подавлением Ярославского и Муромского восстаний, с уничтожением ВЧК Московского и Казанского штабов этой организации последняя распадается.

Руководящая роль переходит к вновь народившимся организациям — «Национальному центру», «Союзу возрождения», а потом «Тактическому центру». Все эти перечисленные организации отличались одна от другой только своим разноцветным составом,

цель же у всех была одна, общая. Эта цель — свержение Советской власти — и объединяла все эти разнородные элементы, начиная с меньшевиков и кончая монархистами из «Совещания общественных деятелей» — этой организации правых элементов, объединившихся еще в 1917 году для реставрации монархии.

К лету 1919 года, когда Юденич надвигался на Петроград, а Деникин устремлялся к Москве, эти организации начинают проявлять особенную живучесть, дабы облегчить задачу регулярным войскам царских генералов, наседающих извне.

Бдительность пролетариата дает возможность ВЧК своевременно ликвидировать эти организации и тем отвести удар, намеченный в самое сердце Советской России.

Показать во всей полноте этого внутреннего врага, его намерения и приемы борьбы — вот цель настоящей книги.

Но мы должны оговориться, что не все здесь помещенные документы являются исторически верными. Это особенно относится к историческим монографиям, написанным подсудимыми, желающими скрыть позор своей партии и поэтому многое утаившими. Но мы все же поместили и эти монографии, чтобы сорвать маски с этих «благородных» политических деятелей, которые своим шкурным интересам принесли в жертву историческую правду.

Происходящий сейчас процесс правых социалистов-революционеров вскрывает все, что было утаено, и скрытое становится явным [1].

Мы старались сохранить и стиль авторов помещенных монографий, и редакцию документов, дабы нас не стали обвинять в искусственной подтасовке фактов. Единственно, что мы позволяем себе, это порядок размещения материала. Здесь мы руководствовались желанием дать читателю последовательную картину борьбы контрреволюционеров всех мастей с Рабоче-Крестьянским Правительством.

Мы уверены, что, ознакомившись с этими материалами, читающая публика, не принявшая еще до сих пор принципов Советской власти, наконец оправдает все ее действия и скажет, что в руках пролетарского государства в момент бешеной гражданской войны такой орган, как ВЧК, был необходим.

Москва, 10 июля 1922 года *Лацис*

---

[1] Имеется в виду процесс по делу Центрального Комитета и отдельных членов иных организаций партии социалистов-революционеров, проходивший в Москве 8 июня — 7 августа 1922 года. В ходе судебного расследования Верховный революционный трибунал при ВЦИК на основе документальных материалов, показаний свидетелей и обвиняемых раскрыл участие правых эсеров в вооруженной борьбе против Советской власти, в организации террористических актов, в преступной связи с международным империализмом.

При обыске у Н.Н.Щепкина была обнаружена жестяная коробка, содержащая шифрованные и нешифрованные записки, шифр, рецепты проявления химических чернил и пять небольших квадратиков фотографической пленки...

Записки, найденные у Щепкина в шифрованном и нешифрованном виде, содержали: I) записку с изложением плана действий Красной Армии от Саратова, 2) сводку сведений, заключавшую в себе список номерных дивизий Красной Армии к I5 августа, сведения об артиллерии одной из армий, план действий...

Как был открыт заговор
Обзор деятельности контрреволюционных организаций
в период 1918—1919 годов

КАК БЫЛ ОТКРЫТ ЗАГОВОР

(Доклад тов. Л. Б. Каменева в Комитете обороны гор. Москвы) [1]

27 июля 1919 года начальник 1-го района советской милиции в селе Вахрушеве Слободского уезда Вятской губернии И. А. Бржоско, проверяя проезжающих через село граждан, задержал ввиду отсутствия проездных документов неизвестного, назвавшегося Николаем Карасенко. При обыске у Карасенко было обнаружено 985 820 рублей 20- и 40-рублевыми керенками и два револьвера. Милиция отправила Карасенко в Слободскую уездную ЧК, где он был в тот же день, 27 июля 1919 года, допрошен.

На допросе Карасенко показал, что вез указанную сумму денег в Москву по поручению киевского купца Гершмана. Слободская уездная ЧК сдала обнаруженные деньги в местное казначейство (1 августа сего года), револьверы конфисковала, самого же Карасенко препроводила в Вятскую губернскую ЧК.

Допрошенный в Вятке 5 августа Карасенко заявил, что желает дать правдивое показание, и заявил следующее: он в действительности Николай Павлович Крашенинников [2], сын помещика Орловской губернии, бросивший фронт 24 ноября 1917 года и уехавший на Дальний Восток с целью поступить на американскую военную службу. Уехать в Америку ему не удалось, а после переворота в Сибири летом 1918 года он был мобилизован и зачислен в 1-й Бирский полковника Орлова полк. В мае 1919 года перечислен в разведывательное отделение ставки адмирала Колчака и в начале июля сего года получил поручение отвезти миллион рублей в Москву и сдать их там лицу, которое встретит его на Николаевском вокзале [3], назовет сумму денег и часть, откуда он послан.

После этого показания Вятская губчека, признав, что дело Крашенинникова имеет весьма важный характер, связанный с контрреволюционным заговором во всероссийском масштабе, и может быть выяснено вполне лишь Всероссийской чрезвычайной

---

[1] Доклад председателя Московского Совета и Комитета обороны Москвы Л. Б. Каменева был опубликован в газете «Известия ВЦИК» 9 октября 1919 года.

[2] В тексте доклада Л. Б. Каменева Н. П. Крашенинников везде ошибочно назван Крашенниковым.

[3] Ныне Ленинградский вокзал.

комиссией, 8 августа постановила: дело и арестованного препроводить во Всероссийскую чрезвычайную комиссию.

Заключенный в арестном помещении ВЧК Крашенинников передал на волю две записки, которые не дошли до адресатов, но оказались в руках караула, а затем и следователей ВЧК. Первая записка передана была 20 августа и гласила буквально следующее: «Я, спутник Василия Васильевича [1], арестован и нахожусь здесь, прошу подательнице сего выдать 10 000. Все благополучно». Вторая записка передана была 28 августа и гласила следующее: «Прошу В. В. М. или, если нет его, то кого-либо заготовить несколько документов для 35—40 летн., 25—30 летн. и 24—25 летн. и передать их по требованию предъявительнице сего, кто знает условленный знак В. В. М. для меня. Прошу обязательно к 30 августа достать 1 гр. цианистого калия или какого другого сильно действующего яда, необходимо в интересах дела. Прошу также сообщить к 30 августа, арестован ли Н. Н. Щ.[2] и другие, кого я знаю, можно их вызвать (?) или нет, также прошу сообщить общее положение *Н. Крашенинников.* 31 августа».

Записки эти были предъявлены на допросе Крашенинникову, и Крашенинников показал следующее: «Из ставки Колчака с деньгами для Московской организации я вышел 13 июня 1919 года; границу в районе Кая, Пермской губернии, я перешел 29 июня по маршруту Кай — Дидаево — Юго-Восток лесами на реку Вятку — город Слободской — Москва.

27 июля я был задержан в селе Вахрушеве. Деньги были отобраны в селе Вахрушеве. По заданию ставки Колчака деньги в сумме один миллион я должен был передать Н. Н. Щепкину, по адресу: угол Трубного и Неопалимовского переулков; причем мне дали на всякий случай адрес Алферовых, содержателя и директора гимназии. Одновременно со мною до реки Вятки шел Василий Васильевич Мишин с другим миллионом для Московской организации. Начиная от реки Вятки, я дальше ехал уже один. Василий Васильевич пошел другим путем. Встреча, как обязательная, с Василием Васильевичем после расхождения от реки Вятки в дальнейшем не предполагалась. Я обязан был выполнить данное мне ставкой задание, то есть вручить Николаю Николаевичу Щепкину миллион, получить от него то, что он передаст, и возвратиться в Омск».

Тут же Крашенинников подтвердил принадлежность ему двух вышеприведенных записок. В дальнейшем Крашенинников указал, что всего отправлено было в Москву 25 миллионов рублей. Деньги

---

[1] В. В. Мишин (Москвин), второй агент колчаковской разведки, посланный в Москву для передачи денег «Национальному центру». Он же далее «В. В. М.». Возможно, что обе фамилии («Мишин» и «Москвин») — псевдонимы.

[2] Видный деятель партии кадетов Н. Н. Щепкин.

Н. П. Крашенинников

эти направлялись в распоряжение «Национального центра» в Москву, причем часть их должна была быть направлена в Петроград через некоего Вика [1], который, по словам Крашенинникова, связан с заграничной группой Савинкова. Крашенинников же показал, что «Национальный центр» является в Москве организацией центральной, признанной и широко субсидируемой как Колчаком, так и союзниками. Крашенинников слышал, что «Национальный центр» имеет также военную организацию, но подробнее о ней ничего не знал.

Так как записки Н. П. Крашенинникова были адресованы Н. Н. Щепкину или супругам Алферовым, то ВЧК в ту же ночь (с 28 на 29 августа) арестовала указанных лиц. Документы, найденные у Н. Н. Щепкина, вполне подтвердили указание Н. П. Крашенинникова на то, что привезенные им от Колчака деньги предназначались «Национальному центру», виднейшим деятелем которого в Москве и являлся Н. Н. Щепкин.

К моменту ареста Н. Н. Щепкина и обнаружения у него многочисленных документов, вполне характеризующих «Национальный центр» как военно-политическую организацию с заговорщическими и шпионскими задачами, ВЧК уже имела некоторые сведения о существовании «Национального центра». Эти сведения шли совсем из другого источника. В начале июня с. г. при переходе границы на Лужском направлении убит был бывший офицер Александр

---

[1] Вик — инициалы «Василия Ивановича Камнева». Под этим псевдонимом действовал кадет В. И. Штейнингер, руководитель петроградского отделения «Национального центра».

Никитенко. При обыске Никитенко у него в мундштуке папиросы обнаружена была записка на имя генерала Родзянко, подписанная — Вик. Записка содержала пароли и описание условных знаков, по которым войска Родзянки при продвижении войск к Петрограду могли бы узнать «наших» друзей (то есть друзей Вика).

Впоследствии, при попытке перейти финляндскую границу в районе Белоострова, были арестованы Ал. Ал. Самойлов и Боровой-Федотов, начальник и агент Сестрорецкого разведывательного пункта. При задержании Боровым был выброшен пакетик, содержавший в себе в зашифрованном виде письмо от 14 июля с. г. с обращением «Дорогие друзья» из сводки сведений о дислокации войск 7-й армии и о наличии в ее базах огнестрельных припасов.

Наконец, у арестованного в Петрограде инженера, владельца фирмы «Фос и Штейнингер», члена партии кадетов, было обнаружено письмо с обращением «Дорогой Вик» за подписью «Никольский», от 30 июня. Письмо от 14 июля, выброшенное Боровым, было ответом на письмо Никольского от 30 июня, найденное у Штейнингера.

На допросе 26 июля в ВЧК В. И. Штейнингер признал, что псевдоним «Вик» принадлежит ему, что письмо Никольского (псевдоним Новицкого [1]) получено им 12 июля и что ответом на это письмо является письмо от 14 июля, написанное на машинке в его квартире и переданное им Самойлову для передачи в Финляндию.

Вслед за тем В. И. Штейнингер был переведен в Москву и здесь подал в Особый отдел ВЧК собственноручное заявление, в котором изложил историю и деятельность «Союза возрождения России», «Национального центра» и «Союза освобождения России»[2] в Петрограде. В. И. Штейнингер не называл имен своих помощников и соучастников, кроме тех, кого он считал уже погибшими или перебравшимися за фронт. Однако сопоставление показаний Штейнингера, Борового и Самойлова и других арестованных по этому делу дало возможность установить ряд псевдонимов, упомянутых в письмах Никольского и Вика. Содержание самих этих писем установило с непреложностью, что в лице петроградской группы «Национального центра» мы имеем дело с организацией, связанной с военными кругами, систематически в продолжение нескольких месяцев передававшими по ту сторону фронта военно-данные и считавшими себя агентурой генерала Юденича. В письме к Вику-Штейнингеру от 30 июня Никольский пишет:

---

[1] Г. И. Новицкий (он же «Б. Никольский») — представитель «Национального центра» при штабе Юденича.

[2] «Союз освобождения России» — контрреволюционная организация, созданная в мае 1919 года в Петрограде. Ее ядро составляли кадеты. Деятельность СОР сводилась главным образом к изданию листовок, в которых обосновывалась неизбежность падения Советской власти, занятия Петрограда войсками Юденича и т. д.

«В ближайшие дни Юденич (с которым мы в полном единении) и все мы перейдем на русскую почву, на тот берег, чтобы целиком вложиться в непосредственную работу». Характер этой работы ясен из следующих слов того письма: «До сих пор нельзя сколько-нибудь верно установить возможный срок взятия Петрограда. Надеемся не позже конца августа, но твердой уверенности у нас в этом нет, хотя в случае наступления давно ожидаемых благоприятных обстоятельств в виде помощи деньгами, оружием, снаряжением в достаточном количестве этот срок может и сократиться». Тут же Никольский пишет: «Передаваемые Вами сведения считаем очень ценными и с чисто военной и с политической точки зрения».

Ответное письмо Вика-Штейнингера еще более выразительно. Упомянув о недостатке денежных средств, о том, что «Москва должна нам за три месяца, что в Москве говорят о каком-то миллионе» (это тот миллион, который через Крашенинникова шел из ставки Колчака Щепкину), Штейнингер пишет: «Мы взялись за объединение всех военно-технических и других подобных организаций под своим руководством и контролем расходования средств, и эта работа подвинулась уже далеко...

Мы встретили генерала Махрова *, которого считаем начальником Иевреинова и представителем Юденича и агентом этой организации. С Махровым находимся в контакте, объединяя работу всех технических сил. Идет ответственная работа по организации исполнительных органов и набору технически опытных сил в области продовольствия и милиции. Показания Штейнингера на допросе 29 июля в Петрограде и его письменное заявление 1 августа Особому отделу ВЧК в Москве целиком подтвердили сведения, заключавшиеся в письме. Так, Штейнингер показал: «Национальный центр» ставил себе следующие задачи: фактическое свержение власти большевиков и признание неизбежности личной диктатуры в переходный период во всероссийском масштабе с последующим созывом Учредительного собрания. Личную диктатуру по идее признаем в духе Колчака. Экономическая платформа – восстановление частной собственности с уничтожением помещичьего землевладения за выкуп».

Таким образом, исследование группы Штейнингера, в существенном законченное в первых числах августа, установило: 1) военно-шпионский заговорщический характер петроградской группы «Национального центра», 2) наличность подобной же организации в Москве и 3) существование связанной с «Национальным

---

* Генерал Махров (в действительности Махов), так же как и правый меньшевик В. Н. Розанов, был арестован на квартире В. И. Штейнингера после ареста последнего. [М. М. Махов – командир 2-й (резервн.) кавалер. бригады Западного фронта. Б. И. Иевреинов (в тексте книги «Евреинов») – политический консультант при нем.]

центром» и работающей под его руководством и контролем военной организации.

Дальнейшее раскрытие этой организации задержалось почти на месяц, вплоть до того, как арест Н. П. Крашенинникова в Вятской губернии 27 июля и вслед за тем арест Н. Н. Щепкина 28 августа в Москве дали нити к дальнейшему раскрытию всей организации. Обыск у Н. Н. Щепкина был произведен 28 августа под личным наблюдением заведующего Особым отделом ВЧК. При обыске у Н. Н. Щепкина была обнаружена жестяная коробка, содержащая шифрованные и нешифрованные записки, шифр, рецепты проявления химических чернил и пять небольших квадратиков фотографической пленки. Оставленная в квартире Щепкина засада арестовала в ближайшие дни зашедших к Щепкину Г. В. Шварца, А. А. Волкова, Н. М. Мартьянова, Волк-Карачевского, жену генерала Стогова и других.

Записки, найденные у Щепкина в шифрованном и нешифрованном виде, содержали: 1) записку с изложением плана действий Красной Армии от Саратова, 2) сводку сведений, заключавшую в себе список номерных дивизий Красной Армии к 15 августа, сведения об артиллерии одной из армий, план действий одной из армейских групп с указанием состава группы, сообщение о местоположении и предполагаемых перемещениях некоторых штабов, 3) сводное письмо, содержащее подробное описание одного из укрепленных районов, точное расположение занятых батарей в нем, сведения о фронтовых базисных складах, 4) сводное письмо, писанное 27 августа с заголовком: «Начальнику штаба любого отряда прифронтовой полосы» — «Прошу в самом срочном порядке протелеграфировать это донесение в штаб Верховного разведывательного отделения, полковнику Хартулари». Это письмо содержит общие военно-шпионские данные с описанием отдельных армий, предположительного плана действий Красной Армии и сообщение об имеющихся в Москве силах деникинцев, 5) записку, содержащую сведения о кавалерийской армии, 6) письмо от 22 августа, озаглавленное: «От объединения «Национального центра», «Союза возрождения» и «Совета общественных деятелей», адресованное членам правительства Деникина — Астрову, Степанову и другим, содержащее как деловые сведения о сношениях, деньгах и планах Московской организации «Национального центра», так и указание на лозунги, которые должны быть усвоены при продвижении Добровольческой армии к Москве.

Найденные в той же коробке фотографические пленки были пересняты и увеличены, и тогда оказалось, что на них сфотографирован текст ряда сообщений и писем политических деятелей кадетской партии из штаба деникинской армии — Н. И. Астрова, В. Степанова, князя П. Долгорукова и других.

Все указанные выше сведения написаны на узких полосках бумаги в два пальца ширины и приведены таким образом в годный для перевозки через фронт конспиративный вид. Н. Н. Щепкин признал, что все эти документы переписаны лично им. В собственноручном показании Н. Н. Щепкина 5 сентября сказано: «На вопрос о том, кто писал листочки с информацией мелким шрифтом, найденные у меня, отвечаю: содержание этих информаций было доставлено мне в готовом виде. Переписывал я их лично одним из тех карандашей, которые Вы мне предъявляете... Одним из этих карандашей, весьма твердым, писаны мной полосы».

В собственноручном же показании от 10 сентября Н. Н. Щепкин пишет: «В последнее время (так, с зимы 1919 г.), при лице, которое я заменил после его отъезда, как-то повелось, что депеши, отправляемые лицами, приезжавшими к нам, приводились в компактный вид, приспособленный для перевозки, моим предшественником, это продолжал делать я».

Наконец, на допросе 12 сентября Н. Н. Щепкин записал: «Вступил я в «Нац. центр» и стал к нему близко, когда его деловые обычаи уже сложились. Мне было поручено принимать депеши, приходившие от наших товарищей с юга, а когда мне приносили готовый текст депеши на юг — то приводить их в компактный для отправки вид. Если предстояли сношения с нашими товарищами по центру, то депеши составлялись совместно с кем-либо из членов «Нац. центра», депеши же для Добровольческой армии доставлялись готовыми. В этих депешах я позволял себе исключать места, сведения или неверные, или с политической точки зрения излишние... Лиц этих (тех, что приносили депеши для Добровольческой армии.— *Л. К.*[1]), со слов своего предшественника, считаю агентами Добровольческой армии».

Что же касается пленок, то арестованный 30 августа засадой на квартире у Щепкина юнкер Николаевского артиллерийского училища Георгий Вячеславович Шварц, служивший в Корниловском полку, на допросе в тот же день показал, что ему было поручено в Екатеринодаре проехать по выданным ему там же подложным документам на имя В. Н. Клишина в Москву и передать там Н. Н. Щепкину комок тонкой бумаги. Далее Шварц показал: «В Екатеринодаре офицер, передавший мне комок бумаги (скатанный в трубочку), сообщил, что — это ответ[2] «Национальному центру», Щепкин меня ни о чем не расспрашивал. Комок бумаги он развернул при мне, в бумаге оказались показанные мне при допросе фотографические пленки. Щепкин предложил мне зайти в субботу для получения ответа».

---

[1] Лев Каменев.

[2] В тексте книги «отвезет».

У арестованного на квартире у Щепкина 1 сентября А. А. Волкова найден был отрывок сообщений, присланных в виде фотографических пленок, в переписанном уже на машинке виде, с нерасшифрованными еще местами. На допросе 1 сентября А. А. Волков показал, что взялся расшифровать нерасшифрованные места этого письма по просьбе Владимира Александровича Астрова, в виде личной услуги. При обыске же у Волкова найдено было начало его собственноручного письма с расшифровкой указанных мест.

29 августа был арестован на квартире у Щепкина же Павел Маркович Мартынов, бывший офицер при ставке главнокомандующего в империалистической войне, в последнее время окружной инспектор Всеобуча. В собственном заявлении в ВЧК от 1 сентября он показал: «Находясь в Бутырской тюрьме в 1918 году, я познакомился с Николаем Александровичем Огородниковым, который мне сказал, что он состоит членом «Национального центра» как объединения интеллигентных сил в России, стоящих за созыв Учредительного собрания, выкупное наделение крестьян землей и диктатуру военного авторитета... Когда его освободили, он приглашал меня заходить к нему, когда меня освободят. Когда меня освободили 8 декабря 1918 года, я зашел к нему, и он предложил мне примкнуть к их организации и предложил ежемесячное жалованье в 1200 рублей... После рождества он сказал, что желает ввести меня в военную организацию «Центра», и через несколько дней дал адрес генерала Соколова Владимира Ивановича, к которому я и пошел познакомиться. Соколов мне сказал, что организация желает получать от меня сведения военно-осведомительного характера о красных частях и о положении на фронтах. И так как ходить к нему небезопасно, то чтобы сведения давал генералу Левицкому Борису, с которым я познакомился».

Арестованный вторично 20 февраля Мартынов увиделся в тюрьме с арестованным Огородниковым, который сказал ему, что произошла выдача организации и в одиночке сидят Левицкий, Стогов, Иванов и многие другие. «На случай моего выхода из тюрьмы (показал далее Мартынов) он мне сказал, что я могу обратиться за материальной помощью к Щепкину Николаю Николаевичу, заведующему «Национального центра». После освобождения из тюрьмы, 25 июля с. г., я очутился без гроша в кармане и обратился к Щепкину, который дал мне тысячу рублей; затем я еще раз взял у него тысячу рублей, и третий раз он мне дал в расчет за время сидения в тюрьме 5200 рублей. Щепкин предложил мне свезти в разведывательное отделение штаба Деникина сообщение. Я сказал, что если послать некого, то я готов поехать... В субботу, 23-го, вечером я получил у Щепкина два маленьких сверточка, завернутых в цинковую бумагу, и ключ к шифру, с которого снял для себя копию, отобранную у меня при аресте, и, заклеив свер-

точки в бумагу, не просмотрев их, в воскресенье передал их Макарову (Макаров был рекомендован Мартынову как курьер упомянутым выше генералом Левицким.— *Л. К.*) и 2500 рублей из данных мне Щепкиным денег. Макарову мною были даны указания сдать в первый же штаб деникинской армии маленький сверточек для прочтения и получения пропусков и проездной помощи, а второй, большой, сдать в разведывательное отделение штаба Деникина. Кажется, в среду, 27 августа, вечером я был у Щепкина и сообщил ему, что донесение с верным человеком послано». Относительно Мартынова Щепкин, вообще чрезвычайно осторожный в конкретных указаниях, показал, что Мартынов производил на него скверное впечатление, но подтвердил, что Мартынов предлагал ехать на юг, но это не состоялось. Почему не состоялось, объяснить Щепкин не нашел нужным.

Сведения, полученные, таким образом, Чрезвычайной комиссией в связи с арестом Щепкина, Мартынова и других, распадались на две части: с одной стороны, они приоткрывали завесу над шпионской организацией «Национального центра», систематически собиравшего военные сведения и пересылавшего из штаба Деникина; с другой стороны, они давали указания на деятельность военно-заговорщического центра, направленную к организации восстания в Москве. Объединяющим центром той и другой деятельности являлся Н. Н. Щепкин.

Что касается первой, шпионской отрасли деятельности «Национального центра», то усилия ЧК направились к тому, чтобы раскрыть информаторов Щепкина. Расследование донесений Щепкина Деникину нашими военными специалистами и сопоставление их с действительными данными командования Красной Армии привело Чрезвычайную комиссию к убеждению в том, что на службе у Щепкина находится ряд шпионов, забравшихся в те или иные военные и гражданские учреждения. Впоследствии удалось установить, что упомянутые выше при перечислении найденные у Щепкина сводные донесения редактировались сначала генералом Н. Н. Стоговым, а затем полковником генштаба В. В. Ступиным.

Что касается действий «Национального центра» внутри России, то они совершенно раскрываются политическими донесениями Щепкина своим друзьям на Юге, Добровольческой армии Деникина.

Очень важным материалом могут служить также собственноручно написанные показания и заявления Н. Н. Щепкина председателю Особого отдела ВЧК. Таковых имеется в деле четыре — от 3, 5, 10 и 12 сентября, представляющих в общей сложности 33 мелконаписанных писчих страницы.

Очень скупой на имена, конкретные факты, даты и цифры, глава Московской группы «Национального центра» широко и обстоятельно описал историю и деятельность контрреволюционной орга-

низации стилем политического деятеля, выполняющего свой политический долг перед классом. От этого тона открыто враждебной откровенности Щепкин отступал только там, где дело касалось организации, и усвоил себе в этом отношении тактику простого отрицания каких-либо связей с военной группой, разрабатывавшей план захвата Москвы. Этой тактике мешало то, что в бумагах (депешах), им же самим переписанных, находились прямые указания на военную подготовительную работу, на скупку оружия и захват радио, даже на срок восстания. Чтобы сгладить явное противоречие, Щепкин неосторожно прибегнул к приему, который доказал как раз обратное тому, чего он добивался. «Из найденных у меня депеш, — гласит показание Щепкина 12 сентября, — я намерен был исключить все, что касается вопроса о возможности устройства вооруженного восстания». Прием был неловок потому, что место вооруженного восстания и пр. находились как раз в тех двух депешах, которые были уже переписаны Щепкиным и им же приведены в «компактный» вид, годный для переотправки за фронт. А через некоторое время у ЧК были уже непреложные данные, что жалованье начальникам ударных групп белогвардейцев выплачивалось именно Щепкиным и что именно со Щепкиным начальник военной организации полковник В. В. Ступин редактировал тексты воззвания и приказов, подлежащих опубликованию в момент начала восстания. Что касается общих политических указаний, содержащихся в показаниях Щепкина, то здесь могут быть переданы несколько отдельных мест (остальное должно быть разработано в другой связи). «Россия, — пишет Щепкин в первом показании,— разделяется на два политических и экономических лагеря, таков исторический процесс, в ходе которого приняли живейшее участие «Союз возрождения» и «Нац. центр», сыгравшие роль кристаллизатора, кинутого в жидкость, готовую кристаллизоваться».

«Соответственно этому,— гласит показание Щепкина от 10 сентября, — «Союз возрождения» и «Нац. центр» относились к Добровольческой армии Деникина, к сибирской армии Колчака и русским силам около Юденича, как к факторам положительным в борьбе за смену Советской власти национальной, и потому признавали, что эти военные силы должны иметь политическую поддержку «Союза» и «Центра». Описывая далее взаимоотношения московских и зафронтовых организаций контрреволюционеров, Щепкин пишет: «Почти все основатели, инициаторы «С. В.» и «Н. Ц.» весной 1918 года разъехались из Москвы. В числе их был и генерал Болдырев, который намечен был одним из кандидатов в директорию. Уезжая, Болдырев оставил завет, более — прямой приказ, который организации обязаны были выполнять, подчиняясь директории».

Впоследствии подчинение директории сменилось признанием единоличной власти, а приказы Болдырева — приказами Деникина.

Переходим к данным, заключающимся не в показаниях Щепкина, а в найденных у него депешах.

Уже в письме от 1 мая в Московскую группу «Национального центра» Н. И. Астров пишет: «Пришло длинное письмо дяди Коки (Щепкина. — *Л. К.*), замечательно интересное и с чрезвычайно ценными сведениями, которые уже использованы... Наше командование, ознакомившись с сообщенными Вами известиями, оценивает их очень благоприятно, они раньше нас прочитали ваши известия и весьма ими довольны. Эта высокая оценка Деникиным, который первый читал донесения Щепкина, вполне соответствует той широкой организации собирания и доставки военных сведений, которую поставил «Национальный центр» в Москве».

В письме от 22 августа Щепкин сообщает: «В Петрограде наши гнезда разорены, связь потеряна». Действительно, в это время группа Вика — Штейнингера сидела уже в тюрьме. Что касается спутника Крашенинникова, названного им Василия Васильевича Мишина, то он добрался со своим миллионом до Москвы. Щепкин пишет: «Передайте Колчаку через Стокгольм: Москвин (Мишин. — *Л. К.*) прибыл с первой партией груза; остальных нет», то есть нет тех курьеров, которые должны были привезти остальные миллионы, на которые указывал Крашенинников. «Утешение, — продолжает Щепкин, — в посланцах Колчака». Этот миллион, попавший Щепкину, дал возможность Московскому центру не только усилить выдачу пособий и жалованье сотрудникам и агентам «Национального центра», как показывает цитированный выше Мартынов, но и произвести в широких размерах закупку оружия.

Сопоставляя различные данные, Чрезвычайная комиссия пришла к убеждению, что спутник Крашенинникова прибыл в Москву в начале августа. Впоследствии удалось установить, что жалованье агентам «Национального центра» было выплачено аккуратно за конец июля и за весь август. Размер выплат регулярного жалованья за две недели простирался до 80 тысяч. В то же время, то есть в начале августа, около 280 000 рублей было израсходовано Н. Н. Щепкиным на закупку оружия.

Все это, вместе взятое, а также начало продвижения Деникина дало возможность «Национальному центру» сообщить в письме от 22 августа, найденном у Щепкина, которое, вероятно, представляет подлинник того письма, которое было передано Мартыновым Макарову 23 августа для переправки Деникину: «Будет сделана попытка свергнуть иго. Это может быть недели через две. На этот случай вам надо подготовить нам помощь и указать, где ее найти и куда послать для установления связи на случай захвата нами

(Москвы) власти (не разобрано. *Л. К.*). Сообщите все технические данные для сношения по радио... Без денег работать трудно, оружие и патроны дороги».

Это явное указание на подготовку восстания, закупку оружия и патронов повторено и в донесении от 27 августа, которое упомянуто выше среди документов, взятых у Щепкина. В этом донесении уполномоченный «Национального центра» пишет: «Надо думать, что имеющиеся наши в Москве в момент переворота вполне справятся со взятием стихии в свои руки, оттого заинтересованные (см. выше письмо от 22 августа — [*Л. К.*]) спрашивают, в каком месте фронта можно будет найти подготовленную и правомочную связь с вами». Причем в распоряжении этого представителя Добровольческой армии должен находиться также излишек первосортной живой силы, который мог бы составить отряд особого назначения. Ответ требуется чрезвычайно срочно». «Ваш лозунг,— пишет Щепкин 22 августа, — должен быть: «Долой гражданскую войну», «Долой коммунистов», «Свободная торговля и частная собственность», о Советах умалчивайте».

В те дни, когда составлялось это донесение, в распоряжении «Национального центра» имелась уже некоторая военная сила, при помощи которой и предполагалось справиться со стихией, наладить сношения по радио и ждать прихода от Деникина «первосортной живой силы». В те же дни составлялись начальником военной организации Ступиным совместно со Щепкиным воззвание и приказы от имени штаба «Добровольческой армии Московского района», которые подлежали опубликованию немедленно после начала восстания, а Щепкин предполагал его, как видно из сейчас цитированного письма, недели через две после 22 августа. Воззвание заключало в себе те самые лозунги, которые указал Щепкин.

Глава военной организации Ступин, а с ним вместе и все наиболее активные лица этой организации были арестованы 19 сентября. При этом обнаружены были и подлинники указанных сейчас воззваний. Полученные при этом данные раскрыли всю подготовительную военную работу заговорщиков в Москве.

ОБЗОР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНТРРЕВОЛЮЦИОННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ПЕРИОД 1918—1919 ГОДОВ

Данными следствия, произведенного Особым отделом ВЧК, и показаниями обвиняемых установлена следующая картина возникновения и деятельности московских контрреволюционных организаций в 1918—1919 годах, поставивших себе целью свержение Советской власти путем вооруженного восстания, учреждения в

стране военной диктатуры, активного содействия Колчаку, Деникину и другим белогвардейским генералам и путем политической и материальной поддержки вооруженного вмешательства Антанты в русские дела.

Русская буржуазия и тесно связанные с ней так называемые либерально-демократические круги (преимущественно кадеты), искавшие в Февральской революции 1917 года источники укрепления своей власти, уже в июле 1917 года, после распада первого коалиционного Временного правительства, разочаровались в ходе революции. Покинувшие правительство кадеты и представители торгово-промышленного класса собираются в Москве, где положили начало объединению всех несоциалистических элементов страны. Москва, таким образом, в противовес революционному Петербургу, делается зародышем и оплотом контрреволюции. Здесь в августе 1917 года собирается первое московское «Совещание общественных деятелей», возглавляемое бывшим председателем Государственной думы М. В. Родзянко, включившее в свой состав бывших членов Думы, виднейших кадетов с Милюковым, Маклаковым и Струве во главе, цвет московского крупного капитала (Рябушинский, Четверяков, Третьяков), цензовых земцев (С. М. Леонтьев, Грузинов и Д. М. Щепкин), профессуру, представителей некоторых свободных профессий и кооперации. Совещание сразу становится в оппозицию правительству Керенского и идейно опирается на вождей старой армии (Алексеев, Брусилов, Корнилов, Каледин, Рузский). Совещание определяет и подготовляет раскол в среде Государственного совещания, созванного Керенским в Москве 12 августа, а также в образованном им осенью предпарламенте. Члены его явно сочувствуют корниловскому выступлению и ставят себе определенную цель — объединение всех элементов, не входящих в руководимые меньшевиками и эсерами Советы рабочих депутатов. Совещание имеет целью воздействовать на правительство и добиться оздоровления армии, то есть ввести в ней старую дисциплину и сделать ее послушным орудием в руках буржуазии. «Совещание общественных деятелей», вторично созванное в середине октября 1917 года, и избранный ими совет к этому времени вполне выявляют свою политическую физиономию и враждебность к социалистическим партиям.

После Октябрьской революции сильно поредевшее за отъездом целого ряда крупнейших своих деятелей на юг и лишенное возможности открыто собираться, Совещание уже не собирается, но его заменяет избранный им еще осенью 1917 года «Совет», на собраниях которого участвуют находящиеся в Москве наиболее видные члены Совещания в числе 30—40 человек. Если «Совет», таким образом, численно уступает бывшим осенью 1917 года Совещаниям, то объединенный общей ненавистью к общему врагу — Советской власти

и возглавляющей ее партии коммунистов,— он делается более сплоченным и забывает старые партийные разногласия. Входящие в его состав кадеты, промышленники [1], бывшие октябристы и деятели старого режима в феврале — марте 1918 года сходятся на трех главных пунктах: 1) борьба с Советской властью и «анархией», 2) восстановление порядка и частной собственности, 3) признание единственно приемлемой в России формой правления конституционной монархии. Об объединении в то время с социалистическими партиями еще не может быть и речи: не только эсеры и меньшевики, но и наиболее «государственно» настроенные н. с. [2] и плехановцы, правда, одинаково враждебные к Советской власти, не представляют еще материала для соглашения и взаимной работы.

Для спайки несоциалистических элементов страны государственно мыслящие люди, как они себя называют, образуют в феврале — марте 1918 года объединение всех существующих и разделяющих их идеологию организаций под названием «Правый центр»; в состав его входят: «Совет общественных деятелей», «Торгово-промышленный комитет», «Союз земельных собственников», кадеты и правая группа. Руководителями и вождями «Правого центра» являются царский министр Кривошеин и профессор Новгородцев. Одновременно с этим социалистические партии и левые кадеты, не вошедшие в СОД [3], также делают попытку сговориться между собою для выработки единой программы действий, и в итоге образуется надпартийное объединение, долженствующее включить «демократические круги русской общественности», в состав коего входят кадеты, народные социалисты, правые эсеры, группа «Единство» и правые меньшевики, — назвавшее себя «Союзом возрождения России».

Делу объединения всех антисоветских элементов препятствовало, однако, одно обстоятельство — Брестский мир и возникший в связи с ним пресловутый вопрос об ориентациях: «Союз возрождения», тяготеющий к «демократической» Антанте, остается верным союзникам без всяких оговорок; в среде же ПЦ происходит раскол, первоначально слабый, затем все усиливавшийся. Официальным поводом для него служит опасение внедрения Японии в Сибирь и в связи с этим необходимость высказаться против образования Антантой нового Восточного фронта [4] для борьбы с Гер-

---

[1] Члены «Торгово-промышленного комитета» — объединения крупных промышленников, финансистов, торговцев, финансировавшего ряд контрреволюционных организаций и белогвардейские «правительства». Многие деятели комитета весной 1918 года входили в антисоветскую организацию «Правый центр».

[2] Народные социалисты (энесы).

[3] «Совет общественных деятелей».

[4] Имелось в виду занятие Японией Дальнего Востока и Сибири, образование с помощью Антанты в районе Урала и Поволжья нового фронта для свержения Советской власти, возобновления войны с Германией.

манией. На самом же деле сперва смутно, а затем, в особенности после оккупации немцами Украины, уже гораздо откровеннее становятся надежды на сближение с Германией и ее помощь в сокрушении большевизма в Москве. Часть ПЦ определенно высказывается за германскую ориентацию; она находит идейную поддержку в Милюкове, перекрасившемся на юге в германский цвет; кадеты, шедшие и ранее на большие уступки в вопросах внутренней политики, верные «демократической» Антанте, на этот раз из ПЦ выходят. В лице виднейших своих, оставшихся в Москве, представителей они образуют в мае — июне 1918 года новое объединение, стоящее всецело на союзнической ориентации, — «Национальный центр». Большинство входивших в состав ПЦ* представителей промышленников уехало на Украину; таким образом, «Торгово-промышленный комитет» фактически вышел из ПЦ; некоторые же промышленники вместе с кадетами приняли участие в образовании «Национального центра».

Зимой 1918/19 года НЦ входит в связь с существовавшей в Москве военной белогвардейской организацией, ранее связанной с «Правым центром» и имевшей значительные разветвления в частях и учреждениях Красной Армии.

Но за всем этим в Москве остаются незначительные группы бывших политических деятелей (преимущественно меньшевиков), формально не признающие возможным вступить ни в одну из указанных организаций; тем не менее страсть хоть как-нибудь столковаться, объединиться на почве ненависти к общему врагу приводит к образованию зимой 1918/19 года особых собраний, происходящих у Е. Д. Кусковой «за чашкой чая». Собрания эти, довольно многочисленные, охотно посещаемые как виднейшими кооператорами, так и представителями всех существующих в Москве контрреволюционных организаций, имеют в виду путем обмена мнениями найти общую политическую, приемлемую для всех платформу.

Успехи Колчака на Урале и в Заволжье окрыляют московских контрреволюционеров новыми надеждами; одни, потерявшие после Германской революции (ноябрь 1918 года) всякую надежду на помощь империалистической Германии, другие, сбитые с толку противоречивыми известиями о намерениях Антанты, забыв различие своих ориентаций, жаждут вооруженного вмешательства Антанты в русские дела и в ожидании прихода Колчака забывают былые распри и заключают союз, долженствующий выяснить[1]

* В дальнейшем изложении сокращено «Совет общественных деятелей» — СОД; «Правый центр» — ПЦ; «Национальный центр» — НЦ; «Союз возрождения» — СВ; «Тактический центр» — ТЦ; «Союз земельных собственников» — СЗС; «Торгово-промышленный комитет» — ТПК.

[1] Так в тексте.

«московскую общественность» к приходу Колчака и облегчить ему образование в Москве новой власти. Таким путем в марте — апреле 1919 года создается «Тактический центр», объединяющий СОД, НЦ и СВ; образуется единый антисоветский фронт, включающий в себя все политические группировки, начиная с черносотенных зубров и кончая меньшевиками-оборонцами и правыми эсерами. Для борьбы с общим врагом все идут на взаимные уступки и соглашения: монархисты соглашаются на национальное собрание, а социалисты-соглашатели признают военную диктатуру, восстановление частной собственности на землю; и те и другие ожидают прихода в Москву генеральской диктатуры и уничтожения столь ненавистного им большевизма.

Такова общая картина возникновения московских контрреволюционных организаций 1918—1919 годов.

Отсюда перейдем к характеристике каждой организации в отдельности, их состава и характера деятельности.

«СОВЕТ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ»

ВОЗНИКНОВЕНИЕ

«Совет общественных деятелей» был выделен Московским совещанием в августе 1917 года; затем, после некоторого перерыва, «Совет» начал собираться лишь в феврале 1918 года, приглашая на заседания виднейших находящихся в Москве участников прошлогодних совещаний. В феврале — начале марта заседания его были довольно многочисленными, но количество участников стало постепенно уменьшаться. С образованием «Правого центра» деятельность «Совета» замерла, он в уменьшенном составе собирался редко, и лишь после распада ПЦ «Совет» вновь оживился.

СОСТАВ

В период февраль — март 1918 года «Совет ОД» включал в себя всех видных представителей буржуазных кругов Москвы; после отъезда Родзянко осенью 1917 года на юг председателем его стал Дмитрий Митрофанович Щепкин, заместителем его — Сергей Михайлович Леонтьев; членами совещаний тогда состояли: Владимир Иосифович Гурко, Владимир Владимирович Меллер-Закомельский, Евгений и Григорий Николаевичи Трубецкие, Сергей Дмитриевич Урусов, Иван Илларионович Шидловский, Николай Иванович Астров, Петр Бернгардович Струве, профессора: Новгородцев, Владимир Михайлович Устинов, Николай Александрович Бердяев, Сергей Андреевич Арсеньев, Валерьян Николаевич Лос-

кутов, Вячеслав Степанович Муралевич, Иосиф Богданович Мейснер, Нарожницкий, Василий Васильевич Вырубов, Виктор Николаевич Челищев, публицист Белоруссов, представитель кооперации Евдокимов, представитель «Крестьянского союза» Губонин и некоторые другие.

После принятия СОД резолюции о форме правления (конституционная монархия) из его состава вышли — Евдокимов и Губонин, а после отъезда многих на Украину и образования НЦ «Совет ОД» ко второй половине лета 1918 года определился в следующем составе: председатель Д. М. Щепкин и члены: С. М. Леонтьев (зам. председателя), В. Н. Лоскутов, С. Д. Урусов, С. И. Шидловский, С. А. Котляревский, В. М. Устинов, В. С. Муралевич, Д. Н. Каптерев, Н. А. Бердяев, В. И. Стемпковский. В феврале 1919 года в состав «Совета» вошел профессор Сергиевский. К разработке законодательных материалов и составлению разного рода записок был привлечен в качестве техника без права голоса Н. Н. Виноградский; проекты судебной реформы весной 1918 года разрабатывались В. Н. Челищевым и приглашенным в качестве технического сотрудника Ив. Ив. Шейманом, который с июля 1918 года в СОД не появлялся. На почве несогласия в ориентациях осенью ушел из «Совета общественных деятелей» С. И. Шидловский. Что касается С. А. Котляревского, то, несмотря на вхождение его в НЦ, он формально из СОД не выходил и посещал его заседания, хотя и изредка, до конца 1918 года.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОД

После образования НЦ деятельность «Совета» ограничивалась составлением различных записок и меморандумов по вопросам законодательства; актуальной работы он никакой не вел. Разработка законодательных материалов имела в виду, с одной стороны, способствовать более точному выявлению взгляда СОД по различным вопросам государственного строительства, с другой — подготовить проекты по важнейшим областям управления для пересылки их по возможности на юг или же для того, чтобы иметь под рукой на тот случай, если бы в Москве пала Советская власть. Таким образом, «Советом общественных деятелей» были составлены и заслушаны записки и проекты об избирательном праве, об автономии и федерации, о местном управлении и самоуправлении, о восстановлении деятельности судебных учреждений, о восстановлении деятельности министерств, о полиции, печати, собраниях, обществах и союзах, об управлении при оккупационном режиме. Все разработанные СОД материалы предусматривали в основе грядущей власти военную диктатуру и соответственно этому проектировали устройство местных и центральных учреждений

(назначение органов местного управления сверху и пр.). Вопросы экономические и социальные СОД не разрабатывались, так как аграрная реформа подробно обсуждалась в «Союзе земельных собственников» и было предположено, что экономическими вопросами занимается «Торгово-промышленный комитет».

Наряду с этим в заседаниях СОД происходил обмен мнений по важнейшим вопросам политической жизни, но обмен этот происходил тогда в академической плоскости, так как «Совет» никакой реальной силой и никакими реальными средствами не обладал. Таким образом, в течение лета 1918 года постоянно имели место суждения об ориентациях; затем обсуждалось чехословацкое выступление, имевшее последствием образование Самарского правительства и Уфимской директории. В сентябре 1918 года состоялось многолюдное заседание СОД с участием некоторых членов НЦ и приехавшим с юга Григорием Николаевичем Трубецким для заслушания доклада приехавшего по делам в Москву и случайно приглашенного бывшего сенатора Гагарина (советника Министерства иностранных дел на Украине) и обмена мнений по вопросам политики Скоропадского; СОД признал эту политику крайне неудовлетворительной, как слишком самостийную.

Весь конец 1918 года и первые месяцы 1919 года прошли в полном затишье в связи с крушением надежд на германское вмешательство и успехами Красной Армии на фронтах. Заседания СОД созывались редко, преимущественно для взаимной «информации», а также для заслушания докладов Д. М. Щепкина о его переговорах с Д. Н. Шиповым, касающихся соглашения с возникшим летом 1918 года «Нац. центром».

Переговоры эти, неоднократно прерывавшиеся, до февраля марта 1919 года были безрезультатны. Нужен был новый натиск на Советскую власть, внешнее давление, чтобы заставить буржуазию и соглашателей сговориться. Такими факторами явились радиотелеграмма Антанты о конференции на Принцевых островах [1] и наступление Колчака весной 1919 года (март месяц), которые оживили деятельность «Совета». К тому времени относится образование «Тактического центра», в который вошел СОД и делегировал туда двух своих представителей Д. М. Щепкина и С. М. Леонтьева.

С развитием деятельности ТЦ оживились и собрания «Совета», на которых обсуждались вопросы, внесенные на его предварительное заключение. К таковым относится, во-первых, самое образование ТЦ и соглашение с другими вошедшими в его состав группами (НЦ и СВ), затем обсуждение декларации о признании Колчака

---

[1] О конференции на Принцевых островах см. настоящее издание, том. 1, с. 41 42.

«верховным правителем» (решено «Советом ОД» в утвердительном смысле); далее -- выработка декларации по основным вопросам государственного строительства, для выявления отношения московских политических групп к методам управления Колчака, составление записок о современном состоянии Советской России для отсылки их за границу и, наконец, обсуждение (поставленного в июне 1919 года С. М. Леонтьевым) вопроса о вооруженном выступлении в Москве. На обсуждение СОД был поставлен вопрос о принципиальном отношении к вооруженному восстанию, не касаясь вовсе ни технической стороны дела, ни сил, которые могли бы предпринять его. «Совет общественных деятелей» высказался в том смысле, что всякие разрозненные действия вредны и такое выступление могло бы быть предпринято лишь в условиях приближения Колчака и Деникина к Москве и по соглашению с ними.

ЗАРУБЕЖНЫЕ СНОШЕНИЯ СОД [1]

СОД поддерживал связи с зарубежными контрреволюционными организациями. Отвечающее ему идейно за рубежом «Государственное объединение»[2] на юге, руководимое Кривошеиным, и «Государственное объединение Сибири» являлись наряду с «Нац. центром» Юга и Сибири политической базой «верховного правителя» Колчака и главнокомандующего «вооруженными силами Юга России» Деникина.

В марте – апреле 1919 года в «Совет общественных деятелей» явились: член «Совета общественных деятелей» Егор Яковлевич Азаревич (Назаров, пензенский земец), приехавший от «Государственного объединения» Сибири и «верховного правителя» Колчака, и полковник Хартулари — один из главных деятелей деникинской контрразведки. Указанные лица были представлены «Совету общественных деятелей» Леонтьевым. Они сделали информационные доклады о военном и политическом положении в Сибири и на Юге. Упомянутые лица состояли также в связи с НЦ и ТЦ. Таким образом, вся информация СОД шла через Леонтьева, отмечавшего политические события, новости и факты, иногда без указания источников их получения; кроме того, с информацией обыкновенно выступал Л. Л. Кисловский, глава монархической подпольной организации, не состоявший в то время членом СОД, но посещавший большинство его заседаний для поддержания связи.

---

[1] «Зарубежный», «за рубежом» здесь и далее в книге означает находящийся по ту сторону фронта, на территории, занятой белыми. Наряду с этими употребляется термин «за границей», то есть за пределами границ бывшего Российского государства, в других странах.

[2] См. примечание на с. 41.

ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ЧЛЕНОВ СОД

Наиболее активными членами СОД являются: Д. М. Щепкин, С. М. Леонтьев. Они руководили «Советом», являясь его председателями после отъезда из Москвы Третьякова. Оба они делегируются СОД в другие организации, как, например, «Тактический центр» и другие. Оба они персонально посещают так называемый клуб Кусковой и Прокоповича. Они как будто олицетворяют собою целое политическое течение. Они ведут переговоры с прочими политическими группами, являются представителями в военных объединениях. Д. М. Щепкин ведет переговоры преимущественно тактического свойства, С. М. Леонтьев, входивший в военную комиссию при ТЦ (см. ниже), ведет наиболее активную деятельность по военному заговору. Человек властный, он подчиняет своему влиянию не только своих политических единомышленников и друзей, но и политических противников, распространяя это влияние даже на «социалистов» из «Союза возрождения» (см. показания С. А. Котляревского). У Леонтьева же на квартире происходили заседания СОД, за исключением двух раз, когда они собрались у Стемпковского, Бердяева и Урусова. Несколько раз у него на квартире происходили заседания «Тактического центра».

Одним из наиболее активных членов СОД в 1918 году является С. Д. Урусов, входивший в ПЦ, принимавший участие в переговорах с германскими представителями в Москве. В 1919 году после тюремного заключения и болезни С. Д. Урусов проявляет несколько меньше активности и реже посещает заседания СОД. Урусов составил проект финансовой реформы.

Профессор Бердяев считался идеологом СОД, давал философски-религиозное обоснование монархических принципов и соответствующего государственного строя.

Елизавета Ивановна Малеина, переписчица в Плодовощи[1], членом правления коего состоял С. М. Леонтьев, исполняла техническую работу, переписывала на машинке все материалы, касающиеся СОД и «Правого центра», расшифровывала секретные донесения из-за рубежа, письма шпионов Юденича и пр.; получала за это особую плату.

В. И. Стемпковский входил в состав «Совета» как представитель «Союза земледельцев», принял участие в работах «Совета» с весны 1918 года, разрабатывая вопросы, касающиеся аграрной реформы. Профессора Сергиевский, Муралевич и Устинов разработали вопросы школы. Устинову, кроме того, было поручено

---

[1] Плодовощ — Центральное кооперативное товарищество плодоводов и огородников.

составление политической программы «Совета общественных деятелей»; Н. Н. Виноградский и И. И. Шейман членами «Совета общественных деятелей» не состояли. Оба они по своей специальности привлекались СОД для обсуждения и составления докладов общей программы: Н. Н. Виноградский - по вопросам местного управления и И. И. Шейман - по вопросам суда. Лоскутов и Каптерев принимали участие в обсуждении и составлении разных проектов по вопросам программы.

«СОЮЗ ЗЕМЕЛЬНЫХ СОБСТВЕННИКОВ»

Второй организацией, вошедшей в состав общего антисоветского фронта, был «Союз земельных собственников».

СЗС возник еще при Временном правительстве и имел своей задачей объединить не только крупных и средних помещиков, но и мелких собственников на почве борьбы с аграрными мероприятиями Временного правительства. Представляя собою организацию для защиты притязаний крупных аграриев на их поместья, СЗС не привлек большого числа мелких собственников и оказался лишь представительством помещиков черносотенного оттенка. Если в «союзе» и намечалось некоторое более умеренное течение, то рядовые деятели, преимущественно провинциальные делегаты, составляли крепко сплоченную правую группу.

Работа СЗС после Октябрьской революции заключалась в разработке проектов восстановления частного землевладения и возмещения помещикам убытков, причиненных им революцией. Во главе СЗС стоял А. В. Кривошеин, видными членами его были В. И. Гурко и И. Б. Мейснер, затем - М. Д. Ершов, Л. Л. Кисловский, В. И. Стемпковский и С. Д. Урусов. В него входил также Александр Павлович Морозов. СЗС входил в состав ПЦ. В конце лета 1918 года он прекратил свое существование.

«ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННЫЙ КОМИТЕТ»

ОБРАЗОВАНИЕ КОМИТЕТА

Образование «Торгово-промышленного комитета» относится к периоду Временного правительства. Московская крупная буржуазия в страхе перед нарождавшейся пролетарской революцией решила сорганизоваться для защиты своих интересов. Официальным мотивом образования комитета явилась необходимость «представительствовать» в нарождающихся общественных организациях и правительственных учреждениях, но, как будет видно из дальнейшего, московская буржуазия объединилась исключительно

в профессиональных целях, для отстаивания своих фабрик, заводов и капиталов.

СОСТАВ КОМИТЕТА

Московский «Торгово-промышленный комитет» в 1918 году объединил все крупные отрасли промышленности Центральной России и оптовой торговли Московского района:

Союз хлопчатобумажной промышленности,
Союз шерстянников,
Союз льнянщиков,
Союз шелковых фабрикантов (Н. Н. Кукин),
Союз объединенной промышленности (С. А. Морозов),
Общество металлистов,
Общество заводчиков и фабрикантов,
Оптовых торговцев (П. А. Бурышкин).

Кроме того, в состав его входили представители розничной торговли, хлебной и других бирж и принимали участие, как специалисты по финансовым вопросам, бывшие банковские деятели.

Председателем комитета состоял С. Н. Третьяков и заместителем его Н. Н. Кукин. После отъезда С. Н. Третьякова на Украину и в отсутствие Кукина в комитете председательствовал С. А. Морозов.

Заседания комитета происходили летом 1919 года в доме Купеческого общества на Солянке, в кв. 27, где находился «Торгово-промышленный союз».

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИТЕТА

Работа «Торгово-промышленного комитета» в период 1918—1919 годов представляет крупный интерес с точки зрения закулисной борьбы московской буржуазии с Советской властью, и есть полное основание утверждать, что работа эта была крайне разносторонней.

Достаточно указать, что еще в середине 1918 года представители комитета внедрились в Московский районный экономический комитет, в учетные комитеты при Государственном банке, позднее — в Центротекстиль [1]; они действовали по указке «Торгово-промышленного комитета», собирались для выработки единообразного плана действий.

Несомненно то, что крупная буржуазия в 1918—1919 годах подготовлялась к захвату принадлежавших ей ранее фабрик и заводов после падения Советской власти, несомненно также и то,

---

[1] Центротекстиль — Главное управление текстильной промышленности ВСНХ.

что ею прилагались все усилия, чтобы от этих фабрик не уйти в период их национализации. Представители «Торгово-промышленного комитета» входили в Центротекстиль и другие советские учреждения якобы для совместной работы. Действительной же их целью было всячески вредить мероприятиям Советской власти. Летом 1918 года «Торгово-промышленный комитет» избрал 5 человек (Кукин, Невядомский, Чемберс, Бурышкин и С. А. Морозов) для ведения переговоров с немецким представительством в Москве, с одной стороны, и союзниками — с другой. Кукин, Чемберс и Невядомский имели сношения с консулами Антанты, находившимися еще в Москве, относительно того плана действий, которого союзники намерены держаться по отношению к России. Причем выяснилось, что союзники решили поддерживать чехословацкое движение, высадить войска на севере и восстановить Восточный фронт. С. И. Третьяков вел переговоры с немецким посольством в Москве.

Крупная буржуазия не могла оставаться чуждой тому контрреволюционному движению, которое конечною целью имело восстановление буржуазно-помещичьей власти. Представители торгово-промышленного и финансового мира поддерживали связь с политическими группами под видом технической экспертизы, направляли их контрреволюционную деятельность в экономической и финансовой областях и поддерживали белые организации материальными средствами. Деятельность «Торгово-промышленного комитета» в контрреволюционных организациях несколько тормозилась тем, что члены его политически связывали себя с одной из враждовавших в Европе империалистических коалиций. Московский же крупный капитал расценивал ориентации исключительно с точки зрения собственной выгоды и, неуверенный в исходе европейской борьбы и ее последствий, колебался. Таким образом, «Торгово-промышленный комитет» весною 1918 года входит в «Правый центр», объединявший все «несоциалистические элементы страны», и делегирует для постоянного в нем участия С. А. Морозова, П. А. Бурышкина и А. М. Невядомского.

С другой стороны, активный представитель «Торгово-промышленного комитета» Червен-Водали в 1918 году принимает деятельное участие в образовании «Нац. центра» и представляет ему целую программу экономических мероприятий представительства Деникина на юге, куда он вскоре уезжает. К обсуждению этой программы в «Нац. центре» привлекаются представители «Торгово-промышленного комитета» — С. А. Морозов и С. И. Четвериков.

Весною же 1919 года с оживлением контрреволюционного лагеря С. А. Морозов появляется в «Совете общественных деятелей» и принимает участие в его заседаниях.

Что же касается материальной помощи московским контрреволюционерам, то установлено, что «Торгово-промышленный комитет» в 1918 году субсидировал «Правый центр». С. А. Морозов летом 1919 года передал С. М. Леонтьеву 90 000 рублей и в конце лета того же года Д. М. Щепкину — 100 000 рублей на организационные расходы «Совета общественных деятелей».

«ПРАВЫЙ ЦЕНТР»

ОБРАЗОВАНИЕ

Образование ПЦ относится, как уже было указано, к марту месяцу 1918 года. Он объединил в себе все несоциалистические организации Москвы в противовес нарождающемуся тогда сближению социалистических партий, которое не состоялось, но имело последствием учреждение «Союза возрождения». Основной целью образования ПЦ было сплотить русскую буржуазию и ее приспешников, дабы после ожидаемого падения рабоче-крестьянского правительства не допустить захвата власти социалистическими партиями даже самого соглашательского и умеренного оттенка, к которым ПЦ относился весьма враждебно.

СОСТАВ ПЦ

В «Правый центр» вошли следующие организации: 1) «Совет общественных деятелей» в лице Д. М. Щепкина, С. М. Леонтьева, Белевского (он же Белоруссов), С. Д. Урусова, кадетская партия в лице профессора Новгородцева, Н. И. Астрова, Степанова, Червен-Водали; 3) «Торгово-промышленный комитет» в лице С. А. Морозова, И. А. Бурышкина, А. М. Невядомского и М. М. Федорова; 4) «Союз земельных собственников» — А. В. Кривошеин, М. А. Ершов (ныне умерший), В. И. Гурко, И. Б. Мейснер (последний в конце лета 1918 года уехал на Украину и по возвращении в Москву в 1919 году связи с контрреволюционными организациями не поддерживал). Персонально в «Правом центре» участвовали Струве и бывшие князья Григорий и Евгений Николаевичи Трубецкие. От крайних правых входили Л. Л. Кисловский и Рогович (бывший обер-прокурор Синода).

Председателем ПЦ состоял профессор Новгородцев и отчасти А. В. Кривошеин, игравший в нем вместе с В. И. Гурко и С. М. Леонтьевым доминирующую роль.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЦ

Главным вопросом, вокруг которого сосредоточилась работа «Правого центра», был вопрос о восстановлении Восточного фронта.

Представители Антанты в России и вся плеяда их шпионов прилагали все усилия к тому, чтобы создать благоприятные отношения «русских широких общественных и деловых кругов» к их плану продолжения войны с Германией на территории России с привлечением к этой борьбе разных военных групп, находившихся на этой территории,— чехословаков, польских легионов, разных добровольческих отрядов. Отрицательное отношение к этому плану Антанты и объединило вышеуказанные группы в «Правом центре». В то время (весна и лето 1918 года) в торгово-промышленных кругах происходила деятельная подготовка «общественного мнения» к необходимости отказаться от связывавших Россию обязательств исключительно с государствами Согласия [1] и к необходимости, усвоив политику «свободных рук», договориться с Германией, заинтересованной в дружественном отношении к ней России.

Германофильский «Правый центр», считавший возможным в случае вступления в переговоры с немцами добиться пересмотра Брест-Литовского договора, вступил летом 1918 года в переговоры с представителями германского посольства в Москве о возможности оккупации Центральной России, свержения Советской власти и образования дружественного Германии правительства.

Если переговоры эти не привели к определенным результатам, если германские империалисты летом 1918 года не обрушились на Москву, то произошло это исключительно под влиянием колебания немецкой политики. Поэтому наряду с указаниями о возможной военной помощи Германии, в случае активного выступления русских контрреволюционеров в Москве, наряду с уклончивыми ответами на поставленные немцам вопросы о возможности и условиях пересмотра Брестского договора германский представитель Рицлер высказывался против оккупации Центральной России и обмолвился крылатой фразой: «Этого спектакля мы русской буржуазии не дадим». Несомненно, «Правый центр» к этому спектаклю готовился и делал заранее соответствующие выводы, так как разработал записку о взаимоотношениях новых русских властей с германским командованием в период оккупации. Из данных следствия также усматривается, что составленные в СОД записки по вопросам правления и самоуправления были направлены «Правым центром» на юг в штаб Алексеева при посредстве при-

---

[1] Государства Антанты.

ехавшего в Москву начальника гражданской канцелярии Алексеева-Ладыженского.

Представители ПЦ в указанный выше период вели переговоры с представителями Антанты в Москве и Петербурге, причем с представителями Франции от имени «Правого центра» говорили В. И. Гурко и Е. Н. Трубецкой. Представитель французского правительства предлагал «Правому центру» через Е. Н. Трубецкого известную сумму денег, причем принятие этих денег было связано с необходимостью согласовать политику «Правого центра» с политикой Антанты.

«Правый центр» поддерживал регулярные сношения с зарубежными контрреволюционными группами и содействовал им в смысле сообщения сведений шпионского характера. На одном из заседаний ПЦ присутствовал бывший товарищ министра иностранных дел Украины Гагарин, который предложил «Правому центру» войти в сношение с немецким командованием на Украине.

«Правый центр» содержался на денежные средства, предоставлявшиеся в его распоряжение «Торгово-промышленным комитетом» при участии А. М. Невядомского. Откровенная германофильская ориентация «Правого центра» привела к выходу из его состава кадетов (конференция которых в мае 1918 года высказалась против каких-либо сношений с Германией), а также представителей «Торгово-промышленного комитета». (Так, М. М. Федоров и А. Червен-Водали, представлявшие в «Правом центре» русскую промышленность, были членами кадетской партии.) После выхода кадетов и упомянутых представителей «Торгово-промышленного комитета» «Правый центр» еще не распался, так как в это время в его состав вступили представители землевладельцев и новые представители «Торгово-промышленного комитета» И. А. Бурышкин, С. А. Морозов, Чемберс, Невядомский, Кукин. «Правый центр», таким образом, просуществовал до осени 1918 года и распался, вследствие отъезда из Москвы на юг многих его видных деятелей. Оставшиеся же деятели приняли участие в антисоветской работе в иных белых организациях.

«СОЮЗ ВОЗРОЖДЕНИЯ»

ОБРАЗОВАНИЕ

После Октябрьской революции так называемые социалистические партии, враждебные коммунистическому строю, работали открыто, имея свою партийную печать; открыто же работали их организации во главе с партийными центральными комитетами. Когда же эта возможность была у них отнята и надежды их на быстрое сокрушение Советской власти не оправдались, в среде

их возникает мысль о междупартийном объединении для общей борьбы с рабоче-крестьянским правительством. Таким образом, в мае 1918 года возникает «Союз возрождения», ставящий себе основной целью: а) вооруженное свержение Советской власти и учреждение вместо нее диктаториальной власти единоличного характера с последующим созывом Учредительного или Национального собрания; б) восстановление частной собственности; в) непризнание Брестского договора; г) создание при содействии союзников нового фронта для борьбы с немцами и д) создание новой армии, куда СВ призывал всех нежелавших примириться с «немецким ярмом». Задачей «Союза возрождения» было создать широкое национальное противосоветское движение.

СОСТАВ СВ *

«Союз возрождения» основан представителями трех политических партий: кадетов, эсеров и энесов. Учредители его — Н. И. Астров, Н. Н. Щепкин, Н. М. Кишкин, Д. И. Шаховской (кадеты), Чайковский, Титов, Мякотин и Пешехонов (народные социалисты), Авксентьев, Аргунов и Бунаков (эсеры). В образовании его деятельное участие принимал С. П. Мельгунов; председателем «Союза» состоял Мякотин, а после его отъезда на юг лидерами СВ сделались Н. Н. Щепкин и С. П. Мельгунов. Затем в СВ последовательно вступают в мае — июне 1918 года Волк-Карачевский и Филатьев (народные социалисты), Левицкий-Цедербаум (социал-демократ), А. В. Бородулин (группа «Единство»). В июне 1918 года в «Союз» вступили эсеры Кондратьев, С. Л. Маслов и несколько позднее — С. А. Студенецкий. В СВ входит Алексинский, а в Петроградскую группу СВ — А. Н. Потресов и В. Н. Розанов (социал-демократы меньшевики). Из указанных лиц эсеры вошли в СВ с ведома своего ЦК, кадеты — с ведома и санкции ЦК партии кадетов; а народные социалисты — по постановлению Центрального Комитета народно-трудовой социалистической партии.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СВ

Летом 1918 года деятельность СВ протекала в тесном и постоянном контакте с НЦ (см. главу о НЦ), они устраивали совместные заседания. Лишь осенью совместные заседания прекратились, но тесная связь поддерживалась участием в обеих группах одних и тех же лиц (Н. Н. Щепкина, Н. И. Астрова). Во второй половине лета Мякотин, Титов, Пешехонов и Чайковский уезжа-

* Деятельность «Союза возрождения» изложена здесь на основании следственных материалов, заполученных ВЧК в 1919 году, поэтому ясно, что обзор весьма не полон. Происходящий сейчас процесс партии с.-р. дает теперь огромный свежий материал, которым ВЧК в 1919 году еще не располагала.

ют. Первые трое образуют СВ на юге, а последний — становится во главе Северного белогвардейского правительства [1] в Архангельске.

После отъезда этих лиц и ареста в 1918 году Мельгунова деятельность СВ в Москве осенью несколько затихает, но она оживает, подобно другим организациям, в начале 1919 года.

Еще летом 1918 года «Союз возрождения» посылает своих представителей в Сибирь, где, по словам Мельгунова, около Сибирской областной думы [2] создается государственное патриотическое настроение. По его же словам, в Москве в это время был намечен и персональный состав директории как новой государственной власти, причем «Союзом» была выработана форма создания директории. Деятельность СВ проявлялась, по мягким выражениям некоторых членов «Союза», «во взаимной информации и выявлении общих точек зрения», то есть попросту в собирании сведений о продвижениях белых армий, о положении внутри страны, о настроении в советских кругах и в обсуждении необходимых мероприятий для скорейшего сокрушения ненавистной Советской власти. «Союзом возрождения» обсуждались следующие вопросы: а) отношение к Уфимской директории, б) аграрный вопрос, в) рабочий и промышленный вопросы, г) финансы страны, д) отношение к интервенции.

По показанию Кондратьева-Китаева, СВ принимал интервенцию в той или иной форме как нечто неизбежное и стремился поставить ее в определенные рамки при условии, что она будет носить форму помощи русским контрреволюционным силам на определенно договоренных пунктах, охраняющих целость, суверенность и независимость России. Союз принимал меры к пре-

---

[1] Речь идет об антисоветском правительстве — «Верховном управлении Северной области», созданном 2 августа 1918 года в Архангельске при поддержке стран Антанты. В него входили представители эсеров, энесов, кадетов. Председателем «верховного управления» стал народный социалист Н. В. Чайковский. Оно предложило союзникам высадить в Архангельске десант, отменило декреты Советской власти, распустило советские учреждения, восстановило частную собственность на фабрики, заводы, банки, торговые суда, а также частную торговлю, ввело военные суды и смертную казнь, начало формирование «славяно-британского легиона», влившегося в белогвардейскую армию. В конце сентября вместо «верховного управления» было образовано «Временное правительство Северной области» во главе с Чайковским.

[2] Сибирская областная дума — антисоветская организация, образованная эсерами, меньшевиками, представителями сибирской буржуазии и мелкобуржуазной интеллигенции в декабре 1917 года на Чрезвычайном общесибирском областном съезде с целью борьбы против Советской власти. 26 января 1918 года Томский Совет рабочих и солдатских депутатов по предписанию Центросибири распустил Сибирскую областную думу и ответственный перед нею Сибирский областной Совет, арестовал часть их членов. Сибирская областная дума возобновила легальную деятельность после захвата Томска белочехами и белогвардейцами. Упразднена в конце сентября 1918 года Уфимской директорией.

вращению своей организации в массовую организацию путем массовой пропаганды. По вопросу об отношении к окраинным движениям СВ было признано, что окраинные движения являются прогрессивными и приемлемыми, если они пойдут под лозунгом «демократии» и будут близки платформе «Союза».

С момента же вхождения в «Тактический центр» (апрель 1919 года) СВ обсуждает все те же вопросы, что и СОД и НЦ, и выносит аналогичные с ними решения. Связанная с московским СВ южная группа, руководимая вождем «Союза» Мякотиным, не только признала власть Деникина, но и открыто разделяла с ним ответственность за массовые убийства им рабочих и крестьян; вместе с Кривошеиным и Федоровым Мякотин подписывал и опубликовывал воззвания, приветствующие Деникина, признавшего власть «верховного правителя» Колчака.

Вступлением в Москве в ТЦ и принятием общей с монархистами СОД и кадетами платформы, признающей власть «верховного правителя» Колчака как Российскую общегосударственную власть, и СВ определенно поставил себя в необходимость военной диктатуры после свержения Советской власти; вместе с ними же СВ обсудил весною 1919 года письмо князя Г. Е. Львова и А. Ф. Керенского из Парижа, порицавших «слишком» реакционный режим Деникина, с ними же он протестовал против активного вмешательства в русские, то есть в деникинские, дела парижских эмигрантов, как оторванных от действительных условий русской жизни (подробности об этом изложены далее в главе о ТЦ). Своим вхождением в ТЦ «Союз возрождения», осведомленный о его мероприятиях через своих представителей Н. Н. Щепкина и С. П. Мельгунова, несет ответственность за деятельность ТЦ и избранной им военной комиссии, руководившей военным заговором в Москве. Через Щепкина и Мельгунова «Союз возрождения» был осведомлен о переговорах «Тактического центра» с представителем английской контрразведки Полем Дюксом [1] и обсуждал предложение последнего о денежной помощи контрреволюционным организациям в Москве.

ЗАРУБЕЖНЫЕ СНОШЕНИЯ СВ

Зарубежные сношения СВ происходили главным образом через Н. Н. Щепкина, в руках которого преимущественно были сосредоточены все сношения с белогвардейцами и Антантой, вся

[1] Поль Дюкс — резидент английской секретной службы «Интеллидженс сервис» (клички — Павел Павлович, Шеф), организатор шпионской и военно-заговорщической группы в Петрограде и в штабе 7-й армии, оборонявшей Петроград. Поддерживал связь с петроградскими и московскими отделениями «Национального центра», частично финансировал их деятельность. Выехал из России незадолго до ареста членов петроградского отделения НЦ.

организация шпионажа. При этих условиях наличие особого технического аппарата для сношений представлялось излишним, так как СВ мог пользоваться курьерами НЦ, которые, таким образом, являлись совместной агентурой обеих организаций. От Н. Н. Щепкина СВ в заседаниях своих получал всю необходимую ему информацию.

Связь СВ с Югом, помимо этого, подтверждается обнаружением у С. П. Мельгунова протоколов заседаний белогвардейских организаций на юге, происходивших в марте 1919 года. Мельгунов получил летом 1919 года сведения и материалы от представителя южной организации С. В. Титова через деникинского шпиона ротмистра Донина, приехавшего для союза с «Тактическим центром» и явившегося специально к Мельгунову. Сношения с Западной Европой организованы были С. П. Мельгуновым. На происходившем в феврале у С. Н. Прокоповича совещании бывших министров Временного правительства Мельгуновым было заявлено, что постановление этого совещания по поводу конференции на Принцевых островах могло бы быть отправлено за границу Аксельродом. Принятая же весною 1919 года «Тактическим центром» записка Мельгунова о положении в Советской России тогда же была отправлена тем же Мельгуновым в Париж через Аксельрода. С юга «Союз возрождения» получал информации через члена партии В. Б. Станкевича.

ПЕТЕРБУРГСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СВ

Вскоре после образования СВ в Москве возникает и его петербургская группа (по показанию В. Н. Розанова — местная организация СВ для Петербурга и его области, фактически не распространившая своей деятельности за Петербург).

ОБРАЗОВАНИЕ И СОСТАВ

Точно так же, как и в Москве, начало петербургской группе СВ дают кадеты в лице П. В. Герасимова и К. К. Черносвитова. Последнего после ареста заменил Штейнингер, глава петербургской организации НЦ. И, таким образом, в Петербурге, как и в Москве, посредством личной переписки устанавливается теснейшая связь между обеими организациями.

В петербургскую группу СВ входят представители эсеров, энесов и меньшевиков, делегированные местными партийными комитетами; таким образом, в СВ участвуют от меньшевиков — А. Н. Потресов и В. Н. Розанов, от народных социалистов — Я. И. Душечкин, умерший в тюрьме, от эсеров — Левин и Бас (не разысканы).

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Состоя официально подчиненной главенствующей Московской организации СВ, петербургская группа СВ непосредственного контакта с другими контрреволюционными объединениями, за исключением НЦ, не имела, а сносилась непосредственно с Москвой, для чего несколько раз туда приезжали из Петербурга В. Н. Розанов и Потресов «для взаимной информации», то есть попросту для получения директив центра. Штейнингер в Петербурге играл роль Н. Н. Щепкина, состоя одновременно в обеих организациях. Практически деятельность петербургского СВ аналогична работе многих контрреволюционных организаций 1918—1919 годов, и она заключалась в подготовительных к свержению советского строя действиях, в подготовке всех вытекающих из переворота мероприятий. В частности, СВ выяснил возможность возобновления деятельности «демократической» городской думы после прихода Юденича и реставрации избранной этой думой городской управы.

Заседания СВ происходили на квартирах Волк-Карачевского и Мельгунова.

ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЛЕНОВ СВ

Центральными фигурами Московской организации СВ являются Н. Н. Щепкин и С. П. Мельгунов. Оставляем пока в стороне характеристику Щепкина. Что касается Мельгунова, то он, по его собственным словам, состоял идейным руководителем СВ в Москве, принявшим руководство после отъезда Пешехонова; непримиримый враг советского строя, чающий и сейчас скорого его падения (собственное его показание), человек чрезвычайно активный и деспотически настроенный, он не ограничивает своей контрреволюционной деятельности СВ, а делегируется им в «Тактический центр» и берет на себя и лично, и в качестве главы кооперативного издательства «Задруга»[1] целый ряд ответственных заданий. Таковы отправка документов за границу, составление указателя имен коммунистов, контрреволюционного сборника, субсидируемого для этого НЦ (подробности об этом далее).

Наиболее активным после Мельгунова представляется А. В. Бородулин (представитель «Единства» в СВ), заместитель его в ТЦ и принимавший участие в военной комиссии.

Из остальных оставшихся в Москве и арестованных членов СВ — Левицкий-Цедербаум; принимал участие во всех его заседаниях и информировал «Союз» о настроениях рабочих, о поло-

[1] «Задруга» — кооперативное издательство, созданное буржуазным историком кадетом С. П. Мельгуновым.

жении в меньшевистских кругах. Кондратьев-Китаев принимал участие в заседаниях СВ и информировал его о настроениях в эсеровских и кооперативных кругах. С. Л. Маслов, С. А. Студенецкий, Филатьев принимали участие в работе «Союза» и наряду со всеми вышеуказанными членами «Союза» были в курсе всех дел СВ и его связей с родственными организациями страны, а также были точно осведомлены о положении его представителей (Щепкина, Бородулина и Мельгунова) в «Тактическом центре» и военной комиссии, возглавлявшей военный заговор против Советской власти в Москве, и об их связи с антантовским шпионажем. Все они воспринимали и разделяли политическую платформу СВ.

В петербургской группе СВ центральными фигурами являются Петр Васильевич Герасимов и Штейнингер (оба кадеты), причем ныне следствием выяснено, что первый в сентябре 1919 года расстрелян под фамилией Грекова. Затем видным и активным членом, несомненно, представляется В. Н. Розанов, привлеченный в августе 1919 года. На его квартире происходили заседания СВ в Петербурге, он же исполнял отдельные поручения «Союза» и ездил в Москву для поддержания связи с центром.

Потресов тоже принимал участие в работе СВ и был в курсе всех его дел и связей.

«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ЦЕНТР»

ОБРАЗОВАНИЕ ЦЕНТРА

Образование НЦ относится к маю—июню 1918 года. Непосредственным поводом возникновения его следует признать выход кадетов из состава «Правого центра» и СОД на почве несогласия с германской ориентацией последних. Таким образом, группа лиц, стоявших на точке зрения недопустимости какого бы то ни было сближения с немцами и, наоборот, считавших необходимым образование нового Восточного фронта, решили образовать новое политическое объединение, безусловно, верное Антанте, хотя в Москве такое объединение уже существовало в лице «Союза возрождения», в котором имелись даже некоторые кадеты. Было признано, однако, необходимым создать новую организацию, так как в «Союзе возрождения» значение имели социалисты, с которыми нельзя было сговориться по всем вопросам; в СВ к тому же входили кадеты несколько менее черносотенного толка, и, таким образом, для более правых элементов союзнической ориентации там не было места. Это не помешало, однако, некоторым лицам (Н. Н. Щепкин и Н. И. Астров) входить одновременно в обе организации. Более того, летом 1918 года, в период существования германофильского «Правого центра», обе организации, относив-

шиеся к нему определенно враждебно, были между собой чрезвычайно близки, действовали часто сообща, имели совместные заседания и, преследуя общие задачи, предполагали лишь осуществлять их в различной среде.

Осенью 1918 года эта связь ослабла и совместные заседания заменялись одновременным участием отдельных лиц в обеих организациях.

СОСТАВ НЦ

НЦ объединил в себе представителей всех несоциалистических политических партий, кроме крайних правых (монархическая организация Кисловского), и представителей всех течений, групп, отброшенных в сторону Октябрьской революцией (представители старообрядческих общин, пров. Онуфриев, некоторые члены церковного собора, «Торгово-промышленного комитета», земских и городских нереволюционных учреждений, кооперативных учреждений и др.) — см.: «Декларация «Национального центра», подписанная Мих. Федоровым, Котляревским и другими.

Персональный состав руководящего ядра «Национального центра», так называемого «Главного правления НЦ», находившегося в Москве (см. декларацию Федорова), определился следующим образом:

Во главе стоял Дмитрий Николаевич Шипов, занимавший в нем пост председателя вплоть до своего ареста (начало 1919 года), после чего председателем НЦ делается Н. Н. Щепкин; затем лидерами НЦ являются также его основатели и вдохновители Николай Иванович Астров, Степанов, Петр Бернгардович Струве и М. М. Федоров. Тогда же в «Национальный центр» вошли Червен-Водали, В. Н. Челищев, Карташев (видный кадет), Осип Петрович Герасимов, профессор Сергей Андреевич Котляревский, Огородников (кадеты), профессор Валериан Николаевич Муравьев, Николай Константинович Кольцов, Онуфриев (видный представитель старообрядчества), несколько позже (конец 1918 года и начало 1919 года) в состав «Национального центра» вошли бывший князь Сергей Евгеньевич Трубецкой и Михаил Соломонович Фельдштейн. Близкое участие в деятельности НЦ принимали Александр Григорьевич Хрущев и Четвериков.

Выработанная «Национальным центром» программа заключала в себе следующие основные пункты: а) свержение Советской власти и восстановление единой и неделимой России, б) учреждение единоличной диктатуры с чрезвычайными полномочиями в тесной связи с Добровольческой армией. Эта власть должна осуществлять свои задачи в границах устанавливаемого ею законодательного порядка, по нормам, ею самою определяемым. Эта власть в помощь себе образует правительство из лиц, пользую-

щихся общественным доверием «по строго деловому принципу», главнейшей задачей власти является установление в стране твердого порядка и подавление и искоренение большевистской анархии.

Следующими, не менее важными задачами «Национального центра» являлись продолжение войны с Германией и создание нового Восточного фронта в тесной связи с союзниками, охранение верности к которым НЦ ставил во главу своей работы, а также всемерная поддержка Добровольческой армии.

В течение первого полугодия своего существования «Национальный центр» поддерживает самую тесную связь с Добровольческой армией Алексеева и других белогвардейских генералов, а также со своими местными комитетами в Советской России на юге, на Кавказе и в Сибири. «Национальный центр», само собой разумеется, все время находился в самом близком контакте с представителем Антанты в Москве и Петрограде. «Национальный центр» с самого начала своего зарождения вступает в сношение с «Союзом возрождения», «объединением государственно мыслящих социалистических партий» для достижения общих целей — борьбы с Германией и большевизмом и воссоздания единой, неделимой России (см. материалы М. М. Федорова). «Национальный центр» и «Союз возрождения» поддерживают Добровольческую армию и находятся для этой цели в постоянных сношениях с представителями союзников, совместно с которыми и вырабатываются планы удушения Советской власти, считавшихся ими тайным союзником [1] и создания Восточного фронта при поддержке войск союзников, занявших Архангельск, чехословаков, сибирских белогвардейцев и донских и кубанских белых генералов. «Национальным центром» и «Союзом возрождения» с одобрения союзников «намечается» Всероссийское правительство с главою Добрармии генералом Алексеевым во главе. Это правительство, по словам Федорова, должно было находиться за линией фронта.

В это время «Национальный центр» значительную часть своей работы переносит на юг, на Кубань, в сердце вотчины казачьих генералов, из которой он надеется создать колоссальную Вандею.

В целях борьбы с германофильством, «заразившим» Украину и Краснова, признано было необходимым прибрать к рукам Добровольческую армию, руководимую Алексеевым, и подчинить ее воле союзников. С этой целью во второй половине лета 1918 года командируются на Кубань Н. И. Астров, Степанов и М. М. Федоров. Там они образуют также НЦ, и с тех пор деятели его во главе с Астровым и Федоровым принимают самое деятельное участие

---

[1] Так в тексте книги.

в политической жизни Добровольческой армии сперва в качестве «политических советников», а затем — в составе и во главе деникинского правительства. С другой стороны, Федоров, считавший положение немцев и Скоропадского на Украине неустойчивым, полагает развить там политическую деятельность, дабы к моменту падения там немецкой власти захватить политическое влияние на всем Юге России.

«Национальный центр» в октябре 1918 года получает приглашение на известное совещание с представителем Антанты в Яссах [1], где в полном согласии с «Союзом возрождения» и монархическим «Советом государственного объединения России»[2], по своей идеологии и составу участников соответствующим «Совету общественных деятелей» в Москве, вырабатываются планы объединения белогвардейских армий, создания единого командования. Добрармия с ее вождем признаются ядром военного объединения России. Чрезвычайно законспирированный в Москве НЦ в октябре — ноябре 1918 года приступает в Киеве, Яссах, на Кубани к открытой деятельности, центр коего переносится в район расположения Добрармии.

Таким образом, по мысли главных руководителей НЦ, в 1918 году по мере продвижения Добровольческой армии на север автоматически распространялось бы политическое господство НЦ, и он вместе с Алексеевым и Деникиным оказался бы у власти в Москве. Политическая жизнь зарубежных белогвардейцев тесно связана с НЦ, и ни один их шаг не проходит без участия его. НЦ принимает участие в образовании Заволжской директории [3],

---

[1] Совещание, в котором участвовали представители монархических групп, «Совета государственного объединения России», «Национального центра», «Союза возрождения России», а также дипломатические и военные деятели Великобритании, Франции, США, Италии, состоялось 16—23 ноября 1918 года в Яссах, затем — по 6 января 1919 года — в Одессе. «Русская делегация» на совещании призвала Антанту немедленно ввести войска на юг России (в Одессу, Николаев), заявила о необходимости восстановления «единой и неделимой России» (в границах до 1914 года, но без Польши), организации заграничного «дипломатического представительства» белогвардейских «правительств», создания единого командования белых армий на основе Добровольческой армии Деникина. Совещанию не удалось организовать единый центр для борьбы против Советской России из-за выявившихся разногласий среди его участников.

[2] «Совет государственного объединения России» — контрреволюционная монархическая организация, образовавшаяся в Киеве в октябре 1918 года. В него входили бывшие члены Государственной думы и Государственного совета, церковные деятели, представители торгово-промышленных и финансовых кругов, некоторые видные члены «Союза земельных собственников», «Национального центра». СГОР ставил своей целью свержение Советской власти, установление в России военной диктатуры, восстановление помещичьего землевладения и т. д. Его представители входили в состав белогвардейских «правительств» в Сибири, на юге и северо-западе России. СГОР прекратил свое существование с разгромом Врангеля.

[3] Имеется в виду Уфимская директория.

деятельно участвует в различных совещаниях с союзниками в Крыму, Киеве, Одессе и т. п.

ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

Одновременно с этим НЦ предпринимается организация работ по составлению различных законопроектов или по выработке основных положений и тезисов по различным вопросам государственного строительства. Организация этих работ поручается профессору Котляревскому, который для этой цели привлекает профессоров Букшпана, Кафенгауза и Плетнева. Некоторые проекты, уже вполне разработанные, тут же отправляются на юг (ряд проектов, касающихся гражданского права и процесса, увезены летом 1918 года), другие ждут своей очереди для отправления туда же или прихода Деникина, чтобы дать его правительству готовый материал. Продовольственный вопрос разрабатывается Салазкиным, церковный — профессором Карташевым и т. д. Вопросам управления и самоуправления М. М. Федоров, инициатор этих работ, не придает значения, считая, очевидно, что они будут разрешены на месте по мере захвата Добровольческой армией советской территории и что лучше предоставить расправу с рабочими и крестьянами генералам без участия кадетов.

Если исключить эти полицейские меры, то нет, кажется, ни одной стороны государственного строительства, которая была бы оставлена без внимания. О. П. Герасимовым разработан план реорганизации народного образования, Котляревским вопросы транспортный, национальный и федеративный; профессорами-экономистами даны главные основания для разрешения проблем финансовой и экономической, а также рабочего вопроса; вопросы международные освещаются Котляревским и Муравьевым. Лишь один аграрный вопрос не ставится на обсуждение, так как Н. Н. Щепкин опасается трений и разлада с «Союзом возрождения», а это в период необходимости сосредоточения всех сил «демократии» для борьбы с коммунистами недопустимо.

НЦ поддерживает связь с «Торгово-промышленным комитетом» и тратит немало усилий на то, чтобы возможно глубже разрушить наши хозяйственные ресурсы, расшатать с трудом налаживающийся хозяйственный аппарат и ускорить окончательный распад и крушение экономической политики Советской власти. «Национальным центром», несомненно, инспирировались и поддерживались вспыхивавшие в 1918 году в стране кулацкие восстания, практиковавшиеся белогвардейскими бандами порча железных дорог, взрывы мостов, а также злобный саботаж в советских учреждениях и предприятиях во всех отраслях хозяйственной жизни, направленный к усугублению разрухи.

По признанию члена ЦК к.-д. партии (занимавшего пост председателя правления Орехово-Зуевской группы текстильных предприятий) инженера Федотова, руководители «Национального центра» — Н. Н. Щепкин, Степанов и другие — ставили ему на вид необходимость содействия приостановке фабрик и ускорению хозяйственной разрухи для того, чтобы доказать бессилие Советской власти и вызывать волнения рабочих.

Вместе с тем НЦ поддерживает всякие начинания, направленные в Москве к подрыву Советской власти, являющиеся подготовительным к моменту ее падения. По инициативе НЦ редактором «Задруги» Мельгуновым предпринимается составление указателя всех коммунистов, с обозначением их имен, революционных псевдонимов и последовательно занимаемых в Советской России должностей. Ассигнуется на эту работу 10 000 рублей. Равным образом НЦ выдает через своего председателя Мельгунова 25 000 рублей на предварительные расходы (оплату гонорара) по составлению сборника, касающегося деятельности Советской власти, печатание и издание которого отложено до «лучших времен». Равным образом НЦ в лице Н. Н. Щепкина, С. Е. Трубецкого и других из своих средств субсидировал контрреволюционеров, заключенных в московских тюрьмах, при посредстве Лидии Николаевны Хрущевой и других лиц, следствием не установленных.

СНОШЕНИЯ НЦ С АНТАНТОЙ

Сношения «Национального центра» с находящимися в Москве союзными консульствами были оживленными, и НЦ, несомненно, в 1918 году ими субсидировался весьма широко, так как в расходах на содержание военной организации и на оплату специалистов-профессоров отнюдь не стеснялся.

С отъездом иностранных консулов из Москвы непосредственные сношения НЦ с Антантой на некоторое время прерываются; сношения эти, впрочем, гораздо более тесные, устанавливаются южными представителями НЦ в лице Астрова, который время от времени информирует Н. Н. Щепкина о международном положении.

С другой стороны, НЦ через петербургскую свою организацию входит летом 1919 года в сношение с главой английской контрразведки в России Полем Дюксом (Павел Павлович Дьюкс).

Последний, постоянно проживающий в 1919 году в Петербурге, узнав в Петербурге о существовании в Москве НЦ и других контрреволюционных организаций, в июне 1919 года приезжает в Москву и при посредстве ближайшей своей помощницы по русскому шпионажу Н. В. Петровской встречается с С. М. Леонтьевым, познакомившим [его] с Н. Н. Щепкиным, как с председателем

«Тактического центра», с которым Поль Дюкс виделся несколько раз. Беседы Н. Н. Щепкина и Поля Дюкса имели в виду, во-первых, информировать последнего о положении московских контрреволюционных организаций, об их отношении к английской интервенции; кроме того, Н. Н. Щепкин просил Поля Дюкса войти от имени НЦ в сношение с русскими комитетами в Лондоне и Париже и указывал на крайне отрицательное отношение московских организаций к мысли образования будущего правительства из парижских и лондонских эмигрантов, оторванных от России. Засим возник вопрос о деньгах. Поль Дюкс предложил Н. Н. Щепкину субсидию английского правительства в размере 500 тысяч рублей в месяц на поддержание деятельности организаций. Щепкин, ссылаясь на то, что посланный Колчаком в Москву курьер с миллионом рублей арестован, радостно ухватился за спасительное предложение английского шпиона. Ряд показаний обвиняемых говорят, что, докладывая в НЦ о своем свидании с Полем Дюксом, Н. Н. Щепкин указал на то, что сначала им было отклонено предложение Поля Дюкса о субсидии, указано последнему на чисто национальный характер организации, финансируемой якобы исключительно Колчаком. Из показаний Н. В. Петровской и С. Е. Трубецкого, впрочем, усматривается, что Щепкин запрашивал мнение НЦ по этому вопросу, причем Трубецкой и некоторые другие высказывались за принятие денег. Разноречие это находит объяснение в том, что, по показаниям тех же лиц, Н. Н. Щепкин многое скрывал от НЦ. Весьма вероятно, что он хотел придать иную форму и этому разговору. Разноречие это, впрочем, особого значения не имеет, так как из дальнейшего (см. «Тактический центр») будет видно, что после ареста Н. Н. Щепкина московские контрреволюционеры от английских денег не отказывались. Н. Н. Щепкин подробно информировал Дюкса о внутреннем, политическом, хозяйственном и особенно о военном положении Советской России, обнадежив его на неминуемое крушение Советской власти взрывом изнутри при содействии сил «Тактического центра», что не за горами. Дальнейшие переговоры НЦ с представителем английского шпионажа оборвались ввиду ареста Н. Н. Щепкина и отъезда Поля Дюкса в Англию.

Н. Н. Щепкин или Леонтьев, а через них и «Тактический центр», «Национальный центр», «Союз общественных деятелей» и «Союз возрождения», таким образом, были прекрасно осведомлены об истинной роли Поля Дюкса, как агента английской контрразведки в России, а также о его роли руководителя раскрытого в ноябре 1919 года в Петрограде военного заговора, поставившего себе целью свержение Советской власти в Петрограде и передачу последней Юденичу. Поль Дюкс развил в Петрограде и во всем районе Северо-Западного фронта широкую сеть шпионажа, за-

вербовав в качестве своих сотрудников многих бывших деятелей бывшей царской охранки, контрразведки, черносотенных генералов, имел деятельных сообщников среди командного состава и некоторых воинских частей и тыловых учреждений Красной Армии. Поль Дюкс поддерживал тесную связь с «Национальным центром» и «Союзом освобождения» (см. ниже) в Петрограде и в согласии с ними и незадолго до раскрытия Петроградской чрезвычайной комиссией этой шпионско-заговорщической организации сорганизовал будущее правительство, в состав коего вошли некоторые кадеты (Быков), профессора и целый ряд деятелей старого режима. Через своих курьеров Поль Дюкс, а по его отъезде вышеупомянутая Надежда Владимировна Петровская поддерживали оживленную связь с штабом Юденича и агентами Антанты и Финляндии. Вся эта шпионская банда щедро оплачивалась английским золотом. Она была раскрыта и ликвидирована накануне того момента, когда она собиралась нанести Советской власти и Красной Армии предательский удар в спину [1].

СВЯЗЬ НЦ С ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

Как видно из показаний профессора Котляревского, после своего образования «Национальный центр» в 1918 году вошел в сношение с московскими военными группами; сношения эти имели чрезвычайно конспиративный характер и велись вначале непосредственно Астровым и Шиповым, которые докладывали о них на заседаниях «Национального центра» лишь в общих чертах.

После отъезда Астрова и ареста Шипова все сношения «Национального центра» с военной организацией (до образования «Тактического центра», о чем будет речь далее) вел лично Н. Н. Щепкин. Связь между обеими организациями была прочно установлена, причем НЦ совершенно подчинил себе военную организацию. С образованием же «Тактического центра» политическое руководство организации переходит всецело к нему и образованной им «военной комиссии». Военную организацию «Национальный центр» получил в наследство от распавшегося «Правого центра» летом 1918 года. Организация эта, руководимая некоторыми царскими генералами и бывшими князьями (генералом Соколовым, князем Волконским, расстрелянными в свое время по постановлению ВЧК), вербовалась почти исключительно из кадровых офицеров и всяких сиятельных отбросов. Она имела ячейки во многих частях только что организовавшейся в то время Крас-

[1] Шпионская организация Поля Дюкса была раскрыта особым отделом Петроградской ЧК в ноябре 1919 года.

ной Армии. Имела связи со штабом Алексеева на Кубани и поддерживала сношения с представителями союзников в России. Главное ядро этой организации в Москве было ликвидировано и рассеяно известной регистрацией офицеров (июль, август 1918 года)[1]. В конце 1918 года организация военного заговора вновь оживает, вербует в свои ряды целый ряд новых сторонников; развертывается в довольно значительную конспиративную организацию с централизованным руководством и широкими разветвле-

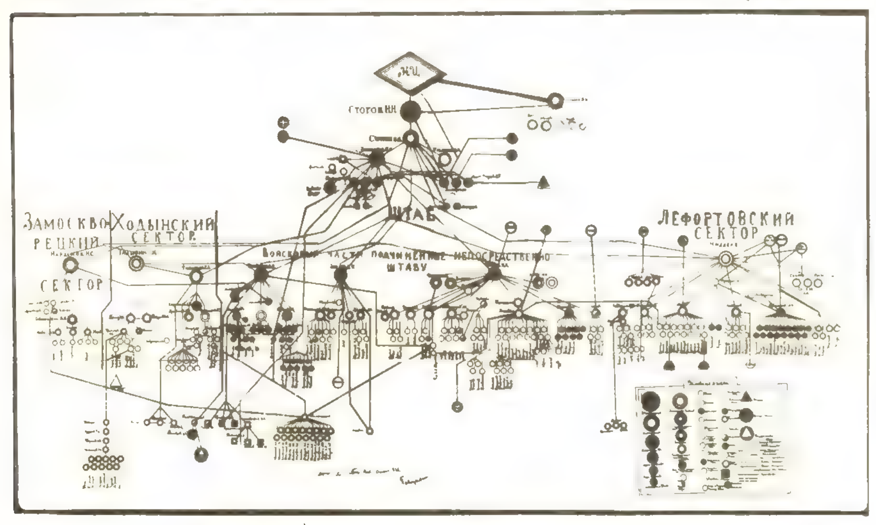

Схема контрреволюционной белогвардейской организации «Штаб Добровольческой армии Московского района»

ниями в разных военных учреждениях Красной Армии. Она получает название «Штаб Добровольческой армии Московского района». Одно это название указывает ее составной частью Добровольческих армий Колчака и Деникина. Эта организация возглавлялась бывшим генералом Стоговым, кандидатура которого была одобрена НЦ. Стогов именовался главнокомандующим Добрармии Московского района. После ареста Стогова его место занимает бывший генерал Кузнецов, а после ареста пос-

---

[1] 29 июля 1918 года был принят декрет Совнаркома о призыве на действительную военную службу бывших офицеров, врачей, фельдшеров, лекарских помощников и военных чиновников. На основе этого декрета военные комиссариаты при содействии чрезвычайных комиссий начали проводить регистрацию бывших офицеров. Многие из них, спасаясь от мобилизации в Красную Армию, бежали на юг, чтобы вступить в Добровольческую армию.

леднего - бывший полковник Ступин, состоявший начальником штаба.

Организация была хорошо подготовлена, имела оружие, даже артиллерию. Организация представляла из себя кадр будущего корпуса. Штабом были выделены начальники, командиры дивизий, полков, бригад, рот, батарей и пр.

По выработанному плану штаба Москва была разделена на секторы, во главе которых стояли начальники. Была выделена особая часть связи, имевшая в своем распоряжении автомобили, мотоциклеты из разных автобаз и гаражей, преимущественно военных. Она имела даже броневики, принадлежавшие броневой школе при ГВИУ [1], большинство преподавательского персонала которой были членами организации. Штабом был выработан детальный план вооруженного восстания, которое должно было произойти в последних числах сентября в 1919 году. Штаб предполагал при успехе восстания в Москве овладеть московскими мощными радиостанциями, сообщить всем частям Красной Армии на фронты о падении Советской власти, внести тем самым замешательство в ряды Красной Армии и открыть фронт армиям Деникина. Организация имела значительное количество участников и рассчитывала в случае выступления на участие некоторых школ командного состава Красной Армии - Высшей стрелковой школы, Высшей школы военной маскировки и окружной артиллерийской школы, состав курсантов которых состоял преимущественно из бывших офицеров. До образования «Тактического центра» в лице Н. Н. Щепкина субсидировал военную организацию на средства, получаемые преимущественно из Сибири через агента Колчака [2].

СВЯЗЬ С ЗАРУБЕЖНЫМИ БЕЛОГВАРДЕЙЦАМИ

Постоянная связь НЦ с зарубежными белогвардейцами Колчака и Юденича (штабы Деникина, организация «Национального центра») вполне установлена. Вскоре после отъезда Н. И. Астрова на юг он «информирует» Н. Н. Щепкина о происходящих там событиях. Информации эти первоначально чисто политического свойства впоследствии получают совершенно иной характер. Сношения с зарубежом устанавливаются довольно прочно,

---

[1] ГВИУ - Главное военно-инженерное управление. В тексте книги ошибочно написано «ГВИЮ».

[2] Сохранен стиль книги. Речь идет о том, что Н. Н. Щепкин, руководитель московского отделения «Национального центра», снабжал военную организацию деньгами, получаемыми от Колчака.

в особенности во время вступления НЦ в связь с московской военной организацией. Курьеры ее являются вместе с тем гонцами НЦ. Наряду с политической информацией через курьеров передавались в штабы Деникина и Юденича сведения о количественном и качественном составе Красной Армии, дислокации войск, сведения о передвижениях Красной Армии, о ее вооруженном довольствии, командном составе и пр. Курьеров этих принимает глава НЦ Н. Н. Щепкин. Он в курсе всех передаваемых белогвардейскими штабами военных сведений. О получаемой информации из-за рубежа Н. Н. Щепкин докладывает «Национальному центру». Он докладывает также НЦ о состоянии Красной Армии, положении на фронтах, продвижении белых и пр.

Военная организация была раскрыта Особым отделом ВЧК в сентябре — октябре 1919 года, которым было установлено и арестовано несколько сот действительных участников этой организации, понесших заслуженное наказание за попытку свержения рабоче-крестьянской власти, ответственных за широко развитую сеть военного шпионажа, имевшего целью активное пособничество белогвардейским армиям в их борьбе с Советской Республикой.

Достаточно указать на получение НЦ летом 1919 года миллиона рублей от Колчака на расходы по содержанию военной организации через курьера под псевдонимом «Василий Васильевич», фамилию которого установить не удалось. Посланный Колчаком второй миллион не доставлен по тому же назначению исключительно ввиду ареста курьера из Сибири органами ЧК. Далее связь НЦ с Юденичем через Петербургскую организацию НЦ вполне установлена по данным сентябрьского расследования о Н. Н. Щепкине.

В материалах по настоящему делу имеется определенное признание С. М. Леонтьева о получении летом 1919 года «Н. центром» от штаба Юденича шифрованных писем для Н. Н. Щепкина через Н. В. Петровскую, агента английской контрразведки; с сообщениями о предполагаемом захвате Юденичем Петербурга и о приготовлениях в Петербурге к этому захвату.

Наконец, установлена непосредственная связь НЦ с главой деникинской контрразведки полковником Хартулари, специально приезжавшим в марте 1919 года в Москву для установления с московскими контрреволюционными организациями прочных сношений. Именно с этого момента сношения НЦ с Деникиным (Югом), по показаниям обвиняемых, приобретают более регулярный характер, и все отправляемые НЦ и московской военной организацией на юг сведения политического и шпионского характера попадают прямо к Хартулари. Шпионажем руководят в Москве Н. Н. Щепкин и его агенты из военной организации, на юге

Хартулари; это подтверждается, между прочим, шифрованной депешей Хартулари, рекомендующей относиться с недоверием к прибывшему в Москву летом 1919 года ротмистру Донину, о коем вообще речь впереди.

СВЯЗЬ «НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА» С ЦЕНТРАЛЬНЫМ КОМИТЕТОМ КАДЕТСКОЙ ПАРТИИ

«Национальный центр» был создан Центральным Комитетом кадетской партии, и большинство его членов были членами партии кадетов. Если Центральный Комитет к.-д. партии, продолжавший существовать и после отъезда многих видных его членов из Москвы, вообще как будто бы стоял несколько в стороне от деятельной подготовки «Нац. центра» и его военной организации к вооруженному восстанию в Москве, то «Нац. центр», составленный персонально в большинстве из кадетов, усвоив идеологию и тактику этой партии, проявлял лихорадочную деятельность и энергично готовился к грядущим событиям. Центр тяжести кадетской политики и работы переместился в новое, казавшееся более жизнеспособным политическое образование. Связь «Нац. центра» с кадетской партией поддерживалась вплоть до ликвидации Особым отделом ВЧК этих организаций (подробнее см. главу о ЦК кадетской партии).

После ареста Н. Н. Щепкина и ближайших его помощников, а также ликвидации военной организации (июль—ноябрь 1919 года) «Нац. центр», однако, не распускается и продолжает регулярно собираться и обсуждать все важнейшие политические вопросы, вплоть до момента ареста всех его членов (февраль 1920 года). В этих заседаниях, происходивших преимущественно на квартире профессора Н. К. Кольцова и в его кабинете в Научном институте [1], принимали участие О. П. Герасимов, С. Е. Трубецкой, С. А. Котляревский, Муравьев, Фельдштейн и Кольцов.

ХАРАКТЕРИСТИКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОТДЕЛЬНЫХ ЧЛЕНОВ НЦ

Центральными фигурами и главными действующими лицами НЦ, несомненно, являются после отъезда из Москвы Н. И. Астрова, М. М. Федорова, Степанова и Струве Д. Н. Шипов и Н. Н. Щепкин. Крупный авторитет Д. Н. Шипова, стоявшего гораздо правее кадетов среди деятелей оставшихся в Москве разных

[1] В созданном и руководимом Н. К. Кольцовым Институте экспериментальной биологии.

буржуазных партий, много содействовал объединению в «Национальном центре» разнородных по своим политическим убеждениям элементов. Когда Шипов сходит со сцены и его заменяет Н. Н. Щепкин, «Национальный центр» сразу меняет физиономию. Он делается актуальной, боевой организацией, в которой Щепкин почти диктаторски принимает на себя обязанности по организации сети шпионажа, по укреплению военной организации, сношению с зарубежными белогвардейцами, посвящая, конечно, своих политических товарищей в эти дела и привлекая их к активной работе.

Наиболее деятельными после Н. Н. Щепкина лицами являются О. П. Герасимов и С. Е. Трубецкой, в особенности последний. Оба делегируются НЦ в «Тактический центр», а Трубецкой после ареста Огородникова является представителем НЦ в образованной весною 1919 года «Тактическим центром» военной комиссии. Герасимов пользовался в НЦ огромным влиянием, а С. Е. Трубецкой, типичный отпрыск помещиков-крепостников, фанатический ненавистник Советской власти, как нельзя более подходил к военной работе; он же по поручению Щепкина выдавал пособия семьям расстрелянных. Оба составляли в НЦ правое крыло (показания Котляревского).

Профессор Николай Константинович Кольцов вступил в «Нац. центр» в качестве его члена через Н. Н. Щепкина. Он предоставлял для заседаний «Нац. центра», а также для «Тактического центра» свою квартиру и свой кабинет в Научном институте, где он заведовал Институтом экспериментальной биологии. На его квартире происходили доклады НЦ и ТЦ и являлись приезжающие с Юга и [из] Сибири агенты деникинской контрразведки и штаба Колчака. Кольцов являлся хранителем денежных сумм «Нац. центра» на текущие расходы по организации и для пособий семьям пострадавших членов организации. Часть этих денег, в сумме около 36 000 рублей, обнаружена у него при аресте.

Профессор Сергей Андреевич Котляревский непосредственно руководил всей деятельностью «Нац. центра» по разработке различных положений и проектов, для каковой цели привлек ряд профессоров (Бориса Дмитриевича Плетнева, экономиста Букшпана, Леона Борисовича Кафенгауза), посвященных им в дело существования «Нац. центра» и в общие задачи последнего. Лично Котляревский все время был занят разработкой вопросов национальных и международных отношений.

Валериан Николаевич Муравьев, бывший начальник политического кабинета в бывшем Министерстве иностранных дел при Терещенко, вступил в «Нац. центр» летом 1918 года. Осень и зиму 1918 года он проводит на юге, где энергично поддерживает

связи со штабом генерала Алексеева и деятелями «Нац. центра» и других правых политических групп на Юге России. В марте месяце 1919 года Муравьев возвращается в Москву и принимает участие в работах «Нац. центра». Считаясь знатоком международных отношений, имеет значительное влияние при обсуждении вопросов иностранной политики. Муравьев, как и профессор Михаил Соломонович Фельдштейн, вступивший в НЦ в начале 1919 года через профессора Котляревского, за все время существования «Нац. центра» находится в курсе всех дел последнего, присутствует на всех заседаниях НЦ, принимает участие в обсуждении докладов агентов Колчака и Деникина, докладов Н. Н. Щепкина о военном положении и о военной организации, переговорах с английским шпионом Полем Дюксом и участвует в разработке политической платформы «Нац. центра».

А. Г. Хрущев *, бывший товарищ министра при 1-м Временном правительстве [1], член Центрального Комитета партии к.-д. и бывший фабрикант Четвериков, не состоя формально членами «Нац. центра», принимают участие в его заседаниях в 1918 году и первой половине 1919 года, главным образом, при обсуждении вопросов об экономическом положении России и при выработке программы об экономических мероприятиях при падении Советской власти.

Что касается профессоров Букшпана, Плетнева и Кафенгауза, то, как уже было упомянуто, они являлись чисто техническими работниками и членами НЦ не состояли. Они, однако, были осведомлены, что их работы предназначаются для «Нац. центра», знали также о целях и задачах последнего.

В заключение следует упомянуть о жене А. Г. Хрущева — Л. Н. Хрущевой. Не являясь членом организации НЦ, но пользуясь своим положением члена политического Красного Креста, она, получая из НЦ от Н. Н. Щепкина деньги и вещи, передавала их заключенным в Бутырской тюрьме членам организации НЦ, являясь в этом деле посредницей между ними и НЦ.

---

* Следует отметить, что в материале по настоящему делу имеются показания С. Е. Трубецкого о том, что Хрущев состоял членом «Нац. центра».

[1] Имеется в виду Временное правительство первого состава (2 (15) марта — 4 (17) мая 1917 года). А. Г. Хрущев был товарищем (заместителем) министра земледелия, представителем министерства в Главном земельном комитете, разрабатывавшем проекты земельной реформы в России. В последнем составе Временного правительства Хрущев — товарищ министра финансов. В первые дни после Октябрьской революции один из организаторов саботажа государственных служащих.

ПЕТРОГРАДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА»

Петроградская организация «Нац. центра» являлась местным отделом всероссийского «Нац. центра», находившегося в Москве, и подчинялась руководству последнего. Главными руководителями его в 1919 году были видные кадеты Штейнингер и Герасимов. Так же, как и в Москве, петроградская организация НЦ работает в полном контакте с «Союзом возрождения», имеет свою военную, боевую организацию, через целую сеть курьеров поддерживает интенсивные сношения со штабом Юденича, русскими белогвардейскими организациями в Финляндии, Эстонии, Латвии и пр. и агентами Антанты, доставляет им сведения о состоянии Красной Армии, военных планах красного командования и энергично готови[тся] к сдаче Петербурга Юденичу, поднятию восстания к моменту наступления последнего. Петроградская организация «Нац. центра» была своевременно раскрыта и ликвидирована органами ВЧК незадолго до похода Юденича на Петербург (август—сентябрь 1919 года).

«ТАКТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР» И СОСТОЯВШАЯ ПРИ НЕМ ВОЕННАЯ КОМИССИЯ

ОБРАЗОВАНИЕ «ТАКТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА»

«Правый центр» и после его распада СОД были откровенно монархическими организациями с германофильскими тенденциями. НЦ и СВ, верные Антанте, близкие друг другу в силу персонального участия в них одних и тех же лиц, (к) «Совету общественных деятелей» были враждебно настроены. После революции в Германии (ноябрь 1918 года) отпадает один из главных стимулов разобщенности и между НЦ и СОД, начинаются длительные, ведущиеся Н. Н. Щепкиным и Дмитрием Митрофановичем Щепкиным переговоры о взаимодействии и соглашении обеих организаций, не приводящие, однако, к определенным результатам. Но в феврале 1919 года начинаются события, заставляющие московских контрреволюционеров сблизиться, забыть разногласия, пойти на взаимные уступки, лишь бы добиться общего языка и найти общую платформу для совместной борьбы с Советской властью.

Таким импульсом прежде всего является радио Антанты о предполагаемом созыве конференции на Принцевых островах.

Отдельные правые политические организации сознают необходимость для укрепления своего авторитета за рубежом и за границей выработки единого образа действий по поводу этого

радио, дабы выявить к нему отношение не разрозненных групп, а общий голос «русской общественности», то есть всего антисоветского фронта.

В феврале, таким образом, созывается предварительное совещание членов НЦ и СВ, на котором присутствуют от «Нац. центра» Щепкин, Кольцов, Котляревский, С. Е. Трубецкой, О. П. Герасимов, М. С. Фельдштейн; от «Союза возрождения» Мельгунов, Волк-Карачевский, Левицкий-Цедербаум, Филатьев, Студенецкий, Кондратьев; а затем второе совещание, на которое, помимо вышеуказанных лиц, приглашаются лидеры СОД Д. М. Щепкин и С. М. Леонтьев, присутствует также член НЦ В. Н. Муравьев.

На этих совещаниях обсуждается вопрос об объединении всех трех организаций в тактическом отношении и в смысле выработки единого плана действий. В результате этих совещаний, а также последующих переговоров между названными организациями, подталкиваемых к тому же давлением на «Нац. центр» военной организации, настаивавшей через Н. Н. Щепкина на объединении всех противосоветских сил и признании «верховным правителем» Колчака, создается тесный заговорщический союз между монархистами, кадетами, эсерами, меньшевиками, энесами и группой «Единство». Откровенно монархический СОД соглашается на Национальное собрание, кадеты отказываются от директории и признают «единоличного военного диктатора», социалисты забывают об Учредительном собрании и отдаются под власть военных генералов. Таким образом, в апреле 1919 года образуется «Тактический центр», объединяющий СОД, НЦ и СВ, сохраняя за ними автономность и организационную обособленность, а также самостоятельность касс. Договорившиеся группы остановились на следующей общей платформе: *«восстановление государственного единства России; Национальное собрание, долженствующее разрешить вопрос о форме правления в России; единоличная, диктаториального характера, военная власть, восстановляющая в стране «порядок» и разрешающая на основе признаваемого права личной собственности ряд неотложных мероприятий экономического и социального характера».* Вместе с тем ТЦ высказывается за признание Колчака «верховным правителем» России.

СОСТАВ ТЦ

В ТЦ входят: от НЦ Н. Н. Щепкин и О. П. Герасимов, имея заместителем С. Е. Трубецкого; от СВ — Н. Н. Щепкин и С. П. Мельгунов, имея заместителя А. В. Бородулина, и от СОД Д. М. Щепкин и С. М. Леонтьев.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЦ

ОБЩИЕ ЗАДАЧИ

Образованный в тактических целях ТЦ формально распорядительных полномочий не имел. Однако платформа, им принятая в чрезвычайно общих чертах, именно в силу этого привела к значительной солидарности входивших в его состав групп, благодаря чему ТЦ, естественно, сделался высшим органом, руководящим и направляющим деятельность контрреволюционных организаций Москвы. Занятый, с одной стороны, детальной разработкой общих, легших в основание его положений, ТЦ и по деталям, касающимся круга и направления деятельности военного характера, пришел к единодушным выводам. По вопросу о взаимоотношениях между «верховным правителем», облеченным диктаторской властью, и будущим правительством «Тактический центр» принял положение о том, что впредь до определения Национальным собранием будущего государственного порядка нет никакой нужды в создании временного правительства. Облеченный неограниченной властью, военный диктатор в переходный период по своему личному усмотрению, руководствующийся исключительно деловыми соображениями, а не указаниями каких-либо партий или групп, назначает или увольняет министерство, которое по его одобрению и осуществляет нужные государственные мероприятия. По решению «Тактического центра» впредь до установления нормального государственного порядка назначается военная власть. По вопросу о Национальном собрании «Тактическим центром» было установлено, что оно созывается правителем государства, но лишь в условиях полного подавления рабочего класса и всех его попыток сопротивления и установления в стране полного «спокойствия и порядка», причем в компетенцию Национального собрания должны были входить исключительно вопросы о форме правления и взаимоотношениях национальностей.

С другой стороны, все более или менее крупные вопросы политического характера — например, о признании власти Колчака, об отношении к его правительству и режиму, об отношении к выступлению русского комитета в Париже (князя Львова и Керенского)[1] и о деятельности эмигрантов, об информировании заграницы о положении в Советской Республике — все это решается ТЦ иногда по предварительному обсуждению в соответствующих

---

[1] Имеется в виду «Русское политическое совещание» — белогвардейская организация, созданная в конце 1918 года в Париже. Совещание рассматривало себя как руководящий центр российского государства, находящийся в эмиграции, заявляло об эфемерности имеющихся государственных образований на территории России, отсутствии у них прав претендовать «на отдельное национальное представительство». В августе 1919 года прекратило свою деятельность.

организациях, причем ТЦ сглаживает противоречия, если они имеют место, и, таким образом, в полном смысле слова является антисоветским фронтом, объединяющим всех врагов рабочего класса в Советской Республике.

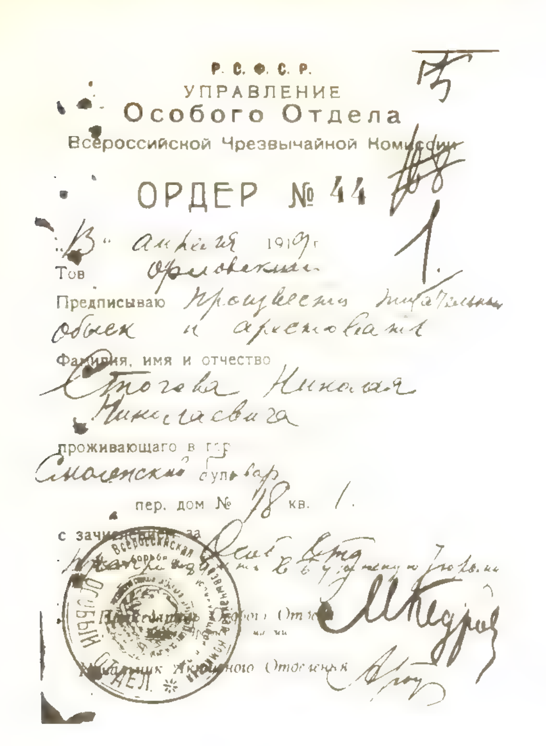
ЗАДАЧИ ВОЕННОГО ХАРАКТЕРА

Выше было указано, что ТЦ возник до известной степени под влиянием настойчивых требований московской военной организации, руководимой генералом Стоговым. Обстоятельство это само собой должно было иметь впоследствии переход политического руководства военной организации к ТЦ, и это вполне естественно, так как опытная деятельность офицерской военной организации без поддержки политических дельцов старого мира, без политической базы, в особенности в решительную минуту, представилась бы почти невозможной. Действительно, вслед за образованием ТЦ в заседаниях его последовательно участвуют руководители военной организации Стогов, Кузнецов, Ступин, делая информационные доклады и получая соответствующие политические указания.

ВОЕННАЯ КОМИССИЯ

Разрешение всех военных вопросов в ТЦ по техническим соображениям, однако, было признано неудобным, и он, оставляя за собой решение наиболее важных военных вопросов, выделяет из своей среды особую военную комиссию в составе Н. Н. Щепкина, С. М. Леонтьева и Н. А. Огородникова, которого после ареста его заменил С. Е. Трубецкой. После ареста Щепкина его заменил А. В. Бородулин. Названные лица вошли в состав военной комиссии по уполномочию от каждой организации, объединенной ТЦ.

«Тактический центр» и военная комиссия, по показанию их участников, не касались технической стороны организации и ее внутренней структуры, возлагая это всецело на главу военной организации. Даже, по показаниям членов военной комиссии (иначе называвшейся «комиссией трех» при «Тактическом центре»), последняя имела целью наиболее точное и полное осведомление представителей всех трех политических организаций об общем военном положении и подготовлявшихся последней шагах. Образованием военной комиссии «Тактический центр» стремился приблизить состоявшееся «тактическое» соглашение существовавшей ранее при «Нац. центре» военной организации, дабы не

Р. С. Ф. С. Р.
УПРАВЛЕНИЕ
Особого Отдела
Всероссийской Чрезвычайной Комиссии

ОРДЕР № 44

Тов

Предписываю

Фамилия, имя и отчество

проживающаго в гор

пер. дом № 18 кв. 1.

с зачислением за

Председатель Особого Отдела

Начальник Активного Отделения

Ордер на арест
Н. Н. Стогова

могло создаться впечатление, что без ведома всех трех групп, как бы за их спиной, делается что-то, за что этим группам пришлось бы нести ответственность, даже не [находясь] в курсе дела.

Следовательно, «Тактический центр» стремился ответственность за военную организацию возложить на все три объединившиеся организации: НЦ, СВ и СОД. По показанию Леонтьева и Трубецкого, члены военной комиссии должны были играть роль политических консультантов, которые должны были помогать военным разобраться в происходящих событиях ввиду неумелости руководителей военной организации самостоятельно ориентироваться в политических вопросах и настроениях населения и политических групп. Однако ход дела показывает, что члены военной комиссии отнюдь не ограничивались ролью консультантов, а являлись действительными руководителями военного заговора, направляя и корректируя работу военной организации. На последнее указывает также факт постоянного присутствия в заседаниях военной комиссии генералов Стогова и Кузнецова, полковника Ступина, сообщенные ими сведения о силах и численном

Н. Н. Стогов

составе и вооружении военной организации, предположение о плане вооруженного выступления в Москве и др.

По предложению бывшего генерала Стогова члены комиссии должны были подыскать гражданских помощников военным начальникам участков, на которые должна была быть разбита Москва. Непосредственная связь между военной комиссией и штабом Добрармии Московского района и исполнение поручений первого и второго лежало на обязанности Ивана Николаевича Тихомирова, через которого Щепкин передавал деньги членам военной организации. Вместе со Щепкиным Ступин выработал текст прокламаций к моменту выступления организации в Москве. О своих переговорах с агентом английской контрразведки Полем Дюксом Щепкин и Леонтьев доложили как «Тактическому центру», так и военной комиссии, в которой при обсуждении этого вопроса присутствовал начальник штаба организации, бывший полковник Всеволод Васильевич Ступин.

Ими же было доложено, что через Поля Дюкса его помощницу Н. В. Петровскую (шпионская кличка «Мисс») можно установить связи со штабом Юденича.

В одном из заседаний военной комиссии Ступин заявил о том, что он указанным выше путем послал в штаб Юденича от имени «Объединенного центра» в зашифрованном виде сводку номеров дивизий по армиям, а также письмо агенту Колчака «Василию Васильевичу». С ведома военной комиссии штаб военной организации скупает оружие, устанавливает связи с генералом Мамон-

товым (прорвавшимся тогда в тыл армий на Южном фронте) и вступает в связь с «зеленой армией»[1] в Московской губернии, Рязанской и в некоторых других местах. При участии военной комиссии был разработан план выступления в Москве, захвата Кремля, были установлены базы для начала операций, налажены пункты, подлежащие обстрелу, и пр.

Как «Тактический центр», так и военный штаб учитывали военную организацию, как подсобный орган Колчака и Деникина, сберегаемый для решительной минуты, когда при приближении одного из них к Москве организация должна была предательски, из-за спины поднять контрреволюционный мятеж и взрывом изнутри покончить с Советской властью в Москве или обессилить ее перед последним натиском белогвардейских армий.

ЗАРУБЕЖНЫЕ СНОШЕНИЯ ТЦ

Объединив в себе СОД, НЦ и СВ, «Тактический центр», конечно, принял на себя ответственность за сепаратные их действия, но близкая связь с военной организацией и представительство в «Тактическом центре» главы московского шпионажа Н. Н. Щепкина одновременно и от НЦ и от СВ привели к тому, что ряд сношений Москвы с зарубежными контрреволюционерами велись непосредственно ТЦ. Так, например, о переговорах Н. Н. Щепкина с Полем Дюксом «Т. центру» было известно, и трудно конкретизировать, вел ли Н. Н. Щепкин эти переговоры от имени «Тактического» или «Национального» центра. Поль Дюкс, во всяком случае, искал сношения с московским центром.

Затем установлено, что приезжавший в Москву в августе 1919 года из ставки Деникина по поручению главы контрразведки Добрармии Хартулари для подготовки московских контрреволюционных организаций к выступлению ротмистр Донин делал доклад свой в «Тактическом центре» о состоянии и планах Добрармии.

Далее из показания С. Е. Трубецкого видно, что Ступин после ареста Н. Н. Щепкина от имени «Объединенного центра» послал Юденичу зашифрованную сводку номеров дивизий по армиям и послал еще письмо «Василию Васильевичу». Далее, приехавшая в октябре в Москву после отъезда Поля Дюкса в Англию в качестве полномочной его представительницы Н. В. Петровская имела,

---

[1] «Зеленой армией» назывались находившиеся в лесах вооруженные отряды дезертиров. На территории советских губерний «зеленые» убивали коммунистов и советских работников, грабили склады с продовольствием и т. д. На территории, занятой контрреволюционерами, «зеленые» выступали против белых властей.

по ее показаниям, с С. М. Леонтьевым переговоры о выдаче ему полмиллиона рублей, обещанных Полем Дюксом для «Тактического центра». Он же передал ей тогда зашифрованное письмо за границу. Равным образом переговоры с Петровской об отправке через границу Н. С. Арсеньева в октябре 1919 года вели С. М. Леонтьев и О. П. Герасимов (оба — члены ТЦ, единственные, оставшиеся в то время в Москве). Н. Н. Щепкин был расстрелян, Д. М. Щепкин жил на даче, а С. П. Мельгунов скрывался вне Москвы. Равным образом С. М. Леонтьевым и Д. М. Щепкиным уже осенью 1919 года было дано поручение Борису Робертовичу Гершельману, занимавшему видное положение в военной организации, доставить на юг сведения о создавшемся в Москве положении.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЛЕНОВ ТЦ

Общая характеристика лиц, вошедших в ТЦ, была приведена выше, при обозрении отдельных групп. Из характеристики этой видно, что отдельные группы делегировали в ТЦ наиболее видных, энергичных и активных своих представителей. Между ними, однако, еще выделяются своей активностью, влиянием и авторитетом Н. Н. Щепкин и С. М. Леонтьев. Следует отметить особую импульсивность С. П. Мельгунова, фактического, непримиримого врага Советской власти, готового пойти на всякое соглашение и объединение с любым махровым черносотенцем, лишь бы достигнуть сплочения и укрепления всего контрреволюционного фронта.

Заканчивая обозрение ТЦ, необходимо упомянуть, что заседания ТЦ происходили у Н. Н. Щепкина, С. М. Леонтьева и С. П. Мельгунова. Несколько же раз ТЦ собирался на квартире Александры Львовны Толстой. В заседаниях на квартире Толстой принимал участие генерал Стогов, делавший «Т. центру» доклады о положении военной организации. А. Л. Толстая во время заседаний всегда бывала в квартире, раздавая присутствующим чай. Через С. П. Мельгунова она была осведомлена о характере и цели этих заседаний.

«СОЮЗ РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ»

Выше уже было указано, что член военной организации Борис Робертович Гершельман, осенью 1919 года уехавший из Москвы на юг, должен был информировать зарубежные белогвардейские организации о политическом и военном положении в Москве. В декабре 1919 года Б. Р. Гершельман уезжает в Польшу через Юго-

Западный фронт в сопровождении своего ближайшего сотрудника по организации И. Ф. Фабрициуса и главы военного заговора генерала Стогова, который сопровождал Б. Р. Гершельмана под фамилией Ник. Ник. Семенова — служащего Трамота[1]. Отъезд этих лиц был совершен при ближайшем участии члена военной комиссии «Тактического центра» Бородулина, которому центром было поручено устроить побег генерала Стогова из концентрационного лагеря за границу. Б. Р. Гершельман был связан со штабом военной организации и главой НЦ Н. Н. Щепкиным. Он поддерживал также связи с Д. М. Щепкиным и С. М. Леонтьевым.

Осенью 1919 года (октябрь—ноябрь месяцы) Гершельман при участии Фабрициуса организовывает «Союз русской молодежи», который предназначается для организации связи с приезжающими в Москву из-за рубежа курьерами, то есть агентами Деникина, а также курьерами из Польши, которых должен был направлять в Москву Б. Р. Гершельман.

«Союз русской молодежи» имел также целью подыскание квартир для этих курьеров, доставание для них документов и собирание сведений по указанию Фабрициуса или его заместителя. В эту организацию Гершельманом были завербованы гр. Н. С. Пучков (25 лет), Жуковский Николай Юльевич (служащий Главвода[2]) и трое юношей, еще не достигших совершеннолетия, Д. П. Калистратов (15 лет), Б. А. Кошкин (16 лет) и Леша Плетнер (16 лет).

Указанная группа лиц несколько раз собирается, определяет свои ближайшие задачи и намечает практическую работу. Перед отъездом Гершельмана по его указанию заместителем председателя «Союза» избирается гр. Н. Ю. Жуковский, который должен был поддерживать уже наладившуюся связь. Калистратовым и Кошкиным были похищены из Региструпра[3] паспортные книжки и некоторые другие документы. Следствием установлена связь этой организации с членами «Тактического центра» С. М. Леонтьевым и Д. М. Щепкиным. Курьеры, направляемые Гершельманом, должны были через Н. С. Пучкова направляться к Леонтьеву и Щепкину. Был даже установлен пароль для этих курьеров — «транспорт». Следствием не установлено, велась ли активная работа «Союзом русской молодежи» после отъезда из Москвы Гершельмана и Фабрициуса. Из указанных выше троих несовершеннолетних двое — Б. А. Кошкин и Плетнер — не разысканы, а Д. П. Калистратов передан в комиссию по делам несовершеннолетних. Арестованные же Пучков и Жуковский в вышеуказанном сознались.

---

[1] Трамот — транспортно-материальный отдел ВСНХ.
[2] Главвод — Главное управление водного транспорта ВСНХ.
[3] Региструпр — Регистрационное управление Полевого штаба РВСР.

КАДЕТСКАЯ ПАРТИЯ

Из обзора деятельности контрреволюционных организаций Москвы 1918—1919 годов устанавливается, что виднейшие представители кадетской партии, как Н. Н. Щепкин, Н. И. Астров, Степанов, Струве, Д. И. Шаховской и другие, являются непосредственными участниками создания «Нац. центра» и «Союза возрождения». Показаниями арестованных в связи с раскрытием этих организаций членов Центрального Комитета к.-д. партии с несомненностью устанавливается, несмотря на некоторую разноречивость, что во время образования НЦ и СВ и первого периода их работы в 1918 году между ними и ЦК к.-д. партии существовала тесная прочная связь.

По настоянию ЦК партии к.-д. члены его летом 1918 года порывают с германофильским «Правым центром» и образовывают «Национальный центр» определенной союзнической ориентации.

Центральный Комитет кадетской партии еще до образования «Нац. центра» принимает деятельное участие в организации «Союза возрождения», делегирует в этот союз виднейших своих членов Н. Н. Щепкина, Н. М. Кишкина, Д. И. Шаховского, причем Н. Н. Щепкин по отъезде на юг Мякотина делается даже наравне с С. П. Мельгуновым заместителем председателя «Союза возрождения».

После отъезда на юг осенью 1918 года видных членов ЦК партии к.-д. (Новгородцева, Н. И. Астрова, Долгорукова и Степанова) деятельность ЦК кадетов несколько ослабевает. Хотя среди членов ЦК и возникает вопрос, могут ли они считать ЦК формальным представителем партии ввиду отъезда многих его членов, но ввиду условий момента, а также необходимости работать нелегально они продолжают считать себя Центральным Комитетом партии. В конце 1918 года и в 1919 году, до ликвидации ЦК кадетов Особым отделом ВЧК, этот ЦК продолжает собираться и заседать в лице оставшихся в Москве его членов Д. Д. Протопопова, профессоров Велихова, Н. Н. Щепкина, А. Г. Хрущева, Н. М. Кишкина, А. А. Кизеветтера, Д. И. Шаховского, Сабашникова, Федотова (бывшего сотрудника «Русских ведомостей»[1]), Комиссарова сотр. Московского художественного театра, Топорковой (Губаревой) и ректора Московского университета Новикова (о Новикове, впрочем, имеются сведения, что он с конца 1918 года в заседаниях ЦК участия не принимал).

---

[1] «Русские ведомости» — одна из наиболее влиятельных газет либерально-буржуазного направления, выходившая в Москве с 1863 года. С 1905 года — орган правого крыла кадетской партии. После Октябрьской революции вела злобную клеветническую кампанию против Советской власти. Закрыта в 1918 году.

Заседания ЦК в последний период происходят преимущественно на квартире Д. Д. Протопопова. Председательствовал на этих заседаниях Н. Н. Щепкин либо Д. И. Шаховской, причем наряду с обменом мнений по общим политическим вопросам Н. Н. Щепкин делал доклады о положении дел в «Нац. центре», о сведениях, получаемых им от Деникина и Колчака, не скрывал своей в качестве председателя «Нац. центра» связи с зарубежными белогвардейцами. Таким образом, оставшиеся в Москве члены Центрального Комитета к.-д. партии были точно осведомлены о сношениях, о роли своих членов в заговорщических организациях НЦ и СВ и об их связях с зарубежными врагами Советской власти.

Я. Агранов [1]

[1] Агранов Я. С. (1893—1938) — член партии эсеров в 1912—1914 годах, в 1915 году вступил в большевистскую партию. В 1919—1920 годах работал секретарем Совнаркома. Одновременно с мая 1919 года был особоуполномоченным при Президиуме ВЧК. В 1921 году — секретарь Малого Совнаркома. В 1923—1937 годах — на руководящих должностях в ОГПУ — НКВД. В августе 1938 года осужден Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в «контрреволюционной деятельности». Главная военная прокуратура в 1955 году при проверке дела Агранова не нашла оснований для его реабилитации ввиду того, что во время работы в органах НКВД он допускал систематические нарушения социалистической законности.

Одновременно с НЦ возник "Союз возрождения", С начала 1918 г. в партиях и группах левее кадетов растет стремление к возможному широкому объединению на почве борьбы с немцами, большевизмом и монархизмом...

«Совет общественных деятелей»
«Союз возрождения России»
«Национальный центр»
Военная организация «Национального центра»
«Тактический центр»

КРАТКИЙ ОЧЕРК

возникновения и деятельности Московских совещаний и «Совета общественных деятелей»

Первые дни мартовской революции [1] показали, что принимавшие в ней участие общественные силы преследовали разнородные задачи и цели: так называемые либерально-демократические круги, возглавляемые кадетами, тесно связанными с крупной буржуазией, считали, что со свержением самодержавия революция кончена, они мыслили Россию конституционной монархией или, в худшем случае, республикой со всеми атрибутами буржуазной собственности, войну нужно было вести до победного конца. Социалистические партии, наоборот, стояли на почве углубления и расширения революции, окончания войны и рассматривали мартовские события лишь как первый этап революции [2].

Временное правительство медленно, но неуклонно, нехотя сдавало свои позиции, не чувствуя под собою реальной почвы. Социалистические партии, объединенные в Советы, через них опирались на массы рабочих и солдат. Либеральная же буржуазия никакого представительного органа не имела; прошли первые месяцы - время иллюзий буржуазии о возможности сговориться с социалистическими группами, треснула после июльских дней

---

[1] Имеется в виду Февральская буржуазно-демократическая революция в России 1917 года (по новому стилю — мартовская).

[2] Автор очерка Н. Н. Виноградский дает ошибочную характеристику стратегии и тактики социалистических партий. Из них лишь большевики требовали окончания войны, и лишь они рассматривали февральско-мартовские события как первый этап революции, за которым должен последовать второй, социалистический этап. Что же касается эсеров, меньшевиков и других мелкобуржуазных, «социалистических» партий, то они заняли позицию «революционного оборончества», не ставили вопроса о переходе ко второму этапу революции.

3 Заказ 541

первая коалиция, и в разных буржуазных кругах почти одновременно заговорили о необходимости объединения несоциалистических сил страны, считая, что Советы истинными выразителями всего народа не являются. Таким образом, в начале июля заговорила бывшая Дума (частное совещание членов Думы)[1], потом торгово-промышленный съезд в Москве в конце июля. На этом съезде впервые со времени революции раздались голоса о необходимости возвысить голос над Советами.

Между тем непрекращавшийся правительственный кризис вынудил Керенского, метавшегося между кадетами и Советами, инсценировать нечто вроде представительного собрания, где он думал найти опору и примирить оба лагеря (жест Бубликова — Церетели[2]). В августе (12?) в Москве было созвано Государственное совещание.

Покинувшие по мере разочарования в революции Петербург старые политические деятели стали группироваться в Москве, и здесь явилась мысль образовать не новую партию, а надпартийное объединение, долженствовавшее выявить лицо несоциалистической России. Объединение это мыслилось в виде периодических совещаний деятелей самых различных направлений, связанных общностью классовых интересов.

Таким образом, в конце июля (или начале августа) инициативною группою человек в 15—20 были разосланы приглашения прибыть в Москву всевозможным политическим и общественным организациям, университетам, кооперативам, земствам, городским думам. Совещание назначено было на 8 августа; так как оно предшествовало Государственному совещанию, то должно было носить характер генеральной репетиции перед сражением, которое предполагалось дать в Государственном совещании.

Первое Московское совещание общественных деятелей, как оно было названо, собрало до (?) человек, собрался «цвет» торгово-промышленной Москвы, кадеты, члены бывшей Думы во главе с Родзянко, представители некоторых кооперативов, высшей школы, союза инженеров, трудовой интеллигенции, казачества, союза офицеров и Георгиевских кавалеров; явились отдельные представители старого цензового земства. Московская городская дума, избранная по новому закону, от участия в совещании отказалась.

---

[1] Речь идет о частном совещании бывших членов IV Государственной думы 2 июля 1917 года. На нем обсуждались меры борьбы с революцией.

[2] Обмен рукопожатиями министра-социалиста И. Г. Церетели и капиталиста А. А. Бубликова во время Государственного совещания в Москве. Этим жестом меньшевики продемонстрировали свое намерение укреплять коалицию с представителями торгово-промышленного капитала.

Совещание продолжалось (?)* дня [1], председателем его был избран бывший председатель Государственной думы Родзянко; были сделаны доклады по военному вопросу (причины разложения армии), экономическому, транспорту и общеполитический доклад Милюкова, который и явился репетицией его речи в Государственном совещании. Все речи ораторов сводились к тому, что нужно выявить истинное лицо России, оздоровить народную душу, призвать население к увеличению производительности труда, укрепить армию, для чего восстановить полностью власть командного состава, упразднить в армии комитеты или, в лучшем случае, при невозможности, сохранить за ними лишь хозяйственные функции. Экономисты же и промышленники указывали на гибельность финансовой политики (поток и обесценение кредитных билетов) и на разорение промышленности благодаря чрезмерным требованиям рабочих, поглощающих основные капиталы, пресловутому 100% обложению и т. д.

Резолюции совещания так и остались клочком бумаги; они вызвали пересуды в печати, но никакого значения иметь не могли, так как за ними не было реальной силы, ибо такой силой нельзя признать офицерский союз и идейно сочувствовавших совещанию вождей донского казачества.

В заключение совещание избрало из своей среды «Совет» из (?) человек, которому поручило созвать следующее совещание в Москве в октябре.

Если обратиться к книжке Керенского «Корниловское дело»[2], то видно, с какой озлобленностью он говорит об августовском совещании, члены которого в Москве устроили овацию приехавшему на Государственное совещание бывшему тогда Верховным главнокомандующим Корнилову.

Керенский считал совещание оплотом реакционных элементов страны; после Государственного совещания, однако, он чувствовал себя настолько окрепшим, что мог с ним не считаться.

Деятельность выборного первым совещанием «Совета», по-видимому, ничем особенным не выявилась; он не имел печатного органа и проявил себя лишь в смысле влияния на торгово-промышленные группы Москвы во время переговоров их с Керенским о вступлении их представителей в состав третьего коалиционного временного правительства; влияние совета могло также

---

* От редакции. В своих показаниях гр. Виноградский во многих случаях затруднялся в определении дат и пр., ставя в таких случаях вопросительные знаки. Мы сохраняем начертание подлинника.

[1] Совещание продолжалось три дня — с 8 по 10 августа 1917 года. Оно призвало ликвидировать Советы, высказалось за установление в России военно-буржуазной диктатуры.

[2] *Керенский А. Ф.* Корниловское дело. М., Изд-во «Задруга». 1918.

еще сказаться на посылке делегатов от торгово-промышленников и кадетов в так называемый предпарламент, так как ни совещание, ни «Совет» в предпарламенте непосредственно представительства не имели.

Созванное «Советом» в Москве в середине (начале?)[1] октября второе совещание было уже малолюдное; оно насчитывало всего (?) человек; на нем обсуждались, конечно, те же вопросы, причем главное внимание было обращено на вопрос об армии; выступали генералы Брусилов, Рузский и (?), говорившие о том, что армия погублена и разложена; предлагались те же рецепты ее оздоровления, но возможность применить эти рецепты, как видно было из слов участников совещания, казалась им самим сомнительной. Точно так же, как и в августовском совещании, говорилось о кризисе правительственной власти, о ее неспособности вывести страну из тупика, о гибели промышленников, о разрухе транспорта и т. д. Совещание в заключение подтвердило полномочие избранного им «Совета»[2].

Октябрьская революция заставила многих участников «Совета» бежать из Москвы: уехали Родзянко, Милюков, Маклаков и другие. Деятельность «Совета» на некоторое время прекратилась, но в конце января или начале февраля 1918 года были собраны обломки «Совета» и обнаруженные в Москве участники совещаний для обсуждения создавшегося положения. В этих совещаниях, происходивших в Фуркасовском переулке, в помещении Всероссийского общества стеклозаводчиков, под председательством Д. М. Щепкина принимали участие следующие лица: С. М. Леонтьев, С. Д. Урусов, В. И. Гурко, В. В. Меллер-Закомельский, Н. Н. Кукин, Н. И. Астров, профессор Новгородцев, И. И. Шидловский, Белоруссов [3], профессора С. А. Котляревский, В. М. Устинов и Н. И. Бердяев, В. С. Муралевич, В. Н. Муравьев, приват-доценты Ильин и Арсеньев, В. Н. Челищев, Б. Д. Плетнев, его брат (офицер), Г. А. Алексеев, присяжный поверенный Захаров, В. И. Стемпковский, Н. Н. Лоскутов, Нарожницкий, И. Б. Мейснер и некоторые другие; левое крыло составляли представитель кооперации Евдокимов и представитель крестьянства, как он себя назвал, Губонин. Первые шаги «Совета» заключались в выявлении своего взгляда на совершившиеся события, и, конечно, участники были солидарны в своей ненависти к вновь возникшей Советской власти. Затем «Совет» приступил к анализу прошедших с 1 марта 1917 года

---

[1] Второе совещание общественных деятелей состоялось в Москве в середине октября 1917 года.

[2] О втором съезде (совещании) «Совета общественных деятелей» см. ниже показания С. А. Котляревского (История «Национального центра»).

[3] В тексте книги везде ошибочно написано «Белоусов». Белоруссов — псевдоним буржуазного публициста А. С. Белевского.

событий и к выводам. Обсуждение этого выявило действительную политическую физиономию его участников, единодушно признавших, что единственною приемлемою формою правления в России может быть наследственная конституционная монархия. Против этого возражали Евдокимов и Губонин. Доклад по вопросу о форме правления делал Белоруссов; обоснование вопроса с философской стороны принадлежало профессору Бердяеву; Белоруссов же состоял докладчиком по резолюции, определявшей взгляд совещания на политический строй России и заключавшей в себе отношение к церкви, аграрному вопросу, экономической политике и армии.

Октябрьская резолюция определила[1] единомыслие совещания лишь по двум вопросам: ненависти к Советской власти и признании конституционной монархии (если не считать Евдокимова и Губонина); при разнокалиберном, в смысле политического прошлого, составе участников совещания полного единства взглядов на прочие стороны государственного и социального устройства не могло быть, а потому упомянутая резолюция принята была в довольно неопределенных выражениях, составивших нечто среднее между старыми программами октябристов и кадетов.

Между тем февральский разгром Донской кампании генерала Алексеева[2], исключавший тогда всякую возможность в ближайшем будущем ожидать помощи с Юга, обратил мысли совещания к поискам извне. Суждения по этому поводу тогда носили еще чисто академический или принципиальный характер; один только Плетнев (офицер) произнес горячую речь о необходимости перейти от слов к делу и предпринять что-либо, выходящее за пределы разговоров; ему ответили, что сочувствуют его побуждениям, но его речь в данных условиях только и может ограничиться словами. Таким образом, тем не менее возник пресловутый вопрос об ориентациях. Многие участники совещания, еще столь недавно ярые сторонники войны до победного конца, стали говорить о необходимости сближения с Германией (находившейся накануне мира с Советской Россией) и Японией; другие возражали. Последними, однако, была брошена знаменитая фраза Кавура[3]: «Хоть

---

[1] В тексте книги «опередила».

[2] В конце января — феврале 1918 года советские войска под командованием В. А. Антонова-Овсеенко нанесли поражение отрядам калединцев и частям Добровольческой армии, освободили Таганрог, Ростов, Новочеркасск, отбросили белоказаков и белогвардейцев за Дон.

[3] В тексте книги ошибочно написано «Кавуар». Кавур Камилло Бенсо (1810—1861) — лидер умеренно-либерального крыла в национально-освободительном движении итальянского народа против иноземного господства. В 1852—1861 годах (кроме 1859 года) Кавур был премьер-министром Сардинского королевства, в 1861 году — главой правительства Италии. В исторической литературе изображался деятелем, способным на любые компромиссы ради достижения цели.

с чертом связаться». Тем не менее ни до чего не договорились. Это совпало с укреплением Советской власти (конец февраля или начало марта), и продолжать столь многолюдные совещания в общественном помещении было признано опасным. С тех пор «Совет общественных деятелей» стал собираться сам по себе на частных квартирах (Леонтьева, Урусова и раза два позднее — Бердяева и Стемпковского), кадеты отдельно: лидером их, после бегства Милюкова, был профессор Новгородцев.

Состав «Совета общественных деятелей» под председательством Д. М. Щепкина определился тогда в следующем составе: Леонтьев, Котляревский, Шидловский, Урусов, Устинов, Муралевич, Лоскутов, Бердяев, несколько позднее Каптерев; не принадлежа к «Совету», на заседания его приходили Мейснер и Гурко.

Не располагая реальными средствами политической деятельности и борьбы, «Совет» обратил свою работу на выяснение отношения своего к различным областям государственной и социальной жизни и к разработке соответствующих записок и положений на случай, если бы он с падением Советской власти получил доступ к действительной политической деятельности. Вместе с тем не прекращалось обсуждение вопроса об ориентациях, причем здесь господствовало уже полное единодушие (германская ориентация). Исключение составлял лишь Шидловский, верный союзникам, почему его посещения делались все более редкими.

Для разработки вопросов, связанных с законодательством и государственным управлением, был приглашен Н. Н. Виноградский; впоследствии Н. Н. Виноградский, не являясь членом СОД и не располагая в нем голосом, присутствовал почти на всех его заседаниях, так как было предположено, что он будет писать историю СОД. С другой стороны, он составлял записки по разным возникавшим в «Совете» вопросам. Судебное устройство разрабатывалось Челищевым и приглашенным им Ив. Ив. Шейманом. Таким образом, были последовательно составлены и заслушаны: положение о восстановлении деятельности судебных учреждений, записки об автономии и федерации, положение о печати, собраниях, союзах, об избирательном праве, о местном управлении и самоуправлении, о восстановлении деятельности министерств, о полиции. Вместе с тем был предпринят пересмотр законодательных актов Временного правительства в области управления для суждения о том, какие из них могли бы быть оставлены в силе. Здесь интересно отметить, что СОД стоял на точке зрения признания законодательства Временного правительства в его целом и предлагал идти путем исключения; правые же настаивали на том, что исходною точкою должно быть принято 1 марта и лишь некоторые законы Временного правительства могут быть восстановлены особым актом новой власти. На переговоры и сношение с другими

политическими группами были уполномочены Д. М. Щепкин и С. М. Леонтьев.

Общественно-политическая ситуация контрреволюционных элементов Москвы по тому времени (март — апрель 1918 года) представляется в следующем виде: с одной стороны, социалистические партии со своими старыми партийными организациями и органами печати, с другой — разрозненные и сами по себе немногочисленные кадеты, «Совет общественных деятелей», торгово-промышленная группа «Союз земельных собственников» и крайние правые. Это наводило мысль руководителей этих групп объединиться на почве совместного признания самых элементарных, но необходимых оснований, как говорилось, «возрождения России». Таким образом, весною 1918 года возник «Правый центр», объединивший в себе все пять несоциалистических групп. (Ни точное время образования «Правого центра», ни инициаторов его учреждения автор не знает.)

Председателем «Правого центра» был А. В. Кривошеин; представителями от кадетов — Новгородцев, Н. И. Астров и Котляревский (?), от «Совета общественных деятелей» — Д. М. Щепкин, Леонтьев и Урусов (?), от торгово-промышленной группы... (автору это в точности неизвестно; он предполагает, что были Сергей Арсентьевич Морозов, несомненный лидер этой группы, и из слышанного им упоминания Н. Н. Кукина — что и он); от «Союза земельных собственников» — Гурко, Мейснер (позже, после выхода из «Правого центра» кадетов, был введен от «Союза» еще Ершов, принимавший участие и в нескольких заседаниях «Совета общественных деятелей» до отъезда на Украину в конце лета 1918 года) и от правых — Л. Л. Кисловский; секретарем был Г. А. Алексеев.

Руководящую роль в «Правом центре», очевидно, играли Кривошеин, Гурко и Леонтьев. Образованный из разнородных политических групп, связанных старыми идейными традициями каждая, ПЦ собою, безусловно, сплоченной среды не представлял. Первые недоразумения возникли на почве отношения к вопросам самоуправления — здесь кадеты отстаивали всеобщее избирательное право, прочие же, особенно Гурко, настаивали на цензовом земстве. Но отношения еще более обострились из-за ориентации «Совет общественных деятелей», «Союз земельных собственников» и правые высказывались за германскую ориентацию, промышленники были нейтральны, кадеты оставались верны союзникам. На этой почве произошел в июне 1918 года раскол; кадеты ушли, торгово-промышленная группа распылилась. Выход кадетов был довольно длительным, вопрос об удержании их в ПЦ рассматривался в СОД, причем наибольшие усилия к их удержанию проявлял Котляревский, бывший в переговорах посредником. Астров

был непримирим. Таким образом, ПЦ, ослабленный численно, выявил свою настоящую физиономию и сильно подался вправо.

Работы «Правого центра» велись крайне конспиративно. В СОД докладывались лишь общие вопросы принципиального характера; вся активность была сосредоточена в ПЦ, а СОД представлял при нем скорее политическую декорацию. Так, например, СОД никаких сношений с провинцией не имел, ПЦ же был с нею связан, по-видимому, через местные отделения СЗС; отношения эти вел Леонтьев. Равным образом сношения, установленные летом 1918 года с германским посольством, исходили от ПЦ. Наконец, ПЦ имел связь с какой-то военной организацией, сношения с которой велись Гурко. Субсидировался ПЦ торгово-промышленной группой при посредстве С. А. Морозова, причем отпускались, по-видимому, крупные суммы денег.

Останавливаясь на переговорах ПЦ с германским посольством, следует прежде всего отметить, что поручены они были Леонтьеву и Урусову. Переговоры происходили с советником германского посольства бароном Рицлером и касались возможности и намерений немцев вмешаться в русские дела и оккупировать Москву. Рицлер, по-видимому, затягивал переговоры, был уклончив и предлагал помощь, но при обязательной инициативе русских сил; предполагалось будто с наступлением Краснова на юге двинуть немецкие силы с Запада, дабы этим ослабить центр и одновременно произвести в Москве переворот посредством двух латышских полков и военных. «Правый центр» со своей стороны обсуждал роль русской власти, могущей возникнуть при оккупации, то есть взаимоотношения ее с немецким командованием, юрисдикцию последнего и т. д.

Переговоры эти, тянувшиеся долго, характеризуют колебания германской политики со времени заключения Брестского мира до Ноябрьской революции; немцы водили ПЦ за нос, не желая рвать с ним на всякий случай связи, но партия канцлера, стоявшего за вмешательство, брала верх. По крайней мере, после убийства Мирбаха приехавший на две недели посол д-р Гельферих не изъявил ни малейшего желания видеться с политическими деятелями старого порядка и уклонился от свидания с ними, а чуть ли не одновременно немецкая миссия во главе с майором Шубертом, сидевшая в том же Денежном переулке [1], принимала живое участие в отправке офицеров на Украину для образования так называемой Южной армии.

С отъездом в июле или начале августа Кривошеина на Украину ПЦ прекратил свое существование. К этому же времени относится и прекращение деятельности СЗС, имевшего последнее

---

[1] Ныне улица Веснина.

собрание с участием провинциальных делегатов в середине июля. Видные представители торгово-промышленного класса в течение лета уехали на Украину, и местная торгово-промышленная группа, если не распылилась совсем, то сократилась и перестала давать деньги.

Таким образом, из всех организаций, входивших в состав ПЦ, остались кадеты, СОД и правые. С тех пор в качестве представителя от них для «контакта» постоянно участвовал Л. Л. Кисловский, в «Совет ОД» окончательно перекочевали Стемпковский и Ершов, до его отъезда.

В сентябре на Украину уехали Гурко и Меллер-Закомельский, принимавший также участие, кажется, в СЗС. До отъезда их в конце августа или начале сентября состоялось заседание СОД при участии Гурко и Меллер-Закомельского; на заседаниях присутствовали также С. А. Морозов и Григорий Николаевич Трубецкой — идейный представитель СОД в течение зимы в Новочеркасске, вернувшийся на некоторое время в Россию и затем осенью уехавший опять на юг. Заседание было созвано для заслушания доклада Б. С. Гагарина (советника украинского Министерства иностранных дел) о положении дел на Украине. Присутствовавшие жестоко обрушились на украинофильскую политику Скоропадского и самостийность; Гагарин указывал на необходимость и прибавил, что курс политики Скоропадским значительно меняется.

К этому же времени относится обсуждение СОД вопроса о чехословацком движении и установлении на Востоке власти Уфимской директории Авксентьева. СОД к чехословацкому движению, как несущему за собою возврат к старому Учредительному собранию, отнесся, безусловно, отрицательно. С этим не согласился Шидловский, который после этого ни разу более не показывался.

Между тем кадеты, выходя из состава «Правого центра»[1], почувствовали себя изолированными, так как примкнуть к социалистическим партиям не могли. Тогда они задумали образовать со своей стороны надпартийную организацию для объединения общественных и политических сил, стоящих на союзнической ориентации *.

Докладывая в СОД об образовании НЦ, Леонтьев и Д. М. Щепкин относились к нему сперва скептически; они указывали на то, что это, строго говоря, те же кадеты, так как туда идти больше некому, что наименование «Национального центра» они ему дали,

---

[1] В тексте ошибочно — НЦ («Национального центра»).

* Установить время образования «Национального центра» автор не может

чтобы импонировать Антанте, и что удивляются, как мог туда пойти Д. Н. Шипов; это они объясняли его старостью. Стремление же кадетов заполучить Шипова вполне понятно, так как они надеялись, что благодаря его старому обаянию в общественных кругах Москвы за ним пойдут другие. Председателем НЦ первое время был Шипов, а Котляревский, по словам Леонтьева, должен был организовать такие же работы, какие были в СОД в 1918 году (управление, суд и т. д.). Между тем в деятельности СОД с середины сентября наступило окончательное затишье: собирались редко (раз в 2—3 недели) для обмена мнений о текущих событиях и «информации». В порядке этого обмена взглядами участники заседаний «Совета» делились мнениями и определяли политическое настроение близких им кругов, причем более всего на эту тему говорили Муралевич, Каптерев и Сергиевский (вступивший в «Совет» в январе или феврале), как лица, вращающиеся в наиболее обширном кругу учительского и преподавательского персонала. О каких-либо взаимоотношениях с НЦ не было речи. В одном заседании СОД был даже поднят вопрос, не распуститься ли, спрашивали себя, кого и СОД из себя представляет, но решено было продолжать собираться иногда для обмена мнений.

Когда произошла революция в Германии и немецкая ориентация, составлявшая главную препону для возможности какого-нибудь сговора, потеряла значение, был возбужден вопрос о переговорах с НЦ *.

Переговоры с Шиповым вел Д. М. Щепкин и указывал на крайнюю несговорчивость старика: с одной стороны, Шипов говорил, что не представляет себе, как они, то есть Шипов и Щепкин, не находятся в одном лагере; с другой стороны, письмо его оставил без ответа более месяца, далее, требовал, чтобы СОД просто вошел, влился в НЦ. Шипов указывал, что СОД является, строго говоря, пустым местом; комментируя это, Д. М. Щепкин указывал «Совету», что НЦ собою немногим больше представляет, чем СОД, с тою только разницею, что «Совет» денег не имеет, а в НЦ имеются какие-то остатки денег, полученных от Антанты.

Переговоры эти казались бесконечными, и вся зима вплоть до февраля ** прошла в обмене мнений и информации. К последней, между прочим, относились осведомительные сообщения Д. М. Щепкина и Леонтьева о «контактных» совещаниях, происходивших у Кусковой по инициативе ее и Прокоповича, где участвовали главным образом меньшевики оборонческого типа

---

* Автор не может установить в памяти, от кого шла инициатива, то есть обратился ли Д. М. Щепкин к Шипову или наоборот.

** Этот срок можно установить точнее, ибо он почти совпадает с временем опубликования радио о конференции на Принцевых островах.

(Кускова, Прокопович), затем бывшие эсеры и энесы — Семен Маслов, Зельгейм, Беркенгейм, Коробов. Происходил там также обмен мнений, взглядов, то есть создана была политическая говорильня, причем в одном заседании Леонтьев выразился, что они «выздоравливают», даже идут на диктатуру. К тому времени (а это время также совпадает с временем опубликования радио о конференции на Принцевых островах) относится образование новой организации — «Тактического центра»*. В одном из заседаний СОД Леонтьев и Д. М. Щепкин заявили, что НЦ и «Союз возрождения» в конце концов сознают необходимость каким-то образом установить взаимодействие между собою, что возникает мысль создания механического объединения этих трех организаций с сохранением автономности каждой из них, и испросили согласие СОД на соответствующие переговоры. О НЦ в СОД было представление: это был синоним остатков кадетской партии; когда же один из участников спросил, что представляет собою СВ, Леонтьев ответил, что, по его мнению, это почти пустое место, что там имеется несколько человек из бывших народных социалистов.

Переговоры, как всегда в этих случаях, несомненно, затянулись бы надолго, если бы не два обстоятельства: радио о созыве конференции на Принцевых островах поставило перед московскими политическими организациями вопрос о необходимости совместного выступления, дабы выявить Антанте мнение не отдельных партий и групп, а всей «русской общественности». С другой стороны, в следующем заседании СОД, докладывая о ходе переговоров, Леонтьев указал, что на объединении в той или иной форме настаивает «военная группа». На вопрос одного из участников, что это за военная группа, Леонтьев ответил коротко и уклончиво: «Там при НЦ имеется что-то, очевидно, соответствующие переговоры. О НЦ в СОД было представление Антанты».

Затем с проектом образования «Тактического центра» выступил Котляревский, специально для этого приехавший. Проект его, очевидно, уже обсуждался в НЦ и представлял три пункта, трактовавшие о том, что СОД, НЦ и СВ создают такое-то объединение для совместного выявления своего отношения к крупнейшим политическим вопросам, в одинаковом понимании необходимости отказаться от разногласий перед лицом общего врага (то есть Советской власти). Редакция была СОД признана приемлемою.

Здесь необходимо упомянуть об отношении правых к ТЦ. Вхождение их туда представлялось СОД очень желательным с целью усилить правый элемент и ослабить влияние СВ. Переговоры от

---

* Сокращенно — ТЦ. От кого непосредственно исходила инициатива образования ТЦ, автор установить не может.

имени правых вел Леонтьев *, но непримиримость правых, с одной стороны, и выдвинутая ими кандидатура Роговича, признанная представителями НЦ и СВ абсолютно неприемлемою, помешали правым войти в ТЦ. Обстоятельству этому, впрочем, не было придано особого значения благодаря постоянному присутствию «для контакта» в СОД представителя их Л. Л. Кисловского.

Таким образом, ТЦ образовался в следующем составе: от НЦ — Н. Н. Щепкин (он же председатель) и Герасимов, от СОД — Д. М. Щепкин и Леонтьев, от СВ — Мельгунов **. Заместителем Герасимова был С. Е. Трубецкой.

Образование ТЦ поставило СОД по отношению к нему в положение приблизительно одинаковое тому, которое наблюдалось в 1918 году по отношению к ПЦ, с тою только, пожалуй, разницею, что СОД сохранил несколько большую самостоятельность. ТЦ подобно ПЦ оказался организацией актуальной, СОД оставался политической базою, он давал Леонтьеву и Д. М. Щепкину свое мнение по вопросам общеполитического значения, но активности не имел. За все время совместного существования ТЦ и СОД их сношения определяются четырьмя вопросами: декларацией в ответ на предложение Антанты образовать на Принцевых островах конференцию; запиской о современном состоянии России при Советской власти, которую предполагалось отправить за границу; декларацией, определяющей отношение московских политических групп к системе управления, долженствовавшей применяться Колчаком при наступлении из Сибири в глубь России, и принципиальным заключением по внесенному Леонтьевым вопросу об отношении к вооруженному выступлению в Москве.

Когда возник вопрос о Принцевых островах, СОД прежде всего полагал необходимым послать представителей от всех трех объединений, но краткость времени и затруднительность выезда за границу тут же заставили отказаться от этой мысли. Тогда решено было составить декларацию, «Совет» дал свой текст и обсуждал принесенный Д. М. Щепкиным проект НЦ и СВ. В следующем заседании СОД дал свое согласие на новый согласительный текст, выработанный в ТЦ, не признававший никакого соглашения с Советской властью и призывавший Антанту оказать вооруженную и материальную силу борющимся на окраинах против Советской власти армиям.

Когда выяснилось, что конференция на Принцевых островах не состоится, в СОД возникла мысль информировать заграницу о действительном положении вещей в Советской России. Было предположено составить записку, характеризующую все стороны

* За точность этого обстоятельства автор, впрочем, не ручается.

** О том, что Герасимов и Мельгунов входили в ТЦ, автор догадался случайно из произнесения этих фамилий в разговоре Леонтьева и Д. М. Щепкина.

государственной и общественной жизни страны *. Общую часть о Советской Конституции и власти, а также о дифференциации политических групп после Октябрьской революции написал Н. Н. Виноградский, финансовую и экономическую сторону — С. Д. Урусов, аграрный вопрос и крестьянство — Стемпковский, народное образование — Муралевич. Записка была написана и обсуждалась в марте и первой половине апреля 1919 года. О намерении СОД информировать заграницу таким путем Д. М. Щепкиным и Леонтьевым был поставлен в известность ТЦ, причем НЦ и СВ, ввиду начатой СОД уже работы соглашались, чтобы она была им доведена до конца и затем уже подвергалась обсуждению в ТЦ. Позднее Леонтьев докладывал СОД, что записка принята ТЦ с небольшими лишь изменениями.

В конце марта (во всяком случае, до пасхи) состоялось заседание СОД, на которое Леонтьевым были приведены некий Азаревич, приехавший из Сибири, а также приехавший из Сибири офицер и прибывший с юга Хартулари. На этом совещании присутствовал также С. А. Морозов. Это совпадало с первыми успехами Колчака. Приехавшие сделали подробные доклады о положении дел на окраинах; кратким докладам о военном положении они противопоставляли подробные данные, характеризующие общее политическое положение, каковые наиболее интересовали СОД, и отвечали на задаваемые им из этой области вопросы. Сибирские представители определяли положение Колчака чрезвычайно устойчивым как в военном, так и политическом отношениях (благоприятное отношение к нему крестьян и рабочих, овации во время предшествовавшей поездки на фронт). Однако состав правительства Колчака, состоявший в значительной мере из социалистов, и отношение его к органам самоуправления, избранным по законам 1917 года с небольшими отступлениями, вызывали в СОД разочарование; признавалось, что по мере продвижения за Урал органы самоуправления восстанавливать на первое время нельзя.

Представитель Юга дал характеристику общего там положения и указал, что на активность Добровольческой армии рассчитывать нельзя: она может лишь оттягивать советские силы, этим облегчать продвижение Колчака, что она по мере сил и делает. На заданный одним из членов СОД вопрос, когда же можно рассчитывать на продвижение Колчака в глубь России до Москвы, приехавший из Сибири офицер ответил неопределенно и указал, что в апреле — мае предполагается мобилизация еще нескольких

* Эту записку не следует смешивать со сборником, который предлагала набрать «Задруга» для напечатания в «лучшие времена» или, в крайнем случае, за границей (сравн. показания автора).

возрастов и что, если она пройдет так же благополучно, как предыдущая, они надеются в июне добиться решительных результатов.

Политическая информация, как сказано было, СОД не удовлетворила; он опасался, что Колчак, окруженный социалистами, хотя бы и «выздоровевшими», держит не надлежащий курс, политику, может быть, подходящую для Сибири, но неприемлемую для Европейской России. В этом заседании это, впрочем, не высказывалось, но в следующем заседании вопрос подвергся подробному обсуждению и признано было необходимым послать декларацию о том, как в Москве понимают строй, долженствующий быть установленным на местах немедленно после освобождения их от Советской власти.

Для того же, чтобы декларация эта имела больше веса, Леонтьеву и Д. М. Щепкину поручено было сговориться с другими группами, то есть внести вопрос в ТЦ. Обсуждение проекта декларации в ТЦ затруднилось благодаря непримиримому отношению СВ к тексту СОД в части, касающейся аграрного вопроса, и здесь пришлось уступить с тем, что формулировка сделана была в довольно неопределенных выражениях. По остальным же пунктам, как-то: военной диктатуре до Национального собрания (без упоминания, однако, состава его и порядка собрания) — возражений со стороны СВ не было.

Тут же в СОД было предложено примкнуть правым, но одно упоминание о Национальном собрании и формулировка аграрного вопроса заставили Кисловского тут же наотрез отказаться от этого.

Обсуждение этой декларации относится к апрелю. После этого в СОД наступило затишье, заседания его стали созываться реже. Лишь в мае или в июне в одном заседании Леонтьев заявил, что хочет знать мнение «Совета» по одному вопросу, подлежащему обсуждению в ТЦ, — принципиальное отношение «Совета» к внутреннему перевороту (вооруженному выступлению) в Москве.

Прения были очень короткие, и все присутствующие единогласно признали в принципе несвоевременность такого выступления, даже если оно в самой Москве имело бы успех, ввиду отдаленности Колчака и Деникина и совершенной неизвестности о том, входило ли бы такое действие в их планы и намерения.

В это же приблизительно время Леонтьев поручил Виноградскому вновь обдумать вопрос о первых шагах новой власти в Москве в случае падения Советской власти, отнюдь не считаясь с тем, каким образом эта власть возникла, а имея в виду совершившееся событие. Он предложил предусмотреть опять вопрос о полиции и т. д. Такая записка была составлена; она имела в виду также отношение к обществам, собраниям, профессиональным

союзам, домовым комитетам, правительственным учреждениям; однако в СОД она не обсуждалась и была внесена Леонтьевым непосредственно в «Такт. центр».

Летние месяцы затем прошли в затишье. СОД иногда собирался для «обмена мнений» и «информации», которую обыкновенно делали Леонтьев и Кисловский; последние никогда не указывали источников получаемых сведений; самые же сведения подчас носили самый фантастический характер, например указания на появление в Финском заливе эскадры из 120 с чем-то вымпелов, сосредоточение в июне — июле на западной границе 14 германских дивизий под командой Гинденбурга (сообщения Кисловского), пересуды о воображаемых силах Колчака и Деникина, определяемых в различных, достигавших громадной амплитуды цифрах, предположения о причинах отхода Колчака от Самары («крупный стратегический маневр»?), о положении в оккупированных Деникиным местностях, внушавшем СОД большие опасения ввиду непрекращавшихся слухов о неумении организовать управление и промышленность, о неосторожном разрешении аграрного вопроса, наконец, о грабежах, чинимых солдатами и даже офицерами, считавшими себя вершителями судеб и хозяевами положения. Последнее заседание СОД состоялось в конце июня 1919 года, как это по крайней мере известно автору; после ареста Н. Н. Щепкина он больше не собирался.

Н. Виноградский

ИСТОРИЯ «СОЮЗА ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ»

СПРАВКА С. П. МЕЛЬГУНОВА

I

«Союз возрождения России» возник приблизительно в мае 1918 года. Его возникновению предшествовала попытка устроить официальное соглашение всех антисоветских политических партий для выработки единой программы действий. Попытка эта была сделана по инициативе народных социалистов. Первоначально было устроено совещание представителей Центральных Комитетов народных социалистов и социалистов-революционеров. Затем аналогичное же совещание Центральных Комитетов энесов и кадетов. Марксистские группы были оставлены пока в стороне в предположении, что с «Единством» сговориться будет легко, так как точки зрения на политические воззрения были довольно общи у народных социалистов и в «Единстве». С меньшевиками

же, как с партией, нам, то есть народным социалистам, казалось, сговориться будет трудно при разности точек зрения в самой их партии. Думалось, что в случае сговора с социал-революционерами легче будет найти общий язык и с меньшевистскими партиями. С меньшевиками были лишь частные совещания.

Но указанные совещания представителей Центральных Комитетов показали невозможность установить ту среднюю линию, которую предположили народные социалисты: между социал-революционерами и кадетами была пропасть в виде старого Учредительного собрания. Идея объединения оказалась бесплодной. Результаты переговоров были опубликованы в 1-м номере московского «Народного слова», кажется от 11 апреля.

Я, Мельгунов, принимал в этих переговорах ближайшее участие, так как полагал, что только объединение демократических сил может вывести Россию из того тупика, куда ее заводила политика Советской власти.

После неудачи политического объединения партий нами решено было попытаться подойти к этому объединению с другого конца. Создать объединение, так сказать, персональное, то есть привлечь к тому или иному временному союзу лиц, соглашающихся встать на объединенную позицию. Так возник «Союз возрождения».

В него вошли лица, принадлежащие к партиям социал-революционеров, народных социалистов и народной свободы. Представителей с.-д. меньшевиков, насколько мне известно, не было в организации, по крайней мере на первых порах.

«Союз возрождения» по идее своей не должен был представлять непосредственно действующей организации, а тем более организации, имеющей какие-либо разветвления. Здесь должна была вырабатываться точка зрения, а затем член «Союза» должен был пытаться эти точки зрения проводить в своих партиях. Насколько мне известно, с.-р., входившие первоначально в «Союз», входили без санкции на это своей партии. Центральный Комитет к.-д. был осведомлен о лицах его партии, вошедших в «Союз»; что же касается нар. соц., то представители были уполномочены Центральным Комитетом, а именно: Чайковский, Мякотин, Пешехонов и Титов.

Организации был придан столь конспиративный характер, что, осведомляя Центральный Комитет о точках зрения, возникающих в «Союзе», и фильтруя их в своей уже среде, представители нар. соц. не сообщали поименно, кто из лиц других партий участвует в «Союзе». Я, Мельгунов, отрицательно относился к этой конспирации, так как полагал, что при тех задачах, которые должен был себе поставить «Союз», получить реальные результаты можно было только при широкой общественной агитации.

Задачи «Союза» были: объединить всех тех, которые не признавали Брестского мира, всех тех, кто отстаивал единство России и стоял на демократической платформе; попытаться создать новый фронт при содействии союзников для борьбы с немцами. Задача «Союза» заключалась в агитации против той немецкой ориентации, которая определенно стала замечаться в некоторых общественных кругах, а равно и против Брестского мира. «Союз» должен был повести агитацию за создание новой государственной власти за пределами территории Советской России, новой армии, куда звать всех не желавших примириться с немецким ярмом, другим словом, создать широкое национальное движение. Мы все решительно были против назначенного выступления в самой Советской России.

Я участвовал ближайшим образом лишь в продолжавшихся от времени до времени частных совещаниях представителей различных партийных группировок, разделявших платформу «Союза». Здесь участвовали представители всех партий включительно до к.-д. Выяснились основные точки зрения по вопросам организации государственной власти и по вопросу земельному. Но это не были заседания «Союза», который не выходил из рамок весьма узкого круга людей. Это было летом 1918 года.

Для нас, разделявших точку зрения «Союза», ясно было, что немцы скоро станут хозяевами положения в России. И это было бы, если бы не последовал неожиданный разгром военной Германии, а за ним – революция: пример Украины был налицо.

Обсуждая вопрос о создании государственной власти, «Союз» выработал форму создания директории, и делегаты его были посланы в Сибирь, где, казалось, около Сибирской областной думы создается нечто государственное и патриотическое настроение[1]. В Москве, насколько мне известно, был намечен и персональный состав директории. События, бывшие на Востоке в связи с Самарским правительством, Уфимским совещанием и т. д., известны. Осуществление идей создания директории провалилось. Никто из нар. соц. фактически до Сибири и не доходил.

С отъездом делегатов «Союз возрождения», как таковой, в сущности, перестал существовать в Москве. Партия народных социалистов лишилась в сентябре возможности открытого существования; большинство активных ее членов разъехались. Остались только отдельные ее представители, по существу своему мало пригодные для деятельности конспиративной, неизбежной при создавшихся политических условиях.

Что же касается до меня лично, то сентябрь — ноябрь с небольшим перерывом я сидел в тюрьме. При той общественной

---

[1] Так в тексте.

прострации, которая наблюдалась под влиянием террора, никакой политической работы, в сущности, вести нельзя было, и партия наша, можно сказать, вполне бездействовала. Мы не имели никакой информации от наших товарищей и только весной, по приезде А. Д. Бородулина, узнали, где они и что они думают.

До нас доходили слухи о колчаковском перевороте; при этих условиях мы тщательно избегали определить свою позицию и ждали прежде всего сообщений о фактах.

В целях информации и выявления общих точек зрения мы возобновили до некоторой степени прежнюю работу «Союза возрождения» и стали собираться вновь, пригласив с.-д. «Единства». Ни я, ни Карачевский не были уполномочены кем-либо. Никаких организаций, а тем более военных, мы не создавали [1]. Мы считали вредными всякого рода партизанские выступления, полагая, что время карбонарских заговоров прошло.

Я считаю необходимым усиленно подчеркнуть это.

Были попытки наметить программу возможного в будущем демократического союза, но из этой попытки ничего не вышло. (Те 4 пункта, на которых создавался «Союз возрождения», конечно, были недостаточны, тем более что при новой конъюнктуре отпадала Германия.)

Преимущественно мы занимались обсуждением той записки, которую предполагается подать Бернской делегации [2].

Через Н. Н. Щепкина мы вошли в сношение с так называемым «Национальным центром», с организацией которого были весьма мало знакомы. Никто из социалистов, конечно, в «Национальный центр» не входил. Мотивами для такого рода сношений были следующие.

Приехавший с юга Бородулин нарисовал нам крайне мрачную картину Добровольческой армии, особенно ее верхов, прозванных там «Звездной палатой». Ясно было из его доклада, что оттуда ждать здоровое государственное начало не приходится. Полученные нами из Одессы газеты давали подробные сообщения о деятельности товарищей на Юге. Попытки их найти путь согласия

---

[1] С. П. Мельгунов говорит неправду. При «Союзе возрождения России» имелась военная организация, возглавляемая генералом В. Г. Болдыревым. См. ниже показания В. И. Игнатьева.

[2] 3—10 февраля в Берне (Швейцария) состоялась международная конференция социал-демократических и социалистических партий. Она образовала так называемый Бернский интернационал, объявивший себя преемником Второго Интернационала. На конференции с грубой клеветой в адрес Советской власти и большевистской партии выступили меньшевик Аксельрод и эсер Рубанович. Последний, в частности, сообщил о прибытии в Берн из Москвы двух представителей «социалистических» партий России (фамилии их названы не были). По-видимому, именно они должны были передать конференции записку, о которой говорит Мельгунов.

между «Союзом возрождения» и «Национальным центром», так называемым Государственным объединением и «Земским городским бюро»[1] — вновь не увенчались успехом, наткнувшись на препоны в виде земельного вопроса и организации государственной власти. «Национальный центр» и Государственное объединение стояли на точке зрения необходимости военной диктатуры, с чем наши товарищи не могли согласиться. Обсудить те же вопросы и в Москве мы считали крайне целесообразным. На этой почве и возникли наши сношения с «Национальным центром».

О первом таком совещании, вероятно, и говорит С. А. Котляревский. Наиболее крайних взглядов держался Карачевский, — показывает Котляревский. Да, В. В. Волк-Карачевский высказался решительно против какой-нибудь диктатуры, вспоминая роль Кавеньяка и Мак-Магона[2] во Франции. Мою позицию Котляревский характеризует как более правую. Я считал невозможным высказаться против диктатуры в данный момент, когда мы не знаем, что делается у Колчака. Мотивировал тем, что диктаторов не создают, а они появляются сами. Их не признают, а они заставляют себя признать. Нам придется считаться с фактом. И, если факт будет налицо, наша задача, чтобы та или иная диктатура считалась с общественным мнением. До нас доходили сведения, что в правительстве Колчака находятся социалисты и «кооператоры». При таких условиях осуждения колчаковского переворота необсуждение конкретных условий, по моему мнению, было бы неправильно — мы в то время не знали о тех реакционных течениях, которые возобладали у Колчака.

Я всегда полагал своим долгом считаться с фактом и, учитывая уже совершившееся, определять тактическую позицию. Так и в октябре 1919 года при всем моем крайне враждебном, конечно, отношении к большевистскому перевороту я выступил в мень-

---

[1] Так С. П. Мельгунов называет бюро «Совета земств и городов Юга России» — антисоветской организации, созданной эсерами, меньшевиками, кадетами, энесами в конце 1918 года в Крыму. Совет призывал страны Антанты содействовать «объединению демократических правительств на Юге России» и образованию директории во главе с Деникиным. Директорию он рассматривал как шаг на пути создания «временного российского правительства». Совет выступал за созыв Учредительного собрания. Прекратил существование в апреле 1919 года.

[2] Кавеньяк Луи Эжен (1802—1857) — французский генерал, реакционный политический деятель. В мае 1848 года — военный министр Франции. В июне того же года возглавил военную диктатуру, с необычайной жестокостью подавил июньское восстание парижских рабочих. Кавеньяк, по словам К. Маркса, олицетворял «диктатуру буржуазии при помощи сабли» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 7. С. 39).

Мак-Магон Патрис (1808—1893) — государственный и военный деятель Франции. В 1871 году — командующий контрреволюционной армией версальцев, организатор жестокой расправы с защитниками Парижской коммуны. В 1873—1879 годах — президент Французской Республики.

шевистском «Вперед»[1] с открытым письмом с призывом пойти на тот или иной компромисс. Для меня невозможны никакие соглашения лишь с тем, кто осуществляет террор, и красный, и белый — все равно.

Моя главная цель на указанном совещании была уведомить членов «Национального центра» не высказываться определенно за диктатуру, так как подобное осведомление нового Омского правительства [2] о мнениях некоторых общественных кругов Москвы могло бы только поддерживать авторитет правого течения Омского правительства. Цель моя была достигнута, так как в неофициальной резолюции совещания вопрос о диктатуре был обойден — следовательно, «Национальному центру» пришлось пойти на уступки.

Затем мне казалось, что расходиться в Москве из-за вопросов об образовании государственной власти где-то еще очень далеко от Советской России означало делить шкуру не убитого еще медведя. Неизвестно было, не будет ли правительство Колчака политической авантюрой. Мне казалось более важным обсудить ту социальную платформу, на которой мы можем сойтись, ибо здесь труднее всего было сговориться социалисту с представителями иного, так называемого буржуазного миросозерцания. Между тем без такого соглашения не мыслилось национальное единство. Отход демократии от более правых групп означал бы непременную реакцию в будущем. На юге это произошло.

Мы знали, что у «Национального центра» есть некоторые проекты государственного устройства в будущем. Мне казалось в высшей степени целесообразным обсудить их, дабы на реальных вещах выяснить свои разногласия и попытаться, если возможно, найти будущую позицию. Как показало совещание на Юге, это именно и было самое трудное.

Таким образом, выяснилась возможность некоторого контакта, по крайней мере, временного с «Национальным центром», если не в сфере действия, то в сфере переговоров. Мне представлялось крайне важным, так как те или иные уступки более правых элементов обязывали их, конечно, только до некоторой степени, в будущем (это мы прекрасно понимали — все дело было бы в силе демократии). Такое моральное обязательство связывало

---

[1] «Вперед» — меньшевистская ежедневная газета. Выходила с марта 1917 года как орган московской организации меньшевиков, затем как орган комитетов РСДРП (меньшевиков) московской организации и Центральной области. С апреля 1918 года — также и орган Центрального Комитета меньшевистской партии. В мае 1918 года была закрыта за контрреволюционную деятельность. Издание газеты временно возобновилось в январе 1919 года под названием «Всегда вперед!», а в феврале того же года она была снова закрыта.

[2] Правительство, образовавшееся в Омске в ноябре 1918 года после переворота Колчака.

более или менее авторитетную группу, которой в случае изменения политических условий предоставлялось играть значительную роль, по всей видимости.

В это время Колчак становился реальной силой. Шло его головокружительное наступление. Происходило как бы признание его «верховным правителем» Антантой и подчинение ему Деникина. Мы хотели по этому вопросу скорее договориться с людьми из «Национального центра». Кажется, было еще одно или два аналогичных совещаний — хорошо не помню. Но, в сущности, мы никаких проектов не обсуждали и даже не стали вырабатывать какой-либо общей декларации.

Представителем «Национального центра» было признано опасным устройство таких больших собраний и было предложено делегировать от каждой группы по два человека, причем было предложено пригласить представителей бывшего «Совета общественных деятелей», державшегося точки зрения государственного объединения на юге. Отсюда и появилась та «шестерка», которая действительно фигурирует в показаниях, как «Тактический центр» — наименование совершенно неправильное.

Предполагалось, что представители групп будут здесь передавать точки зрения своих групп для осведомления и для передачи на обсуждение групп. Никаких решений здесь принимаемо не могло быть, да и фактически не принималось. Все сводилось, в сущности, к информации, так как и в данном случае тезисов социальных, экономических почти не обсуждалось. Я, впрочем, редко бывал, так как с апреля, говоря языком римлян, стал уходить в частную жизнь по причинам:

1) Три раза сидел уже в тюрьме — и мне надо было уезжать из Советской России, если я хотел заниматься политикой, так как был слишком на виду у ЧК. Но уезжать я не хотел, так как слишком органически был связан здесь делами, которые я в течение длительных дней создавал («Голос минувшего»*, «Задруга», свой архив), не видя себе применения на Юге, где «Звездная палата» решительно брала верх (например, расстрелян мой товарищ С. И. Ладинский), и, наконец, заканчивал большую историческую работу по эпохе Александра I;

2) Совещания «шестерки» были малоцелесообразны, то есть социалистам. Потому я и участвовал в этих беседах, что благодаря старым личным связям со всеми входившими в «шестерку» во мне видели не только социалиста, но и просто известного им Мельгунова. Никакого совместного действия при взаимном недоверии быть не могло;

---

* «Голос минувшего» — журнал истории и истории литературы. Издавался в 1913–1923 годах в Москве. Вышло 65 книг.

3) Наблюдалась, в общем, полная апатия — и, в сущности я не мог представлять собой никакой группы, даже энесовской тем более что при отсутствии информации совершенно нельзя было выработать линию поведения: неясна была прежде всего позиция Западной Европы, решающая, с моей точки зрения, в окончательном счете. Быстрое уничтожение Колчака показало, что на Востоке не создалось народного движения.

В «шестерке» бывали Щепкин и я. Отнюдь нельзя сказать, что Щепкин был уполномоченный «Союза возрождения». Утверждаю еще раз, что «Союза возрождения» в Москве, как организации, в сущности, не было. Щепкин входил в «Союз» при его организации в 1918 году — он был как бы связью. В то же время Щепкин входил в «Национальный центр» и, как видно было из газет, играл там первенствующую роль. Роль Щепкина в «Национальном центре» была для нас недостаточно известна. Когда до нас дошло сообщение одесских газет, что наши товарищи на Юге протестовали против того, что одни и те же люди входят в разные политические организации и что после этого все к.-д. ушли из «Союза возрождения», мы не считали нужным протестовать против этого, то есть против участия Щепкина, именно потому, что мы здесь не представляли из себя какой-либо правильно сконструированной организации. Иметь через Щепкина сношения с другими группами нам, наоборот, представлялось желательным, так как Щепкин для нас был более своим человеком; между тем Щепкин был человек действительно демократический, готовый на широкие социальные реформы, бывший решительный противник аграрной контрреволюции, и с ним было довольно легко сговориться и найти подчас общий язык.

От Щепкина мы узнали, что при «Национальном центре» существует военная организация, имеющая целью не участвовать в перевороте, но подготовить кадры на случай изменения политических условий. Узнали мы это весной 1919 года. Я заинтересовался этим вопросом в значительной степени после своего апрельского сидения в Особом отделе ВЧК, где вследствие доноса Ткаченко выяснилось многое, прежде мне лично неизвестное, так как я, да и мои товарищи весьма отрицательно относились к существованию каких-либо военных конспиративных организаций как по причинам общего характера, ранее указанным, так и потому, что нам хорошо известно было из всего, что происходило в 1918 году, как эти аморфные организации были пропитаны провокаторскими элементами, как некоторые из них в свое время были связаны с немцами, сами подчас того не зная, как к ним присоединяются крайние элементы, то мы просили Бородулина пойти со Щепкиным познакомиться с сущностью. В этом, полагаю, и выражалось участие Бородулина в «военной комис-

сии». Едва ли он был там один раз, так как вскоре уехал и никакой информации нам не давал.

Что же касается моего участия в «шестерке», где был сделан доклад о военной организации, то на таком совещании я действительно был и высказывал на нем в еще более решительной и резкой форме, что изложено выше по отношению к военным организациям.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА В. Н. РОЗАНОВА *

I. Политическая платформа меньшевиков правого крыла вырабатывалась в Петрограде в ноябре и декабре прошлого года. Она была напечатана в воронежском меньшевистском журнале, название которого не помню. Основные ее положения следующие.

Происходящие в Западной Европе события не есть социальная революция. В Германии эта революция, прежде всего, политическая (низвержение остатков феодализма — полуабсолютистской власти короля и господства юнкерства), сопровождаемая, конечно, социальной реформой, ввиду огромного значения немецкого пролетариата, даже широкой и имеющей глубоко пойти социальной реформой. Но это — не социалистический переворот.

В обстановке экономического истощения и военного разгрома Германии невозможно организовать социалистическое производство. Германия должна будет вести жестокую борьбу за свое экономическое существование и приспособляться в этой борьбе к условиям мира. В странах же победивших не только не приходится работать на социальную революцию, но, наоборот, нужно ожидать националистической реакции, которая захватит частью и рабочий класс. Во Франции, Англии и Америке, особенно в двух последних, буржуазия, благодаря чудовищному миру, будет иметь возможность сделать пролетариату своих стран значительные экономические уступки и тем успокоить его, а английский и американский пролетариат, согласно своим традициям, несомненно, пойдет этим путем наименьшего сопротивления и наиболее близких выгод. При таких условиях социальная революция невозможна в Германии и невозможна в России.

Социалистическая Россия экономически немыслима в мире капиталистических стран. Кроме того, психологически огромная масса русского населения абсолютно не подготовлена к социализму. Поэтому и господство Коммунистической партии в России так или иначе окажется невозможным; либо она будет ниспровергнута, либо изнутри выродится в господство мелкой буржуазии. Рабочему же классу предстоят величайшие разочарования

---

* В. Н. Розанов — известный меньшевик, член «Союза возрождения России».

и поражения, поскольку он держится иллюзиями немедленной социальной революции. В России зреет реакция, которой тем легче справиться со своей задачей, что благодаря отсутствию свободной прессы, собраний и союзов все другие силы, кроме коммунистов, распылены, сведены на нет. Задача социал-демократов сохранить от революции то, что можно сохранить. Надо раскрыть глаза и признать, что Россия еще долго будет существовать как страна буржуазной частной собственности, особенно мелкобуржуазной крестьянской, что она не будет в состоянии обойтись без иностранного капитала, что экономическая связь с более культурными странами ей сейчас до зарезу необходима, а поскольку там капитализм, а не социализм, связь эта невозможна в иных формах, кроме форм капиталистической торговли, допущения к нам иностранного капитала, может быть, даже новых концессий. При таких условиях рабочий класс может рассчитывать в самом благоприятном случае на социалистическую реформу, но не на социалистическую революцию и классовое господство в стране, где он и раньше составлял меньшинство и где он теперь численно уменьшается. Поэтому необходимо образование новой партии, социалистической по своему идеалу, но в то же время твердо смотрящей и сознательно ограничивающейся в своих практических задачах социальной реформой, по возможности широкой. В аграрном вопросе надо признать, что ничего ныне, кроме мелкой частной собственности, крестьянством принято не будет и никакой другой реформы, кроме передачи всей земли крестьянству в частную собственность, провести не удастся никому – ни коммунистам, ни реакции, если бы последняя докатилась до попыток реставрации прежних аграрных отношений.

II. Очередные тактические задачи должны были бы состоять в том, чтобы, выступив с новой платформой, повести соответственную агитацию в самых широких размерах и создать силу, на которую могла бы новая платформа опираться. Но при отсутствии свобод такая тактическая задача невозможна. Поэтому внутри Советской России мы вынуждены ограничиваться пропагандой в партийных кружках, поддержанием связей с рабочими, сохранением хотя бы небольшой своей организации, включающей в себя[1] только наиболее интеллигентных рабочих, и поддержанием связей с провинцией. Во внесоветской России меньшевики должны прежде всего закрепить возможность легального существования, создать свою прессу, организацию и входить в соглашения с другими партиями, в том числе и буржуазными, на предмет совместного отстаивания политической и гражданской свободы от покушения справа. Вопрос о поддержке или неподдержке

[1] В тексте книги ошибочно «организации, исключающей в себе»

того или иного правительства может решаться только на местах, но, во всяком случае, поддержки не может быть оказано, если власть не свяжет себя обязательством созвать Учредительное собрание на основе всеобщего избирательного права. Конкретные вопросы о поддержке или неподдержке правительств Колчака, крымского, деникинского, кубанского в меньшевистских группах Петрограда и Москвы никогда не обсуждались, ибо мы никогда не были достаточно информированы, это — во-первых, а во-вторых, московская и петроградская группы меньшевиков правого крыла никогда не присваивали себе смешной роли Центрального Комитета без местных организаций или без связи с ними.

III. Отношение к походу на Петроград Юденича и финнов. Формально этот вопрос в петроградской группе никогда не обсуждался, так как мы о Юдениче имели весьма смутные представления, а о его намерениях и намерениях финнов — только сплетни. В это время (начиная с весны) группа собиралась крайне редко. Разумеется, каждый раз ставился вопрос о Юдениче в порядке «информаций», к которому всегда относились, впрочем, иронически. В последнее время все мы были почти уверены в том, что Финляндия не выступит, а без нее Юденич, Родзянко и Балахович представляют собой только вредную авантюру или, может быть, стратегическую доверенность более крупных сил Колчака и Деникина. Занятие Петрограда Юденичем казалось нам маловероятным или возможным только временно. При таких условиях большинство из нас считало, что Петроград — просто погибший город, и всеми силами стремилось уехать из него. Однажды был даже поставлен вопрос об организованном отъезде из Петрограда. Другие, наоборот, находили, что, если Петроград будет занят Юденичем, нужно немедленно выступить со своим органом и попытаться образовать свою открытую организацию и бороться за ее легальное существование. Вопрос об отношении к правительству Юденича, естественно, и не возникал, пока не было такого правительства и не было даже программы предполагаемого правительства. (К распространяемым в Петрограде спискам с прокламацией Родзянко и Балаховича никто из нас, конечно, не относился как к серьезным явлениям программного свойства, а только как к агитационным изданиям, предпринятым по военным соображениям.)

IV. «Тактические задачи, вытекающие из отношений к Юденичу». Из последнего ясно, что в этой связи никаких тактических задач группа меньшевиков в Петрограде не ставила. Кроме разве того, что была выбрана комиссия из двух лиц — меня и еще одного товарища, которой было поручено искать средства и технические возможности (типографии) для издания собственного партийного журнала и общедемократической газеты. По этому

поводу я имел разговор с отдельными людьми, но разговоры эти оставил ввиду их явной ненужности. Как я уже указал, поднимался вопрос о том, чтобы уехать из Петрограда всем, потому что осенью все равно все будут стараться уехать, и в таком случае, чтобы не перестать существовать совершенно, нужно сохранить связь — учредить где-нибудь бюро. Был поднят и вопрос о распущении группы. Оба вопроса должны были обсуждаться в воскресенье, 27 июля, а я был арестован в пятницу, 25 июля.

V. Вхождение в «Союз возрождения». а) История этого вхождения. Образование «Союза возрождения» относится ко времени, непосредственно примыкавшему к Брестскому миру. Весною прошлого года, приблизительно после пасхи, в связи с Брестским миром, в Москве происходил ряд междупартийных совещаний в различных группировках. Тогда выяснилось, что некоторая часть цензовой буржуазии склоняется к германской ориентации и к признанию Брестского мира. Соц.-рев., трудовики и меньшевики были резко против этой линии. Выяснилось, что большинство кадетов также против германской ориентации и тогдашнего поведения Милюкова. Тогда и было решено в Москве основать «Союз возрождения» со следующей платформой: 1) непризнание Брестского мира и восстановление России в границах 1914 года, за исключением Польши и Финляндии; 2) возрождение русской государственности путем созыва Учредительного собрания. На этом согласились с.-р., меньшевики-оборонцы, трудовики и часть кадетов. Названные группы и решили образовать «Союз возрождения» как организацию, временно объединяющую участников ее для достижения названной платформы, но без ограничения их автономного существования и полной свободы действий и пропаганды. В Петроград об этих совещаниях было сообщено со значительным опозданием (насколько помню, в июне месяце) и было предложено образовать в Петрограде местную группу «Союза возрождения». На междупартийное совещание, созванное с этой целью, от меньшевиков правого крыла были приглашены я и еще товарищ, но присутствовал только я. Мысль об устройстве такой междупартийной кооперации на указанной выше платформе была принята всеми присутствовавшими сочувственно. Я, участвовавший там не по избранию группы, заявил, что принимаю ее только «ad referendum»[1]. Такое же заявление сделали с.-р. Я доложил об этом собрании своей группе, мое поведение было одобрено, и мне же было поручено дальнейшее ведение этого дела со стороны меньшевиков. Но в Москву я мог по личным своим делам выехать только в начале осени. Тогда оказалось, что ядро

[1] Ad referendum (лат.) — для сообщения, для доклада; здесь: предварительно, до утверждения меньшевистской группой.

«Союза возрождения» из Москвы уехало в Самару или на юг и фактически «Союза возрождения» не существовало.

Осень 1918 года и зиму 1918 года «Союз возрождения» существовал в двух различных видах: вне Советской России, например, в Киеве и Одессе он существовал как организация действующая (в Киеве выпускал прокламации, созывал митинги, то же, кажется, и в Одессе). Впрочем, о деятельности «Союза возрождения» за пределами Советской России я имею очень слабые информации: только один раз за всю зиму мы имели из Киева подробные освещения через одного из приезжих товарищей. Наша группа принципиально одобряла участие меньшевиков в «Союзе возрождения» в Киеве, Одессе и Симферополе, но не считала для себя возможным давать какие-либо директивы, ни судить их конкретные шаги. (Поэтому мы также должны были просить принять к сведению и молчаливому одобрению известие, что наши киевские товарищи вышли из этого «Союза» в момент падения Скоропадского, — как и почему, я до сих пор не знаю.)

В Советской же России, то есть в Москве и Петрограде, «Союз возрождения» существовал не как самостоятельная организация, а только как междупартийный контакт на предмет взаимного обмена информациями и выработки, если возможно, общего отношения к важнейшим вопросам текущей жизни. Никогда при «Союзе возрождения», по крайней мере в Петрограде, с тех пор, как я мог знать и наша группа одобрила вхождение в «Союз», при нем не было никакой военной организации, и даже, наоборот, когда в порядке информации стало известно, что имеется (прошлой осенью) военная организация с.-р., было решено никакой военной организации не иметь и никаких технических контактов такого типа не устраивать. (Насколько я знаю, с.-р. военная организация в Петрограде прекратила свое существование совершенно мирно и добровольно.)

Но «Союз возрождения» не мог воспретить входящим в его состав партиям иметь свои военные организации. Что касается нашей группы, то она не имела ни одного знакомого офицера или солдата и менее всего жалела об отсутствии таких знакомств.

Существующая как междупартийное совещание петроградская группа «Союза возрождения» осенью обсуждала вопрос об отношении к самарскому Учредительному собранию, временному правительству Авксентьева — Болдырева [1] и правительству Кол-

---

[1] Временное правительство Авксентьева — Болдырева — Уфимская директория («Временное всероссийское правительство»), антисоветский орган, образованный в сентябре 1918 года. В состав «правительства» входили эсеры, кадеты, энесы. Своей контрреволюционной политикой способствовало колчаковскому перевороту в ноябре 1918 года, утверждению власти «верховного правителя» в Сибири, на Урале, на Дальнем Востоке.

чака. Первые два вопроса исчерпались ходом событий; последний же до сих пор никак не дискассирован ввиду недостатка и постоянной изменчивости информаций, а также и потому, что практического значения вопрос для нас не имел.

б) Одним из таких же текущих вопросов был вопрос об обращении к союзникам по поводу их приглашения на Принцевы острова. Это было даже единственным актом «Союза возрождения», доведенным до конца.

Обращение это было принято в Москве, причем в прениях, как предпосылка этой совместной ноты (компромиссного характера), было выяснено, что все, подписавшие ее, принимают два требования, которые должны быть представлены на Принцевы острова, именно: внутреннего строя через Учредительное собрание. (Я на этом собрании не был и возможно, что здесь не точен.) Как известно, обращение это совершенно разошлось с мнением заграничных выразителей «Нац. центра» и кадетов, и теперь остается только удивляться, как «Нац. центр» мог иметь два столь противоположных мнения единовременно. Это обстоятельство может указывать только на то, что в ненормальных условиях подполья и «Нац. центр» состоит из различных, вовсе не однородных частей.

в) Политическая платформа объединения с другими группами.

О политической платформе «Союза возрождения» я сказал. Политического объединения с другими группами еще нет. В нашей группе имелось еще только в виду обсудить платформы «Нац. центра» и «Союза освобождения», но мы их еще и не получили. Только имелось в виду подвергнуть совместному обсуждению с «Нац. центром» и «Союзом возрождения» некоторые вопросы, например вопрос коммунальный и продовольственный, на случай, если бы Петроград действительно подвергся оккупации, но никакого сношения с этими организациями еще не было. Совершенно неверно было напечатано недавно в «Петроградской правде», что в «Союз освобождения», издающий в Петрограде какие-то листки, входят меньшевики. В «Союз освобождения» не входят ни меньшевики, ни эсеры, ни трудовики и никакие вообще социалисты. Даже контакта с этой организацией не было.

г) Как следует согласовать, что входящие в состав «Союза возрождения» политические группы способствовали захвату Юденичем Петрограда с нахождением в этом «Союзе» меньшевиков?

Формально это можно согласовать тем, что входящие в состав «Союза возрождения» партии не лишались своей автономии и ничем себя не связывали, кроме обязательства бороться за неделимость России и Учредительное собрание. Фактически же мне о содействии Юденичу ничего не известно. Речь могла бы идти только о к.-д. Но я не думаю, что этот факт имел место. На-

сколько я имею представление о кадетской организации в Петрограде, она не может ставить себе серьезно такой тактической задачи [1]. Если такие организации существовали или существуют, то это, вероятно, организации политически более правые или беспартийные или специальные военные организации, не имеющие к «Союзу возрождения» никакого отношения. Если такие организации существуют в Финляндии и ведут там соответствующую агитацию, то о существовании их нам ничего не было известно.

О конкретном случае, по поводу которого возникло настоящее дело, должен сказать, что только после своего ареста узнал о компании офицеров, беспартийных, по их словам, с которой как-то (не знаю, в какой степени и насколько случайно или не случайно) был связан Штейнингер. Узнал об этом я только тогда, когда при переводе из Петрограда в Москву очутился в одном купе с двумя другими арестованными, которых раньше никогда не видал я, о которых ничего не слыхал.

VI. Как следует согласовать подготовительную работу входящих в «Союз возрождения» групп с отношением меньшевиков к Юденичу?

Подготовительная работа может быть двоякого рода:

а) Одна подготовительная работа может считаться с оккупацией Петрограда просто, как с возможностью. Так, например, наша группа обсуждала вопрос о том, как в таком случае существовать: нелегально или легально и как выступить: с собственным органом или путем общедемократического органа стараться обеспечить свои интересы? Кооперативы могли обсуждать и, наверное, обсуждали вопрос о том, как им обеспечить свое существование и свои коммерческие функции, снабжение и продовольствие, какие предлагать требования оккупирующей силе по части городского самоуправления и т. д. Такая постановка вопросов и такая подготовительная работа вполне согласуются с отношением меньшевиков к Юденичу как к власти, с которой, может быть, просто придется иметь дело нам с не зависящим от нас фактом.

б) Другого рода такая подготовительная работа, которая означает содействие великому предприятию. Такая работа могла бы вестись, очевидно, только группами, либо находящимися в прямых технических отношениях с Юденичем, либо, по крайней мере, договаривавшихся с ним относительно будущего режима, программы власти и ее тактике.

---

[1] Розанов пытается отрицать свое участие в антисоветском военном заговоре. Между тем, в ходе следствия были неопровержимо доказаны его работа по подготовке свержения Советской власти, тесные связи с руководителями петроградского и московского отделений «Национального центра».

О такой подготовительной работе мне и моим партийным товарищам ничего положительно не было известно. Только теоретически и по сообщениям «Правды» (петроградской), мы полагаем и (?), конечно, будут существовать люди соответствующей линии политического спектра и пока вообще существует реальная возможность, что Юденич будет пытаться взять Петроград.

Если бы какая-либо из партий, входящих в состав «Союза возрождения», заявила, что она преследует такого рода организационные и тактические задачи, то, конечно, вопрос о «Союзе возрождения» надлежало бы пересмотреть. Но, повторяю, что в «Союзе возрождения» всеми предполагалось, что никакой связи у «Союза» с такого рода техническими организациями нет и быть не должно и не может.

При этом еще раз позволяю себе заметить, что не следует преувеличивать самой реальности «Союза возрождения». Он внутри Советской России не есть самостоятельная организация, а только форма контакта совершенно самостоятельных групп, существующих на предмет взаимной политической инфомации и общих выступлений в защиту неделимости России и народного суверенитета через Учредительное собрание. Поскольку отдельные партии, входящие в «Союз возрождения», распыляются или изменяются, и существование «Союза возрождения» может прекратиться. Достаточно, например, чтобы какая-либо партия пересмотрела свои отношения к Учредительному собранию, отказалась от этого обязательства,— «Союз возрождения» тем самым распадется, если только не все партии одновременно и в одинаковом смысле пересмотрят [этот] вопрос, что, очевидно, маловероятно.

Розанов

ВОСПОМИНАНИЯ В. И. ИГНАТЬЕВА *

В конце марта 1918 года ко мне однажды явился молодой человек, представивший мне рекомендации, оказавшийся Л. А. Каннегисером, и заявил, что он обращается ко мне персонально, а не как к члену ЦК и председателю ПК партии труд-н-сов от имени группы беспартийного, демократически настроенного офицерства с просьбой организовать для них и военный и полити-

---

* Для полноты представления о «Союзе возрождения» мы здесь даем отрывок из воспоминаний Игнатьева, члена СВ, который, однако, в документах ВЧК в 1918 году еще не фигурировал. Его дело приобщено к делу правых эсеров.

[В. И. Игнатьев — член ЦК партии народных социалистов, председатель ее Петроградского комитета. Официальное название партии Трудовая народно-социалистическая партия.]

ческий штаб. Группа офицерства, довольно многочисленная, поставила своей задачей бороться с большевиками; имея в каждом районе города свои комендатуры, занята установлением дальнейшей связи с воинскими частями, накапливанием сил. Прежде всего я пригласил на совещание комендантов районов и наиболее видных членов организации, чтобы познакомиться с их политической физиономией и изложить свой взгляд на настоящее и будущее положение вещей. Основным лозунгом был созыв нового Учредительного собрания на основе четыреххвостки [1]. Мою политическую платформу они приняли без оговорок. Тогда я решил сначала организовать для них военный штаб, а политическое руководство временно оставить за собой.

Военные круги я знал плохо. Кому из специалистов поручить составление военного штаба, чтобы не попасть впросак с черносотенным генералом, — вот вопрос, волновавший меня. Для авторитетных указаний я обратился к своему товарищу по ЦК трудовых энесов В. Б. Станкевичу, бывшему верховному комиссару при Ставке, который, конечно, должен был знать генералитет и офицерство и именно с политической точки зрения. В. Б. Станкевич незадолго до этого по собственному желанию вышел из состава ЦК партии в связи со своим поступком, красочно красивым, к сожалению, неоцененным в свое время Советской властью: при наступлении германцев В. Б. Станкевич, вопреки стоявшему тогда твердому партийному курсу — полной непримиримости по отношению к власти, исключающей всякую возможность совместной работы с нею, явился к главкому Крыленко и передал себя в его распоряжение для работы по обороне против наступающего врага. В период моего обращения к нему с просьбой указать идейных генералов сам он был занят литературной работой — «С Россией или Германией»; лично войти в штаб отказался, но указал мне на двух генералов — Болдырева и Суворова, как подходящих для этой цели.

Генерал М. Суворов согласился участвовать в организации, приняв ее политические предпосылки. Генерал Болдырев заявил, что он переезжает в Москву, где с ним ведутся переговоры о работах совместно с демократическими организациями, что он вполне сочувствует организации, будет поддерживать с ней связь и переговорит с генералом Суворовым. В качестве руководителя военной части изъявили желание работать генерал А. И. Верховский и генерал М. Н. Суворов.

К этому времени относится образование в Москве «Союза возрождения России». Очевидно, ведение «борьбы» с большеви-

---

[1] Четыреххвостка — так называлось требование всеобщих, равных, прямых выборов в Учредительное собрание при тайном голосовании.

ками «Комитетом спасения родины и революции» и межфракционным совещанием Учредительного собрания не удовлетворило наиболее активные партийные элементы, и они решили вести дальнейшую кампанию в условиях, при которых слова бы и призывы не расходились с делом, не связывая себя с официальным партийным представительством, но в то же время осведомляя свои центры о ходе работы. Я уже указывал, что нами, то есть и трудовыми энесами, и меньшевиками, и эсерами, была тогда допускаема помощь союзников и силою и материальными средствами. Кроме того, мы считали необходимым в целях единства фронта против Советской власти идти совместно с буржуазной группировкой — кадетами, поскольку они примут наши политические лозунги и основной из них — вся власть новому Учредительному собранию, избранному по четыреххвостке.

Временную власть «Союз возрождения» проектировал строить по принципу коллегиальности и вручить верховные права директории из нескольких лиц; иностранная же помощь мыслилась как временная, без всякого вмешательства в наши внутренние дела. Более подробно и об организации «Союза возрождения», и о том, во что вылились наши идеологические предпосылки и какую роль здесь сыграли отдельные группировки блока, будет сказано дальше. Сейчас же мне только нужно упомянуть о том, что «Союз возрождения» сорганизовался в Москве по персональному принципу из кадет, трудовых энесов, эсеров, меньшевиков и что его основными посылками были: коалиция социалистов с буржуазией до переворота и после, при организации временной власти, признание интервенции, созыв нового Учредительного собрания.

Ознакомившись с этими основными посылками организующегося в Москве «Союза возрождения», я решил руководимую мною беспартийную военную организацию влить в «Союз» и действовать под его знаменем. И генерал Суворов, и А. И. Верховский, и все мои наиболее видные члены организации с этим согласились, и организация стала действовать под флагом «Союза возрождения», о чем был уведомлен генерал Болдырев, руководитель центральной военной организации «Союза» в Москве.

В самом непродолжительном времени двое из комендантов районов заявили мне, что они сталкиваются на местах с сетью другой военной организации, которая, по их сведениям, является военной организацией партии эсеров, что они говорили с некоторыми ее представителями и последние изъявили желание работать на более широкой базе «Союза возрождения». По опыту прежних месяцев я не особенно-то верил в способность эсеров организовать какой бы то ни было вооруженный переворот против власти и поэтому остался весьма недоволен тем, что эсеры вновь призывают массы к активной борьбе, так как в нужный момент у партии

не хватит воли привести слова в действие. Кроме того, партийная военная работа эсеров вне коалиции, вне «Союза возрождения» могла создать, да и создавала, уже совершенно ненужную и вредную конкуренцию в работе. Поэтому я согласился повидаться с представителями эсеровской военной организации и предложил официальным ее представителям прийти ко мне для переговоров о совместной работе. Вскоре ко мне явились эти представители — полковник Постников (ныне умерший) и упоминаемый в брошюре Семенова броневик Шкловский [1]. Во время обмена мнений выяснилось, что и Постников, и Шкловский, а по их словам, и громадное большинство членов военной организации эсеров желают работать и бороться за возрождение России под более широким флагом, а не под партийным знаменем, приветствуют образование военной организации «Союза возрождения» и готовы немедленно идти на совместную с ней работу. Я спросил делегатов, являются ли они представителями военной организации эсеров и могут ли принять тут же окончательное решение от имени организации, и получил на это положительный ответ. Тогда, чтобы не терять времени, я предложил Постникову и Шкловскому немедленно же фактически слить наши организации, объединив их по районам и подчинив единому военному штабу, в который пока входили я, генерал Суворов и А. И. Верховский и куда от организации эсеров должен был войти полковник Постников. Организация эсеров оставалась самостоятельной в сфере внутреннего распорядка, расходования средств, но руководство должно быть единое, как в центре, так и в районах. Постников и Шкловский согласились, и мы тут же вновь произвели разбивку районов, назначили в них комендантов, причем в одних районах, как, например, Выборгский, Литейный, Василеостровский, были оставлены коменданты «Союза возрождения», и местные ячейки военной организации эсеров подчинялись им; в других, например Петроградский, Невский, остались коменданты из организации эсеров, и наши были им подчинены. Центральный штаб сформировался из меня, полковника Постникова, генерала Суворова, А. И. Верховского, а через несколько дней в него вошел и член ЦК партии эсеров А. Р. Гоц как второй представитель военной организации эсеров. Как я понял, Гоц не особенно доверял принятой линии поведения; с другой стороны, хотел усилить влияние эсеров в штабе.

---

[1] Имеется в виду книга одного из руководителей террористических групп эсеров Г. И. Семенова (Васильева) «Военная и боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917 - 1918 гг.». (Госиздат, 1922). В книге подробно раскрывались методы эсеровской партии по организации террористических актов против видных работников РКП(б) и Советского государства. (В частности, Г. Семенов руководил подготовкой покушения на В. И. Ленина в августе 1918 года.) Воспоминания Игнатьева написаны в период подготовки процесса по делу партии эсеров.

4 Заказ 541

На первом же совещании мы выяснили наши общие силы — они состояли из броневого дивизиона, который содержался на наш счет, отдельных ячеек в частях, рабочих ячеек, охранного караула при литейно-пушечном заводе, организованного офицерства. Денег было мало, рассчитывали на помощь из союзнических источников, переговоры с которыми вел и «Союз возрождения» в Москве, и должен был повести Петроградский военный штаб.

Дня через четыре после совещания с Постниковым и Шкловским, как я уже упоминал, ко мне зашел А. Р. Гоц, который подробно ознакомился с положением вещей и заявил, что он также входит в военный штаб «Союза возрождения», а еще дня через три состоялось первое заседание военного штаба, на котором присутствовали генерал Суворов, А. И. Верховский, полковник Постников, А. Р. Гоц и я. Здесь мы обменялись взглядами на поставленную задачу борьбы с большевиками, на конструкцию будущей власти, на военное командование, на методы работы, район ее, на необходимые для этого средства. Прежде всего констатировали, что все мы являемся сторонниками соглашения, положенного в основу коалиции («Союза возрождения»). Район нашей деятельности был определен в границах Петроградской, Новгородской, Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерний. В качестве будущего главнокомандующего говорили о кандидатуре генерала Лечицкого, выдвинутого Суворовым, но окончательного решения не приняли, поручив Суворову снестись с ним. Денежные средства решили брать от центральной военной организации «Союза возрождения» из Москвы и, кроме того, непосредственно от союзников, поручив генералу Суворову войти в переговоры с ними. Методы работы должны были свестить к накапливанию сил по всей области, к разложению воинских, красногвардейских частей, к добыванию оружия из частей и учреждений. Обязательным условием признавалась помощь союзников вооруженной силой, через высадку десантов, так как расшатанность дисциплины, по мнению военных, не обеспечивала возможности создания надежного военного кадра без иностранной помощи. Генерала Суворова выбрали казначеем, а мне было поручено быть посредником между военным штабом и всеми, с которыми пришлось бы иметь дело, политическими группами и партиями.

Весьма быстро генерал Суворов раздобыл первую сумму, очень небольшую, от генерала Герца из английского источника, которая была разделена между обеими составными частями военной организации «Союза возрождения» — коренной ее частью и военной организацией эсеров, через полковника Постникова.

Затем генерал Суворов вошел в переговоры с представителями французской миссии о денежных средствах. Ему там было сказано, что значительная сумма, в количестве нескольких сотен

тысяч, будет на днях передана «Союзу возрождения» в Москве через генерала Болдырева. Действительно, вскоре от него поступило известие о том, что деньги получены и будут нам переданы; затем дополнительное извещение от Моисеенко, что 200 или 100 тысяч рублей (точно не помню) через эсеров посланы из Москвы мне и генералу Суворову. Из них тысяч 30 рублей я получил через незнакомого мне эсера с паролем из Москвы, а дальнейшая сумма не приходила. Деньги были нужны, организация ширилась.

Генерал Суворов пригласил двух генералов, которым дал задание разработать план по части снабжения и путей сообщения будущей армии; я с А. И. Верховским выезжал в некоторые районы для наблюдения за ходом работы. А. Р. Гоц выразил мне неудовольствие по поводу того, что из 30 тысяч слишком мало уделено эсерам, всего 10 тысяч, за которыми ко мне была прислана Коноплева. Я его попросил представить смету, по которой будут покрываться расходы военной организации эсеров. Смета эта была представлена (кажется, через Семенова).

Однако затерявшиеся где-то деньги все не поступали ни ко мне, ни к генералу Суворову. Так как лицо, передавшее мне 30 тысяч от Моисеенко, заявило, что остальная сумма передана через эсеров, то я обратился к А. Р. Гоцу, собиравшемуся поехать в Москву с просьбой выяснить, куда эти деньги делись, и направить их по адресу, на что Гоц и согласился. По поводу этих денег (так как я непрестанно напоминал о них через Постникова и Гоца) ко мне зашел член ЦК эсеров Иванов, который заявил, что деньги, действительно, посланы из Москвы, но почему-то в Петрограде не получены, но по назначению дойдут. Должен, к сожалению, констатировать, что так они к адресатам и не попали.

На эти получки содержались все наши военные районы. Других средств из отечественных источников у нас не было. Слышал только, что у Н. В. Чайковского были еще какие-то источники в Москве, но думаю, что до нас они не дошли, так как нам суммы из Москвы шли через военный штаб — Болдырева и Моисеенко, которые имели средства от союзников (главным образом).

Что касается методов борьбы с большевиками, то они сводились к подготовке вооруженного выступления против Советской власти собственными силами, если окажется возможным, или при посредстве союзнического десанта. Поэтому военный штаб интересовало, с одной стороны, все, что могло служить к накоплению боевых и материальных средств внутри северного плацдарма, и, с другой стороны, все, что могло обеспечить реальную помощь союзников.

Для достижения первой из указанных целей мы прежде всего стремились пополнить свои ряды воинскими частями, для чего в последние, а также в военные учреждения вливали своих сорат-

ников (один из таковых, например, впоследствии расстрелянный, капитан Гуровский, занял довольно видное положение в ведомстве Дзевалтовского [1], так что я в Москву ездил по литерам, даваемым им).

Затем мы интересовались теми районами Петрограда, которые могли дать нам демократическую боевую силу,— Нарвским, Выборгским и особенно Невско-Заставным, где район Обуховского завода был нам близок по своему настроению. Сюда я неоднократно выезжал, был также совместно с А. И. Верховским и Семеновым, причем последний своим ЦК даже не был осведомлен о том, что над партией эсеров стоял военный штаб «Союза возрождения». Говорил я также с Семеновым о военной работе и о денежных средствах и должен по совести сказать, что автор нашумевших разоблачений об эсерах производил на меня впечатление на редкость искреннего, чистого, несколько фанатичного работника. Подобной фигурой являлся и один из моих сотрудников по военной организации, ведавший связью, Л. А. Каннегисер, будущий убийца Урицкого, только с большей выдержкой и твердостью характера, чем Семенов, но такой же энтузиаст.

В июне месяце прибыла в Петроград и стала у Обуховского завода морская минная дивизия, настроенная не в пользу Советской власти. Мы немедленно завязали с ней связь и ввиду исключительной важности района назначили сюда комендантом упоминаемого в брошюре Семенова штабс-капитана Ганджумова, энергичного работника. Вскоре представилась возможность испробовать наше влияние на обуховских рабочих и матросов минной дивизии: на завод должны были прибыть представители Петроградского губисполкома для агитации по созданию продотрядов; рабочие предупредили меня и провели как рабочего на общее собрание на завод, где были также и матросы минной дивизии. Своей речью я сорвал посылку продотряда, а матросы насильно удалили с собрания представителя губисполкома.

В это время шла усиленная эвакуация из Петрограда снарядов, пушек и другого военного имущества в огромном количестве по Мариинской системе. Имея в виду переговоры с союзниками в Москве и согласие последних на высадку в Архангельске, а также шедший набор офицерства на Мурмане английским генералом Пулем, мы проектировали еще до десанта захватить в свои руки военные грузы, шедшие по системе, создать здесь свою операционную базу. Агенты наши тут были, и сведения о передвижении грузов к нам регулярно поступали. Одновременно мы старались раскинуть сеть своих агентов и ячеек по линии Северной ж. д., что нам и удалось, с целью воспрепятствовать продвижению

[1] И. Л. Дзевалтовский был главным комиссаром военно-учебного управления Всероссийского главного штаба.

войск большевиков из Петрограда, если бы район Мариинской системы нами был бы захвачен раньше Петрограда. К тому же времени относится движение крестьян в Новгородской губернии (кажется, около с. Медведь), откуда нами был вызван полковник Г., который был снабжен деньгами, и ему было дано поручение продолжать организацию крестьянских отрядов для борьбы с продотрядами.

В отношении Петрограда мы ждали окончания организационной работы в морском дивизионе, опираясь на который, а также на броневой дивизион и наши районные дружины мы считали возможным устроить переворот.

Вот в общих чертах схема выполнявшейся тогда нами работы. В военном штабе велась информация, ставился вопрос о времени выступления, причем А. Р. Гоц всегда рекомендовал более осторожный удар, удар наверняка при учете всех сил, а генерал Суворов особенно опасался выступления без помощи союзников.

При дальнейшем обсуждении вопроса о будущем главнокомандующем окончательно остановились на генерале Лечицком (для северного района), хотя Гоц и высказывался за большую пригодность для этого поста генерала Суворова. С Лечицким так никто из нас и не виделся, жил он где-то под Лугой, и к нему я с Суворовым так и не удосужились съездить.

Вскоре штаб наш понес потерю — был арестован А. И. Верховский, принимавший, таким образом, в работе штаба участие лишь в первый период его оформления и выявления к жизни.

Иногда на заседания штаба я приглашал комендантов районов, чтобы они имели представление о наших делах.

I

Наряду с работой по организации и накоплению сил внутри военной организации «Союза возрождения» в Петрограде шла работа по завязыванию связей с союзническими кругами и по выявлению конкурирующих организаций, с одними из которых мы поддерживали контакт, а в отношении других стремились к их распылению и уничтожению; в то же время шла выработка дальнейшей линии политического поведения, для чего у нас в Петрограде образовался политический центр «Союза возрождения».

Генерал Суворов неоднократно встречался с представителем французской миссии, но основные переговоры с ними вела центральная организация «Союза возрождения» в Москве.

Я не присутствовал в Москве в момент образования там центральной организации «Союза возрождения» и поэтому не знаю, кто в нее входил, но знаю, что были и трудовые энесы, и эсеры, и кадеты, причем последние одновременно входили и в так

называемый «Правый центр», состоявший из кадетов и группы общественных деятелей во главе с Родзянко; кадеты служили связью между «Союзом возрождения» и «Правым центром». Если «Союз возрождения» только еще оформлялся, то «Правый центр» являлся организацией, уже законченной и свою военную работу ведшей через генералов Алексеева и Корнилова, где Алексеев был председателем совета, а Корнилов главнокомандующим.

И «Правый центр», и «Союз возрождения», и организация Савинкова одновременно вели переговоры с союзными миссиями (главным образом, французской и английской) о денежных субсидиях для борьбы с Советской властью.

Союзники всех их принимали, всем обещали и всем открывали кредит. При этом не обходилось и без некоторых попыток дискредитировать своих конкурентов в глазах союзников. Мне передавали, что «Союз возрождения» решительно возражал против поддержки союзниками сепаратной организационной работы Савинкова, доказывал, что только «Союз» является истинным представителем настроений народа; в отношении «Правого центра» выдвигались обвинения в реакционности его. Н. В. Чайковский и Н. Д. Авксентьев вели эти переговоры с миссиями, вел их также и генерал Болдырев. Союзники (Нуланс) обещали помощь, высадку в Архангельске, занятие Вологды для создания плацдарма, в сфере которого могло бы производиться формирование русских противобольшевистских сил, давали деньги. В то же время и Савинков получил от Нуланса категорическое заверение о поддержке его союзниками с севера; на основании этих заверений, несомненно, и произошло преждевременное выступление Ярославля, ответственность за жертвы которого в большей своей части падает на тароватого на посулы Нуланса, а затем уже на Савинкова. «Правый центр» ввиду слишком неопределенной, многообещающей и мало осуществляющей политики союзных миссий стал разочаровываться в них, и в его среде наступил раскол на почве отношения к союзникам, выявилась германофильская группа во главе с Кривошеиным и Леонтьевым. Течение это совпало с пребыванием Мирбаха в Москве и Эйхгорна [1] на Украине и не лишено было практической целесообразности, — даже антантофил Милюков тогда предпочел в борьбе против Советской власти опереться на германские официальные круги.

Вместе с тем «Союз возрождения» вступил в переговоры с Савинковым, стремясь подчинить его сфере своего влияния, но из этого ничего не вышло. Таким образом, в то время в центре,

---

[1] Эйхгорн фон Герман (1848—1918) — германский генерал-фельдмаршал, командующий немецкими оккупационными войсками в южной части Белоруссии, на Украине и на Юге России. 30 июля 1918 года убит Б. Донским по решению ЦК партии левых эсеров.

в Москве, шла усиленная обработка союзных миссий со стороны этих трех организаций для получения реальной помощи в борьбе против большевиков.

Я до сих пор достаточно определенно не усваиваю, от имени кого действовали эти отдельные представители дипломатического корпуса, давали обещания поддержки, выдавая субсидии. Так, например, Нуланс давал категорическое заверение о союзническом десанте в Архангельске, о продвижении на Вологду, так что можно было думать, что он действует в контакте с представителями других союзных стран и в согласии со своим правительством. Назначалось даже время высадки. Каково же было изумление Н. В. Чайковского, приехавшего в Архангельск для предварительных переговоров с союзниками, когда командующий английской эскадрой на предложение Н. В. приступить к конкретному выполнению задания — произвести высадку, заявил, что ему ничего о переговорах не известно и он снесется со своим правительством на предмет получения инструкций. Получается картина разнобоя в деятельности союзников за этот период, вызванного, очевидно, колебаниями и неуверенностью в способности социалистических группировок совершить переворот: все симпатии, как мы потом увидим, союзников лежали на стороне кадет и правых группировок, а общая политическая конъюнктура заставляла идти их на подмогу социалистам, которым они не верили.

Союзники разменивались на мелочи, обещая, давая мелочь, оттягивая окончательное решение.

В это время я и петроградская группа «Союза возрождения» и понятия не имели о подготовке эсерами движения в Самаре под флагом Комитета членов Учредительного собрания старого состава. Наметившаяся комбинация в Самаре противоречила принципам «Союза возрождения», опиралась на власть старого Учредительного собрания и строила будущую власть на партийной диктатуре партии эсеров, так как с устранением из Учредительного собрания большевиков — одной третьей части всего его состава, конечно, отпадал принцип народоправства в предполагаемом строительстве власти, третья часть голосов избирателей аннулировалась. «Союз возрождения» же стоял на точке зрения временной коллективной диктатуры (директории) из представителей всех группировок, кроме большевиков. Я не могу утверждать, вел ли ЦК партии эсеров также переговоры с союзниками по поводу помощи при образовании самарского выступления Комуча, но так как там было «действо» чисто партийное эсеровское и с чехами вел разговоры Комуч, а чехи без согласия Антанты едва ли бы выступили, то следует, без боязни впасть в ошибку, предполагать, что и тут не обошлось, вернее не могло обойтись, без переговоров с дипломатическими миссиями.

Следовательно, в самом процессе организации борьбы под флагом «Союза возрождения» уже крылись внутренние противоречия, которые, помимо неправильных идеологических предпосылок, привели к краху всего предприятия: союзники одновременно давали заверения справа налево — и Алексееву, и Корнилову, и «Правому центру», и «Союзу возрождения», и Савинкову и эсерам, поддерживая своими обещаниями и денежными субсидиями эти группировки и тем поощряя их разрозненные, изолированные попытки строить организацию переворота и будущей власти, разъединяя, раздробляя те силы, которые могли бы быть брошены на борьбу с большевиками. Это первое противоречие. Второе заключалось в том, что наиболее видная, ответственная и руководящая группировка — партия эсеров одновременно также работала на два фланга — и направо, и налево, принимая участие в «Союзе возрождения» и готовясь к борьбе под его лозунгами и в то же время организуя свое партийное выступление в Самаре, обеспечивающее диктатуру партии, диктатуру части Учредительного собрания под маской народоправства; я думаю, что именно здесь был заложен фундамент того, что именуется политическим двурушничеством и что характеризует всю дальнейшую работу партии эсеров в процессе русской революции.

Я, повторяю, как и все работники «Союза возрождения», искренне думал, что с организацией «Союза возрождения» устранены все недостатки работы «Комитета спасения родины и революции»[1], что объединились, наконец, активные элементы, способные не только к словам, но и к делам, что отпала дирижерская палочка центральных комитетов, что все мы идем к единой цели под признанным нами общим знаменем. Мы не подозревали, что в наших рядах есть двуликие политические Янусы[2], готовые нас предать и отмежеваться от нас. Если при работе в «Комитете спасения» сказались недостаток воли, стремление и воевать и не воевать, и тем объективно предавалась шедшая за выброшенными лозунгами масса, то в «Союзе возрождения» сказалась воля и кадетов, и эсеров к подготовке сепаратных тайных комплотов[3], и тем уже и субъективно, и объективно предавались все искренно работающие в «Союзе возрождения» и верящие в политическую честность своих соратников.

---

[1] «Комитет спасения родины и революции» — контрреволюционная организация, образованная эсерами и меньшевиками в ночь на 26 октября 1917 года для борьбы против Октябрьской революции. Поддерживал поход Керенского — Краснова на Петроград, организовал 29 октября мятеж юнкеров в столице, после подавления которого распался.

[2] Янус — в римской мифологии божество всякого начала. Изображался с двумя лицами — одно обращено в прошлое, другое — в будущее. «Янус двуликий» — лицемерный человек.

[3] Комплот (франц.— complot) — заговор.

Я в Москву приехал в первых числах июня 1918 года, где был приглашен на заседание центральной группы «Союза возрождения». В числе присутствующих были Н. Д. Авксентьев, Аргунов, Н. Н. Щепкин, кажется, Астров, генерал Болдырев, Моисеенко, Л. М. Брамсон. Я сделал информацию о работе в Петрограде, а затем был поставлен вопрос о конструкции будущей временной власти. Н. Н. Щепкин от имени кадет и «Правого центра» настаивал на единоличной диктатуре, причем в качестве кандидата выдвигал генерала Алексеева. Остальные высказывались за коллегиальное устройство верховной власти в виде директории, перед которой отвечает министерство. В качестве компромиссного решения была предложена Щепкиным директория, но председателем ее обязательно — военный генерал, Верховный главнокомандующий. Возражал особенно решительно против этой комбинации Н. Д. Авксентьев; генерал Болдырев склонен был принять эту формулу.

На следующем заседании вопрос был, насколько мне помнится, разрешен в смысле предложения левой части «Союза возрождения», и затем приступили к персональному намечанию кандидатов; кандидатуры Милюкова и генерала Алексеева не прошли, и в состав будущей директории были намечены Н. Д. Авксентьев, Н. В. Чайковский, Аргунов, Кишкин, Астров и генерал Болдырев. Причем хотя состав директории и был определен в числе пяти человек, но было намечено шесть человек, так как ввиду трудности перехода через фронт (Сибирский) не рассчитывали, что всем кандидатам удастся туда пробраться. Сибирь же была намечена как база, в которой должна строиться новая власть. Намеченным членам директории было дано задание проехать туда.

На дальнейших совещаниях ввиду отъезда в Петроград я не присутствовал. В это время, по-видимому, союзники уже обещали в принципе признать директорию за всероссийскую власть.

Некоторое время спустя политический центр «Союза возрождения» образовался и в Петрограде; в совещаниях его участвовали Л. М. Брамсон, я (энесы), А. Р. Гоц (с.-р.), В. Д. Пепеляев (кадет, будущий глава правительства при Колчаке), Потресов, Розанов (с.-д. меньшевики). Этот политический центр активности не проявлял, не чувствовал единства мысли, дела. Собирались, делились информацией на тему о промахах и ужасах большевиков, о помощи союзников, о настроении рабочих и солдат. Дальше этого почти не шли.

Как раз в это время приехал представитель вологодского отдела «Союза возрождения» с просьбой к нам дать министров для будущего архангельского правительства; разрешением этого вопроса и занялся петроградский политический центр «Союза возрождения», но об этом будет сказано ниже.

II

При ведении военной работы в Петрограде, как я уже упоминал, приходилось сталкиваться, вернее, нащупывать различные подпольные организации, ведущие также подготовку переворота. К сожалению, прошедшие четыре года не дают возможности отчетливо припомнить все группировки, с которыми так или иначе пришлось встречаться.

Первая организация, с которой я получил связь (через генерала Суворова), была организацией генерала Геруа, занимавшегося переброской офицерства на Мурман — через Петрозаводск и через Финляндию. Офицеры перебрасывались в распоряжение английского генерала Пуля за счет английского правительства. С генералом Геруа я вел беседу, причем последний уклонялся от ответа на вопросы, касающиеся будущего политического устройства, ради которого он ведет работу, и ставил беседу исключительно в плоскость практическую, деловую: англичане, мол, заинтересованы в переброске возможно большего количества офицеров на север, в Мурман и Архангельск, а поэтому готовы оказать содействие и военному штабу «Союза возрождения», о котором слышали здесь от генерала Суворова, и выдать денежные средства на ведение его работы. Не входя в организационную связь, мы взяли от Геруа небольшую сумму денег (количества не помню — тысяч пятнадцать).

Недели через три один из наших районных комендатов привел ко мне доктора Ковалевского, впоследствии расстрелянного. Оказалось, что он руководит организацией, направляющей офицеров тому же английскому генералу Пулю через Вологду, и имеет своего представителя в Архангельске, работающего под фамилией Томсона, находящегося там в тесном контакте с английской миссией.

Из беседы с Ковалевским я вынес впечатление о том, что организация эта правого устремления и стоит за диктатуру генерала (по-видимому, Алексеева), а пока что является агентом генерала Пуля и набирает главным образом гвардейское офицерство непосредственно в распоряжение генерала Пуля. Поэтому от совместных действий с ней я отказался, но мы решили регулярно информировать друг друга о положении дел, не предпринимать выступлений без предварительного осведомления другой стороны. Были также объединены некоторые конспиративные квартиры под Вологдой.

Я не знаю, являлись ли организации Геруа и Ковалевского вполне самостоятельными или составляли звенья одной цепи.

За обеими этими организациями стояли группировки «Правого центра».

В дальнейшем мы еще встретимся с их агентами в Вологде и Архангельске.

Линия поведения по отношению к ним военным штабом «Союза возрождения» была одобрена. Вскоре же ко мне стали поступать предложения войти в переговоры с организацией, возглавляемой эсером, бывшим верховным комиссаром при Ставке М. М. Филоненко. Много о нем мне говорил его родственник Л. А. Каннегисер и, характеризуя Филоненко как человека исключительной воли и энергии, просил меня согласиться на свидание с ним. Для меня не было сомнения в том, что Л. А. Каннегисер по родственным ли чувствам или по личным отношениям был под влиянием Филоненко, и поэтому, прежде чем решиться на свидание с ним, я хотел от кого-либо другого получить характеристику его организации. Кроме того, личность Филоненко после его двуличного поведения в корниловском заговоре вызывала у меня сомнение (первоначально Филоненко вошел в кабинет Корнилова как министр внутренних дел, а через три дня в Петрограде уже вооружал петроградских рабочих против Корнилова от имени Петроградского Совета — к этому времени крах авантюры Корнилова был уже ясен).

Мне пришлось встретиться с одним из влиятельнейших руководителей Преображенского полка, который в это время был в определенной оппозиции к власти. От него я узнал, что и он, и командный состав полка, и часть солдат состояли в организации Филоненко, подготовляющей выступление против Советской власти; содержится на суммы, данные Филоненко буржуазными финансовыми кругами; тут фигурировала фамилия Карташева. Будущее временное правительство им мыслилось под председательством Филоненко, который должен был соединить в своих руках и портфель военного министра. Последнее условие — роль Филоненко в будущей власти — ставилось как обязательное.

Такая постановка вопроса сводила, по моему мнению, всю работу организации Филоненко к достижению его честолюбивых замыслов, а не общественного блага, поэтому от знакомства с военными спецами, членами его организации, как и от встречи с ним самим, я уклонился. Знакомство наше произошло уже в Архангельске после переворота.

Встречался я еще с представителями двух каких-то военных организаций; одна из них вела работу в районе станций Торошино и Луги, но физиономии не только организаций, но и ее представителей показались мне настолько подозрительными, что я отказался от политических бесед с ними. Здесь было что-то похожее на германский шпионаж. Другая организация, по-видимому, находилась под руководством кадета В. Н. Пепеляева, так как он весьма

интересовался впоследствии, чем кончилась моя беседа с ними. Кончилась она ничем, так как мы хотели еще раз встретиться, но не успели вследствие ареста ее представителя полковника П.

Наконец, мне пришлось столкнуться еще с организацией некоего Иванова, бывшего присяжного поверенного, кажется, владельца банкирской конторы. Однажды комендант Невско-Заставного района Ганджумов сообщил мне, что среди матросов минного дивизиона ведется работа какой-то организацией под руководством некоего Иванова. Я не обратил на это серьезного внимания, так как ни одна из известных мне политических группировок работы там не вела и поэтому я считал сведения об «организации» Иванова сплетнями. Однако через несколько дней Ганджумов вновь заявил мне об этой организации и сообщил, что, по его информации, организация эта дала пробный приказ по минной дивизии выставить два миноносца к Литейному мосту (стояла она у Обуховского завода). На другой день я, действительно, увидел два миноносца у Литейного моста. Меня это встревожило; я опасался какого-нибудь преждевременного провокационного выступления и поэтому принял предложение Ганджумова повидаться с Ивановым. На другой день я и А. И. Верховский от имени военного штаба «Союза возрождения» встретились на квартире Ганджумова с Ивановым, причем последний не знал, с кем он персонально имел дело. Иванов заявил, что их организация поддерживается рядом демократических земских, городских организаций.

Из дальнейших расспросов удалось совершенно определенно установить, что ни одна из перечисленных Ивановым организаций за ними не стоит, что существует она на германские деньги, что главковерх их — генерал Юденич, с которым, однако, нам в свидании Иванов отказал под предлогом его отсутствия в Петрограде, чем дал нам повод сомневаться в правдивости своих слов и думать, что он спекулирует именем генерала Юденича. Выяснившаяся физиономия организации, личное неприятное впечатление, произведенное на нас Ивановым, заставили нас решительно отказаться от всяких сношений с его организацией и поручить Ганджумову разъяснить через нашу связь матросам о сущности г. Иванова.

Сравнительно скоро после этого минная дивизия была разоружена.

Впоследствии в Архангельске я столкнулся с одним из руководителей этой дивизии, с которым случайно не успел встретиться в Петрограде,— лейтенантом Л., по духу скорее большевиком, чем правым социалистом, от которого узнал, что в то время в Петрограде матросы и он были введены в заблуждение рассказами Иванова о демократическом антантофильском характере его организации.

Как видит читатель, в описываемое время Петроград кишел всякими организациями, поставившими своей задачей борьбу с большевиками, организациями, в своем большинстве питающимися из одного и того же союзнического кармана и, несмотря на общность непосредственной цели — сломить большевиков, ненавидящих друг друга, не верящих друг другу, готовых при первом устремлении к дальнейшему строительству России, которую каждая организация понимала по-своему, перегрызть друг другу горло, что потом и случилось.

III

В июле месяце в политический центр «Союза возрождения» в Петрограде приехал представитель вологодского отделения «Союза возрождения». Он заявил, что в Вологде подготовка к перевороту почти закончена, все готово, ждут только высадки союзнического десанта в Архангельске. Намечена также конструкция временной власти в Северной области, но не хватает только будущих министров, так как на месте у них, кроме Сергея С. Маслова, Дедусенко, Питирима Сорокина, других кандидатов нет, и вологодский отдел просит Петроград дать других членов Северного правительства.

Обсудив этот вопрос, политический центр решил в Архангельске строить правительство временное, окраинное, без титула министров, учитывая постановление «Союза возрождения», о строительстве центральной власти на Урале или в Сибири. Затем было решено послать военного руководителя в Вологду от петроградского военного штаба «Союза возрождения», каковым и был послан в Вологду генерал Х. Недели через полторы политический центр просил меня проехать в Вологду переговорить о времени ожидаемой высадки союзников, о первых шагах будущего правительства; вместе с тем я решил произвести смотр военной организации «Союза» в Вологде по поручению военного штаба.

В Вологде я застал генерала Х., который информировал меня о степени подготовки военной организации Совозроса[1] к выступлению. Оказалось, что военная организация «Союза возрождения» в Вологде является фактически военной организацией эсеров, так как, кроме эсеров, в ней никто не работал. Средства шли через С. Маслова непосредственно партийным руководителям организации. В средствах не нуждаются, так как имеют местный источник — английскую миссию (в то время иностранные посольства находились в Вологде). Вся организация сводилась к пар-

[1] «Союз возрождения России» в Северной области.

тийной организации эсеров в железнодорожных мастерских, группе офицерства, небольшому складу оружия. Районная организация существует только в Череповце. Надеяться при таком положении вещей на переворот невозможно; следует прежде всего расширить работу за пределы партийной организации. Я собрал совещание эсеров, работников в военной организации, указал на недопустимость замыкания в рамках партии, когда работа ведется от имени и на средства «Союза возрождения», и предложил ряд конкретных мер для расширения работы. За выездом Маслова и Дедусенко в Архангельск военной работой в это время руководил в Вологде эсер А. В. Турба, впоследствии расстрелянный.

Политический центр «Союза возрождения» в Вологде пребывал в нетях, так как военный отдел, руководимый Масловым, почти не ставил его в курс дела, и центр совершенно пребывал в неведении, чего-то ждал, ждал и высадки союзников, и переворота в Вологде, но практической работы не вел. Не застав Маслова и Дедусенко в Вологде, я выехал к ним в Архангельск.

В Архангельске я, к глубочайшему своему удивлению, застал Н. В. Чайковского, который должен был, как намеченный член директории, выехать и пробраться в Сибирь. Оказывается, С. Маслов с друзьями убедили Н. В. переехать в Архангельск и возглавить будущее правительство Северной области. Доводом для убеждения послужило обстоятельство, что Н. В. является членом Учредительного собрания от Вятской губернии, а последняя должна была войти в состав Северной области, и, следовательно, он обязан был быть среди своих избирателей. Конечно, Маслову и компании попросту хотелось иметь во главе правительства человека с крупным общественным именем, чем, конечно, никто из бывших там эсеров похвастаться не мог.

В Архангельске я с Масловым, Дедусенко и эсером, членом Учредительного собрания от Архангельской губернии А. А. Ивановым обсудили текст будущей декларации правительства; решено было его именовать «Верховным управлением Северной области», а членов правительства — не министрами, а управляющими отделами. На вопрос их о кандидатах в члены правительства я сообщил им, что петроградский политический центр «Союза возрождения» кандидатов не назначил, а только называл в беседе лиц, которые могли бы взять ту или иную отрасль управления (так меня упоминали, как лицо, подходящее для управления внутренними делами области).

В Архангельске велись усиленные переговоры с союзниками, которые к тому времени уже перекочевали туда из Вологды. И англичане, и французы обещали «Союзу возрождения» свою поддержку, настаивая на одновременной высадке десанта и перевороте посредством организованных сил отдела «Союза возрожде-

ния». Маслов вошел в контакт с организацией, руководимой доктором Ковалевским (в Петрограде), через ее представителя в Архангельске, проживавшего под именем Томсона,— капитана 2-го ранга Чаплина и через полковника Чарковского; и вся подготовительная работа по перевороту шла совместно у обеих организаций. Вооруженную силу составляли: конный дивизион под командой офицера Берга и небольшие крестьянские отряды. В деньгах недостатка не чувствовалось, так как источник их — миссии — находился тут же.

Вскоре после возвращения в Петроград приехал в военный штаб руководитель военной организации в Вологде генерал X. и заявил, что он не считает возможным готовить в Вологде выступление до союзнического десанта, без фактического содействия союзников вооруженной силой; что военная организация «Союза возрождения» в Вологде по-прежнему слаба, по-прежнему работают эсеры одни, достаточно изолированно от других общественных группировок; что он ездил в Архангельск, встретился с Томсоном-Чаплиным, фактическим руководителем военной организации, совместно с Масловым подготовлявшим переворот, и что Томсон произвел на него впечатление человека несерьезного, малоопытного в военном деле, с замашками Хлестакова; от дальнейшей работы в Архангельске в контакте с Томсоном генерал X. отказывался.

Я навел справку о Томсоне у доктора Ковалевского, сообщил ему мнение о Томсоне генерала X.; доктор В. П. Ковалевский мне ответил, что Томсон-Чаплин, действительно, несколько легкомыслен и авантюристичен и он его из Архангельска уберет. Сделать, однако, это ему ввиду происшедшего переворота в Архангельске не удалось.

Тогда военный штаб «Союза возрождения» в Петрограде счел необходимым делегировать меня в Вологду для непосредственного руководства военной работой там «Союза возрождения». Одновременно петроградский политический центр «Союза возрождения» просил меня, А. Р. Гоца и В. Н. Пепеляева проехать в Вологду и взять на себя общее руководство всей работой «Союза возрождения» в вологодском плацдарме; мы все трое изъявили согласие. Однако когда я дня через три-четыре выехал в Вологду, то ни Гоца, ни Пепеляева я там не дождался; А. Р. Гоц выехал в Москву, В. Н. Пепеляев — в Сибирь, где сыграл впоследствии реакционную роль в правительстве Колчака, сначала как министр внутренних дел, а потом как председатель совета министров.

Вологодский плацдарм приковывал в это время наше особое внимание, мы придавали ему огромное значение. В Петрограде только что было произведено разоружение минной дивизии, а без

нее делать выступление в Петрограде мы не считали возможным. Кроме того, в это же время эсеры тайно от «Союза возрождения» уже направляли организованное офицерство в Самару, где ими был создан партийный политический центр в лице Комуча. Таким образом, наши силы в Петрограде оказались недостаточными. В связи же с нашими планами о захвате Мариинской системы с эвакуировавшимся по ней из Петрограда военным грузом, а также с твердым заявлением союзников о том, что они произведут высадку в Архангельске и самое позднее дней через десять после высадки будут в Вологде, мы решили на Вологде сосредоточить центр нашего внимания, всю нашу работу.

Дня за два до моего отъезда в Вологду ко мне заходил член ЦК партии эсеров Лихач, предлагавший мне посылать офицеров, членов военной организации «Союза возрождения», на юго-восток, в Самару, что таково распоряжение ЦК партии эсеров. Я ему ответил, что решение ЦК эсеров для меня не обязательно, что я ничего не знаю о намерении эсеров в Самаре, но что имею определенные директивы военного штаба «Союза возрождения» сосредоточить силы в Северном районе, о чем осведомлен и член ЦК эсеров Гоц, не возражавший против организации боевого северного плацдарма. Лихач выехал в Архангельск, а через два дня я уехал в Вологду.

В Вологде, как я уже упоминал, военной работой за отъездом Маслова в Архангельск руководил эсер А. В. Турба. С ним и эсером Талицким, заведовавшим связью, мне и пришлось больше всего иметь дело.

Со мной приехали в Вологду несколько офицеров, членов нашей петроградской организации, которым я немедленно дал задания. Целью нашей работы было в течение десяти дней приготовить Вологду к перевороту и сохранить военное имущество на складах от разрушения его отступающей Советской властью. В день моего приезда в Вологду в Архангельске высадился союзный десант и произошел переворот. Образовался фронт по линии железной дороги у станции Обозерской, на Северной Двине, ниже Котласа, и в районе города Вельска. Силы Советской власти, которые она двинула против десанта, были ничтожны; через неделю на всех трех участках фронта было не более трех тысяч человек. Я быстро нашел сотрудников в штабе главкома большевиков Кедрова [1] и все военные сведения и сводки получал регулярно. В самой Вологде находился только один стрелковый латышский полк.

Ожидая союзников согласно их обещанию дней через десять под Вологдой, мы решили принять меры к охране огромнейших военных складов в Котласе, Сухонских складов и, кажется, в

[1] В штабе Северо-Восточного участка отрядов завесы.

гор. Буе; в складах этих хранилось резервное военное имущество всей русской армии и исчислялось в миллионах штук и пудов. В Вологде же, по нашему предположению, восстание должно было произойти, когда союзники и архангельское правительство будут в верстах ста от Вологды. На Сухонские склады были посланы организаторы; череповецкой организации было дано задание мешать продвижению поездов с эшелонами из Петрограда; одновременно принимались меры к недопущению начавшейся интенсивной эвакуации Сухонских складов; был испорчен железнодорожный путь на пути из Вологды на юг и юго-восток.

Первое время работа шла на лад, потребовались новые денежные ресурсы. Денег в кассе вологодского военного штаба «Союза возрождения» уже не было — часть увез их для Архангельска Маслов, вологодская часть была израсходована. А. В. Турба и Талицкий свели меня тогда с проживавшим нелегально в Вологде представителем английской миссии Гелеспи, который выкопал оставленные в условном с миссией месте деньги и передал мне для нужд военной работы. Получал от него я деньги раза три, всего на общую сумму тысяч полутораста, двухсот; на эти средства было куплено оружие, содержались члены организации, бывшие на нелегальном положении. Среди эсеров возникло определенное недовольство тем, что союзная субсидия стала проходить уже не через их руки, а мои, а я выдавал им деньги только для эсеров, работников «Союза возрождения», не давая возможности тратить эти суммы на партийные нужды.

Прошло две недели. В советских газетах мы прочли, что в Архангельске образовалось правительство с Н. В. Чайковским во главе, что военным министром в нем Маслов, но никаких вестей непосредственно от них не получали.

Союзный фронт все оставался на том же расстоянии, продвинувшись лишь до станции Плесецкая. В Вельском направлении, где весь большевистский фронт состоял из 300 человек, правительство архангельское также оставалось на месте. Все это говорило нам, что у наших друзей по ту сторону фронта сил мало и нужно им помочь. Решили выступить в Вологде. К этому времени из Петрограда в Вологду прибыло два полка для переброски на фронт. Ко мне приехал Л. А. Каннегисер и передал связь с командным составом этих полков; оказалось, что командный состав и часть солдат — члены организации «Союза возрождения» и готовы выполнять наши поручения, но ближайшее знакомство с ними убедило меня, что полагаться на активное выступление можно только немногих, остальные останутся «нейтральными». В полках этих велась слишком откровенная противосоветская агитация, и каждую минуту можно было ожидать их разоружения. Штаб Кедрова знал об их ненадежности.

В один из этих полков, отправлявшийся на фронт, мы ввели несколько человек из нашей организации, которые по прибытии на железнодорожный фронт, разложив значительную часть полка, перешли на сторону архангельского правительства; впоследствии я их встретил в Архангельске.

Подготовка к выступлению стала тормозиться вследствие репрессий по отношению к Вологде; массовые аресты, поквартальные обыски и облавы нервировали работников «Союза возрождения», ряды их редели за счет тюрем. Был арестован, а потом расстрелян А. В. Турба. Мне без документов пришлось три недели почти ежедневно менять место ночлега, рискуя ежедневно попасть[ся] не только самому, но и подвести под репрессию граждан, принимавших меня ночевать. В таком же положении находилась часть офицерства, документы которых, как и мои, были провалены.

Руководитель организации на Сухонских складах, один эсер, выехав туда для работы, по дороге раздумал и, не предупредив меня, уехал в Тотьму; работа на Сухоне не удалась. Члены штаба Кедрова, работавшие в «Союзе возрождения», жили под страхом ежедневного ареста, как бывшие офицеры. Нужно было решить — или выступать в Вологде, или перекинуть силы по ту сторону фронта.

Тогда я решил сделать последнюю попытку для производства выступления в Вологде — получить из Петрограда в Вологду наши броневики; если бы они прибыли в Вологду, успех выступления был бы обеспечен. В штабе Кедрова удалось провести эту мысль, и Кедров послал в Петроград телеграмму, прося прислать для подкрепления несколько броневиков, но Зиновьев ответил отказом.

После этой неудачи надежды на успешное выступление не оставалось, нужно было своевременно спасти наши силы от окончательного разгрома и вывести их из Вологды. Для разрешения этого вопроса было созвано совещание под Вологдой, на котором присутствовали представители военной организации «Союза возрождения» и английский представитель Гелеспи. Эсеры выразили недовольство тем, что работой руководит беспартийный военный штаб, заявили о своем желании вести работу самостоятельно; также недовольны они были тем, что в случае удачного переворота в Вологде я проектировал сосредоточение местной власти, подчиненной архангельскому правительству, не в руках эсеров.

На совещании я предложил всем членам организации выступить вооруженными в Кадников (где было около 20 человек вооруженной охраны), занять город, взять там небольшие склады оружия, два пулемета, мобилизовать население, перерезать линию

железной дороги на Архангельск и тем отрезать от фронта железнодорожный фронт большевиков, который, несомненно, остался бы в очень тяжелом положении, находясь за 500 верст от своей базы, среди болот, будучи от этой базы отрезан. Однако эсеры решили, что они пойдут отдельно от «Союза возрождения». Таким образом, на совещании было решено одно — выступление в Вологде не организовывать, работу в ней «Союза возрождения» ликвидировать и вывести остатки наших сил из Вологды, спасая их от разгрома со стороны Кедрова.

Через два дня назначен нам был выход из Вологды; средства на переход были получены мною от Гелеспи.

В конце концов вышло со мной из Вологды 15 человек офицеров, в том числе члены штаба Кедрова со всеми материалами, касающимися фронтов Советской власти.

Вышли мы в начале сентября, одетые в солдатские шинели, вооруженные винтовками, револьверами, ручными гранатами, с подложным документом на отряд какого-то несуществующего коммунистического полка.

Предстояло пройти пешком не менее пятисот верст, так как нужно было обойти Вельский фронт.

В первую ночь мы прошли вдоль реки до Сухоны, переправились через нее на сопровождавшей нас лодке. Утром мы были уже верст за 70 от Вологды.

Через Кадников мы проехали днем на подводах, были остановлены в городе политкомом, который пожелал нам удачи по ловле белых беглецов.

Я не буду здесь описывать нашего 23-дневного пути. Скажу только, что путь был тяжелый, по болотам; все 23 дня мы были насквозь мокрые, а просыпались при инее; ноги так разболелись, что некоторые не могли идти ни в сапогах, ни в лаптях, ни в обмотках. После перестрелки около села Келорева Горка, где погиб наш товарищ Борис Садоков, мы голодали дней пять. Наконец мы вышли на Шенкурский тракт, а затем добрались до Шенкурска.

Никакие трудности и тяготы нас не в состоянии были остановить — такова была сила веры в то дело, ради которого мы пошли, вера в необходимость борьбы за возрождение России, борьбы против захвативших власть большевиков.

Не думалось, что вскоре придется переживать моральные страдания, еще более тяжелые и утомительные, чем наш путь на Архангельск. Не думал я, что таково будет реальное воплощение нашей веры, наших идей, которые пришлось увидеть в Архангельске...

До сих пор мне пришлось писать о подготовке к новой жизни, о теории борьбы и первых организационных шагах к ее осущест-

влению. Дальше придется говорить о нашей практике, о том, как мы начали строить эту новую жизнь, когда от оппозиции перешли к власти.

IV

В Шенкурске нас поразило краткое сообщение местных газет о том, что в Архангельске только что произошел новый переворот — правительство во главе с Чайковским было арестовано, отправлено в Соловецкий монастырь, но через сутки снова возвращено в Архангельск. Подробностей никаких не было, и в Шенкурске недоумевали, что это могло означать. Впечатление же от этого сообщения было сильное, у всех как-то опустились руки, значительно сбавились настроение и подъем, которые были до этого в городе.

Из Шенкурска мои спутники на пароходе отправились в Архангельск, я же их догнал на лошадях у Северной Двины, где впервые встретился с английскими военными властями. После переговоров с последними нас посадили на пароход, отправляющийся в Архангельск.

Наконец-то мы у цели нашего путешествия — вдали, в сумерках наступающего вечера показались колокольни архангельских церквей, лес мачт и труб стоящих на Двине судов. С нетерпением ждали мы высадки на берег, возможности отдохнуть, поделиться своими новостями из России, узнать положение вещей на Севере. Чувствовали себя почти героями, перенесшими трудные тяготы во имя той цели, которая вот через какие-нибудь четверть часа будет уже достигнута; ждали ласкового привета и сочувствия нашим трудам. Пароход проходил около архангельских складов Бакарицы, расположенной версты на две выше Архангельска, на противоположном ему берегу Двины. Пароход пристал к Бакарице, и нам совершенно неожиданно англичане предлагают на ней высадиться. Мы отказываемся, говоря, что нам нужно быть в Архангельске. Нас не слушают и требуют немедленной высадки. Подчиняемся, взволнованные, недоумевающие. Я успеваю переговорить по телефону с Архангельском — с Гуковским, сообщаю ему о нашей принужденной остановке на Бакарице, прошу немедленного распоряжения правительства о нашем беспрепятственном пропуске в Архангельск.

Тем временем нас ведут в какие-то бараки, полные одетых в английскую солдатскую форму россиян, как оказывается, бывших офицеров. Мы попали в помещение так называемого славяно-британского легиона, о роли которого я через несколько дней узнал довольно подробно. Минут через десять нас принудительно, несмотря на наши протесты, разбили по ротам и взводам легиона,

зачислив в него на службу, и сообщили, что теперь мы без разрешения начальства легиона не имеем права выезжать в Архангельск. Тщетно протестую, мне предлагают обратиться к командиру легиона; в ожидании его прихода я знакомлюсь с легионерами. В воздухе слышен стон от политических разговоров, вернее от ругани по адресу правительства Чайковского, по адресу социалистов вообще. Выявляется определенное настроение легионеров построить совместно с англичанами новую, буржуазную, правую власть, расправиться с социалистами, которых они не различают от большевиков.

Славяно-британский легион составился из реакционного офицерства на Мурмане, которое из Петрограда направляли английскому генералу Пулю доктор Ковалевский и генерал Геруа, черпая это офицерство из гвардейских полков. Появление после десанта союзников у власти правительства Чайковского было им не по нутру; чтобы обеспечить себя от воздействия русского правительства и иметь возможность свободно политиканствовать и выявлять свои черносотенные взгляды, они по инициативе полковников Вульфовича и князя Мурузи организовали славяно-британский легион, подчиненный английскому командованию, находившийся на английской военной службе, с английским строем, чинами и т. д. Мы оказались в ядре черносотенцев, взятых под свою защиту и на свою службу английским командованием; русскому военному командованию батальон не подчинялся. Особенно много резких выпадов было в речах легионеров по адресу Маслова и командующего войсками полковника Дурова и его помощника генерала Самарина; легионеры заявили, что им русское офицерство не подчинится и с ними работать не будет.

Я продолжал требовать предоставления мне возможности немедленно выехать в Архангельск, и наконец уже к ночи мне удалось с полковником В. и капитаном Г., моими спутниками из Вологды, отправиться в Архангельск. Остальных же моих товарищей так и не отпустили.

Таково было мое первое вхождение в политическую жизнь Северного края — через принудительный, из эпохи негритянских наборов, набор (зачисление в славяно-британский легион), осуществляемый просвещенными англичанами в XX веке в тесном контакте с русскими реакционерами.

Наконец я в Архангельске. Разыскал общую квартиру членов правительства — Н. В. Чайковского, Гуковского, Мартюшина, Маслова и Зубова.

Маслова, Дедусенко и Лихача я уже не застал в Архангельске — они утром дня моего приезда выехали на пароходе в Печору, а оттуда — в Сибирь.

Информировав Н. В. Чайковского о положении в России, о

полномочиях, предоставленных ему центральной организацией «Союза возрождения» — право от ее имени вести переговоры с Антантой, рассказав о начале враждебного отношения в России к союзникам в связи с невыполнением ими обещанного продвижения вперед, передав о привезенных с собой военных материалах, я заслушал, со своей стороны, информацию членов правительства, так называемого «Верховного управления Северной области».

Положение оказалось не из блестящих. Переворот в Архангельске (свержение Советской власти) произошел при помощи союзного десанта, городского конного дивизиона в Архангельске под командой штабс-капитана Берга и вооруженными крестьянскими отрядами. Союзнический десант состоял из трех-четырех сот человек в Онеге и Архангельске, то есть в количестве, которое скорее говорило об авантюре, чем о серьезных намерениях. Главнокомандующим союзными войсками был английский генерал Пуль, вокруг которого сорганизовались русские реакционные элементы. Для генерала Пуля явилось полной неожиданностью образование одновременно с переворотом правительства Н. В. Чайковского (трудовой энес) в составе С. С. Маслова (эсер) — военного министра, Я. Т. Дедусенко (эсер), А. А. Иванова (эсер), Лихача (эсер), А. И. Гуковского (эсер), Г. А. Мартюшина (эсер), П. Ю. Зубова (к.-д.) и Старцева (к.-д.).

Пуль, информированный, очевидно, Томсоном-Чаплиным, ожидал не социалистического министерства, а определенно буржуазно-кадетского. Для него, по его выражению, это правительство было точно «ножом по сердцу». Естественно, что генерал Пуль всячески старался в дальнейшем ставить препоны работе правительства, не давал ему заняться формированием воинских частей, был в тесном контакте с правыми группировками. Конный дивизион во главе с Бергом, фактически совершивший переворот в самом Архангельске, также не ожидал появления у власти Н. В. Чайковского.

Берг немедленно после переворота провозгласил себя главнокомандующим и отказался подчиниться правительству Н. В. Чайковского. Правительство же в лице управляющего военным отделом С. С. Маслова назначило командующим войсками капитана 2-го ранга Чаплина (Томсона), а комендантом города Архангельска — полковника Чарковского — членов организации доктора Ковалевского, а не «Союза возрождения», хотя для должности коменданта и находился в Архангельске специально для этого присланный мной по предварительному уговору с Масловым Ганджумов.

Дипломатический корпус в лице Нуланса, Линдлея, маркиза де ля Торрета, Сполайковича и главным образом американского посла Френсиса поддержал первоначально Чайковского. Генерал

Пуль (а с ним, очевидно, Нуланс и Линдлей), капитан Берг стояли за правое правительство; с Пулем же находились в связи Чаплин, Чарковский и к.-д. Старцев, которые явились посредниками между правыми группировками (Пулем — с одной стороны, и «Союзом возрождения» — с другой), вошли в доверие к последнему, разделили с ним власть, а через месяц совместно с Пулем арестовали Чайковского вместе с его правительством.

Берг и его офицеры (первый — устраненный от захватного главнокомандования) с первого же дня заняли открыто враждебную позицию по отношению к правительству Н. В. Чайковского. Эта милая теплая компания офицерства во главе с Бергом и графом Ребиндером похитила во время переворота ящик с полковыми деньгами на сумму около миллиона рублей (дело было в 1918 году), кутила на эти деньги в гостиницах и на квартире графа Ребиндера и его сожительницы баронессы Медем, а чтобы обезопасить себя от преследования правительства, часть этих офицеров поступила в славяно-британский и французский легионы, которые и отказались их выдать судебным властям, когда возникло дело о присвоении ими указанных полковых денег. У Берга с генералом Пулем была большая дружба; я сам читал приказ генерала Пуля, в котором он Берга производил в полковники и предписывал его именовать графом X. (к сожалению, данную ему графскую фамилию не помню).

Здесь все характерно: и связь английского главнокомандующего с уголовным офицерством, и хлестаковщина генерала Пуля, выразившаяся в производстве Берга в полковники и даровании ему графского титула, и всем этим проявленное полное неуважение к серьезности того дела, которому он призван был содействовать и из которого он строил трагикомический фарс с переодеванием.

Во главе русских элементов, группировавшихся вокруг генерала Пуля, стояли лидер их М. М. Филоненко (бывший эсер, верховный комиссар при Ставке в корниловские дни), к.-д. Старцев (вошедший первоначально в правительство Чайковского, а через несколько дней занявший должность архангельского губернского комиссара), полковники Вульфович и князь Мурузи, капитан 2-го ранга Чаплин и контр-адмирал Иванов. Через Вульфовича с этой группой был связан политиканствующий славяно-британский легион. Группа эта имела свои корни и в союзной контрразведке, руководителем которой был английский полковник Торнхилл, а наиболее активным ее членом — французский представитель в контрразведке граф де Люберсак, известный во Франции роялист. Наряду с контрразведкой действовало «гражданское отделение» главкома генерала Пуля, которое было частью той же контрразведки. Во главе этого отделения находились корнет По-

ловцев и Филоненко, обычно занимавшиеся в помещении союзной контрразведки; оба они числились на английской службе и субсидировались контрразведкой. Филоненко с первого же дня своего появления еще на Мурмане подал генералу Пулю план организации власти на Севере и неуклонно старался проводить этот план в жизнь, всячески втягивая союзников в наши внутренние дела для борьбы с социалистическими элементами [1].

Такова была стая славных союзных и русских орлов, мечтавших о власти, когда совершенно неожиданно, в силу дипломатических капризов миссий, у власти оказались не они, а левое, эсеровское в большинстве своем правительство Н. В. Чайковского. Нет ничего удивительного, что эта публика руками Старцева и Чаплина, с благословения генерала Пуля, Филоненко, Нуланса и Линдлея арестовала через месяц после переворота правительство и отправила его в Соловецкий монастырь, а к.-д. Старцев объявил себя главноначальствующим по гражданской части, плехановца Постникова — своим помощником, а Чаплин себя — главнокомандующим. Арестовать удалось не всех членов «Верховного управления»: А. А. Иванову и Дедусенко удалось скрыться и быстро организовать отпор черной своре. Ими было выпущено воззвание о том, что переворот и арест правительства совершен для Михаила Романова, который якобы скрывается в Архангельске; рабочие объявили всеобщую забастовку, отряды крестьян пошли к Архангельску на выручку Н. В. Чайковского, и, наконец, не осведомленный заранее о перевороте американский посол Френсис потребовал немедленного возвращения правительства из Соловков в Архангельск, что генерал Пуль и вынужден был исполнить.

Возвратившись, «Верховное управление» пришло к заключению, что в Архангельске фактически осуществлена оккупация англичанами, что правительству здесь делать нечего. К этому же времени относится назначение союзниками французского военного агента полковника Донопа военным губернатором Архангельска. Уволить Донопа союзники соглашались только при одном условии — если «Верховное управление» назначит генерал-губернатора из военных для удобства сношения с английским главнокомандованием. Правительство решило не только назначить генерал-губернатора, но и предоставить ему всю власть на Севере, а самому распустить себя.

Воспользовавшись слухом об образовании в Самаре Комуча, «Верховное управление» в воззвании к населению сообщило, что ввиду образования в Самаре всероссийской власти оно себя распускает, передает всю полноту власти только что им назначенному генерал-губернатору Северной области генерального штаба полковнику Дурову; помощниками его были назначены: по военной

части — генерал Самарин (известный по делу генерала Крымова), а по гражданской — определенный черносотенец, бывший товарищ прокурора Петроградской судебной палаты де Боккар, свой человек у графа де Люберсака и K^0. И Дурова, и Самарина, и де Боккара члены «Верховного управления» знали меньше месяца, и это не помешало им вверить этим лицам верховную власть в крае. Назначив, таким образом, диктатора в лице полковника Дурова, эсеровское правительство решило, что оно сделало все, что было нужно, ушло от власти, и Маслов, Дедусенко и Лихач в день моего прихода уже выехали на отдых в Сибирь.

Ознакомившись с положением вещей, я, как член «Союза возрождения», решительно запротестовал против установления в области единоличной диктатуры и потребовал совещания бывших членов «Верховного управления». Совещание это состоялось в составе Н. В. Чайковского, А. И. Гуковского, Г. А. Мартюшина, А. А. Иванова и П. Ю. Зубова. На совещании я им предложил вопрос, от имени кого они образовали власть в Архангельске, и получил ответ: от имени «Союза возрождения», внеся лишь один корректив в структуру правительства — все члены его, по их мысли, должны были носить на себе печать всеобщего избирательного права: быть или членами Учредительного собрания, или гласными земства или города (все члены «Верховного управления» были членами Учредительного собрания, за исключением П. Ю. Зубова — товарища городского головы в Вологде). Тогда я указал им, что «Союз возрождения» организовался на определенной политической платформе, исключавшей диктатуру, вследствие чего они не имели права устанавливать диктатуру в лице генерал-губернатора и должны пересмотреть этот вопрос. Хотя Гуковский и возразил мне, что о праве их здесь не может подниматься вопрос, так как «Верховное управление» суверенно в своих действиях и не связано директивами «Союза возрождения», но тем не менее оставшиеся члены «Верховного управления» решили у власти остаться и генерал-губернатора включить в состав правительства, поручив ему заведование военными, внутренними делами, путями сообщения, почтой и телеграфом (должность управляющего внутренними делами ввиду этой комбинации была упразднена).

На следующий день состоялось совместное совещание «Верховного управления» с полковником Дуровым, генералом Самариным и де Боккаром. Все трое не выразили особенного удовольствия от перспективы работать совместно с правительством и под его руководством; Дуров решительно отстаивал свои правомочия. У всех нас осталось от этого совещания одно ощущение — нужно ждать нового ареста правительства. Для предупреждения этой возможности А. И. Гуковский предложил назначить меня архангельским губернским комиссаром, дабы у меня находилась в непо-

средственном ведении милиция военная и гражданская, с помощью которой я смог бы предотвратить попытку нового переворота; я согласился и в эту же ночь получил назначение губернским комиссаром.

На другой день «Верховное управление» решило вновь уйти в отставку, передав верховную власть Н. В. Чайковскому и А. И. Гуковскому для организации нового состава правительства с включением в его состав большого представительства торгово-промышленных буржуазных слоев населения. Усиленно настаивали на этом все послы, включая и Френсиса. Чайковский смог вдвоем поработать с Гуковским только несколько часов, так как последний был, действительно, невероятно придирчив к мелочам и был большой буквоед. Гуковский тоже ушел в отставку, поручив одному Н. В. Чайковскому строить новую власть, но верховные функции были завещаны персонально Чайковскому, как будущему представителю нового правительства. В самую сложную и тяжелую минуту, когда нужно было дать твердый отпор домогательствам союзников, эсеры, члены «Верховного управления», сочли за благо удалиться от дел, взвалив всю формальную ответственность за дальнейшие шаги на одного Н. В. Чайковского. Можно не согласиться с его дальнейшими шагами, критиковать его, даже ругать — это дело взглядов, но, во всяком случае, можно одно сказать: старик один не бежал с поля сражения, не предал в руки иностранцев и военщины массы, над которыми бы иначе пронесся жесточайший шквал террора и репрессий. Эсеры позорно бежали, не дав боя.

В эти же дни меня пригласили в союзную контрразведку для выполнения формальности — дать свои показания, как вновь прибывшего с той стороны фронта. В своих показаниях там я красной нитью провел мысль о поднимающемся возмущении союзниками за невыполнение ими своих обязательств со стороны тех, кто до сих пор шел в России с ними и кто теперь уже склонялся в сторону Германии.

Кажется, в тот же вечер меня просил сделать доклад о положении в России некий беспартийный клуб. Прибыв туда, я застал довольно значительную группу военных во главе с контр-адмиралом Ивановым, председательствовавшим на этом собрании. Тут же я впервые лично встретился и познакомился с М. М. Филоненко. После моей информации взял слово Филоненко и, со своей стороны, информировал меня о положении в Северной области, причем особенно сильно досталось Чайковскому, Маслову, Лихачу и полковнику Дурову. Как потом я узнал, клуб этот был клубом «Национального союза» в Архангельске, о котором речь будет идти дальше.

Н. В. Чайковского чуть ли не ежечасно торопили в миссиях с составлением нового кабинета. После переговоров с торгово-

промышленными кругами он наконец составил его в следующем составе: Н. В. Чайковский — председатель, иностранные дела и земледелие; П. Ю. Зубов (к.-д.) — народное просвещение и секретарство; полковник Дуров (беспартийный) — генерал-губернатор, внутренние и военные дела, пути сообщения, почта и телеграф; С. Н. Городецкий (к.-д.) — юстиция; князь И. А. Куракин (беспартийный) — финансы и Н. В. Мефодиев (к.-д.) — торговля и промышленность и вопросы труда (но без организации специального отдела труда). Нелегко далось Чайковскому это формирование, много бессонных ночей провел он до этого... Городецкий и Мефодиев были ставленниками торгово-промышленного класса. Я же вступил в должность архангельского губернского комиссара.

Прежде чем говорить о правительственной деятельности, я хочу остановиться на характеристике существовавших в Архангельске общественных организаций и группировок и на их работе.

Идейным руководителем правых, несоциалистических группировок являлся так называемый «Национальный союз». Лидером его был М. М. Филоненко, а наиболее влиятельными членами — к.-д. С. Н. Городецкий, к.-д. Старцев, Е. П. Семенов, плехановец Постников, корнет Половцев, полковники князь Мурузи и Вульфович, контр-адмирал Иванов. Тайными вдохновителями его были генерал Пуль, Нуланс, Линдлей, полковник Торнхилл и граф де Люберсак. Но нет ничего тайного, что не сделалось бы явным, и всем было хорошо известно, что Филоненко и Половцев служат в контрразведке союзников, что Филоненко, сверх того, субсидируется Нулансом и что газета «Отечество», издаваемая при ближайшем участии Филоненко и Е. П. Семенова — бывшего редактора «Вечернего времени» в Петрограде, субсидируется союзной контрразведкой, а сотрудники ее и редакция получают союзные пайки.

За этой группой «Национального союза» шли славяно-британский легион, о котором я уже упоминал, и все воинствующее правое офицерство.

Группу же «Национального союза» поддерживали и биржевой комитет, и торгово-промышленный союз; последний в особенности любил пополитиканствовать во главе со своим председателем Перешневым. Местные к.-д. — Старцев, Городецкий, Мефодиев, Берсенев — целиком примыкали к «Национальному союзу». Я называю их кадетами только потому, что они сами себя так именовали, да, сверх того, Старцев и Мефодиев были членами Государственной думы и состояли во фракции к.-д. По существу же это была публика без всяких общественных традиций, безо всякой, даже чисто условной демократической идеологии старых цензовых, земских и городских деятелей. Это были попросту обыва-

тели, испугавшиеся русской революции, для которых царизм мерещился раем по сравнению с перспективой основных социальных реформ. Видную роль среди них играли и «мартовские» кадеты, вроде Городецкого, председателя местного окружного суда.

Социалистические партии — с.-д. меньшевики, эсеры, трудовые энесы — работали в Архангельске слабо. Наибольшей по своему удельному весу была партия эсеров, в руках которой было земство. Лидером местных эсеров являлся А. А. Иванов, член Учредительного собрания, молодой, довольно энергичный, но умудрявшийся все время как-то сидеть между двух стульев; он же состоял фактическим редактором газеты «Возрождение Севера», органа социалистической мысли, обслуживающей социалистов-народников и марксистов.

Крайний левый фланг составлял Совет профессиональных союзов первоначально во главе с Наволочным, а затем с Бечиным; состав совета оставался до марта 1919 года почти тот же, какой был при большевиках.

К моменту моего прихода в Архангельск борьба между правым флангом и левым кипела вокруг выборов в Архангельскую городскую думу. С обеих сторон действовали блоки, выставившие по списку. Правый блок объединил кадетов, домовладельцев, торгово-промышленный класс, местное духовенство, которое во главе с настоятелем собора Лелюхиным изрядно политиканствовало. Во главе правого списка стоял Филоненко. Слева блокировались социалисты-меньшевики, эсеры и Совет профессиональных союзов (говорить здесь о большевиках не приходится, так как, конечно, не только легально, но и нелегально им работать было весьма трудно, с ними велась борьба). Во главе второго списка стоял А. А. Иванов. Борьба кончилась победой социалистического блока, но победой не крупной — большинством в думе пяти-шести голосов.

«Национальный союз» проявлял себя организацией клубных заседаний, а также докладами на военные темы для военных; была ясна тенденция его привлечь к себе возможно большее количество офицерства. Орган его — газета «Отечество» вела довольно правильную осаду левой части правительства, к которой она причисляла и кадета П. Ю. Зубова, в этот период своей деятельности оставшегося верным началам «Союза возрождения».

Меньшевики ничем себя не проявляли. Эсеры имели связи с крестьянством, пользовались влиянием на партизан-крестьян, старались проводить своих кандидатов в волостные земские управы. Совет профессиональных союзов политическую борьбу вел подпольно, а открыто неустанно выступал с требованиями организации самостоятельного, независимого от отдела торговли и промышленности отдела труда, выполнения предпринимателями кол-

лективного договора, который всячески старались обойти предприятия.

Крестьяне строили земскую работу, а наиболее активные из них составляли ряды партизанских отрядов, бывших опорой некоторых серьезных участков фронта. Руководило партизанами демократическое офицерство, бывшее в загоне у штаба, главным образом жители Шенкурского уезда.

Не найдя организованной левой общественности, я решил объединить ее в «Союз возрождения». Собрал совещание сочувствующих, сделав предварительно доклад о «Союзе возрождения» в зале городской думы. Совещание окончилось образованием «Северного областного отдела «Союза возрождения», в исполнительный орган которого вошли: я как председатель его, П. Ю. Зубов (к.-д.) и И. В. Багриновский (беспартийный) как товарищи председателя и членами — А. А. Иванов (с.-р.), Мацкевич (с.-р.), Новиков (т-н-с), Капустин (т-н-с), Дацкевич (с.-р.), М. М. Федоров (с.-р.), Старокадомский (с.-д. меньшевик), Маймистов (с.-д.), Порецкая (группа «Единство»), Кубачин (беспартийный кооператор). Почетным председателем был Н. В. Чайковский.

Вскоре «Союз возрождения» открыл свои отделения по уездам. Работа «Союза возрождения» протекала в организации публичных докладов, заседаний, из которых следует отметить два (о них более подробно речь будет дальше): по случаю перемирия с Германией и по случаю образования Юго-славянского государства [1].

Мероприятия, которые «Союз возрождения» считал необходимым провести, подробно в нем обсуждались, а затем давались соответствующие директивы Н. В. Чайковскому и П. Ю. Зубову для проведения их в правительстве. Согласно решению «Союза возрождения», я вошел в состав правительства в декабре 1918 года, и впредь до своего выхода в отставку обо всех предполагаемых мною мерах я предварительно сообщал в «Союз возрождения» и после одобрения эти меры проводил.

Союз был организацией, которая должна была дать политическую линию правительственной политики и создать опору для левой части правительства. Впоследствии «Союз возрождения» значительно отошел от тех кругов, выразителем которых он должен был быть. Основной причиной этого была близкая его связь с членами правительства (и ошибки последнего также обращались и на «Союз») и отсутствие твердости в проведении намеченной линии поведения; в частности, эсеры хотя и принимали участие в решениях «Союза возрождения», но в то же время играли в оппозицию к его представителям в правительстве. Так, например, когда

---

[1] Юго-славянское государство — Королевство сербов, хорватов и словенцев, образованное 1 декабря 1918 года после распада Австро-Венгрии. В 1929 году стало называться Югославией.

«Союзом» мне было предложено назначить по ведомству внутренних дел социалистические элементы и я предоставил в этом вопросе «Союзу» полную свободу – давать мне деловых кандидатов с обещанием их немедленного назначения, то мне назвали всего двух кандидатов: Сосунова, которого я взял к себе помощником губернского комиссара, и рабочего Серикова, которому я дал назначение в Холмогорский уезд; других кандидатов у эсеров не нашлось. Здесь сказалась старая закваска: не то воевать, не то не воевать; критику наводить мы будем, в частных организациях вас поддерживать будем, но идти на реальную правительственную работу в этой же области – лучше уклониться, оглядеться, отсидеться.

Такая же картина получилась, когда я вздумал при отделе внутренних дел организовать агитационный подотдел. А. А. Иванов мне заявил, что отдел необходимо предоставить в ведение социалистического лагеря (это было уже в 1919 году), я ответил согласием и предложил ему и тем, кого он найдет нужным привлечь к этой работе, полную свободу в организации этого подотдела. Однако после нескольких дней колебаний он отказался от этого; я вынужден был пригласить в качестве спеца человека правых устремлений — Семенова; и частным образом Иванов и ряд других его единомышленников в подотдел ходили и вели работу. Нечего и говорить, как пагубно для нас отразилась эта боязнь открытых действий. В данном случае эсеры равнялись по меньшевикам, меньшевики — по совету профсоюзов, но только равнялись не больше, так как фактически только болтали да работали в земстве, притом работали слабо.

Военщина продолжала политиканствовать, заявляя, что она с полковником Дуровым работать не будет; мотивом для этого служило получение Дуровым визы в Лондоне у Литвинова, в то время как русское офицерство в Лондоне приняло решение такой визы не делать. Кроме того, Дуров оказался действительно колеблющимся в вопросах, которые требовали энергичного, быстрого действия. Так, при первых беспорядках в Архангельском стрелковом полку он не предпринял нужных мер к прекращению беспорядков. Это подорвало его кредит и в более демократических слоях офицерства. Самарина правое офицерство за генерала не признавало, так как производство он получил не при царе, а при Керенском. Будировал офицерство Филоненко. Я решил повидаться с наиболее видными из руководителей офицерства и выяснить, что у них своего в этом походе против правительства и Дурова и что от «лукавого», то есть от Филоненко и К°, играющих порывистым офицерством в своих личных политических видах.

По моей просьбе (я тогда был губернским комиссаром) ко мне зашли полковник Вульфович, капитаны 1-го ранга Медведев

и Шевелев. Из беседы с ними я вынес впечатление, что они далеко не совсем солидарны с «Национальным союзом» и при некотором воздействии со стороны Чайковского, а также при условии создания при Дурове военного совета из старших военных чинов смогут начать работу по организации армии без дальнейшего политиканства. Я предложил им сойтись для разговора с Чайковским; они согласились, Чайковский — также. Филоненко, не приглашенный мною на совещание мое с этими тремя офицерами, буквально ворвался ко мне в кабинет для того, чтобы помешать соглашению. Однако свидание этих лиц с Чайковским состоялось, последний сделал им внушение и в значительной мере устранил возможность в дальнейшем каких-либо эксцессов со стороны военной группировки.

Вскоре после выборов в городскую думу ко мне явился Филоненко для политической беседы, в которой он указал на необходимость считаться с ним, как с лидером правого крыла городской думы, и что пора Н. В. Чайковскому вместо второстепенных персонажей (Мефодиева, Городецкого) пригласить в состав кабинета его, лидера этих группировок, и просил меня устроить ему свидание с Н. В. Я отказался, а когда в частной беседе сообщил об этом Чайковскому, он также отклонил просьбу Филоненко о свидании.

Я невольно останавливаюсь больше, чем хотел бы, на фигуре Филоненко, но он у нас на Севере был лидером правых группировок, опорой и надеждой Нуланса и генерала Пуля и союзной контрразведки, и поэтому не упомянуть о нем нельзя. Это совершенно беспринципный человек, но несомненно талантливый, энергичный. Он не брезговал никакими средствами для достижения карьерных своих целей. Видя, что союзники поддерживают правых, он быстро из эсеров стал не то правым кадетом, не то октябристом; видя злобствующее против большевиков бывшее гвардейское офицерство, он в целях поднятия своего престижа среди них распространил версию о своем совместно с Корниловым выступлении, об участии своем в убийстве Урицкого совместно со своим родственником Л. А. Каннегисером. Я не знаю, чего здесь больше было — истины или бахвальства.

Месяца через два Филоненко, поняв тщету своих стремлений войти в правительство или по крайней мере попасть в архангельские городские головы, собравшись в один день, исчез из Архангельска, увезя с собой, во всяком случае, нечто реальное в виде отпущенных французских субсидий.

После его отъезда деятельность «Национального союза» основательно замерла, выявившись только в травле левого крыла правительства через газету «Русский Север».

Вскоре я задумал создать более широкую, объединенную общественную группировку для проведения в жизнь конкретной

задачи — поддержания крестьян-партизан, взять их содержание на общественный счет. Этим я думал вовлечь все общественные круги в активную борьбу с большевиками и снабдить всем необходимым партизан, которые устали в борьбе, были плохо одеты, так как союзное командование систематически отказывало нам в отпуске для партизан обмундирования и пайка.

Я, как губернский комиссар, пригласил к себе на совещание представителей Совета профессиональных союзов, с.-д. меньшевиков, эсеров, трудовых энесов, кадетов, «Союза возрождения», «Национального союза», губернского земства, городской думы, «Северного союза кооперативов», «Торгово-промышленного союза», биржевого комитета и редакций всех газет и предложил им создать объединяющий их всех орган для конкретной цели — поддержки крестьян-партизан. Первоначально пошли разговоры о невозможности вести работу совместно тем или иным лицам, но в конце концов совещание со мной согласилось и постановило образовать из представителей указанных группировок объединенный комитет общественных организаций, председателем которого тут же по моему предложению был выбран представитель «Союза возрождения» И. В. Багриновский.

Комитет сконструировался, начал работу. Я проектировал в случае успешного хода его работы создать из него нечто вроде предпарламента. Сам выступал на его заседаниях, информируя о внутренней политике, выступали там Н. В. Чайковский, генерал Марушевский. Но из этого моего начинания ничего не вышло. Правда, объединенный комитет остался существовать еще и после моего отъезда, но фактически он мало сделал собрал очень незначительную сумму для партизан; отдельные группы, входившие в его состав, постепенно стали переставать посещать его, все реже появлялись на его заседаниях представители совета профсоюзов, меньшевики, эсеры, принимая в последовательном порядке решения не участвовать в объединенном комитете, и всецело предоставляли его в руки правых группировок, хотя, повторяю, задача у комитета была только одна — помощь крестьянам-партизанам.

В вопросе о помощи партизанам ярко сказалась помощь в борьбе против большевиков, в частности, двух организаций — биржевого комитета и «Союза кооперативов»[1]. Как к наиболее денежным организациям я уже как управляющий внутренними делами области обратился к каждой из них в отдельности с просьбой организовать свои собрания для заслушивания моего сообщения. Перед обеими организациями я поставил вопрос весьма.

[1] Союз кооператоров Северного края, т. е. районов Архангельской, Олонецкой, Северо-Двинской и других губерний, находившихся под управлением «Временного правительства Северной области».

конкретно: «Вы обязаны дать денег на помощь крестьянам-партизанам, так как во имя многих из наших интересов идет сейчас борьба с большевиками. Решайте же, сколько вы можете дать на это дело?» Биржевой комитет обещал произвести сбор между своими членами и, кажется, собрал около двухсот тысяч рублей, а «Союз кооперативов» после моего отъезда с его собрания долго дебатировал вопрос, открыто выступить в интересах партизан отказался, ссылаясь на свою «аполитичность», но денежные сборы все же решил организовать. Особенно рьяно там выступал против помощи партизанам один из организаторов Капустин, который за эту речь был исключен из членов «Союза возрождения».

Еще раз мне пришлось столкнуться с нашими Миниными XX века в Архангельске по вопросу об устройстве русских кантин для солдат на фронте взамен закрываемых английских. Кантины — это маленькие солдатские лавочки на фронте, которые за гроши продавали солдатам папиросы, табак, сласти, всякую мелочь. Англичане закрывали свои (в предвидении эвакуации области) и предлагали русским военным властям за валютный миллионный фонд необходимые для кантин товары. У правительства денег было мало. Тогда я решил возложить на банки и крупных торговцев повинность собрать этот миллион. Переговорил с главнокомандующим генералом Миллером, согласившимся со мной. Я созвал представителей банков и «Торгово-промышленного союза», пригласил на это совещание и генерала Миллера. На мое предложение разверстать этот миллион пошли разговоры, что принудительно разверстывать — это недопустимый большевистский прием, этого они сделать не могут, нужно добровольное соглашение на внесение денег, но что денег ни у банков, ни у «Союза» сейчас нет и едва ли возможно будет собрать этот миллион. Даже генерал Миллер сильно одернул этих господ, сказавши им, что ему стыдно за их отношение к армии, к солдатам. После вторичного заседания началась очень слабая подписка на кантинный фонд.

Таковы картинки активной помощи общественных капиталистических группировок в борьбе с большевиками на севере.

Общественное мнение в эту эпоху выражала и городская дума, где первоначально городским головой был Гуковский, но затем его ушли и выбрали в головы Багриновского. Дума все время делилась на два лагеря, целого ничего из себя не представляла. В работе ее требовалась правительственная субсидия; плох был ее продовольственный отдел, над деятельностью которого я назначил правительственную ревизию.

Губернское земское собрание было созвано, кажется, в марте—апреле 1919 года; большинство прошло эсеров. Онежское земство

5 Заказ 541

просило меня выставить свою кандидатуру в губернские гласные, я согласился и был избран в губернское земское собрание, что в то время начавшейся моей борьбы с Миллером и Зубовым для меня было крайне важно как наглядный факт общественной поддержки моей политической линии поведения.

Губернское земское собрание носило деловой характер, хотя и чувствовалась оппозиция правительству. Председателем собрания был А. А. Иванов, а председателем губернской земской управы был выбран эсер Скоморохов.

Рабочий класс и совет профсоюзов все больше отходил от меня и от правительства, хотя беседы я с ними имел часто. Нерешительность правительства в проведени отдела труда особенно оттолкнула от него рабочих.

Совет профсоюзов просил у меня разрешения на устройство в годовщину Февральской революции митинга. Я разрешил, и на этом митинге Бечин и ряд других ораторов определенно призывали рабочих встать на сторону Советской власти. Те же призывы и теми же ораторами были произведены и на заседании городской думы по случаю дня революции [1]. Был произведен обыск в совете профсоюзов, найдены спрятанные винтовки; по городу раскинуты были прокламации большевиков. И на совет посыпались репрессии, за следствие по этому делу взялась военная власть.

Таковы вкратце были те общественные организованные силы, с которыми пришлось иметь дело в Архангельске во время борьбы с большевиками. Что же касается отдельных граждан, то красною нитью проходило нежелание имущих классов подчиняться каким бы то ни было ограничениям, нести какие бы то ни было жертвы во имя предпринятой борьбы; если бы взять мои постановления за нарушение обязательных постановлений по квартирному вопросу (уплотнению), по увертыванию (от) несения службы в охранной дружине и т. п., то составился бы солидный проскрипционный список готовых отдать все «животы» свои для блага родины, как они тогда его понимали.

Правые общественные группировки, почуяв силу в союзниках, в политиканствующем правом офицерстве, решили, что их дело и так уже сделано, что им ничем жертвовать в борьбе против большевиков не придется (союзники и военщина обеспечили им существование их социального господства) и что крестьяне и рабочие подставят свои головы и спины за них в борьбе, – отсюда преждевременное открытие своих карт правыми кругами, обнаглевшими от безопасности в союзническом бесте [2], отсюда

---

[1] В тексте «по случаю дня революции городской думы».

[2] Бест (перс.) — место, где можно укрыться от преследований (например, мечети, гробницы, с XIX века — помещения иностранных посольств, консульств и других учреждений).

цинический отказ от минимальных даже имущественных жертв на то дело, о великом значении которого они и их газеты трубили на весь мир. А левые общественные группировки при первом же столкновении с союзниками сдали свои позиции, а в дальнейшей борьбе с правыми течениями также без боя отступили, имея полную возможность или захватить в свои руки влияние на власть, или, раз они решили отойти от борьбы с большевиками, протянуть им руку. Но ни того, ни другого господствующая по своему влиянию в то время в массах партия эсеров на Севере не сделала, а предпочитала глядеть сложа руки, как переваривала в своем желудке буржуазия демократических и социалистических работников. Взялась же за дело, за борьбу тогда, когда она уже не имела смысла, когда вся власть была уже в руках генерала Миллера и его штаба.

Игнатьев

ИСТОРИЯ «НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА»

Когда произошла Октябрьская революция, в различных общественных группах, враждебных большевизму, господствовала уверенность, что вновь установленный порядок не будет долговечным. С одной стороны, на значительной части русской территории власть находилась в руках групп и лиц, которые, можно было рассчитывать, вступят рано или поздно в активную борьбу с Советской властью, утвердившейся в центре России. Сюда относились Белоруссия, Украина и особенно области на юго-востоке России, населенные казаками.

Уже в конце 1917 года и в начале 1918 года там, на Дону и на Кубани, зарождается военная организация, которая впоследствии развивается в Добровольческую армию. Уже в это время многие военные, а отчасти и гражданские лица из Петербурга, Москвы и других мест, где установилась Советская власть, направлялись туда — на Дон и на Кубань к генералу Алексееву, который стоял в центре указанной военной организации, возглавляя и организовывая ее. Последняя, правда, была очень незначительна: она представляла из себя скорее штаб, чем хотя бы и маленькую армию; в ней сравнительно было много офицеров, особенно штабных, но весьма мало солдат. С такими силами нельзя было, конечно, и думать о походе в Центральную Россию. Да и само казачество даже в слоях его, весьма враждебных большевизму, решительно не сочувствовало подобным замыслам. Оно желало сохранить создавшийся порядок у себя только, а не вмешиваться в дела Москвы и Петербурга.

Так смотрел на дело или должен был в таком духе, во всяком случае, высказываться Каледин, которому пришлось даже вести из-за этого известную борьбу с Алексеевым и особенно с Корниловым, нетерпеливо ждавшим возможности похода на Москву. Впрочем, и в тех кругах, из которых пополнялся состав указанной военной организации и которые снабжали ее деньгами, господствовал взгляд, что она важна как зародыш, находящийся на территории вне пределов досягаемости Советской власти: нужно ее беречь и развивать.

Лишь немногие верили, что новая армия уже в ближайшие месяцы втянет казаческую массу и придет освобождать Москву и Петербург. Большинство считало, что и политически сейчас было бы достаточно образование так называемого «Юго-восточного союза», объединяющего казаческие земли, и что нужно там создать прочную административную организацию, для чего и призывались в Новочеркасск и Екатеринодар люди, которые могли быть полезны своим опытом и своими знаниями. Надеялись на поддержку, особенно финансовую, которую встретит «Юго-восточный союз» у Антанты после того, как большевистская власть начала переговоры о мире с Германией; надеялись на соглашение этого союза с Украиной, которая хотя объявила свою самостийность, но в то же время еще не отказывалась принципиально стать частью общерусской федерации.

Эти расчеты не оправдались. Союзники отнеслись к предприятиям на юго-востоке равнодушно, даже недоверчиво; американцы — прямо отрицательно. А главное, сама масса казаков совершенно не поддерживала планов Алексеева и Корнилова, отчасти опасаясь осложнений из-за них, отчасти была прямо враждебна, усматривая в них замыслы монархической и социальной реставрации.

А затем началось наступление Красной Армии на юго-восток, взяты Новочеркасск и Ростов, и остатки военной организации должны были убраться в Кубанские степи и Кавказские предгорья — и в вышеуказанных общественных и политических кругах наступило глубокое разочарование в этих расчетах на казаков и добровольческие силы. Если в декабре 1917 года и январе 1918 года много народа ехало на юго-восток, то с февраля начинается обратная тяга на север.

С другой стороны, казалось, что сама международная обстановка исключает возможность длительного существования Советской власти в России. Отношения ее с союзниками были порваны и аннулированием иностранных займов, что поражало особенно Францию, и особенно сепаратными переговорами о мире с Германией, что затрагивало всю коалицию. Но и Германия не могла не относиться к установленному в России политическому

и социальному порядку крайне враждебно. Особенно это сказалось в начале февраля 1918 года, когда после долгих и безуспешных переговоров о мире началось германское наступление на восток, провозглашенное как своего рода крестовый поход против русской анархии. Ясно было вообще, что Россия должна сделаться ареной ожесточенной международной борьбы. И вот, естественно было думать, что для судьбы большевизма в России решающее значение будет иметь эта самая борьба. Понятно, что политические круги, которые ставили своей единственной целью уничтожение какой бы то ни было ценой Советской власти, стремились к тому, чтобы использовать наличное международное положение. Одни склонны были обратиться с этой целью за помощью к союзникам, другие — к немцам.

Здесь надо сделать оговорку. Далеко не все партии и группы, боровшиеся с Советской властью, стояли за активное вмешательство иностранцев в русские дела. Многие были решительно против такого вмешательства, но и среди них росло убеждение, что так или иначе русский вопрос становится международным и что нужно с этим сообразовать свою тактику. Противниками большевизма в это время оказывались группы, которые в прошлом ничего не имели общего между собою, да и сейчас совершенно расходились в своих положительных стремлениях. С другой стороны, все эти новые отношения, между ними возникшие, решительно не укладывались в старые партийные рамки. Эти рамки нужно было поддерживать в период выборов в Учредительное собрание, где самый избирательный закон предполагал партийные списки. Но уже в период выборов было немало случаев крушения партийной дисциплины, соглашений между партийными противниками и борьбы в среде партийных единомышленников. Особенно это имело место у эсеров. Крушение Учредительного собрания еще укрепляло мысль, что партии себя изжили: в новых условиях нужно искать и новых объединений.

Наиболее важным таким объединением явился «Союз общественных деятелей», с которым косвенно связано и возникновение НЦ. СОД возник еще при Временном правительстве — в июле — августе 1917 года. Он был задуман как представительство различного рода профессиональных организаций и интересов, объединенных стремлением довести войну в единении с союзниками до победного конца, противодействовать социалистическим течениям в области хозяйственной жизни и восстановить крепкий и упорядоченный административный строй, в разрушении которого обвиняли Временное правительство. В то же время «Союз» должен был отстаивать реформы в области рабочей и аграрной, а в сфере политической — отмежеваться от крайне правых кругов, отстаивая верховенство Учредительного собрания. В общем его

программа была близка к программе, которой держались тогда кадеты и, в частности, их представители во Временном правительстве. И на первом съезде «Союза», в августе, к.-д. играли большую роль, особенно Милюков.

Большое впечатление производило участие на съезде и речь Алексеева. Вообще, здесь создавалась почва для сближения между к.-д. и различными общественными группами, а особенно между к.-д. и известной частью командного состава, возглавляемой Алексеевым. Съезд, несомненно, подготовил объединение правой половины Государственного совещания, собранного Керенским в середине августа 1917 года. На съезде выбран был комитет, куда входили, между прочим, Родзянко, Милюков, Алексеев, Третьяков и другие; многие были кооптированы позднее (Леонтьев, Щепкин).

Вообще комитет мало себя проявлял, отказался от выставления самостоятельных кандидатур в Учредительное собрание и главным образом подготовлял 2-й съезд в октябре. Съезд был довольно многочисленен, особенно много было военных, которые давали ему тон. Действия Временного правительства, особенно Керенского, подвергались здесь жестокой критике: его обвиняли в разложении армии, капитуляции перед всякими анархическими движениями, даже в выступлении Корнилова. Главная надежда возлагалась на выборы в Учредительное собрание. Наиболее враждебно было отношение не к большевикам, а к с.-р., особенно к Чернову. Он являлся как бы символом государственного разрушения России.

С другой стороны, на съезде выражалась необходимость объединить все так называемые государственно мыслящие элементы, начиная от монархистов-конституционалистов и кончая умеренными социалистами (энесы, «Единство»). Всего ярче было выступление военных Брусилова, Рузского, Зайончковского. С большим вниманием выслушивали Леонтьева. Много было кадетов. Впрочем, большая часть присутствовавших представляла из себя скорее зрителей и слушателей, случайно попавших на съезд, чем его активных участников.

Октябрьская революция, по-видимому, на некоторое время приостановила деятельность «Союза». Некоторые его видные члены вообще покинули Советскую Россию (Родзянко, Милюков, Алексеев), другие просто выжидали событий. Но с начала 1918 года эта деятельность опять стала расширяться. Нельзя было созывать съездов, но можно было увеличить состав комитета, собирать при нем совещания и т. д. Комитет вошел в более тесные и правильные сношения с ЦК кадетов (эту связь особенно поддерживал Новгородцев) и с московской торгово-промышленной средой (через Третьякова, Геляшкина, Червен-Водали), с земледельческими

кругами («Союзом земельных собственников» — Гурко), с кооператорами. Приглашались на совещания и публицисты (Белоруссов) и представители академического мира (Арсеньев, Ильин, Котляревский, Устинов). Далее на совещаниях появлялись Кривошеин, Кистяковский, Е. Н. Трубецкой и многие другие. Организационная часть лежала на Д. Щепкине и Леонтьеве. Главной задачей своей «Союз» ставил тогда осведомление и выработку общественного мнения по вопросам внутренней и особенно внешней политики. Последней в первые месяцы 1918 года был посвящен ряд заседаний.

В это время вопросы внешней политики связаны были прежде всего с Брест-Литовским миром. Основы мира были известны еще в то время, когда Троцкий вел переговоры с представителями Германии и Австро-Венгрии. Когда после февральского немецкого наступления эти переговоры возобновились, условия мира оказались еще более тяжелыми (достаточно указать на предъявленное в последнюю минуту требование об уступке Турции Батума и Карса), и все-таки Советская власть заключила мир. Узаконялось отделение Украины, которая должна была попасть под австро-германский протекторат; Россия отрезывалась от Балтийского моря под предлогом самоопределения народностей, которое, в свою очередь, казалось, лишь прикрывает виды германского империализма; наконец, экономические условия для России были гораздо хуже, чем те, которые устанавливал русско-германский торговый договор 1904 года [1].

В рядах самой Коммунистической партии в этом вопросе далеко не были единодушны; многие считали, что подобного мира заключать нельзя, а нужно было вести войну. Эти разногласия имели место и в ВЦИК. Левые эсеры тоже решительно протестовали. Нечего говорить, [у партий] более или менее ей [РКП(б).— *Ред.*] враждебных условия мира, когда они выяснились еще до его формального заключения, вызвали самую резкую критику. Вся несоветская печать была здесь единодушна. Устраивали заседания ученых обществ, например, в конце января в университете было устроено совместное заседание ряда обществ с докладами Кафенгауза и Котляревского о предполагаемых мирных условиях и с резолюцией осуждения этих условий. Различные организации стали вырабатывать меморандумы и докладные записки на ту же тему, рассчитывая их передать представителям

---

[1] В 1904 году Германия, воспользовавшись неудачами России в войне с Японией, навязала царскому правительству выгодный для себя торговый договор. В ответ на проявления «дружбы» со стороны Германии Россия была вынуждена снизить пошлины на германские фабрикаты (промышленные изделия). Договор создавал широкие возможности для проникновения в Россию германских товаров и капитала, усиливал ее зависимость от Германии.

иностранных держав. Такие меморандумы вырабатывали ЦК кадетов, объединение левых групп, стоявших на оборонческой точке зрения, «Союз торгово-промышленников», «Союз земельных собственников» и т. д. Признавалось, что агитация в этом смысле полезна уже тем, что она может произвести некоторое впечатление в Германии и отразится на окончательных условиях мира, а с другой стороны, покажет бывшим союзникам России, что русское общество не разделяет здесь действий своего правительства. Многие были искренне убеждены, что это правительство связано какими-то тайными обязательствами по отношению к Германии, которая всячески помогала подготовке Октябрьской революции в России [1]. По Москве ходил текст тайных условий, заключенных будто бы Советской властью с германским правительством и направленных на всяческие политические и экономические угнетения Польши. Другие просто видели в агитации против мира политическое оружие против Советской власти.

Среди других организаций обсуждал этот вопрос и готовил меморандум также СОД; впрочем, меморандум не был составлен. Между тем Брест-Литовский мир стал свершившимся фактом. Спрашивалось, как к нему отнестись? В то время в правых кругах распространена была мысль, что нужно использовать самих немцев, которые в силу договора стали почти хозяевами России. Нужно добиться их вмешательства в целях ниспровержения Советской власти. СОД не стал на такую точку зрения, и некоторые видные его представители (Новгородцев, Гурко) решительно против нее протестовали. Но считалось все же желательным вступить в общение с представителями Германии, особенно когда стал известен предстоящий приезд Мирбаха в Москву. Можно было дать им правильное осведомление о русских делах и исправить одностороннность осведомления официального, а также воздействовать на немцев в смысле будущего пересмотра Брест-Литовского мира. Во всяком случае, весной 1918 года СОД не считал, что немцы должны быть игнорированы и бойкотированы русской общественностью; по крайней мере, так думало большинство. Но уже здесь начинался резкий антагонизм между сторонниками двух ориентаций. Большинство членов «Союза» с Леонтьевым во главе полагало, что на отношение к прежним союзникам следует смотреть совершенно трезво и реалистически. Обязательства России перед ними кончились, да она и не могла бы их выполнить фактически. Сближение ее с Германией неизбежно. Наконец, и сами союзники своими непомерными требованиями к России были не без вины в создавшейся разрухе.

[1] С. Котляревский, по сути дела, повторяет клеветнические измышления о том, что якобы большевики готовили революцию на деньги германского Генерального штаба.

Но эти взгляды встретили энергичные, часто негодующие возражения, прежде всего среди кадетов. Огромное большинство их считало, что и после Брест-Литовского мира, который заключен самовольно людьми, не имевшими полномочий, союзные обязательства остаются; Россия должна их выполнить. Всякие со стороны русского общества шаги в сторону Германии крайне вредны. Несмотря на весь авторитет Милюкова у кадетов, когда он высказался в пользу немецкой ориентации, от него отступились. В особенности непримирима была кадетская масса, собирающаяся на конференциях. Она была воспитана с начала войны на взгляде, что благо России лишь в полном единении с союзниками; и теперь при всех изменившихся обстоятельствах она оставалась при нем. Так же в этом смысле были настроены и оборончеcкие левые группы (энесы, «Единство», правые меньшевики, эсеры). Для них Германия представляла прежде всего символ империализма и абсолютизма. Союзническая ориентация отстаивалась здесь во имя свободы и демократии. Торгово-промышленная среда разделялась не только идеологически, но и в смысле оценки своих интересов. Были сторонники сближения с Германией, были и решительные противники его (Коган, Чемберс), последние особенно подчеркивали важную, незаменимую роль для России американского капитала. Говорили, что так настроен и крупный финансовый и банковый деятель Второв. Наконец, разделена была и военная среда, поскольку она хотела идти против Советской власти. Идти с кем – с немцами или союзниками? По-видимому, в Москве летом 1918 года были военные организации того и другого направления. Преобладало союзническое.

Представители заинтересованных государств тоже не оставались здесь безучастными. После Брест-Литовского мира они, особенно в ближайшее время, возлагали надежду на то, что сама Советская власть принуждена будет порвать с немцами, и даже сочувствовали с этой стороны укреплению Красной Армии (больше всего американцы), отчасти обращались и к русским антибольшевистским группам, преимущественно левым. Французы, по-видимому, всего более рассчитывали на эсеров, эти расчеты связывались с именем Савинкова. Большое влияние в смысле роста союзнической ориентации оказало выступление чехословаков, которое было неожиданно и имело сразу довольно крупные успехи.

И вот, уже в апреле — мае 1918 года определяется программа союзнической ориентации. Война должна продолжаться до разгрома Германии. Раз Россия пока вышла из войны и Восточный фронт обнажен, нужно, чтобы он был восстановлен. Это могут сделать только японцы, и они должны двинуться через Сибирь. Известно было, что союзники разрабатывают план такого японского движения, хотя американцы его опасаются.

Немцы, с другой стороны, поддерживали возлагавшиеся на них в правых кругах надежды своим участием в перевороте Скоропадского. Но вскоре начались разочарования, и Мирбах и, особенно, Рицлер обливали правых парламентеров холодной водой, решительно отрицали возможность немецкого вмешательства в русские дела. Разговоры с представителями русского общества носили характер простого осведомления. Да они и не были склонны верить в искренность пробудившихся немецких симпатий. Более они были заинтересованы промышленниками, но и тут разговоры не давали ничего положительного. В самой Германии и правительство, и рейхстаг были решительно настроены против вмешательства, и опыт Украины только укрепил это настроение.

О взглядах немецкого посольства в 1918 году всего лучше можно было судить по отзывам Рицлера (который имел большое влияние на Мирбаха), хотя бы по его разговору в мае 1918 года при встрече в частном доме с профессором Котляревским. Котляревский знал отца Рицлера, знаменитого баварского историка, когда работал над своей диссертацией в Мюнхене, был у него в доме; поэтому встреча являлась более непринужденной. Сначала говорили об академических делах (Рицлер сам также историк и написал работу по экономической истории Греции), а затем, естественно, перешли и к политике.

Рицлер, конечно, был весьма осторожен в выражениях, но все же довольно откровенен. Он говорил, что надежды некоторых русских кругов на германское вмешательство совершенно иллюзорны. Советская власть как-никак заключила с Германией мир; новое правительство не будет ли весьма скоро втянуто в войну? Протестуя против агитации большевизма в Германии, немецкое правительство не может себе позволить агитации в России; оно будет сохранять полный нейтралитет. К тому же Советское правительство и не дало никакого повода для вмешательства.

Далее Рицлер признал, что, по его взгляду, правые круги России вообще совершенно бессильны и к тому же германское правительство вовсе не сочувствует им, как не сочувствовало и царскому строю, разрушенному революцией. Русская монархия лишь компрометировала монархические начала. Напрасно в России думают, что Германия поддерживала реакцию в России; ей гораздо более содействовали миллиарды французских займов. Кадеты все заражены ненавистью к Германии, находятся под полным влиянием англичан и, даже если бы Германия хотела низвергнуть Советскую власть, работать на передачу власти в их руки значило бы работать на англичан. Что касается левых, то с.-р. тоже враждебны к Германии, а это единственная серьезная сила, кроме большевиков.

Вообще же Рицлер думал, что для России возможно прави-

тельство лишь весьма левое. На вопрос Котляревского о Брест-Литовском мире Рицлер отвечал довольно уклончиво, однако признал, что создание самостийной Украины отвечает более требованиям Австрии, чем Германии. Во всяком случае, можно думать, что при окончательной ликвидации войны Брест-Литовский договор будет пересмотрен в духе, отвечающем длительным добрососедским отношениям Германии и России. Пока же нужно укреплять экономические и культурные связи, особенно последние. Поэтому Рицлер желал познакомиться с московским академическим миром. На экономическое сближение он смотрел с сомнением, говоря, что здесь все уже захвачено американцами. Борьба против немецкого засилья целиком пошла им на пользу. Рицлер в конце еще раз указывал, что и рейхстаг совершенно против вмешательства в русские дела, и общественное мнение, особенно Южной Германии — Центральной Баварии, откуда он сам (как и Мирбах); о вмешательстве могут думать лишь восточно-прусские аграрии, но их влияние в Германии чрезвычайно уменьшилось.

Заявления несколько иного характера, приписываемые представителям немецкого командного состава, ни к чему не приводили. Ясно было, что, помимо прочего, Германия, устремивши все свои усилия на Западный фронт, где решалась судьба войны, в ближайшее, по крайней мере, время, не захочет предпринять ничего в России. Ее не подняло даже убийство Мирбаха, когда, по-видимому, Рицлер оказал известное влияние на то, чтобы это событие не привело к конфликту. Число сторонников германской ориентации, понимаемой в смысле вмешательства, уменьшилось. С другой стороны, многие, нападавшие на Советское правительство за Брест-Литовский мир, теперь признавали, что оно было право. Это был единственный выход.

Столкновение двух ориентаций и послужило поводом зарождения НЦ. Еще в марте — апреле 1918 года организовано было объединение ЦК кадетов, СОД и торогово-промышленных кругов. Каждая группа посылала по нескольку человек (по 3—4) в «Центр»*. В конце концов совещания, собираемые СОД, были именно только совещаниями, торгово-промышленные группы Москвы были организованы лишь профессионально; в ЦК кадетов многие отсутствовали; «Центр» же получил известное политическое значение действующей группы, поддерживаемой и кадетами, и торгово-промышленниками. Среди его членов называли Д. Щепкина, Леонтьева, Кривошеина, Новгородцева, Астрова, Третьякова и т. д. Впрочем, состав его менялся. Но здесь с самого начала и возник конфликт из-за ориентации. Большинство, осо-

---

* От редакции. Здесь гр. Котляревский имеет в виду опять-таки «Правый центр».

бенно Кривошеин и Леонтьев, решительно восставало против идей нового Восточного фронта, который образуют японцы, и вообще против обязанностей всегда и во всем идти с союзниками. Но на этом настаивали кадеты; особенным сторонником подобной тактики, не опасавшимся даже японской интервенции, оказался Астров. Он получил поддержку ЦК кадетов, и, когда «Центр» все же не согласился с ним, Астров и другие кадеты (Степанов) подали заявление об уходе. Они указали, что всякое сближение с Германией, всякие действия, которые могут иметь видимость такого сближения, кажутся им гибельными. Во имя победы союзников нужно было бы примириться и с тем, что война продолжится год и больше.

Трудно сказать, какого рода были сношения у «Правого центра» с немецкими представителями. Это были сношения отдельных лиц, в него входящих.

Кривошеин, который сам считал эти сношения желательными, лично в них не входил и говорил, что немцы считают его даже своим противником. По-видимому, эти сношения усилились после того, как из «Центра» ушли кадеты и часть промышленников и состав «Центра» стал однороднее. Одновременно велись сношения и на Украине, где это было, конечно, технически легче. Но и там представители германского правительства были решительно против вмешательства. Однако они не возражали против вербовки в Киеве и других местах русских отрядов, которые предназначались для борьбы с Советской властью. Вообще же летом 1918 года многие сторонники немецкой ориентации в смысле активной помощи со стороны немцев уезжали на Украину.

В мае — июле 1918 года и образовался НЦ. Первоначально он составился из группы лиц, которые считали недопустимым какое бы то ни было сближение с немцами и сочувствовали более или менее образованию Восточного фронта; хотя в этом пункте не было прямого согласия. Инициаторами НЦ, по-видимому, были кадеты Астров, Степанов и Щепкин; они, впрочем, не хотели придавать новой ориентации одностороннего партийного характера. Они не считали возможным сделать из нее нечто подобное тому, что задумано было СОД,— представительство профессиональных групп и интересов. Новому кружку придан был личный характер.

В его ядро вошли Шипов и Федоров. Шипов уже давно не занимался политической и общественной деятельностью. Теперь, кроме личных дел, он занят был обработкой и печатанием своих мемуаров. Его политические взгляды были довольно своеобразны. С одной стороны, у него оставалось глубокое нерасположение ко всякой политической борьбе. На нем можно было видеть даже большое влияние Л. Толстого, оно сказалось и на его книге. Все свои надежды он возлагал на нравственное пере-

рождение русского общества, что, очевидно, исключало стремление к внешним насильственным воздействиям. В вопросах социальных он шел далеко, много дальше кадетов, считая, например, крайне пагубной частную собственность на землю. Но в то же время он был фанатическим сторонником союзнической ориентации. В его глазах союзники являлись носителями некоего религиозно-нравственного идеала, а данная война превращалась в своего рода священную войну против насилия и империализма. Он преклонялся перед Вильсоном [1], в котором видел глашатая всеобщего мира. Поэтому, по его взгляду, война должна быть доведена до конца, то есть до разгрома германского империализма и милитаризма. Милитаризма и империализма негерманского он как бы не опасался. Шипов был важен для инициаторов НЦ как человек, пользующийся крупным нравственным авторитетом. Его очень уважали даже люди, политически с ним весьма не согласные. Он сразу стал как бы председателем и руководителем кружка. Его влияние в течение всего 1918 года было очень сильно. Что касается Федорова, то он имел большие связи с торгово-промышленным миром (он был в 1906 году министром торговли и стоял теперь во главе общественных продовольственных организаций; он также всецело разделял крайнюю союзническую ориентацию, был непримиримым врагом Германии и Австрии, ожидая разложения последней на национальные государства).

К ним примкнули летом 1918 года Червен-Водали и Карташев, видный к.-д. и церковный деятель. Примкнул Герасимов, бывший товарищ министра народного просвещения при Временном правительстве, очень уважаемый Шиповым, человек самостоятельный и упорный. Он также пользовался большим влиянием среди участников НЦ, беспартийный индивидуалист по настроению, государственник по убеждению, с большим бюрократическим опытом, не чуждый некоторых националистических предубеждений. Вошел, по-видимому, довольно случайно, профессор биологии Кольцов, по взглядам левее к.-д., но более интересующийся вопросами культуры материальной и духовной, чем чистой политикой, прежде всего научный и академический деятель. Он предоставлял сове-

---

[1] Вильсон Томас Вудро (1856—1924) — государственный и политический деятель США. В 1913—1921 годах — президент США от Демократической партии. В январе 1918 года в противовес предложениям Советского правительства о заключении справедливого демократического мира выдвинул империалистическую программу мира с Германией (так называемые «Четырнадцать пунктов», изложенных в послании конгрессу). Эта программа преследовала цель обеспечения гегемонии США в мировой политике, подавления революционного движения. Вильсон — организатор американской интервенции на Севере и Дальнем Востоке. В начале 1919 года выступил от имени Антанты с предложением о созыве конференции на Принцевых островах с участием представителей как Советского правительства, так и белогвардейских «правительств».

щаниям НЦ как свою квартиру, так и возможность собираться в Научном институте (где вообще происходили собрания разных научных обществ и кружков).

Кружок НЦ едва ли вначале задавался определенными действиями. В особенности Шипов ставил его задачей пропаганду и противодействие германофильским течениям, в частности «Центру»*. Надо сказать, что отношения между НЦ и «Центром» сразу стали почти враждебными, причем нападающей стороной оказался НЦ. Имелось в виду также войти в сношение с представителями союзников в смысле осведомления их о положении русских дел. Как раз в это время занятие англичанами Архангельска и поддержка французами чехословаков показали, что эти дела деятельно их интересуют. Главное же, предполагалось, что работа НЦ будет не в Москве, а на Юге, противодействуя там германскому влиянию. Оно господствовало на Украине; Краснов примкнул к нему на Дону. Оставалась лишь Добровольческая армия и ее база — Кубань, но и там положение колебалось, тем более что сами союзники показывали слабый интерес к Добровольческой армии.

Для установления связи с ней и для упрочения союзнической ориентации и участия в организационной работе летом 1918 года Астров и Степанов уехали на Кубань. Предполагался осенью отъезд Федорова и Червен-Водали. План Федорова был несколько иной. Он считал, что режим Скоропадского на Украине обречен благодаря его реакционности и зависимости от немцев, которые неминуемо будут разбиты, и тогда им придется очистить Украину. Федоров думал, что важным этапом по пути оздоровления России будет создание на Украине правительства, не держащегося за самостийность, признающего принципиально единство России, а главное, свободного от всяких связей с немцами и пользующегося доверием и поддержкой союзников. Для этого нужна была подготовительная работа в Киеве и вообще на юге. Он хотел привлечь из Москвы разных лиц, чтобы они вместе поехали на эту работу, раскрывая перед ними перспективы возможного участия в новом правительстве. Так, Котляревскому он указывал на возможность там стать товарищем министра иностранных дел и секретарем правительства. Но желающих не нашлось, кроме Челищева, который, впрочем, был более связан с СОД, чем с НЦ, и который действительно в октябре уехал на Кубань, где и стал местным министром юстиции. Вообще же предполагалось, что центр тяжести будет на юге. По-видимому, в этот первоначальный период были уже некоторые сношения с московскими военными группами; впрочем, как и впоследствии, они велись совсем отдельно от совещания

* От редакции. Здесь гр. Котляревский говорит о так называемом «Правом центре».

НЦ и происходили через Астрова и Шипова. Речь могла тогда идти лишь о привлечении отдельных офицеров, которые хотели бы уехать на юг. Таковых летом 1918 года в Москве оказалось довольно много в связи с разочарованиями [в] возможности и готовности немцев прийти в Москву, а также со слухами о предстоящей регистрации и т. д. Средств для этого больших не требовалось, и они могли быть получены от представителей союзников или даже от русских групп, разочаровавшихся в немецкой ориентации, хотя бы торгово-промышленных. Основание НЦ, несомненно, подорвало вообще положение «Центра»; из него ушли вслед за кадетами и часть торговопромышленников. Кривошеин, влияние которого в «Центре» было очень большое, уехал на юг. К осени 1918 года «Центр» замирает, что, в свою очередь, дает некоторый толчок СОД, руководимому опять Леонтьевым и Д. Щепкиным.

Одновременно с НЦ возник «Союз возрождения». С начала 1918 года в партиях и группах левее кадетов растет стремление к возможному широкому объединению на почве борьбы с немцами, большевизмом и монархизмом. Предполагалось даже восстановить тот «Союз освобождения»[1], который сыграл известную роль в подготовке революции 1905 года. Большинство считало неудобным объединяться с кадетами и предпочитало наличность двух параллельных организаций — более правой и более левой, которые, однако, в ряде вопросов могут идти рука об руку. Необходимость подобного объединения особенно отстаивали Мельгунов и вообще народные социалисты, считавшие, что их партия может стать его ядром. Кроме Мельгунова, участие в образовании «Союза» приняли особенно Титов и Волк-Карачевский, деятельным членом его стал Кондратьев. Из к.-д. мысль о «Союзе возрождения» особенно поддерживал Щепкин, который сам стал его членом. В «Союз» кадеты могли входить не как к.-д., а персонально. Первоначально НЦ и СВ действовали часто сообща и имели совместные задания. И члены СВ считали необходимым развить деятельность на юге, куда летом 1918 года уехал видный энес и сотрудник Пешехонова по Временному правительству Титов. Цели СВ ставил себе, в общем, те же, что НЦ, но имел в виду проведение их в несколько иной общественной среде. Он нашел сочувствие не только в энесах и в «Единстве», но и в меньшевиках и в эсерах. Позже, осенью 1918 года, эта связь НЦ и СВ ослабла и совместные

---

[1] «Союз освобождения» – либерально-монархическая организация, созданная в январе 1904 года буржуазными интеллигентами, земцами и помещиками, группировавшимися вокруг журнала «Освобождение». Существовал до октября 1905 года. «Союз освобождения», прикрываясь демократическими лозунгами, проводил политику соглашения с царизмом. «Освобожденцы» составили ядро главной буржуазной партии в России — партии кадетов.

совещания заменились участием отдельных лиц (Щепкин) и здесь, и там.

Отъезд Федорова и Червен-Водали несколько изменил характер совещаний НЦ. На них стали разбираться больше вопросы общей программы и отдельных преобразований. Для участия в этих работах Федоров и Шипов привлекли профессора Котляревского, который считался специалистом по вопросам внешней политики, международного права, а также окраинным и национальным. Еще раньше привлечен был Муравьев, который имел дипломатический стаж и хорошо был знаком с вопросами внешней политики; причем в это время — осенью 1918 года — он почти не посещал совещаний НЦ за отъездом в деревню. Привлекались лица и на отдельные заседания. Когда обсуждались вопросы промышленные и рабочие, участвовали Морозов и Четвериков, авторитетные представители московского промышленного мира. Когда разбирались вопросы вероисповедные и брачные, присутствовал видный старообрядческий деятель Онуфриев. По продовольственному вопросу выступал Салазкин, кажется, бывший раньше уполномоченным по продовольствию. Позже, осенью, на заседаниях стал бывать Огородников.

Мысль Федорова заключалась в том, что НЦ в Москве должен не столько вырабатывать уже готовые законопроекты, сколько составлять конкретные мнения по вопросам государственного строительства и политики; на Юге же нужно готовиться к практическому разрешению этих вопросов сначала в местном, затем, быть может, в общерусском масштабе. Разработка, однако, шла неравномерно. Так, остались почти не затронутыми вопросы управления и самоуправления, которым Федоров придавал особое значение, полагая, что в ближайшее время придется проводить реформы управления и самоуправления и в казачьих областях, и на Украине. Очень мало касались аграрного вопроса. Федоров увез проект, вышедший из кадетских кругов, но переработал его на Юге. Более детальное обсуждение аграрного вопроса вскрыло бы, вероятно, большие разногласия среди самого НЦ. Шипов был вообще противником частной собственности на землю, сторонником национализации земли и горячо отстаивал общину, почти в духе народнической литературы, в разгар борьбы с марксистами. Весьма опасался он своекорыстных и классовых притязаний землевладельцев, требования с их стороны преувеличенного выкупа; сам он находил, что выкуп должен быть самым умеренным и что землевладельцы должны принести жертвы умиротворению России, тем более что раньше государственная власть так часто отстаивала их интересы в ущерб интересам масс. Щепкин, который особенно дорожил отсутствием разногласий между НЦ и СВ, вообще старался по возможности снять с об-

суждения аграрный вопрос, который всего легче может вызвать такие разногласия, и говорил, что южане должны его сами разработать в связи с местными условиями; у них для этого найдутся и теоретики, и практики. Единодушно признавалось лишь, что без серьезной аграрной реформы невозможно вообще ничего сделать на Юге, в частности на Украине. Федоров полагал, что именно эта реформа, произведенная правительством, которое станет у власти после Скоропадского, должна показать крестьянскому населению различие между старой, классовой и новой, демократической властью.

Гораздо больше НЦ занимался вопросом рабочих. На этом настаивали и Федоров, и Червен-Водали, который, по словам Федорова, предполагался к роли товарища министра промышленности и торговли в Южнорусском правительстве. Червен-Водали, хотя и был выдвинут торгово-промышленными кругами, довольно сильно расходился с мнениями, обычно распространенными в этих кругах. Он доказывал необходимость многое сохранить из приобретений революций, прежде всего в смысле рабочего контроля. Его поддерживал и Федоров, который очень осуждал поведение промышленников на Украине (особенно так называемого «Протофиса»[1]). Если невозможно осуществление социалистического строя, то невозможен после пережитой войны, революции и промышленный индивидуализм, хотя бы скрашенный скромными реформами в пользу рабочего класса.

Нужно сделать рабочего участником того предприятия, в котором он работал; самый рабочий контроль, если он не становится вмешательством в технику производства, только полезен. Принципиально с этим соглашались и Морозов и, особенно, Четвериков. Но практически они считали предположения Червен-Водали неосуществимыми. Сильнее они возражали против его проекта примирительных камер и третейского суда, указывая, что промышленник не обеспечивается здесь от несправедливого на него давления, что такая постановка поощряет, а не улаживает конфликты. Вместе с тем они утверждали, что московские промышленники тоже не одобряют образа действий промышленников на Украине, особенно в их стремлении понизить заработную плату. Шипов отстаивал новозеландскую систему обязательного третейского суда [2] с устранением как стачек, так и локаутов. Обсужде-

---

[1] «Протофис» — Украинский союз промышленности, торговли и финансов.
[2] Новозеландская система третейского суда предполагала назначение государством арбитража, решение которого являлось обязательным как для предпринимателя, так и для рабочих. В случае отказа одной из сторон от выполнения решения арбитража она подвергалась судебному преследованию и каралась денежным штрафом. Во время разбирательства третейским судом конфликта запрещались как массовые увольнения предпринимателем рабочих (локауты), так и забастовки.

ние этих вопросов было довольно подробное и содержательное.

По продовольственному вопросу довольно поверхностную записку представил Салазкин, который еще раньше Федорова уехал на юг. Он предлагал нечто среднее между свободной торговлей и монополией. Федоров хотя бы на ближайшее время отстаивал монополию государства в смысле заготовки хлеба, но при участии кооперативов и частных предпринимателей, сохранении хлебных карточек, но рядом — допущение свободной розничничной продажи; правительство же, обладая хлебными запасами, всегда может предупреждать вздутие цен при этой продаже, продавая хлеб дешевле. К определенным выводам не пришли.

Федоров также хотел рассмотреть вопрос о восстановлении транспорта, но не нашлось специалистов, и предполагалось им заняться в Киеве. По поводу вопроса о транспорте Котляревский был у Еремеева, которого он знал как преподавателя Коммерческого института, не предлагая ему выступать на совещании НЦ и даже не говоря об этом совещании, а просто спрашивал его мнение, особенно по вопросам железнодорожного строительства, различных линий, которые нужны в первую очередь, о возможности их строить средствами казны или же о неизбежности обращения к частной инициативе. Он спрашивал также о сравнительных результатах казенного и частного хозяйства на железных дорогах.

Котляревский был у Еремеева один раз и после к нему не обращался, тем более что вопрос о железнодорожном строительстве вновь не поднимался; он был затронут лишь в докладе Кафенгауза об основах экономической программы. Котляревский представил соображения о железнодорожном строительстве, кладя в основу план, выработанный в 1916 году совещанием Борисова [1]: нужно планомерное развитие сети, особенно в трех видах: 1) обеспечение промышленных центров топливом и сырьем; 2) обеспечение экспорта, особенно морского, в частности черноморского и 3) создание пионерных линий. Он предлагал соответствующий план для Южной России в связи с оборудованием водных путей (прежде всего днепровских порогов).

Целый ряд законопроектов, касающихся гражданского права и процессов и притом совсем готовых даже в редакционном смысле, увез Челищев. Некоторые он предложил НЦ для обсуждения. Обсуждался лишь законопроект о гражданском браке и разводе, весьма технический и представляющий переделку ряда статей из бывшего нашего 10-го тома Свода законов. Онуфриев не возражал лично, с точки зрения старообрядческих кругов, выражая сомнение, насколько в России своевременно введение гражданского брака и особенно облегчение развода, но совещание с ним

[1] Борисов И. Н. (1860—1928) — в 1916 году товарищ (заместитель) министра путей сообщения. С 1923 года — заместитель наркома путей сообщения.

не согласилось; решительно ему возражал Герасимов. Высказывалось, что декрет о браке и разводе уже установил эти институты, и они должны сохраниться, даже если и эта власть уступит место другой. Законопроект об аренде не рассматривался совсем отчасти потому, что совещание сомневалось, насколько нужно поддерживать аренду вообще и может ли оставаться у владельца земля, на которой он не ведет своего хозяйства. Против этого многие возражали, указывая на сдачу в аренду земель крестьянам, которые в данное время сами не могут ее обрабатывать, но к определенному заключению не пришли.

Карташев представил почти законченный законопроект относительно положения православной церкви и других церквей и исповеданий. Он тоже имел в виду особенно Украину, предполагая, что украинская церковь составляет автономную часть общерусской, но он [1] мог быть распространен и на другие части России. Основой должны явиться автономия в государстве всех церквей и исповеданий, их равноправие и надзор государства лишь за тем, чтобы эти религиозные организации и общения не нарушали закон. Карташев заявил себя противником отделения церкви от государства в России, по крайней мере в настоящее время, но считал необходимым всяческую охрану свободы совести; впрочем, в этом отношении мало что оставалось прибавить к законодательству Временного правительства. Декрет Советской власти об отделении церкви от государства [2], по Карташеву, страдает прежде всего отсутствием всяких переходных и подготовительных мероприятий; он несправедливо отказывается признать за церковными обществами права юридических лиц и препятствует им получать средства, приносимые добровольно, в частности же воспрещает всякие субсидии со стороны местных органов. В пример иного отношения он приводил французский закон об отделении, широкий и терпимый, и ссылался на статью Советской Конституции о свободе совести. Более всего собрание интересовалось вопросом, нужно ли отстоять все же отделение церкви от государства, хотя бы проведенное иначе, чем по декрету, и как будто склонилось скорее в пользу отделения.

Котляревский представил записку по национальному вопросу и законопроект о языке, также имеющий в виду украинские отношения. По мысли докладчика, если нельзя идти так далеко, как

---

[1] Законопроект.

[2] Имеется в виду декрет Совнаркома «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», принятый 20 января (2 февраля) 1918 года. Декрет провозглашал отделение церкви от государства и школы от церкви, свободу вероисповедания. Запись актов гражданского состояния переходила исключительно в ведение гражданской власти. Церковным и религиозным обществам запрещалось владеть собственностью. Они лишались права юридического лица.

это делает ноябрьский декрет о правах народов на самоопределение вплоть до отделения от России, то нужно дать возможность и широкий путь в пределах государственного единства для удовлетворения национальных стремлений, широко допустить местные языки в местные государственные и общественные учреждения, широко поставить их преподавание в школах.

Для Украины можно было бы признать государственными и украинский, и русский язык, с субсидиарным употреблением [1] и польского, и еврейского. Нужно создать закон о национально-персональной автономии, особенно важный для национальностей, которые не живут на определенной отдельной территории (евреи), причем образцом мог бы служить изданный в начале 1918 года закон о положении великороссов на Украине [2]. Все это было принято совещанием, хотя отдельные его члены несколько опасались искусственного развития национализма среди мелких народностей и вообще сомневались, не преувеличивает ли докладчик значение национального вопроса в России. И впоследствии совещание не раз высказывалось в том смысле, что нужна здесь большая осторожность, дабы не колебать единства России. Эти оговорки делал и Щепкин.

Герасимов дал план реорганизации народного образования на началах самой широкой децентрализации, план, составленный в довольно демократическом духе. Кольцов дополнил его докладом об организации научных и научно-технических работ в государстве и о поддержке их со стороны государственной власти.

По иностранной политике сделал сообщение Котляревский; оно вызвало большие споры. Докладчик находил, что окончательное поражение и разгром Германии не в интересах России, как и полный развал Австрии. Нужно, чтобы Англия и Франция имели в Европе свои противовесы. Политика России в Азии не может не сталкиваться с английской, поскольку Россия будет искать сближений с самими азиатскими народами; опыт англо-русского соглашения о Персии [3] это подтверждает. Нужно укрепить связи

---

[1] Субсидиарное употребление языков — право национальных меньшинств, не обладающих территориальной автономией, иметь свою печать, школы, культурные и религиозные организации, а также право обращаться в государственные учреждения и получать от них документы на родном языке.

[2] Имеется в виду принятый 11(24) января 1918 года Малой радой буржуазной «Украинской народной республики» закон о национально-персональной автономии, провозглашавший право каждой нации на самостоятельное устройство национальной жизни. Члены нации независимо от места проживания создавали «национальные союзы», ведавшие вопросами народного образования, национальной культуры, эмиграции и т. д. При правительстве «УНР» были образованы министерства по делам великороссов, евреев, поляков.

[3] Англо-русское соглашение, заключенное 18(31) августа 1907 года в Петербурге о территориальной неприкосновенности Тибета, разделе сфер влияния в Персии (Иране) и исключении Афганистана из сферы интересов России

с Америкой и Скандинавскими странами. Против этого особенно возражал Федоров, а также Щепкин и Шипов. Они решительно отстаивали незыблемость, прочность союза России, Франции и Англии. Чем больше будет разбита Германская империя, тем для России лучше; и после этого поражения Россия, Франция и Англия должны следить за тем, чтобы в Германии не возобновился милитаризм. Обе спорящие стороны не предвидели, что Германия так близка к революции, хотя и считали в будущем ее вероятной. Более сочувствия встретил докладчик в предложениях касательно способов мирного разрешения международных конфликтов и роли здесь России. Котляревский делал также сообщение о Финляндии и Польше, но бегло, так как материалов в Москве не оказалось. По вопросу об экономической связи России и Польши предполагалось созвать особое совещание с участием экономистов и поляков, но оно не состоялось. Мысль докладчика о независимости Финляндии, которая совершенно не нарушает интересов России, если будет дополнена торговой и военной конвенцией (разумеется, что оборонительной), встретила серьезные возражения, особенно со стороны Герасимова. По отношению к Польше Котляревский предлагал при наличности таможенной черты особые взаимные преимущества по ввозу и вывозу. Но и здесь высказывались сомнения, не будут ли такие льготы более в интересах Польши, чем России. Вообще в совещаниях НЦ не раз высказывались известные опасения, что бывшие наши окраины, терпевшие угнетение, сами весьма поддаются соблазну использовать трудное положение русского центра. Нужно бдительно охранять интерес этого центра.

Рассмотрение этих вопросов было главным предметом совещаний НЦ в последние месяцы 1918 и в начале 1919 года. С другой стороны, естественно, там стремились получить осведомление о том, что происходит на Юге, что делают уехавшие. Но это осведомление было поставлено чрезвычайно плохо. Приходили письма с огромными опозданиями, большей частью из Киева, посылаемые с оказией, гораздо реже — с Кубани. Киевские письма содержали все больше общие фразы. Были письма, как будто написанные кем-нибудь из уехавших, но неясно было, кем, ибо подписывались псевдонимами, которые не всегда могли разобрать ни Щепкин, ни Шипов. Астров и Степанов совершенно молчали, к особенному неудовольствию Шипова. В известиях были большие противоречия, особенно по поводу совещания в Яссах, где должны были встретиться представители различных организаций и представители союзников. На него возлагались большие ожидания. По одним известиям выходило, что там достигнуто полное соглашение союзников с политическими группами, по другим — даны самые уклончивые и неопределенные ответы и как будто бы союзники совсем не пришли к решению, как они будут действовать в русском

вопросе. Неясно было, говорили ли там французы лишь за себя или за союзников вообще. Сами политические русские группы то представлялись сплоченными и соглашавшимися на некоторых положениях, то разномысленными и даже враждующими. И вообще нельзя было себе уяснить, что делают уехавшие. Еще гораздо меньше было известий с Востока; иногда они приходили даже как-то через Юг, как весьма важные известия об Уфимском совещании, где выбрана была общерусская директория и в то же время возвещалось возобновление в начале 1919 года Учредительного собрания. Также запоздалые известия получал и СВ. В общем, письма с Украины приходили обычно с опозданием в 3—4 недели, с Кубани — много больше. Некоторые сведения о Добровольческой армии, о положении Деникина, который заступил место умершего Алексеева, об отношениях его с Кубанской Радой, более конкретные и живые, стали приходить лишь в 1919 году.

Надо думать, что и сведения из Москвы шли также медленно. Были ли здесь виноваты уехавшие, не сумевшие наладить связь, как думал Шипов, или просто условия передвижения, сказать трудно. Во всяком случае, быстро обнаружилось, что поддержка какой-либо правильной связи между Москвой и Югом невозможна. В общем, более содержательны, чем письма, были номера южных газет, случайно к нам сюда попадавшие. Поражали в них фантастические сведения о положении в Центральной России, крайне тенденциозные и изображавшие ее сплошным кладбищем. Особенно фантастичны были цифры эпидемических заболеваний и смертей в Москве; очевидно, на Юге так же мало знали о положении в Центре России, как и обратно. Так как уехавшие южане просили более точных сведений об экономическом положении центра, совещание решило послать им номера «Экономической жизни»[1] от 1 января 1919 года, где имелся беспристрастный и в то же время весьма содержательный отчет о состоянии различных отраслей народного хозяйства Советской России, посланы были также отчеты о съезде губсовнархозов.

Очевидно, при такой разобщенности НЦ из Москвы не мог оказывать влияние на тактику уехавших. Известие, например, о выборах на Уфимском совещании Астрова в состав директории возбудило большой интерес и обсуждалось в совещании НЦ. Одни (особенно Герасимов) думали, что он не должен входить в директорию, где большинство будет эсеров и примыкающих, при обязательстве явно неосуществимом созвать в ближайшие месяцы Учредительное собрание, которое, впрочем, если бы даже оказа-

---

[1] «Экономическая жизнь» — газета, орган Высшего Совета Народного Хозяйства и хозяйственных наркоматов. Издавалась в 1918—1937 годах. В последние годы перед закрытием была органом Наркомфина СССР, Госбанка и других финансовых учреждений СССР и ЦК союза банковских работников.

лось возможным, могло бы принести лишь вред. Другие (Кольцов) находили, что все же Астрову следует принять избрание. Выражалось желание сообщить Астрову мнение совещания, но, очевидно, если бы даже оно сложилось более определенно, то прошло бы столько времени, пока оно достигло бы Астрова, что практического значения оно бы уже не могло иметь.

Вероятно, эта оторванность сообщала совещаниям НЦ некоторый академизм, на который отдельные члены (Шипов) даже жаловались. Поневоле даже надо было сосредоточиваться на выработке некоторых общих и принципиальных положений, которые не могут устареть за несколько недель.

Насколько известно, то же самое было и в СВ, хотя последний гораздо меньше интересовался программными вопросами и особенно дорожил информацией. Чувствовался уже тогда и большой недостаток осведомления о том, что происходит в самой Советской России, как в смысле хозяйственного положения (здесь главным источником оставалась «Экономическая жизнь»), так и психологического состояния разных слоев населения. Много раз шел разговор, каково настроение у московских рабочих, но ясно было, что никакой связи с этой средой у НЦ, а по-видимому, и у СВ не имелось.

Военная сторона по-прежнему была совершенно отделена. Совещание ее не знало и не касалось, кроме Щепкина и Шипова, в руках которого была, по-видимому, денежная часть. Как после выяснилось, к ней имел отношение и Огородников. Последний на совещании появлялся сравнительно редко — он был арестован, затем уезжал из Москвы. Производил впечатление человека искреннего и очень убежденного, но совсем не представляющего сложности проблем, встающих перед Россией в ее новых условиях, всего значения пережитой революции. Очень в нем чувствовался правоверный кадет. То обстоятельство, что он оказался связанным с военными кругами, очевидно, было случайным, ибо ничего военного в Огородникове не было, никакого знания военных вопросов, как и военной среды, в нем не чувствовалось.

Приблизительно с конца января 1919 года деятельность совещания НЦ несколько меняется. Прежде всего в смысле личного состава. Председательствует на совещании обычно не Шипов, а Щепкин. Шипова деятельность совещания все менее удовлетворяла, и наконец он перестал их вообще посещать, кроме редких случаев, например на пасхе 1919 года, когда приехавший с юга (Хартулари) делал подробное сообщение. Шипов желал, чтобы московское совещание обслуживало уехавших, но это оказалось невозможным уже из-за длительности и затруднительности всяких с ними сношений. С другой стороны, его прямо возмущало молчание уехавших. Точно они даже и не особенно интересуются остав-

шимися в Москве. Самые совещания казались ему достаточно академическими и бесплодными. Далее, его все более пугали тревожные признаки, что в местах, где в военном смысле господствует Добровольческая армия, политически начинает устанавливаться реакция. Он ожидал большего от Астрова в смысле влияния на политический курс там, и он с самого начала опасался, что этот курс пойдет слишком вправо. В разговорах с членами совещания Шипов больше ссылался на свое здоровье, но не скрывал и своих разочарований. Не чувствовалось у него и особого согласия со Щепкиным, с которым он во многом составлял прямую психологическую противоположность.

Руководителем НЦ стал Щепкин. Внешним образом это, впрочем, не проявлялось. Он производил впечатление человека прежде всего коллегиального, чрезвычайно терпимого, с большим интересом выслушивающего всякие мнения. Но постепенно он все более проводил определенную программу, которая сама не была программа совещания и им не обсуждалась. Он действовал и как представитель НЦ, и как видный член ЦК кадетов, вел переписку с Югом, а на совещаниях НЦ его главной задачей было сохранить возможное единство. Для него как будто было даже не столь важно, что думают и решают окружающие лица, сколько то, чтобы они думали и решили приблизительно одинаково в результате обмена мнений. Отсюда — необходимость постоянных компромиссов, которые его не смущали.

В совещание входят новые лица. Входит профессор Фельдштейн, теоретик-государственник и историк, научный исследователь, но с живым интересом к политическим проблемам. Как делопроизводитель комиссии 1917 года по выборам в Учредительное собрание, он собрал богатый материал, который мог быть полезен и для совещания. Кроме того, он много занимался историей Французской революции. Несколько застенчивый, со склонностью наблюдать события, а не принимать в них участие, он на совещаниях выступал мало, но подготовлял материал, нужный для разных программных вопросов и т. д. Вошел С. Е. Трубецкой, человек большого политического темперамента, с сильным, но несколько доктринерским и малоподвижным умом, мужественный и прямой. В совещании он представлял скорее правый оттенок, часто примыкал к Герасимову. Умом он вполне признал силу в настоящее время демократических начал, но не всегда ее чувствовал и не всегда оценивал размеры совершившегося в России политического и социального сдвига. На отдельных совещаниях очень редко (не больше двух раз) появлялся кадет Хрущев чисто в качестве зрителя. Человек практического склада и дела, он, по-видимому, не вынес впечатления, что здесь есть что-то серьезное: совещания ему показались совсем академическими.

Между тем содержание этих совещаний все же меняется. Прежде всего с конца января начинают поступать более точные сведения о положении на Юге. Оказывается, что там, собственно, ничего не сделано. Союзники, прежде всего французы, в сфере влияния коих как бы считается Юг, весьма равнодушны к задачам, которые ставят себе НЦ и СВ.

В Добровольческой армии и вокруг нее они влиянием не пользуются. Деникин среди окружающих его генералов и лиц, обслуживающих гражданские управления, кажется самым левым. Астров и Федоров, планы коего относительно Украины потерпели полную неудачу, являются своего рода политическими экспертами, мнения которых ни для кого не обязательны. И наконец, попытки объединить общественные группы, действующие на Юге, приводят лишь к вящим раздорам. Там вели переговоры четыре организации: «Государственное объединение» (из членов Думы и совета, близкое по направлению к СОД), НЦ, СВ и «Земско-городское объединение» (несколько левее СВ, с сильным влиянием с.-р., большую роль в нем играл Руднев). Дело кончилось разрывом. «Земско-городское объединение» повело агитацию против Добровольческой армии. С другой стороны, южные кадеты отмежевывались от всяких социалистических партий и даже постановили о выходе из СВ. Если бы союзники и хотели помогать более осязательно, они не знали бы, к кому обратиться: кто представляет подлинную русскую общественность, подлинную русскую демократию?

В это самое время русский вопрос вошел в новую международную стадию. Сделано было предложение держав о конференции на Принцевых островах. Предложение это сразу разделило русские круги, разделило и совещание НЦ. Одни отнеслись к нему безусловно отрицательно (Герасимов), другие – весьма положительно (Котляревский). В глазах первых это было признание со стороны Европы большевистского режима, в глазах вторых — здесь открывалась возможность прекращения гражданской войны и мирного, хотя бы и постепенного, разрешения русского кризиса. Ясно казалось одно: будет ли принято решение ехать на Принцевы острова или нет, необходимо установить здесь единство образа мыслей и действий; еще необходимее это, если конференция состоится, иначе все эти местные правительства, политические и национальные организации, участие коих предполагалось, явят лишь картину полного разброда. Особенно Щепкин призывал совещание искать единение с другими организациями, прежде всего с СВ, а затем и с СОД. С последним пока не было никаких связей, на нем тяготело обвинение в германофильстве, и даже неизвестно было, в чем выражалась его деятельность. Теперь Щепкин вступил в переговоры с Д. Щепкиным и Леонтьевым и нашел их вполне

расположенными к совместному обсуждению. Надо сказать, что в СОД эти два лица как-то заслоняли остальных членов, может быть, этим даже предупреждалось оглашение его состава. По направлению СОД был правее НЦ, относился определенно отрицательно ко всему, что связывалось с Учредительным собранием, и отстаивал в управлении начало единоличной твердой власти. Но и Д. Щепкин, и Леонтьев подчеркивали, что «Совету» чужды какие бы то ни было реставрационные тенденции. Щепкин считал, что с СОД вполне возможно общение и соглашение, так как ни Д. Щепкин, ни Леонтьев не стоят за возвращение к старому, за восстановление в скрытой хотя бы форме абсолютизма и т. п. Идти же далее направо он считал невозможным: например, на сближение с кругами, в качестве представителя коих он называл Кисловского. О нем отзывался и лично неодобрительно. Он в то же время считал, что правые круги в Москве сами по себе не имеют никакой силы, но что они имеют известное влияние в военной среде, и не раз высказывал предположение, что если вообще верить в возможность военных выступлений в Москве, чему лично он, по его словам, не верит, то более всего со стороны этих правых элементов.

Таким образом, во всех организациях начинается обсуждение положений, которые могли бы стать общими. Началось и в совещании НЦ. Выдвигались здесь единство России, диктаториальный характер власти в переходный период и будущее в той или другой форме волеизъявление народа, которое и определит политические судьбы России. Разногласия были большие. Котляревский, например, находил, что требование единства России сейчас есть требование гражданской войны; кроме того, нужно знать, какое это будет единство. В общем, однако, совещание склонилось к этим положениям. Что касается до вопросов социальных, то Щепкин был решительно против их включения: как достичь здесь согласия между СВ и СОД? Когда выражались сомнения, особенно Герасимовым, так ли уже нужно подобное согласие, которое все же останется словесным, Щепкин с большим жаром доказывал его необходимость. В конце концов собрано было совместное совещание членов СОД, НЦ и СВ. На совместном совещании присутствовали от СОД — Д. Щепкин и Леонтьев, от НЦ — Щепкин, Герасимов, Кольцов, Трубецкой, Котляревский и Фельдштейн, от СВ — Мельгунов, Волк-Карачевский, Кондратьев, Филатьев и Цедербаум. И здесь разногласий оказалось еще более; было все-таки признано, что можно сойтись на указанных трех пунктах, но лишь в самой общей форме. Никаких резолюций принято не было. Ясно было, что единогласие может быть достигнуто лишь употреблением очень абстрактных формул, в которые можно вкладывать весьма различное содержание. Единство России,— но его можно понимать в духе и централизма, и широкого федерализма.

Диктаториальный характер власти,— но она может быть и единоличной, и коллективной; в известном смысле сюда мог подойти даже советский строй. Национальное собрание – термин, употребленный, по-видимому, впервые в прокламации Колчака по принятии им диктатуры,— не есть ли оно все то же Учредительное собрание, только с другим именем; затем, можно его избрать по самым различным способам — от представительства восстановленных сословных групп до самого широкого всеобщего избирательного права. Все это вполне обнаружилось на совместном совещании, и опыт его не обещал, чтобы при дальнейших таких совещаниях можно было столковаться лучше.

Тогда и возникла мысль о «Тактическом центре». Нужно предоставить соглашение немногим лицам, наиболее авторитетным представителям каждой организации. Пускай это не будет формальная делегация, а просто собрание людей, через которых идет взаимное осведомление и соглашение. Большего первоначально от «Тактического центра» и не ожидалось. От НЦ в него вошли Щепкин * и Герасимов, в качестве заместителя — Трубецкой, от СОД — Д. Щепкин и Леонтьев, от СВ — Щепкин * и Мельгунов. Таким образом, Щепкин * представлял как бы две организации. Действительно, в «Тактическом центре» скоро была принята формула соглашения, все же довольно абстрактная и содержащая три указанных положения. Молва приписывала участие в ее выработке Алексинскому, который, действительно, уехав из Советской России, сообщил в интервью с местным журналистом об этом участии и заключенном соглашении. Само собой разумеется, принятые формулы особых практических последствий не имели, тем более что и давший повод (к соглашению.— *Ред.*) вопрос о конференции на Принцевых островах был снят с очереди. Советская власть согласилась послать представителей, но ее противники отказались это сделать. То же самое случилось и с примирительным американским предложением. Здесь предполагалось остановить гражданскую войну в России, каждому правительству остаться пока в его наличных географических пределах, общую амнистию, взаимные экономические сношения и, наконец, снять блокаду и открыть сношение России с остальным миром. Опять согласие исходило от Советской власти, а противодействие — от ее противников. Россия вновь была обречена на гражданскую войну. Значение «Тактического центра» лежало в другом. Он представлял из себя гораздо более приспособленный орган, уже в силу своей малочисленности, к принятию практических решений и действию. Пускай он был образован лишь для осведомления и соглашения, силою вещей он превращался в решающий центр. В сущ-

* От редакции. Здесь автор имеет в виду Н. Н. Щепкина.

ности, он представлял большое сходство с «Центром»[1] 1918 года, куда входили представители к.-д., СОД и торгово-промышленных групп. Постепенно он принял и характер несколько более конспиративный, чем отдельные организации, в нем представленные. Отчетов и сообщений о его деятельности на заседаниях НЦ не делалось. Вообще он быстро превращался в орган, как независимый от входящих в него организаций, с которыми имели дело и приезжавшие с Юга. Наконец, впоследствии он вошел и в военную часть, связанную с НЦ, если не непосредственно, то через военную комиссию. Тем не менее и здесь, несомненно, личные влияния были не равновелики. Руководящая роль, по-видимому, принадлежала Н. Щепкину и Леонтьеву. Щепкин не только представлял две организации, но что гораздо важнее, он был несравненный мастер сглаживать различия и приводить их к единству. Кроме того, за ним стоял очень большой политический вес в глазах и НЦ, и СВ. Леонтьев считался человеком исключительно сильной воли и ясного практического ума и импонировал даже более левым членам СВ, которые существенно расходились с ним в программных вопросах. В самой манере его говорить было нечто властное и в то же время совершенно определенное. Леонтьев при своей кажущейся относительной правизне относился к большевизму как к государственной силе с уважением, но его возмущал полубольшевизм эсеров и меньшевиков. Прочие члены «Тактического центра» лишь дополняли этих двух главных действующих лиц.

В этот период на совещаниях НЦ продолжают разбираться и программные вопросы. По предложению Щепкина Котляревский сделал сообщение об основах федеративного строя в России, где указывал на его исторические основы и на современные условия. Он предложил схему географического разделения территории России по областям, изложил различие в их положении относительно центральной власти и культурно-экономических и этнографических областных делений, функции государственной власти, остающиеся за центром, и организацию самих областей. Сообщение вызвало много возражений, особенно со стороны Герасимова и Трубецкого, отчасти и других, которые находили, что в настоящее время неблагоразумно идти далее расширенного местного самоуправления, что нужно думать о единстве, а не о расчленении. Докладчик указывал, что федерализм именно необходим во имя единства, которому угрожает прямо отторжение части областей, и что федерализм вполне совместим с единством в том, в чем это единство сейчас государственно необходимо. Совещание предложило докладчику далее разработать вопрос, но он не обсуждался.

---

[1] Имеется в виду «Правый центр».

Вообще же здесь сказывались известные практические разномыслия.

Осведомление за этот месяц было несколько полнее. Особенно подробный доклад был сделан приехавшим с юга Хартулари. Борьба групп и партий продолжалась. Французская оккупация Одессы оставила глубокое разочарование сторонников интервенции, так как Одесса под властью этой оккупации представляла зрелище полной анархии; самый же французский гарнизон всецело оказался под влиянием большевистской пропаганды, что отчасти объясняло и внезапный уход французов. Поэтому в белогвардейских кругах было большое разочарование в французах, но тем более рассчитывали на англичан. Добровольческая армия в это время была в положении, которое решительно не позволяло от нее ожидать быстрых движений. Ей очень повредили действия ее частей в Крыму, где произошли грабежи и бесчинства. Много Хартулари говорил об экономическом положении Юга, железных дорог, угольных копей и т. п. Кроме сообщений с Юга, рассказывалось и о том, что происходило в Москве и вокруг нее. Обычно Щепкин делал эти сообщения относительно роста зеленой армии, дезертирства, волнений на фабриках и заводах и т. п.

Сведения были случайные и отрывочные, показывающие, как ненадежны источники. Чрезвычайно преувеличенное значение было придано самим Щепкиным (по-видимому, на основании данных СВ) забастовке на Александровской ж. д. Крайняя и очевидная неудовлетворительность всей этой информации заставляла поставить вопрос: нельзя ли ее улучшить и пополнить? Но все это оказывалось неосуществимым. Щепкин же передавал и слухи с фронта, впрочем, и сам предостерегая против того, чтобы им слишком верить. Он сообщал, например, о сожжении Колчаком Волжской флотилии, зимовавшей в затоне, о взятии Астрахани, которое не подтвердилось. Вообще военные известия довольно обывательского типа исходили почти исключительно от него; источников он не указывал. Очевидно, однако, у него уже в этот период был ряд сношений с военными кругами, совсем не известных НЦ. На это, между прочим, жаловался Шипов. Он находил, что Щепкин вообще не сообщает многих известий, которые он имеет относительно военных дел, что он единолично принимает приезжающих с юга и т. п. Другие члены совещания видели здесь некоторую мнительность со стороны Шипова, который в мае окончательно перестал бывать на совещаниях НЦ и совсем от него вообще отошел.

Последние месяцы жизни НЦ — с конца апреля до конца августа опять отличались своими особенностями. Заседания ввиду летнего времени стали менее полными. Отдельные члены часто отсутствовали. С другой стороны, в них деятельное участие

стал принимать Муравьев. Несомненно, он вносил в совещания эти нечто новое. Он не раз ставил вопрос о пересмотре всей деятельности совещаний. Не исходит ли она из ложных предпосылок? В самом большевизме происходит глубокая перемена. Создается Красная Армия, которая постепенно превращается в подлинную русскую армию. Муравьев чрезвычайно предостерегал против ее недооценки. Он и в других отношениях указывал на рост государственности в Советской России. Большевизм осуществляет дело объединения русской земли. С другой стороны, Муравьев очень сомневался в материальных и моральных силах Юга с их эмигрантской психологией. Эти мнения вызывали споры, но к ним более или менее присоединялись Котляревский, Фельдштейн и Кольцов. Щепкин очень внимательно к ним прислушивался, возражал, но не раз говорил, что, быть может, Муравьев и его сторонники правы. Но практического заключения из этого все же не делалось, как и сам Муравьев не предлагал таких заключений; он как бы призывал лишь к размышлению и проверке. Далее, в совещаниях участвовали экономисты-профессора Кафенгауз и Букшпан. Собственно, это были неформальные совещания, и Букшпан и Кафенгауз приглашались не в НЦ, а просто для обсуждения вопросов, связанных с экономической программой. В разработке ее, производимой Кафенгаузом и Букшпаном, вероятно, принимали участие и другие экономисты, к которым они обращались.

Можно было бы думать, что в эти месяцы, когда деникинское наступление шло успешнее, чем это предполагалось по известиям с юга о Добровольческой армии, можно было бы думать, что для совещания НЦ станут на первую очередь вопросы тактические. Но они сосредоточивались в «Тактическом центре»; совещание же могло обсуждать лишь общее направление тактики. Прежде всего оно по-прежнему не допускало мысли о каком-либо вооруженном выступлении в Москве и вообще в Советской России. С особой энергией и категоричностью об этой недопустимости говорил Герасимов, полагая, что оно привело бы лишь к бесплодному кровопролитию. Речь может идти лишь о том, не произойдет ли такое выступление стихийно. Но в это не верили ни Герасимов, ни Щепкин. Вообще, из слов Щепкина получалось такое впечатление, что в Москве не имеется военного материала для подобных выступлений. Щепкин как-то сказал, что, если бы большевики покинули Москву, а другая армия ее бы не заняла, он сомневается, возможно ли было бы в городе поддержать элементарный порядок.

Далее вообще совещание не останавливалось на вопросе, что будет, если Москва окажется в руках Деникина. Трудно сказать, кто из членов верил в эту возможность, кто нет. Скорее господствовало чувство, что здесь все неожиданно и неучитываемо. И вопрос о новой власти, новом правительстве никогда серьезно не

ставился. Как-то раз Щепкин в шутливой форме его поставил. Названо было имя Леонтьева как подходящего человека для устройства управления и организации продовольствия. Назван был далее Герасимов, который заявил, что ни в какое правительство не пойдет. Он даже сделал поход и против Леонтьева, и против себя: по его словам, лица, прикосновенные к Временному правительству, должны были бы пожизненно лишиться права участия в какой бы то ни было власти. Щепкин, между прочим, говорил, что его личной мечтою было бы вернуться к муниципальной деятельности, к городскому хозяйству. Все это говорилось за чаем, совсем не в серьезном тоне, и сам Щепкин обратил разговор в шутку. Во всяком случае, никаких правительственных списков (как говорят, обращались по Петербургу, когда ему угрожал Юденич) ни в НЦ, ни в смежных организациях не ходило. Да и совсем не чувствовалось желание попасть во власть, если бы таковая и образовалась. Может быть, здесь сказывалось и инстинктивное чувство ее неизбежной непрочности.

С другой стороны, как раз академическая дятельность совещания в это время оживилась. По предложению Герасимова было решено уяснить самые принципы возможной экономической программы. Имели в виду не конкретные законопроекты или отдельные мероприятия — вопрос ставился иначе. Какое направление народнохозяйственной политики может быть противопоставляемо политике коммунистической, в каком направлении эта последняя должна быть изменяема? Совещание признавало единодушно, что в сфере экономической все наши партии оказались несостоятельными, а между тем все развитие русской жизни в ближайшее время должно исходить под знаком экономики.

Кафенгауз дал характеристику экономической политике, руководимой принципом, важность которого для России сейчас не может быть преувеличена, принципом подъема производительных сил. Ему всецело должен подчиниться и вопрос, в каких пределах может признаваться частная собственность на землю и на орудия производства, и вопрос о социальных реформах. Он отсюда заключал, например, что нужно мириться с растущей дороговизной: законодатель должен поддерживать не потребителя, а производителя или, точнее, производство. Иностранный ввоз должен быть весь направлен на техническое оборудование русского народного хозяйства, а не на доставку предметов потребления, хотя бы и весьма нужных. С этой точки зрения Кафенгауз рассматривал и сельское хозяйство, и горное дело, и обрабатывающую промышленность, и транспорт, и торговлю. Необходимы большие жертвы от всех слоев населения, от всего наличного поколения, чтобы выйти из тяжкой хозяйственной разрухи, которая в конце концов сводится к катастрофическому падению производительности и произ-

водства: подъем их — первое условие социального и культурного прогресса. Возражая против социалистических мероприятий, которые не имеют в данное время необходимых народнохозяйственных предпосылок, докладчик предостерегал против того, чтобы отсюда делались выводы в пользу классовых интересов землевладельческих и торгово-промышленных.

Букшпан дал характеристику современного хозяйственного строя и в особенности подробно и объективно изложил устройство и деятельность Высшего Совета Народного Хозяйства с его столь многочисленными разветвлениями, его различных главков и центров. Далее он остановился на государственном регулировании хозяйственной жизни, которое становится неизбежным в силу самого факта мировой войны, а также связанных с нею глубоких социальных сдвигов; на пути такого регулирования стоят и европейские страны, и даже Америка. Задача лишь в том, чтобы при этом не угасить личной энергии и инициативы. Подробно он останавливался на политике внешней торговли, которая сейчас так важна для России: она также требует коренного государственного регулирования ввоза и вывоза, разрешительно-запретительной системы, которая позже сочетается с рядом частных краткосрочных соглашений между заинтересованными государствами. Для России в ближайшее время внешний оборот может быть лишь товарообменом, и Букшпан указывал на его основы: нужно, чтобы, вывозя необходимое сырье, Россия не получала взамен вещей, без которых в хозяйственном смысле можно обойтись; разрешение на вывоз этого сырья должно быть выдаваемо лишь под условием обратного ввоза эквивалентно необходимых, а не просто полезных предметов. Для вывоза сейчас первенствующее значение имеет лес, и Букшпан, подобно Кафенгаузу, видел основную задачу в подъеме производительных сил.

Все эти сообщения живо обсуждались и вызвали большой интерес. Щепкин говорил, что экономическая политика есть все же часть общей политики, и здесь часто нельзя проводить начало исключительной хозяйственной целесообразности; нужно считаться и с взаимоотношением классовых сил, и с психологией момента. Так, аграрный вопрос в России стал более политическим, чем экономическим, и это отразилось на всех программных его решениях. Признана была желательной дальнейшая разработка экономической программы и в то же время — на этом настаивал Букшпан, поддержанный особенно Муравьевым и Котляревским, — действительное, объективное уяснение экономического положения Советской России и экономической политики Советской власти; эта политика сама не представляет чего-либо неподвижного и существенно меняется, например, в области земледелия; она также все более и более признает необходимость подъема производитель-

ных сил. При обсуждении докладов выдвинут был ряд и других вопросов, которые подлежат разработке, например о формах и характере иностранных концессий в России, полезных и даже необходимых, но представляющих свои политические и экономические опасности.

Естественно, большое место на заседаниях занимала информация, но она не становилась полнее, скорее напротив: она сосредоточивалась теперь в «Тактическом центре». За эти месяцы уже на совещании не появлялись приехавшие с юга лица, письма тоже были редки и скудны. Военные сообщения, которые делал Щепкин, мало прибавляли к материалу, даваемому «Известиями ВЦИК». Из них, между прочим, нельзя было даже представить, какими в конце концов силами располагает Добровольческая армия и как велика Красная Армия. Щепкин иногда говорил, что такая-то (по номеру или по командующему лицу) армия находится там-то, но не говорил, что она из себя представляет в смысле численности. Точно так же оставалось весьма неясным, насколько Красная Армия была хорошо вооружена. Здесь замечались прямые противоречия, которые могли объясняться или противоречиями источников, коими пользовался Щепкин, или неосведомленностью тех, кто ему говорил. Иногда выходило, что Красная Армия совсем не вооружена и что через несколько недель ей не из чего будет стрелять; иногда — что у нее избыток всякого, особенно артиллерийского, снабжения, что и в смысле винтовок и патронов она снабжена удовлетворительно. Весьма противоречивы были данные и о психологическом состоянии обеих сторон. Несомненно, лица, осведомлявшие Щепкина, в общем, склонны были преуменьшать материальные и моральные силы Красной Армии, что сознавал, по-видимому, и Щепкин, который вообще менее производил впечатление человека легковерного.

Скудны были известия и о политическом положении Юга. Совещание не знало даже точно состава правительства, которое окружало Деникина, ни организации его. Было известно, что Деникин назначил министром юстиции Винавера, и можно было видеть в этом акте его желание отклонить от Добровольческой армии обвинение в антисемитизме. Впоследствии само известие опровергалось. Неясно также было, в качестве кого находится там Астров: в качестве министра внутренних дел (он, по-видимому, был им, но очень короткое время), министром без портфеля или просто политическим советником? Однако даже отрывочные сведения показывали, что политически и НЦ, и кадеты бессильны на Юге и что власть находится в гораздо более правых руках. Начинает упоминаться даже такое одиозное имя старого порядка, как Стишинский, правда, не в составе правительства, но все же оказывалось возможным какое-то влияние, возможен самый слух

о лице, которое в 1906 году оказалось слишком правым для Столыпина. Несомненно, уже очень большим политическим влиянием располагал Лукомский, он впоследствии был и во главе правительства; по общему отзыву он стоял значительно правее Деникина. Но всего показательнее были назначения в занятых Добровольческой армией областях. Там появлялись старые губернаторы и т. п. Замечательно, что известия обычно подчеркивали, что Деникин не солидарен с этими правыми течениями, которые все более вокруг него берут верх, что он даже с ними борется, но безуспешно. Получалось впечатление, что общественные элементы, представленные в Добровольческой армии наиболее сильно, завоевывая области, вовсе не хотели передавать власть в руки тех, кто в их глазах, подобно кадетам, все же не свободны были от известной левизны, как и от вины в содействии революции. Власть переходила к кадровому офицерству, и оно приносило всю горечь пережитых обид и социальной деградации. Сказывалось это и в известиях об аграрных отношениях, хотя и здесь как будто Деникин понимал последствие, которое будет иметь отнятие земли у крестьян. Сообщалось о бесчинствах и насилиях, особенно над еврейским населением, хотя, по-видимому, Добровольческая армия не доходила до эксцессов, которые над евреями совершали петлюровцы, и командный состав Добровольческой армии с такими эксцессами боролся. Вместе с тем обычно передавалось о большом падении цен на хлеб и вообще на съестные припасы, о появлении этих последних в большом количестве на рынке в результате занятия данного города Добровольческой армией (Харьков, Белгород).

Информация о настроениях в Советской России - она по-прежнему касалась настроения рабочих и крестьян. Указывалось на недовольство их Советской властью, но и в то же время совещания не показывали противоположных симпатий. Котляревский, бывший в июле в деревне (в Московской губернии), указывал, что недовольство у крестьян чувствуется главным образом наборами [1] и мерами против дезертирства, отчасти и советскими хозяйствами, но что ему не приходилось слышать пожеланий прихода Деникина; если бы пришлось выбирать, он думает, что большое большинство в деревне этих местностей стояло бы за Советскую власть. То же приблизительно сообщалось и относительно рабочих: в конце концов и их недовольство Советской властью не принципиальное, а практическое, вызванное прежде всего продовольственными трудностями. Нельзя придавать серьезного значения тому, что большевистские ораторы на митингах, на отдельных фабриках и заводах встречали несочувствие и осуждение аудитории. По-видимому, уменьшалось и дезертирство, против которого,

---

[1] Мобилизациями, призывами на военную службу.

правда, явно Советская власть выступила с мерами суровыми и даже беспощадными.

Очень чувствовался недостаток информации относительно иностранных дел. В каком отношении находятся европейские государства к гражданской войне, раздирающей Россию, какое участие склонны они в ней принять? Муравьев особенно указывал, что «Известия ВЦИК» дают в общем верную, хотя, конечно, одностороннюю картину. Нужно только более вчитываться в отдельные сообщения, их сопоставлять, вообще применять известный критический метод, что он и делал.

По-видимому, на Юге продолжалось охлаждение к французам и тяготение к англичанам, которые поддерживали денежными средствами и снабжением всякого рода Деникина. Разочарование во французах у военных пробуждало немецкие симпатии, которые, однако, не встречали никакого отклика в высшем командном составе; вероятно, там опасались поссориться с англичанами. Общее же впечатление было такое, что в русском вопросе державы ни к чему определенному до сих пор не пришли. Непонятно было, почему они признали «верховным правителем» Колчака (даже Америка, которая так долго в этом вопросе колебалась), когда он уже стал терпеть решительные поражения. Всего определеннее все-таки казалось отношение правительства Ллойд Джорджа. По Москве ходил перевод его парламентской речи, где он говорил об активной интервенции в русские дела. Неизвестно было, насколько это перевод, а не апокриф, так как английского текста никто не видел. Но вообще и здесь, по Москве, ходили фантастические слухи, и они достигали совещания НЦ. Их также обычно передавал Щепкин, оговаривая сомнения в их достоверности.

Однако и он был склонен поверить слуху о начале враждебных действий со стороны Германии против Советской России на основании неопубликованного в России параграфа Версальского договора, по которому на Германию возлагается обязанность восстановить порядок в России. Понимая хотя бы несколько отношения между Германией и Антантой в это время, нельзя было не видеть здесь явной выдумки. Кроме того, полный текст Версальского договора был напечатан в номере «Таймс», который находился в читальне Народного комиссариата иностранных дел, и там можно было воочию убедиться, что никакого подобного параграфа не имеется. Далее Щепкин указывал на ту тревогу, которую вызывают в Англии планы Советской власти в Азии, широкая пропаганда советского строя, которая там ведется из России на местных языках, политика Советской власти в Персии и особенно в Афганистане, приемы представителей народов Индии и Китая. Об этом он говорил довольно подробно, как бы придавая большое значение. Впоследствии выяснилось, что у Щепкина летом 1919 года

были сношения с представителем английского правительства в России (Полем Дюксом), и, быть может, здесь отразились указания этого представителя. Но возможно и то, что Щепкин здесь просто делал вывод из данных, которые печатались в «Известиях». Могло, действительно, казаться, что страх перед русско-большевистским влиянием на Востоке вообще заставит их более энергично действовать в русском вопросе. Были также данные, что в иностранных кругах, расположенных так или иначе помогать в борьбе с большевиками в России, существует большое опасение реакции, которую принесет победа Деникина. В совещании «Центра» читалось опубликованное в «Правде» письмо князя Львова, председателя Русского комитета в Париже, к Деникину, где Львов, предостерегая его против реакционеров, советовал привлечь в правительство социалистов и т. д.; иначе друзья Добровольческой армии за границей могут оказаться совсем бессильными. Ответ Деникина, также напечатанный в «Правде», был весьма сух. Быть может, он в это время больше интересовался поддержкой Англии, чем Франции, где эти опасения перед грядущей русской реакцией были особенно сильны, как и в Америке, которая вообще держалась иного взгляда на внутреннее положение в России, чем Англия и Франция. Каких-либо известий о деятельности Русского комитета в Париже [1] и подобных ему русских эмигрантских организаций не было. Лишь из «Известий ВЦИК» можно было узнать, что Струве входит в парижский комитет в качестве представителя НЦ. Кто его назначил, было неизвестно. Вероятно, южане, о чем, впрочем, они не извещали.

В [этой] связи вставал другой вопрос, на который обращал особое внимание Муравьев. По-видимому, восстановление единства России в смысле возвращения ее к довоенным границам не входило в виды союзников. Независимость Польши стала совершившимся фактом, но кроме нее, державы признали независимость Финляндии и склонны были признать независимость Прибалтийских государств и Закавказья, даже брали под свою защиту самостийность Украины и поощряли виды Румынии на Бессарабию. Ни Франция, ни Англия вовсе не заинтересованы в особом усилении России, когда Германия для них уже неопасна. Муравьев говорил, что с этим русское общество обязано бороться совершенно независимо от своих отношений к большевизму и Советской власти. Совершенно недопустимо, чтобы успехи во внутренней борьбе покупались ценою расчленения России. При таком ходе дел сама Советская власть обращается в хранительницу нашего государственного единства, и тогда ее должны поддерживать и те,

[1] Имеется в виду «Русское политическое совещание» - антисоветская белогвардейская организация, созданная в конце 1918 года в Париже и возглавляемая князем Г. Е. Львовым.

кто в очень многом другом против нее. Эти мысли поддерживал и Котляревский. Он только указывал, что различные части России находятся тут в различном положении. Независимость Финляндии есть тоже совершившийся факт. Его признала и Европа, и Советская власть. Независимость Прибалтики не может быть прочной. Ни Эстония, ни даже Латвия, ни, особенно, Литва не могут сделаться действительными независимыми государствами. Они соединятся или с Германией, или с Польшей, или с Россией, что для них всего естественнее, в особенности при проведении в государственную жизнь России федеративных начал.

Гораздо опаснее отторжение Закавказья и виды англичан на Туркестан. Одна потеря Баку наносит непоправимый удар русскому народному хозяйству. Вообще, наши политические и экономические интересы ориентированы сейчас больше на Юг и на Восток, чем на Запад. И с этим надо считаться и в оценке этого значения, которое представляют для России различные ее бывшие окраины. Поэтому было бы так важно вернуть к единству с Россией Грузию и Азербайджан, что опять-таки требует политики признания широких прав за всеми народностями России при сохранении ее государственного единства. По поводу Польши Котляревский сообщил свой разговор с Венцковским, польским уполномоченным, у которого он был по делам Великого Северного пути [1]. Из этого разговора выходило, что в Польше есть довольно сильное течение в пользу расширения ее границ к востоку за счет не только Литвы, но и белорусских областей — стремление к границам по Западной Двине и Березине, и даже по Днепру. И это стремление находит поддержку во Франции: французы не прочь были бы дать полякам границы 1772 года [2]. Поэтому они сочувствуют движению польской эмиграции на восток. Сам Венцковский вовсе не солидаризировался с этим течением, говоря о своих симпатиях к России; относился с большим уважением к Чичерину, но указанные выводы из его слов можно было сделать. Котляревский доказывал ему, что подобная политика неминуемо толкает Россию на сближение с Германией. И Герасимов, и Муравьев, и Трубецкой, и Кольцов говорили, что такие планы французской политики должны встретить самое резкое осуждение в России. Масса белорусского населения тяготеет к России, а не к Польше. Муравьев и Кольцов особенно указывали, что в борьбе с Польшей сама Советская власть будет осуществлять общенациональные начала.

---

[1] См. примечания на с. 305–306.

[2] По договору о первом разделе Польши, подписанному в Петербурге 25 июля (5 августа) 1772 года представителями Пруссии, Австрии и России, Пруссия заняла Поморское воеводство (без Гданьска) и значительную часть Северо-Западной Польши. Австрия получила Галицию, часть Краковского, Сандомирского и Русского (без Холма) воеводств. К России отошли Восточная Белоруссия и польская часть Ливонии.

Все эти известия показывали, насколько запутан с международной стороны русский вопрос. Власть, насажденная в России поддержкой Антанты, несомненно, будет находиться под ее влиянием и в полной от нее зависимости. С другой стороны, и Деникин, и Колчак эту поддержку получали если не в смысле человеческого материала, то деньгами, вооружением всякого рода, снабжением и т. д. Гражданская война неразрывно сплеталась с борьбой международной. Тут создавалась тяжкая проблема для всякого, кто ради устранения большевистской власти не шел с легким сердцем на иностранное вмешательство. Для совещания, по крайней мере, его большого большинства, становилось все яснее, что возрождение России может быть лишь результатом внутреннего развития, а не внешнего воздействия. У всех был в памяти опыт Скоропадского. С другой стороны, совещание теперь уже было свободно от идеализации Антанты, особенно после Версальского мира. О сближении с Германией говорили и Муравьев, и Котляревский, и Трубецкой. Никакой предвзятой враждебности к Германии, которая так сильна была в НЦ при его основании, не было. Все это, конечно, являлось лишь мнением отдельного кружка, ибо в это время всякая связь с НЦ на Юге прекратилась. Неизвестно было, как он организован, из кого состоит, в каких отношениях находится с к.-д. (по-видимому, ранее эти отношения были весьма близки), с СВ и другими организациями. По отдельным, правда, весьма запоздалым сведениям можно было заключить, однако, что у отдельных его членов, особенно у Федорова, несмотря на эти разочарования, принесенные французами, сохранилась старая вера в Антанту. Уход французов из Одессы, действия в Крыму, нежелание помочь беженцам из русской буржуазии — все это казалось ему мимолетным недоразумением: более же всего он опасался, что подобные недоразумения пробудят на Юге германофильские настроения.

По-прежнему для него Германия представлялась исконным врагом. Конечно, здесь нужно было принять во внимание и другое: южане, стоящие более или менее близко около Добровольческой армии и видящие оказываемую ей англичанами помощь, могли опасаться, что всякие немецкие симпатии могут совершенно изменить готовность англичан.

Этот период закончился арестом Щепкина, который произошел 28—29 августа. В сущности говоря, здесь оканчивается история московских совещаний НЦ даже внешним образом; правильных совещаний после этого не было, некоторые члены совсем их не посещали, и, по-видимому, не было даже для них содержания. Некоторое время продолжал действовать «Тактический центр», но военные организации были разгромлены, положение в Москве чрезвычайно обострилось после расстрела Щепкина и взрыва

в Леонтьевском переулке [1]. Впрочем, «Тактический центр» же давно совершенно отделился от совещаний НЦ и вел обособленное от них, как, вероятно, и от СОД и СВ, существование. Но для НЦ арест Щепкина имел и огромное внутреннее значение.

Данные, опубликованные в связи с арестом Щепкина, и позднейшее разоблачение показали всю широту его военных связей. Это были его личные связи. Можно сказать категорически, что совещание НЦ, как таковое, никакого отношения к военному заговору не имело. Эти военные связи были ему неизвестны, как неизвестно и участие целого ряда лиц, арестованных вместе со Щепкиным и оказывавших ему техническое содействие,— Алферова, Волкова, братьев Астровых и т. д. Относительно Алферова члены совещания, знавшие его ближе, были уверены в его совершенной непричастности (до такой степени он казался вообще далеким от всякой политики), и долгое время они оставались под впечатлением, что здесь имела место какая-то роковая судебная ошибка. Создавалось впечатление, что НЦ — мощная организация, опирающаяся на значительные военные силы и снабжаемая большими средствами, которых эти силы требовали. В действительности фирма НЦ была связана с совершенно различными организациями, которые друг друга не знали, да и по самому духу были достаточно далеки друг от друга. Но их связывала личность Щепкина. Несомненно, он был выдающийся организатор. Даже на совещаниях НЦ можно было наблюдать, как он умел приводить к единству взгляды и положения достаточно противоположные. Он был не только руководителем НЦ, он, в сущности говоря, и составлял его ядро. Можно, конечно, сказать, что отдельные члены совещания НЦ, как Шипов, и отчасти Герасимов, вошедший в «Тактический центр», более других могли считаться входящими в такое ядро. Но все же значение Щепкина оставалось совершенно преобладающим даже и при наличности «Тактического центра», где был такой сильный, авторитетный человек, как Леонтьев. Вероятно, Щепкин во многом давал тон и «Союзу возрождения», будучи неизмеримо крупнее Мельгунова, и, быть может, этим объясняется, что в Москве НЦ и СВ, довольно разнородные по составу, как-то не сталкивались наподобие того, что происходило на Юге.

Лишь благодаря Щепкину НЦ мог совмещать такие разнообразные формы деятельности — от почти чистого академизма до военного заговора. Это было бы невозможным, если бы во главе его остался Шипов с его принципиальностью, непоколебимыми убеждениями, которые принимали облик религиозной веры, с малой способностью при всей его личной терпимости представ-

[1] См. 3 раздел 1 тома. Ныне улица Станиславского.

лять себе чуждые ему точки зрения и чуждую психологию. Понятно, что НЦ его не удовлетворил, не удовлетворял и образ действий Щепкина. Понятен и психологически, с другой стороны, и этот последний образ действий. У Щепкина был свой личный план разрешения русского кризиса, который он вовсе не считал нужным подвергать коллективным обсуждениям. Будучи вообще большим скептиком, он не ожидал многого от таких обсуждений, и в смысле консервативном он не хотел этого делать — не раз он высказывался, что русские вообще плохие конспираторы и не умеют молчать. Замечательно, что вместе с этим собственные совещания НЦ он вовсе не стремился обставлять какой-либо конспиративностью, охотно шел на присутствие лиц, могущих в качестве специалистов известного вопроса принять участие в прениях, и т. п. Беря на себя осуществление своего плана с наиболее опасной стороны, в смысле сношения с военной средой и ее организацией, он заранее брал на себя и все возможные последствия. Часто выражалось удивление, что Щепкин был до такой степени неосторожным, как это обнаружилось при его аресте. Ужели он не предвидел его возможность? Думается, что неосторожность была своего рода фатализмом, который он себе позволял, полагая, что, никого не посвящая в свои действия, он никого и не подведет. Могли тут сказаться и личные обстоятельства. Осенью 1918 года он потерял жену. Эта смерть, по рассказам лиц, близко его знающих, очень его потрясла, и он не раз говорил, что и по своему возрасту и по самочувствию жизнью он не дорожит. Правда, на людях он был бодр, спокоен, даже весел, но все это могло быть внешностью. Он всегда хорошо владел собою, и знавшие близко его люди говорили, что он умеет принимать на себя различные роли — способность, которую он получил как бы по наследству от своего предка знаменитого актера Щепкина.

С другой стороны, можно себе представить, какое впечатление произвели на участников совещания, и в особенности на тех, кто не входил в «Тактический центр», данные, обнаружившиеся в связи с арестом и гибелью Щепкина. Они увидали, около какой пропасти они стояли. Действовал здесь, конечно, и простой инстинкт самосохранения, но действовало и сознание, что работа НЦ пошла по совсем иному пути, чем это им представлялось, а между тем хотя бы моральная ответственность остается, и это одно приостанавливало всякую дальнейшую работу. Если бы они видели смысл НЦ в том, чтобы каким угодно путем устранилась Советская власть в Центральной России, то казалось, именно теперь перед НЦ открывались широкие перспективы. В короткое время Добровольческая армия заняла Киев, Курск, Воронеж, Орел, дошла в пределы Тульской губернии, которая смежна с Московской. На севере войска Юденича подходили к Петербургу. Но эти успехи не дали никакого

толчка совещанию и не подействовали на его членов. А вслед за этим с конца октября начинается полный неуспех белых и на юге, и на севере и быстрое продвижение Красной Армии и здесь, и там, и в глубь Сибири. Уже в конце 1919 года исход гражданской войны определился. Победила Советская Россия. Среди тех кругов, которые всего ожидали от прихода Деникина в Москву, уже наступило полное разочарование. Они готовы всячески были бранить Деникина за его неспособность, за то, что он, не взвесив своих сил, бросился в авантюру. В то же время они жадно прислушивались к известиям с Западного фронта и к слухам о предстоящем наступлении польских войск — не придет ли избавление отсюда?

Гражданской войне виден был конец, крах, но перед Россией, особенно Центральной, особенно перед русским городом, вставали другие бедствия: голод, холод, полное расстройство транспорта, паралич промышленной жизни. С востока приходили ужасающие вести о распространении сыпного тифа. Приходилось уже бороться не с политическими или классовыми противниками, а с самой природой. Быть может, самые эти стихийные бедствия смягчали старую вражду. Чувствовалось, что спасти может лишь общая, самая напряженная работа, спасать приходилось уже физическую жизнь — свою и своих близких.

Наконец, и внешнее положение России изменилось. В январе 1920 года было опубликовано решение держав снять блокаду. Решение, правда, обставленное рядом оговорок о признании Советской власти, об ограниченных формах и размерах товарообмена. Но все же здесь пробивалась брешь в блокаде, которая являлась одним из основных условий бедственного состояния России. То, что могло быть достигнуто еще в начале 1919 года, когда встал вопрос о Принцевых островах, то начало осуществляться после года гражданской войны и всяческого разрушения.

Совещания НЦ в то время не было. Но прежние его сочлены встречались и обменивались мыслями. У большинства из них уже раньше сложилось убеждение, что русская интеллигенция вообще должна встать в совершенно лояльное отношение с Советской властью и вложиться в действительную созидательную работу. Военные успехи Деникина при установившейся политической обстановке не могли разрешить русского кризиса и только бы до бесконечности затянули бы гражданскую войну. Впрочем, эти успехи скоро кончились. Наступление же поляков есть прежде всего наступление на Россию и должно быть всеми русскими гражданами встречено как таковое. Чувство долга перед Россией с ее тяжкими бедствиями должно превозмочь всякие антипатии к большевизму. Впрочем, большевизм сам эволюционирует в направлении государственности, и эта эволюция пойдет тем быстрее и прочнее, чем скорее кончится гражданская война, прекратятся

разговоры, прекратятся всякие виды сознательного и бессознательного саботажа. В настоящее время в России плодотворно можно работать лишь при известном лояльном отношении к Советской власти. Нейтралитет здесь неосуществим. Эта власть слишком связана со всеми сторонами не только государственной, но и народной жизни. Самый опыт работы в советских учреждениях некоторых членов бывшего совещания НЦ мог их убедить, что здесь есть достаточно широкое поле для применения своих сил. А общение с коммунистами важно не только для целей работы: здесь могут устраниться много недоразумений, и обе стороны лучше поймут и узнают друг друга.

К подобным взглядам пришли Муравьев, Котляревский, Фельдштейн и Кольцов. Одни раньше, другие позже. Практически это особенно проявилось в связи с вступлением Муравьева в Комиссариат иностранных дел, куда он был приглашен Чичериным и Караханом. Среди его знакомых некоторые находили этот шаг своего рода капитуляцией, признанием солидарности с внешней политикой Советской власти. По этому поводу члены бывшего совещания — Герасимов, Трубецкой, Муравьев, Котляревский, Кольцов и Фельдштейн — решили обменяться мнениями. Тут обнаружились значительные разногласия. Муравьев энергично отстаивал принципиальную правильность своего шага (ибо внешняя политика Советской власти есть в настоящее время русская внешняя политика) и вместе с тем необходимость вообще стать на новый путь не только для отдельных лиц, которые это и сделали, а вообще для кругов, из которых вышел НЦ. Его поддерживали Кольцов, Котляревский и Фельдштейн. Весьма возможно, что при дальнейших разговорах с ними в известных пределах согласились бы и возражавшие, особенно Трубецкой, который признавал серьезность доводов и за последнее время сам не чужд был больших сомнений в этом вопросе. Но разговор остался незаконченным потому, что разные случайности задержали новую встречу, а затем все эти лица в феврале были арестованы. Конечно, эти разговоры тоже не были формальными совещаниями НЦ. Последних тогда вообще не происходило. Правда, не было формального закрытия, но оно представлялось и неосуществимым (в каких, собственно, формах оно могло произойти?), да и ненужным. Оставалось несколько лиц, которые принимали раньше участие в этих совещаниях и которые уже в силу этого факта представляли друг для друга и при разногласиях известный интерес. Впрочем, у большинства и не было существенных разногласий.

НЦ возник в период, когда Советская власть считалась временной и переходной уже в силу международного положения России между воюющими странами. Он возник в связи с борьбой немецкой и союзнической ориентаций. Он не имел определенно классового

отпечатка и даже впоследствии не получил определенного политического облика; в этом смысле он отличался от СОД и от СВ. Это, быть может, привлекало к нему людей, которые не хотели себя связывать уже определенными решениями политических вопросов, для них самих спорных; это, с другой стороны, неизбежно сообщало ему некоторый академический характер. Действия же, которые связаны с именем НЦ, в сущности, были лишь действиями отдельных его членов, прежде всего Щепкина.

Со времени возникновения НЦ прошло меньше 2-х лет, но условия совсем изменились. От старых ориентаций почти не осталось следа. Советская власть оказалась гораздо прочнее, чем можно было думать летом 1918 года. При самых тяжелых условиях она создала настоящую армию, и эта армия победила в гражданской войне. И как ни тяжело экономическое положение России, работа над его улучшением идет, создается трудами и слагается сознанием необходимости общих усилий. Самый советский строй оправдал себя уже своей длительностью, и в то же время в рамках его возможна и неизбежна эволюция, которая уже совершается. Советская Конституция сама по себе не есть нечто раз навсегда законченное, как склонны были представлять конституции в эпоху Великой французской революции их авторы. Лучшим же симптомом изменений является декрет об отмене смертной казни [1].

При таких условиях НЦ уже принадлежит истории. Путь, по которому пошли общественные круги России, создавшие его, пройден до конца. Он принес лишь жертвы и разочарования. Но, быть может, такой предметный урок, хотя и купленный слишком дорогой ценой, оказался необходимым. Во всяком случае, мерилом жизнеспособности указанных общественных кругов является то, насколько они воспримут этот урок и сумеют стать на новый путь общенародного творческого труда, чуждого политиканства, классовых расчетов и затаенных вожделений мести. Можно еще отрясти прах от России, можно эмигрировать из нее. Но для тех, кто не может и не хочет этого сделать, другого пути нет.

24 марта 1920 года *С. Котляревский*

---

[1] После разгрома основных сил Колчака и Деникина и ликвидации ряда крупных контрреволюционных заговорщических организаций ВЦИК и СНК РСФСР по предложению ВЧК, одобренному Политбюро ЦК РКП(б), приняли 17 января 1920 года постановление «Об отмене применения высшей меры наказания (расстрела)». Отменялось применение смертной казни как по приговорам ВЧК и ее местных органов, так и по приговорам городских, губернских и Верховного при ВЦИК трибуналов.

ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА»*

I

[Показания В. В. Ступина]

Я вошел в организацию Добровольческой армии Московского района через Ивана Николаевича Тихомирова, проживающего: Н[ово]-слободская, 11, кв. 9, в октябре или декабре 1918 года. В то время в организации состоял Сергей Иванович Талыпин. С Талыпиным мы начали работать, ему досталась организационная работа по набору кадрового состава части (первоначально полка) и изучение районов Москвы – Пресненского, Сущевско-Марьинского и Бутырского.

Мне же лично ставилось задачей привлекать других руководителей, которым можно было поручить набор таких же кадровых составов. Долгое время я не мог найти подходящих и желающих взять на себя такую роль лиц. Только весной 1919 года я уговорился с Миллером, который согласился взять на себя роль такового лица, и ему был дан район Лефортово для изучения его и поручен был набор кадрового состава. Все дело организации было основано на том, чтобы не делать преждевременных изолированных выступлений, а решено было их прежде всего согласовать с общим настроением населения и возможностью в случае успеха в Москве возможно скорее соединиться с приближающимися к Москве частями Добровольческой армии Колчака или Деникина в зависимости от того, кто будет ближе к Москве.

План восстания следующий.

Начало выступления – одновременно в двух секторах: Лефортовском и Пресненском – Сущевско-Марьинском. Так как все выступление базировалось на присоединении масс, то по пополнении кадрового состава части сектора эта часть должна была немедленно наступать по направлению к центру Москвы – Кремлю, а своими флангами секторы должны были стремиться соединиться, с тем чтобы по кольцу «Б» (трамвайное кольцо «Б») во время наступления выставить заставы, которые выделяются из состава выступающих частей. Кольцо «Б» этими заставами дол-

* Мы здесь выделяем показания Ступина в самостоятельную главу, так как они довольно полно знакомят нас с сущностью Военной организации «Национального центра».

В. В. Ступин

жно было быть приведено в оборонительное состояние. Приведение в оборонительное состояние кольца «Б» вызывалось необходимостью дать отпор наступающим частям в случае неудачи в дальнейшем их продвижении. Приведение же в оборонительное положение кольца «Б» явилось бы боевой блокадой центра Москвы.

Каждый начальник сектора в захваченных районах города действует согласно приказу № 1 командующего Добровольческой армией Московского района.

Оперативная сторона предоставлялась исключительно начальнику сектора.

К моменту разработки оперативного плана каждый из начальников секторов должен был посвятить меня во все детали, то есть со всеми средствами, необходимыми для выполнения боевой задачи.

Что же касается организации, могу показать, что из членов организации мне известны Алферов, Талыпин, Миллер и Иван Николаевич Тихомиров.

Возможно, что членов организации было больше, но мне известны только эти лица.

II

ПРИКАЗЫ И ВОЗЗВАНИЯ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

ПРИКАЗ № 1 КОМАНДУЮЩЕГО ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИЕЙ МОСКОВСКОГО РАЙОНА

Частям Добровольческой армии и населению приказывается принять к исполнению нижеследующее:

1) Все, борющиеся с оружием в руках или каким-либо другим способом против отрядов, застав или дозоров Добровольческой армии, подлежат немедленному расстрелу; не сдавшихся в начале столкновения или после соответствующего предупреждения в плен не брать.

2) Все, вооруженные винтовками, револьверами, ручными гранатами, шашками, кинжалами или финскими ножами, добровольно сдавшиеся без оказания предварительного сопротивления отряду, заставе или дозору Добровольческой армии, могут быть уверены в своей личной безопасности. По распоряжению начальника отряда, заставы или дозора эти лица по отнятии оружия и патронов отправляются при охране в пункт, назначенный в каждом районе, для проверки документов задерживаемых и сдачи оружия. Красноармейцев и слушателей командных курсов, сдавшихся в начале столкновения или после предупреждения и затем вызвавшихся добровольно принять участие в борьбе с коммунистами, по принятии их согласно указаниям п. 4 считать добровольцами.

3) Все без исключения лица, имеющие при себе на квартире пулеметы, винтовки, револьверы, патроны к ним, взрывчатые вещества, ручные гранаты, шашки и кинжалы, обязаны сдать все перечисленное оружие и патроны немедленно по занятии частями Добровольческой армии района их проживания, для чего надлежит у ближайшего отряда или дозора Добровольческой армии справиться о местонахождении пункта сдачи оружия.

4) Всем, желающим оказать содействие Добровольческой армии активным участием в борьбе или каким-либо другим способом, предлагается в ближайшем отряде или дозоре справиться о местонахождении военного начальника района, к коему и надлежит обратиться за указаниями. Вооруженным огнестрельным оружием добровольцам предлагается обращаться с просьбой о принятии их непосредственно в ближайший отряд или дозор. Отрядам или заставам иметь специально назначенных лиц для опроса являющихся добровольцев и решения о принятии их в от-

ряд или направлении к военному начальнику района. Добровольцы принимаются по их желанию — или только на время борьбы в г. Москве и ее окрестностях, или на определенный срок. Семьи всех добровольцев (жена и родители — пожизненно, сестры, братья и дети — до совершеннолетия), погибших в борьбе или утративших не менее 70% трудоспособности, обеспечиваются: служащих и рабочих — 100% зарабатываемого разряда тарифной ставки, неслужащих — по определению особого органа, применительно к служащим. Добровольцам, утратившим трудоспособность менее 70%, устанавливается пожизненная пенсия по тем же правилам оклада в 70% разряда тарифной ставки. По смерти добровольца семья его на указанных выше основаниях пользуется пенсией в 50% от следуемой добровольцу. Жалованье, кроме полного содержания, обеспечивается в месяц: рядовому добровольцу — 500 рублей, бывшим старшим унтер-офицерам или подпрапорщикам — 800 рублей. За семьями добровольца сохраняется право получения содержания по ныне занимаемому добровольцем месту его службы.

5) По занятии Добровольческой армией все, проживающие в нем, без исключения,— офицеры, военные чиновники, врачи, юнкера из 6-го и 7-го классов — обязаны явиться немедленно к военному начальнику района для получения соответственных назначений. Неявившиеся подлежат преданию военно-полевому суду.

6) Лица, упомянутые в п. 5, будут признаны добровольцами только в том случае, если они примкнули к движению до закрытия за Добровольческой армией их района и содействовали этому закрытию. Добровольцы-офицеры получают право на полное восстановление их прежнего служебного положения в армии. Добровольцы-юнкера и кадеты получают право на производство в офицеры без особого испытания. Добровольцы из слушателей всех командных курсов получают право также на производство в офицеры без особого испытания. Вообще же все добровольцы, принявшие участие в активной борьбе, получают право в будущем навсегда быть освобожденными от воинской повинности.

7) По занятии какого-либо района Добровольческой армией все находящиеся в этом районе правительственные или общественные учреждения, склады всякого рода имущества и продовольствия и организации обязаны не позднее как через 6 (шесть) часов зарегистрироваться со сведениями о деньгах, ценностях и имуществе, находящихся в регистрируемом помещении, у военного начальника района, под ответственностью председателя домового комитета или, если такового не имеется, то под ответственностью старшего из служащих, живущего при учреждении или складе, или кассиров и бухгалтеров учреждений.

8) Все части Добровольческой армии должны стремиться к скорейшему восстановлению порядка в занимаемых ими районах.

9) Все ныне существующие государственные, казенные и общественные учреждения обязаны продолжать свою работу, и служащие обязаны являться на занятия. Если начальник не назначен, то в должность вступает старший по должности.

I. ВОЗЗВАНИЕ

Коммунисты! Прежде всего Добровольческая армия обращается к вам.

Довольно лжи! Вы в своих газетах и на митингах не перестаете самым бесстыдным образом обманывать народ, говоря, что за вами стоит большинство, что вас поддерживают рабочие и крестьяне. Между тем в действительности вы прежде всего гнетете тех же крестьян, отбирая у них продовольствие и скот, мобилизуя их на братоубийственную войну и расстреливая их, если они отказываются от призыва.

В России нет места, где не было бы недовольных вами, чему неопровержимым доказательством служат восстания с участием всех слоев населения, вспыхивающие во всех углах России.

Большинство из вас попали в коммунисты благодаря обману и обещаниям, которые не оправдались. Вы теперь сами сознаете, что так существовать государство больше не может.

Добровольческая армия гарантирует вам жизнь, если вы не окажете сопротивления и добровольно сдадитесь ее частям.

Красноармейцы и матросы! Вас насильно мобилизовали для того, чтобы вы усмиряли и расстреливали бы своих же отцов и братьев.

Вас беспрестанно обманывают, говоря и внушая вам, что Советская власть сильна; вы сами на себе чувствуете положение Советской власти — вы голодны, ибо вас нечем кормить; вы раздеты, так как вас не во что ни обуть, ни одеть; вас заставляют драться против вашего желания да еще и дают мало патронов, так как патронов далеко нет столько, сколько нужно; лошадей нет, а которые есть, те дохнут с голоду; обоза нет, и вы принуждены отбирать у своих же подводы; железные дороги настолько плохо работают, что продовольствие и другие запасы подвозятся с величайшим трудом и с каждым днем и даже часом все меньше и меньше. На что надеются коммунисты, опираясь на вас? Им не на что больше надеяться. Все, что они теперь могут, — это, пользуясь вами, как орудием, защищаясь вашей кровью и бросая вас насильно на фронт, возможно дольше продержаться у власти только для своих личных и партийных интересов. Красноармейцы и матросы! Вы сразу можете от этого освободиться и вернуться

домой к мирному труду. Присоединяйтесь к Добровольческой армии с лозунгами: «Долой кровавых коммунистов!», «Долой гражданскую войну!»

Командный состав и слушатели командных курсов! Добровольческая армия обращается к вам потому, что одни из вас уже теперь ответственны перед своей Родиной за действия Красной Армии, а другие — слушатели курсов — готовятся к этому. Добровольческая армия предупреждает вас, что в настоящую минуту, когда дело идет о том, чтобы вырвать Родину из рук людей, вконец разоряющих ее и предающих ее этим всему миру, вы должны помнить, что ваше сопротивление Добровольческой армии будет беспощадно наказано, как измена перед Родиной и предательство ее в грязные нерусские руки теперешней власти. Примкните к Добровольческой армии, и тогда вы получите право наравне со всеми работать на защиту родной Великой России, которую многие из нас не перестали любить беззаветно, несмотря на весь обман и ложь коммунистической агитации. Долой Интернационал, губящий Великую Россию из-за выгод, мести и потехи кого угодно, только не искренне любящих Родину и русских.

Рабочие и железнодорожники! Всем известно, что вам постоянно твердят, что нынешняя власть — это ваша власть. Почему же коммунистам приходится усмирять рабочих, почему большинство из вас недовольны создавшимся положением и вы все трепещете перед маленькими кучками людей — коммунистическими ячейками, и повинуетесь им, созданным помимо желания большинства из вас? Вы, давно работающие в промышленности, прекрасно понимаете, что для развития ее нужны свободный труд и порядок. Возможно ли это теперь, когда, несмотря на большие получаемые деньги, вы не можете спокойно заняться своей работой, а должны сами обеспечить себя всем, иначе вам грозит голод и холод. Коммунисты закрыли много фабрик и заводов не только из-за отсутствия сырья и топлива, но закрытие каждой фабрики и завода, где настроение рабочих для них ненадежно, им дает материал для фронта в виде оставшихся безработных. Многие из вас прекрасно знают, что промышленность гибнет, гибель промышленности — ваша гибель, и вместе с гибелью промышленности должна неминуемо окончательно разориться и погибнуть страна, и ваша прямая, святая обязанность, как русских,— не дать погибнуть русской промышленности, а с тем и своей стране. Добровольческая армия, борясь за возрождение страны при условии свободы труда и наличия разумного порядка, призывает вас примкнуть к ней. Арестуйте те малочисленные кучки людей — коммунистические ячейки, под гнетом которых вы находитесь! Железнодорожники и трамвайные служащие, прекратите движение на время борьбы и не перевозите по железным дорогам воинские части коммунистов!

Телеграфисты! Не передавайте распоряжений коммунистов! Рабочие водопровода! Добровольческая армия просит вас не прекращать работу, чтобы этим не оставить население без воды!

Подмосковные крестьяне! Вы частью уже примкнули к рядам Добровольческой армии. Ваше поголовное недовольство коммунистами известно. Идите в Москву! Поступайте в ряды Добровольческой армии! Организуйте в районе деревень заставы для задержки всех автомобилей, скрывающихся с коммунистами из Москвы! Арестуйте своих коммунистов! Сообщайте об отрядах, двигающихся к Москве! Заставьте живущих у вас красноармейцев примкнуть к рядам Добровольческой армии!

Обыватели и все служащие! Вы наиболее обездоленные и наиболее терпящие голод и нужду, вы вертитесь в своей нужде как белка в колесе — городским пайком не прожить, ибо ничего не дают, жалованья не хватает, так как все безумно дорожает, и вам предстоит голодная и холодная зима, для вас давно понятно, что всякая жизнь в стране замирает, и страна гибнет в пожаре гражданской войны. Будьте мужественны, идите в ряды Добровольческой армии! Арестуйте известных вам коммунистов! Прекратите работу во всех учреждениях на время острого периода борьбы! Рвите в своих районах телеграфные и телефонные провода!

Милиция! Ваша обязанность — поддержание порядка — ставит вас вне борьбы. Если вы не будете оказывать сопротивления, то личный состав, за исключением коммунистов и сочувствующих им, будет оставлен на службе.

Боритесь все под своими лозунгами за одну общую мысль — избавление своей страны от чуждого нам, русским, интернационального засилья.

Добровольческая армия борется за лозунги:

«Да здравствует Единая Великая Россия!»

«Да здравствует Народное собрание на основе всеобщего избирательного права!»

«За поруганную Православную Церковь!»

«Долой братоубийственную гражданскую войну!»

«За свободный труд каждого по своему почину!»

«За свободу и неприкосновенность личности!»

«За свободу передвижения по стране!»

«За неприкосновенность частной собственности и жилища и обеспечение пользования результатами своего труда!»

«За справедливое решение земельного вопроса в пользу трудящихся над землей!»

«За обеспечение рабочих от эксплуатации их труда капиталом и государством!»

«За свободу торговли!»

«Только развитие мелкого кредита, кооперативов и самостоятельных мелких хозяйств поможет стране!»

«За широкое развитие частной инициативы в промышленности!»

«За немедленный возврат мобилизованных домой к мирному труду!»

«Долой кровавую, голодную, лживую и чуждую для нас, русских, власть коммунистов!»

2. ВОЗЗВАНИЕ

Настало время, когда всему населению стало ясно, что благодаря коммунистам Россия как государство перестала существовать, что страна обнищала до последней степени и продолжает разоряться гражданской войной и внутренней политикой коммунистов.

Коммунисты, овладевши властью силой, созданной ими путем обмана народа, много обещавшие, но ничего не давшие, разоряли все время, как разоряют и теперь, страну только ради своих партийных и личных интересов, мобилизуют население только для своей защиты — защиты интересов своей партии и расстреливают тех, кто не хочет ради этой узкой и низкой цели проливать свою кровь и кровь своих же братьев — русских.

Как бешеная собака ни с кем не может ужиться и кусает всех, встречающихся ей на пути, так и коммунисты никому не дают сказать слова правды и разоряют и расстреливают несогласных с ними. Вот почему они выбросили лозунг: «Да здравствует гражданская война».

Коммунисты прекрасно знают, что существовать у власти они могут только при полном подавлении свободы слова, при полном уничтожении свободы личности, так как если бы они хоть раз по справедливости провели бы выборы по всеобщему избирательному праву, то им бы у власти не бывать. Порукою этому тысячи расстрелянных и остатки сотен деревень, сожженных и разоренных коммунистами. Так только коммунисты удерживают свою власть и говорят, что «это власть рабоче-крестьянская». Такой обман только и возможен при тех приемах управления, какие применяют коммунисты, и при той бессовестной, наглой лжи, которую они всюду говорят и пишут. Коммунисты, сами не имея ни в чем недостатка и устроившись в тылу, зная давно, что громадное большинство населения городов и деревень не за них, проводят обманом и силою на выборах своих людей и, не будучи в состоянии избавить население от голода и холода, заставляют еще сражаться за их личные и партийные интересы под флагом демагогических и лживых лозунгов. На такое насилие может быть ответом только сила. Добровольческая армия Московского

района призывает всех покончить с этим обманом и сбросить чуждую для нас и не подходящую нашим укладам и обычаям интернациональную власть коммунистов.

Боритесь все под своими лозунгами за одну общую мысль — избавиться от темного кошмара насилия, который душит нашу страну!

Добровольческая армия борется за лозунги:

«Да здравствует Единая Великая Россия!»

«Да здравствует Народное собрание на основе всеобщего избирательного права!»

«За поруганную Православную Церковь!»

«Долой братоубийственную гражданскую войну!»

«За свободный труд каждого по своему почину!»

«За свободу передвижения по стране!»

«За неприкосновенность частной собственности и жилища и обеспечение свободного пользования результатами своего труда!»

«За справедливое решение земельного вопроса в пользу трудящихся над землей!»

«За обеспечение рабочих от эксплуатации их труда капиталом и государством!»

«За свободу торговли!»

«Только развитие мелкого кредита, кооперативов и самостоятельных хозяйств поможет стране!»

«За широкое развитие частной инициативы в промышленности!»

«За немедленный возврат мобилизованных домой к мирному труду!»

«Долой кровавую, голодную, лживую и чуждую для нас, русских, власть коммунистов!»

III

[Продолжение показаний В. В. Ступина]

При вступлении мне было объяснено, что организация не преследует самостоятельных боевых целей, а имеет задачей: 1) сплочение имеющегося в Москве офицерства и оказание материальной поддержки наиболее нуждающимся из него; 2) в случае анархии в Москве, могущей быть по той или другой причине, использовать сплоченную группу офицерства как кадр лиц, могущих организовать охрану порядка. Из перечисленных заданий видно, что работа вся пока сводилась к набору личного состава.

Я лично в это время познакомился со Стоговым, при котором я и должен был исполнять роль начальника штаба. Связью с ним мне служил Владимир Львович Вартенбург.

Больше я в это время сведений об организации не имел.

По существу дела, вплоть до марта никакой работы мне выполнять не приходилось, да и по данным о личном составе той части организации, которой я ведал, видна была малочисленность группы (не более 60—70 человек), причем эта малочисленность имела тенденцию скорее еще уменьшаться, чем увеличиваться.

В марте в связи с наступлением Колчака мне было Стоговым предложено представить мои соображения о мерах, которые надо было бы принять, дабы увеличить интенсивность работы организации не только в исполнении указанных выше задач, но и предвидеть возможность активного выступления, причем последнее считалось возможным лишь как вхождение в начатое другими (рабочими или другой организацией) восстание.

Кроме того, мне было пояснено, что мы должны стремиться создать дивизию (то есть кадр ее) и что параллельно нам существует такой же, как и мы, зародыш другой дивизии.

Мои соображения сошлись с соображениями Стогова и свелись к принятию следующих мер: 1) в личный состав организации набирать только лиц, способных быть ударниками; 2) ударники обязаны были среди известных им лиц, не говоря им ничего об организации, наметить: а) сочувствующих, то есть лиц, которых по тем или другим причинам осведомлять преждевременно, но которые подходящи для набора их в последний момент и привлечения к активной работе, б) пассивных, то есть лиц, негодных для активной работы, но порядочных и годных для привлечения их к будущей организационной работе после одержанного успеха; 3) Ивану Николаевичу Тихомирову поручалось ведать изучением Москвы с целью определить местонахождение правительственных, гражданских и военных учреждений, а также воинских частей, 4) принять меры к быстрому оповещению и сбору членов организации в случае необходимости. Четвертый пункт на практике оказался совершенно неосуществимым благодаря необходимости соблюдать конспирацию.

Главный недостаток был в том, что не было оружия, а потому и боеспособность организации была, по существу, равна нулю. Средств и способов для приобретения оружия не было.

Особого плана тогда не вырабатывалось, так как было признано, что организация может лишь к чему-нибудь примкнуть.

В это же время организации было сообщено, что она считается частью Добровольческой армии, это обстоятельство в дальнейшем имело большое значение при наборе личного состава.

В понедельник на страстной неделе был арестован Стогов. Я остался один, приходилось решать вопрос о судьбе организации. Как раз за несколько дней до ареста Стогов мне сообщил, что он держит связь с членом политического центра, при котором

мы состоим,— Н. Н. Щепкиным, и собирался меня познакомить, но не успел.

Я и Иван Николаевич решили, несмотря на то, что не имели общих со Щепкиным знакомых, постараться каждый в отдельности связаться с ним. Мне это не удалось, Ив. Ник. связь установил. Выяснилось, что одновременно установил связь со Щепкиным начальник кадра второй дивизии С. А. Кузнецов, который и взял на себя поддержание связи со Щепкиным. Иван Николаевич, продолжая работать со мной, поступил в распоряжение С. А. Кузнецова для помощи ему в смысле связи со Щепкиным, мое же знакомство с последним не состоялось за ненадобностью.

В дальнейшем работа, по существу, шла в том направлении. Через Ивана Николаевича было выяснено, что весь кадр второй дивизии насчитывает около 20 человек.

Когда был арестован Кузнецов, то мною было решено присоединить кадр второй дивизии к первой, а с начальником этой группы, Савицким, держал связь Иван Николаевич. В скорое время Савицкий был передан Иваном Николаевичем Миллеру.

После ареста С. А. Кузнецова я остался совершенно один. Я связался со Щепкиным для выяснения положения. Щепкин дал мне ответ через несколько дней. Ответ был таков: 1) не предрешая вопроса о главе организации, мне предлагается вести дело дальше; 2) взять в свое ведение также разведку; 3) иметь постоянно связь со Щепкиным, с которым разъяснять все возникающие вопросы.

Первый и третий пункты я принял, от второго категорически отказался, мотивируя это тем, что боевое дело организации ни в коем случае нельзя смешивать с разведкой. В сношениях со Щепкиным мне продолжал помогать Иван Николаевич, взяв в свои руки денежную сторону дела.

Согласившись на руководство подготовительной работой организации, я предложил Щепкину вновь обдумать и конкретизировать цель существования организации.

Поводом к этому послужили тогдашние события в Петрограде. Вполне являлось вероятным, что в Москве будут сделаны аналогичные петроградским повальные обыски. И естественно, что при такой обстановке стоит рисковать вскрытием организации лишь в том случае, если организация преследует самостоятельную серьезную цель. При наличии же только указанных выше пассивных задач риск вскрытия организации не может быть оправдан. На основании сказанного спрашивалось: признается ли желательным, чтобы организация готовилась бы к максимуму, то есть к самостоятельному выступлению. Если последнее не признается желательным, то предполагалось организацию распустить. Вместе с тем указывалось, что население Москвы и ее гарнизон

настолько запуганы и инертны, что к самостоятельным выступлениям совершенно не подготовлены и не способны. Но настроение все-таки таково, что при энергичной, бьющей на психологию вспышке присоединение масс вполне вероятно. Ответом послужило указание готовиться к максимуму, то есть к самостоятельному выступлению. Таким образом, организация вступила в новую фазу своего существования.

Положение дела организации после июня.

Для выполнения поставленной организации задачи мною был выработан план, к осуществлению которого и надлежало подготовляться.

Сущность плана изложена в первом показании. К изложенному могу добавить, что одновременно с выступлением предполагалось некоторые железные дороги, ведущие к Москве, подорвать не более 2-х переходов, дабы затруднить подачу в Москву подкреплений. Недостаток взрывчатых веществ, по-видимому, принудил бы это сделать даже кустарным способом механической порчей. Организация этого дела, порученная Миллеру, налаживалась плохо.

В указанных двух боевых секторах главнейшей задачей ставилось захватить броневики. Разработка этого вопроса была поручена Звереву совместно с Талыпиным в Бутырском районе и с Миллером в Лефортовском районе.

Для руководства быстрой организацией стрельбы из орудий, захваченных на Ходынке, предназначался — *** [1], личный состав для которого должен был набираться из оказавшихся под рукой артиллеристов во время захвата орудий. Д. Я. Алферов вступил в организацию в июле. Его квартира служила местом встреч. Кроме того, он иногда служил для связи.

Начальники секторов мною указаны в первом показании.

Кроме перечисленных лиц, мне другие лица неизвестны, чтобы я мог их указать.

В середине июля выяснилось, что на работу организации денег нет. Работа организационная продолжалась.

В августе Щепкин было мне сообщил, что получился неожиданный прилив денег, привезенных неким Василием Васильевичем [2].

С получением этих денег явилась возможность развить работу. Миллеру было поручено подготовить типографию и по возможности изыскивать способ по покупке оружия. Как то, так и другое увенчалось успехом, но подробностей этих дел я не знаю.

---

[1] *** Е. А. Флейшер. См. примечание на с. 383.

[2] В. В. Мишин (Москвин).

Арест Щепкина прервал всякую связь с источником денег и с самим политическим центром.

В таком положении застал как раз организацию разгром.

В августе и сентябре дважды приказывалось в особенности тщательно перебрать состав ударных групп, чтобы освободиться от дутых цифр. Последнее в этом отношении предупреждение еще не вполне было проведено в жизнь. Можно предполагать, что в обоих секторах было бы в каждом ударников и сочувствующих примерно от 150 до 200 человек.

27 сентября 1919 года *Ступин*

IV

В начале пояснения схемы организации необходимо дать дополнительные сведения о ее развитии.

Я уже показал, что примерно в марте мне было сообщено Стоговым о желательности из бывшей под его начальством группы образовать дивизию, причем говорилось, что существует еще зародыш второй дивизии. Вся организация, таким образом, якобы представляла корпус.

Территория Москвы была поделена между дивизиями так, что восточная ее половина (исключая Замоскворечье) должна была изучаться второй дивизией, а первой дивизии дан был район — все Замоскворечье и западная половина. Точное направление разграничительной линии не помню.

Район каждой дивизии был распределен между полками дивизии. В первой дивизии (Стогов) это было сделано так: Толыпину дан район Пресни, Бутырки и Сущевско-Марьинский; Филипьеву — Хамовники и Дорогомилово; Найденову — Замоскворечье. У первых двух границей в сторону центра должно было служить трамвайное кольцо «Б».

Такой порядок сохраняется примерно до середины июня. Фактически он ничего реального не дал, главным образом потому, что, по существу, расплывчатая задача «изучения района» при инертности исполнителей была для них непонятна. Очевидно, требовалось ставить вполне определенные задачи, например: «определить месторасположение такого-то караульного батальона» и т. д.

Когда фактически после ареста С. А. Кузнецова во главе организации остался я один и вместе с тем определилось новое задание для организации — «готовиться к самостоятельному выступлению», я, естественно, должен был отказаться от бывших громких названий: «корпуса», «дивизии» — и перейти к более простой схеме.

Кроме того, я пришел к убеждению, что прежде всего необходимо задаться каким-либо планом, а в нем — возможным минимумом и готовиться прежде всего к последнему, а затем, при нарастании сил, развивать в пределах того же плана.

Время для подготовки еще было, т. к. самое выступление ставилось в зависимость от общей обстановки и настроения масс.

Сущность плана мною уже была изложена. Считалось необходимым начать одновременно в двух, по возможности диаметрально расположенных, районах. Таковыми районами были Лефортовский и Бутырский, потому что в них были расположены броневики, которыми и надлежало прежде всего овладеть. По овладении броневиками в обоих районах должны были ударные группы поднять стоявшие вблизи войсковые части и затем в зависимости от притока пополнений образовать атакующие колонны, которые немедленно и направить в атаку в направлении на центр Москвы (район Кремля).

Необходимо подчеркнуть, что план действий был еще в периоде подготовки, поэтому точно порядок выступления еще не был установлен, а направления атаки на центр еще совсем не обсуждались.

В частности, по районам пункты выступлений пока наметились следующие: у Миллера — в районе Николаевского вокзала, если группа 35-го полка будет достаточно сильна, в Лефортове и в Новогирееве (Высшая стрелковая школа), из Новогиреева восставшие должны были идти к Москве для захвата Рогожско-Симоновского участка; у Талыпина пока получился лишь один пункт — гараж формирования, где стояли броневики; Филипьеву было передано, чтобы он изучал Пресненский район и Александровский вокзал [1], но пункт выступления еще не был указан. *** должен был обдумать захват артиллерии на Ходынке.

В дополнение к этим указаниям было передано: 1) как в момент выступления, так и атаки каждая ударная группа или атакующая колонна должна сама позаботиться о разведке и охранении; 2) иметь в виду, что кольцо трамвая «Б» следует считать как линию, на которой каждая атакующая колонна по проходе ее должна оставить части, а последние на соответствующем участке кольца «Б» должны образовать оборонительную линию как опору для атакующих на случай неудачи в центре; 3) в зависимости от числа захваченных пулеметов и грузовиков надлежало в помощь броневикам вооружить грузовики пулеметами; 4) в инженерном отношении должны были быть Миллером сформированы партии для порчи железных дорог не ближе 2-х переходов; эти же партии должны портить телеграф; саперы должны были составить сооб-

---

[1] Ныне Белорусский вокзал.

ражения по обороне трамвайного кольца «Б»; по автомобильной части следовало обдумать: какие легче захватить гаражи; по железнодорожной части надлежало подготовиться к тому, чтобы по захвате какого-либо вокзала можно было легко сформировать поезд для высылки его вперед с соответствующей воинской силой для прикрытия Москвы от попытки оказать помощь извне.

Из изложенного в плане видно, что для подготовки к нему прежний порядок распределения организации по Москве не подходил. Самое большое, что можно было от прежнего порядка сохранить,— это название полка, но и это было бы неправильно, а потому я и стал называть бывшие полки ударными группами. Эти ударные группы, по мере выяснения обстановки, каждая должна была получить вполне конкретную задачу и к ней готовиться. Для объединения же и руководства этими ударными группами были назначены начальники районов — Миллер и Талыпин. Название дивизии здесь не подходит потому, что в дивизии всегда должно быть определенное число единиц, а в районах может быть произвольное число ударных групп в зависимости от намеченных пунктов выступления.

Лица, известные мне точно по организации, указаны на схеме. То же относительно связей с частями — показаны те, которых существование было твердо установлено.

Управление организацией было безусловно несовершенно. Оно, в сущности, воплощалось во мне одном. Произошло это потому, что еще попытки Стогова показали о невозможности пополнить штаб соответствующими лицами, главным образом благодаря несообразным претензиям тех, кому это предлагалось. Я в этом отношении попыток не делал.

О главе организации мне известно, что для этого предназначался Стогов. Других же имен я никаких не знаю.

О связях с подмосковными окрестностями могу показать, что попытки связаться с зелеными не имели успеха, так как: 1) зеленые, как явление временное, исчезли; 2) не с кем было связываться. О каких-либо теперь устанавливаемых связях твердо не знаю. Миллер говорил, что он намечает что-то в этом отношении.

Относительно теперешнего военного командования армией ничего фактического показать не могу. Могу лишь изложить один мой разговор со Щепкиным. Щепкин мне сказал, что некоторые лица ищут якобы связи в целях в нужный момент оказать услуги. Я ответил, что, поскольку слыхал у стоящих у власти, доверяться этому не следует, ибо ничего серьезного сделано быть не может и что такие намеки являются скорее просто кивком, который делается на всякий случай. Никаких имен при этом разговоре не называлось.

Считаю необходимым вновь категорически отвергнуть показание Миллера, что штабом ему была передана таблица с численностью войск. Помимо того, что совершенно нелогично было бы из штаба передавать такую таблицу лицу, которое ведало только районом, я еще укажу, что и таблица сама по себе никакого смысла не имеет, а является какими-то теоретическими измышлениями, ни на чем не основанными.

В штабе никаких связей с частями на фронте и провинцией не было.

Я позволю себе привести пояснение двух выражений: 1) связь с частью и 2) ячейка в части. Надеюсь, что это пояснение поможет разобраться.

Под «связью с частью» следует понимать тот случай, когда сама часть дает ударную группу не менее 30—40 человек. Эти ударные группы должны быть способны к самостоятельному выступлению и первым ее шагом, конечно, будет подъем своей же части или, по крайней мере, овладение по возможности всем оружием.

«Ячейка же в части» всегда малочисленна и даже может состоять из одного человека. Ячейка к самостоятельному выступлению не способна, всегда входит в состав какой-либо основной ударной группы организации.

В оперативном отношении это различие имеет также громадное значение. Дело в том, что ударную группу части в 40 и больше человек для выступления никуда не передвинешь, ибо это было бы слишком заметно. Такая ударная группа для первоначальных действий привлечена к месторасположению своей части. Ячейка же в составе основной ударной группы может действовать и не в местонахождении своей части.

Благодаря приведенному пояснению становится ясным, что если служащий или несколько служащих части или учреждения персонально и входили в организацию, то это еще не значит, что сама часть или учреждение примыкало к организации как определенная сила.

V

На предложенные мне вопросы могу пояснить нижеследующее:

1) По поводу связи с «зелеными» я уже показал, что к моменту ареста такая связь результата не дала. За последние дни мне было передано, что у Лейе начинается связь в районе северных железных дорог, что там есть какой-то владелец хутора, который может организовать около себя группу лиц. Я приказал, чтобы это было проверено посылкою туда надежного человека. Была ли фамилия этого хуторянина Овчинников, я твердо не помню.

Посылка лиц через Лейе для установления связи с зелеными в районе Рязанской жел. дор. результата не дала, так как оказалось, что не с кем связываться.

2) По поводу расходов организации могу показать, что таковые слагались из двух статей: одна — это выдача пособий, производившаяся каждые две недели, и другая — это расходы на организационную работу.

Первая сумма, требовавшаяся каждые две недели, была очень различна и только в августе достигла до 78—80 тысяч в полумесяц.

Отпуск же на вторую статью фактически начался только в августе, причем на покупку оружия и устройство типографии Миллеру было дано около 300 тысяч и Найденову в последние дни 15 тысяч.

Я только знаю, что Василий Васильевич привез миллион. О каком-либо другом способе переправки в Москву денег я не слыхал.

Для ясности считаю необходимым пояснить, почему именно выдавались пособия нуждающимся членам организации. Объявление организации частью Добровольческой армии и выдача пособий были двумя осязательными фактами, доказывавшими серьезность всего дела. Необходимость придать вескость всему делу была крайне важна, так как это способствовало набору личного состава. Выдача пособий, конечно, базировалась на добросовестности лиц, их требовавших. Мне достоверно известно, что лица, зарабатывавшие службой достаточное содержание, никаких пособий не получали.

3) Все сношения с Деникиным велись через Н. Н. Щепкина, ко мне лично никто не приезжал и явок для посылаемых на меня не было.

Никаких приказаний от Деникина организация не получала. Да и при существовавшем способе связи такие приказания были бы нецелесообразны, ибо получались бы всегда несвоевременно.

Организация работала самостоятельно.

4) По поводу указаний политического центра необходимо сказать, что такие указания вырабатывались после соответствующего освещения вопроса со стороны военной организации.

Но вместе с тем необходимо подчеркнуть, что военная организация не имела права решать самостоятельно каких-либо основных вопросов.

Все переговоры велись через Н. Н. Щепкина.

5) Относительно таблицы с численностью войск, найденной у Миллера, я никаких объяснений по ее содержанию дать не могу.

Замеченная мною подпись на оборотной стороне этой таблицы «Константин Константинович» напоминает мне следующее: при одной из встреч Миллеру было сказано, что вопросы по техни-

ческой части, могущие возникнуть в его районе, должны обдумываться Константином Константиновичем. Миллер вынул из кармана какую-то бумажку и на ней записал это имя и отчество. Есть полное вероятие предполагать, что эта бумажка и была названной таблицей. Почерка, коим написана таблица, не знаю.

Константин Константинович ведал исключительно техническими вопросами, и в круг его обязанностей ни в коем случае не входило поддержание связи с частями на фронте и в провинции, да такой связи и вовсе не было.

Предположение, что вторая графа таблицы есть данные о числе сочувствующих на фронте, полученные на основании донесений, по-моему, совершенно невероятно, так как для этой статистики пришлось бы иметь особое бюро и массу агентов, что, конечно, на практике неосуществимо.

Считаю необходимым пояснить, что Миллер в организацию вступил не персонально, а как лицо, объединяющее уже целую группу лиц. Произошло как бы слияние двух групп. Если это принять во внимание, то станет ясным, что целый ряд вопросов может и не быть известным.

6) Я предполагал послать связь к Мамонтову. Людей для этого должен был дать Лейе, но посылка не состоялась, ибо в ней миновала надобность, так как Мамонтов в это время повернул на юг, в район станции Касторная.

Лиц, приехавших от Мамонтова в Москву, я не видал и связи с ними не имел.

7) Относительно Федорова могу показать, что Владимир Данилович Жуков мне передавал о желании Федорова, чтобы во время выступления к нему явилось бы несколько вооруженных лиц, которые заставили бы его работать. В подготовительной же работе Федоров, по-видимому, не отказывался участвовать.

Ступин

VI

Н. Н. Щепкин предлагал мне ведать разведкой, полагаю, что это значило бы, что мне придется принять целый ряд лиц, уже имеющихся у него. Я не считал это возможным, так как смешивать дело организации с разведкой было нельзя.

Желая найти себе помощника, я попросил Ульянина — заведующего курсантами Академии Генерального штаба зайти со мной на совещание к Талыпину. Познакомившись с положением дела, Ульянин, однако, определенного согласия не дал, уехал на занятия с курсантами на Ходынку, и связь с ним фактически прервалась, и для организации он никакой работы не выполнял. Ульянина знаю с детства.

Предложение подорвать железные дороги в районе Пенза — Рузаевка возникло в связи с перебросками войск с Восточного фронта на Южный. Задача подрыва была дана заведующему инженерной частью — Владимиру Даниловичу Жукову, который поручил Миллеру набрать личный состав партии.

Возможно, что о технической выполнимости этой задачи Жуков советовался с Федоровым. Жуков служил в управлении жел.-дор. войск. Посылка партии не состоялась ввиду явно выраженного нежелания ее ехать. Константин Константинович является преемником Жукова по организации.

Константину Константиновичу ставилась задача: разведка телефонной сети Москвы, цель — выяснить, каким образом остановить работу Центральной телефонной станции и изолировать в смысле телефонного сообщения Кремль и оперативный штаб отрядов особого назначения ([Б.] Чернышевский пер.,[1] 22), (кроме задач, изложенных выше, - телеграф, радиостанция, саперная часть и железнодорожная).

О телефонах. Предложил нападение на Центральную телефонную станцию.

Ударной группы для этой цели намечено не было.

Об изолировании Кремля и штаба особого назначения говорил, что разведка произведена.

О Сучковых слышал как о людях непорядочных, с которыми нужно быть осторожными.

Лейе ставилась задача только занятие (Николаевского и Северного[2]) вокзалов и способствование атакующим вокзалы частям.

Связь с авиацией я считал поставленной хуже всего. Слышал, что имеется в виду человек, могущий быть пилотом.

О заводе «Амо». Признавалось необходимым его захватить, однако штаб сведений о связи с заводом не имел.

С Ланкевичем добивалось знакомства какое-то лицо, приехавшее из района Могилева (Гомеля), которое хотело обязательно связаться с московской организацией, предлагая услуги [от] якобы имеющейся в Могилеве организации. Но я от этой связи отказался, так как считал поддержание связи со столь отдаленной организацией нецелесообразным.

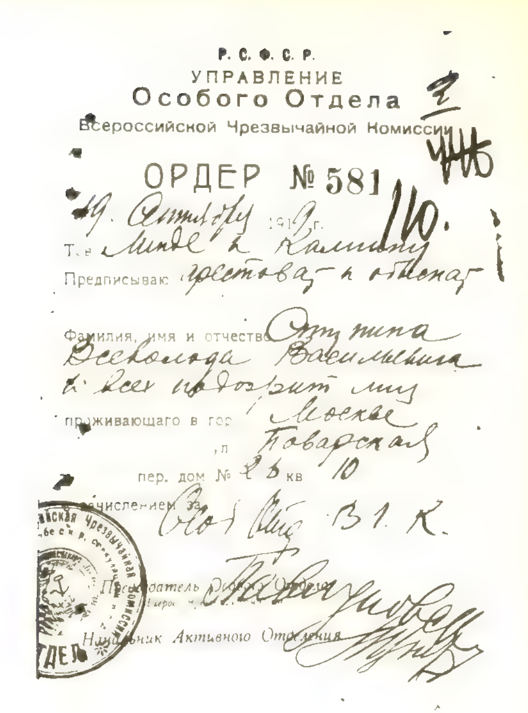
Относительно связи организации с Тихвиным мне ничего не было известно.

1 октября 1919 года *Ступин*

---

[1] Ныне улица Станкевича.

[2] Ныне Ярославский вокзал.

Р. С. Ф. С. Р.
УПРАВЛЕНИЕ
Особого Отдела
Всероссийской Чрезвычайной Комиссии

ОРДЕР № 581

19 Октября 1919 г.

Т. Минде и Калинину

Предписывается арестовать и обыскать

Фамилия, имя и отчество Ступина Всеволода Васильевича и всех подозрит. лиц

проживающего в гор. Москве

ул. Поварская

пер. дом № 26 кв. 10

Причислением за Особ. Отд. В.Ч.К.

Председатель Особого Отдела

Начальник Активного Отделения

Ордер на арест
В. В. Ступина

VII

Из вопросов, предложенных мне в предыдущих допросах, я вывел заключение:

1. Меня считают главой организации, возможно, и лицом, создавшим ее.

По этому вопросу я считаю необходимым пояснить, что в организацию я вступил тогда, когда она уже имела высшее управление, в виде управления корпуса. Я же вступил как обыкновенный рядовой член.

В дальнейшем ряд арестов высшего управления привел в июле сего года положение организации к тому, что я на правах преемственности, как старший, оказался в роли руководителя.

Так как вопрос о главе организации оставался все время открытым, то и руководство всем делом продолжало оставаться за мной.

2. Меня считают принадлежащим к кадетской партии или, во всяком случае, лицом, поддерживающим исключительно кадетскую программу.

Такое заключение, по-видимому, выведено из того, что спроектированные приказ и приказание командующего Добровольческой армией носят в политической своей части отпечаток взглядов кадетской партии.

По этому поводу я могу показать, что проекты приказа и приказания, а также лозунгов, помещенных в конце воззвания, были первоначально набросаны мною.

Этот набросок затем обсуждался мною совместно со Щепкиным, который и ввел свои поправки, главным образом в политическую часть приказания и лозунги.

Только после этого обсуждения была окончательно выработана редакция приказа, приказания и лозунгов.

Таким образом, при участии в этом деле Щепкина неизбежно и должен был получиться отпечаток взглядов кадетской партии.

Кроме этих двух вопросов, считаю необходимым вновь подчеркнуть, что военная организация объединялась не какой-либо политической программой, а, как воинская часть, только сознанием, что она является частью Добровольческой армии.

О том, что военная организация состояла при определенном политическом центре, было известно только ограниченному числу лиц высшего управления. То же и относительно указаний, получаемых от центра, а также относительно того, что связь с Добровольческой армией поддерживалась центром, а не самой военной организацией.

8 октября 1919 года *Ступин*

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА Н. Н. ЩЕПКИНА
[О «Союзе возрождения» и «Национальном центре»]

На предложенное мне требование дать исторический и политический очерк «Союза возрождения», «Национального центра» и «Союза освобождения» должен объяснить, что как простой практический общественный деятель я не в состоянии дать то, что, может быть, от меня ожидается. К тому же обстановка, в которой приходится писать и думать, настолько необычна и унизительна для моего человеческого достоинства, что я не в состоянии предаваться спокойному историческому и политическому исследованию.

После Октябрьской революции коммерческие дела, бывшие у меня на руках, вынудили меня поехать в Киев, где я и задержался на все время вооруженных столкновений между Украиной и Со-

ветской Россией. После занятия Киева советскими войсками и незадолго до занятия Украины немцами я смог выбраться в Москву, куда и прибыл примерно в половине февраля.

Жизнь политических партий к этому времени еще не замирала, и руководители их еще не пришли к выводу, что разрушительный процесс, которому подверглась Россия под влиянием длительной войны, революции и катастрофически разрушительной деятельности советских властей всяких рангов, вплоть до Советов в самых глухих местах, не может быть остановлен и исправлен силами одной или даже союзом партий.

Я застал в Москве момент, когда думы всех лучших русских людей были сосредоточены на мучительной мысли об унизительном ударе, нанесенном России Советской властью с германским правительством заключением так называемого мира в Бресте, отдававшего страну фактически на разграбление немцев и ничуть в то же время не освобождавшего Россию от войны. В то же время в некоторых политических партиях горячо обсуждался вопрос о предположительном соглашении с Германией на предмет уничтожения в России всего, что связано с Советской властью и партией большевиков (впоследствии коммунистов).

Вопрос этот был умело подсунут агентами графа Мирбаха различным группам через лиц, мечтавших почти исключительно о возврате хотя бы в некоторой степени того, что было до революции, и думавших лишь о своих эгоистических интересах. Несмотря на то, что Украина стала именно на эту точку зрения и, как потом выяснилось, нашла в этом поддержку на Юге России, даже среди некоторых обычно демократически настроенных деятелей, Москва и Средняя Россия в этом отношении остались тверды на своей позиции ведения борьбы с Германией до конца в согласии с союзниками, оказывая для этого хотя бы пассивное сопротивление.

И угнетение и разрушение России, производимые диктатурой партии большевиков, представлялись для Средней России меньшим и притом более или менее временным злом, чем то, что обещало соглашение с Германией. На такое соглашение были склонны идти только лица и группы, примыкавшие к самым правым течениям, и соглашение не состоялось, так как германское правительство, исследовав почву, признало, что, опираясь на группы антидемократические, нельзя завоевать мирно коренную Россию.

Эта борьба мнений по поводу Брестского мира и возможного соглашения с германским правительством содействовала высокому подъему национального чувства даже в тех группах, которые были ранее совершенно равнодушны к национальному вопросу, особенно это сказывалось среди отдельных представителей ЦК партии эсеров (правых), для которых вопросы о национальном достоинстве России впервые стали практическими. Таковы

были условия, побудившие искать сил и приемов для борьбы со всеми, кто унижал это национальное достоинство, и толкования для объединения этого людьми, одинаково мыслящими по этому вопросу.

Было и другое обстоятельство, побудившее искать объединений уже не партийных, а каких-то новых, стоящих по задачам своим под партиями. К этому времени политика партии коммунистов, захватившей всю власть в стране и диктовавшей свою волю всему населению под предлогами, что эту власть поддерживают рабочие и трудовое крестьянство, выяснилась вполне.

Прежде всего в этот период, несмотря на внешне видные нелады между Советским правительством и Германией, внутренне согласие и соглашение их были достаточно полны, и, как выяснит в будущем история, Советская власть являлась фактической союзницей Германии в борьбе с державами Согласия, а у себя внутри шла навстречу желаниям и указаниям, шедшим из дома, занятым графом Мирбахом.

Эти обстоятельства приводили к выводу, что в вопросе о борьбе с Германией не представляется возможным отделить Советскую власть от Германии. Затем беспримерное бесправие и гнет, которому подвергалось население всей страны, жестокости и эксцессы, применяемые по самым незначительным случаям, отобрание имущества под видом реквизиций и конфискаций, иногда ничем не отличавшихся от налетов и грабежей, воцарившееся в стране полное отсутствие гарантий не только неприкосновенности личности, но даже возможности сколько-нибудь спокойной жизни и хотя бы некоторой уверенности, что у тебя не будут отняты плоды трудов твоих, наконец, экономическая политика, направленная под лозунгом национализации, социализации и муниципализации всего производства и торговли, а в действительности приводившая к полному разрушению экономического быта и повергавшая страну в голод, холод и обнищание, – все эти явления давали ясную картину, что после года-двух такой внутренней политики Россия превратится в редко населенную пустыню, раздираемую внутренними кровавыми распрями взаимной ненависти, распадется и сделается по частям добычей более сильных соседей.

Все это ставило перед людьми, не отвыкшими любить свою Родину, вопрос: не является ли власть Коммунистической партии сама по себе злом, с которым необходимо бороться ради сохранения России, как единой нации, и ради ее возрождения? Можно было бы колебаться относительно этого, если бы эта власть давала что-либо созидательное, ценное стране, но обещания ее — мир, хлеб и свобода – остались словами, висящими в воздухе. Вместо этого, играя на низменных инстинктах масс, коммунистическая

власть порвала тот тонкий, почти незаметный налет культуры и духа общественности, имеющийся у людей, и открыла выход для эгоистических стремлений человека; рядом с гражданской войной, голодом и бесправием, развились беспримерно хищничество и стремление к легкой наживе и использованию чужой нужды. Это стремление к наживе и возможность осуществления ее, а также захватывание всего чужого под предлогом уравнивания первые месяцы людям из масс рабочих, крестьянства казались осуществлением заветной мечты о равенстве имущественном, но скоро угар классовой ненависти стал ослабевать, а люди прозревшие стали убеждаться, что они стали в положение тех, за счет которых нажились, и подверглись, в свою очередь, ограблению, а главное — при той разрухе и бесправии, которые их окружали, были не в состоянии использовать нажитое и жить спокойно.

Широкие массы стали отходить от сочувствия коммунистической власти и становиться на сторону водворения в стране примитивного порядка, прекращения гражданской войны и опыта водворения в стране коммунизма. Этот процесс стал быстро развиваться и задерживался лишь некоторым опасением крестьянства, что захваченная ими земля будет отобрана. Мероприятия власти, захваченной Коммунистической партией, с каждым месяцем усиливали этот процесс, озлобляя население против этой власти. Таким образом, интересы народных масс уже не расходились с воззрением на власть Коммунистической партии, как на зло, подлежащее устранению ради спасения России, ее политического и экономического возрождения. Современное отношение крестьянства и значительной части рабочих к этой власти лучше всего подтверждает сказанное.

Таковы условия, при которых возникла мысль о создании «Союза возрождения». Не знаю, откуда пошла инициатива, но, насколько я мог выяснить, она шла из социалистических групп. Была ли при этом у кого-либо из инициаторов мысль о захвате власти какой-либо из партий, не знаю, да и не думаю. Последующее показало, что среди правых эсеров была действительно такая группа (учредиловцы), но эта группа не заключала в себе инициаторов «Союза возрождения». Что касается до «Партии народной свободы», к которой я принадлежу со дня ее возникновения, то у нее не только не было такой мысли, но она даже ни в целом, ни в лице высшего исполнительного органа ЦК не знала о создании этого «Союза». «Союз» был создан персонально, а не путем партийного представительства.

Руководители всех партий начали уже сознавать, что гибель или спасение России — вопрос не партийной программы, а вопрос, стоящий выше всех программ и партий. По условиям времени «Союз» этот не мог действовать иначе, как конспиративно, а

«Партия народной свободы», как партия исключительно парламентская и приспособленная только для открытой деятельности, никогда не только не принимала участия в конспиративных организациях, но даже осуждала такого рода деятельность для партии в целом и для ее партийных органов. Отдельные члены партии, принимавшие участие в каких-либо конспиративных действиях, были вольны в своих действиях и не докладывали о них партии. Если впоследствии открывалось, что они своими действиями существенно нарушили программу или принесли вред партии, то суждение о них передавалось ЦК и съезду. Лично я примкнул к «Союзу» прежде всего как свободолюбец по всей моей природе, ненавидящий угнетения, откуда бы они ни происходили. Мой дед, знаменитый актер М. С. Щепкин, был крепостным и преемственно завещал нам идею борьбы со всяким крепостничеством, какими бы красивыми лозунгами оно ни прикрывалось.

Основными положениями практической платформы «Союза возрождения» были: доведение Россией борьбы с Германией до конца в союзе с державами Согласия, полное уничтожение власти партии большевиков (позднее партии коммунистов) и замена ее временно верховной директориальной властью из трех лиц, обязанной тотчас после окончания войны с Германией и освобождения страны от власти партии большевиков произвести на основах всеобщего избирательного права выборы в Учредительное собрание, которое и должно будет решить вопросы о форме правления в России, об основах государственного сожительства с отдельными областями, обладающими национальными особенностями, земельный и рабочий вопросы.

Упоминалось ли еще что-либо, не припомню. Время возникновения СВ относится к концу февраля или марта 1918 года [1].

Приблизительно в то же самое время большая коалиционная группа, в состав которой входит много лиц, стоявших за союз с Германией, распалась именно на разногласии по этому вопросу, и на месте этой группы и возникла та группа, которую стали называть «Национальным центром». С представителями этих групп я почти не имел сношений до заключения первого периода деятельности, примерно до мая 1918 года. Я не могу поэтому сказать, чем в то время эти группы резко отличались от «Союза возрождения» по своим платформам. Различие это не было настолько существенно, чтобы препятствовать вхождению одновременно в «Союз возрождения» и в «Национальный центр». По-видимому, различие было прежде всего в отношении к социализму. В «Национальный центр» социалисты не входили, а затем разли-

[1] По показаниям С. П. Мельгунова и В. Н. Розанова «Союз возрождения» образовался в мае 1918 года (см. настоящий том, с. 79, 90).

чия сводились к оттенкам в отношении к Учредительному собранию, полноты проведения идеи всеобщности в избирательном законе, к форме будущего землевладения и т. п. Главные вопросы, интересовавшие обе группы, — это возрождение политическое и экономическое России и как вывод отсюда — борьба с Германией, устранение в стране власти коммунистов и замена ее народной властью, созданной Учредительным собранием, - разрешались ими одинаково. Первоначально «Нац. центр» мыслил временно власть, переходную до Учредительного собрания, в форме единоличной военной диктатуры, но затем в интересах объединения пошел на компромисс и принял как переходную форму директорию из трех лиц без подчинения остаткам Учредительного собрания, избранного при Временном правительстве. Местом пребывания директории «Союзом» и «Центром» была избрана Сибирь, так как предполагалось в то время, что именно из этой коренной русской области может пойти возрождение России на демократических основах, ибо здесь, в Сибири, всякое правительство должно будет прежде всего опираться на крестьянские массы.

Пока велись между этими группами переговоры, в Москве произведен был полный разгром организаций «Партии народной свободы». Партия эта вела себя в отношении Советской власти до щепетильности лояльно. Тем не менее в мае в помещение ЦК и областного комитета партии (партийного) клуба явилась вооруженная стража с представителем ВЧК вечером и задержала в помещении клуба (это был очередной клубный вечер) что-то свыше 80 человек, в том числе много университетской молодежи обоего пола и несколько человек видных работников партии. Партийное помещение было занято, литература, имущество, деньги и даже припасы фактически уничтожены и расхищены. Деятельность партии до этого ограничивалась легальными видами агитации и стала невозможной тем более, что началось преследование по городу некоторых более видных членов партии. Из числа арестованных в мае 1918 года некоторые лица пробыли в заключении до мая 1919 года. Почти год! Партийным деятелям было сообщено из достоверного источника, что намек на необходимость разгрома партии сделан был из немецкого посольства, что объяснялось отместкой за отказ более демократических групп под влиянием «Партии народной свободы» от союза с Германией. В провинции при всяком случае местных волнений всегда гибло несколько местных деятелей «Партии народной свободы». Несмотря на такое нелояльное отношение со стороны власти к «Партии народной свободы», она осталась по-прежнему лояльной. Было условлено прекратить всякую деятельность партии, кроме благотворительности, что и выполнено. Деятельность партии за рубежом текла самостоятельно. Эти обстоятельства, показавшие, что дея-

тельность политических партий, даже таких, как «Народная свобода», невозможна в Советской России, побудили «Союз возрождения» и «Нац. центр» перенести свою деятельность за рубеж Советской России. Часть членов уехала на север, часть — в Сибирь, а часть — на юг. В Москве решено было оставить лишь агентства для сношений. Все участники «Союза возрождения» и «Нац. центра» этого периода выбыли из Москвы и благополучно прибыли в намеченные ими места.

О политической группе, именовавшей себя «Союзом освобождения», за этот период я ничего не знаю.

Дальнейшая деятельность «Союза возрождения» и «Национального центра» развивалась без всякой связи с Москвой. Предполагалось, что Москва политически мертва. Об этой деятельности мне известно только по случайным и отрывочным сведениям, доходившим из советских газет и от случайных приезжих. В общем представляется, что «Союз возрождения» и «Национальный центр» в Киеве слились в тесный блок, объединив с собой «Союз земств и городов» и так называемое «Государственное объединенное совещание», согласив эти разнородные группы на общей платформе. Все эти группы при Скоропадском должны были уйти в подполье, а после падения Скоропадского — уйти совсем из Киева. После взятия Одессы коммунистами деятельность «Союза возрождения» на юге, по-видимому, прекратилась, а «Национальный центр» занялся разработкой местных реформ для местностей, занимаемых Добровольческой армией. Отдельные лица «Центра» вошли в состав совещания при Деникине, но до последнего времени «Центр» не имел особого влияния на дела.

Группа, уехавшая на север, сумела организовать там совещание в Уфе, которое избрало директорию из пяти лиц и связало эту директорию обязательством ответственности перед старым Учредительным собранием, то есть фактически перед частью партии правых эсеров с Черновым во главе, чем коренным образом нарушило московское соглашение. Это нарушение оттолкнуло от директории местные собрания и организации «Союза возрождения» и «Национального центра», что, вероятно, и послужило причиной замены директории единоличным управлением. После этого значительная часть эсеров Средней России заняла другую позицию, тогда как сибирские эсеры присоединились к решению «Союза возрождения».

Московские агентуры «Союза возрождения» и «Нац. центра» до получения сведения о замене директории единоличным правительством, а главное, до окончания войны Германии с державами Согласия, ограничивались сами незначительной деятельностью, так как главные центры их были за рубежом и до изменения

политических условий не являлось надобности в каких-либо новых шагах. Распространение идей «Союза» и «Центра» шло как-то само собой постоянно так, что в печати иногда совершенно неожиданно сообщалось об обнаружении то там, то здесь по провинции организаций с такими же целями и с аналогичными наименованиями, хотя и не имевшими никакой связи с Москвой. После заключения мира и падения Уфимской директории приходилось определить свое отношение к этим событиям и последствиям. К этому времени совершенно выяснилось, что об изменении внутренней политики руководителей партии коммунистов не может быть и мысли, что они по-прежнему в ожидании поддержки путем всемирной революции продолжают и даже усиливают свой образ действия, ведущий Россию к окончательному экономическому и политическому падению и разложению, утверждая на словах, что их цель — объединение России. Положение, в которое приведены города, промышленность и крестьянство, прогрессировало в худшую сторону настолько, что люди, помышляющие о возрождении России, становились в тупик. Ввиду этого московские отделения «Союза» и «Центра» признали, что цель, намеченная при их создании, еще не достигнута и должна быть осуществлена властью, возникшей в России, а кроме этой власти переходного времени, уже не представляли первой возможности, тем более что остановить исторический процесс ее организации едва ли кто в силе, почему являлось необходимостью признать исторически сложившуюся власть (если она будет способна выполнить намеченные задачи, то есть заменить власть партии коммунистов народной властью, созданной Учредительным собранием, избранным на основах всеобщего избирательного права), прежде всего установить примитивный порядок и гарантию личной и имущественной неприкосновенности и возродить Россию политически и экономически. Причем устанавливалось, что возрождение это мыслимо только на основах широкой частной инициативы и восстановления частной собственности и предполагалось, что до Учредительного собрания будут проведены законы, обеспечивающие рабочим профессиональным организациям свободу, а им самим — достойное человека существование, и предприняты меры для перехода земель сельскохозяйственного пользования в руки трудящихся за определенное вознаграждение. Учредительное собрание должно было явиться завершением этой предварительной работы правительства промежуточного периода, после того как будет внесено известное примирение между гражданскими классами взамен ненависти и гражданской войны.

Эта платформа была принята и группами более правыми, примыкающими к взглядам так называемого «Государственного совещания Юга России». Дальнейшая деятельность членов «Сою-

за» и «Центра» была направлена к созданию общественного мнения в пользу такой платформы и к побуждению отдельных социалистов по разным отраслям экономии, финансов, промышленности и торговли, к разработке в кругу специалистов практических программ для скорейшего упорядочения всех этих отраслей и для выработки мероприятий для переходного периода. Агитационные задачи облегчились тем, что к этому времени громадное количество большинства всех классов населения уже разделяло взгляды, изложенные в приведенной платформе, так что главные подготовительные меры для встречи власти, о которой говорится в платформе, как бы уже приняты и притом без всякой агитации со стороны «Союза» и «Центра», только одними действиями и распоряжениями советских властей, доведением населения страны до отчаяния.

Теперь всюду даже у рабочих и крестьян словно отошли на второй план все вопросы, недавно еще столь тревожные и больные. Все это стало бледным перед реальной опасностью гибели, если продолжится существующий порядок. Как будто сглаживаются партийные перегородки, и перед нацией ставятся задачи надпартийные, требующие решения общими усилиями. Россия разделяется на два политических и экономических лагеря — таков исторический процесс, в ходе которого приняли живейшее участие «Союз» и «Центр», сыгравшие роль кристаллизатора, кинутого в жидкость, готовую кристаллизоваться. В одном лагере провозглашают свободу, равенство, братство и ведут к нескончаемой гражданской войне, разжиганию классовой ненависти и гибели, в другом — не дают невыполнимых обещаний, не требуют невозможного, но стремятся создать условия для сносного и культурного существования путем внесения примирения между классами и политического и экономического возрождения нации, потрясаемой сложным катаклизмом.

3/IX 1919 года

В дополнение к данным мною объяснениям об истории возникновения и политического значения «Союза возрождения» и «Нац. центра» добавляю: в самом начале возникновения «Союз» делал попытки распространить свою деятельность по провинции, но за трудностью сношений и отсутствием людей от этого пришлось отказаться и ограничиться отправкой всех членов за рубеж Сов. России для работы там, как я упомянул ранее. Так возникли самостоятельные ячейки в Киеве, на севере, на юге и в Сибири.

Мне известно, как уже объяснял раньше, как возникали ячейки «Союза возрождения» и аналогичные им по задачам в отдельных городах, но без связи с Москвой, а самостоятельно. «Нац.

центр» даже не задавался целью организации провинциальных отделений. В самом начале его деятельности в Петрограде образовался петроградский «Нац. центр», инициаторы которого в своей главной массе переехали в Сибирь ко времени Учредительного собрания, а в Петрограде осталась ячейка.

Как были организованы провинциальные ячейки обеих организаций, мне мало известно, так как до осени 1918 года я стоял довольно далеко от этих организаций, а к осени 1918 года всякая связь с провинцией сделалась настолько затруднительной, что фактически можно было считать, что живыми остались только московская и петроградская ячейки (или, как я называл ранее, агентства). Между этими двумя ячейками сношение было, они представляли собой обмен информационными сведениями, так как предпринимать внутри Советской России что-либо для проведения в жизнь целей обеих организаций не было возможности: все ограничивалось незаметным вначале распространением платформы в самых разнообразных кругах, причем дело это шло как бы лавиной, распространяясь в верхи, и в низы, и во всех политических партиях и деловых группировках; настолько повсюду сознавалась необходимость в осуществлении того, что намечено было платформой.

Кроме коммунистов, левых эсеров, значительной части правых эсеров, меньшевиков-интернационалистов и бундовцев, все остальное население города и деревни постепенно усваивало платформу и становилось в ряды «Союза» и «Центра», даже не подозревая иногда о существовании этих организаций. Эти политические надпартийные штабы были бродилом, брошенным в благоприятную и созревшую среду.

В первом периоде деятельности внутренняя организация этих штабов была обычная: были председатель, деловое бюро и пленум. С отъездом за рубеж всех участников (весною 1918 года), повторяю, в Москве осталась малочисленная по составу ячейка (агентство) почти исключительно для взаимоотношения с зарубежными организациями. Правильных собраний пленума уже не происходило, не было надобности в президиуме и секретариате; от времени до времени немногочисленные [1] члены ячейки виделись друг с другом, обменивались информационными данными, а если имелись запросы из-за рубежа (что было чрезвычайно редко), то условливались относительно содержания ответов. Иногда, тоже чрезвычайно редко, решалась отправка гонца с информациями. Фактически деловую часть часто принимал на себя один из сотоварищей, причем лица эти менялись.

Внутренняя организация петроградской ячейки мне неизвестна. Именно на основании моего знания внутренней организации

---

[1] В тексте книги «немалочисленные».

ячеек (их малочисленности — личного состава, по свойствам отдельных лиц, входящих в них) я имею полное основание подтвердить, что я сказал на допросе, что с моим арестом фактически всякая деятельность ячеек обеих организаций прекратится, так как, кроме меня, все остальные оставшиеся ограничивали свою деятельность совещаниями и распространением идей об объединении на общей платформе. Найти лицо для замены меня в такие моменты, когда производятся аресты, едва ли будет возможно. Этим заканчиваю записку о политических штабах. Повторяю, что о петроградской организации «Союза освобождения» ничего не знаю.

Н. Н. Щепкин

ТАКТИЧЕСКИЙ ЦЕНТР

[Историческая справка С. М. Леонтьева]

О состоявшемся в Москве весной 1919 года тактическом соглашении между «Национальным центром», «Союзом возрождения» и «Советом московских совещаний общественных деятелей» и об образовании этими группами так называемого «Тактического центра». Характеристика «Тактического центра» с момента его возникновения и до прекращения его существования в сентябре 1919 года.

Настоящая справка имеет своей целью охарактеризовать лишь один из этапов в непрерывной цепи событий, последовавших после Февральской революции 1917 года, в общем процессе формирования новых условий политической жизни, возникновения новых политических группировок среди крушения старых рамок государственной жизни и прежних социальных отношений. Ограничивая свое изложение поставленной мне целью, я тем не менее, чтобы подойти к возникновению соглашения между НЦ, СВ и СМСОД, не могу не сказать несколько слов о том, что предшествовало этому соглашению.

Мысль о необходимости перегруппировки ранее существовавших политических партий и об образовании новых приняла уже более или менее реальную форму во время существования так называемого предпарламента, созванного правительством Керенского осенью 1917 года. Уже в составе этого учреждения были группы, настаивавшие на образовании широкого демократи-

ческого блока так называемых государственно мыслящих элементов, который мог бы, с одной стороны, служить опорой власти в ее мероприятиях по защите страны во время еще продолжавшейся войны и по борьбе со все возраставшей общей экономической разрухой, с другой — явиться организующей силой при предстоявших тогда выборах в Учредительное собрание. Созывавшиеся в Москве два совещания (в августе и сентябре [1]) многих общественных деятелей, беспартийных или принадлежащих ранее к разным партиям, сыграли известную роль в подготовке общественного мнения к необходимости этой широкой кооперации общественных сил, ставящих себе целью возрождение России и восстановление ее национального могущества. Увлечение руководивших в то время судьбами России партий крайними политическими и социальными лозунгами и стремление к интернационализации испытываемого страной революционного потрясения не могли не служить поводом к попытке противопоставить этому явлению программы действительно осуществимых широких государственных мероприятий, которые бы восстановили национальное могущество России, собрав воедино ее распадавшиеся части, и примирили бы все обострявшуюся классовую борьбу.

Кооператоры, представители «Совета московских совещаний», группа деятелей земских и городских органов самоуправления, представители части к.-д. партии, торгово-промышленная группа, представители науки — вот те элементы в составе предпарламента, которые составляли ядро предполагавшегося объединения. Октябрьская революция прервала только что начавшееся сближение. Этим кончился, я бы сказал, первый этап в интересующем нас процессе концентрации общественных сил.

Последовавшие затем провал Учредительного собрания, упразднение выбранных на основе всеобщего избирательного права органов местного самоуправления, фактический выход России из войны, продвижение неприятельских войск далеко в глубь страны, наконец, заключение Брестского мира и ратификация его съездом Советов, разрыв вследствие этого дипломатических сношений с бывшими союзниками России — все эти события не могли не поставить на очередь в самой острой форме вопрос о пересмотре идеологии: надо было сделать выводы из совершившегося и определить позиции.

Полная раздробленность уже упомянутых мною выше общественных элементов, а также проявившаяся крайняя партийная нетерпимость, своего рода сектантство политических групп делали попытки по объединению общественных сил совершенно лишенными результата. Между тем стране угрожала перспектива про-

---

[1] Правильно — в октябре 1917 года.

должения войны держав Согласия с Германией уже на территории России, блокада ее, вовлечение в эту борьбу находившихся в России чехословацких частей, а также формирование для той же цели — продолжения войны с Германией — русских добровольческих армий с образованием нового Восточного фронта, отрезавшего центр России от хлебородных губерний, от источников нефти, залежей угля, мест добычи металла, лишающего страну такой важной, питающей артерии, как Волга.

Вот в этот момент вокруг вопроса о необходимости добиться как от Антанты, так и от Германии (при условии согласия ее на известный пересмотр условий Брестского мира) признания полного нейтралитета России вновь оживает стремление общественных сил к объединению ради спасения страны от неисчислимых бедствий, неизбежных в случае осуществления этого Восточного фронта, и вообще от продолжения войны.

«Совет московских совещаний» первый поднял свой голос против этого плана держав Согласия и сделал со своей стороны все, чтобы в протесте против него объединились возможно более широкие круги. Предполагавшееся обращение с особым меморандумом как к Антанте, так и к Германии, завязавшиеся после долгих предварительных обсуждений в разных группах сношения с представителями германского посольства в Москве, начавшиеся по инициативе Германии и имевшие целью выяснить, согласна ли будет Германия на пересмотр продиктованных ею в Бресте условий мира, если Россия, выйдя из сферы влияния Англии, гарантирует ей полный нейтралитет в продолжавшейся на Западе борьбе, — все эти шаги могли бы рассчитывать на успех лишь при широкой и прочной их поддержке объединившимися общественными и деловыми группами. Такое объединение постепенно и выковывалось, и те же, мною упоминавшиеся, группы составляли его ядро.

Однако под влиянием взаимной недоверчивости, при стремлении и «верность союзникам» сохранить, и войти в соглашение с Германией, а главным образом из соображений, что якобы выход России из войны и ее нейтралитет, то есть известное как бы признание Брестского мира, укрепит Советскую власть, а образование Восточного фронта якобы приведет к ее падению, при самой оживленной агитации в этом смысле представителей держав Согласия, не скупившихся и на обещания, и на помощь необходимыми средствами, налаживавшееся объединение общественных сил развалилось, не давши положительных результатов. Так в первую половину лета 1918 года закончился второй этап занимающего наше внимание процесса.

В вышеизложенных политических событиях я принимал участие, как член «Совета московских совещаний», избранный в сос-

тав его осенью 1917 года; в последовавших затем политических комбинациях, вплоть до весны 1919 года, я никакого участия уже не принимал. Между тем за этот период образовались и «Нац. центр», и «Союз возрождения» — организации, которые и взяли на себя задачу служить политической базой при осуществлении вышеупомянутого плана борьбы с Германией.

Стал образовываться Восточный фронт, осуществляться блокада центра России. Принятые решения, сулившие «Центру» самые ужасные лишения, вызвали тем самым перенесение политической работы из Москвы на окраины, куда и стали уезжать главные руководители указанных мной организаций, а затем начался и массовый отлив из Москвы общественных сил. Какие задачи ставили себе в это время в Москве «Нац. центр» и «Союз возрождения», я не знаю, так как не имел повода входить в какой-либо контакт с этими группами. Этот третий этап в развитии интересующего нас процесса главным образом и определил программу и тактику «Нац. центра» и «Союза возрождения». Из газет известно, что официальные представители этих организаций принимали участие в образовании заволжской директории, политического совещания при верховном командовании Добровольческой армии на Юге, в разнообразных совещаниях с союзниками в Крыму, Одессе и Яссах. К этому же периоду относится и декларация «Национального центра», о факте существования каковой я узнал позднее уже в «Тактическом центре», но самый текст которой так и остался мне неизвестным.

Новая попытка к расширению общественного фронта была сделана в связи с появлением в «Известиях ВЦИК» радио о конференции на Принцевых островах. К «Совету московских совещаний» обратились представители «Нац. центра» с предложением присоединиться к заявлению, адресуемому державами Согласия по поводу этого радио. Я совершенно не помню содержания этого документа; помню только, что нам сообщалось о тех больших затруднениях, с которыми текст заявления был установлен «Нац. центром» по соглашению с «Союзом возрождения», и что «Совету московских совещаний» остается лишь или дать, или не давать своей подписи. «Совет московских совещаний», не принимавший никакого участия в обсуждении текста, решительно отказался присоединиться к этому заявлению. Имело ли место в конце концов что-либо по поводу этого радио, я не знаю. Позднее, приблизительно в марте или апреле 1919 года, «Совету московских совещаний» было доложено Дм. Митр. Щепкиным о новом обращении к нему Ник. Ник. Щепкина с предложением обсудить вопрос о желательности сделать попытку достигнуть некоторого, более общего тактического соглашения между «Нац. центром», «Союзом возрождения» и «Советом московских совеща-

ний», что, с одной стороны, вызывается, как говорил Ник. Ник. Щепкин, настояниями военной организации, связанной с «Нац. центром», с другой — событиями в Сибири, где образовавшееся Всероссийское правительство Вологодского передало власть «верховного правителя» государства адмиралу Колчаку, причем сообщалось, что эта политическая конъюнктура поддерживается там группами, аналогичными тем, которые в Москве объединяются НЦ, СВ и СМС, а что на Юге такого соглашения еще не достигнуто, наблюдается значительный разброд политических течений, почему и желательно выяснить, каковы настроения в среде московских группировок. Вот, собственно, с этого момента и начинается четвертый этап в развитии политических группировок, приведший к образованию в Москве в апреле 1919 года так называемого «Тактического центра».

СМС по поводу состоявшегося к нему обращения уполномочил Дм. Митр. Щепкина и меня принять участие в совместном с представителями НЦ и СВ обсуждении той платформы, на которой могло бы состояться соглашение, подчеркнув, что, высказываясь вообще за желательность соглашения, «Совет» действует вне всякой связи с настояниями каких-либо военных организаций, а исключительно преследует общегосударственные интересы, так как считает, что лишь при возможно более широком объединении всех государственно мыслящих элементов страны возможно ее возрождение, каковое объединение всегда и было основной задачей «Совета».

На состоявшихся затем совещаниях членов НЦ, СВ и СМС, из которых я был лишь на одном, выяснилось, что соглашение, по-видимому, невозможно, так как сознание его необходимости еще недостаточно созрело. Все признавали необходимость соглашения, все указывали, что недопустима разноголосица по основным вопросам текущего исторического момента, но когда обсуждение касалось пути, который надлежит избрать для восстановления государственного единства России и возрождения ее из переживаемой общей разрухи, то каждая из представленных на совещании групп, считая свои мнения единственно правильными и не допуская возможности других путей, не желала идти на какие-либо взаимные уступки. Если представители СВ не говорили об Учредительном собрании прежнего состава, то ими указывалось на необходимость Учредительного собрания как лозунга, которому все остальные должны быть подчинены. Немедленное восстановление органов местного самоуправления для осуществления ими всей полноты власти на местах противопоставлялось ими предлагаемой другими «Совету московских совещаний» системе назначения нужных органов власти; директория как организация власти до момента созыва Учредительного соб-

рания выяснилась более приемлемой, чем создавшаяся в Сибири конъюнктура с «верховным правителем» во главе. Представители НЦ, высказываясь за единоличную, диктаториального характера власть и за созыв ею Национального собрания, возражали против Учредительного собрания; и в том и в другом их мнения совпадали с мнениями представителей СМС, но, с другой стороны, они не могли согласиться с выдвигавшейся представителями СМС необходимостью декларирования этой диктаторской власти и проведения ею целого ряда общегосударственных мероприятий, которые имели бы целью восстановление в стране элементарных условий порядка и установление социального мира путем разрешения неотложных социальных вопросов; земельного, взаимоотношений труда и капитала и других. И, как я уже сказал, первые попытки найти общий язык для формулировки тактической платформы окончились неудачно.

Однако обсуждение поднятых вопросов продолжалось, но подробности мне неизвестны, так как в имевших место переговорах принимал участие от СМС Дм. Митр. Щепкин.

Наконец все-таки выяснилась возможность соглашения всех трех вышеназванных групп на следующей самой общей платформе: восстановление государственного единства России; Национальное собрание, долженствующее разрешить вопрос о форме правления; единоличная, диктаториального [1] характера военная власть, как необходимая переходная форма власти, восстанавливающая в стране элементарные условия порядка и разрешающая на основе признаваемого права личной собственности ряд неотложных мероприятий общегосударственного характера.

СМС нашел возможным на основе вышеизложенной платформы войти в тактическое соглашение и избрал в состав имевшего образоваться «Центра» Дм. Митр. Щепкина и меня. При образовании «Центра» на предварительных совещаниях было решено, что вступающие в тактическое соглашение группы сохраняют свою полную самостоятельность и организационную обособленность. Таким образом, в апреле 1919 года сформировался так называемый «Тактический центр» в составе шести лиц, избранных НЦ, СВ и СМС: Ник. Ник. Щепкин, С. П. Мельгунов, О. П. Герасимов, кн. С. Е. Трубецкой, Д. М. Щепкин и С. М. Леонтьев.

Переходя, далее, к характеристике «Тактического центра», я полагаю, что лучше всего сделать это, указав те вопросы, которые при моем участии обсуждались им. Но прежде чем сделать это, отмечу лишь несколько общих, характеризующих «Тактический центр», обстоятельств.

---

[1] В тексте книги ошибочно «директориального».

Во-первых, «Тактический центр» за все время существования никаких денежных средств не имел в своем распоряжении. Каждая из вошедших в соглашение организаций, сохраняя свою самостоятельность, сохраняла и полную обособленность касс и право по собственному исключительно усмотрению расходовать имевшиеся у нее средства. Ввиду этого обстоятельства «Тактический центр» никаких финансовых вопросов не обсуждал и распределением денежных средств не занимался. Во-вторых, будучи совершенно почти лишен информации о том, что делается за рубежом РСФСР, «Тактический центр» не мог координировать свои решения с теми, которые принимались аналогичными ему организациями, находящимися за этим рубежом, почему работа его шла самостоятельно, на основании учета тех политических течений и настроений, которые были представлены в Москве. Иными словами, «Тактический центр» не может рассматриваться ни как орган, руководящий директивами, получаемыми извне, ни как «Центр», со своей стороны руководящий зарубежными выступлениями родственных ему групп. Наконец, созданный исключительно в целях тактического согласования мнений московских политических групп, орган этот не играл какой-либо распорядительно-исполнительной роли, вопросы такого рода, если они и были, то каждая организация их обсуждала и решала совершенно самостоятельно у себя. С другой стороны, некоторые вопросы, возникавшие в «Центре», до принятия по ним решения откладывались для предварительного обсуждения каждой организацией.

За сделанными замечаниями общего характера перечислю те вопросы, которые были предметом обсуждения «Тактического центра» на тех же заседаниях — пяти или шести, на которых я принимал участие. Заседания эти созывались нерегулярно, созывал их Ник. Ник. Щепкин в зависимости от того, когда у него имелись вопросы, подлежащие совместному обсуждению.

Как я уже сказал выше, в основу состоявшегося соглашения была положена программа, формулированная чрезвычайно кратко и в самых общих чертах; «Тактический центр» и был занят главным образом установлением деталей этой платформы, ее развитием. Необходимо было прежде всего договориться о согласном понимании взаимоотношений лица, облеченного диктаториального характера властью, и правительства. После продолжительного обсуждения было решено, что до того времени, когда Национальное собрание определит форму правления и установится соответствующий государственный порядок, нет нужды в создании какого-либо временного правительства. Вся полнота власти в переходный период должна быть сосредоточена в руках одного лица,

который по своему усмотрению, руководствуясь исключительно деловыми соображениями, а не указаниями каких-либо партий или групп, назначает и увольняет министерство, которое по его одобрению и осуществляет нужные государственные мероприятия. Так был разрешен вопрос о центральной власти. Далее обсуждался вопрос: тактически правильно ли и целесообразно ли назначение выборов в органы местного самоуправления в период еще продолжающихся военных действий и не следовало ли бы впредь до установления нормального общегосударственного порядка прибегнуть к назначению всех необходимых органов гражданского управления. Вопрос был решен положительно в смысле назначаемости. В связи с только что указанным вопросом «Тактический центр» обменялся мнениями о возможности восстановления в правах каких бы то ни было ранее избранных органов местного самоуправления, как существовавших до революции, так и избранных при Временном правительстве. По этому поводу совершенно единодушно было решено, что нигде, ни при каких условиях подобное восстановление не может иметь место, как за истечением полномочий избранных в свое время лиц, так и за совершенно изменившимися условиями сравнительно с тем временем, когда происходили выборы.

Второй ряд вопросов, обсуждавшихся «Тактическим центром», касался Национального собрания. Было установлено, что правитель государства созывает Национальное собрание в наискорейший срок, но в условиях, когда вся страна действительно может принять участие в выборах, когда нет места уже для междоусобной гражданской войны и враждовавшие классы общества все совместно могут заняться мирным государственным строительством. Далее было установлено, что в задачу центральной власти вовсе не входит довести лишь страну до Национального собрания, а рядом проводимых ею общегосударственных мероприятий создать указанные выше условия, при которых Национальное собрание вообще возможно, и передать власть лишь тому государственному установлению, которое явится результатом определения Национальным собранием формы правления. При этом было решено, что Национальное собрание никаких других вопросов, кроме вопросов о форме правления и о взаимоотношениях национальностей в связи с общим строем государства, решать не должно.

Третий ряд вопросов касался тех оснований, на которых должны покоиться мероприятия диктаториального периода власти для разрешения разных экономических задач. «Тактический центр», исходя из основной платформы соглашения, признал, что должен быть декларирован и проводим в этих мероприятиях принцип личной собственности. Далее было решено, что централь-

ная власть в переходный период не должна уклоняться от разрешения земельного вопроса и вопроса о взаимоотношениях труда и капитала, так как только соответствующее общенародному и государственному интересу разрешение этих вопросов сможет вернуть страну в условия, когда мирное сотрудничество всех классов станет возможным. Не касаясь абсолютно никаких деталей, «Тактический центр» установил, что мероприятия переходного периода отнюдь не должны носить характера мести за прошлое и вообще являться полной, без разбора ломкой порядка, установившегося в Центральной России при Советской власти. Ни о немедленной денационализации промышленности, ни об открытии банков, ни об отмене продовольственной системы до восстановления условий, когда частный аппарат сможет заменить государственный, ни о возврате всех земель помещикам речи быть не может. Подобные мероприятия могли бы, по мнению «Тактического центра», лишь усилить общую разруху, а не служить к укреплению власти. Предполагалось необходимым овладение уже существующим аппаратом власти и использование его в полной мере. «Тактический центр», как я уже сказал, деталей совершенно не касался, но достигнутое, вышеизложенное мною, полное согласование мнений по основным принципам должно было вылиться в более конкретную форму при предполагавшемся обсуждении общего проекта главных пунктов программы; проект этот должен был быть внесен на обсуждение представителями «Национального центра», но сделать это не удалось за прекращением существования «Тактического центра» после происшедших в августе — сентябре арестов.

Четвертый ряд вопросов, обсуждавшихся «Центром», касался состоящей при «Национальном центре» военной организации. При мне три раза на заседаниях «Центра» принимали участие представители этой организации: один раз генерал Стогов, затем генерал Кузнецов и, наконец, полковник Ступин. Оставляя за собой решение наиболее важных вопросов, могущих возникнуть в связи с существованием военной организации, «Тактический центр» образовал комиссию из трех лиц: Н. Н. Щепкина, С. Е. Трубецкого и меня, назвав ее военной. Перечисленные лица вошли в состав комиссии по уполномочию от каждой организации, объединенных тактическим соглашением.

Комиссия эта была создана, конечно, не для руководства действиями военных в их специальном деле; в круг вопросов, ею обсуждавшихся, не входили и вопросы организационные или оперативные; наконец, это не была комиссия и по управлению делами военной организации. Организация эта существовала и действовала до образования «Тактического центра», и ее уже сложив-

шаяся структура не была предметом нашего суждения. Затем, не имея в своем распоряжении каких-либо денежных средств, ни «Тактический центр», ни состоявшая при нем комиссия, естественно, не имели повода касаться внутренней жизни военной организации и распоряжения средствами. Далее, не имея в своем составе военных, «Тактический центр» и его комиссия и по принципиальным соображениям не касались существа каких-либо оперативных предположений организаций, считая, что это всецело и исключительно лежит на ответственности лица, стоящего во главе организации.

Целью образования комиссии было: во-первых, по возможности наиболее точное и полное осведомление представителей всех трех политических групп с общим военным положением. Информация и в «Центре», и в комиссии всегда занимала первое и больше место. Во-вторых, образуя комиссию, «Тактический центр» стремился приблизить состоявшееся тактическое соглашение к ранее существовавшей при «Национальном центре» военной организации, дабы не могло создаться впечатление, что без ведома группам пришлось бы нести ответственность, не будучи даже в курсе дела. Наконец, третьей чертой, характеризующей отношение «Тактического центра» к военной организации, была та наша — членов комиссии трех — роль политических консультантов, которые должны были помогать военным разбираться в происходящих событиях и предотвращать их от роковых решений. Ориентироваться же в политических вопросах и в настроениях как населения, так и политических групп для военных, по-видимому, было очень трудно.

Считая, что в задачу мою не входит в данной справке подробно излагать вопросы, возникавшие в военной комиссии, я укажу лишь, как смотрел «Тактический центр» на военную организацию, какое место отводилось ей в общем ходе событий. Организация эта не имела самостоятельного значения; и по своему незначительному численному составу, и по всей структуре она не ставила себе задачи вооруженного восстания в Москве с целью захвата власти. Она могла бы сослужить службу лишь при условии, если бы какая-нибудь регулярная армия, разбив Красную Армию, подошла к Москве и здесь под влиянием этого факта началось бы какое-нибудь массовое движение населения, красноармейских частей, рабочих. Только при подобной общей конъюнктуре, как это категорически установил в своем докладе «Центру» генерал Стогов, возможно было бы ее использование, как хотя и небольшой, но организованной силы среди уже наступившего хаоса. Этот взгляд на военную организацию и был руководящим для военной комиссии и остался неизменным до момента ликвидации и «Тактического центра», и его комиссий, и самой военной орга-

низации [1]. Вот почему, когда в связи с продвижением к Орлу Южной армии генерала Деникина появились упорные слухи о возможном военном выступлении в Москве и «Совет московских совещаний», а затем и «Тактический центр» вполне единодушно и весьма категорически высказались в том смысле, что если указанные слухи имеют какое-нибудь основание, то все три политические группы, объединяемые «Центром», снимают с себя всякую ответственность за последствия подобного выступления, считая недопустимым делать Москву ареной вооруженной борьбы при полном отсутствии всех тех условий, которые в свое время были указаны генералом Стоговым.

Чтобы закончить эту часть моей характеристики «Тактического центра», должен упомянуть, что ни у «Центра», ни у военной организации, как это выяснено было в комиссии, не было до последнего момента их существования постоянной сколько-нибудь регулярной связи ни с адмиралом Колчаком, ни с генералами Деникиным и Юденичем, не было и осведомленности о планах этих руководителей военными действиями на рубеже РСФСР, не говоря уже о том, что совершенно отсутствовали, насколько мне это удалось установить, какие-либо конкретные директивы, переданные ими в Москву для исполнения.

Наконец, отмечу еще, что связь с военной организацией поддерживал исключительно Н. Н. Щепкин, который и был всегдашним докладчиком по всем вопросам, вносимым на обсуждение как в комиссию, так и в «Центр». Какого-либо распределения обязанностей между членами комиссии трех не существовало, так как это и не вызывалось самим характером связи «Тактического центра» с военной организацией. После ареста генералов Стогова и Кузнецова военная организация, как это доложил нам Н. Н. Щепкин, никем достаточно авторитетным не возглавлялась, а незадолго до массовых арестов среди военных в среде членов комиссии трех в связи с обнаружившимся неуспехом наступления генерала Деникина возник вопрос о ликвидации военной орга-

[1] С. М. Леонтьев сознательно принижает опасность военной организации «Национального центра» – «Добровольческой армии Московского района», сводя ее задачи лишь к обеспечению порядка на случай «наступления хаоса» в Москве при приближении к ней войск Деникина. Документы, опубликованные в настоящем томе (см. часть четвертую), свидетельствуют о том, что военная организация намечала при подходе к столице белой армии захват вокзалов, телеграфа, телефонной станции, радиостанции и других стратегических объектов, осуществление диверсий на железных дорогах, арест по заранее составленным спискам советских и партийных работников. В ее распоряжении находилась часть личного состава некоторых воинских частей московского гарнизона (около двух тысяч человек), броневики, пушки и другое оружие. Кроме того, штаб «Добровольческой армии Московского района» установил связь с бандами «зеленых», с тем чтобы обеспечить поддержку ими своего контрреволюционного выступления.

низации, но обсудить его не пришлось, так как организация была ликвидирована уже в ином порядке, а «Тактический центр» распался.

Чтобы закончить характеристику «Тактического центра», мне остается указать еще два вопроса, обсуждавшиеся им. Когда в «Известиях ВЦИК» появились сведения об образовании в Париже «Русского комитета»[1] под председательством кн. Г. Е. Львова и была опубликована депеша этого комитета командованию Южной армии[2], в каковой депеше заметно было стремление руководить из Парижа действиями, происходящими в России, то «Тактический центр», как помнится, по инициативе СМС признал, что московские объединенные тактическим соглашением политические группы не считают себя ни в какой мере связанными с вышеупомянутым комитетом и снимают с себя всякую ответственность за выступления далеких от России эмигрантских кружков, подчеркнув при этом отсутствие за границей уполномоченных представителей, могущих быть выразителями мнений «Тактического центра».

Наконец, касаясь своей структуры, «Тактический центр» несколько раз возвращался к вопросу о желательности расширения вправо состоявшегося соглашения. Было признано тактически целесообразным сделать шаги для выяснения возможности привлечь в состав «Центра» представителей правых политических течений, что принципиально было решено в положительном смысле. Однако довести это решение до практического осуществления «Тактическому центру» не удалось за невозможностью установить правильное сношение с достаточно организованным объединением этих течений русской политической мысли.

---

[1] Имеется в виду создание в Париже «Русского политического совещания» под председательством бывшего главы Временного правительства князя Г. Е. Львова.

[2] Речь идет о письме князя Г. Е. Львова главнокомандующему «вооруженными силами Юга России» генералу А. И. Деникину от 20 февраля 1919 года. От имени «Русского политического совещания», присвоившего себе роль представительства России за границей, Львов указывал Деникину на недемократичность его правительства. Он писал, что «общественное мнение союзных держав» на первое место по степени демократизма ставит архангельское правительство («Верховное управление Северной области»), затем «опирающееся на демократическо-радикальные слои» правительство Колчака. Что же касается Южного правительства («Особого совещания» при Деникине), то оно считается реакционным. Доказательством этого является, по словам Львова, приглашение в его состав министров старого режима, наличие в нем множества генералов, направление им в качестве своего представителя при «Русском политическом совещании» бывшего царского министра С. Д. Сазонова, отсутствие в правительстве социалистов, отрицательное отношение Деникина к выборному кругу войска Донского и, наконец, монархический настрой офицерства, «которое кутит и поет «Боже, царя храни». Письмо вызвало резкое недовольство Деникина, создало напряженность в отношениях между «Особым совещанием» и «Русским политическим совещанием». Оно было отрицательно воспринято, как это видно из очерка С. М. Леонтьева, и ориентировавшимся на Деникина «Тактическим центром».

Исчерпав весь имеющийся в моем распоряжении материал, могущий характеризовать «Тактический центр», в заключение должен сказать, что перечисленные мною вопросы обсуждались «Тактическим центром» в самой общей форме и сами по себе носили отвлеченный характер. Но это и естественно: образовавшийся после значительных разногласий и затруднений, объединяя в своем составе представителей недавно лишь резко расходившихся политических течений, «Тактический центр» за очень короткое время своего существования и не мог перейти к обсуждению каких-либо иных вопросов или деталей. Независимо от сего, мне представляется, что это и не входило в задачу при решении образовать «Тактический центр». Важно было, чтобы его работой достигалось известное единение и единомыслие по принципиальным вопросам, что само по себе давало некоторое основание предполагать, что если бы общим ходом событий московские политические группы были призваны на арену практической работы, то в их среде не было бы разногласий хотя бы по основным вопросам государственного строительства.

Образовавшись в апреле 1919 года, «Тактический центр» закончил свое существование в сентябре того же года.

Этим завершился четвертый этап в развитии того процесса объединения наших общественных сил, посильную попытку охарактеризовать который ставила себе настоящая справка.

30 марта 1920 года *Сергей Леонтьев*

...Восстание должно было начаться около 6 часов вечера в нескольких пунктах одновременно – за городом и в городе. Город был разделен на два сектора. Центр первого сектора – Лефортово, а тыл – Вешняки; а второй сектор: центр – Ходынка и прилегающие местности...

Материалы, обнаруженные у арестованных
Заключение члена РВСР т. Гусева

ОТ «СОЮЗА ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ» И «НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА»*

6 марта н. с. 1919 года

Мы, представители различных партий и групп населения, живущего на территории той части России, которая до сего времени за власть так называемого правительства большевиков, приветствуем заявление держав об их неизменной готовности прийти на помощь русскому народу в настоящую трудную минуту его исторической жизни. Мы слышали от представителей держав, что они не намерены использовать современное положение России в каких бы то ни было своих интересах, что они признают российскую революцию, ниспровергают всякие попытки к прямой или замаскированной реставрации и приглашают делегатов от организованных частей и групп России с целью точного установления желаний всех этих частей и групп и достижения какого-либо соглашения и мира. Ибо без этого последнего, говорят державы, не может быть мира и в Европе, не могут быть закончены кровавые бедствия войны.

Но именно ввиду таких заявлений, сделанных представителями держав, нужно, чтобы они, принимая такое ответственное решение, услышали и голос из сердца той России, которая придушена небывалым в истории кровавым террором, изнемогает под ярмом деспотизма, истомлена войной и беспримерной анархией, поражена голодом и болезнями, обессилена полным расстройством своей хозяйственной жизни. Она находится в таком состоянии, что ее население в ближайшее время не может свергнуть власть господствующего в ней насильнического меньшинства одними своими собственными силами. Но одно мы можем заявить

---

* Обращение, направленное союзникам к моменту приглашения Советской России на Принцевы острова.

от лица той России представителям держав. Чтобы ваша помощь оказалась реальной и ваши намерения осуществились, вы должны понять, что с властью этого насильнического меньшинства не может быть никакого соглашения.

Эта власть уже показала пред лицом всего мира, к чему приводит ее господство. Первый шаг к спасению России есть освобождение от власти большевиков. Пусть народы России в составе всех своих раздробленных частей объединятся вокруг единой подлинно национальной власти. Пусть эта власть установит в России свободу, право и порядок, приступит к восстановлению разрушенного народного хозяйства и создаст условия, когда народ, имея перед собой открытый путь экономического и духовного возрождения, выскажет в Национальном собрании свою волю о государственных судьбах России. Только смена насильнического меньшинства правительством, одушевленным стремлением довести страну до этого волеизъявления, имеющим материальные и моральные силы это сделать, способно распустить узлы противоречивых притязаний. Только восстановление русского государственного единства способно создать условия, обеспечивающие развитие всех народностей и сочетать начала их самоопределения с началом в политической крепости и экономического процветания России. И только державы в настоящее время способны помочь образованию такого национального правительства, поддерживая его всею мощью своих международных сил и своего авторитета. Но необходимо, чтобы силы эти и авторитет появились безотлагательно. Каждый день продолжающегося в России хаоса есть вместе с тем и лишний день неисчислимых бедствий и отсрочки нашего возрождения, которое необходимо и для Европы и для всего культурного человечества. Как ни тяжелы испытания, переживаемые Россией, державы знают о ее неисчерпаемых богатствах естественных и о полноте духовных сил русского народа. Перед ним великое будущее в мирном общéнии с другими великими народами человечества. Пусть же представители держав, решающие в настоящее время судьбу всего мира, своею деятельностью и незамедлительной помощью приблизят России наступление этого будущего.

Примечание: Обращение это, подлежащее передаче представителям союзных держав и опубликованию в заграничной прессе, исходит от двух названных в заголовке политических объединений, включающих в своем составе авторитетных представителей нижеследующих политических партий и общественных и профессиональных организаций: а) «Союз возрождения России», партии правых социалистов-революционеров, социал-демократов оборонцев, народных социалистов (трудовая партия), радикальных демократов, Партии народной свободы (конституционно-демократической);

б) «Национальный центр» — Партии народной свободы, «Совещания московских общественных деятелей», организации членов законодательных палат России, торгово-промышленных кругов, земских и городских деятелей.

Обращение подлежит передаче представителям союзных держав и предназначено для опубликования в русской и заграничной прессе.

10-е ЗАСЕДАНИЕ БЮРО ЧЕТЫРЕХ ОРГАНИЗАЦИЙ: «СОВЕТА ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ», «НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА», «СОЮЗА ВОЗРОЖДЕНИЯ» И «СОВЕТА ЗЕМСТВ И ГОРОДОВ ЮГА РОССИИ»[1]

6 марта н. с. 1919 года

Председательствующий излагает точку зрения всех четырех организаций, как они были выявлены в процессе работы на заседаниях пленумов и в согласительных комиссиях.

Все организации стоят на почве признания начал народовластия и считают, что временная южнорусская власть должна стремиться довести страну до высшего органа народного волеизволения — всероссийского Учредительного собрания, причем «Совет государственного объединения» оставляет открытым вопрос о наименовании этого органа.

Все четыре организации стоят на почве признания при выборах во всероссийское Учредительное собрание, равно и в местные

---

[1] «Совет земств и городов Юга России» — антисоветская организация, образованная в конце ноября – начале декабря 1918 года в Симферополе на съезде представителей земских и городских самоуправлений. В совет входили эсеры, меньшевики, народные социалисты, кадеты. Он приветствовал высадку войск Антанты на Юге, выступал за создание «временного российского правительства», созыв «всероссийского Учредительного собрания», образование «общенародной русской армии», ядром которой должна была стать Добровольческая армия Деникина. В апреле 1919 года после изгнания Красной Армией интервентов и белогвардейцев из Одессы совет прекратил свое существование.

органы самоуправления, всеобщего, прямого, равного и тайного избирательного права с оговоркой «Государственного объединения», что оно считает необходимым в деревне двухстепенные выборы в Учредительное собрание; вопрос о прямых выборах в местные самоуправления для деревни оставлен в «Государственном объединении» открытым.

Затем председательствующий излагает установленные точки зрения по аграрной политике. Все организации признали, что коренное разрешение земельного вопроса и, в частности, окончательное установление форм землевладения и землепользования, а также условий перехода земли к крестьянам должно принадлежать Учредительному собранию или созданным им законодательным органам. Поэтому южнорусская власть, принимая все меры к подготовке данных для окончательного разрешения вопроса в Учредительном собрании, должна организовать временный порядок земельных отношений, исходя из необходимости внести успокоение в деревню, а также предотвратить дальнейшее разрушение народнохозяйственных ценностей и обеспечить стране продукты сельского хозяйства.

Расхождение обнаружилось во взглядах на пути, которые могли бы обеспечить достижение означенных целей. «Союз возрождения» полагает необходимым, чтобы власть была связана обязательством не восстанавливать помещичьего землевладения и не решать окончательно вопросов о прекращении или приобретении вечных прав на землю. Формула «Государственного объединения» внесена на обсуждение согласительной комиссии и вместе с вышеуказанной формулой «Союза возрождения», наряду с общими для всех организаций положениями, выдвинула пункты о незыблемости основных норм права собственности на землю до решения Учредительного собрания об обязательстве власти не стеснять осуществления сделок по продаже и аренде земель. Соглашения по этим вопросам достигнуто не было. В то время как «Союз земств и городов» и «Союз возрождения» настаивают на том, чтобы в области земельных отношений до Учредительного собрания было сохранено создавшееся положение и не восстанавливалось помещичье землевладение и, в частности, были определенно запрещены сделки по продаже земель с предоставлением государственной власти делать исключение в отдельных случаях в интересах общегосударственных, «Совет государственного объединения» и «Нац. центр», обратно тому, считают необходимым принять все меры к охране частных прав собственности, восстановить права земельных собственников и не стеснять распоряжения землею, предоставляя власти ограничение этих прав в отдельных случаях, вызываемых государственной необходимостью.

Л. Е. Эльяшев оглашает документ, излагающий мнение «Нац. центра» по аграрному вопросу. Текст гласит нижеследующее:

«Не предрешая основ земельной реформы, которые могут быть определены только будущим законодательным собранием и которые, по мнению «Нац. центра», должны привести к принудительному отчуждению частновладельческих земель, временная власть принимает неотложные меры к тому, чтобы хотя и временным строением земельных отношений прийти на помощь земельной нужде и продовольственным затруднениям сельского населения и уже теперь предоставить земледельцам возможность приобретать землю на право обеспеченной собственности и создавать на ней крепкие, мелкие и средние хозяйства. Вместе с тем при восстановлении старых прав земельных собственников власть не допускает проявления классовой мести и вражды, столь опасных и гибельных для прочности государственного порядка».

И. Н. Коварский излагает результаты работ согласительной комиссии. На рассмотрение последней были поставлены следующие вопросы: о правах главнокомандующего по назначению и увольнению лиц высшего командного состава армии; правах его по установлению района театра военных действий как в войсковом, так и в тыловом районах.

Комиссия не могла прийти к соглашению. «Совет городов и земств» и «Союз возрождения» считают прерогативой высшей коллегиальной власти определение театра военных действий, где главнокомандующий обладает чрезвычайными полномочиями, равно как объявление тех или иных территорий на военном положении, а также право назначения и увольнения лиц высшего командного состава (начальника штаба, командующих армиями и корпусных командиров). При этом не исключается право главнокомандующего допускать указанных лиц к временному исполнению обязанностей, но при условии обязательного утверждения их директорией, а также устранять их. Обратное положение означало бы установление диктатуры и полное уничтожение реального значения верховной коллегиальной власти.

«Государственное объединение» и «Нац. центр» заявили, что никакое ограничение прав главнокомандующего в делах, имеющих военное значение, недопустимо и что поэтому вся вышеуказанная сфера вопросов должна входить исключительно в компетенцию главнокомандующего. Вмешательство других членов директории в область военных вопросов может лишить главнокомандующего свободы действий и неизбежно поведет к ослаблению борьбы, которую ведет армия.

Существенное схождение точек зрения наметилось в установлении того, что главнокомандующий должен входить в состав

директории; кроме того, по предложению бюро «Совета земств и городов» было признано, что право назначения генерал-губернаторов должно принадлежать директории.

По вопросу о конструкции власти председательствующий устанавливает, что все организации признали нижеследующие положения: образуемая власть Юга России является временной, сдающей свои полномочия Учредительному собранию; эта власть должна быть этапом на пути создания всероссийской власти; она должна образоваться соглашением, а не путем одностороннего провозглашения и явиться в результате сговора народных правительств и правительств отдельных областей, а также цензовой общественности; она должна быть создана на определенной платформе; она должна быть коллегиальной, а не единоличной: в состав этой коллегии должен входить и главнокомандующий всеми вооруженными силами Юга России (положенный в основу работ проект «Союза возрождения» о Государственном совещании ни в коем случае не связывает организации по всем его отдельным пунктам).

Постановление «Нац. центра» по этому вопросу имеется и гласит следующее:

1. Основная задача, стоящая ныне перед Россией, заключается в спасении Родины от губящего ее засилья большевиков, от междоусобий, разъединения и бесправия, вконец разоряющих русский народ. Раздору классов и гражданской войне должна быть противопоставлена общая для всех патриотическая задача возрождения единой и великой России, восстановление в ней социального мира и государственного порядка, утверждающегося на примирении всех классов и всех групп населения.

2. Задача борьбы с большевиками и анархическими силами, поддерживающими гражданскую войну, ложится на доблестные армии Юга, Востока и Севера России, успех которых будет возрастать по мере объединения их действий под одним общим командованием.

3. По ходу событий на высшее командование этих армий выпадает и осуществление гражданского порядка в освобождаемых от большевизма областях, причем в условиях военного времени, общего государственного растройства и длящейся гражданской войны успешного выполнения высших функций гражданской власти можно ожидать лишь от единоличной военной власти, обладающей чрезвычайными полномочиями.

Эта власть осуществляет свои задачи в границах устанавливаемого ею закономерного порядка по нормам, заранее определенным и объявленным во всеобщее сведение.

В помощь себе она образует правительства из лиц, пользующихся доверием, по строго деловому принципу, независимо от их партийной принадлежности.

ПОСТАНОВЛЕНО: Ввиду обнаружившегося непримиримого расхождения точек зрения по столь важным пунктам, как происхождение власти путем общественного сговора или путем установления военной диктатуры, а также по вопросу земельному признать, что в данных условиях соглашение на определенной платформе невозможно, и дальнейшие переговоры прекратить.

ОСНОВНАЯ РЕЗОЛЮЦИЯ ВРЕМЕННОГО ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА «СОЮЗА ВОЗРОЖДЕНИЯ РОССИИ» ПО ТЕКУЩЕМУ МОМЕНТУ

Выслушав в заседаниях 10 и 12 марта 1919 года:

а) доклад делегации, ведшей переговоры с другими общественными организациями по вопросу о создании общегосударственной власти на Юге России, и б) доклады возвратившихся из-за границы делегатов А. А. Титова и К. Р. Кровопускова об отношении правительств и общественного мнения союзных стран к русской проблеме, Временный центральный комитет «Союза возрождения России» признал необходимым обсудить на основании выслушанных сообщений прежде всего вопрос об общем направлении дальнейшей деятельности «Союза» и по обмене мнениями в заседании 15 марта пришел в заседании 25 марта к следующим заключениям:

1. Стремясь к основной своей цели — к воссозданию единой, независимой и свободной России, «Союз возрождения России» одну из первых и главных задач на этом пути всегда видел в воссоздании общерусской государственной власти. Наиболее успешно эта задача до созыва нового Учредительного собрания могла бы быть разрешена, по мнению «Союза», путем соглашения местных правительств и общероссийских государственно настроенных партий. К этому «Союз» и направлял до сих пор главные свои усилия. В этих же видах на Юге России «Союз возрождения» вступил в переговоры с «Советом земств и городов Юга России», с «Национальным центром» и с «Советом государственного объединения», рассчитывая, что соглашение на общей демократической платформе четырех организаций, стремящихся к воссозданию единой России и в то же время отражающих разные интересы и разные течения политической мысли, облегчит более широкий

сговор по вопросу о создании общегосударственной власти на Юге России. Такое соглашение оказалось, однако, невозможным, главным образом из-за позиции, занятой «Национальным центром», который в конце переговоров, тянувшихся свыше двух месяцев, ультимативно заявил, что он считает необходимой военную диктатуру, причем ясно было, что он имеет в виду диктатуру главного командования Добровольческой армии. Не касаясь других разногласий, в некоторых отношениях очень существенных, в частности разногласий по аграрному вопросу и по вопросу о правах верховного командования, какие обнаружились между «Союзом возрождения» и «Советом земств и городов Юга России», с одной стороны, и «Национальным центром» и «Советом государственного объединения» — с другой, Центральный комитет СВР находит, что продолжать переговоры со сторонниками военной диктатуры, осуществляемой явочным порядком, было бы совершенно бесцельно, и потому одобряет действия своей делегации, признавшей соглашение несостоявшимся.

2. Констатируя неудачу переговоров, Центральный комитет СВР убежден, что основная причина этой неудачи не в ошибочности этой задачи, которую поставил перед собою «Союз возрождения России», и не в ошибочности методов, которыми он пытался ее разрешить, а в недостаточной подготовленности для этого некоторых слоев и групп населения, еще не склонных свои частные интересы подчинить общегосударственным. Большевистские настроения, которые заметно усилились за последнее время в широких массах на Юге России; реставрационные замыслы и вожделения, которые до сих пор сильны в среде земельных собственников и других имущих классов; центробежные стремления, которые заметны в некоторых из южных краевых правительств и, наконец, явное нежелание военных кругов и, в частности, Главного командования Добровольческой армии войти в соглашение с организованными силами — все это до крайности затрудняло и затрудняет соглашение и, несомненно, оказало сильное влияние на общий ход и конечный результат переговоров между четырьмя организациями. Очевидно, нужны еще новые факты, быть может, очень горькие разочарования и очень тяжелые испытания, чтобы все живые силы, способные создать общегосударственную власть, поняли и убедились в необходимости общего соглашения на широкой демократической платформе. Центральный комитет СВР надеется, что правительства союзных стран, желающие направить свои усилия в эту именно сторону, избегнуть роковых ошибок и, отказывая в своей помощи и в своем признании сепаратистским реставрационным и большевистским течениям, облегчат необходимую для возрождения России концентрацию ее государственных сил.

3. Оставаясь при прежнем своем убеждении, что попытки военного командования осуществлять государственную власть без организации южнорусской власти путем общественного сговора, питая большевистские настроения в народных массах и поддерживая реставрационные вожделения правивших до революции классов, ни в коем случае не могут дать благоприятных результатов и могут оказаться даже гибельными для возрождения России, Центральный комитет находит, что «Союз возрождения России» должен решительно противодействовать реакционным тенденциям и вместе с тем сосредоточить свои усилия на подготовке таких условий, при которых возможно было бы возникновение приемлемой для широких кругов населения и чуждой всяким реставрационным замыслам государственной власти.

В этих видах «Союз возрождения России» должен:

а) усилить свою агитационную деятельность и организационную работу по сю и по ту сторону большевистского фронта, стремясь на своей платформе и таким образом привлечь к делу возрождения России наибольшее количество демократических сил, с тем чтобы, опираясь на эти силы, взять на себя активную роль в деле воссоздания русской государственности;

б) вступить в сношения с краевыми правительствами и национальными партиями и организациями, признающими воссоединение России, стремясь привлечь их к совместной и согласованной с «Союзом» работе по возрождению России;

в) усилить при посредстве своих заграничных отделов, специально посылаемых за границу делегаций свою деятельность по информированию общественных и правительственных кругов Западной Европы и Америки о русских отношениях в целях привлечения их симпатий и активной с их стороны помощи делу русской демократии в ее борьбе за народовластие и свободу;

г) оказывать при наличности достаточно благоприятных политических условий свою поддержку новым русским военным формированиям, образуемым на демократических основаниях, как для того, чтобы увеличить количество сил, борющихся с большевиками, так и для того, чтобы обеспечить будущей общегосударственной власти на Юге России кадры для создания народной армии.

8 Заказ 541

МАТЕРИАЛЫ, ОБНАРУЖЕННЫЕ У УЧАСТНИКОВ РАСКРЫТЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

ИЗ МАТЕРИАЛОВ, ВЗЯТЫХ ПРИ РАСКРЫТИИ ПЕТРОГРАДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА»[1]

ПИСЬМО НИКОЛЬСКОГО, ПРЕДСТАВИТЕЛЯ «НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА» ПРИ ШТАБЕ ЮДЕНИЧА, К ШТЕЙНИНГЕРУ ОТ 30/VI [1919 года]

Дорогой Вик.! Нас очень огорчило, что у Вас могла зародиться мысль об отсутствии у нас желания связаться с Вами. Если Вы это почерпнули из письма 2К., имейте в виду, что он не вполне введен нами в наши интимные дела и собственную неосведомленность о них может принять за отсутствие таковых. Равным образом лишь отчасти посвящены в них хромой приятель и старый Иог ввиду необходимости по местным условиям соблюдать величайшую осторожность, с ними же ее осуществить невозможно. Между прочим, последний, несмотря на наши разъяснения, долго не мог согласиться с тем, что он является не хозяином Ваших посылок, а лишь передаточной инстанцией. Поэтому использование содержимого было произведено недостаточно рационально, о чем мы Вам и писали, прося прибегать либо к системе двойных конвертов с запиской к нему во внешнем и пересылке внутреннего Ник-ому, либо к какому-нибудь другому способу, преследующему ту же цель. Мы сами весьма удручены бесплодностью наших многих попыток снестись с Вами. Просим Вас верить, что причиной тому не наше бездействие, а невероятно тяжелые условия работы в этом направлении, чему печальным подтверждением служит катастрофа с одним из Ваших друзей. Вы не можете себе представить, до какой степени наше пребывание здесь в отношении подобной работы близко к плену, в коем пребываете Вы. Но мы будем упорно продолжать свои попытки, пока не достигнем цели. В этот раз мы более, чем когда-либо, надеемся на успех и, отвечая на Ваш вопрос от 9/V, считаем, что единственный верный путь для регулярных сношений с Вами — это через друзей покойного Валерсона[2]. Поговорите с его заместителем совершенно откровенно. С нашей стороны этот путь

[1] Здесь и далее материалы, взятые у арестованных, сверены по подлинникам.
[2] Личность Валерсона выяснить не удалось.

уже налажен, так как вполне интимным членом нашей семьи и моим близким сотрудником по этой части является «спутник в одну темную ночь»[1] упомянутого заместителя. Этот спутник был до этой ночи близким другом Валерсона. Все это абсолютно надежный народ. Теперь мы знаем об их работе гораздо больше, чем когда были с Вами, и ясно видим, что они вовсе не виноваты в той лжи, которая так нас бесила, путая наши расчеты. Кроме того, совершенно отпадают предположения об их стремлении завязать здесь самостоятельные связи — с февраля мы в полном единении с С. Они сделали, что было в их силах, и возникшие недоразумения (теперь это для нас ясно) были плодом взаимной недоговоренности. Мы очень просим Вас укрепить с ними связь и поддерживать их, т. к. считаем их работу необходимой, а Вами пересылаемые сведения — очень ценными и с чисто военной и с политической точек зрения. Но нас они достигают также очень редко, попадая подчас не вполне по назначению. Это будет устранено, если Вы воспользуетесь рекомендуемым путем с наказом заместителю направлять почту своему спутнику в одну и т. д. Вы нам писали об усилении им поддержки за наш счет до двойного размера, но Вы не смогли тогда взять в толк наше письмо и даже сомневались, наше ли оно. Неужели Солнцев [2] не мог Вам в таком случае помочь? Почему Вы не обратились соответственно к нему? Простираем к Вам нити с того конца, где живут родители Острова [3]. Последний командирован недавно туда с намерением повидаться с Вами, но первая его попытка в этом смысле кончилась неудачей — и он пока ограничился посылкой Вам записки. Будет стараться наладиться вновь; думаю, что ему мог бы протянуть руку навстречу Немокринский [4]— тезка ведь ловкач. Политическое положение в двух словах таково: здешняя обстановка до того сложна и запутанна, в игре участвует такое количество местных и международных сил, друг друга парализующих или, во всяком случае, друг с другом враждующих, что до сих пор нельзя сколько-нибудь верно установить возможный срок взятия П[етрограда]. Надеемся, не позже августа, но твердой уверенности в этом у нас нет, хотя в случае наступления давно ожидаемых благоприятных обстоятельств в виде помощи деньгами, оружием, снаряжением в достаточном количестве этот срок может и сократиться. До сих пор трудно ска-

[1] «Спутник в одну темную ночь» – имеется в виду связной между штабом Юденича и петроградским отделением «Национального центра».

[2] Солнцев – А. А. Самойлов, связник между штабом Юденича и петроградским отделением «Национального центра».

[3] Остров — кадет Лившиц, находившийся в войсках Юденича на Нарвском фронте.

[4] Немокринский — по-видимому, псевдоним Г. Н. Сухова, участника петроградского отделения «Национального центра».

зать, будут ли с нами в кооперации местные силы или действия будут ограничены собственными силами. Относительно союзников, знайте, что, коротко и грубо говоря, их отношения к России таковы: Америка больше всего боится, как бы в освобожденной России не произошли еврейские погромы и как бы в ней не установилась твердая национальная власть, препятствующая мечтам о беспардонном хищничестве. А кроме того, вся помощь должна быть оплачена наличными; таким образом, нам она плохой попутчик. В Англии все время боролись два течения — за активную помощь и за воздержание от нее. Активистом и горячим другом является Черчилль, Ллойд Джордж двусмыслен и соглашатель. В последнее время возобладала линия Черчилля, но сопротивление, им встреченное, еще очень велико. Франция — наш верный и искренний друг, но она сама страшно измучена и обессилена. Вообще же, все они опутаны по рукам и ногам собственной проклятой сволочью — довильсонились. Поэтому их помощь материальными ресурсами всякого рода, во-первых, дается в недостаточных порциях, а во-вторых, безнадежно запаздывает. Весьма вероятно, что в ближайшие дни Ю.* (с которым мы в полном единении) и все мы переедем на русскую почву, на тот берег, чтобы целиком вложиться в непосредственную работу. Но хвост для почты здесь оставим. Поэтому пишите во всяком случае. Через неделю напишу вновь. Сердечный привет всем от всех. Дай Вам Бог перенести все мучения и невзгоды.

Ваш *Никольский*.

ПИСЬМА ШТЕЙНИНГЕРА К ГЕНЕРАЛУ РОДЗЯНКО И ДОНЕСЕНИЯ В ШТАБ ЮДЕНИЧА

5 МАРТА 1919 ГОДА

Дорогие друзья, мы все еще в полном неведении о том, что вами предпринимается там, за границами Совдепии. Со своей стороны делаем всякие попытки связаться с вами и не теряем надежды получить вести от вас. Ныне посылаем вам: 1) сведения о дислокации и составе войск петроградской группы к 25 февраля — 1 марта с. г. и 2) столбик документов (фотографий), полученный из Москвы. Мы не имели времени познакомиться с их содержанием, ибо спешим отправить их, пользуясь удобной оказией. Если окажется возможным, то тем же путем вы получите в то же время то, что нами направлено уже иным путем в Куоккало для вас. Не будет только фотографий, упомянутых в сообщении.

---

* Юденич.

В дополнение к сведениям, имеющимся в приложении, сообщаем: по отделу снабжения армии винтовочных патронов на тыловых складах Советской Республики нет вовсе и их не изготовляют заводы. В небольшом числе патроны имеются еще в армейских и дивизионных базах прифронтовой полосы, в окружных же базах и в тыловых складах их уже нет. В некоторых войсковых частях Петроградского округа имеется всего по две обоймы на красноармейца. Патронные двуколки и артиллерийские передки имеются в крайне ограниченном количестве и лишь старые, оставшиеся от прежней регулярной армии. Заводы изготовляют лишь походные кухни и санитарные повозки, что при остром недостатке в продуктах и полном отсутствии медикаментов и медицинских средств не может играть серьезной роли для улучшения быта и снабжения армии. Шинельного сукна, по последним подсчетам, недостает около 7% потребности. Сапог может быть поставлено 3 миллиона пар при условии, однако, невозможности поставить починный материал. Что касается прочности этих сапог, то она выражается цифрою 30% по сравнению с прочностью сапог, поставлявшихся армии в мирное время.

4000 чел. матросов, по 2000 от Петрограда и Кронштадта, назначены к отправлению на фронт. Первоначально их предполагали отправить на Карельский фронт, но там от них отказались. Тогда их решили отправить на Южный фронт, а оттуда перевести на Северный фронт равное количество красноармейцев. Отправка до сих пор, однако, не состоялась, отчасти по нежеланию матросов, отчасти - из-за вопроса об их обмундировании, снаряжении и проч., так как матросы имеют собственное обмундирование. Принципиально признано невозможным оставить собственное обмундирование на людях, отправляемых на фронт, и возник вопрос, следует ли выкупить их обмундирование в казну и, выдав за него деньги на руки матросам, самое обмундирование оставить на них или же заменить его обмундированием казенного образца и, в последнем случае, где произвести замену: здесь ли, в Петрограде, или же по прибытии их на место из армейского интендантского магазина. В настоящее время заняты решением этого вопроса. К быстрому выяснению встречаются серьезные препятствия в трудности и медленности телеграфного сношения с интендантством Южного фронта.

По непроверенным еще сведениям, германскими войсками занята станция Биттен, в 30-ти верстах южнее Слонима, гор. Шавли и др. места того района. В большевистских морских кругах говорят о какой-то английской оперативной сводке русского фронта, в которой сообщается, что Виндава взята англичанами и что на Украине добровольческие французские отряды (?) одержали крупную победу и заняли якобы Екатеринослав, Полтаву и Харьков. На

Восточном фронте, по сведениям нашей военной организации, намечается переход противника (Колчака) в наступление от Перми на юг вдоль Камы, причем взята с бою Оса. Эти сведения находят себе полное подтверждение и в сообщении железнодорожной агентуры, причем определенно указывается, что у Воткинского и Ижевского заводов идут бои и крестьянские беспорядки. Оттуда якобы шесть санитарных поездов направлено в Москву и один в Петроград. Между Вяткой и Пермью положение без перемен. Но на железных дорогах комиссары прогнаны и железнодорожники завладели управлением движения. Скопившиеся в Вятке военнопленные (свыше 10 000 чел.) и солдаты в гор. Тихвине заняты поголовно спекуляцией. Командир Тихвина горько жаловался нашему агенту на разбежавшихся солдат. Солдаты на этом фронте решительно отказываются от наступления. Не составляют исключения и латышские части. Замечается активность со стороны Колчака и в районе Уфы. У Череповца вновь крестьянские беспорядки, и довольно в большом масштабе.

Во флоте перемен нет. Важно, однако, что в Кронштадте фактически уже нет судовых комитетов и вся власть сосредоточена в руках командного состава и комиссаров. За неповиновение угрожают расстрелом на месте. Исправляем еще нашу ошибку в одном из предыдущих сообщений, в котором Главковерх Вацетис назван Лацетисом. Лацетис - комиссар одной из армий [1]. Ждем вестей от вас.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПИСЬМУ ОТ 5 МАРТА 1919 ГОДА. СВЕДЕНИЯ О ДИСЛОКАЦИИ И СОСТАВЕ ВОЙСК ПЕТРОГРАДСКОЙ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ГРУППЫ К 25 ФЕВРАЛЯ 1919 ГОДА

Из 7-й армии выделена Петроградская оборонительная группа со штабом в Петрограде и Эстонская армия со штабом в Луге. Обе названные группы в оперативном и в другом отношениях подчиняются штарму-7[2], из чего можно заключить, что штарм-7 вскоре будет штасевом [3].

Высший штасев из Ярославля переехал в Старую Руссу 18 февраля и переименован в штазап [4]. Северный фронт представляет собою ныне 6-я армия со штабом в Вологде.

---

[1] Ошибка. Среди членов реввоенсоветов армий человека с фамилией «Лацетис» не было.

[2] Штарм — штаб армии.

[3] Штасев — штаб Северного фронта.

[4] Штазап — штаб Западного фронта.

Петроградская группа. Командующий — Жданко. Начальник штаба — Люндеквист [1] (офицер генерального штаба). Квартира штаба — Морская, 47. В состав группы входят: Карельский участок, крепость Кронштадт и небольшая полоса южного побережья Финского залива, начиная от Петергофа к западу.

[А.] Карельский участок. Начальник участка — начдив 19-й стрелковой Солодухин. Начальник артиллерийской обороны участка — Васильев. Штаб их обоих в Шувалово.

Карельский участок представляет собою участок с естественными оборонительными линиями. Всего линий — 3.

Состав сил Карельского участка:

167-й	стр.	полк.	Штаб	полка,	дер. Новая	1267	шт.	23	пул.
169-й	»	»	»	»	дер. Канонерская	1482	»	40	»
170-й	»	»	»	»	ст. Белоостров	1188	»	30	»
1-й	»	»	»	»	м. Мурино	2080	»	30	»
3-й	»	»	»	»	Озерки	1489	»	30	»

Артиллерия:

1-я	бат.	1-го	дивиз.	19	арт. бриг.	— впереди Сестрорецка	4	ор.
2-я	»	»	»	»	»	— дер. Мертут	4	»
3-я	»	»	»	»	»	— Черн. Речка	4	»
1-я	»	»	»	»	»	— дер. Вартымяки	4	»
Взвод Петрогр. воздушн. обороны						— дер. Хампули	4	»

1-я оборонительная линия:

Резерв 1-й оборонительной линии у м. Тарховки 4 гаубицы 4,8 и 2 орудия 75 мм.

Во второй оборонительной линии из поставленных на позиции 54 орудий могут принять сейчас участие в бою 14 орудий легких и 19 гаубиц.

2-я оборонительная линия:

Расположение артиллерии во второй линии (главная оборонительная позиция):

Легкая батарея	дер. Каменка	4	орудия
Гаубичная 4,8 батарея	Успенское кладбище	4	»
Легкая бат.	Новоселки	4	»
»	2-е Парголово	4	»
Гаубичная 4,8 бат.	Осиновая Роща	4	»
Легкая бат.	Кабаловка	4	»
Тяжелая 4,2 [дюйм.] бат.	3-е Парголово	4	»

[1] В. Р. Люндеквист — член петроградской организации «Национального центра». Снабжал командование армии Юденича информацией о дислокации, численности и вооружении частей 7-й армии, оборонявшей Петроград.

Легкая бат.	Порошкино	4	»
»	Мистолово	4	»
»	Ново-Девяткино	4	»
Гаубичная 4, 8 бат.	дер. Коростелево	4	»
Легкая бат.	Большое Парголово	4	»
»	Углово	4	»

Вся эта артиллерия к вечеру 1 марта стала на вышеуказанные позиции и готова к открытию огня.

Со 2 марта ожидается прибытие дивизиона 3 батарей 4,2"'[1] гаубиц и 9 легких батарей 10-й артиллерийской бригады, всего 65 орудий.

Боевые склады находятся в дер. Кушелевка и на «Пороховых». Эти склады будут охраняться от воздушных налетов 6-ю зенитными пушками (все в ремонте на Путиловском заводе, 2 из них уже готовы), которые будут поставлены на железнодорожные платформы. Есть требование на 8 пушек «Канэ», которые могут прибыть не раньше, как через месяц, так как тоже находятся в ремонте.

Все орудия засыпаны снегом, так что при отступлении в настоящее время вывезены быть не могут.

На Карельском фронте требуются еще 2 полка. Вероятно, будут отправлены 4-й стр. и 2-й стр. (4-й сформирован, 2-й же еще формируется).

Б. Крепость Кронштадт. Комендант крепости молодой артиллерист Артамонов. Цель Кронштадта препятствовать с моря захвату Петрограда и помогать огнем артиллерии крупных калибров 19-й стрелковой дивизии.

В случае занятия Петрограда противником Кронштадт должен продержаться два месяца до выручки его сосредоточенными силами Советского правительства. (Хлебных запасов в Кронштадте на 12 дней, консервов достаточно.)

Гарнизон:

1-й морской пехотный полк. Расположен по южному побережью Финского залива от «Красной Горки» на запад. (1500 штыков 3-й морской пехотный полк формируется в Ораниенбауме из кадра 3-го морского пехотного полка (300 штыков) и 2-го рабоче-крестьянского Петроградского полка (число штыков неизвестно).

2-й морской пехотный полк. Расположен в крепости. 1500 штыков.

Артиллерия пока неизвестна.

Судов, могущих принять участие в обороне Кронштадта, 3: «Петропавловск», «Андрей Первозванный» (в настоящее время в доке) и «Олег» (находится в Петрограде). Все эти суда имеют наблюдение только в море (пока лед) и существенной помощи

---

[1] 4,2-дюймовые, или 42-линейные, гаубицы.

19-й дивизии принести не могут. Сама крепость Кронштадт особой помощи 19-й дивизии принести не может, так как 6, 10 и 12-дюймовые орудия фортов со стороны Финляндии могут обстреливать лишь узкую прибрежную полосу Карельского участка до жел. дор. включительно.

В личном составе артиллерии ощущается большой недостаток, выражающийся в некомплекте солдат (в 30% и начальников в 60%).

Затребованы 100 пулеметов «Кольта» и 3-дюймовые снаряды (шрапнель и гранаты) до доведения цифры снарядов на каждое орудие до 500 штук.

Форт «Красная Горка», на котором находится 2-дюймовая батарея и 2 противоштурмовые батареи, минирован и долгое сопротивление оказывать не будет.

[В.] Олонецкий участок.

164-й Финский стрелковый полк. Штаб Петрозаводск. 802 штыка, 17 пул.

3-й Коммунистический полк. Штаб Шуйск. 544 штыка, 8 пул.

40-й Железнодорожный полк. Штаб Петрозаводск. 1025 штыков, 27 пул.

41-й Железнодорожный полк. Штаб находился в деревне Надвойцы до занятия ее противником. Где находится теперь — неизвестно. Полк разбит. Командир ранен. Состав полка до поражения — 363 штыка, 8 пул.

171-й Стрелковый полк. Штаб Олонец. 821 штык, 10 пул.

1-й Пограничный полк; посты и заставы: Люхты, Эйхола, Саргозеро, Поданы, Селецкое, Янгозеро, Сегозеро, Линдозеро, Вейгара. 700 шт., 2 пул.

2-й Пограничный полк. Посты: посад Сармаги, Видлица и южнее по Ладожскому озеру до Новой Ладоги. Состав неизвестен.

Артиллерия:

2-я батар. 1-го дивиз. 19-й стр. див. Медвежья Гора. 4 орудия.

3-я батар. 1-го дивиз. 19-й стр. див. Медвежья Гора. 4 орудия.

3 легкий дивиз. 19-й стр. див. Александрово-Свирский монастырь. 7 орудий.

Гаубичный 4,2 [дюймовый] взвод. Место расположения неизвестно. 2 орудия.

Горный (легкий, 3-дюймовый) взвод. Место расположения неизвестно. 2 орудия.

По секретной сводке за подписью Аралова (член Реввоенсовета Республики), наступление барона Маннергейма нужно ожидать 15 марта.

В противовес маневрам Маннергейма на будущей неделе будут маневры в районе Черной Речки – Парголово с участием с одной

стороны 1-го и 3-го полков и одной легкой батареи, с другой стороны — петроградских курсантов и также одной батареи. Первый маневр — атака курсантами оборонительной Парголовской позиции для перехода в контратаку. Это последний маневр с боевой стрельбой по мишеням.

Что касается упомянутых сейчас маневров Маннергейма, то советской разведке удалось получить следующий разработанный финским штабом план предполагаемого наступления на Петроград. Наступление должно развиваться из начинающихся на русской границе маневров финских войск. Первый по времени удар должен быть нанесен финскими войсками, двигающимися по шоссе от местечка Иоутсельски на Белоостров. Однако этот первый удар должен играть лишь роль демонстрации для отвлечения на себя тактических резервов красных войск. Главные же силы финнов, состоящие преимущественно из кавалерии, должны, свернув влево с шоссе Иоутсельски — Белоостров, не доходя до реки Сестры, пройти целиной и выйти на шоссе Лемболово — Станки, севернее дер. Станки, и отсюда, продвигаясь на юг сначала по шоссе до дер. Станки, затем по левому берегу реки Охты, взять Колтуши и далее, продвигаясь по дороге на Ижору — Царское Село, отрезать Петроград по всем жел.-дор. линиям с востока и юга. Финский штаб полагает, что при удачном и быстром выполнении этой диверсии Петроград не сможет защищаться и вынужден будет сдаться без боя. Всей этой операции, направленной непосредственно на Петроград, будет предшествовать нажим со стороны Пскова на Бологое для оттяжки стратегических резервов Красной Армии из района Петрограда. Перед самым занятием Петрограда над городом будут летать аэропланы и разбрасывать прокламации с целью подготовить общественное мнение к предстоящей оккупации. Для содействия успешному развитию военных действий в Финском заливе и на Ладожском озере у финнов имеются аэросани (новое изобретение, представляющее собою вооруженный броневик, поставленный на полозья и приводимый в движение пропеллером). По мнению начальника штаба 19-й стрелковой дивизии Кадникова (Озерки), в случае приведения в исполнение такого плана Петроград в первые же часы после начала наступления окажется беззащитным, так как весь Карельский фронт при первых же признаках прорыва обратится в бегство.

В середине прошлого года в 3-й штаб сформирования Красной Армии наряду с оставленными революционными частями армейского фронта вошло сформирование регулярных дивизий на добровольческом принципе. В числе таковых должны были быть сформированы, между прочим, 3 пехотные дивизии: Рязанская, Тамбовская и Тульская — по одной в каждой соответствующей губернии и каждая в составе 2 бригад, 3 полков состава, все следова-

тельно, в составе 18 полков с артиллерией и частями вспомогательного назначения. Дефекты добровольческого принципа и недобор людей заставили Советскую власть отказаться от таковой при формировании регулярных дивизий и перейти к системе набора, причем ввиду недостатка обмундирования и снаряжения пришлось уменьшить соответственно число частей, благодаря чему каждая из упомянутых дивизий была переименована в стрелковую дивизию (2-ю), причем командир бывшей Рязанской бригады, генерал Мерр, назначен начальником дивизии, штаб которой расположен в Рязани. Ныне состав 2-й дивизии, составленной из бывших 3 пехотных дивизий — 9 стрелк. полков с артиллерией и частями вспомогательного назначения, что уменьшило численность предполагаемого формирования почти вдвое. Но не полностью, так как штаты частей увеличены примерно на 1 тыс. чел. (ранее 8 полк. 3 тыс., ныне около 4 тыс.). Упомянутое переформирование имело место в октябре месяце прошлого года, причем прежний кадр добровольцев был передан в другие части (не дивизии), а части дивизии стали комплектоваться исключительно набранными при прежнем командном составе. Затруднения продовольственные, с размещением людей, недостаток обмундирования, снаряжения заставили снова несколько сузить предполагаемое формирование, соответственно с чем 2-я и 3-я бригады дивизии должны усиленно формироваться за счет 1-й (10, 11 и 12-й стрелковые полки), которая остается на местах и формируется во вторую очередь, предоставив все имеющиеся в ее распоряжении вооружение и обмундирование, снаряжение, обоз и лошадей в распоряжение 2-й и 3-й стрелковой бригад (13, 14, 15, 16, 17 и 18-й стр. полки) 2-й стрелковой дивизии. В настоящее время даже вошли специальные штаты для 1-й бригады, оставшиеся на месте. Формирование частей зиждилось на территориальной системе, которая позднее была признана непригодной, почему и решено было дивизию (то есть, вернее, 2 и 3-ю бригады дивизии) передвинуть в том составе, в котором она в настоящий момент находится в районах Гомель, Конотоп, Бахмач для дальнейшего укомплектования в прифронтовой полосе. Переброска частей в указанный район должна была начаться 20 сего февраля, но события на Украине и непосредственная угроза Петрограду заставили в корне изменить решение, и дивизию, укомплектованную примерно до половины штата и ослабленную кроме того, отправкой 20 маршевых рот в район Балашов (9-я армия) на Южный фронт, перебросить для дальнейшего формирования в район Гатчина, Стрельна, Царское Село, между прочим, из тех соображений, что в силу плохого состояния транспорта переброска войск весной или при возникновении надобности в том отныне не представится возможной. Планы перевозок с показанием пунктов назначения уже заканчиваются печатанием, и с момента

их получения в штабе дивизии должна начаться погрузка частей по истечении 10-дневного срока. Число эшелонов исчислено в 60, а для перевозки рассчитана на 20 дней, так что если предположить начать отправку 1 марта, то дивизия на местах в указанном районе будет сконцентрирована числа 20 марта. Помимо 2-й стрелковой дивизии, одновременно будет переброшена еще одна стрелковая дивизия, которая должна занять район к востоку от Петрограда, упираясь своим флангом в район ст. Званка.

Относительно того, что из себя эта дивизия будет представлять, можно с уверенностью сказать, что она будет, по существу, вполне аналогична 2-й стрелковой, сведения о которой даются более точные, исчерпывающие. Для личного доклада посему предполагалось командировать специальное лицо, но в силу затруднений с его доставкой в связи с происходящими событиями, а особенно с его возвращением обратно в Петроград пришлось отказаться и ожидать или точных указаний от вас письменно, или возможности снестись лично, но при условии хотя бы малейшей возможности надеяться на успех возвращения лица, командированного для личных переговоров. В последнее время 2-я стрелковая дивизия представляет из себя следующее: штаб дивизии, 2 штаба бригады, 6 стрелковых полков (примерно 1500—1000 человек каждый), 2 кавалерийских дивизиона, 2 легких артиллерийских дивизиона, тяжелый дивизион (без орудий, одна прислуга), мортирный дивизион и прочие части вспомогательного назначения.

Численность дивизии можно оценивать к моменту прибытия в свой район общей цифрой в 10 тыс. человек. Дивизия всецело находится в руках людей, состоящих в нашей организации, вполне преданных и идейных работников, берущих на себя всецело ответственность за направление дивизии по указанному ей пути. Все теперь в том, чтобы указать дивизии точно задачу, которую она должна выполнить на месте по прибытии в свой район, а главное, в точном указании, как выполнить возможно более целесообразнее и безболезненнее переход дивизии на вашу сторону. Весь старший командный состав (исключительно кадровые офицеры) косвенным путем состоит в нашей организации, равно как и младший, за некоторым исключением. Командный состав пользуется бесспорным влиянием и популярностью среди солдатских масс, настроение которых явно антисоветское и в то же время против каких-либо военных действий. Вся работа на местах членов организации велась к тому, чтобы в нужную минуту произвести переворот, но теперь задача эта полностью отпадает и весь центр тяжести именно в планомерном соединении дивизии с вашими отрядами. Ввиду резко антисоветского настроения мобилизованной молодежи можно твердо рассчитывать на то, что она, влившись в состав здоровых частей, будет прекрасно работать и вполне проявит и дисциплинирован-

ность и боеспособность, так как весь вредный элемент при переходе будет устранен. Численность здорового элемента можно определить в 75%, что даст 7—8 тыс. человек при 300—400 человек командного состава. Давать какую-либо определенную задачу дивизии едва ли целесообразно: нежелание воевать, боязнь ответственности перед большевиками, вредная агитация всевозможных ячеек и значительный процент негодного элемента, ведущего усиленную агитацию, почти наверное погубит дело и повлечет только несметные жертвы, в то время как после перехода в частях дивизии дней 10—14 с обучением и организацией таковые могут быть использованы как прекрасный боевой материал, особенно ввиду значительного количества опытных боевых кадровых офицеров, в большинстве своем ценных идейных работников.

Поэтому, казалось бы, в первую голову должна быть возможно точнее разрешена задача о переходе дивизии, а затем уже об использовании ее как боевой силы. Наиболее целесообразно, казалось бы, в этом отношении оказать с вашей стороны поддержку к переходу, протянув как бы щупальцы в направлении к тому пункту, который должен быть точно установлен и в котором должен произойти переход частей дивизиона. Это крайне необходимо как внешний импульс, который вынудит людей пойти за теми, кто ими руководит, без колебаний и сомнений, столь неизбежными в наше время общей нервности и неустойчивости.

Всю недостающую материальную часть дивизии, равно как и людской состав, предположено придать уже на местах. Уже то, что имеется в дивизии в смысле вооружения и обмундирования, дает готовых бойцов, почему ждать на местах получения недостающей материальной части нет никакой необходимости, так как медлить в смысле перехода кроется огромнейшая опасность; некомплект людей в частях дивизий, возможно, почти неизбежно будет заполнен элементами безусловно вредными, вроде партийных работников, рабочих и иного уголовного элемента, наиболее устойчивых в защите Советской власти. Вот почему надо признать переход дивизии желательным в возможно ближайшее время, даже немедленно по прибытии на места. Ввиду более успешного разрешения вопроса о практической невозможности командирования от самой дивизии лица для переговоров желательно командирование именно от вас особо уполномоченного лица, которое бы и руководило переходом дивизии, строго соответствуясь с Вашими интересами и условиями в данный момент.

Командующим 7-й армией, на место Искрицкого назначен Ремизов (штаб армии продолжает пребывать в Новгороде). Бывший начальник штаба армии Шишкин назначен состоящим при командующем армией. Начальником штаба армии назначен Цыгальский, бывший начальник Псковского района.

Дислокация и боевой состав 6-й дивизии (Нарвский фронт) к 10 февр. Штаб дивизии — Ямбург. Начальник дивизии Иванов. Штаб 1-й бригады — дер. Дубровка (около станции Сала). Начальник бригады К[еппен] (офицер ген. штаба). Штаб 2-й бригады — станция Поля. Начальник бригады Скоробогач (бывш. полк.).

Штаб 3-й бригады — дер. Куровцы. Начальник бригады командир 166-го полка Попов. 166-й стр. полк, дер. Куровцы. Командир полка - Попов (бывший кадровый офицер 116-го Малоярославского полка), 500 штыков. 70 рт.[1] 17 пул. 488 стр. полк. Фолварк Марингоф (близ дер. Пулково).

Командир Косминский. 889 шт. 1816 рт., 19 пул. 168-й стр. полк, дер. Кобылянки. Командир Сурков. 784 шт., 1564 рт., 18 пул. 51-й стр. полк, дер. Комаровка. Командир полка арестован, Командует полком его помощник Михайлов. 796 шт., 1096 рт., 3 пул. Батальон Новгородской ЧК. Ст. Низы. Командир Лихачев. 380 шт., 500 рт. 5 пул. 1-й образцовый полк деревенской бедноты. Дер. Кривая Лука. Командир Мустафей. 750 шт., 1143 рт., 14 пул. 50-й стр. полк из дер. Комаровка направлен на ст. Поля. Командир Тампофофальский. 613 шт., 965 рт., 12 пул. 7-й полк направлен на ст. Поля. 47-й стр. полк, резерв, деревня Колмотка (близ Ямбурга). Командир Франк. 1830 шт., 1418 рт., 17 пул. 87-й стр. полк, резерв, Большой Луцк (предместье Ямбурга). Командир расстрелян. 900 шт., 1614 рт. В районе ст. Поля курсирует 3-й Кронштадтский бронепоезд. Начальник поезда — Новицкий. Людей 115. 4 орудия (3'') 4 приспособленных к стрельбе пулемета, всего на поезде 16 пул., но остальные не приспособлены. Снарядов 800. Поезд состоит из простых платформ, забаррикадированных мешками с землей. Вдоль пути у поезда есть отмеченные пункты — груды камней, от которых он пристреливается к близлежащим деревням. От этих пунктов бьет метко. 6-й дивизии придана следующая артиллерия: 3 легких 3'' батареи по 4 орудия в каждой. Каждая батарея имеет приблизительно по 600 снарядов. 1 мортирная 6'' батарея (2 орудия). 1 батарея 42 лин. (4 орудия). Определить место стоянки батарей невозможно, так как их постоянно перебрасывают с одного участка фронта на другой. Артиллерийская, инженерная и санитарная база — ст. Сала. На складах базы нет ничего. Настроение дивизии самое скверное: сильно развиты дезертирство и хулиганство. Дисциплина поддерживается лишь весьма суровыми мерами, применяемыми военно-революционными трибуналами, как расстрелом лиц командного состава, так и красноармейцев. 47-й и 48-й полки отведены в резерв из-за происшедших в них беспорядков, и теперь в них производится расправа самого жестокого

---

[1] рт. — по-видимому, не имевшие оружия резервисты.

свойства. (В 47-м полку на митинге была вынесена резолюция с требованием прекращения войны.) Командный состав — ниже всякой критики. Офицеров нет. Взводные и отделенные не обучены и весьма часто сменяются. Комиссары живо чувствуют недостаток офицеров и считают их изгнание из армии крупной ошибкой, допущенной большевиками. Специально обученных разведчиков нет вовсе: в некоторых же полках, как, напр., в 168-м, даже нет сформированной команды разведчиков и разведка производится добровольцами из рот. Обоза нет почти совершенно. В большинстве полков даже пулеметы возятся на обыкновенных обывательских подводах; в некоторых же полках, как например, в 51-м нет ни одной повозки казенной. Лошади теперь кованы, но все больны чесоткой.

Санитарная часть поставлена весьма плохо. Из-за плохого питания сильно развита цинга (до 70 заболеваний в день на полк), кроме того, сильно развиты венерические болезни. Довольствие плохо: горячая пища выдается лишь один раз в день — два дня, выдается рыба, часто гнилая и с червями, и лишь на третий — мясо. Обмундирование очень плохо: сильный недостаток в сапогах и белье. Винтовки сплошь не чищены (смазочного масла нет вовсе) и сильно заржавлены. Приблизительно на $^1/_3$ винтовок отсутствуют штыки. Телефонного имущества нет почти совершенно. В 51-м полку, считающемся богатым телефонным имуществом, имеется вместо 75 положенных по штату всего лишь 15 верст провода. Биноклей почти нет; так, например, в 169-м полку всего лишь один бинокль. Ручных гранат в полку мало. Ракет и противогазов нет вовсе. Шанцевый инструмент имеется приблизительно на половину людей и то все без чехлов. Лишь в одном батальоне Новгородской ЧК шанцевый инструмент имеется полностью.

Краткое сведение о дислокации Карельской группы. Штаб особой бригады — Озерки. Начальник бригады — Солодухин, бывший офицер, 167-й стр. полк — в районе Мурино. 169-й стр. полк — в районе Левашово. Управление начальника артиллерии — Шувалово. 1, 2 и 3-я легкие 3'' батареи. Гаубичные 6'' батареи. Тяжелая 42 лин. бат. Подвижная группа. 6'' батарея пушек Кан, взвод противоштурмовой 75 мм батареи. Взвод 3'' батареи. Позиционная группа.

14 ФЕВРАЛЯ 1919 ГОДА

Дорогие друзья, мы обеспокоены дважды неудавшейся попыткой послать к вам вести от нас и очень ценные документы, теперь, к сожалению, потерявшие, благодаря запозданию, свое значение. Еще более нас тревожит невозвращение к нам Никольского и Павловой. Боимся, не случилось ли с ними какой-либо беды. Не допус-

каем мысли об отсутствии у вас потребности иметь связь с политическими элементами, находящимися в пределах Советской России. Полагаем, что в интересах целесообразности ведения общего дела, а не только в силу формальных и моральных требований вы, как и мы, считаете себя обязанными принять все меры к установлению постоянного и организованного общения с нами. К сожалению, наших курьеров в последнее время Ф[инляндия] возвращает с границы обратно. Нельзя ли принять меры, чтобы направляющиеся к Антону Владимировичу [1] с паролем по делу Каменева пропускались в Гельсингфорс?

При неудачной переправе пришлось уничтожить присланный документ, теперь запоздавший, и, может быть, вследствие отсутствия правильной информации от вас не вполне удачно редактировано обращение к союзникам НЦ и СВ. Документы мы обязались через вас сделать достоянием зарубежной прессы и сообщить во Францию и Англию. Кроме того, посылаем вам уже утерявшие значение сведения военно-технические и обращения к Ленину и Троцкому большевика Шумяцкого [2], привезенные делегатом, членом Учредительного собрания Святицким [3], ведущим переговоры с Советской властью о борьбе с Колчаком. Это последняя весть [4] из Сибири. Добавим, что, несмотря на этот документ, народные комиссары, не делая социалистам уступки, намеренно затягивают переговоры о соглашении. Эсеры со своей стороны настаивают: 1) на отказе от последовательной диктатуры; 2) на признании верховного права Учредительного собрания. Центральный Комитет эсеров осуждает до сих пор инициативу сибирских эсеров. Левые эсеры, стремясь использовать неблагоприятное настроение масс, вновь организовались. Но большевики их предупредили, все лидеры эсеров (левых) снова арестованы. Подпольные листки их, однако, продолжают выходить. Выходит и листок правых эсеров, где порицается соглашательство с большевиками. Меньшевики-оборонцы занимают твердую позицию, остаются в «Союзе возрождения», высказываются за интервенцию. ЦК меньшевиков ведет кампанию против союзников и склонен идти на соглашение с Со-

---

[1] Карташев А. В. (1875—1960) — видный деятель кадетской партии, профессор истории церкви. В 1917 году — обер-прокурор Синода, министр исповеданий. В годы гражданской войны — член белогвардейского правительства Юденича.

[2] Речь идет о письме одного из руководителей большевистского подполья в тылу Колчака Б. З. Шумяцкого в ЦК РКП(б), написанном в декабре 1918 года. Шумяцкий предлагал заключить соглашение с меньшевиками и эсерами, даже пойти на существенные политические уступки им. В этом он видел путь спасения революции от гибели. Письмо Шумяцкого было без его ведома опубликовано в меньшевистской газете «Голос печатника» и подвергнуто критике в газете «Правда» за 13 февраля 1919 года.

[3] В книге ошибочно «Светницким».

[4] В тексте книги «власть».

ветской властью. Но дело до сих пор дальше разговоров с обеих сторон не подвинулось. Наоборот, между «Нац. центром» и «Союзом возрождения» достигается полная возможность единства выступлений и общей работы. Все партии и группы, входящие в эти организации, сознают, что сила — в объединении, и сошлись в двух существенных пунктах: 1) признание диктатуры до созыва Нац. собрания; 2) умолчание о сроке и условиях созыва этого последнего. Соглашение объединяет в общей работе, задача которой — поддерживать организационную связь со всеми антибольшевистскими элементами и организациями внутри Совдепии, укреплять и углублять антисоветское настроение в самых разнообразных слоях населения путем агитации, осведомления, устройства.

[14 ИЮЛЯ 1919 ГОДА]

14 июля 1919 года. Дорогие друзья, читайте Евангельский в дальнейшем так: последняя цифра каждого числа обозначает букву стиха, указанного предшествующими ей цифрами этого числа. Мы получили в начале июля письмо от Острова, о котором говорит письмо Никольского от 30 мая 1919 года, полученное нами двенадцатого. Завтра увижусь с Солнцевым, которому передам это письмо, направленное нами для верности также и через Острова. Первый наш ответ ему уничтожен его почтальоном, задержанным на обратном пути, но затем бежавшим и ныне направляющимся к нему вторично. Немокринский деятельно работает, и мы его услугами часто пользуемся; здесь работают в контакте три политические организации: НЦ и СВ и неизвестный нам еще «Союз освобождения России» (ядро кадетское), который, между прочим, издает листовки, играющие немаловажную роль. Препровождаем несколько его последних листовок. В «Нац. центре» все прежние люди, так как к нам вернулся пробиравшийся к Колчаку П. В. Г.*, коего временное отсутствие чувствовалось очень сильно. Все мы пока живы и поддерживаем бодрость в других. Черносвитов арестован и содержится в Москве, где было несколько провалов тамошней военной организации. Огородникову, арестованному по доносу или вследствие оговора кого-либо из военных, предъявлено обвинение в замешательстве Волкова. В Москве безлюдье, так что нет надежды на переезд кого-либо сюда. Москва даже не отозвалась на наше письмо-приглашение, согласно указаниям Карташева. Со смертью Валерсона и с израсходованием средств прекратилась наша связь с остатками этой военной осведомительной организации. Москва нам должна за три месяца. Остров и Москва говорят о каком-то

* П. В. Г.— Петр Васильевич Греков. [Кадет П. В. Герасимов. См. с. 38.]

миллионе. В вашем и ген. Ю[денича] письме, на которое намекают Остров и Никольский, сказано лишь, что здешний центр может на 20 тысяч в месяц увеличить расходы на работу Валерсона и комп. за счет Ю[денича], но не указано, как получить эти деньги. Просим экстренным порядком все выяснить нам и, если можно, немедленно переправить деньги, иначе работа станет. Между тем наша работа сейчас могла бы быть особенно полезной и ценной. Мы взялись за объединение всех военно-технических и других подсобных организаций под своим руководством и контролем расходования средств, и эта работа подвинулась уже далеко. Везде крик: деньги, средства... Здесь три военных организации: 1) та, о которой говорилось выше и которая вам известна; 2) организация, которая была с Дурново и брошена им три-четыре месяца тому назад. В нее входят интересующий вас Ховен и Куропаткин, сын друзей Валерсона. Эти люди работали, думая, что связаны с Ю[деничем], так как встречались у Валерсона и беседовали с ним, когда они, к своему огорчению, узнали о зарубежных связях. Эти люди связаны теперь с третьей здешней военной организацией, опирающейся на правые политические круги и имеющей, по-видимому, больше возможности информировать и прочные связи в советских учреждениях. Гатчинский фронт в лице Щуровского из штаба второй дивизии сносится именно с ней. К тому же Щуровскому дан и наш пароль. Мы встретили генерала Махрова, которого считаем начальником Иевреинова и представителем Юденича, у агента этой организации. С Махровым находимся в контакте, объединяя работу всех технических сил. Идет оживленная работа по организации исполнительных органов и подбору технических опытных лиц в области продовольствия, топлива и транспорта, милиции. Продовольствие и топливо в катастрофическом положении. Выдается $^{1}/_{8}$ фунта хлеба с примесью дуранды и овса. Иссякли все другие продовольственные запасы. Голод самый настоящий. На рынках — волнения, на фабриках и жел. дор. — забастовки, временно ликвидированные выдачею рабочим продовольствия на несколько дней. В Москве тоже волнение. В провинции — восстания крестьян. Здесь топливо продается только вязанками. Если нескоро наступит свержение большевиков, возможность для подвоза дров водой будет упущена. Настроение здесь сплошь антибольшевистское, но придавлено террором, не знающим границ. Усталость всех растет, как и смертность, с каждым днем. Отступление от Гатчины повергло массы в крайнее уныние, с которым бороться становится все труднее. Большевизм здесь изжит давно. Надо немедленно сделать все к занятию вымирающей столицы. Сестра Карташева здорова, случайный арест кончился благополучно. Сергей Яковл. здоров, кланяется Никольскому. Посылает для сведения: наличность огнеприпасов в базах 7-й армии на 1 июля.

Лучше обеспечены огнеприпасами: 10-я див. (штаб Дно) с базами Дно, Порохов, Морино, Карамышево, Шумково и село Александровское (полевые посты). 6 див. (штаб Гатчина) с базами в Тосно, Кипени, Елизаветино, Ропше, Ораниенбауме и Петергофе и 19 див. (штаб в Петрограде, Фонтанка, 90) с базами Кушеловка (арт. база), Чудово, Ржевская и Тосно (подв. база). Хуже обеспечены: 1-я дивизия (штаб Лодейное Поле) с базами Тихвин (тыловая) подв., Свирская (промежуточная база) и Петрозаводск 3-я бригада 4-й дивизии (штаб Луга), которая не освещена официально и имеет базы в Луге, Новгороде и Батецкой. Она вместе с Эстонской и иными данными дивизиями (ст. Поля) образует сводную дивизию[1]. Наконец, армейская база (Куженкино) также обеспечена плохо. Сведения говорят лишь о $1^1/_2$ миллионах 3-линейных патронов русских. Пустые графы прилагаемой таблицы означают отсутствие сведений. Материальная часть артиллерии почти не изготовляется. Патроны к трехлинейным винтовкам тоже готовят два завода: Тульский и Новгородский. Очень незначительное количество. На сей предмет катастрофическое положение. Ныне приступленно к перевооружению, частью японские (6 див. белорусско-литовской армии), частью австрийские. Положено иметь на стрелка: носимый запас 120 патронов на винтовку. Возимый — 50 и в прочих базах - 50. Всего 220 патронов. Но этого запаса нет. Положение с трехдюймовыми орудийными патронами сносно. Нужды нет. Хуже с тяжелыми 6-дюймовыми — 48 [линейными] гаубичными. Положение на дивизию — трехдюймовых орудий - 36, 48-линейных ор. 8, 42-линейных ор.— 2 и 6-дюймовых ор.— 2. Относительно находящейся на Карельском фронте 19-й дивизии можно сообщить, что на 1 июля было роздано: пехоте — 120 револьверов, винтовок пех.— 12 000, патронов — 2500, пулеметов — 127, пулеметных лент — 1800, патронов ружейных — около 2 миллионов. Арт. части роздано: винтовок — 1400, пулеметов — 13 и лент — 158. Револьверов — 33 и патронов — 276. Патронов ружейных – около 100 тысяч. Трехдюймовых орудий — 7, к ним шрапнелей — 256 и гранат — 62; 48-линейных орудий — 30, к ним шрапнелей — 6000 и бомб — 5000, 6-дюймовых орудий Кано — 10, к ним патронов бомбовых — 1000 и шрапнелей — 1980. С пищевым довольствием армии сейчас крайне острое положение. Для Петроградского района требуется 260 вагонов в месяц, а прибытия нет совершенно. Рассчитывают на осенний улов рыбы (20 000).

ВИК.

---

[1] Последние две фразы даны в книге в искаженном виде. Текст восстановлен по архивным материалам.

При поступлении в Петроградскую губернию вверенных Вам войск могут выйти ошибки, и тогда пострадают лица, секретно оказывающие нам весьма большую пользу. Во избежание подобных ошибок просим Вас, не найдете ли возможным выработать свой пароль. Предлагаем следующее: кто в какой-либо форме или фразе скажет слова «Во что бы то ни стало» и слово «Вик» и в то [же] время дотронется правой рукой до правого уха, тот будет известен нам, и до применения к нему наказания не откажитесь снестись со мною. Я известен г-ну Карташеву, у него обо мне можете предварительно справиться. В случае согласия Вашего благоволите дать ответ по адресу, который Вам передаст податель сего.

ВИК.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ, ВЗЯТЫХ ПРИ ЛИКВИДАЦИИ МОСКОВСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ [«НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА»]

ДОКУМЕНТЫ, ВЗЯТЫЕ У Н. Н. ЩЕПКИНА [1]

№ 1

Главный резерв весь сосредоточен в Саратове. Ближайший план — спуститься до Камышина и не доходя до Царицына повернуть весь фронт на запад на – Урюпинская, Усть-Медведицкая с исходным пунктом от Балашова, причем должна быть создана угроза станицам по Хопру и по Дону, что заставит казаков этих станиц оставить ряды Деникина и возвращаться обратно в станицы. Углубление к югу помечено, минуя Царицын. Бонч-Бруевич настаивал на помещении главного резерва в Брянске, но взяло верх мнение Каменева, а особенно Гусева.

№ 2

Состав армии к 15 августа н. ст. по номерным дивизиям, есть еще много импровизационных формирований:

Запфронт – VII армия – 19, 6, 2 и 1-я пограничная; XV армия – Великие Луки, 10-я, 11-я латышские; IV, XVI армии — 17, 52, 8, 2-я погран.; XII армия – 44, 45, 47, 58, 60, 1-я бриг. 4-й див.; Эстонская бриг., бриг. 3-й див., бриг. 1-й дивиз. Южфронт – XIV армия — 57, 46, 41-я; XIII армия — 3, 7, 9, 42-я; VIII армия – 12,

---

[1] Документ № 2–записка информатора, которая затем была переписана Щепкиным на полоску из папиросной бумаги для переправки в разведывательное отделение штаба Добровольческой армии (вошла в документ № 4).

13, 15, 31, 33, 40-я; IX армия — 14, 23, 26, 56-я; II и X армии — 22, 28, 32, 37, 38, 39, 21, 4-я кавал., 6-я кавал. казачья бриг., саратов. кон. бригада.

Туркестанский фронт — I армия — 20, 24, 49, 3-я кавал. див. и особ. Туркест. бригада; IV армия — 25, 30, 1/2 47-й [див.], Московская кав. див., киргизская конная бригада; Астраханск. группа — 34, 1/2 35-й и 7-я кавал. дивизия.

Востфронт — III армия — 29, 30, 51-я; V армия — 5, 20, 27, 1/2 35-й.

Всего считается 54 дивизии, 424 000 винтовок, из них на Южфронте — 187 000.

Отдано приказание везти с востока, запада все на Южфронт, что только могут перевезти железные дороги. Есть указание на сбор главного резерва у Саратова (II и X армий) с целью возможно скорее выйти на линию Усть-Медведицкой.

Ныне доводят артиллерию на Южфронте до следующих цифр: 3-дюймовых — 600, 48-лин. — 80, 42-лин. — 40, 6 дюйм. гауб. — 48. Недостатка снарядов нет.

Селивачеву (XIII и VIII армии) приказано взять Корочу и оказать помощь Обояни.

Старый штаб Востфронта переводится в Брянск.

Начальником Туркфронта назначен генштаба Климович, начальник штаба у него генштаба Шварц [1].

№ 3

IX армия к 20/VIII—19 года

23-я стр. дивизия

	Сабель	Пулеметов	
1-й кав. полк	858	20	4-орудийная
2 — » —	208	16	конная батарея
3 — » —	500	15	

Начдив б. офицер артиллерист Голиков — дрянь, как и вся дивизия — разбойники. Все кавалеристы — казаки донские, самые отбросы.

14-я стр. дивизия

1-й кав. полк, б. офицеров 3, всего 48, строевых людей 714. Всего людей — 1061.

Лошадей верх. 486, обозных 136, седел 104, винтовок 256, шашек 133 и пулеметов 4, пик нет.

2-й кав. полк, б. офицер — 1. Всего 32. Строевых людей 472. Всего людей 752, лошадей верх. 443, обозных 136, седел — неизв., винтовок 373, шашек 443, пулеметов 8, пик нет.

[1] Сведения неверны. 15 августа 1919 года командующим фронтом был назначен М. В. Фрунзе, начальником штаба — А. А. Балтийский.

Начдив б. офицер пехоты шт.-капит. Иванов генштаба, направление наше. Кавалерия одета, обута, обучена очень плохо. Вооружение в общем ничего не стоит. Седел нет, а которые есть, собраны какое русское, кокандское и т. д. разных типов. Лошади плохие, уход, ковка, корм, тела ни черта не стоят и больших переходов не вынесут. Обоза своего нет и при переезде пользуются обывательскими. Комсостав исключительно почти из унт.-офицеров, очень слабый во всех смыслах.

36-я стр. див.

Сведения получены из Инспекции кавалерии IX армии к 1 августа с. г. Сам там не был и ничего лично от себя сказать не могу. Цифровые данные надо считать верными. Из всех этих отдельных частей получится 4 полка. Теперь переформирование их закончено, но сведение дано еще существ[овавшее] к 1 августа.

	Комсост.	Сабель	Лошад.	Чис. людей
11-й Камышинский полк	34	227	420	371
Отдельн. Казач. дивизион	15	134	188	192
		1-й полк 36-й див.		
1-й Хоперский кав. полк	45	451	174	546
1-й Кавалерийский дивиз.	11	74	131	162
		2-й полк 36-й [дивизии]		
5-й Заамурский полк	35	480	797	682
Кав. дивиз. Штадива	3	84	86	120
		3-й полк 36-й див.		
1-й Саратовский полк	32	320	427	442
2-я Отдельная кав. див.	11	125	125	154
		4-й полк 36-й див.		
Итого	186	1895	2648	2669

Так было предположено соединить мелкие части в полки. Вся кавалерия 36-й стр. див. меньше, возможно, но больше ни в коем случае.

56-я стр. див.

Кавалерии не будет иметь совсем. Было 3 отд. части по названиям Отдельный эскадрон, 2-й кав. дивизион и 5-й кав. дивизион. Первый пошел на пополнение 2-го полка 14-й стр. див., а 2 вторых вольются в ряды кавалер. 23-й стр. див.

Вот вся кавалерия, находящаяся в распоряжении IX армии:

штаты полка

Комсостав	41	Винтовок	441
Красноармейцев	672	Шашек	608
Повозок	22	Пик	192
Двуколок	36	Пулеметов	4
Верховых лошадей	602	Кухонь	6
Обозных »	132	Револьверов	252

РАСПОЛОЖЕНИЕ IX АРМИИ

Штаб армии — Пенза.

Части от 3-х Островов (23-я див.) до деревни Ивановка (Балашов); 14-я дивизия до Тамбова; 36-я дальше к Козлову до соединения с VIII армией.

№ 4

Карта 3 версты: план укрепления района Тулы (начат осуществлением). 4-й кр. район делится на секторы: 1) южный — к югу от р. Упы, 2) северный — к северу от Упы. Южный делится на отделы: 1) «Пятый» (по названию) - от деревни Минская на юг по высотам до дер. Ратова, далее по высотам к Левашево (мыза), откуда по высотам северо-восточнее дер. Хорина. 2) «Первый» (по названию) - юго-западнее дер. Прудное, южнее дер. Елькино и Пирова, южнее пересечения шоссе и ж. д. 3) «Второй» (по названию) — далее между деревнями Погово и Рудаково по высотам к северной окраине дер. Ларинская, откуда уступ к югу, к высоте севернее дер. Крутая, затем по высотам и фронтом на юго-восток на дер. Пительня, дер. Тантыково, сев.-восточнее которой упирается в Упу. Вторая линия обороны южного сектора намечена по окраине предместья Мленово (Клин, станция Тула, город Тула, вплоть до р. Упы по восточной окраине города). Северный сектор делится на отделы: 1) «Третий» (по названию) - от р. Упы у дер. Присады прямо в направлении до отметки Сар., что сев.-зап. дер. Сигитово, откуда фронт делает угол в 90° к дер. Высокое и далее через лес и по высотам, по ю.-з. мызы Долбиловка, Медвинка и упирается в реку Тулица Синяя, по высотам сев.-вост. дер. Ивановки. К станции Хомяково, далее по высотам, прилегающим к шоссе у дер. Семеновская, западнее шоссе, переходит на высоты южнее берега р. Волота до ее устья, откуда фронт поворачивает на юг по высотам восточ. берега реки Нюловки, вплоть до дер. Барсуки. Вторая линия обороны по окраине города. Работы начаты пока в райо-

Н. Н. Щепкин

не Судакова на южном секторе и по южной окраине города. Остальные еще в проекте: возможны изменения. Зенитные батареи стоят: 1) на шоссе на южной окраине города — 4 орудия, 2) на западной оконечности предместья Мленово (Клин) — 4 орудия, 3) на сев. окраине города у пересечения шоссе с ж. д. — 4 орудия. Состояние гарнизона: 19, 20 и 21-й стр. полки, 7-я отд. бр. ушли на фронт, остались б-н ВЧК — формируется в полк, 1-й кар. б-н, формир. 2-й кар. б-н, рота в окраине меднопрокатн. завода, кар. рота по охр. оруж. завода, рота по охр. арсенала, командные курсы, есть военная партийная организация. Рабочие (большинство настроено антибольшевистски) пассивны. Некомплект частей Южного фронта — людей 54%, лошадей 84%. В Сумском формируются: дивизия пехоты из 4-х запасных полков и дивизия кавалерии, эти войска называются Сумской группой. Штаб был в Ворожбе. Базисные склады фронтов: Западн. — Бологое, Ржев, Вязьма, 401-я верста Александровской дороги; Восточн.— Арзамас, Моршанск; Южн.— Тамбов, Козлов, Ртищево; Внутр. — Москва, Тула...[1]

№ 5

22—8 н. с. От объединения «Нац. центра», «Союза освобождения» и «Совета общественных деятелей». Действия извне против большевиков разрозненны: один фронт выступает, потом отходит, за ним — второй и т. д. Эти толчки вредны. После каждого — внутри

---

[1] Опущен текст документа № 2. Сведения о состоянии Красной Армии получены Щепкиным от председателя Военного законодательного совета РВСР генерала Н. А. Бабикова через помощника управделами совета С. В. Роменского.

страны взрывы террора и жертвы, а в занимаемых местах — массовые расстрелы и разочарование населения. Предпочтительнее общий удар сразу. Хотя «Центр» изнемогает и вымирает, но готов молча терпеть, если будет знать, что вместо толчков будет накоплена сила и месяца через два последует один общий удар и освобождение. Толчки и отступления создают представление бессилия и морально на руку большевикам. В центре России и Москве может наступить минута, когда начнется массовое избиение всех некоммунистов (пример, Харькова — Киева). Население вынуждено будет взяться за оружие, ибо все равно умирать, и будет сделана попытка свергнуть иго. Это может быть недели через две. На этот случай вам надо подготовить нам помощь и указать нам, где ее найти и куда послать для установления связи. На случай захвата нами радиостанции сообщите все технические данные, необходимые для сношений по радио. Вы можете все это сделать, сохраняя в секрете от нас весь план. Вы нам ничего фактического не сообщали, утешая нас как маленьких обещаниями. Мы изверились. Просим нас поставить в известность о решении о нас Антанты, роль Англии, Польши, Финляндии, немцев и др. Какие состоялись соглашения? В Москве убеждены, что немцы ведут двойную игру, ведут переговоры с большевиками. Здесь постоянно бывают делегации немцев. Москва полна пленных немцев. Сообщите, есть ли уверенность в спасении «Центра» до наступления холодов. Не обманывайте надеждами. Если нет — так и скажите: Москва разбежится, так как жить без топлива и продовольствия нельзя. Передайте Колчаку через Стокгольм: прибыл Москвин[1] с первой партией груза, остальных нет. Без денег работать трудно. Оружие, патроны дороги. Политические группы, кроме большей части меньшевиков и почти всех эсеров, работают в полном соглашении. Считают, что до Учредительного собрания не надо Временного правительства, достаточно Верховного правителя. Часть эсеров с нами. Вообще, эта партия разложения и не пользуется доверием населения. Часть эсеров: Вольский и т. д. отложились от ЦК, работают об руку с большевиками. Левая часть правых эсеров хвастается: послала организовать убийство Колчака, Деникина и еще кого-либо. В ваших депешах давайте только то, за что ручаетесь. Живем в страшной тревоге, начались бои у Деникина, опасаемся его слабости и повторения истории с Колчаком. Боимся верить слухам о разгроме Кронштадта адмиралом Битти и гибели красных под Ямбургом.

Настроение населения Москвы вполне благоприятно: рабочие будут пассивны в борьбе. Крестьянство с деревенскими коммунистами справится само. Дезертиры (зеленая армия) частично смогут быть использованы. Ваш лозунг должен быть: «Долой граж-

---

[1] В. В. Мишин. В книге ошибочно «в Москву».

данскую войну», «Долой коммунистов», «Свободная торговля и частная собственность» — о Советах умалчивайте. В Москву перебрались Чрезвычайки из Петрограда и Киева [1]. Привезены заложники отовсюду. Что с Киевом, точно не знаем. С юга изредка дают вести с опозданием на $1^1/_2$ месяца и тоже только словесные утешения. Посланные Колчака, те совсем молчат. Не знаем, что думать,— мучаемся. В Петрограде наши гнезда разорены, связь потеряна. Пишите и шлите прямо в Москву по адресам, указанным гонцом. Имена и адреса берегите — повсюду шпионы.

№ 6

Начальнику штаба любого отряда прифронтовой полосы. Прошу в самом срочном порядке протелеграфировать это донесение в штаб Верховного разведыв. отделения полк. Хартулари, затем курьера отправить с оригиналом в ставку. Ротмистр Донин [2]. Вследствие срочности и важности курьеру приказано с первого военного телеграфа передать вам донесение. Сообщите пароль. Привет от Мануильского. Первое донесение послано 6 (19) августа через знаком. человека. В конце ошибка: фронтом на юг поворачивается не вторая, а четвертая армия. Несколько дней тому назад состоялось заседание Реввоенсовета, где обсуждались дальнейшие планы наступления на нашем фронте. Бонч-Бруевич предлагал образование стратегического резерва в Брянске, но главком Каменев настоял образование кулака в районе Балашов — Камышин, который должен состоять из второй, десятой, девятой и, возможно, четвертой армий. Группа должна наступать на фронте станицы Урюпинская — Усть-Медведицкая, в расчете вторжением в Донскую область заставить казаков бросить фронт, чтобы на месте защищать свое добро. Царицыну давалось второстепенное значение. Сообщение примите в полную веру: это абсолютно освещено безукоризненно, проверено. Последующее тоже вполне достоверно, но окончательно еще не проверено. Тринадцатая и восьмая армии должны повернуться на запад и по занятии Валуек не двигаться дальше, а выровняться с седьмой дивизией, отступившей от Корочи, и затем давить на фланг и тыл наших в Курско-Богородском районе. По сообщению видите, что давший сообщение — чрезвычайно осведомленный и преданный до героизма. Цитирую буквально его характеристики и соображения. Командует только что упомянутой группой Селивачев, ч. р. [3] о нем информатор говорит: «Роль его не

---

[1] Сведения неверны. Петроградская ЧК не покидала города, а Киевская ЧК и Всеукраинская ЧК оставили столицу Украины лишь 30 августа, когда туда вступили петлюровские войска.

[2] В книге здесь и далее ошибочно написано «Данин».

[3] Так в шифровке Донина и в тексте книги. Вероятно, следует читать «г-л» — генерал.

вполне выяснена. По-видимому, находясь под надзором комиссара, он не может явно вредить операции своими распоряжениями, но делает что может. Сообщают, что благодаря ему у группы нет резервов». От себя прибавляю. У меня есть не вполне проверенные данные, говорящие далеко не в пользу этой личности. Всякие авансы со стороны этого лица следует встречать с большой осторожностью. О другой личности — начальнике штаба Павле Лебедеве информатор говорит: «Есть основание думать, что в душе на нашей стороне, но трусит». У меня об этой личности сведений нет. О настоящем моменте информатор говорит: «Набег Мамонтова [1] произвел большой моральный эффект на московское население. Минута благоприятная. Каждый, стоящий высоко, пойдет охотно на обещание дарования жизни и смягчения участи за действительную услугу. Если имеете в командном составе у красных верных людей, пусть работают, создавая в штабах армий фронтов и главкома настроение в пользу переворота и открытия фронта». Относительно сказанного должен заметить: эффект Тамбова исчез с его оставлением. Москва сплошной неврастеник. На длительность подъема из-за постоянного давления извне рассчитывать нечего. На военных Тамбов произвел угнетающее впечатление. Ставка главкома (еще не проверено) переходит из Москвы в Казань или в Симбирск. По местным условиям трудно предположить возможность переворота. Он произойдет, вероятно, стихийно и неожиданно, но надо думать, что имеющиеся наши (в Москве) в момент переворота вполне справятся со взятием стихии в свои руки. Оттого заинтересованные запрашивают, в каком месте фронта можно будет найти подготовленную и правомочную связь с вами, причем в распоряжении этого представителя Добр. армии должен находиться также излишек первосортной живой силы, который мог бы составить отряд особого назначения. Ответ требуется чрезвычайно срочно. В Реввоенсовете безумная внутренняя борьба. Группа Смилга — Гусев требует удаления Троцкого, который желает уничтожить институт военных комиссаров с передачей власти командному составу. Здесь причины раздора. Момент острый. Ореол Троцкого меркнет, но он вряд ли без боя (буквально) сдастся 8(21) была операция у Кронштадта тремя английскими катерами, потоплен броненосец и крейсер выведен из строя («Андрей Первозванный»). Воздушный флот разрушил электрическую станцию, обслуживавшую форты (Поворо... [неразб.]). Кронштадт как крепость почти не существует. О Кронштадте можно сообщить в печати. Донесение пишу 14(27) августа. Общий материал до следующего донесения. Прибыла «Ли-

[1] Речь идет о рейде белоказачьей конницы под командованием генерала К. К. Мамонтова в тылу советских войск Южного фронта (10 августа — 19 сентября 1919 года). Белоказаки захватили Тамбов, Козлов, Елец, Грязи, Воронеж. К середине сентября конный корпус Мамонтова был разгромлен.

за». Пошлите в мое распоряжение одного или еще лучше двух курьеров. Ротмистр Донин.

Главный резерв сосредоточен в Саратове. Ближайший план — спуститься до Камышина и не доходя до Царицына повернуть весь фронт на запад — до станицы Урюпинская, Усть-Медведицкая с исходным пунктом от Балашова. Причем должны быть созданы угрозы станицам по Хопру, как и по Дону, что заставит казаков этих станиц оставить ряды Деникина и возвратиться в станицы. Углубление к югу намечено минуя Царицын; Бонч-Бруевич настаивал на помещении главного резерва в Брянске, но взяли верх мнения Каменева и, особенно, Гусева.

СОДЕРЖАНИЕ ДЕСЯТИ ФОТОГРАФИЧЕСКИХ СНИМКОВ ТЕКСТОВ СООБЩЕНИЙ С ЮГА РОССИИ, НАЙДЕННЫХ У Н. Н. ЩЕПКИНА

ПИСЬМО Н. И. АСТРОВА

С французами случилось нечто непостижимое. Из наших наиболее преданных друзей они, если судить по поведению их военных представителей на Юге, обратились в явных врагов. Прежде всего, они самым отвратительным и глупым образом повели кампанию против Добровольческой армии в Одессе. Кампания эта кончилась тем, что они выслали из Одессы высших представителей ДА и стали образовывать свою власть по демократическим рецептам; во главе коалиции был поставлен темный проходимец (Андре Ланжерон). Еще до этого они самым постыдным образом сдали большевикам Херсон, Николаев с громадным снаряжением и кораблями, не позволив ДА вывезти имущество, принадлежащее Русскому государству. Учредив в Одессе новую власть, они внезапно объявили, что оставляют Одессу. На погрузку и т. наз. эвакуацию было дано два дня. Можете представить себе, что вышло из всей этой эвакуации. Команды пароходов забастовали и начали повреждать механизм судов. Беглецы сами становились кочегарами, сами выводили суда в море, и все эти массы двинулись на Новороссийск, а те, кто не смел показаться туда, бежал в Константинополь. В Одессе даром, без боя сданы большевикам громадные имущества и груз [1], только что пришедший с Востока на транспорте Шилки. Вот дружеская услуга французов нам.

В это время Крым оказался в трагическом положении [2]. На по-

[1] Одесса была освобождена от французских интервентов и деникинских белогвардейцев советскими войсками 6 апреля 1919 года.

[2] Крым, за исключением Керченского полуострова, был освобожден Красной Армией в апреле 1919 года.

луострове были совершенно незначительные части ДА, которые сосредоточены на Донецком и Донском фронтах. Наседавшие массы красных прорвали заграждения на Перекопе, и южный берег оказался без защиты. В несколько дней все снялось и бежало. Большая часть в Новороссийск, часть в Константинополь (краевое правительство [1] и Ив. Ильич [2] выехали в Константинополь). В Севастополе разыгралось тоже бесчинство, которое имело место в Одессе. Французские солдаты швыряли свои винтовки в море, братались с большевиками, французские офицеры налагали контрибуцию на бегущих буржуев и получили с одного корабля до полмиллиона рублей. Добровольческой армии даны были сутки на вывод кораблей из порта, причем не позволено было взять пищи для другого дня. Вот то невероятное, что случилось на наших глазах. И снова железный занавес опустился и отделил нас от местностей, с которыми мы были недавно и, казалось, прочно связаны.

До сих пор еще нет достаточно полных объяснений этой катастрофы, в которой честь страдала не меньше, чем реальные интересы Франции. Наиболее правдоподобное объяснение всего этого то, что благородная и прекрасная Франция, недавняя победительница в состязании народов, ранена, смертельно больна тем же недугом, от которого упала Россия. Об этом мы давно и неустанно предупреждали наших друзей во Франции, но безуспешно. Нам отвечали, что большевизм это болезнь побежденных. Клемансо [3] требовал кредитов на большие операции в России – в этих кредитах ему было отказано. Наступил кризис. По-видимому, Клемансо все же остался у власти, но направление политики переменилось. А здесь, на местах, по-видимому, имело место сложное сочетание довольно элементарных причин: глупости, невежества, самоуверенности и продажности. Результатом этой катастрофы оказались торжество большевиков, покинутые области и, вероятно, потеря Черного моря, если Англия не обережет его; кроме того, безграничное, неудержимое негодование, переходящее в ненависть к французам, и рост германофильских течений. И среди офицеров растет выражаемое настроение уже полетевшими крылатыми сло-

---

[1] Имеется в виду «Крымское краевое правительство», образованное в ноябре 1918 года в Симферополе. Ключевые посты в нем занимали кадеты. Опиралось на войска французских интервентов, а затем и на Добровольческую армию Деникина. Ставило своей задачей сближение с белогвардейскими «правительствами» в других районах страны во имя «воссоединения единой России» В конце апреля 1919 года при освобождении Красной Армией большей части Крыма «правительство» бежало в Константинополь.

[2] И. И. Петрункевич. Один из основателей и почетный председатель партии кадетов.

[3] Клемансо Жорж (1841—1929) — политический и государственный деятель Франции, лидер партии радикалов. В 1906 1909 и в 1917 1920 годах возглавлял французское правительство. Один из организаторов блокады и вооруженной интервенции против Советской России.

вами: «Вот скоро мы с немцами взлупим союзников». Мы стараемся противопоставить этому ожесточению иную точку зрения, напоминая, что мы же протестовали против обвинения России в предательстве, когда таковое было совершено шайкой бандитов, захвативших власть и разложивших армию.

Благоприятным результатом этой катастрофы нужно отметить яркую перемену в отношениях к нам со стороны Англии. Англичане удвоили энергию по подвозу нам снаряжения и снабжения. Обещают лично принять участие в спасении положения. Обещают силой оружия отбросить подлых грузин, которые напали на ДА, пользуясь тем, что она занята борьбой в других местах, чтобы нанести ей удар в спину. Вот новые извиги вулканического характера. Только что получено подробное известие и письма непосредственно от Колчака. Все сообщаемое им дает хорошую, надежную картину полной близости и совпадения его идей с идеями и планами нашего прекрасного главнокомандующего. Вся обстановка, слагающаяся теперь на юге и востоке, приводит к убеждению, что не так далеко то время, когда обе рати сойдутся вместе в движении к вам. Недавно в заседании особого совещания, когда я ставил вопросы об изменении в планах в связи с событиями на Юге, наш вождь ответил мне: «Не тревожьтесь, буду у вас в Москве чай пить».

Дорогие мои, будьте уверены в нас, как и мы уверены в вашей бодрости духа. Теперь уже не зову вас сюда, ибо здесь непрочно, и я думаю, что мы снимемся, чтобы идти на Севастополь с Колчаком. Раньше этого сделать было нельзя, теперь это, по-видимому, простой и единственный план. Приветствую всех наших друзей и родных и дорогого Н. Мих.[1] со всеми другими пострадавшими за всех нас. Да хранит вас Бог. Все ваши друзья живы и здоровы.
7 апреля 1919 года [2]

[ПИСЬМО Н. И. АСТРОВА. 16 АПРЕЛЯ 1919 ГОДА]

Сегодня, 16 апреля, приехал сюда Главнокомандующий английскими вооруженными силами генерал Мильн. Этот визит имеет большое и благоприятное значение. Это посещение знаменует перелом политики англичан в отношении к ДА. Еще недавно поведение их в Закавказье внушало недоумение и нередко вызывало чувство негодования. Поведение их приближалось в своих проявлениях к тем совершенно недопустимым бесчинствам, которыми ознаменовалось поведение французов в Одессе и Севастополе. Теперь Мильн явился сюда со словами дружбы, с заверением в полном сочувствии ДА и готовности оказать ей всякую помощь. События в Одессе и в Крыму — это местные события, не влияющие на пла-

[1] Речь идет о Н. М. Кишкине (1864—1930), одном из лидеров партии кадетов.
[2] Здесь и ниже Астров приводит даты по старому стилю.

ны союзников, которые будут со всей энергией продолжать борьбу с большевиками. События на Юге России только побуждают их к более решительным действиям. Асквит[1] произнес горячую речь, призывая к энергичной помощи генералу Деникину. По-видимому, энергичная агитация Милюкова в Англии возымела свое действие. От Сазонова имеются сведения, что Одесса оставлена французами вследствие брожения в войсках, что отношение союзников к русским делам не изменилось, что материальная поддержка будет продолжаться и что Тома [2] в кабинет не вступал. Несколько раньше сообщалось из Парижа, что судьба мира находится в руках Совета четырех [3] — Вильсон, Л. Джордж, Клемансо и Орландо. Представители Италии заняты исключительно делами Италии. Французское общественное мнение начинает негодовать по поводу того, что работа мирной конференции затягивается и не приводит к результатам, что правительство не умеет занять достойного положения, на которое Франция имеет все права. В Англии — нарекания на правительство; Л. Джордж поглощен внутренней политикой. Популярность Вильсона падает и сменяется враждебным отношением. Вильсону и Л. Джорджу ставят в вину неуспех конференции.

Итак, идея Союза народов [4] оказывается лучше в отвлеченных схемах, чем в воплощении. Англичане передают, что французский флот и армия заболели, а в Англии заболевание началось на железных дорогах и на рудниках. Спешно создаются добровольческие части для предстоящей борьбы и для поддержания порядка. Бросившие нас продажники-французы, чтобы оправдать свой гнусный поступок, цинично говорят: «Нам нужно беречь своих производителей. У вас люди сидят в кофейнях вместо того, чтобы сражаться, у вас нет патриотизма и искусства управления вы лишены, а мы можем и с большевиками договориться». Это — слова ультиматума, который дал ДА 24 часа на вывод судов из Севастополя.

---

[1] Асквит Герберт Генри (1852—1928) — английский политический и государственный деятель, один из лидеров партии либералов. В 1908—1916 годах — премьер-министр Великобритании. Проводил политику подавления освободительного и революционного движения, поддерживал английскую интервенцию в Советской России, призывал оказывать помощь белогвардейским «правительствам».

[2] Тома Альбер (1878—1932) — французский политический деятель, один из лидеров правых социалистов. В 1919—1932 годах возглавлял Международное бюро труда при Лиге Наций.

[3] Совет четырех — высший орган Парижской мирной конференции 1919—1920 годов. Действовал с марта по июнь 1919 года (до этого был Совет десяти, после — Совет пяти). В Совет четырех входили президент США Вильсон, премьер-министр Великобритании Ллойд Джордж, премьер-министр Франции Клемансо и премьер-министр Италии Орландо.

[4] Речь идет об образовании Лиги Наций, международной организации, ставившей своей целью, как говорилось в ее уставе, развитие сотрудничества между народами и гарантий мира и безопасности. Существовала с 1919 по 1946 год.

Наше положение на Юге становилось очень сложным. Опять наседают с разных сторон тучи врагов, надвигаются за углем, нефтью и кубанским хлебом. Мы не впадаем в разные панические настроения, но в то же время достаточно ясно видим и понимаем положение дел. Верим беззаветно нашему вождю. Усовершенствования далеко несовершенного гражданского аппарата, конечно, теперь отходят на второй план.

Родные мои, хочу надеяться, что вы не оставляете без поддержки О. Г. Хочу надеяться, что мои письма сообщаете ей и всем моим. Скажите моим, что Володя молодец, доблестно исполняет свой долг. Сейчас он в Грозном. Скажите им всем, что моя прошлая жизнь вся перед моими глазами, вся как есть, всю ее несу в своем сердце и сознании, верую в новую жизнь и иду к ней. Да хранит вас Бог.

Н. А[стров][1]

ПИСЬМО В. А. СТЕПАНОВА

Дорогие друзья! Наш курьер задерживался днями и неделями ввиду непрерывно менявшейся обстановки. Мы не хотели посылать вам сообщений в то время, когда знали, что завтра же должно произойти то, что в корне изменит всю обстановку. Теперь положение более или менее изменилось. Мы решили не задерживать больше курьера и отправляем его вам. Большая часть посылаемого материала устарела, но мы сознательно не заменяем его новым, а ограничиваемся дополнительными сведениями. Старый материал осветит вам не только картину того, что было, но и то, как это бывшее воспринималось нами.

Письмо Николая Ивановича[2] в достаточной мере дополняет посылаемое вам сообщение «Азбуки» (Слово)[3], но и оно уже несколько устарело. Буквально каждый день приносит новые данные и новые факты, освещающие положение.

Взаимоотношения с французами можно считать окончательно определившимися. Правительство Франции по-прежнему стоит на точке зрения необходимости борьбы с большевиками и по-прежнему для него единая и сильная Россия — реальная необходимость. Кабинет Клемансо не думал падать. Никаких изменений в

[1] В тексте книги «П. Долгоруков». Восстановлено по дешифровке.
[2] Н. И. Астрова.
[3] «Азбука» (Слово) — белогвардейская агентурно-осведомительная организация, возглавляемая монархистом В. В. Шульгиным. Образована в ноябре 1917 года на Украине. Осуществляла сбор политической и военной информации, вербовку офицеров в армию Деникина, вела пропаганду идеи «белого движения». «Азбука» принимала активное участие в организации вооруженных мятежей против Советской власти.

составе кабинета не произошло и не происходило. Все это досужие и, быть может, намеренные измышления одесских врачей и политиканов. Палата отпустила кредиты на содержание «Русской экспедиции»[1], и французские войска (черные) продолжают пребывать в России. По крайней мере продолжали пребывать тогда, когда эвакуировалась и продавалась большевикам Одесса и сдавался Крым. Но не в этом объяснение того одесского и крымского кошмара, который разыгрался на наших глазах и продолжает разыгрываться к позору Франции и к искреннему горю ее русских друзей.

Во-первых, французские войска определенно не желают больше воевать. Трудно сказать, в какой степени в том полном разложении французских частей, вступивших в Россию, которое проявилось в одинаковой мере как в Одессе, так и в Крыму, действительно повинна большевистская зараза. Действительно ли все эти французские солдаты и матросы стали большевиками и прониклись идеями ленинского коммунизма, или же их манифестации с красными флагами, возгласы «Вив ле большевик»[1], бросание оружия в воду, братание с красными, отказ от отправки на фронт и т. п. имеют единственной целью добиться возвращения на родину, вернувшись куда они станут опять добрыми французскими скопидомами, какими всегда были.

Так или иначе, всякая активная помощь Франции живой силой разбивается о то состояние французских войск, которое есть или кажется большевизмом и которое, во всяком случае, есть разложение и деморализация.

Во-вторых, настроение представителей французского командования и французских властей вообще. Вот тут что-то совершенно непонятное и необъяснимое. С одной стороны, какая-то удивительная смесь наглости, самомнения и поразительного невежества, а с другой – определенно недоброжелательное, даже враждебное отношение к России, ко всему русскому. Вот вам факты.

Перед отъездом из Крыма В. Д. Набоков[2] имел разговор с французским адмиралом Аметом. Амет держал себя с В. Д. так вызывающе грубо, так третировал и В. Д. и Россию, так нагло издевался надо всем, что для нас дорого и свято, что В. Д., передавая друзьям свою беседу с этим животным, сказал, что он близок

---

[1] «Русская экспедиция» — французские экспедиционные силы. Так официально называлась военная интервенция Франции в Советскую Россию в 1918—1919 годах.

[2] Vive le bolchevik (франц.) — да здравствует большевик!

[3] Набоков В. Д. (1869—1922) — один из организаторов и лидеров партии кадетов. В ноябре 1918 — апреле 1919 года — министр юстиции в «Крымском краевом правительстве». Эмигрировал в Германию.

был к тому, чтобы выйдя из каюты адмирала, броситься в воду. Когда В. Д-чу в разгар адмиральских рацей [1] о русском предательстве удалось вставить и замечание о том, что жертвами в Восточной Пруссии Россия помогла Жоффру спасти Париж [2], Амет резко его перебил словами: «Вы принялись за сочинение легенд».

Французы захватывают русские пароходы, поднимают на них свои флаги и распоряжаются русским имуществом с развязностью, о которой не снилось и немцам.

Случайно зашедшему в Севастополь русскому судну (в то время, когда французы уже удалили из Севастополя русские добровольческие части) французы приказали спустить русский флаг.

На одном транспорте (русском, но захваченном французами, и с французской вооруженной командой), отправленном самими французами из Севастополя в Новороссийск с русскими беженцами, среди сотен пассажиров оказалось две или три французских семьи, которые желали ехать не в Новороссийск, а в Константинополь. Этого было достаточно, чтобы, не обращая внимания ни на какие протесты, транспорт повернул в Константинополь. Транспорты с русскими беженцами, направленные в Константинополь, в Константинополе задерживаются днями. Французы не разрешают русским сходить на берег и не дают на транспорты провианта. Голод на нескольких пароходах был устранен только благодаря вмешательству англичан. В Константинополь русских не пускают, а сняв с транспорта своих, французы направляют эти транспорты дальше — в Грецию и в Малую Азию.

В числе других оказались в Греции против своей воли И. И. Петрункевич с женой, семья В. Д. Набокова, Е. А. Родичева, А. С. Милюкова и другие, имевшие несчастье быть русскими, попавшими во власть французов. Вы легко дадите себе отчет в той ненависти к французам, которая со стихийной силой распространяется среди русских. Не было примера, не было случая, когда бы грубость, наглость, враждебность французов к русским не проявлялась всякий раз, когда по тому или иному поводу французы приходили в соприкосновение с русскими.

В-третьих. Мы не имеем вполне точных и исчерпывающих сведений о настроениях самой Франции, но, суммируя все то, что

---

[1] Рацея (лат.) — длинное скучное наставление, рассуждение.

[2] В августе 1914 года германские войска, разгромив армию Бельгии, вторглись в северные департаменты Франции и стали стремительно продвигаться к Парижу. Французское правительство потребовало от России ускорить наступательные операции в Восточной Пруссии, хотя подготовка к ним не была еще закончена. Русские войска перешли в наступление, вследствие чего германское командование оказалось вынужденным перебросить часть сил на Восточный фронт. Это позволило остановить продвижение немецких войск во Франции.

Жоффр Жозеф Жак (1852—1931) — главнокомандующий французской армией в первую мировую войну.

доходит и официальным, и частным путем, приходится констатировать, что положение французского правительства труднее. Если не большевизм в русском стиле, то нечто от большевизма и во Франции возможно. Все это, вместе взятое, увы, ставит вопрос об активной помощи со стороны Франции под большое сомнение.

В отношениях с Англией наступил крутой перелом. В политике Англии произошло что-то, что дает повод думать, что Англия решила использовать ошибки французов и заменить Францию в своих отношениях к России. Англичане уже и раньше поставили себя так, что наше отношение с ними не окрашивалось оттенком враждебности. Теперь эти отношения, видимо, становятся прямо дружественными. Та деловитая сдержанность, тот характер корректной, но холодной, эгоистической расчетности, какой имела еще недавно политика англичан в отношении к России, характеристику которой вы могли найти в информации «Азбуки» (сообщение Слова), теперь сменились политикой определенной и дружественной помощи России в лице Добровольческой армии. Не говоря о регулярном и все растущем поступлении [1] от англичан всякого рода снабжения (вооружения, интендантского, инженерного и медицинского имущества и т. д.), англичане пользуются всяким случаем, чтобы подчеркнуть свое дружеское к нам отношение, это проявляется решительно во всем. И в крупном, и в мелочах. Английский главнокомандующий генерал Мильн первый приехал в Екатеринодар и сделал визит генералу Деникину. Помимо того морального впечатления, какое произвел этот шаг генерала Мильна, особенно после тех досадных и оскорбительных недоразумений, какие были с так и несостоявшимся свиданием с генералом Франше Д'Эспере [2], свидание генерала Деникина с ген. Мильном дало и большие политические результаты. Обо всем договорились, все выяснили.

Во всех недоразумениях с французами англичане демонстративно оказывают поддержку русским. Только благодаря англичанам и их помощи удалось получить хоть те результаты эвакуации Одессы и Крыма, какие получились; можно рассчитывать, что Черное море не попадет во власть большевиков исключительно благодаря англичанам. Французы все сделали (вольно и невольно), чтобы власть эту за большевиками обеспечить.

Положение на нашем фронте остается трудным. Большевики направляют сюда свои главные усилия. Тем не менее оснований для тревоги и пессимизма нет решительно никаких. Мы слишком хорошо привыкли к тому, что долгие промежутки на фронте, пе-

---

[1] В тексте книги «отступлении».

[2] Франше Д'Эспере Луи Феликс Мари Франсуа — генерал, главнокомандующий войсками Антанты в Юго-Восточной Европе, а с конца 1918 года — командующий французскими экспедиционными силами на Юге России.

ремешивающиеся с частными удачами и неудачами, в конце концов сменяются быстрым, коротким ударом Добровольческой армии, вслед за которым начинается общий развал большевистского фронта. Так было на Северном Кавказе, так будет и на Донецком фронте.

Большой для нас неожиданностью было оставление Перекопа. Главная причина этого в том внутреннем положении Крыма, которое для небольшой, но вполне достаточной для обороны перешейка части Добровольческой армии создавало угрозу оказаться стиснутой и с фронта и с тыла. С фронта — наступающими большевиками с Совдепии, с тыла — большевиками, задержанными попустительством Крымского правительства и какой-то бессознательной провокацией французов. Наши части оставили Перекоп, отошли к Керчи. Весь Крым, за исключением Керчи и Керченского полуострова, занят кожаными.

Связь с адмиралом Колчаком становится прочнее и прочнее. Генерал Деникин и адмирал Колчак недавно обменялись письмами. Любопытно отметить, что эти два письма, почти тождественные по содержанию и настроению, разошлись в пути, так что ни одно из них не было ответом на другое.

Оба, и ген. Деникин, и адм. Колчак, все свои усилия направят на то, чтобы поскорее сомкнуть фронт, чтобы создать единую армию, единое командование, единое правительство единой России. Все личное, частное у обоих отходит на задний план. Оба выражают уверенность, что соглашение их последует тотчас же, как только они встретятся, и оба заранее готовы подчиниться друг другу.

В том, что соглашение действительно последует, что мы действительно получим единое командование и единую временную верховную власть, сомнений, конечно, никаких нет и быть не может. Пока же этого соединения не произошло, Восток и Юг идут с разных сторон к единой цели и каждый делает, что может.

Москва — вот тот маяк, который одинаково ярко светит и на Восток и на Юг, и в лучах этого маяка сливаются наши помыслы и усилия.

Христос Воскресе. Пожелаем друг другу побольше бодрости и сил и побольше веры и в себя и в Россию.

Всей душой ваш *В. Степанов*

[ЗАПИСКА П. Д. ДОЛГОРУКОВА]

Кн. Павел Дмитриевич Д[олгоруков] просит передать Е. В. Юрьевой, Моховая, четырнадцать:

1) Постарайтесь прислать моего белья, простыни, платки, мягкие рубашки (ночные), наволочки, две пары ботинок, летнюю фуражку.

[Крашевскому:] На случай ликвидации режима в доме, имениях иметь на местах лиц для приемки и сохранения имущества.

Известие о друзьях и заключенных. Сердечный привет всем.

Здесь я, Ник. Иван., Соф. Влад., Вас. Алек., Пав. Иван., Фед. Ив., Мих. Мих. Салазкин, Соколов. Дела много. В марте в Ялте был съезд ЦК (одиннадцать чел.). Объединились организационной и тактической резолюциями. Волков командирован в Сибирь. Иван Ил.[1] и крымские товарищи бежали в Константинополь. Здоров. Самочувствие хорошее. Брат в Сочи. Будьте бодры. Сердечный привет. Надейтесь на лето. До свидания. *П. Долгоруков.*

19 апреля (2 мая) 1919 года

ПОЛОЖЕНИЕ НА ФРОНТЕ И В ТЫЛУ

Общее положение. Тяжелое впечатление, произведенное на всех наступающих с армией Деникина отходом французов, очень быстро сгладилось под влиянием дружественных шагов Англии, и, если стратегически потеря Одессы и Севастополя тяжела, обстоятельство это уже не отражается на нашем настроении, и все здесь бодро смотрят в будущее.

Флот. Безопасность Черного моря энергично ограждается англичанами, блокирующими Одессу. Большевики в море не показываются. В Новороссийске стоят суда ДА.

Крым. ДА удерживает Керченский полуостров при помощи англичан, которые беспрерывно с флота бомбардируют узкую часть полуострова.

Донской и Донецкий фронты проходят по линии Мариуполь Юзовка Луганск Каменская и загибается с востока к Великокняжеской. В большевистском тылу в Донской области серьезное восстание казаков. Ожесточение обеих сторон невероятное.

Северо-Кавказский и Царицынский фронты. В середине апреля II армия большевиков нажала с востока и заняла станцию Торговую. С 20 апреля ДА ведет наступление по всему фронту с перерывом чуть ли не до Каспия. Захватила много пленных, трофеев и вышла в тыл большевикам со стороны Царицына. Операция не закончена. Англичане блокируют Астрахань.

Южно-Кавказский фронт. Грузины несколько раз в тяжелые минуты нападали на ДА на побережье, организуя иногда банды из большевиков, но обычно терпели поражение. Теперь англичане, по-видимому, решили покончить с Грузией и оккупировать Закавказье. Граница с Грузией севернее Гагр.

---

[1] Лица, названные П. И. Долгоруковым,— видные деятели кадетской партии Н. И. Астров, С. В. Панова, В. А. Степанов, П. И. Новгородцев, Ф. И. Родичев, М. М. Салазкин, К. Н. Соколов, Н. К. Волков, И. И. Петрункевич.

Красная Армия. Нам известно разложение Красной Армии, и имеем ряд свидетельств от перебежчиков. Но все же резервы у них велики, и митингующих часто они заменяют новыми. Бои ведутся всегда с численным превосходством противника и все же нередко бывают для нас удачны при отношении 1 к 30. Сделано очень много для пропаганды среди красных.

Помощь союзников. Англичане осуществляют свою помощь методично и беспрерывно. Пока ими доставлено все на армию в три тысячи человек. Все превосходного качества, все солидно, всего много. Завалены медикаментами. Есть гидропланы, дирижабли, бронированные аэропланы с летчиками англичанами. Понемногу армия переодевается в английскую форму; ожидаем дальнейшие транспорты.

Условия жизни общие. Скученность чрезвычайная, но все же живем сносно. Свирепствовал сыпной тиф, теперь значительно уменьшился. Дороговизна средняя. Хлеба на Кубани много, урожай превосходный. Не верьте никаким слухам о забастовках и проч. В Екатеринодаре все спокойно. Все ваши друзья живы и здоровы, не имеем сведений только от.. Крымское правительство и 398, 45, 42, 52, 46, 53, 15........... успели выехать за границу, Степанов выехал с поручением в славянские земли. С Колчаком налаживается сообщение, к нему выехали месяц тому назад [Набоков и Ратьков-Рожнов, Романовский и Безобразов. Просят сообщить в контору Садовая, 21, что они здесь и здоровы. Первые уехали в Уральск. Герасимов с семьей здесь; просит сообщить сестре, что все здоровы] [1].

ДЕКЛАРАЦИЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

ОФИЦИАЛЬНОЕ СООБЩЕНИЕ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ОСОБОГО СОВЕЩАНИЯ ПРИ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМ ВООРУЖЕННЫМИ СИЛАМИ НА ЮГЕ РОССИИ

10 (23) апреля главное командование на Юге России обратилось к правительствам союзных держав через их официальных представителей со следующей декларацией:

«Прошу Вас довести до сведения Вашего правительства о том, какие цели преследует командование вооруженными силами Юга России в вооруженной борьбе с Советской властью и в государственном строительстве:

1) Уничтожение большевистской анархии и водворение в стране правового порядка.

2) Восстановление могущественной единой и неделимой России.

---

[1] Текст восстановлен по дешифровке письма.

3) Созыв Народного собрания на основах всеобщего избирательного права.

4) Проведение децентрализации власти путем установления областной автономии и широкого местного самоуправления.

5) Гарантии полной гражданской свободы и свободы вероисповеданий.

6) Немедленный приступ к земельной реформе для устранения земельной нужды трудящегося населения.

7) Немедленное проведение рабочего законодательства, обеспечивающего трудящиеся классы от эксплуатации их государством и капиталом.

Главнокомандующий вооруженными силами на Юге России генерал-лейтенант *Деникин*

Председатель особого совещания генерал от кавалерии *Драгомиров*

Члены особого совещания: *Астров, Безобразов, Герасимов, Лебедев, Лукомский, Маслов, Нератов, Никифоров, Романовский, Степанов, Цакони, Чебышев, Челищев, Шипов, Шуберский, Энгельнэ, Федоров*

г. Екатеринодар, 10 (23) апреля 1919 года».

[ЗАЯВЛЕНИЕ «НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА» ДЛЯ ЗАПАДНОЙ ПЕЧАТИ]

Тягостные события на Юге России, приведшие к падению Одессы и Крыма, подвергли суровому испытанию франко-русскую дружбу. Неожиданное решение французского командования об уходе из России, стремительная эвакуация южных портов, отказ в помощи в момент последней борьбы с большевиками все это не могло не породить тяжелых сомнений. Русские патриоты и Добровольческая армия, вступившие в непримиримую борьбу с большевиками, когда эти последние прекратили войну с Германией, увидели себя оставленными со стороны своих давнишних друзей, с которыми, казалось, навсегда их связали бесконечные жертвы минувшей войны. Неудивительно, если на Юге России широко распространяется чувство сильного раздражения и горькой обиды в отношении к Франции. Было что-то непонятное или необъяснимое в той стремительности, с которой французы покидали Россию, но еще более непонятным и необъяснимым было недружелюбное, пренебрежительное отношение к тем десяткам ты-

сяч русских, которые вынуждены были оставить родные места и пользоваться при эвакуации помощью французов. Среди этих невольных беженцев были люди разных категорий: были спекулянты и богачи, бежавшие со своими капиталами в более безопасное место, но были и офицеры, невольно попавшие в общий поток и стремившиеся в Екатеринодар проливать свою кровь за честь и достоинство России; были здоровые и молодые люди, уклонившиеся от воинской повинности, но были ни в чем не повинные женщины и дети; и ко всем ним отношение было одинаково безучастное, холодное и нередко вызывающее. Как бы для того, чтобы объяснить такое отношение к русским, в некоторых сообщениях, исходящих от местных представителей Франции, указывалось, что сами русские виноваты в оставлении Одессы, что добровольцы не хотели сражаться, а власти не сумели обеспечить население продовольствием. Официальные данные, не подлежащие сомнению, опровергают это обвинение. С не оставляющей сомнения очевидностью они обнаруживают вину на стороне тех французских генералов, которые, вместо того чтобы поддерживать Добровольческую армию в Одессе, всячески препятствовали ее формированию и снабжению, а затем сместили ее высших начальников и решили взять всю ответственность за судьбу Одессы на себя. Когда они приняли это решение, казалось, что положение Одессы обеспечено. Но не прошло и двух недель, как обнаружилось, что решение это было неокончательным и Одесса была сдана большевикам .... всем мучениям эвакуации, казалось, будто бы вызывающее поведение французов скрывает за собою мысль, что России более нет, что с нею нечего более считаться, что она никогда более не понадобится Франции. И когда русские приходили к этому сознанию, их раздражение против французов достигало высшего предела: они начинали упрекать Францию в измене и предательстве, в отступлении от всех основ старых дружеских отношений.

Надо прямо и открыто высказать все это для того, чтобы установить правильный взгляд по этому вопросу. Надо понять всю ту острую горечь, которая накопилась у русских после трехмесячного пребывания французов на Юге России, чтобы объяснить, почему сейчас опять начинают говорить о новой группировке держав и о возможности немецкой ориентации.

Нельзя не признать, что франко-русской дружбе нанесен серьезный удар, но было бы чрезвычайно ошибочно и опасно считать этот удар непоправимым. Не будем упускать из виду, что оставляя Одессу и Крым, Франция причинила ущерб не только России, но и себе, своему влиянию и престижу на востоке Европы. Она действовала в данном случае не только против русских, но и против своих собственных интересов. Это значило, что она была не в силах действовать иначе.

Тягостны впечатления и чувства, оставшиеся от крушения надежды на французскую военную и финансовую помощь. Но не следует забывать, что если Франция по своим внутренним условиям оказалась бессильной помочь России живой силой и средствами, то ее моральное и политическое содействие неоценимы и неизменны. Здесь, на Юге России, Франция не могла нам помочь, но там, в Европе, она по-прежнему стоит как верный друг и защитник России. Если власть большевиков невозможна в Европе, этим мы немало обязаны Франции. Если идея иной и великой России не умерла для Европы, Франция имеет в этом отношении свою огромную заслугу наряду с Англией, деятельной и неослабевающей помощи которой Россия так бесконечно обязана в борьбе с (раздирающей) ее внутренней смутой. По мере того как во Франции утверждается убеждение, что из войны Германия вышла ослабленной, но не обессиленной, по мере того как обнаруживается, что Германия быстро крепнет и организуется, для Франции становится все более очевидным, что ей нужна крепкая и единая Россия .... прежнее убеждение, что интересы Франции и России ни в чем не расходятся и что по-прежнему они должны держаться вместе. Дружба и вражда государств определяются не случайными и преходящими впечатлениями и чувствами, а глубоко проникающими в народную (Массу) процессами и причинами, и нет никаких оснований говорить, чтобы (эти) причины и процессы приводили в настоящее время к расхождению двух великих народов, связанных узами многолетней дружбы. (Можно) сказать даже более: если бы вышло так, что под влиянием тех или иных колебаний своей политики Франция отошла от России — чего до сих пор мы не видим,— то и это ничего не предрешало бы относительно будущего. Ведь и Россия, поскольку она оказалась в руках большевиков, пошла против Франции, и никто из государственных деятелей Франции не принял этого за предательство и измену. Никто из них не смешивал воедино темную народную массу, руководимую фанатиками и демагогами и немецкими агентами, и русских патриотов, продолжающих в меру своих сил при самых неблагоприятных условиях борьбу с Германией и с большевиками. Уход русской армии с фронта был несчастием и горем России, стихийным бедствием, против которого был бессилен разум сознательных общественных кругов. Но таким же несчастием и горем Франции было бы резкое изменение ее политики, если бы она повернулась против России. Однако это не могло бы длиться долго, как не может длиться изменническое господство в России большевиков.

Что же касается распространения у нас германской ориентации, то не следует забывать, что чем меньше Германия будет встречать в Европе поддержки своим былым агрессивным замыс-

лам, тем скорее она войдет в общий союз народов и восстановит со всеми дружественные отношения. Это даст ей возможность мирным путем исправить свои утраты, облегчить свои тягости и осуществить свои справедливые притязания.

Высказывая твердые убеждения в неизменности основ старой франко-русской дружбы, всероссийский «Национальный центр» питает уверенность, что заявления и действия французского правительства с не оставляющей сомнения ясностью подтвердят непреклонное решение Франции всеми доступными ей средствами поддерживать интересы Единой и Великой России в полном соглашении с традиционными основами франко-русского союза и политики держав Согласия.

Этот текст заявления НЦ по вопросам международной политики предназначен для печати и отправки за границу.

[ПИСЬМО Н. И. АСТРОВА. 1(14) МАЯ 1919 ГОДА]

Дорогие друзья!

Материал для отправки вам, долго задержавшийся здесь, был совершенно готов, как пришло длинное письмо дяди Коки *, замечательно интересное и с чрезвычайно ценными сведениями, которые уже использованы. Все сразу захотели отвечать дяде, и, если бы дожидаться всех этих ответов, посланный никогда бы не отправился. Оставляя поэтому дальнейшие разъяснения до следующего посланного, пока ограничиваемся самым необходимым.

Ваше письмо кончается просьбой поскорее сообщить об единстве и соглашении по примеру вашего, состоявшего 1 (14) марта. Вместе с тем вы укоряете нас, что до сих пор мы этого не сделали. Таким образом, прежде всего нам надо оправдаться.

Дата вашего соглашения 1 (14) марта показывает, что и вы пришли к единству не сразу. У нас положение дела гораздо труднее. Вы оставались в области предложений и требований, мы же попали в сферу непосредственного действия. Вы стояли вдали от вновь образующейся национальной власти, мы же были вблизи одного из центров ее образования, и когда от нас требовали, чтобы мы признали необходимость поставить над Деникиным директорию, и ставили это как conditio sine qua non[1] соглашения, то какое же могло быть тут единство? С другой стороны, и правые партии обнаружили такое колебание и в Киеве, и в Одессе, что и с нашей стороны были естественны колебания к сближению с ними. Теперь положение резко изменилось. Победы Колчака, за которыми последовали победы Деникина, и у правых, и у левых неизбежно должны отнять охоту судить победителей и вносить в существую-

---

* Дядя Кока — кличка Н. Н. Щепкина.

[1] Непременное (обязательное) условие (лат.).

щую форму власти какие-либо изменения. Таким образом, самый главный пункт разногласий отпадает и открывается почва для новых переговоров. По крайней мере, у нас об этом поставлен вопрос некоторыми из сочленов. Ваше соглашение считаем очень удачным и важным.

Второй ваш упрек относится к тому, чтобы мы как можно меньше занимались законодательством, ограничив себя рамками военно-походного управления. Поскольку речь шла бы о походе, о быстром продвижении вперед, вы были бы правы. Но когда мы засели здесь на ряд долгих месяцев с августа по сей день, когда впервые у нас рождается надежда вырваться отсюда на Север, невозможно было обойтись без более прочных норм. Пришлось проявлять здесь верховную власть и верховное управление, создавать законы, хотя бы самые необходимые. Допустим, что в некоторых случаях могли быть излишества, но это было бы так неизбежно, раз машина стала работать. Теперь, когда все мысли устремлены на Север, и в этом отношении будет желательное для вас улучшение.

Мы не притязаем на то, чтобы принести (свет) для всей России и отсюда устроить все необъятное море русских нужд и отношений. Но мы имеем свой опыт, свою область, хотя пока и небольшую, и станете ли вы возражать против нашего желания внести в общую сокровищницу свои усилия, свои итоги?! Отлично понимаем, что эти итоги не окончательные, но они созрели за год работы не только обдумывания, но и действия. Не отвергайте их заранее.

Глубоко скорбим и тяжело переживаем ваше бедственное физическое положение. Сердце замирает, когда читаем ваши письма о голоде, холоде и болезнях в Москве и на Севере. Но счастливы видеть вас бодрыми и твердо верующими в спасение. Твердо верим и мы, многие из нас глубоко убеждены, что не пройдет и три-четыре месяца, как Россия снова станет одной из самых могущественных стран Европы. Но еще ранее жаждем быть у вас в нашей бесконечно милой Москве и быть не чуждыми и непонятными вам, а по-прежнему близкими и родными.

Что касается денег, то здесь дело обстоит не так просто, как вы думаете. Иностранные источники сейчас закрыты, с валютой так трудно, как нельзя себе представить. Остается только один источник средств — кредитные рубли. Но тут новое затруднение — в каких денежных знаках вам посылать? Все это обдумаем, исследуем почву и немедленно сообщим.

Поклонники старомосковского дипломата целуют неизменно юного дядю Коку. Друзья все вместе.

Просим уведомить, не отразился ли недостаток средств НЦ на тех ежемесячных выдачах, о которых мы просили и просим с этим

посланным. В случае недостатка убедительно просим принять самые энергичные меры к снабжению указанных лиц путем средств, заимообразно полученных. Очень надеемся на дядю Коку и чрезвычайно беспокоимся, что армии могут остаться без средств или что в получении их выйдет задержка. Облегчите нашу тоску сообщением неизменности ваших дружественных забот.

[ПИСЬМО Н. И. АСТРОВА. 24 АПРЕЛЯ 1919 ГОДА]

Дорогие друзья и дорогой дядя Кока. Сегодня, 24 апреля с. г., нам доставили ваше большое послание от 8 (21) марта. Пришлось задержать нашего курьера, который был уже на отлете, чтобы дать теперь же ответ на ваши вопросы и указания. К сожалению, текст ваш дошел к нам в значительной части испорченным, и при воспроизведении его многие места остались неразобранными.

Страшная картина, которую вы даете, и потрясает за вас, и радует за общее дело. Очевидно, процесс идет к концу. Болезнь изживается. Организм изранен, истерзан, но не убит. Наше командование, ознакомившись с сообщенными вами известиями, оценивает их очень благоприятно. Они раньше нас прочитали ваши известия и весьма ими довольны.

Прежде чем ответить на ту часть письма, в которой говорится о достигнутом у вас соглашении и ответить на вопросы, (достаточны ли формы) здесь необходимого объединения, позвольте сообщить вам два новых и чрезвычайно радостных факта: армия Деникина от обороны перешла в наступление и движения ее сильны и победоносны. После разгрома двух, на Северном Кавказе, пришлось «отгрызаться» от наседáвших на нее со всех сторон полчищ, безмерно превосходных по силам. За это время армии Деникина приоделись .... благодаря помощи англичан, и теперь (созревает) обширный план. Это новый план взамен того, который (брошен) с тех пор, как обещания союзников провалились и от расчетов на их участие, хотя бы только в виде обеспечения тыла, пришлось отказаться. Новый план начинается полным успехом. 8-я и 13-я армии красных .... остальные митингуют, разлагаются, бегут, сдаются, растворяются, (а в тылу) у них разрастаются восстания казаков. Чувствуется, что вы пришли в движение, настроение поднялось, люди стали выше ростом, голоса стали громче. Можно верить, что это движение, начавшись, уже не остановится. Недавно сообщено было, что путь на Николаев открыт. Цель движения – соединение с Деникиным; соединение это будет не случайным, а результатом согласованных действий, результатом уже состоявшегося объединения действий. Сочетание с ним должно принести спасение России и наметить ту равнодействующую линию, которая и должна определить характер той власти, которая временно будет управлять страной и пролагать

начала права, порядка и свободы. Эта власть сложится на основании реальных фактов, которые будут результатом действующих ныне сил. На улучшение качества этих действующих сил и должно быть направлено в настоящее время все внимание и все усилия. Это мы посильно и делаем здесь, сознавая, что армия Деникина является при настоящих условиях лишь одним из слагаемых, только участником в большом общем процессе. В этом для нас большое утешение.

Итак, переход в наступление — это первое радостное известие, которое мы вам посылаем отсюда. (Второе — это) свидетельство о том, что среди крушения идеи старого разврата, который внесла война, благородная Англия сохранила высокую человеческую культуру. В посылаемых вам материалах вы еще найдете наше смущение по поводу недавнего поведения англичан в Закавказье, поведения непонятного, так не похожего на джентльменов. Мы протестовали. А с падением французов, с обнаружением того, что у присланных сюда французов животные инстинкты и злоба одержали верх над доблестью и благородством, англичане резко изменили свою политику в отношении к нам и дали образец высокой культуры и человечности; их помощь армии Деникина, их заботливость о русских беженцах, которых французы держали как скотов, умиляют и вызывают чувство глубокой признательности; это действительная помощь в трудную пору, какова будет плата за эту помощь, (пока) это не смущает. Платить нам придется всему миру, думаю, что охотнее русский народ будет (платить) за услугу друзьям, нежели тем, кто обманул его и .... оскорбил именно, как поступили французские «колониальные» генералы с нами и как поступают французские социалисты, защиты которых поехали искать наши неудачливые политиканы из Одессы. Недалеко то время, когда причины позорного оставления французами Одессы и ранее Николаева и Херсона с несметными запасами нашего военного добра, которое они не дали нам взять, будут обнаружены. У нас есть достаточное количество данных, чтобы не без основания предполагать здесь сознательное предательство подкупленного германцами (злоба) колониального полковника Франше Д'Эспере. Говорят, что французы (конечно, одесские) оставили ее по распоряжению немцев.

Ну, это уже перевернутая страница. Давайте читать и понимать ту, которая еще перед глазами.

Итак, состоялось наконец у нас то «объединение справа налево, то правильное и (смелое) взаимодействие для разрешения ближайших тактических задач, без которого нет надежды на возрождение государства». (Россия)........ здесь признать ту власть, которая....... была способна обладать и необходимой мощью и непреклонной решимостью освободить Россию от большевиков и восста-

новить государственное единство. Говорят, один крупный большевик после объявления ему приговора сказал: «Дело наше проиграно, мы погибаем, но и вам ничего не удастся сделать, так как вы все передеретесь между собой при создании (власти)». Это знаменательные слова; их мы должны помнить.

На ваш вопрос я отвечу так. Теперь, когда мы видим, что сила растет и могучим потоком вливается в хаос жизни, когда видим могучие шаги Колчака, а Деникин идет на соединение с ним, теперь эти психологические процессы становятся более общими и объединяющими, чем это было в гнусный период подлой болтовни и тупого политиканства в Одессе. Именно теперь, когда эту праздно болтавшуюся и позорно бездействующую в Одессе компанию вышибли и наиболее зловредные и тупые элементы ее бросились жаловаться своим политическим компатриотам в Париж (интересно, что в Париж свободно пропускают только социалистов), другие же, близкие к постоянной и полной политической неврастении, приехали сюда.

Мы их встретили вполне дружественно, (и первым) нашим словом было указание на необходимость установления полных соглашений и взаимодействий. Мы предложили установить организованную связь между НЦ и..... лиц из двух .... гальных бюро .... персонального вкрапливания отдельных членов НЦ, не разделяющих догмата директории, еще в Одессе попросту исключали из состава «Союза возр.»... Это обстоятельство, как вы понимаете, не может послужить к вящему укреплению дружбы. Наши вынуждены были..... заявить, что вне зависимости от отношения к этому догмату они выходят из «Союза»; я вышел раньше, после заявления «С. возр.» о том, что «Союз» не признает за главнокомандующим права законодательной власти, а так как я принимал участие в осуществлении этой власти, то должен был сделать выбор между «Союзом» и главнокомандующим (казалось, все это должно было иметь последствием.....) отношений. Но это так. Мы продолжаем настаивать переорганизовываться во взаимоотношениях между обеими группами. В этом отношении приходится иметь в виду, с одной стороны, заявление Челищева о том, что мы готовы признать власть Верховного правителя и Совет Министров при нем, как власть, фактически возникшую, а с другой стороны, что нет здесь никого, кто бы являл собою нечто значительное и ценное. Итак, два прежних руководителя делают связь с нами НЦ персонально интересной, но реально почти бессильной. Деникин был с ними очень обходителен, объявил им откровенно свои взгляды и условия, в которых приходится вести дело. Они увидели воочию, что имеют дело с настоящим и честным демократом, остались удовлетворены, но оппозиционный дух остался по-прежнему (живым) и ядовитым. И в этом я вижу настоящее положение в (будущем)

строе. Это хорошая ..... оппозиция в будущем. Другой роли .... участников в осуществлении власти я не вижу и не чувствую ...... ет опять скольжение н .... как опыт показал им нет ...... и естественных границ .... «товарищескими» узами связаны со всеми социалистами вплоть до ..... опыт Крыма дает новое доказательство (нежелания) соединиться в совместных попытках для укрепления и осуществления (власти) ..... природы он... н....ого к бесконечной невыгоде общего дела и ....ом случае, теперь для достижения тактических задач (необходимыми) в полном объединении. Дело все же осложняется тем, (что есть не) одни тактические задачи. Здесь есть участие в укреплении и осуществлении власти. Приобщать их к этому управлению .... и трудно. В этом осложнение. Ниже скажу ....: современным аппаратом власти и военно поход............ о котором мы нередко говорили с вами в Москве .... на том, что близкие нам социалисты, для дос......... направили свою энергию на воздействие на саму .... политических младенцев, заседающих в опасно Кубанской Раде, и обещали (действовать) в согласии с нами. Им эта власть сподручнее....... жиды и, с позволения сказать, социалисты. Они на это предложение обиделись, воздевши кверху длани, остались рассержены.

В «Союзе городов Сев. Кавказа» треплют опять неисправимую ерунду о безграничном народоправстве, которое должно быть немедленно осуществлено без всяких ограничений возраста и оседлости. Вот ....

Что касается объединения направо, то, увы, оно так полно, что мы задыхаемся в объятиях ...... друзей. Иногда эти объятия слишком жарки и тесны. Вот, например, недавно они за нашу критику и возражения против Некрасова как товарища мин-ра внутр. дел провалили нашего дорогого Астрова.

Они видят в нас осторожных противников их вожделений и стихийного их стремления к реставрированию старых приемов управления, старых обычаев, законов и имен. С ними у нас идет несомненная борьба (помимо) практического дела и работы. Но в понимании тактических задач мы связаны и объединены. Связь с ними поддерживают некоторые из наших друзей.

Кто же это «мы», спросите Вы не без смущения. Нет для этих «мы» блестящей эволюции, столь опасной для достижения широких целей. «Мы» — это круг лиц, которые среди киевского и одесского бедлама, среди екатеринодарской суровости и настороженности окружаем Деникина и вместе с ним медленными, но все же настойчивыми шагами идем к достижению того, что составляет предмет наших верований. Наша цель вполне определяется теми словами, которые вы сообщаете нам в вашем письме. Мы стремимся к воссозданию государственности, государственного единства, начал порядка, правды и свободы, к созданию условий для эко-

номического и культурного подъема на основах проявления широкой инициативы и восстановления права частной собственности с осуществлением новейших и государственно необходимых аграрных и других социальных реформ. Это наши слова и это наши цели, и для достижения их мы уже (сочетаем) действия. На почве действий мы приходим в столкновение с главными, столкновения создают борьбу.... нос тактические цели остаются одни. Борьба заставит ускорить процесс по коренному формированию державы Российской. Вопрос этот поставлен. Он раздражает. Но сейчас не до приятных галантностей.

Теперь два слова о походном управлении и о нашем законодательствовании. Не бойтесь. Мы не увлечены этим законодательным творчеством. Делается минимальное, но такое, без чего нельзя установить и примитивного порядка, о котором вы пишете. Вы не представляете себе, до какой степени расхлябано сейчас все и как люди разнуздались и каждый стремится урвать кусок той власти, которая упала вместе с падением государства. Одних порывов и распоряжений (недостаточно), приходится устанавливать более широкие нормы, устанавливать связь с законами... царскими, Временного правительства.... (А если нет), то приходится законодательствовать. Но поверьте, что мы (понимаем), что в земельном вопросе центр тяжести не в общей ..... установлении взаимных отношений между ограбленными собственниками и теми, кто фактически обрабатывает сейчас .... во всех других случаях законодательствования показал.

Итак, призыв ваш к объединению мы приемлем (всей силой разумения). Он вполне отвечает нашему сознанию и душевному настроению, но много тут тяжелого и жестокого. Объединение с .... вот главное объединение. На это мы возлагаем наибольшие наши надежды. Опять повторяем, мы только одно из слагаемых. При сочетании с ним, я надеюсь, нам удастся создать то (собрание) сил, которое нужно России. Поэтому и вы, наши родные ученики, не смущайтесь. Пусть у вас слагается и крепнет среда объединения и связанности. В эту среду вольемся и мы, несколько более индивидуально по настроениям. Но в нашей среде эти индивидуальности получат надлежащую обработку, получат сцепление с другими частями и создадут одно целое, которое, как вы говорите, будет подлинно национальной и государственной властью, которая обеспечит спокойствие и порядок и в то же время поймет и учтет реальные потребности народных масс и поймет невозможность восстановления старого.

Относительно денег и сметы, которые вы нам прислали, с сожалением должны сказать, что мы денег не имеем. Обращаться за ними к союзникам мы не можем, придется вопрос этот поставить в здешних военных органах...

[ПИСЬМО В. А. СТЕПАНОВА]

Дорогие друзья, курьер был готов к отъезду, когда мы получили ваше сообщение из Москвы. По просьбе Н. И. и П. И.[1] мы опять задержали курьера, чтобы иметь возможность послать вам ответ на Ваше сообщение. Просмотрев посылаемые вам материалы, я вижу, что общая информация настолько полна, что добавлять к ней нечего. Поэтому я ограничусь немногими словами prodoma sua[2]. Хотя, по словам дяди Коки, мое личное мнение никому не интересно и опасно лишь постольку, поскольку оно может быть воспринято как мнение ЦК, я именно хочу изложить вам это «личное» мое мнение. По двум причинам: 1) может быть, и сам дядя К. в одну из своих добрых минут не отнесется к нему столь пренебрежительно и 2) потому еще, что мои еретические, с московской точки зрения, взгляды имеют сторонников как среди наших партийных друзей вообще, так и horribile dictu[3] в среде ЦК. Не существует путей и способов определить, на чьей стороне партийное большинство, но я не падаю духом и не теряю надежды на то, что, когда такие пути и способы явятся, мне не придется влачить жалкого существования в рядах партийного меньшинства. И еще последнее: я не знаю, в каком виде дошли до вас высказанные мною, не́ интересные дяде К. суждения. Поэтому я предпочитаю изложить их сам так кратко, как это окажется возможным.

Насколько мне известно, состав моего преступления слагается из двух элементов:

1) открытое поведение монархизма и 2) скептическое отношение ко всякого вида соглашательствам с теми, кого мой единомышленник в этом вопросе П. Н. Милюков еще в первую революцию 1905 года называл левыми ослами и кого я с присущей мне мягкостью называю просто русскими социалистами.

Без всяких оговорок признаю себя по обоим пунктам виновным, но в качестве смягчающих вину обстоятельств приведу по каждому пункту обвинения в отдельности нижеследующее.

1) Грех монархический

Не говоря о том, что грех этот я разделял вместе со всей партией со дня ее основания и до злосчастного дня начала марта 17-го года, когда вся Россия оказалась вдруг состоящей из одних только убежденных республиканцев, я могу с чувством большого удовлетворения констатировать, что, если не все без исключения, то огромное, подавляющее большинство наших партийных друзей считает, что монархия грядет, что монархия неизбежна и что, дай

[1] Н. И. Астров, П. И. Новгородцев.
[2] Prodoma sua (лат.) — здесь: в защиту себя.
[3] Horribile dictu (лат.) — страшно сказать.

Бог, чтобы грядущая монархия оказалась монархией достаточно либеральной, достаточно приличной и не попала в русло идей Маркова-2-го [1].

Чувство удовлетворения по этому поводу я испытываю потому, что согласно партийному кодексу вопрос о форме правления считается у нас вопросом политической целесообразности, вопросом техническим, а не принципиальным. Поэтому если ходом вещей le qros[2] партии будет приведено к признанию монархии по мотивам политической целесообразности, то в ее рядах найдется место и для таких еретиков, которые остаются монархистами по убеждению, независимо от тех ветров, которые дуют в данный момент.

К таким еретикам я принадлежал всегда, и это очень хорошо известно всем моим политическим друзьям. Против изменения § 13 нашей программы я всегда протестовал и продолжаю считать вместе с очень многими партийными друзьями, что в тот день, когда этот § был нами изменен, партией была совершена труднопоправимая политическая ошибка [3]. Насколько я никогда не делал секрета из моего глубокого убеждения в том, что либо будет единая Российская империя, либо единой России не будет вовсе. Я приведу для справки эпизод, свидетелем которого был дядя К.

При моем вступлении в Москве в «Союз возрождения» я заявил, что я монархист, и поставил вопрос о том, насколько это совместимо с моим пребыванием в «Союзе». В. А. Мякотин дал на этот счет вполне успокоительные разъяснения и сказал, что различные оттенки политической мысли даже желательны. Я вышел из «Союза» ..... в тот день, когда мне было заявлено, что для всех членов «Союза» платформа коллегиальной власти обязательна, а платформа единоличной военной диктатуры недопустима.

Вопрос о природе временной переходной власти не есть, конечно, вопрос о форме правления, но и по этому вопросу могу сообщить для справки, что здесь, на Юге, партия в целом так же, как и НЦ, стоит без всяких оговорок на полном отрицании временной

---

[1] Марков-2-й — Н. Е. Марков, реакционный политический деятель царской России, один из руководителей черносотенно-погромных организаций «Союз русского народа» и «Палата Михаила Архангела».

[2] Le qros (франц.) — большинство, большая часть.

[3] В § 13 программы кадетской партии, принятой в 1905 году, говорилось, что «Россия должна быть конституционной и парламентской монархией» (Программы политических партий в России. М., 1917. С. 71). После свержения царизма в марте 1917 года 7-й съезд партии кадетов заменил это требование другим: «Россия должна быть демократической парламентарной республикой. Законодательная власть должна принадлежать народному представительству» (Речь. 1917. 26 марта). Однако в феврале 1918 года ЦК кадетской партии высказался за восстановление «законноприемлемой монархии, как единственной формы, могущей еще обеспечить наше национальное и государственное бытие и порядок...» (цит. по: *Думова Н. Г.* Кадетская контрреволюция и ее разгром. М., 1982. С. 78). Единства в партии по этому вопросу достигнуто не было.

власти, конструированной по соглашению партий и политических групп в форме директории или иной коллегии, и всецело поддерживает идею единоличной военной диктатуры.

Возвращаюсь к вопросу о монархии. По-видимому, наибольшие нарекания вызываются не моим отношением к этому вопросу по существу, так как отношение это моим политическим друзьям давным-давно известно и никогда не омрачало их добрых ко мне отношений, а главным образом тем, что я не делаю из этого секрета и для читающей публики.

По поводу моих заявлений в печати я сказал бы, что если монархия действительно грядет, то никакого ущерба интересам партии не будет нанесено тем, что в ее рядах имеются не только монархисты по целесообразности, но и монархисты по убеждению, не считающие нужным скрывать своих взглядов даже и тогда, когда эти взгляды не отвечают направлению попутного политического ветра. Само собою разумеется, что все такого рода заявления делались мною лично от своего мнения, и ни партии, ни ЦК я не «компрометировал».

2) Грех антисоглашательства

Здесь я чувствую под ногами гораздо более твердую почву, с точки зрения партийной ортодоксии. Соглашение с теми, кто все силы свои употреблял на то, чтобы мешать созданию и укреплению той власти, которая теперь с таким трудом все-таки создается, с теми, кто теперь готов признать эту власть постольку, поскольку партийной программой не предписывается. Это — с одной стороны. А с другой — наш общий друг Н. И. в тех мягких формах, какие свойственны его мягкой натуре, столь ясно и столь исчерпывающе описал тщету и практическую бесцельность таких соглашений, что мне от себя прибавлять к этому, пожалуй, и нечего. Мы все готовы были бы идти таким широким антибольшевистским фронтом, каким это только оказалось бы возможным, но ни у кого или почти ни у кого из нас на этот счет не осталось иллюзий. Как сообщает Н. И., мы не оставляем попыток вести разговор и налево и направо, но не обольщаем себя сколько-нибудь серьезными надеждами на успех этих разговоров.

Дорогие друзья, да не смутит вас то, что пишет вам Н. И., и то, что пишу я. Там, в Москве, в сердце России, вам многое должно казаться в ином свете, чем мы это видим здесь. Многое хотелось бы еще сказать вам, чтобы вы поняли и нашу точку зрения, но надо торопиться кончить письмо. Здесь, на Юге, мы живем в самом котле бурлящем, в котором вывариваются части будущей единой России, и сравнение и сопоставление этих частей иногда бывает очень поучительно. Вот две республики — Кубанская и Донская. Между ними и за ними — территория Добровольческой армии —

теоретически страна неограниченной власти единоличного военного диктатора. Только что покончила существование и еще одна республика — Крымская. У нас, в стране неограниченной диктатуры, полная свобода печати и режим, который иногда вызывает нарекания за его излишнюю мягкость и терпимость. В соседних республиках, особенно в Донской, — режим ежовых рукавиц. На Дону предварительная цензура. Екатеринодарские газеты туда не допускаются. Это одна сторона медали, а другая — упрямая, настойчивая и злобная самостийность, враждебное отношение к самой идее единой России. На днях в здешней социалистической самостийной раде один из депутатов сказал, что кубанцы не могут мыслить Кубани иначе, как в составе единой России. Мы поедем освобождать Москву, закончил он. Что тут поднялось. Шипение, иронические злобные возгласы, протесты и т. п.

Республику Керенского мы видели (очень похожа на нее была республика Крымская), республики казачьего типа мы видим. Разрешите же верить: из возможных в России и способных удержаться в ней режимов не будет терпимее и либеральнее хорошей конституционной монархии, которая одна способна соединить воедино всю Россию и которая сама вынуждена будет оградить себя от обвинения в реакционности. Должен кончить. Шлю сердечный привет московским друзьям, а дяде К. особливый.

Ваш *В. Степанов*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ЧЛЕНА РВСР С. И. ГУСЕВА ПО ПОВОДУ ДОКУМЕНТОВ, ВЗЯТЫХ У Н. Н. ЩЕПКИНА

ДОКУМЕНТ № 1

Небольшая записка с верным изложением плана наших действий от Саратова. В записке перепутаны сведения, относящиеся к разным моментам. Спор о плане представлен в совершенно неверной перспективе. Спор был не с Бончем [1], а с Сокольниковым. Спор с Бончем по поводу его предложения о создании резерва в Брянске был мимолетный и совершенно не имел того крупного значения, какое приписано ему в записке. Неосведомленность информатора о споре с Сокольниковым, преувеличение значения Бончевского предложения исключают предположение, что это сообщение дано с Южфронта. Источник — Серпухов, где разговор (не спор) с Бончем велся. Не исключена возможность, что Бонч где-нибудь говорил об этом, его рассказ подхватили и куда следует

[1] Бонч-Бруевич М. Д. (1870—1956) — начальник Полевого штаба РВСР.

сообщили. Несмотря на категорический тон записки, ей, видимо, большой веры не придали (вероятно, случайный и несерьезный источник), и в документе № 2 этот план повторен, но с осторожной оговоркой: «Есть указания, что». А в документе № 6, несомненно, более позднем, сведения сообщены с указанием на то, что они безукоризненно проверены, — следовательно нуждались в проверке.

Вывод: документ № 1 — случайная информация, которая позже была проверена у вполне надежного информатора. Сведения устарелые.

ДОКУМЕНТ № 2

Самый важный из всех. Содержит: 1) список номерных дивизий к 15 августа, 2) сообщение о приказании перебрасывать все на Южный фронт с Восточного и Западного (сообщение неверное и представляет, вероятно, кулуарный штабной слух), 3) сведения из документа № 1 (в сокращенном виде, но добавлено новое сведение, что резерв у Саратова будет для II и X армий), 4) сведения об артиллерии Южфронта, 5) план действий группы Селивачева с указанием состава группы (XIII и VIII армий), 6) сообщение о переводе б. штаба Востфронта в Брянск и 7) штабной слух о назначении Климовича командующим Туркфронтом, а Шварца — его начштабом. Документ № 2 несомненный сборный и представляет сводку сведений, полученных из разных источников. Наряду с верными и точными сведениями в документе есть неверные сообщения, наряду с очень запоздалыми — самые свежие. Документ составлен 26—27 августа, т. к. 1) сведения об артиллерии Южфронта относятся к 24 августа, 2) сведения о переводе штаба Востфронта в Брянск — к 26 августа.

1) Список номерных дивизий весьма точная и весьма полная копия с боевого расписания или с карт оперативного управления. Во всяком случае, список скопирован не с украденной из Полевого штаба карты, на которой сведений имелось значительно меньше. (Тот же порядок армий на фронтах, тот же порядок дивизий (от правого фланга к левому.) Список, несомненно, штабного происхождения, т. к. содержит также новые данные оперативного и организационного характера на всех фронтах, которые могли быть получены только из Полевого штаба: переброска 21, 22 и 28-й дивизий, отделение Туркестана от Востфронта, организационное соединение частей III армии в 51-ю дивизию. Две-три явные описки, два незначительных пропуска и одна ошибка не опровергают этого убеждения. Даже ошибки явно происходят из Полевого штаба. 24-я дивизия ошибочно включена в списке в состав войск Туркфронта. Это действительно в свое время предполагалось, но затем отменено. Отсутствие сведений о численности дивизий и данных запасных частях и о новых формированиях и включение новых

сведений, не вошедших в боевое расписание (хранящееся в административном управлении), но, безусловно, происходящих через оперативное отделение, — все это с несомненностью указывает, что список исходит из оперативного управления.

2) Сведения об артиллерии Южфронта чрезвычайно точны. К 23 августа, по сведениям инспектора артиллерии Полевого штаба, там имелось 764 ор. В документе, который дает сведения парой дней позже,— 768 орудий. По калибрам числа не совпадают. В документе число тяжелых орудий значительно преувеличено (но неизвестно, чьи сведения ближе к истине). Сведения исходят от инспекции артиллерии Полевого штаба.

3) Сведения о плане действий группы Селивачева весьма точны, хотя и содержат кое-какую отсебятину. Как и по отношению к группе Шорина, информатор слабо осведомлен в организационной стороне и гораздо больше осведомлен в оперативной. Сведения сильно запоздали и исходят не из штаба, во всяком случае, не из оперативного управления и не от крупного штабного служащего.

4) Сведения о переводе штаба Восточного фронта в Брянск доставлены либо в тот же день, когда состоялось об этом постановление РВСР, либо накануне, т. к. разговоры об этом были днем раньше. Такая быстрота передачи, в то время как другие, более важные сведения доходили с сильным запозданием, указывает на то, что это известие было передано кем-либо из приехавших с Востфронта, поделившихся свеженькой новостью со своим приятелем.

5) Кулуарный слух о назначении начальником Туркфронта Климовича и начальником его штаба Шварца, несомненно, штабного происхождения, ибо незадолго до этого в связи с выделением из Востфронта Туркфронта эти лица вместе с Фрунзе приезжали в Полевой штаб.

Документ № 2 составлен, т. обр., из сведений штабного и нештабного происхождения. Составитель его работает вне Полевого штаба, на что особенно указывает сильная запоздалость сообщений об оперативных планах.

Предположение, что кто-либо из крупных служащих штаба, имеющий по своему служебному положению возможность добывать материалы из разных отделов, т. обр., отпадает. Это особенно подтверждается малоценностью собранных материалов. Список номерных дивизий не дает Деникину ничего нового, кроме ценных сведений о переброске 22, 27 и 21-й дивизий. Оперативные планы слишком запоздали. Сведения о переводе штаба Востфронта в Брянск без объяснения цели непонятны. Единственно ценный материал — это сведения об артиллерии.

По-видимому, в оперативном отделе Полевого штаба и инспектора артиллерии есть не крупные шпионы, б. м., не постоянные, а

лишь эпизодически продающие сведения. Кроме того, в штабе есть один-два кулуарных шпиона. Впрочем, возможно, что кулуарные слухи передаются одним из предыдущих шпионов. Запоздалость сведений об оперативных планах в связи с некоторыми фразами, напоминающими отдельные фразы главкома, указывает на возможность получения этих сведений из штаба Южфронта (возможно, и из нашего телеграфа).

Документ № 3 стоит особняком и о нем после.

Документ № 4 — сводное письмо - содержит: 1) точное и подробно снятое с трехверстки описание Тульского укрепленного района, 2) сведения о расположении зенитных батарей в Туле, 3) сведения о гарнизоне Тулы и о настроении рабочих, 4) устарелые, но верные сведения о Сумской группе, 5) сведения о фронтовых базисных складах (неверны), 6) документ № 2 с некоторыми новыми описками.

1) Сведения о Тульском укрепленном районе, несомненно, получены в Туле. На это особенно указывает точность сведений о зенитных орудиях, которые автор видел, по-видимому, самолично, а также сведения о настроении рабочих. Автора надо искать среди чертежников топографического отделения Тульского штаба укрепрайона. Сведения о Сумской группе получены не из штаба (запоздали и носят случайный, обрывочный характер).

Документ № 5 не содержит ничего, что относилось бы к военному шпионажу в узком смысле.

Документ № 6 — сводное письмо. Составитель недаром взял себе военный псевдоним (ротмистр Донин) - сразу чувствуется военная косточка. В документе № 6 повторяются сведения из документа № 1 (план действий со стороны Саратова).

Подтверждается, что документ № 1 не штабного происхождения, ибо об этом плане сообщается, что он обсуждался в РВСР «несколько дней тому назад» с участием Бонча. Это — анахронизм, нужно было бы сказать «несколько недель назад».

Документ № 6 писан 27 августа, как о том сообщает сам автор.

Далее сообщается план действий Селивачева с оговоркой «вполне достоверно, но окончательно еще не проверено». Новое указание, что это сообщение идет не от крупного штабного работника. Затем идут характеристика информатора (чрезвычайно осведомленный и преданный до героизма) и цитата из его доклада, из которых явствует, что он находится вне Полевого штаба («создавайте в штабах армий, фронтов и главкома настроение в пользу переворота и открытия фронта»). Затем уже другой кулуарный информатор передает штабной слух о переводе Полевого штаба в Казань или Симбирск.

Дознание по поводу этого слуха мною начато. Я наткнулся на нить, ведущую на Восточный фронт, откуда этот слух пошел.

Сообщение о «безумной» борьбе между группой Гусев — Смилга и Троцким с весьма характерным перевиранием линий этой борьбы сильно отдает Южфронтом. Наконец, сообщение о Кронштадте получено либо из Полевого штаба, либо из «Бедноты», где эти сведения, как передавали, появились.

ВЫВОДЫ

На основании документов устанавливается существование следующих звеньев белогвардейской шпионской организации:

1) Ротмистр Донин, видимо, стоявший во главе разведки военспец [1].

3) Находящийся вне штаба информатор имеет связь с некоторыми отделами штаба через некрупных шпионов.

4) Шпион в оперативном управлении не занимает крупной должности и не знает оперативных планов.

5) Шпион у инспектора артиллерии и

6) Один-два мелких кулуарных шпиона в Полевом штабе (возможно, совмещение с предыдущими).

7) Информаторы, продающие сведения неприятельским агентам, среди телеграфистов штаба.

8) Шпион в Туле, видимо, из топографов.

9) Шпион в штабе Южфронта, держащий связь с Москвой.

10) Неактивный шпион в штабе Востфронта.

Пункты 7, 9 и 10 установлены лишь в высокой степени предположительно, хотя главком и настаивает на том, что значительная часть сведений получена с Южфронта.

Документ № 3 содержит сведения о кавалерии IX армии, но не подлежит ни малейшему сомнению, что эти сведения идут не из Полевого штаба, где их нет и не может быть, а из IX армии. По живости и детальности описания, открывающего совершенно непонятные стороны, видно, что автор документа посетил 23-ю и 14-ю дивизии и сам непосредственно осматривал кавалерию. О 36-й дивизии он прямо говорит, что там не был (спец., в 23-й и 14-й был), а сведения получил из инспекции кавалерии IX армии. Наиболее вероятным представляется предположение, что автор служит в инспекции кавалерии IX армии и был командирован оттуда в 23-ю и 14-ю дивизии.

Предположение, что автор был командирован из Полевого штаба, не оправдывается.

Член РВСР *С. Гусев*

---

[1] В книге пропущен п. 2 записки С. И. Гусева: «Чрезвычайно осведомленный» информатор, стоящий вне штаба, но имеющий возможность получать (вероятно по своему служебному положению или личным связям) ценные сведения общего характера (оперативные планы, характеристики спецов)».

Сегодня, 23/IX, Миллер рассказал, что в разговорах они строили планы, как захватить Ленина и Троцкого в качестве заложников против красного террора и для этой цели держать их в каком-нибудь имении вне города Москвы...

Показания по делам «Национального центра»
и «Тактического центра»

Показания по делу военной организации
«Национального центра»

ПЕТРОГРАДСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ «НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА»

ИЗ ПОКАЗАНИЙ В. И. ШТЕЙНИНГЕРА

I

В Петрограде существовало три политические организации: 1) «Союз возрождения России» 2) «Национальный центр» и 3) «Союз освобождения России». В эти организации входили элементы, укладывающиеся в понятия: антибольшевистские и антимонархические, с ориентацией на Антанту. Состав партийный и общественный вам известен из двух предъявленных мне, вами перехваченных, писем. Следует лишь сказать: 1) что эсеры ушли из «Союза возрождения» после их «знаменитой» резолюции: «Мы и против большевиков и против Антанты»; кажется, это было в начале 1919 года[1], и 2) что в названных петроградских организациях нет представителей торгово-промышленных кругов. Эти круги так напуганы большевистским террором, что они просто потеряли способность мыслить и жить. Впрочем, от них и осталась только пыль в Петрограде. В совокупности все три питерские организации состоят из полутора десятков представителей трудовой интеллигенции, которые собираются очень нерегулярно в трех группах, взаимно информируются на этих «заседаниях» и более или менее «энергично» принимаются за «организационные вопросы», когда спа-

[1] 6—8 февраля 1919 года состоявшаяся в Москве конференция эсеровских организаций на территории Советской России заявила в резолюции по текущему моменту о решительном отказе от блокирования с буржуазными партиями, стремящимися к установлению единоличной диктатуры, призвала партию к борьбе с белогвардейской контрреволюцией. Вместе с тем конференция высказалась против какого-либо сближения с Советской властью, и в то же время признала недопустимость вооруженной борьбы против нее.

сение извне представляется близким, и сейчас же вновь засыпают на недели, когда надежды эти гаснут.

Ни одна из этих групп никогда не ставила себе задачи: организовать взрыв большевизма изнутри, создавать силы для борьбы с ними в Петрограде. Ни у СВ, ни тем паче у «С. осв.», ставившего себе узкую задачу поддержания путем кустарного издания листовок бодрости в обывателе, не было аппарата и средств для получения и передачи сведений за границу. У НЦ в Петрограде в начале этого года была осведомительная организация, работавшая на подрядных началах и связанная с ним лишь одним лицом. Этим лицом был (и знал я только одно лицо из этой организации) П. Вл. Андреев. Предполагалось, что эта организация наладит и связь (нити сношения) с Финляндией. Когда же это оказалось неверным и поступавшие сведения, поскольку они касались текущего момента, были в большинстве случаев лишь непроверенными слухами или запоздалыми данными, то уже в марте П. В. Андрееву было заявлено, что НЦ в их услугах не нуждается и прекращает с апреля сношения ввиду их бесплодности. Это обстоятельство и заставило Андреева лично уехать в Финляндию в мае. При переходе границы он погиб.

В чем же состояла организационная работа этих организаций или групп? Она вся была направлена на послеоккупационный период Петрограда. Как быть, когда в Петроград придут союзники или столица будет занята финнами, или, наконец, к нам придет Юденич, как подчиненный Колчака военачальник. Первые два предположения всегда считались маловероятными, и потому ими не занимались долго. Третья возможность — приход Юденича — требовала внимательного обсуждения, так как нам было совершенно известно, с какими намерениями по гражданскому правлению области и с какими общественными силами он сюда явится. Все заставляло думать, что он облеплен правыми реакционными элементами, в гуще которых тонут отдельные прогрессивно настроенные личности. Обсуждались: 1) организация гражданского управления П[етроград]ской областью в первый краткий переходный период после оккупации и 2) организация управления гор. Петроградом. Так как, однако, львиную долю времени заседаний занимала информация о текущем моменте, то есть сообщение друг другу слухов и фактов, то и обсуждение этих двух вопросов не было доведено ни в «С. возр.» ни НЦ до сколько-нибудь определенных рамок, тем более что эти вопросы поднимались и падали с подъемом или падением надежд на оккупацию Петрограда. Так, например, когда в СВ еще входили правые с.-р., было затрачено не менее трех заседаний на выяснение вопроса, возможно ли, или следует оживить, призвать к деятельности разогнанную большевиками эсеровскую городскую думу, на чем настаивали, конечно, эсе-

ры. Обсуждение не было закончено, когда эсеры ушли из СВ. После их ухода СВ долго не собирался. Встречи становились вообще все реже и реже, ибо молчаливо, если не гласно, все сознавали бесплодность работы в условиях террора и при полном отсутствии возможности повлиять на массы. Возникла, впрочем, мысль издавать листочки. Благодаря отсутствию технических средств и денег и по многим другим причинам, кроющимся в тяжелом положении отдельных лиц, эта затея пала после утверждения текста второго номера. Вообще, если петроградское отделение СВ когда-либо процветало, то период 1919 года, в который я его знал, нельзя назвать иначе, как явно упадочным. Практическая деятельность его за это время была близка к нулю и наконец сошла на нет. Возникший как-то практический вопрос об организации продовольственного дела в первые дни и недели оккупации сейчас же пал опять, когда выяснилось крайне осторожное, чтобы не сказать более, отношение к этому вопросу крупной кооперации.

«Нац. центр» обсуждал те же вопросы, что и СВ, и, находясь с ним в персональном контакте, осведомлял «и осведомлялся о ходе работы». Он собирался еще реже и, состоя из людей с более трезвым на будущность взглядами, готов был эти организационные вопросы отложить до наступления факта оккупации Петрограда, так как при их разрешении приходилось иметь дело со слишком многими неизвестностями. Мы совсем не знали, что по этим вопросам подготовлено нашими друзьями за пределами Сов. России. Благодаря не покидавшему нас чувству бессилия организационная — в указанном смысле и для указанного времени — работа не шла, и при встречах время заполнялось «информациями». Так глохла работа и этой организации. Людей становилось все меньше, и активных совсем не было.

В конце мая 1919 года (приблизительно) возник «Союз освобождения России» при следующих обстоятельствах. Меня в Петрограде знает довольно много народа, как кадета, как городского деятеля, как гласного, стоявшего с начала войны во главе «Трудовой помощи» в гор. Петрограде, как председателя «Комитета биржи труда», заведующим коей все время стоял нынешний комиссар Петроградского комгорхоза Лев Михайлович Михайлов, и т. д. От времени до времени я случайно встречал то одного, то другого из партийных единомышленников и вообще знакомых, хотя все старались не быть в виду. При этих встречах говорилось много о подавленности всего населения, об обывательском отчаянии и т. д., и т. д. «Следовало бы издавать листовки, освещающие положение дела»... «Одно появление таких листовок скажется ободряющим образом». «Так жить дальше просто невозможно»... Словом, в конце концов, несмотря на обескураживающий факт прекращения попытки с листовками со стороны СВ, группа лиц решила попробо-

вать и кстати сорганизоваться для обсуждения вопросов городского управления, которые встанут, как только Петроград будет занят. Была выбрана «редакция», к которой стекались материалы. В результате вышло 2 или 3 номера листовок «Союза осв. России». Что касается вопросов гражданского управления гор. Петроградом и областью после оккупации, то они и в этой организации обсуждались лишь в общих чертах... «Нац. центр» и «Союз возр. России» знали через меня о существовании этого «С. осв. России», и было предложено избрать трех- или шестичленную комиссию для согласования суждений все по тем же вопросам гражданского управления областью и гор. Петроградом, хотя существенных разногласий не было, ибо все предуказывалось выясненною общностью взглядов на власть местной военной диктатуры, на необходимость отказаться на первых порах от выборного начала и стремиться к тому, чтобы возможно скорее приступить к организации местных самоуправлений путем выборов на основе всеобщего избирательного права и т. д. ...

Так обстояло дело, когда в первых числах июля было доставлено письмо Острова, когда между 6 и 10 июля ко мне на квартиру в мое отсутствие был занесен кем-то конвертик, в котором оказалась включенная в письмо от 13 июля военно-техническая сводка; 12 июля мне было передано письмо Никольского от 30 июня; 14-го последовал арест Самойлова, а 23-го — арест мой, моего брата и жильца... затем наутро — семьи, но это относится уже не к деятельности организации, а потому я кончаю заверением, что сущность деятельности этих организаций мною изложена с полной объективной правдою.

2 августа 1919 года *В. Штейнингер*

II

Генерала Махрова, который в действительности генерал Махов Михаил Михайлович, мы считаем представителем Юденича. Ген. Махова мы считаем начальником Иевреинова на основании того, что слышали от Ховена. Причем сам Махов отрицает этот факт, что он является таковым представителем.

Относительно письма от 14 июля 1919 года могу дать следующие показания.

Мы получили письмо от Острова, которого фамилия Лившиц, находящегося за рубежом, на Нарвском фронте. Партийная принадлежность Лившица — кадет, о котором говорит письмо Никольского, которого фамилия Новицкий, который в Финляндии с октября - ноября 1918 года. Имя и отчество Новицкого — Георгий Исаакович; письмо в действительности от 30/VI, полученное нами 12 июля.

14 июля я увиделся с Солнцевым, который в действительности Самойлов, с которым я виделся в день передачи шифрованного письма, а именно 14 июля 1919 года, у себя на квартире часов в $7^1/_2$ вечера. Письмо, переданное Самойлову в копии, было переслано Острову для пересылки в Финляндию через курьера. Письмо направлено Острову через обратного курьера, о котором говорится в письме как о «задержанном на обратном пути».

Немокринский — псевдоним, данный Сухову Георгию Никитичу, служащему на Варшавской дороге ревизором, роль которого сводилась к тому, что он в частных беседах со мною и не зная, будут ли его сведения использованы, сообщал их мне и притом исключительно о том, что он слышал на пути об изменениях фронта. Причем все сведения, сообщаемые Суховым, с опозданием целиком сообщались в газетах, поскольку они оказывались верными.

В Петрограде в контакте работали нижеследующие организации:

«Национальный центр», членом которого состою я. Официальной должности в комитете «Национ. центра» я не занимал. «Национальный центр» ставил себе нижеследующие задачи: тактические — свержение власти большевиков и признание неизбежности личной диктатуры в переходный период во всероссийском масштабе с последующим созывом Учредительного собрания. Личную диктатуру по идее признаем в духе Колчака.

Политическая платформа: созыв Учредительного собрания как принцип.

Экономическая платформа: восстановление частной собственности с уничтожением помещичьего землевладения. Земля в собственность переходит крестьянам за выкуп.

Рабочий вопрос — охрана труда и законодательство европейских буржуазных государств. «Национальный центр» персонально объединял...[1]

30 июля 1919 года, 4 ч. 40 м. [утра]. *В. Штейнингер*

В дополнение к показанию о Немокринском считаю необходимым пояснить, что эта фамилия встречена мною впервые, и так как я не знаю такого лица, то стал искать значение псевдонима. Немокрый — сухой, тезка автора, и вот у меня сложилось мнение, что говорится о моем знакомом Сухове, хорошем служаке, с которым вел беседы, как с лицом, слышавшим много во время своих поездок по службе. Очень может быть, что Немокринский — другое лицо.

1 августа 1919 года, в 2 часа дня *В. Штейнингер*

---

[1] В подлиннике показаний фраза не закончена.

ПОКАЗАНИЕ В. Н. РОЗАНОВА

I

МОИ ЛИЧНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ЗНАКОМСТВО СО ШТЕЙНИНГЕРОМ

Не желая, по соображениям личной чести, называть каких-либо имен, чего от меня до сих пор, к моему удовлетворению, и не требовалось следствием, я заявляю, что за участие петроградских меньшевиков правого крыла в «Союзе возрождения» я лично несу ответственность и прошу рассматривать меня как представителя или, точнее сказать, связующее лицо меньшевиков с «Союзом возрождения». Исполняя эту роль с ведома и согласия моих партийных товарищей, я имел и старался по возможности расширять связи с другими партиями. Но вправо мои связи простирались только до кадетов. Таким образом, я не отрицаю, что у меня были знакомства с кадетами на политической почве. Но по соображениям корректности я никак не могу сказать, что эти политические знакомства и были знакомством со Штейнингером.

В то утро, когда я был арестован на квартире Штейнингера (я говорю о старшем из братьев), я зашел к нему перед службой действительно по маловажному делу, не имеющему отношения к политике. В другой раз я мог бы зайти и по другому поводу, например с целью войти в сношения с местной партией к.-д. Во всяком случае, мне ничего не было известно о связи Штейнингера-старшего с военной организацией, а тем более об активном участии его в каком-либо подобном деле. Я не стучался бы так упорно в дверь его квартиры, если бы предполагал что-либо подобное.

Не зная этих отношений Штейнингера, во всяком случае, должен сказать, что в этом случае он не исполнял какой-либо функции «Союза возрождения», а чью-либо другую просьбу или поручение. Лично близких отношений со Штейнингером-старшим у меня не было. Но, мне кажется, я знаю его настолько, чтобы сказать, что ему делал одолжение другим. Штейнингера-старшего я представляю себе как муниципального деятеля кадетского типа, но не лидера и не заговорщика. Штейнингера-младшего я знаю совсем мало, может быть, всего раз или два раскланялся с ним, но, наверное, ни разу не имел с ним ни одного разговора.

4 августа 1919 года *В. Розанов*

ДОБАВЛЕНИЕ К ПРОТОКОЛУ

Мне кажется, для характеристики «Союза возрождения» в Советской России может иметь значение следующий факт. После падения Скоропадского и разгрома войск Петлюры и, кажется, уже после занятия всей Украины (кроме Одессы) советскими войсками, раннею весной нынешнего года, точной даты не помню, киевская группа «Союза возрождения» запрашивала петроградскую и московскую группы (это и был единственный случай личных отношений, о котором я упоминал), намерен ли «Союз возрождения» организовать или содействовать организации активной не только политической, но и физической борьбы с большевиками посредством агитации за вооруженное восстание и создание боевой политической организации, способной руководить такого рода действиями. Тогда единогласно и без прений все поименно, не исключая к.-д., заявили, что подобного рода вещи они считают авантюрой и на них не пойдут. Это было в Петрограде. Такой же ответ был дан из Москвы, но было ли тут решение единогласное и сопровождалось ли оно прениями, не знаю. И еще одно, «Союз возрождения» не имеет своих уполномоченных представителей ни за границей, ни при каком-либо правительстве в России, ни в Финляндии. Может быть, Авксентьев называл себя или называется таковым. Он был в «Союзе возрождения» весною 1918 года, но сейчас он никаким образом не может считаться представителем «Союза». Такие заграничные представители, может быть, имеются у «Нац. центра», но кто они и насколько уполномочены, я не знаю.

11 августа 1919 года *Вл. Розанов*

II

На предложенные мне дополнительные вопросы отвечаю:

1) О «Национальном центре» я ничего не знаю: ни с одним представителем «Нац. центра» я не встречался и связей с ними не имел. Я даже не знаю, имеется ли в Петрограде организация «Нац. центра» и имеется ли теперь эта организация в Москве. Относительно вхождения к.-д. в НЦ и «Союз возрождения» мне неизвестно постановление партии к.-д. об обязательном вхождении в эти организации, так что одни к.-д. могли входить в одну из этих организаций, другие — в другую, а третьи — с (?), и у меня нет никаких данных судить, кто из к.-д. входит в «Нац. центр».

2) Что касается личного состава «Союза возрождения», то я сказал: «Союз возрождения» проявил себя в виде немногих междупартийных совещаний, участников которых я знал, поскольку я в них присутствовал, но их назвать отказываюсь, считая это несов-

местным со своею личною честью и партийной моралью. При этом я вновь заявляю, что эти совещания к шпионажу, или к военным организациям, или к связи с таковыми [отношения] не имели. Я протестую против указания, что отказ назвать участников политических совещаний есть укрывательство шпионажа или что «Союз возрождения» занимался таковым. В этом отношении мне остается только сослаться на свою личную честь, меня с давних пор и хорошо знают такие коммунисты, как Л. Б. Каменев, М. А. Лурье-Ларин, А. М. Коллонтай, Д. Б. Рязанов и многие другие, которые, как бы они ни порицали мою политическую позицию и политическое поведение в настоящее время, не откажутся подтвердить, что к шпионажу я касательства иметь не мог.

3) Соглашение между «Союзом возрождения» и «Нац. центром» о совместном ответе союзникам по поводу Принцевых островов было принято в Москве, хотя я не могу точно утвердить, что именно в Москве, потому что я в этом не участвовал. Как именно вырабатывался этот документ, на общем ли совещании, или в соглашательской комиссии, или обсуждался каждой группой отдельно, кто и где вырабатывал проект ответа — в Москве или в Киеве, или где-либо еще,— этих подробностей я не знаю. Никакого делегата от этих организаций по Советской России для посылки на Принцевы острова не могло намечаться уже вследствие запоздания ответа. Относительно переправы этого документа за границу полагаю, что каждый из участников совещания должен был постараться дать документу самое широкое распространение в России и за границей. Совершенно определенно могу сказать, что петроградские участники «Союза возрождения» этого документа за границу не отправляли. До допроса я ничего не знал о том, что этот документ был переправлен за границу, наоборот, предполагал, что он по адресу не получен, так что назначения своего не достиг. Был ли он когда-либо после и кем именно переправлен за границу, стал ли он там вообще известен, я до сих пор не знаю.

Влад. Розанов

ПОКАЗАНИЯ С. П. МЕЛЬГУНОВА

В московскую группу, примыкавшую к «Союзу возрождения», образовавшегося осенью 1918 года, который является организацией лиц, одинаково мыслящих и входящих в разные политические партии, входили: я, Кондратьев, Н. Н. Щепкин, Бородулин (от группы «Единство»), Волк-Карачевский, Левицкий (Цедер-

баум) — от меньшевиков; Семен Маслов бывал на более обширных заседаниях и совещаниях; при мне он на заседаниях вышеуказанного круга лиц не был. Розанова я видел раза два на заседаниях «Союза возрождения».

Энесы при первоначальной организации «Союза возрождения», весною 1918 года, вошли в него при санкции ЦК партии народных социалистов; кадеты, по моим сведениям, входили в СВ с ведома ЦК партии к.-д. С.-революционеры (центр) входили, по моему мнению, без санкции ЦК своей партии. То же могу сказать и о меньшевиках. «Союз возрождения» (московская группа) не был строгой организацией с определенной партийной дисциплиной и определенной, твердой платформой. Петроградская группа СВ не находилась в подчинении у московской группы. В петроградскую группу СВ не входил ни один действующий народный социалист. Д. И. Шаховской при мне не был (насколько я помню) ни на одном заседании московской группы «Союза возрождения» с осени 1918 года. Филатьев вошел в московскую группу «Союза возрождения» с осени 1918 года. Деятельность Филатьева в СВ ничем не отличалась от деятельности всех остальных членов СВ, о каковой мной было изложено в моих предыдущих показаниях. Филатьев мог быть на совместном заседании представителей СВ, «Нац. центра» в марте 1919 года, но точно не припомню.

А. Н. Потресов входил в «Союз возрождения» с осени 1918 года; в питерскую группу СВ Александр Николаевич, по его словам, не входил, и вообще в питерской группе «Союза возрождения», если таковую можно назвать группой, помимо Розанова и Потресова никого не было, по моему мнению. После переезда Потресова в Питер я его видел на наших заседаниях не больше двух раз. Определенно не помню присутствия Потресова на наших заседаниях весною 1919 года; видел ли я его там же летом 1919 года, утверждать не могу. Розанов приезжал летом из Питера раза два. Маслов редко бывал на заседаниях московской группы «Союза возрождения», по крайней мере, я его редко видел. Часто я видел Маслова на заседаниях представителей политических партий, примыкавших к СВ в 1918 году. Я не слышал, чтобы Маслов вступлением в московскую группу порвал с партией с.-р., Кондратьев же из партии с.-р. вышел. Связано ли это с его вступлением в СВ, не думаю.

Заседания вышеупомянутой группы происходили по субботам (раз в неделю) на квартире у Волк-Карачевского.

Я не считаю себя председателем московской группы «Союза возрождения», но допускаю, что при моей импульсивности меня могли считать руководителем этой группы.

Обычно на заседаниях группы председательствовал Н. Н. Щепкин, как старейший, я же иногда в его отсутствие его замещал. Допускаю, что председательствовать мог также и Филатьев.

МОЕ ОТНОШЕНИЕ К СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Всегда, поскольку позволяло время, я считал своим долгом участвовать во всякого рода собеседованиях. При отсутствии печати это была единственная возможность влиять на общественное мнение если не страны, то некоторых, по крайней мере, групп интеллигенции и, таким образом, противодействовать взглядам, которые считал вредными. Своих взглядов я никогда не считал нужным и возможным скрывать. И если бы существовала печать, я, конечно, продолжал бы писать в духе тех статей («Борьба до конца» и др.), за которые было закрыто московское «Народное слово»[1].

Вкратце сущность моей позиции можно охарактеризовать в следующих словах. С самого начала революции я являлся горячим сторонником так называемой коалиции — в ней только видел правильный путь революционного строительства. В то же время был решительным врагом всякого рода демагогии, которая только губила революцию, создавая нечто эфемерное. Эсеровская тактика давала наглядный образец. Большевистский октябрьский переворот зиждется на тех же основаниях. В силу одного этого я занял к новой власти крайне отрицательное отношение, и отношение мое, пожалуй, мало изменилось за истекшие два года, кроме, конечно, острот. Оценивая положение дела в исторической перспективе, я и по сие время, несмотря на то, что Советская власть вышла победительницей из гражданской войны и налаживает свои взаимные отношения с Западной Европой, не считаю, что объективно имеются данные, указывающие, что современный «коммунизм» превратится у нас в более или менее прочный государственный строй. Видимый успех Советской власти объясняется для меня вовсе не сочувствием ей со стороны населения, а раздробленностью русских общественных сил и той реакционной политикой, которая главенствовала в окраинных движениях. Фактически мы имеем даже не диктатуру для пролетариата, обреченную в конечном результате на неизбежный крах. Относясь всегда отрицательно к идее диктатуры одного класса, я должен еще с большим отрицанием отнестись к группе, диктаторство которой опиралось на своего рода преторианство [2]. Советская власть в действительности плодит в России не коммунистов, а новую буржуазию. И именно этот класс собственников, возросший на хлебах коммунистических, должен будет во имя своих интересов, в точном согласии с марксистской

---

[1] «Народное слово» — ежедневная политическая и литературная газета. Орган мелкобуржуазной Трудовой народно-социалистической партии. Издавалась в Москве с 10 апреля по 10 мая 1918 года. Закрыта за публикацию статей, призывавших к борьбе против Советской власти.

[2] Здесь: армия и другие военные или военизированные организации, служащие насильнической, основанной на грубой силе власти.

теорией о борьбе классов ликвидировать Советскую власть. Здесь будет неизбежно свое 9-е термидора [1].

Если я не прав в подобной оценке действительности, то другие соображения и наблюдения указывают на невозможность осуществления социалистического строительства в том духе и в том масштабе, которые практикует современная власть. Диктатура для пролетариата могла бы найти себе известное историческое оправдание в объективных социальных и экономических условиях. Их, между тем, в наличности нет. Социалистического фазиса при оценке событий в мировом масштабе быть не может. Западная Европа еще не являет того, что напоминало бы собой приближение социальной революции. При таких условиях винт социалистического строительства вне объективных условий времени, с моей точки зрения, является общественным преступлением — перед потомством. При подобной оценке вопрос о методах, при помощи которых продолжается опыт, выдвигается на первый план. Многие из идей, осуществляемых властью, я разделяю, но все ее методы мне органически ненавистны, так как все то насилие, которое я наблюдал, не находит себе никакого исторического оправдания. И в жизни получается какая-то карикатура даже на коммунизм: нарушаются самые элементарные основания так называемого научного коммунизма. Я не могу примириться с тем исключительным произволом, который царит во всех областях жизни, с тою, наконец, системой террора, которая введена была в принцип государственного строительства до последнего времени.

Из этих положений вытекает вся моя положительная политическая деятельность. Отнюдь не считая возможным скрывать своих взглядов и стараясь скорее своей аргументацией воздействовать на инакосмотрящих, я развивал подобные взгляды А. П. Аксельроду [2] и т. Платтену. Когда они у меня были зимой 1919 года, я старался по мере возможности информировать Аксельрода, уезжавшего за границу, о современном положении России в политическом и экономическом отношениях, о возможности прочного будущего и настроениях в различных политических группировках, считая в высшей степени целесообразным подобное осведомление политических деятелей в Западной Европе. Специально никаких поручений Аксельроду, конечно, давать не мог, а равно и передавать через него каких-либо специфических материалов.

---

[1] 9-е термидора II года по республиканскому календарю — 27 июля 1794 года, день свержения якобинской диктатуры. Эта дата фактически означает завершение восходящей линии Великой французской революции.

[2] Согласно показаниям Н. Н. Виноградского (см. с. 319) Мельгунов должен был переслать с Аксельродом записку для участников Международной конференции социал-демократических и социалистических партий в Берне (февраль 1919 года). См. также примечание на с. 82.

О РАСШИРЕННЫХ СОБРАНИЯХ

Если на заседаниях группы СВ от времени до времени и присутствовали те или иные лица, но назвать их не имею морального права. Наименование их означало бы приклейку им определенного ярлыка, что едва ли соответствовало действительности и что едва ли соответствует достоинству допрашиваемого.

Каких-либо расширенных собраний членов СВ не было: 1) не было в наличности таких членов; 2) не было для них почвы при отсутствии практической работы.

О собраниях представителей партии весной и летом 1918 года я уже говорил. С осени 1918 года таких собраний более не происходило.

Зимой и весной 1919 года я присутствовал лишь на нескольких объединенных заседаниях с представителем «Национального центра» и на редких довольно беседах представителей московской интеллигенции, устраивавшихся от времени до времени совершенно произвольно, в зависимости от вопросов, которые ставила текущая жизнь и на которые являлась потребность обменяться мнениями. Такие беседы отнюдь не устраивали какие-либо организации. Чаще всего они происходили по частной инициативе. Предметом такого рода собеседования служила информация того или иного лица, того или иного распоряжения Советской власти (например, декрет о кооперации [1]), события вроде созыва конференции на Принцевых островах, настроение (например, усиление соглашательских тенденций по отношению к Советской власти [2]), собрания, которые устраивал Горький, и т. д. Сходились на такие совещания люди разных взглядов. Изложить эти взгляды затруднительно. Естественно, что никаких конспиративных взглядов на них не поднималось. На таких собраниях я встречался с С. Н. Прокоповичем. Не беру на себя смелость излагать его взгляды, на что я не имею решительно никакого права. Могу только отметить, что Прокопович не примыкал к платформе СВ (во всяком случае, в ее целом), и он всегда усиленно подчеркивал, что для него неприемлема никакая интервенция, в какой бы форме последняя ни выражалась.

---

[1] Имеется в виду декрет Совнаркома от 16 марта 1919 года «О потребительских коммунах», предусматривавший объединение рабочей кооперации в городах (а при ее отсутствии – общегражданской кооперации) и сельской потребительской кооперации в единый распределительный орган — потребительскую коммуну.

[2] В конце 1918 — начале 1919 года после контрреволюционного переворота Колчака в Омске, а также в связи с отражением первых выступлений внутренней контрреволюции, аннулированием Брестского мира, поворотом среднего крестьянства в сторону пролетариата эсеры и меньшевики заявили об отказе от вооруженной борьбы против Советской власти. Они были легализованы, получили право издавать газеты, вести агитацию.

О МОСКОВСКОЙ ГРУППЕ «СОЮЗА ВОЗРОЖДЕНИЯ»

Та маленькая московская «группа», которая разделяла платформу «Союза возрождения», как она выработалась летом 1918 года, в сущности, как я показывал, никакой практической работы не вела (практической в смысле действия). Поэтому она и не расширялась, поэтому ни разу ни одной даже резолюции от этой группы не было принято. Если мы продолжали собираться от времени до времени, то именно для обмена мнений, установления некоторых общих точек зрения на текущие вопросы — в сущности, как я уже указывал, в этом именно и была первоначальная идея СВ,— какую часть, так сказать, «теоретического» характера мы старались сделать, я указывал в показании 5 марта. В области информации Щепкин, имевший те или иные сношения с Югом, сообщал нам то, что делается там, причем с СВ он никогда ничего нам сообщить не мог, — может быть, отрывочные сведения о том, что на Юге никакого контакта между общественными группировками не устанавливается и что он старается воздействовать на представителей НЦ (Астров). Мы настолько мало были осведомлены о деятельности СВ на Юге, что прокламация, виденная мною при допросе от 7 июня, была для меня совершенной неожиданностью. Я был глубочайшим образом убежден, что на Юге, наоборот, полный разрыв, так как наши сведения, в сущности, ограничивались лишь сведениями из одесских газет (весна 1919 года) и выдержками из статьи Мякотина, перепечатанными в «Известиях», где М. резко критиковал правительство Добровольческой армии, в котором столь принимает участие Мильн и К°[1]. Мне казалось, что в Москве между общественным группированием устанавливается большее понимание, и я это объяснял тем, что здесь правее стоящие нас группы находятся в бездействии, то есть не подошли еще к власти, как это было на Юге. И как раз южное положение, с моей точки зрения, являлось плохим предзнаменованием, и я видел нашу задачу своевременно это предусмотреть: правильно или нет, но мне казалось, что известная договоренность является некоторой гарантией. Приходилось, конечно, видеть людей, приезжавших из Киева и Харькова, но эта информация носила более обывательский характер. Весной из Киева приезжал наш член партии (нар. соц.) В. Б. Станкевич, но он, в сущности, сообщил нам лишь о Киеве — никаких связей с Югом у нас не было.

При таких условиях мы абсолютно лишены были возможности действовать, даже если бы хотели. Но, помимо того, мы принци-

---

[1] В тексте «Пильц и К°». Речь идет о генерале Д. Мильне — главнокомандующем английскими войсками на Ближнем Востоке, в Закавказье и на Юге России. Мильн оказывал всемерную помощь Добровольческой армии в снабжении ее оружием, боеприпасами, снаряжением.

пиально, как я указывал, мало склонны были принимать участие в партизанских действиях как массовых восстаниях по существу своему. Люди, входившие в «группу», не были действенные. Кондратьев занимался преимущественно наукой (весной 1919 года он сдал магистерский экзамен по политической экономии при Московском университете; летом он занят был обработкой своих лекций «Основы политической экономии» — книга к осени, насколько мне известно, была закончена). Кондратьев информировал нас о точке зрения с.-ров и о настроениях в кооперативных кругах (не столько политических, сколько социальных, так как в кооперации значительный отход в массе от социализма).

Цедербаум, бывавший довольно редко, сообщал нам о том, что думают марксистские круги о настроении рабочих. В чем-либо другом его деятельность абсолютно не проявлялась. Такой же характер носила информация и других.

Что-либо другое о практической деятельности этой «группы» показать абсолютно не могу.

О ШЕСТЕРКЕ

Я решительно не могу указать ни одного практического мероприятия, которое было бы принято шестеркой для передачи на обсуждение по группам. Единственное заседание, на котором обсуждался вопрос «практического характера», это было заседание, где слушалось сообщение о военной организации; как я указывал, группа СВ совершенно не была осведомлена о сущности этой организации. На заседании вопрос был поставлен приблизительно так. Существует военная организация в целях, указанных в моих показаниях от 25 марта. Пребывание в бездействии становится невозможным — организация разлагается, ей грозит провал. Раз так, то необходимо ей выступить. Если суждено гибнуть, то надо гибнуть? Вопрос ставился так: общественные деятели, принадлежащие к разным политическим кругам, должны дать как бы моральную санкцию. Моя точка зрения, которую разделяли все участвующие в группе, примыкавшей к платформе СВ, была следующая. Мы можем моральное одобрение давать тому, в чем участвуем непосредственно. Если бы мы стояли на точке зрения карбонарийских заговоров (что приблизительно было в зимние и весенние месяцы 1918 года в некоторых с.-р. кругах), то, конечно, приняли бы непосредственное участие в этих военных организациях. Наша военная организация стояла вне политических группировок. О данной военной организации мы ничего не знаем: ни ее состава, ни принципов построения, ни, в сущности, ближайших ее целей. При таких условиях не может быть речи о какой-либо санкции. С моей личной уже точки зрения, подобное выступление

приходилось бы квалифицировать как общественное преступление. Оно, обреченное на неудачу, повлекло бы за собой массу невинных, а главным образом, совсем ненужных жертв. Я указывал на вредные последствия выступлений, подобных савинковскому в Ярославле. Это лишь способствует укреплению Советской власти на почве неизбежного усиления общественного разочарования. Единственно, что я мог рекомендовать, это роспуск военной организации, а лицам, которые считают необходимым бороться вооруженным путем, эвакуироваться из пределов Советской России. Во всяком случае, все другие представители общественных группировок на данных, по крайней мере, заседаниях высказывались против какого-либо выступления.

Считаю своим долгом указать, что обсуждение этого вопроса совершенно не стояло в связи с выступлением, якобы предполагавшимся, о котором говорилось в документах, опубликованных по делу Щепкина и др. в сентябре. Опубликованный план был полной новостью не только для меня. Я очень и очень сомневаюсь, чтобы Щепкин вообще давал на подобные выступления какую-либо санкцию, даже лично от себя, — по крайней мере, никаких намеков в этом отношении он не делал. По моему глубочайшему убеждению, он крайне отрицательно относился к подобной идее.

В заключение я должен сказать, что совершенно неверно заявление, что с 1 августа 1919 года я скрывался. Меня не было в Москве, когда меня пришли арестовать. В период засады я, конечно, боялся появляться на квартиру, тем более что это было время моего летнего отпуска. Узнав через Каменева и Бонч-Бруевича, что засада снята, я вернулся к своим постоянным занятиям: ежедневно бывал в «Задруге» и три раза в неделю бывал в редакции «Голоса минувшего»; жил в деревне для более успешного выполнения своей работы, которую, как могу сказать, почти закончил. Жил и для некоторого, так сказать, психологического спокойствия, так как у меня не было гарантии, что не буду вновь арестован, и не желал думать о сем каждую ночь.

Если я после четвертого раза (обыска и ареста) не скрылся за пределы Советской России, что сделать было, конечно, нетрудно, особенно в сентябре, когда фронт был так близок от Москвы, то потому, что я не видел для себя места в общественной жизни Юга из создавшейся там конъюнктуры (пожалуй, одну тюрьму приходилось бы менять на другую, как показал опыт с Аргуновым [1], с расстрелом Ладинского и т. д.). Я полагал вместе с тем, что моя политическая роль в Москве не носила такого характера, при котором мне можно было поставить в вину участие непосредственное в каком-либо заговоре, а тем более в активном вооруженном

[1] А. А. Аргунов, член ЦК партии эсеров, вместе с другими руководителями Уфимской директории был арестован в Омске во время колчаковского переворота в ноябре 1918 года.

выступлении против Советской власти, в чем только я обязался подпиской не принимать участие. Считаю, что подписки своей не нарушил и обещания своего, как бы данного моим поручителям.

P. S. Что касается проекта «о частной собственности», будто бы написанного моей рукой, то он во всяком случае мне не принадлежит. Если он написан моей рукой, в чем, впрочем, сильно сомневаюсь, то переписан с чего-либо. По содержанию, как мог я уловить, он должен принадлежать какой-либо правой группе. Может быть, это один из проектов, напечатанных в одесских газетах. Во всяком случае, Котляревский от меня получить его не мог.

17 марта 1920 года *С. Мельгунов*

ПОКАЗАНИЯ С. А. КОТЛЯРЕВСКОГО

I

Прежде чем обращаться к изложению моей собственной деятельности за время Октябрьской революции, я отвечу на отдельные вопросы, поставленные вами. Вы назвали Герасимова, Трубецкого, Муравьева и Кольцова и спросили, кто из них мог быть в ядре «Центра», в самой его организации. Я думаю, что с наибольшей вероятностью это можно сказать о Герасимове. Он производил впечатление человека прямого, твердого, с большим опытом, хотя уже с подорванным здоровьем и силами, человека с авторитетом в глазах окружающих. Мимоходом скажу, что сам Шипов относился к нему с очевидным большим уважением, много, однако, с ним спорил. Я бы сказал, что в этих спорах сказывалось столкновение известного народничества и бюрократизма. В частности, Герасимов выступал в октябре или ноябре с сообщением о постановке школьного дела, желательной в России, и особенно интересовался этим вопросом, хотя принимал живое участие и в других.

Относительно Трубецкого это уже было менее вероятно. Он появился на наших собраниях поздно весной, когда они вообще стали реже, да и я менее их посещал. Я его часто видел по работе в «Северном пути», где он занимался в лесном отделе; когда Борисов и Воблый[1] меня пригласили, я его там уже застал. Он работал усердно и обнаружил большой практический смысл и знание дела. Борисов и Воблый оба его очень ценили, и, конечно, Воблый мог бы дать более полные данные о его работе. Я слышал, что он в

[1] Воблый — один из участников концессии «Великого Северного пути». Организовал сбор денежных средств среди буржуазии для строительства железной дороги, выдавал, ссылаясь на подложные «гарантии» норвежского консульства, обязательство возвратить взятые суммы валютой. Свои валютные сделки объяснял стремлением содействовать удержанию курса русского рубля на иностранных биржах. См. примечание на с. 306—307.

трудном материальном положении, имея на руках семью, которая потеряла средства, и должен был прежде всего искать заработка. Производил впечатление человека с несколько доктринерским умом, подходящего к вопросам политическим рассудочно, свободного от увлечения и чуждого всяких авантюр.

Положительно невероятным мне казалось бы такое участие Кольцова и Муравьева. Кольцова я видел часто, но он был довольно пассивен. Единственное его личное небольшое сообщение было лишено всякой политической окраски — об организации научной работы в государстве (научные институты, академии, изобретения и т. д.). Интересовался он живо обсуждаемыми вопросами, но скорее как слушатель. Мне кажется, он представлял тип чистого ученого-теоретика. Пользовался всегда репутацией прекрасного преподавателя и очень этим делом интересовался.

Я остановлюсь подробнее на Муравьеве, так как знал его ближе, чем других, а также ввиду поставленных вами о нем особых вопросов. Муравьев мне представляется из указанных лиц умом наиболее подвижным, разносторонним и способным к эволюции. Он вообще был противником иностранной интервенции и совершенно не разделял той веры в союзников и благодетельность их воздействия на Россию, которая была особенно у Шипова и Федорова. Далее, уже весною 1919 года он часто высказывался в том смысле, что желательны скорейшее открытие границ и всеобщий мир, что в большевистском режиме есть элементы совершенно здоровые, которые при благоприятных условиях сами разовьются. В частности, будучи большим противником отделения окраин, он неоднократно указывал, что большевики осуществляют миссию объединения России (это всегда подчеркивал и Кольцов), весьма отрицательно вообще относился к нашим контрреволюционным группам. На наши собрания он смотрел как на обмен мыслей и информаций (последняя, впрочем, была весьма скудна и анекдотична). Я не видел его с лета долгое время и встретил лишь в конце прошлого года. Он решительно говорил о необходимости совместной работы беспартийной интеллигенции с коммунистами и не только о безусловном прекращении всякого бойкота со стороны интеллигенции, но и ее активном участии в этой работе.

Был под сильным впечатлением — я бы сказал, под обаянием – Троцкого. На наших собраниях он делал сообщения больше по внешней политике, отчасти и на основании иностранной прессы, но главным образом чрезвычайно внимательно изучал прессу советскую; очень интересовался всегда вопросом о Красной Армии как проявлении слагающейся из революции государственности.

Что касается поступления его в Комиссариат иностранных дел, то дело это, по рассказу Муравьева, обстояло так. Не он туда по-

шел с предложением своих услуг, а его пригласил Чичерин (кажется, через Паскаля). Муравьев был у Чичерина и Карахана, более подробно говорил со вторым и получил от него поручение организовать информационную часть: она должна была собирать сведения из иностранной прессы, делать обзоры о политическом и об экономическом положении для комиссариата, сообщать сведения нашей прессе, следить за книгами и т. д. Учреждение предполагалось большое, и Муравьев мне предложил взять отдел научной библиографии, обзор книг. Дело казалось мне весьма интересным, так как можно было познакомиться с иностранной литературой, которую мы совсем не знаем. Я согласился, но так как образование бюро замедлилось, то поступил в Комиссариат юстиции, где тоже предстояла в высшей степени интересная работа. Я не сомневаюсь, что Муравьев руководился желанием работать в той области, которая была его всегдашней специальностью, в которой он занимался раньше. Он категорически высказался, что внешняя политика Советской России есть прежде всего внешняя политика России и она должна направляться в ее интересах, что нужно кончить здесь с нелепыми бойкотами и предубеждениями. Я не знаю, существуют ли в Москве в настоящее время какие-либо белогвардейские организации, думаю, что все они отошли в прошлое, но совершенно немыслимо, что, если бы они и существовали, Муравьев с его теперешними взглядами мог иметь к ним какое-либо касательство. Сошлюсь здесь на Денисевича, коммуниста и партийного работника, окружного уполномоченного Трамота. Я как-то с ним шел, и мы встретили Муравьева. Здесь между ними шел оживленный разговор об отношении интеллигенции к Советской власти, разговор, в котором они по существу сошлись. Помню также, как неделю тому назад Муравьев меня спрашивает при встрече, не знаю ли я чего-нибудь по вопросу о Шпицбергене. Он сообщил с большим удовлетворением, что Чичерин решил протестовать против самовольной отдачи этого владения, на которое у России есть свои права и большие интересы, Норвегии. Что касается до разговоров о его поступлении в Комиссариат иностранных дел, то они были просто вызваны тем, что для некоторых вопросы советской службы и, в частности, службы в Комиссариате иностранных дел, как бы предполагающей солидарность с советской внешней политикой, остаются не решенными. Если в чем была ошибка Муравьева, то лишь в том, что он вообще обращал внимание на подобные сомнения, от которых сам был совершенно далек.

Наконец, по поводу доклада Муравьева, назначенного на воскресенье, 22-е. Он должен был явиться продолжением или быть в известной связи с докладом Ильина, бывшим в воскресенье, 15-го. Ильин читал главу из своей большой книги о правосозна-

нии, которую он, кажется, уже написал. Летом он несколько раз читал главы из этой книги. Это уже чистая наука или философия, которая, конечно, имеет некоторое приложение и к современности, но не заключает в себе ничего актуально-политического. Я посещал обычно сообщения Ильина и здесь встречал по преимуществу людей академического круга, часто совершенно аполитичных не только в настоящем, но и в прошлом (математик проф. Лузин, лингвист проф. Петерсон). По поводу сообщения Ильина были некоторые как бы ответные сообщения такого же рода, также совершенно теоретические и философские (помню одно — Бердяева).

Муравьев часто их посещал и принимал участие в прениях. В воскресенье я также был на докладе Ильина, но ушел до конца прений; не знаю точно тему Муравьева, но не сомневаюсь, что она носила подобный же характер. Я знаю, что Муравьев участвовал в семинарии Ильина по философии Гегеля; он вообще интересуется философскими вопросами. Сам я слышал его один реферат в собрании наших экономистов, которые летом образовали кружок для изучения социализма с точки зрения хозяйства, правовой и культурной.

ОТНОСИТЕЛЬНО РЕЗОЛЮЦИЙ, КАСАЮЩИХСЯ ТЕХ ПУНКТОВ, НА КОТОРЫХ ОБЪЕДИНИЛИСЬ СОД, НЦ И СВ

Насколько я могу припомнить, я действительно какие-то из них переписывал — часть, кажется, у Венцковского, который, наверно, их показывал (я вернусь к его посещению). Он очень интересовался отношением различных русских групп к единству России и старался выяснить, как они его понимают. А какую-то резолюцию, кажется, касающуюся одесского совещания четырех групп, но приблизительно одинакового содержания, я, помнится, списал в «Задруге», только решительно не помню, кто мне ее показывал. В «Задруге» я был несколько раз весною 1919 года по поводу гонорара за прежние статьи и по поводу предполагавшихся издательских дел. Резолюциям этим я не придавал вообще никакого значения, кроме показательного. Венцковский считал, что резолюция по поводу объединений платформ была составлена Алексинским, но, кажется, я слышал это из других источников.

ПЕРЕХОЖУ К ИЗЛОЖЕНИЮ МОИХ ДЕЙСТВИЙ И ВЗГЛЯДОВ

Я принимал деятельное участие в русской политической жизни 1905—1907 годов, был членом Государственной думы первого созыва, деятельным кадетом и до 1908 года состоял в ЦК партии. Но

в конце 1907 года я был осужден за Выборгское воззвание[1], потерял политические права и посвятил себя науке и преподаванию. Фактически я не принимал участия в партийной жизни 1908 года, а формально вышел из кадетов по принципиальным с ними разногласиям перед выборами в четвертую Государственную думу в 1912 году. С тех пор я решил остаться беспартийным и не входить в политические организации, обязующие к известной дисциплине. Беспартийным оставался и после Февральской революции, это имело свои неудобства: я не мог, например, как хотел бы, попасть в Московскую городскую думу: выборы шли по партийным спискам. В то же время я считал, что по вопросам своих специальных знаний я вполне могу выступать и в организациях, к которым не принадлежу и с которыми даже существенно расхожусь. Весною 1919 года, например, я сделал сообщения у московских кадетов о монархии и республике, а летом того же года у меньшевиков в Петербурге — ряд сообщений об автономии, федерации и о национальном вопросе. Политически я мог бы определить себя как эволюционного социалиста.

Октябрьская революция не была для меня неожиданной. Я считал нелепым бойкот, которого держалась значительная часть интеллигенции, но не верил в прочность Советской власти и, естественно, не разделял ее политику. В наибольшем отчуждении от Советской власти я находился в период Брест-Литовского мира. К этому миру я тогда относился совершенно отрицательно и считал весьма полезной всякую против него агитацию, особенно в период, предшествовавший его заключению, когда, мне казалось, эта агитация могла повлиять на условия его. Мне приходилось выступать и открыто в газете «Утро России»[2], в соединенном заседании университетских обществ, а также и в отдельных организациях, даже таких, к которым, по существу, я относился без всякого сочувствия. Когда образовавшаяся при «Союзе земельных собственников» экономическая комиссия занялась вопросами о последствиях этого мира для русского сельского хозяйства и пригласила меня, я принял участие в ее работе. Принимал участие и в заседаниях по этому вопросу, устроенных в феврале и марте «Союзом общественных деятелей». До этого я был раз на съезде «Союза» — втором, в октябре, незадолго до революции, был простым зрителем. Физиономия «Союза» тогда не определилась. Съезд проходил под знаком

---

[1] Выборгское воззвание было ответом партии кадетов на разгон царским правительством 10 июля 1906 года I Государственной думы. Воззвание призывало население к кампании мирного неповиновения властям — отказу от уплаты налогов, от отбывания воинской повинности и т. д.

[2] «Утро России» — ежедневная газета, орган торгово-промышленных кругов. Издавалась в Москве в 1907 и в 1909—1918 годах. Закрыта за контрреволюционную пропаганду.

резкого осуждения Керенского и вообще политики Временного правительства, но какой-либо конкретной программы, кроме общих пожеланий о возрождении армии, объединении национальных сил и т. п., этому не противополагалось. Мне неизвестно было, что стало с «Союзом» после революции, но в феврале я получил приглашение принять участие по поводу мира. Там я в первый же раз нашел много народу: помню Кривошеина, Новгородцева, Белоруссова, Гурко и Кистяковского; Щепкин и Леонтьев, кажется, были, но я не помню, высказывались ли они. Много было неизвестных. Я в общем повторил свой доклад в университетских обществах. Мир очень осуждался, но, с другой стороны, осуждалось начинающееся в некоторых кругах стремление воспользоваться против большевиков немецкими штыками. В этом смысле особенно говорили Новгородцев и Гурко.

Постепенно я должен был изменить свой взгляд на Брест-Литовский мир. Штернберг, бывший тогда в Комиссариате народного просвещения, привлек меня к переводу договора вопреки моему долгому нежеланию, и, изучая его условия в подробности, я нашел, что он мог бы быть даже без полного аннулирования существенно улучшен. Главное же, я убедился, что заключение этого мира было совершенно неизбежно.

Мне очень много дали в этом смысле рассказы Ружейникова, ныне члена казацкого отдела ВЦИК, о положении на фронте, откуда он и вернулся. В то же время, изучая немецкую прессу и литературу, какая все-таки проникала в Москву, я нашел, что на этом мире сама Германия не может долго настаивать: необходимость толкает ее на действительное примирение с Россией. Немецкая же вооруженная интервенция, по тем же источникам и по сведениям, доходящим из оккупированной Украины, казалась мне совершенно исключенной. Наконец, я убедился, что так называемая союзническая ориентация, связанная с бесконечным продолжением войны и с японским вторжением, более опасным, чем немецким, никоим образом не может быть принята целостно и без оговорок. Словом, мир был неизбежен. И когда произошло безумное убийство Мирбаха, я должен был признать, что большевики были правы, а левые эсеры могли навлечь на Россию великие беды. В ходе этих мыслей я перестал посещать довольно быстро совещания, собираемые СОД, которые мне казались бессодержательными и неинтересными.

В это время я работал в Военно-промышленном комитете [1] и составлял отчет о его деятельности с самого основания по различным отделам. По поводу этого отчета мне приходилось быть у разных лиц, связанных с нашей промышленной и вообще экономи-

[1] Военно-промышленные комитеты - общественные организации, образованные в 1915 году с целью мобилизации промышленности для военных нужд.

ческой жизнью. Был у Третьякова, стоящего во главе льняной секции комитета. Он рассказывал об образовании Центра, борьбе там германофильского и союзнического течений, борьбе, расколовшей и торгово-промышленный класс. По-видимому, тогда и образовалась группа лиц, из которых сложился «Национальный центр», и большую, если не главную роль, по словам Третьякова, здесь играл Астров. Вообще московские кадеты, по отзывам близко стоящих к ним лиц, были решительными сторонниками союзнической ориентации. Сам Третьяков, насколько я помню, тоже склонялся к союзникам, однако очень опасался вовлечения японцев в русские дела. Около этого времени я по делам того же отчета ВПК был у Федорова и узнал, что он стоит во главе общественной и продовольственной организации, она называлась Центроко [1]. Я спросил у него, нет ли там работы; он сказал, что нет, но очень предлагал уехать на Украину, куда и сам собирается; говорил, что там будет много дела в экономических и финансовых организациях. Я указывал на их классовый, спекулятивный характер (например, «Протофиса»), который явствует из всех известий, доходящих с Украины. Федоров с этим соглашался, но говорил, что поэтому и надо лечить экономическую жизнь на Украине. Вскоре после этого Федоров был у меня и предлагал принять участие в политической работе на Украине, которая там начинается и которая должна произвести прежде всего изменения в составе Украинского правительства (он считал, что при настоящих условиях немедленное соединение Украины с Россией неосуществимо, но должно быть подготовлено). Федоров думал, что Скоропадский обречен, как и группы, опирающиеся на немцев, которым уже военные части изменяют, и что должно быть правительство, верное союзникам. Говорил, что в будущем возможно было бы и мое участие хотя бы в качестве товарища министра иностранных дел или секретаря — правда, не в виде какого-либо определенного обещания, а предположения. Я решительно отказался, указав, что, будучи сам украинского происхождения, мог бы принять подданство и сделать там политическую карьеру, но совсем это не имею в виду, вовсе не хочу быть в каком-либо правительстве, особенно после пережитого в эпоху Временного правительства, что власть союзников на Украине — не замена для власти немцев и т. д. Федоров все же очень убеждал уехать, указавши, между прочим, что на юг, кажется в Екатеринодар, уехали уже Астров и Степанов. Когда я все-таки отказался, он просил снабдить его какими-нибудь материалами по Украине. Я дал ему записку мою об украинской автономии, составленную при Временном правительстве, когда я был членом юридического совещания, куда передан был этот вопрос, и другие материалы, которые у меня были.

[1] Центральное (всероссийское) кооперативное объединение.

После этого ко мне заходил Шипов (сентябрь 1918 года) и просил прийти к нему, так как Федоров хотел переговорить с ним и со мной. Там застал я Карташева (я познакомился с ним при Временном правительстве, когда он был комиссаром исповедания). Карташев прочел свою программу по церковно-религиозному вопросу для Украины и, пожалуй, для всей России. Затем Федоров просил меня изложить, как я понимаю внешнеполитическое положение. Здесь мы довольно резко разошлись. Я вовсе не считал для России желательным полный разгром Германии и даже распадение Австрии, но и Федоров и Шипов фанатически отстаивали союзников, победа коих должна оздоровить весь мир, и Россию в том числе. Меня поразило тогда противоречие у Шипова, с которым я и позднее часто сталкивался. С одной стороны, он всего ожидал от внутренней, духовной эволюции русского народа и полагал вредным всякое насильственное действие и вмешательство. С другой, он думал, что каким-то путем союзники могут помочь России сейчас же. В конце концов Федоров просил меня составить записку по внешней политике, которая будет даже оплачена и которую он свезет на Украину. Я решительно отказался, не зная, какое выйдет отсюда политическое употребление. Но я счел возможным дать Федорову часть большой записки, составленной мной в 1916 – 1917 годах, когда я был председателем совещания по железнодорожному строительству при московском Военно-промышленном комитете, с дополнением о железнодорожном строительстве в Южной России и получил за нее гонорар. Здесь не было ничего политического, и суть этой записки я напечатал в «Экономической жизни» (декабрь 1918 года и январь 1919 года).

После этого Шипов стал меня приглашать на совещания, где обсуждались разные вопросы: законодательные, правовые, экономические и общеполитические. Трудно было назвать эти собрания какой-либо организацией, и состав их был не совсем постоянный. Обсуждались, например, разного рода положения по рабочему вопросу, выработанные Червен-Водали, и здесь принимали участие промышленники (октябрь – ноябрь 1918 года). Общая тенденция была – найти равнодействующую между старым и новым строем. В общем, господствовал взгляд, что большевизм должен внутренне переродиться и уступить место другим течениям. Передавались информации, иногда читались письма с Юга, но все это было весьма бессодержательно. На меня производило впечатление, что никакой связи собственно с уехавшими нет или нам ее не передавали. Я интересовался по преимуществу вопросами внешней политики и окраинами (Польша, Финляндия), а также областным строительством и национальностями. Помимо этого, готовил большое сообщение об экономических связях Польши и России. Предполагалось позвать экономистов, но это не вышло, и я не нашел Коз-

ловского, секретаря польской миссии, которого мы хотели расспросить. Были и большие споры. Я, например, решительно не думал, что единство России без оговорок — все равно, большевистских, меньшевистских, кадетских,— может сейчас быть плодотворным политическим лозунгом. Нельзя навязывать окраинам централизма. Больше того, когда все разрушается, не нужно ли прежде всего остановить это разрушение, не воевать друг с другом и воссоздаваться по частям? Должен сказать, что я делал разные сообщения по этим вопросам и в других местах, особенно отстаивал важность федерализма в России.

Между тем мое отношение к Советской власти оставалось каким-то двусмысленным и начинало меня тяготить. Я не хотел, да и не видел возможности активно с нею бороться, в то же время я все-таки избегал с нею соприкосновения. Хотел как бы остаться нейтральным, в роли наблюдателя или историка. Но это оказывалось все труднее. Гражданская война не знает нейтралитета, и все промежуточное в ней бессильно. Нужно было или активно бороться и тогда ехать на Юг или на Восток, или найти способ лояльной и честной с ней работы.

Здесь у меня постепенно произошел перелом. Он был связан прежде всего с Принцевыми островами. Я считал, что этот проект, если бы он осуществился, мог бы принести России великое благо или, точнее, мог бы избавить ее от великого зла, потоков крови, проливаемой в гражданской войне, материального разорения и морального одичания. Несомненно, проект был проникнут скорее враждебным отношением к Советской власти, и, однако, она его приняла. Я считал и считаю тяжким грехом Деникина и Колчака и разных заграничных русских групп, что они все сделали для его провала. Может быть, попытка и не удалась, но нужно было ее сделать. Еще более пагубным был провал американского примирительного проекта, на который Советская власть дала свое согласие, но который был сорван Францией и Англией при участии русских белогвардейских групп. Тут была бы, во всяком случае, передышка, открылись бы границы, снята была бы блокада и т. п. Я изложил свой взгляд в публичном сообщении и в Кооперативном клубе в марте 1919 года, мне кажется, встретил полное сочувствие аудитории и очень жалел, что не мог по внешним условиям пропагандировать его далее. Далее на мне сильное впечатление оставил разговор с польским уполномоченным Венцковским, у которого я был по делам «Северного пути»[1], но с которым пришлось вести и

[1] В июне 1918 года художник А. А. Борисов и норвежский банкир и промышленник Эд. Ганневик обратились в Совнарком с предложением о выдаче им концессии на строительство железных дорог Обь — Котлас — Сорока и Котлас — Званка или Котлас — Петроград и предоставлении им на 48 лет на концессионных началах 8 млн десятин лесных разработок в бассейнах рек Печоры и Оби. Они

общую беседу. Венцковский заявил, что он совсем не враг России и даже Советской России (с большим сочувствием и уважением говорил о Чичерине), но из его слов было ясно, как растет польский империализм, подготовляя столкновение с Россией. И этот империализм направлялся Антантой, прежде всего Францией, которая, разочаровавшись в России, как бы желала поставить вместо нее Польшу, поощряя ее к захвату русских земель в границах чуть ли даже по Днепру, а не по Березине. А Версальский мир ясно предопределял будущее сближение ограбленной Германии и России. Уже поэтому утверждение правительства, совершенно зависящего от Англии и Франции, есть опасность с точки зрения чисто русской. В Германии же, хотя бы и с шейдемановскою властью и диктатурой Носке [1], есть полная готовность вступить с Россией в мирное общение.

С другой стороны, чем больше я думал, тем более мне казалось сомнительным, чтобы другая, несоветская власть могла ввести в России сейчас порядок и дисциплину — если эта власть не держится на иностранных войсках, которые когда-нибудь да уйдут, и тогда повторится судьба Скоропадского. Я видел все темные и жестокие стороны существующего порядка, столь усиленные гражданской войной, что даже и они лучше сплошного анархического бандитизма. В лагере, боровшемся с Советской властью, много людей прекрасных, благородных, талантливых, много таких, с которыми я лично был связан своим прошлым, но там нет людей калибра Ленина и Троцкого. Здесь можно видеть и фанатизм, и утопии, но там не чувствуется вообще новых начал. Ведь единство и неделимость России только форма: чем будет жить единая неделимая Россия? Как историк, я чувствовал, что возврата к старому нет в гораздо более глубоком смысле, чем это понимают. Ни одна антибольшевистская группа не внесла своего положительного содержания в смысле этого нового. Огромные недостатки большевизма связаны с огромностью самого явления русской революции и открывающихся из нее мировых перспектив.

Вся творческая работа как будто остановилась, и все же Красная Армия при самых тяжелых условиях становится настоящей

обязались поставить материалы, инструменты, машины и другое оборудование для изыскательских и строительных работ. Создание Великого Северного пути (такое название получила будущая магистраль) открывало перспективу хозяйственного освоения европейского и азиатского Севера страны, экспорта через Мурманск и порты Балтийского моря сибирского леса, рыбы, дичи, пушнины, ухтомской нефти, кузнецкого угля. 4 февраля 1919 года Совнарком РСФСР признал принципиально допустимым предоставление концессии иностранному капиталу и одобрил общий план предполагаемых работ. Гражданская война помешала приступить к намеченному строительству.

[1] Носке Густав (1868—1946) — германский социал-демократ. В феврале 1919 — марте 1920 года — военный министр.

русской армией. Оздоровление только в общей созидательной работе. В малом виде я видел это на реформе университета и создании факультета общественных наук, в котором мне пришлось принять участие. И у меня явилась потребность расширить это участие. Еще раньше я обратился к В. М. Свердлову [1], предлагая организовать при нашем Красном Кресте широкую разработку вопросов, поставленных на очередь войной и направленных на ликвидацию ее последствий и смягчение на будущее время. Свердлов вполне сочувственно отнесся к этому, и весной 1919 года мы в К. К. (консультации) выработали ряд новых международных правовых положений. Я надеялся, что общение краснокрестных организаций, хотя бы по поводу обсуждения этих положений, может пробить некоторую брешь в нашей блокаде. Наконец в июне я решил стать просто советским ответственным работником и поступил в Трамот ВСНХ. Здесь уже я должен был сам подать прошение и с тем принять на себя соответственное обязательство. Остановился на Трамоте, так как меня особенно интересовал транспорт и я полагал, что работа в этой области наиболее неотложна. Эта работа дала мне очень большое удовлетворение. Я убедился, что и при современных условиях можно достигнуть известных результатов, особенно в учреждении, руководимом таким энергичным и талантливым лицом, как председатель коллегии Трамота. Тем с большей уверенностью я вступил в Комиссариат юстиции, к несчастью, до сих пор как-то бойкотируемый многими нашими юристами, которые могли бы принести здесь большую пользу. Точно так же я принял предложение Л. Б. Каменева, сделанное в день моего ареста, вступить секретарем председательствуемой им комиссии по национальным и федеративным вопросам — область, которой я всегда занимался. Я вижу и вполне убедился, что в условии наличного строя для русской интеллигенции возможно весьма широкое и интересное применение своих сил. С другой стороны, я уже раз был арестован, раз был дан ордер на мой арест, и помню, с каким доверием отнеслись ко мне учреждения, с коими я был связан, и отдельные лица, какую они оказали помощь, хлопотали за меня, брали меня на поруки и т. д. Все это налагает обязательства, которые должны быть выполнены и могут быть выполнены лишь лояльным отношением к Советской власти и действительно полезной работой. То и другое я, оставаясь беспартийным и, конечно, не выдавая себя за обратившегося в коммуниста, хотел бы выполнить полностью.

В ядро «Национального центра», по моим впечатлениям, входили: Шипов, Щепкин, Огородников, возможно, Герасимов. Что

---

[1] В. М. Свердлов — председатель Центральной коллегии Российского общества Красного Креста.

касается Трубецкого, то я не помню его на наших совещаниях раньше весны 1919 года. Щепкин особого руководящего значения не имел и не всегда там бывал, но часто председательствовал. На совещаниях более активными были Шипов и Герасимов. С апреля 1919 года я вообще реже посещал совещания НЦ. На одном из них, приблизительно около пасхи, присутствовал человек в военной форме, которого привел с собою Шипов, который рассказывал о положении на Юге борьбе партий, помнится, о событиях в Одессе, связанных с оставлением ее французами. Никаких особых расчетов на Добровольческую армию он не возлагал. Один раз на совещании по рабочему вопросу присутствовали Четвериков и Морозов, где обсуждались материалы и соображения Червен-Водали, имевшие отношение, очевидно, к Югу России. Один раз присутствовал Хрущев, помнится, это было на моем докладе об основах федеративного строя в России, и я не помню, не привел ли я его сам. Один раз я видел человека в инженерной форме. В августе я был действительно на совещании, где были Кольцов, Щепкин, Трубецкой, Муравьев и Герасимов, где шли разговоры об общем политическом положении, напряженном положении на фронтах и т. д. В сентябре, я слышал, у Щепкина были переговоры с представителем английского правительства и что эти переговоры оборвались его арестом. Если Щепкин сделал доклад об этих переговорах на заседании, я на таком заседании не был. Заседания происходили либо в Научном институте, либо, и чаще, на квартире Кольцова. Насколько я слышал, входили в «Тактический центр» «Союз возрождения», «Национальный центр» и «Союз общественных деятелей». Назывались в качестве делегатов от СОД — Д. М. Щепкин и Леонтьев, от НЦ - Герасимов и Щепкин, от СВ — Щепкин и Мельгунов.

25 февраля 1920 года *С. Котляревский*

II

На первых заседаниях «Национального центра» принимал участие Салазкин (к.-д.). Он участвовал в обсуждении продовольственных вопросов. Этими вопросами особенно интересовался Федоров Михаил Михайлович (ТЦ), который, кажется, и ввел Салазкина в «Национальный центр». В организации «Национального центра» принимал участие также Червен-Водали (примыкал к торгово-промышленной группе) из Твери; к.-д. Федоров говорил, что Червен-Водали намечается товарищем министра торговли и промышленности Южнорусского правительства. На совместном заседании «Национального центра» и «Союза возрождения» в феврале

1919 года происходил обмен мыслей по вопросам текущего момента. Присутствовали от «Совета общественных деятелей» Щепкин Д. М. и Леонтьев, от «Союза возрождения» — Мельгунов, Кондратьев, Волк-Карачевский и один человек небольшого роста, брюнет, возможно, что это был Цедербаум, брат Мартова; от «Национального центра» были: я, Н. Н. Щепкин, О. П. Герасимов, Сергей Евгеньевич Трубецкой, М. С. Фельдштейн, Кольцов. Заседание происходило в Научном институте на Сивцевом Вражке. Основные принципы, которые, по мнению собрания, могли быть положены в основу общей платформы,— это единство России, национальный характер власти, диктаториальной в переходный период, с последующим созывом Национального собрания. Наиболее левым из «Союза возрождения» (в смысле количественном, а не качественном различии) казался Волк-Карачевский. Более определенно правым был Мельгунов.

Фельдштейна я пригласил на заседание «Национального центра» в феврале 1919 года.

2 марта 1920 года *С. Котляревский*

III

1) Относительно «Союза возрождения» я думаю, что ядро его составляли народные социалисты и входили отдельные с.-р. и с.-д. Не знаю входил ли Маслов, но, насколько представляю, мог входить. О Щелкунове ничего не могу сказать. С Кусковой и Прокоповичем я знаком. Я совершенно уверен, что она не участвовала в «Союзе», так как она относилась определенно отрицательно ко всякой в настоящее время политической работе, которую нельзя вести гласно и открыто. Участие Прокоповича также представляется мне невероятным, и я никогда о таковом участии не слышал. По-видимому, «Союз возрождения», как и НЦ, не представлял из себя какой-либо сплоченной организации, имея членов, более глубоко в него входящих и других, которые принимали сравнительно незначительное участие. Ядром его как будто являлись Мельгунов, Кондратьев и Волк-Карачевский, также Титов, который, впрочем, давно уехал на юг.

2) Я не знаю, какого рода отношения существовали между «Национальным центром» и Центральным Комитетом кадетов — выражались ли они лишь в наличности общих членов или в каких-либо мандатах, даваемых ЦК, отдельным своим членам, входящим в НЦ. Несомненно, Щепкин входил в состав ЦК и, поскольку вообще последний действовал, участвовал и там, по его собственным словам. По-видимому, и Огородников, впрочем, недолго сравнительно принимавший участие в совещаниях НЦ, входил в ЦК

кадетской партии. Несомненно, большинство членов ЦК в Москве прошлый год не были. Насколько я представляю, в составе ЦК были Кишкин, Кизеветтер, Протопопов, может быть, Комиссаров и Головин. Более тесная связь между НЦ и ЦК существовала, по-видимому, на Юге.

3) О военных делах на совещаниях чаще всего говорил Щепкин. Сведения у него были довольно анекдотичные, и по ним нельзя было бы заключить, имеется ли в его распоряжении сколько-нибудь точная информация. Я имел впечатление, что он совсем не знал численности Красной Армии и ее частей, действующих на Юге и Востоке. Он, например, рассказывал, что Колчак сжег весь наш Волжский флот [1], находившийся на зимней стоянке в затоне, что мне казалось сенсационной выдумкой, сообщал о занятии Астрахани и т. п. Никогда не называл каких-нибудь имен военных, которые бы давали сведения. С. Трубецкой военных сообщений в тех совещаниях, где я был, не делал. Точно так же никаких разговоров о вооруженном выступлении в Москве при мне не велось. В частности, Герасимов несколько раз указывал, насколько подобные выступления являются безумными, и с ним соглашался Щепкин. Несколько раз, помнится, Щепкин говорил о росте дезертирства, о зеленой армии, которая является важной, хотя и неопределившейся силой, но и эти сведения мало отличались от тех обывательских слухов о росте этой армии, о ее штабах и т. п., которые распространены были в Москве прошлой весной. Не раз он говорил (также весной) о настроении рабочих Москвы и Московского района, может быть, пользуясь сведениями, которые были у Советской власти.

4) Я не был на совместном совещании НЦ и СВ, где бы обсуждались кандидатуры в состав будущего правительства, о таковом совещании ничего не слыхал и крайне сомневаюсь, чтобы подобное совещание вообще было. На совещаниях наших серьезно таких разговоров также не велось. Раз, кажется, по инициативе Щепкина (он заходил) называли фамилию Леонтьева, упоминали о Герасимове, который, впрочем, отнесся к этому почти как к шутке и заявил при этом, что он вообще по своему возрасту и здоровью не пошел бы во власть. Да и сам Щепкин не отнесся к этому разговору как к чему-либо серьезному, упомянув только, что его желание было бы вернуться в будущем, насколько это возможно, к городскому хозяйству. Кстати говоря, никогда у нас не было точных и полных сведений, кто в правительстве вокруг Деникина, в качестве чего там Астров. Передавалось, например, что Деникин назначил министром юстиции Винавера, а потом опровергалось.

---

[1] Сведения Н. Н. Щепкина о гибели Волжского флота и занятии белыми Астрахани не соответствуют действительности.

5) «Тактический центр» не был выбран на том совместном совещании в феврале, на котором я был. Вообще он вышел не из формальной делегации, а скорее из фактического участия более видных представителей отдельных групп. Никаких сообщений о деятельности «Тактического центра» на совещании не делалось, и я затруднился бы сказать, было ли общим содержанием этой деятельности лишь взаимное осведомление и обсуждение, носящее совещательный характер, или там принимались и ответственные решения и насколько вообще эта деятельность была интенсивна, как часто «Центр» собирался. Очевидно, весьма большим в нем влиянием пользовался Щепкин, раз он мог представлять и НЦ, и СВ. Думаю, подобным влиянием обладал Леонтьев, который вообще считался человеком политически значительным даже в глазах лиц, довольно сильно с ним расходившихся.

6) Много неясного было и осталось для меня в отношениях НЦ — московского и южного. Последний, очевидно, являлся подлинным ядром, но я не знаю точно его состава. Шипов, например, как-то говорил, что в него вошел Милюков, а затем никаких следов этого участия не осталось. Несомненно, в нем участвовали Астров, Федоров, должно быть, Степанов, относительно каких-то неосторожных заявлений которого говорил Щепкин. Что стало с уехавшими Салазкиным и Червен-Водали, я не знаю. Информация, доходящая до нас с Юга, была крайне скудной, и особенно избегались имена. Меня интересовал вопрос, участвовал ли в НЦ Новгородцев, и я спрашивал и Шипова, и Щепкина. Они не могли ответить. Карташев поехал не на Юг, а в Финляндию или за границу. В «Известиях» было как-то упомянуто, что представителем НЦ в Париже является Струве. С Москвой он ни в каких сношениях не был, в Москву давно не приезжал (об этом прямо говорил Шипов, который, по-видимому, вообще имел с ним принципиальные разногласия), и, очевидно, его назначил южный «Центр». И, по данным одесского совещания, происходившего зимой, там участвовали 4 организации — еще «Земско-городское объединение», как будто по составу близкое к «Союзу возрождения»; выходило так, что южане считали себя главным «Центром». Эта неясность связывалась прежде всего с крайне слабой связью, редкими известиями с Юга, а может быть, и со все более проявлявшейся бессодержательностью работы, которая там велась. Несомненно, что на Юге велась у НЦ довольно сильная борьба налево, и НЦ был известным антагонистом к социалистическим группам вообще.

7) Вспоминая организацию московского НЦ и стараясь дать ей характеристику, я теперь нахожу, что, в сущности говоря, действительным единственным ядром его, единственным вполне осведомленным лицом, имевшим, быть может, и определенный политический план, был Н. Н. Щепкин. Даже Шипов, принимавший такое

деятельное участие вначале, затем отстал. Он говорил в марте и апреле, как я вспоминаю, что он совсем отходит от политической жизни, как будто он был в ней разочарован и особенно не одобрял многое, что совершалось на Юге, где находится ядро НЦ: оно бессильно противодействовать вредным течениям. Сквозило у него и несомненное недовольство Щепкиным, который его не посвящает и не сообщает имеющихся у него сведений. То, что обнаружилось в связи с арестом Щепкина, было, во всяком случае для многих из нас, совершенной неожиданностью. К заговору у нас никакого отношения не было. И мне теперь кажется даже, что Щепкин нарочно никого не посвящал, имея в виду принять всю ответственность на себя. Может быть, и его юмор, общий тон его слов, который вовсе не отличался особой серьезностью, являлись некоторой маской заранее принятого решения. Может быть, в связи с этим стояла и оказавшаяся при его аресте его большая неосторожность: он не считал, что кого-либо подводит, кроме себя. В частности, у нас не было ни малейшего понятия о прикосновенности Алферова, Астровых, Волкова. Из них я знал несколько Алферова, и мне долго казалось, что он пал жертвой роковой судебной ошибки. Во всяком случае, в сравнении со Щепкиным даже такие авторитетные лица, как Герасимов, должны были иметь весьма второстепенное значение. Думаю, с другой стороны, что Щепкин смотрел на наши совещания как на довольно академические, хотя и интересные. Может быть, в связи с этим у нас как-то не было никогда формальных голосований, и Щепкин, обычно председательствовавший, до них не доводил. Вообще совещания НЦ резко отличались хотя бы от ЦК кадетов, в который я входил до 1908 года и который представлял из себя действительный комитет, принимающий практические решения по большинству голосов.

8) Относительно Фельдштейна могу сказать, что он представляет тип чистого теоретика, никогда практической политикой не занимался. Я привлек его, зная, что он работает над историей выработки избирательного закона в Учредительное собрание (он был делопроизводителем комиссии по выработке этого закона и имел в руках ценный материал) и ему интересно будет видеть различные современные течения, так во многом связанные с 1917 годом. Кроме того, полагал, что он вообще интересен в качестве хорошего юриста и историка (Фельдштейн особенно много занимался историей Французской революции), а затем может кое-что осветить и в вопросе об Учредительном собрании. Человек он вдумчивый и скромный, выступал на совещаниях очень мало и, конечно, никоим образом не может быть отнесен к «ядру».

В настоящее время он убежденный сторонник добросовестной работы с Советской властью. Помню, как по поводу известий о каких-то крупных поражениях у Деникина он мне сказал, что эти

события снимают с него какую-то тяжесть и дают бодрость: окончен какой-то ложный этап русской общественности, надо искать подлинный путь. Когда в Москве осенью стали ходить слухи о возможности войны с Польшей и некоторые радовались польскому наступлению как шансу освобождения от большевиков, он очень возмущался и говорил, что в случае войны с поляками нужно самим идти в Красную Армию. Такое же чувство разделяли и Муравьев и Кольцов. Несомненно, что Фельдштейн в своем показании с полной правдивостью изложит и свою деятельность и все прежние и настоящие намерения и взгляды.

9) По поводу наших последних совместных разговоров. Я не смотрю на них как на какие-либо заседания, а просто как на разговоры людей, которые в прошлом были связаны и давно не видались, многое переживши.

Правда, НЦ формально не был закрыт, но как вообще мы могли его закрыть? Как формально из него было выйти? Для нас было ясно одно, что прежнее его бытие кончено. Каждый из нас за эти месяцы решил вопрос о своей дальнейшей деятельности, но мы думали, что не эти личные решения, а их принципиальные мотивы представляют некоторый общий интерес. Во всяком случае, Муравьев, Фельдштейн, Кольцов и я были единодушны в мысли, что единственный плодотворный путь — это честная работа с наличной властью. Мы можем с ней в том или ином расходиться, желать с той или другой стороны изменений в ее политике — мы должны с нею идти. Нужно думать прежде всего о России, с ее голодом, холодом, бездорожьем, болезнями, нужно скорее всем становиться на общую работу, но в существующем строе это просто невозможно при каком-либо бойкоте власти. И нельзя работать плодотворно, постоянно питая в себе чувство враждебности к наличному строю и власти, обманывая ее. Нужно взаимное доверие. С другой стороны, нам было ясно (это особенно подчеркивал Муравьев), что советская организация имеет свои бесспорные и крупные достоинства и что, когда кончится гражданская война, снимется блокада, откроется граница, эта организация представит широкие возможности экономического и культурного развития России. Так думали мы четверо, и я надеюсь, что так будут думать хотя бы некоторые еще из лиц, прикосновенных к НЦ. Сама же проповедь этого взгляда и призыв интеллигенции на этот путь есть прямое дело тех, кто так или иначе — часто с большой внутренней борьбой — к этим убеждениям пришли.

10) В дополнение к показаниям о себе лично я хотел бы прибавить следующее: я могу ожидать вопроса, почему при имеющемся переломе в моих взглядах я уже весной не бросил посещать совещания НЦ? Я считал, что по существу наши разговоры никакого действительного значения не имеют и на ход борьбы влиять

не могут. Но меня все-таки интересовали сведения с того берега, как ни были они отрывочны и скудны. Мне хотелось уяснить, что представляет из себя политически зарубежный лагерь, активно борющийся с Советской властью. И, относясь с симпатией к отдельным людям из этого лагеря, сохранив личные, старые к ним чувства, я даже из приходящих сведений все яснее видел, что дело, которому они служат, несмотря на тогдашние довольно значительные военные успехи, обречено. Впрочем, с августа я вообще посещал заседания реже; в июле уезжал из Москвы; последний раз был в августе, дней за 10 до ареста Щепкина. Опубликованные данные показали, около какой бездны мы стояли, сами того не зная. В конце августа я был арестован, и мое заявление следователю само по себе, независимо от изменения моих взглядов по существу, заставило меня отказаться от посещения совещаний НЦ, хотя почти их, кажется, и не было. Считаю себя еще в большей степени связанным тем поручительством, которое дал для меня И. С. Ружейников, и ходатайствами обо мне различных учреждений в ноябре 1919 года, когда ООВЧК [1] дал ордер о моем аресте. Наши последние разговоры я отнюдь не рассматривал как формальные совещания, и думаю, что, участвуя в них, не нарушил своих обязательств и лояльности по отношению к Советской власти, без которой сейчас нельзя в России плодотворно работать.

3 марта 1920 года

С. Котляревский

ПОКАЗАНИЯ Н. Н. ВИНОГРАДСКОГО

I

На поставленный мне вопрос о знакомстве моем с политическими кругами Москвы, враждебными Советской власти, и о том, что известно мне из политической деятельности этих кругов, даю нижеследующие показания, совершенно открытые и чистосердечные, в глубоком раскаянии в моей прежней деятельности, присовокупляя, что мотивы, по которым нахожу возможным говорить откровенно, изложены мною будут дополнительно в особом заявлении.

Мартовская революция застала меня чиновником особых поручений при Главном управлении по делам местного хозяйства, на которое с образованием Временного правительства была возложе-

---

[1] Особый отдел ВЧК.

на разработка реформы местного строя; я принял участие в этих работах и специально разрабатывал проекты местной реформы на окраинах; работы эти меня свели с бывшим товарищем министра С. М. Леонтьевым.

Октябрьская революция меня, как и других, выбила из колеи. В Петербурге делать было нечего (работы найти нельзя было); в январе я получил приглашение Леонтьева приехать в Москву. Прибыв в Москву, Леонтьев познакомил меня с Д. М. Щепкиным (по работе во Временном правительстве я с ним не был почти знаком), и они предложили мне ехать на Кавказ (вторая половина января 1918 года), чтобы поступить на службу в так называемый «Юго-восточный союз»[1] для разработки вопросов о местном управлении. Я согласился, и мне было дано рекомендательное письмо к Григорию Николаевичу Трубецкому в Ростове-на-Дону.

Я выехал вместе с женой; проезд был тогда свободный; однако доехал до Воронежа, так как поезда дальше перестали ходить, и вернулся в Москву в конце января.

По приезде в Москву я задумал написать исторический обзор деятельности Временного правительства по местной реформе, заинтересовал этим С. М. Леонтьева и Д. М. Щепкина и получил от них поручение написать его, а также написать записку о будущем местном управлении в России, как оно мыслится на основании выводов прошлого. Одновременно они пригласили меня в совещание, представлявшее собою остаток бывшего «Совета общественных деятелей», образовавшегося в июле — августе 1917 года. В «Совете» тогда обсуждались вопросы, близкие к моей работе (о необходимой в будущем реформе правления, об автономии, федерации, об избирательном праве, о местной реформе). Обсуждение этих вопросов, а также возникшего тогда же вопроса об ориентациях (немецкой или союзнической) происходило в академической плоскости. Совещания представляли собою обломки старого «Совета»; председательствовал Д. М. Щепкин. Среди участников помню С. М. Леонтьева, Сергея Дмитриевича Урусова, Нарожницкого (бывший предс. земск. управы), Влад. Иос. Гурко, б. барона Меллера-Закомельского (кажется, Влад. Влад.), Сергея Андреевича Котляревского, Вик. Ив. Стемпковского, Иос. Богд. Мейснера (бывш. предс. Московск. земск. уездной управы), прис.

---

[1] «Юго-восточный союз казачьих войск, горцев Кавказа и вольных народов степей» — контрреволюционная организация на Северном Кавказе, образовавшаяся 20 октября (2 ноября) 1917 года во Владикавказе. 16(29) ноября в Екатеринодаре создано так называемое объединенное правительство «Юго-восточного союза» во главе с генералом М. П. Богаевским, которое установило связь с буржуазно-националистическими правительствами Закавказья, Крыма, украинской Центральной радой, а также с представителями Антанты. «Юго-восточный союз» прекратил существование в марте 1918 года после установления Советской власти на Дону и Северном Кавказе.

пов. Захарова, Ив. Илиодоровича Шидловского, профессора Б. М. Устинова и Ник. Ник. Лоскутова.

Совещания происходили раз в две-три недели, постоянно численно уменьшаясь.

Со своей стороны помимо исторического обзора по местной реформе Временного правительства на окраинах, который предполагалось напечатать, я написал ряд записок об автономии и федерации, об избирательной системе, о местном управлении. Записки эти обсуждались в апреле — мае и вызвали нападки Гурко. Далее этого дело не шло.

К апрелю 1918 года, я думаю, относится и возникновение «Правого центра» — надпартийной организации, включавшей в свой состав представителей партии к.-д., «Совета общественных деятелей», Торгово-промышленной группы и «Союза земельных собственников».

Вопросы, обсуждавшиеся в «Правом центре», держались по большей части от «Совета общ. деят.» в секрете, меня туда не приглашали; знаю только, что представителями входили:

от «Совета общ. деят.» — Д. М. Щепкин и С. М. Леонтьев,

«Союза земельных собств.» — В. Н. Гурко и И. Б. Мейснер,

Торгово-промышл. группы — Ник. Ник. Куклин, недавно умерший,

от к.-д.— Астров Николай Иванович.

О том, что председателем «Правого центра» был А. В. Кривошеин, я узнал лишь в июне случайно из разговора С. М. Леонтьева и Дм. Митр. Щепкина.

В июле, кажется, «Правый центр» рассыпался: уехал на Украину Кривошеин; между кадетами и другими, входившими в его состав организациями, произошел раскол на почве ориентации; промышленники держали себя нейтрально.

В июле же или августе распался «Союз земельных собственников». Оставшиеся его члены — Гурко и Меллер-Закомельский — осенью уехали на Украину. Мейснер и Стемпковский, а также Ершов, потом также умерший на Украине, перешли в «Совет общ. деятелей». Мейснер осенью также уехал, вернулся в Москву в 1919 году осенью, после того как его, кажется, петлюровцы чуть не расстреляли, и с тех пор отошел от всякой политической и общественной деятельности, ни разу в «Совете» не показываясь.

И. И. Шидловский последний раз показался в «Совете» осенью (в начале) и ушел на почве расхождения в ориентации. Между тем болезнь жены (июль — август 1918 год) и укрепление Советской власти (благополучно для нее разрешившийся кризис июля — августа) заставили меня думать о постоянном заработке.

Исторические работы я бросил недоконченными (предполагал написать обзор деятельности «Совета», но дальше вступления и

первой главы — условий, повлекших основание, дело не пошло) и принял сделанное мне в октябре 1918 года профессором Устиновым предложение поступить в Центропленбеж [1].

Заседания «Совета» с осени 1918 года происходили также раз в две-три недели, но от него остались обломки: две деятельные фигуры — Д. М. Щепкин и С. М. Леонтьев, вокруг них собиравшиеся для «информации», то есть попросту политических сплетен, — С. Д. Урусов, Каптерев (не помню точно, когда впервые его увидел), В. И. Стемпковский, лицо, фамилию которого не помню (на «ич», жил в доме Страхового о-ва «Россия» на Кудринской площади [2], преподаватель или, во всяком случае, имел отношение к учительской среде), Н. Н. Лоскутов; иногда приходил В. М. Устинов. Кажется, в феврале 1919 года впервые увидел профессора Сергиевского, вошедшего в «Совет» в качестве представителя молодой науки.

Зимою же или осенью начал приходить Лев Львович Кисловский от правой крайней организации — «для контакта»; другими лидерами этой организации состояли, как я слышал, Рогович — бывший помощник обер-прокурора Синода и Дм. Бор. Нейдгардт (последний, кажется, говорили, уехал позднее). Что делали правые, я не знаю, Кисловский приходил обыкновенно, принося с собою лишь фантастические повести, но имел сепаратные беседы с Леонтьевым.

Я уже указал на раскол; в одном из заседаний нам доложили, что кадеты образовали «Национальный центр», куда вошел С. А. Котляревский. Докладывал Леонтьев также о безуспешности переговоров с ними (длились они два-три месяца), и в феврале, кажется, лишь решили пойти на объединение на началах общей платформы, причем признавали желательным включить сюда и «Союз возрождения», состоявший из бывших народных социалистов. Кажется, в феврале же (в конце) договорились и образовали «Тактический центр», механическое объединение, предоставлявшее каждой организации автономность.

Крайние правые в «Такт. центр» не вошли, непримиримые по некоторым вопросам, а также, кажется, вследствие отхода их представителя — Роговича.

Роль и состав «Союза возрождения» мне неизвестны. Я думаю, что представителем его в «Такт. центре» был Мельгунов — редактор кооперативного издательства «Задруга»; думаю, что, когда после истории с Принцевыми островами было решено послать за границу записку о неприемлемости предложения Антанты об

---

[1] Центральная коллегия по делам о пленных и беженцах при Народном комиссариате по военным делам.

[2] Ныне площадь Восстания.

отказе от всяких переговоров с Советской властью, говорили, что записку эту через Мельгунова повезет Аксельрод.

Кроме того, в апреле или мае «Задруга» затеяла издание за границей или в будущем в России сборника, характеризующего Советскую власть. Мне также было предложено написать одну главу (я раз видел Мельгунова), но за недостатком времени я отказался.

В «Тактический центр», таким образом, вошли:

от «Национального центра» Николай Николаевич Щепкин и Осип Петрович Герасимов,

от «Совета общ. деятелей» Дмитрий Митрофанович Щепкин и Сергей Михайлович Леонтьев.

Совещания «Тактического центра» держались от всех нас в большой тайне.

Заседания «Совета общ. деятелей», редкие, сводились к свиданию приходивших для обмена мнениями и выслушиванию «информаций» Леонтьева и Д. М. Щепкина, которые источников ее не называли. На вопросы участников, например, существует ли какая-нибудь военная организация, они отвечали уклончиво, у меня, таким образом, создалось впечатление, что военная организация есть, но принадлежит она «Национальному центру», который, как они говорили, имел средства.

Чтобы завершить общую картину первых четырех-пяти месяцев 19-го года, укажу, что Прокопович и Кускова устраивали политические собеседования, по словам Леонтьева и Д. М. Щепкина, крайне скучные, где велись бесконечные споры.

Помню, один раз они сказали, что было, «строго говоря», совещание бывших министров и их товарищей, шутили и перечислили, кроме себя и Урусова, Прокоповича, Семена Маслова, служившего, по словам Леонтьева, в какой-то конспиративной организации льноводов, и за сим, хорошо не помню, кажется, Беркенгейма, Зельгейма и Коробова [1]. В конце марта 19-го года на одном совещании Совета присутствовал приехавший из Сибири некто Азаревич; был также, кроме обычных участников, Сергей Арсентьевич Морозов (Богородская мануфактура).

Из позднейшего разговора Леонтьева и Д. М. Щепкина я позднее услышал, что он им передал 50 или 100 тысяч рублей.

На упомянутом совещании впервые Леонтьевым и Д. М. Щепкиным был поднят вопрос о необходимости установить связь с Колчаком и Деникиным с целью взаимной информации (о шпио-

---

[1] Д. С. Коробов, А. М. Беркенгейм и В. Н. Зельгейм — руководители Центросоюза. Беркенгейм и Зельгейм в 1919 году обманным путем выехали за границу, где, захватив имущество и капиталы Центросоюза, объявили себя «независимым акционерным обществом», установили связи с кооперативными организациями на территории, занятой Колчаком и Деникиным.

наже, то есть передаче сведений военного характера, не было речи). Эта информация должна была заключаться в том, чтобы осведомить, в особенности Колчака, как мыслят себе общественные и политические группы Москвы будущую форму правления, какой должен быть, по их мнению, строй, а также получить точные данные, какой строй он устанавливает, отношение к аграрному вопросу и т. д. Присутствующие признали такую информацию желательной.

Вскоре после того Леонтьев сказал мне, что нашел двух людей, едущих один в Сибирь, другой на юг, Егора Яковлевича Назарова (думаю, что это Азаревич, но за точность выводов не ручаюсь) и Луку Лукича (фамилию мне не сказал). Указавши, что он переедет в мае на дачу, Леонтьев просил разрешения дать им мой адрес, с тем чтобы в случае приезда их направить к нему, а если его в городе не будет, - к Д. М. Щепкину. Я на это выразил согласие, ибо, повторяю, о шпионаже не было никогда речи, и Леонтьев сказал мне, что это именно и есть гонцы с информацией.

Приезжая в мае и июне в город, он несколько раз спрашивал меня, приезжал ли кто-нибудь; но никто не приезжал. Раз он сказал мне, что приехал гонец, хромой, на костыле. Засим, в начале июля, кажется, ко мне явилась от Егора Яковлевича Назарова женщина, назвавшаяся Марией Ивановной Семеновой [1] (или Смирновой — не помню); я хотел направить ее прямо к Леонтьеву, но она вступила со мной в разговор. Но некоторые заявления ее для меня настолько выходили из области известного мне, что я прервал разговор (даже чувствуя себя в неудобном положении) и сказал ей прямо идти к Леонтьеву.

Затем, в начале августа, пришел ко мне молодой человек лет 16—17, положительно нервно расстроенный, фамилии его не знаю, и сказал, что он был в Харькове арестован; после месячного сидения отпущен. Я направил его к Леонтьеву без разговоров и потом, спрашивая Леонтьева, был ли у него этот человек, сказал, что посланный производит на меня впечатление совсем неуравновешенного.

Этим, можно сказать, исчерпываются мои политические сношения с Д. М. Щепкиным и Леонтьевым.

В середине августа девятнадцатого года я поступил в Главтоп [2], после ликвидации дел в Центропленбеже; 22 –25 августа вступил в исполнение обязанностей заведующего организационным отделом Главтопа.

---

[1] Мария Ивановна Семенова — Н. В. Петровская (она же «Мисс») — одна из руководителей белогвардейского подполья в Петрограде. В июне 1919 года арестовывалась Петроградской ЧК, но была освобождена за недоказанностью обвинения. В ноябре 1919 года во время ликвидации заговора Поля Дюкса, резидента английской разведки, снова была арестована и осуждена. В феврале 1922 года по постановлению Президиума ВЦИК была помилована и освобождена из-под стражи.

[2] Главное управление по топливу ВСНХ.

Последнее собрание «Совета», на котором я был, да думаю оно вообще было последним, — 2-я половина (скорее всего 18-го или 20-го) июля. С Д. М. Щепкиным и Леонтьевым у меня остались лишь дружеские связи. С июня на квартире Леонтьева не был ни разу. Свидания мои с ним, редкие (оба жили на даче, а Леонтьев приезжал в город на 2—3 дня в неделю), покоились только на личных отношениях и сводились к ряду личных одолжений (например, хлопоты об освобождении брата Леонтьева, предпринятые Главтопом по инициативе проф. Классена) и порученные мне ими, вместе с другими, просьбы Д. М. Щепкина о дровах (1 саж.), о приискании для Московского обл. союза Кооперативного объединения, где он служил, хорошего заведующего отделом лесозаготовок и т. д.

Свидания эти у меня в Главтопе постоянно в присутствии других лиц продолжались очень недолго, о политике не было и речи, я считал, что после провала «Национального центра» никакой политики не может быть, да и мысли мои, как будет видно из особого моего заявления, получили совершенно иное направление.

В конце августа или в самом начале сентября ко мне на службу зашел Леонтьев и после краткой беседы о брате, уже на лестнице, сказал мне, что без моего разрешения дал мой адрес Николаю Николаевичу Семенову (? Робертович Гершельман), уезжающему на юг, что он просто пишет о создавшемся положении в Москве своим друзьям на юг и ждет от них сообщения, что же они, собственно, думают делать.

Я поморщился, но ничего не ответил, так как это было сказано на ходу, прощаясь. Однако, вернувшись к себе, я решил предотвратить это и стал обдумывать, как это сделать. На следующий день я пошел к Д. М. Щепкину (Леонтьев накануне уехал на дачу) и просил отнять мой адрес, на что он сказал мне, что уже поздно, что Гершельман или уехал, или скоро должен ехать и что адреса его он не знает. Тогда, вспомнив, что Гершельмана я видел на свадьбе моего сослуживца по Центропленбежу Ключарева и что там были разговоры о дружбе Гершельмана с другим служащим Центропленбежа, М. П. Троицким, я бросился к телефону, прося Троицкого узнать адрес Гершельмана. Троицкий обещал мне это сделать, но Гершельмана не нашел. И лишним доказательством того, как политика меня тогда мало интересовала, как мне безразлична была судьба возложенного на Гершельмана поручения, служит то, что, как только в конце ноября стало известно о предполагавшемся назначении товарища Ксандрова [1] на Украину, что предстоит поездка с ним до весны в его вагоне, я просил его взять меня с собой (он ответил мне: «Я вас в число первых предназначил»), а секретарю его говорил, что с радостью уеду с ними.

[1] Ксандров В. Н. (1877—1942) — член коллегии НКПС.

В середине октября я бросился в пучину главтопской работы. С тех пор ни слова о политике с прежними моими приятелями не вел, также и короткие свидания (они ходили ко мне по личным делам, а не я к ним, как прежде) носили совершенно частный характер, да и я был убежден, что ни о какой политике они больше не думают.

К сему прилагается особое заявление.

15 февраля 1920 года. *Н. Виноградский*

Дополнительное показание:

На поставленный мне особо вопрос, что я знаю про деятельность Кишкина, Кизеветтера, отвечаю: слышал, что Кишкин был причастен к политическому контрреволюционному движению летом 1918 года, слышал также, что, сидя в тюрьме, Кишкин и Кизеветтер постоянно спорили; первый говорил, что необходимо всеобщее избирательное право, второй — что оно неприменимо после опыта 17-го года.

II

ЗАЯВЛЕНИЕ Н. ВИНОГРАДСКОГО

Настоящее мое заявление имеет целью объяснить, каким образом я, убежденный прежде противник Советской власти, в течение последних четырех месяцев отдался всецело работе по ее укреплению, не только признав ее, но внутренне примирившись с нею и ставши на путь ее положительных сторонников. Оно, во-вторых, имеет целью оправдать доверие ко мне тов. Ксандрова и Эйдука [1]. Оно, наконец, являет собою акт глубокого раскаяния в содеянном по отношению к Советской власти зле, раскаяния не вынужденного, но добровольного, основанного на полном примирении с властью и таящего в себе корни именно в моей четырехмесячной работе, иначе не понятной.

Я родился в дворянской семье, получил образование в Пажеском корпусе и до 25 лет жизни, строго говоря, не знал; в 25 лет я разорился и, женившись на женщине не моего круга, а более чем скромного происхождения, был отвергнут всеми близкими и знакомыми, оставлен на произвол судьбы без копейки денег, но с привычками к привольной жизни. Однако я пошел по пути труда и жестоким, усидчивым трудом в разных маленьких должностях, без чужой помощи, но даже при противодействии родных выбился по тогдашним временам в люди.

---

[1] Эйдук А. В. (1886—1938) — член партии с 1903 года. В 1919 году член коллегии ВЧК, особоуполномоченный Совета Обороны по топливным главкам.

Революция застала меня чиновником особых поручений при Главном управлении по делам местного хозяйства; я занимался специально вопросами местного самоуправления. Старые связи были порваны, явились новые отношения в обыкновенной интеллигентской среде.

Октябрьская революция меня, понятно, выбила из колеи, и я, конечно, в числе других, подобных мне, оказался рьяным ненавистником большевиков, верил в нелепые о них рассказы и т. д. Период Временного правительства сблизил меня с группировавшимися возле него деятелями, и после приезда моего в Москву я, понятно, был с ними солидарен в вопросе об отношении к Советской власти. Как и все мне подобные, я считал, что большевизм есть явление преходящее, «накипь», что достаточно нажима извне и толчка внутри, чтобы власть полетела. Не зная народа, я, как и многие другие, думал, что Россия без монархии существовать не может, конечно, не безобразной монархии старого порядка. Не изучавши никогда социальных и экономических наук, я не задумывался над корнями того движения, которое, охвативши Россию, начало распространяться и на Западную Европу. И впервые над этим вопросом я начал задумываться в августе — сентябре 1919 года, после поражения Колчака и неудач Деникина. Мне стало ясно (конечно, не сразу, а после длительных, в течение нескольких месяцев, колебаний, мышлений и сопоставлений), что неуспехи [1] их (Деникина и Колчака) кроются в самом строе, ими провозглашенном, в порочности самой системы управления и лозунгов, во имя которых они борются. Сопоставляя с этим, с другой стороны, устойчивость Советской власти и постоянно растущую ее силу, несмотря на окружение со всех сторон врагами, для меня ясно делалось, что власть эта должна таить в себе здоровые начала, что ряд отрицательных проявлений этой власти (я здесь не о терроре говорю) вызваны самими условиями ее возникновения и первых шагов ее деятельности, что по мере исчезновения этих условий отпадают эти отрицательные явления.

Судьба толкнула меня в Главтоп; в середине октября, со времени вступления в должность председателя коллегии тов. Ксандрова, мне пришлось вплотную подойти к экономическому строительству; басням, о которых я раньше слышал, уступило место знакомство с деятельностью президиума Высшего Совета Народного Хозяйства, где я услышал понятные для меня и подчас пленительные (тов. Рыков и Красин) речи государственных людей. По мере углубления в работу я увидел, что мы начинаем говорить на одном языке, что есть общее понимание. Я спрашивал себя: может быть, этот общий язык является вынужденным (для меня, конечно). Но

---

[1] В тексте книги ошибочно «успехи».

наглядный пример убедил меня в противоположном; разрешение топливного кризиса под руководством тов. Ксандрова на коммунистических началах, доведенных до крайнего предела, убедило меня, сидевшего в гуще работы, что разрешение вопроса при всяких других условиях повлекло бы для страны великое бедствие.

По мере укрепления этих мыслей я стал удваивать и утраивать свою работу, беря на себя все, что мне давали, а взвалил тов. Ксандров на меня много.

С другой стороны, я впервые имел возможность ближе увидеть настоящих коммунистов, в особенности тт. Ксандрова и Эйдука (главным образом с середины ноября), увидел в них не зверей, как это казалось когда-то, а людей трудящихся подобно мне, добрых, отзывчивых, хотя бы требовательных и беспощадных к долгу, для себя ничего не ищущих, бедно одетых, а т. Ксандрова - живущего чуть не впроголодь.

Слова о «помещиках и капиталистах», вызывавшие еще летом во мне усмешку, получали иной смысл. Это тем более объяснимо, что помещиком я перестал быть 13 лет тому назад, шансов на то, чтобы стать им вновь, никогда не имел, а капиталистом никогда не был. Революция у меня почти ничего не отняла. Я стал задавать себе вопрос: во имя чего же я боролся прежде? На себе, в конечном итоге, я испытал, что никогда труд так не поощрялся, как теперь, а трудился я 13 лет. Советская власть меня кормила и одевала, как могла (ясно, что она лучше бы кормила, если это от нее зависело бы). И да простится мне упоминание одной мелочи, могущей вызвать усмешку: мне дали лошадь (не удовольствия ради, конечно), и я спросил себя: при каком ином строе я, трудящийся, буду оберегать время и здоровье, а люди, привыкшие ранее разъезжать от безделья, будут ходить пешком?!

В то время как окружающие меня все более поникали головами, я начал смотреть на будущее бодрее; в семье я не раз упоминал, что не мыслю себе государственности без национализированной земли, промышленности и железных дорог.

Если к этому прибавить, что старый режим, как мне вспоминалось, принес немало горестей (отношение к жене, служба в Сибири не по доброй воле), если прибавить привычку честно относиться к службе, если, наконец и главным образом, прибавить сперва подсознательное, а потом вполне сознательное стремление и желание искупить и загладить свою вину, то, понятно, будет непостижимым для многих моих сослуживцев отношение к работе; понятно будет, почему я работал по 14 часов в сутки, в 4 месяца надорвал свое здоровье, постоянно сбавляя в весе, почему я работал не механически, а сознательно и творчески; почему я не боялся ставить своей подписи на телеграммах, касающихся обеспечения продвижения Красной Армии; почему ежедневно ко мне звонили,

а не к кому-нибудь другому, звонили, прося обеспечить топливом те или иные заводы, зная, что от меня в тот же день посылаются депеши, действительно разрешающие вопрос, а не отписки; почему иногда поздно вечером или в праздники я брал на себя самые ответственные распоряжения, лишь бы ни одного часа не откладывать дела, и своей рукой писал десятки телеграмм; почему, наконец, я боролся с саботажем и расхлябанностью, чуть не ежедневно прося тт. Эйдука и Пинеса о расследовании, предании суду и арестах, и к ленивым служащим был суров — до угроз отправки их в МЧК.

Утопая в работе, я так предал забвению прошлое, для меня уже образовалась такая грань, что, если бы за день до ареста мне сказали, что я буду посажен в тюрьму, я сказал бы, что скорее Деникин арестует меня, в случае прихода его, так как прежняя моя деятельность не служила бы оправданием работы по действительному укреплению советского строя не на бумаге, а на деле, слишком частых моих упоминаний о ВЧК и МЧК.

Все сказанное мною, конечно, не означает, что бы я считал себя сейчас коммунистом: человек, меняющий свои убеждения в пять минут, ничего не стоит. А кроме убеждений есть еще личные связи, которые разрываются труднее, и процесс сознательного перехода от старого порядка к советскому строю не может быть скорым; он требует слишком большого переворота, сперва идет: 1) внешнее подчинение, потом 2) внутреннее примирение, далее 3) определенное тяготение и, наконец, 4) активная (политическая) работа. Первые два этапа мною были пройдены, тюрьма меня застала на грани к третьему, и тем более обидно и горько мне проводить дни в вынужденном безделии, когда я знаю, что работа, которой отдался я всем сердцем, страдает.

Вспомните, тов. Ксандров, нашу беседу в конце ноября вечером, возбужденную мною по поводу моего прошлого. Я вам тогда сказал: «Если вы хотите знать побуждения, которыми я руководствуюсь, отдаваясь работе всецело, поговоримте специально». Многое из того, что теперь пишу, я и тогда вам сказал бы, но беседа наша не состоялась. Повторяю, я глубоко раскаиваюсь в бывшем моем заблуждении к Советской власти и сознаю свою вину. Насколько мог, старался четырехмесячной работой не за страх, а за совесть загладить свою вину. Правдивость настоящего моего заявления и готовность искупить сделанное мною зло готов доказать чем нужно. Первым доказательством этой готовности служить — показание мое, ничего не утаившее, но я готов, если признано будет необходимым, идти на какую угодно работу, подчиниться всяким условиям, лишь бы работать и быть полезным республике. Тот день, когда тов. Эйдук и Ксандров пожмут мне руку и скажут, что верят и возвращают доверие, будет для меня днем счастливым;

сознание, что эти товарищи могут себя считать обманутыми мною, невыносимо.

Я приложу все усилия и все свое уменье, чтобы оправдать доверие, когда бы оно ни было оказано мне. Людей же, которым не терять ни поместий, ни капиталов и заводов, призываю подумать над тем, что здесь написано. Пусть бросают предрассудки, пусть поборют они чувство обиды, если таковая случайно нанесена была им революцией, и обратятся в честных товарищей, преданных власти трудящихся.

15 февраля 1920 г. Москва.

Н. Виноградский

III

Стараясь припомнить всякие подробности, касающиеся известных мне политических и общественных деятелей Москвы за время 1918—1919 годов, показываю нижеследующее:

1) В состав правой группы Кисловского входил летом 1918 года Морозов, вице-губернатор, живший в Никольском переулке [1], по левой стороне (от Арбата), в белом одноэтажном особняке (почти против Котляревского), видел его я раза два-три у Леонтьева и после августа 1918 года не встречался.

2) В числе лиц, входивших в состав «Совета общественных деятелей» и посещавших его заседания, были еще Николай Николаевич Лоскутов и профессор-философ Бердяев (Николай Иванович или обратно). Лоскутов, кроме того, входил в земско-городское объединение. Кто еще входил туда персонально — не знаю, но слышал, что бывшие деятели городской думы, избранной при Временном правительстве, занимались они разработкой вопроса о формах, в которых должны быть восстановлены земства и думы в случае падения Советской власти, местными финансами.

3) В мае или июне я, выходя от С. М. Леонтьева, встретился раза два с Сергеем Евгеньевичем Трубецким; я встречался с ним ранее у его тетки Марии Юрьевны Авиновой за обедом или завтраком и, будучи чрезвычайно поражен видеть его у Леонтьева, спросил последнего: «Что у вас делает Трубецкой?» Леонтьев ответил, что приходил по делам, и мельком упомянул, что он входит в «Национальный центр». Затем я Трубецкого не видел до осени, когда меня вызвал к себе в кабинет профессор Классен (член коллегии Главтопа) и спросил, не найдется ли у меня место в отделе. Так как у меня было только место ответственное, требовавшее длительной сверхурочной работы, Трубецкой сказал, что это ему не

---

[1] Ныне Серебряный переулок.

подходит. После этого я Трубецкого не встречал, и лишь накануне ареста моего он пришел ко мне в Главтоп, сказав, что устроился уполномоченным по закупке лошадей для советских учреждений Москвы и спросил, не нужны ли Главтопу лошади. Нам лошадей не нужно было, так как мы имеем лошадей из Главлескома [1], а вспомнив, что накануне или за день тов. Эйдук говорил тов. Лихачеву, что ему нужно 70 лошадей, тут же позвонил заведующему хозчастью Центропленбежа Мартову. Так как Мартов мне сказал, что им лошади очень нужны, я сказал, что есть предложение от безусловно честного человека, и сказал, что пришлю его с запиской или заеду, а Трубецкому сказал, что через день собираюсь быть вообще в Центропленбеже у А. А. Благовещенского, могу его захватить. На мой вопрос, как же его известить, он сказал: «Я буду у М. Ю. Авиновой в $11^{1}/_{2}$ – 12 часов дня». Уходя, он бросил мне вопрос: «А вы не знаете, Гершельман приехал?» Я был поражен этим, и, так как вообще эта история с Гершельманом меня тяготила, я ответил: «Право не знаю, я его не видал».

4) В числе лиц, которые бывали в «Совете общественных деятелей» с января по май – июнь 1918 года, припоминаю Виктора Николаевича Челищева (бывшего мирового судью и старшего председателя Московской судебной палаты) и Ивана Ивановича Шеймана (бывшего мирового судью, служащего в Плодовощи). Они написали для «Совета» записку о судебной реформе, то есть о восстановлении деятельности старых судов. Шейман с июня 1918 года в «Совете» не показывался.

5) Через несколько дней после того, как Леонтьев в сентябре 1919 года пришел ко мне и сказал, что, не успев заручиться моим разрешением, дал мой адрес здесь Гершельману, пришел ко мне в Главтоп некто Николай Семенович Пучков, которого я мельком знал по службе в Центропленбеже (помощник делопроизводителя) и который еще при мне ушел оттуда, кажется, в управление санитарных поездов. Если я это учреждение назвал неточно, его можно проверить в статистическо-справочном отделе Центропленбежа и [у] бывших сослуживцев Пучкова   М. Н. Троицкого и Чебышева, или Ключарева, которые, безусловно, знают, куда он перешел. Равным образом, адрес Пучкова можно установить в Центропленбеже по его личной карточке. Видя в коридоре толчею посетителей, Пучков просил принять его на минуту и, нагнувшись, шепнул: «Если придет Гершельман и скажет слово «транспорт», пришлите его ко мне, мой адрес всегда можете узнать на Поварской [2], 17» (дом, где помещался тогда статистическо-справочный отдел Центро-

---

[1] Главлеском — Главный лесной комитет ВСНХ.
[2] Ныне улица Воровского.

пленбежа и, как сокращенно называли, отдел, даже после переезд на Калашный переулок, 12, где он помещается сейчас).

6) В мае 1919 года ко мне позвонил Д. М. Щепкин и сказал, что в Москву приехал мой бывший начальник по главному управлению по делам местного хозяйства — Николай Николаевич, который будет рад меня видеть, и если я хочу его повидать, то он — это Анциферов — будет у Щепкина тогда-то (через день-два). Когда я пришел, то застал между ними политическую беседу: Анциферов говорил, что в Рязани, где он служил в кооперации, была организация, проваленная (расстрел Бергштрессера), что центр, то есть Москва, не поддерживает провинцию, не имеет с ней связи и что над этим нужно подумать. Щепкин отвечал, что на это нет ни денег, ни времени, ни людей. Во время беседы пришел Леонтьев. Через полчаса мы разошлись, и, выходя вместе, Анциферов просил повидаться; я обещал зайти к нему на следующий день. Он остановился в общежитии Рязанского кооперативного объединения (в Георгиевском переулке, между Мясницкой и Маросейкой [1]). Там были другие кооператоры. Разговор шел только на обывательские темы, Анциферов рассказывал им, как он занимался разработкой местной реформы за время службы в Петербурге. Я пригласил Анциферова через день, в праздник, днем, пить кофе; разговор касался, в присутствии жены, воспоминаний о петербургской службе (Анциферов, между прочим, застал жену, он раньше ее не знал), как он вытащил меня из провинции в Петербург, в главное управление. Наконец, он сказал, что ему предлагают место в Московском областном союзе кооперативных объединений и он обещал дать ответ. Зная в Анциферове хвастуна, я при следующем свидании спросил Д. М. Щепкина, правда ли, что Анциферову предлагают место. Он рассмеялся и сказал, что тот приехал просить места.

7) В предыдущем моем показании я забыл также упомянуть о Шипове Д. Н. Он вошел в «Национальный центр» с момента его основания. Кадеты потащили его, чтобы убить этим правее стоящие организации — «Совет общ. деятелей», к которому он должен был примкнуть по своим политическим взглядам прежнего времени. Активную роль, я думаю, он играл лишь первые два-три месяца, при самом образовании «Центра».

8) С. А. Котляревский, несомненно, входит в состав «Национального центра», хотя некоторое время после его образования и продолжал посещать «Совет общественных деятелей». Когда в январе — феврале 1919 года возник вопрос о необходимости найти общую почву для объединения «Национального центра», «Совета общественных деятелей» и «Союза возрождения», Котляревский

[1] Ныне Лучников переулок, улицы Кирова и Богдана Хмельницкого.

пришел в «Совет» с проектом соглашения (помнится, три пункта на восьмушке бумаги), который и послужил основанием образования «Тактического центра».

9) На заданный мне дополнительный вопрос, не помню ли, кто из крупных деятелей служил в Московском областном союзе коопер. объединений, — слышал А. Г. Хрущева, бывшего товарища министра при Временном правительстве; сейчас он служит, кажется, в Главлескоме.

10) В. И. Стемпковский живет в Полуэктовом переулке [1], от Пречистенки [2] первый или второй подъезд, по правой стороне, точный его адрес должен быть в Центропленбеже, где служит его жена.

Н. Виноградский

16 февраля 1920 года

IV

В процессе писания по поручению тов. Агранова особого очерка деятельности «Совета общественных деятелей» я восстановил в памяти еще некоторые известные мне фамилии и факты, а в связи с этим отдельные эпизоды, не имеющие отношения к «Совету», но характеризующие то время и интересные.

1) В первых двух-трех заседаниях «Совета», более многолюдных, происходящих в феврале 1918 года еще в Фуркасовском переулке, в помещении, занимаемом тогда Всероссийским обществом стекольных заводчиков, принимали участие молодой человек Арсеньев (кажется, тогда приват-доцент университета), как потом говорили, уехавший на Юг (его я более не видел), затем, приват-доцент Ильин, начиная с марта нигде не появлявшийся, и Григорий Александрович Алексеев (бывший, кажется, управляющий делами или секретарь Главного комитета Всероссийского земского союза). Алексеев вплоть до отъезда на Украину (в сентябре 1918 года) посещал «Совет»; он был секретарем «Правого центра», о котором я упоминал в первом моем показании. На одном из заседаний, в феврале 1918 года, был также приехавший из Саратова или Самары Масленников (бывший земец), которого я потом видел на съезде земельных собственников в июле 1918 года.

2) В июне 1918 года Леонтьев мне сказал, что было бы желательно послать Алексееву записку о местном управлении, но так как у него оказии нет, он решил воспользоваться человеком, уезжающим от правых, и просил меня отнести эту записку к Ладыженскому, уезжающему в тот же вечер. Я Ладыженского дейст-

[1] Ныне Сеченовский переулок.
[2] Ныне Кропоткинская улица.

вительно застал за чемоданами и передал ему записку; останавливался он в Никольском переулке (на Арбате), в особняке бывшей княгини Волконской. За неделю перед тем я Ладыженского мельком видел у Леонтьева; он производил впечатление хвастуна и хлыща, называя себя начальником гражданской канцелярии Алексеева.

3) На происходившей в июле 1918 года на квартире Гурко съезде земельных собственников видел В. И. Стемпковского, Мейснера, Масленникова, Морозова, Кисловского, Ершова и Раевского (представитель Тулы), человек было 20, других не знаю. Я был лишь на одном заседании, где обсуждался вопрос о местном управлении и земстве; съезд продолжался дня два. Бывая у Леонтьева, я видел у него входящими и выходящими Масленникова и Раевского. Имею основание говорить, что местные отделения «Союза» были использованы «Правым центром» в качестве своих органов.

4) Когда возник вопрос об ориентациях и после приезда в Москву немецкого посольства, Леонтьев, вызвавши меня, спросил, как я мыслю себе управление при иностранной оккупации, и просил об этом написать записку. В дальнейших разговорах у него вырывались фразы: «Немцы говорят, немцы сказали». Это дало мне повод предполагать, что «Правый центр» имеет сношения с германцами, так как в Совете об этом говорилось очень туманно. Уже позднее, в августе 1918 года, не указывая, кто именно вел разговоры с немцами, он говорил, что немцы намереваются (по их словам) оккупировать Москву, но находят, что необходимо это сделать при содействии русских, для чего предполагалось, одновременно с наступлением Краснова двинуть силы с запада и одновременно произвести в Москве переворот при участии двух латышских полков. Последней комбинации он, однако, мало доверял. О том, что вел переговоры он, я узнал значительно позднее благодаря случайному обстоятельству: в одном доме со мною жил бывший генерал Чистяков, женатый на дочери Прохорова (занимавшей особняк у своей сестры), наш знакомый по Ессентукам (я там лечился в августе 1917 года) – человек ленивый и апатичный, он думал лишь об отдыхе. После августовской регистрации офицеров [1] (1918 год), опасаясь призыва, он решил уехать. И вот в середине октября зашел ко мне, сказал, что предлагают ему поехать в Киев при посредстве немецкой военной миссии, с тем чтобы на Украине отдать себя в распоряжение немецкого командования.

---

[1] В соответствии с постановлением V Всероссийского съезда Советов об организации Красной Армии (от 10 июля 1918 года) военные специалисты из числа офицеров бывшей армии должны были браться на учет и служить на тех постах, на которые их поставит Советская власть. Регистрация офицеров производилась периодически, население широко оповещалось о ее времени и месте. Военные специалисты, избегавшие регистрации, подлежали уголовному наказанию.

«Надую немцев, уеду, а потом удеру к Лидии Петровне в Крым»,— сказал он. Л. Прохорова, у которой он столовался в Введенском переулке [1], уехала в начале октября в Крым. Не владея немецким языком, он просил меня съездить с ним в Денежный переулок, что я и сделал. Он получил у ротмистра фон Вальфингена удостоверение об оказании ему всеми немецкими властями содействия и уехал в Крым. Во время разговора Вальфинген указал, что таким же образом можно переправить других офицеров. На мой вопрос, зачем это делается, он ответил, что немцы решили оказать поддержку Краснову и что они содействуют формированию Южной армии. Когда я стал спрашивать, предполагают ли они вмешиваться в русские дела, Вальфинген мне предложил через два дня зайти к Шуберту (военный агент). Шуберт спросил меня, связан ли я с политическими группами Москвы, и, когда я ответил, что дружен с Леонтьевым, воскликнул: «Да ведь он и Урусов имели разговор с профессором Рицлером!» (советник посольства). Далее Шуберт изложил причины невмешательства – борьба канцлера (стоявшего за невмешательство) с военной партией и особенно Людендорфом, наиболее активным сторонником оккупации, присовокупив, что Людендорф одерживает, кажется, верх и в ноябре можно ждать решения вопроса. Через несколько дней (7—8) в Германии произошла революция.

О первом же разговоре с Вальфингеном я сказал Леонтьеву; тогда он мне сказал, что действительно имел летом переговоры с немцами, что они были прерваны с приездом нового посла, заменившего Мирбаха. По его просьбе я послал его брата, хотевшего уехать за границу, к нему; Леонтьев мне сказал, что брат действительно уехал. Кроме того, он направил ко мне двух офицеров (фамилии не знаю), которых я также отправил к Вальфингену.

5) Когда после образования «Тактического центра» возник вопрос о Принцевых островах и было предложено послать за границу декларацию и к ней краткую записку о положении в России, помню, шел разговор о том, что за границу предполагает ехать Кузьмин-Караваев, профессор, кадет (или его сын, в точности не знаю: ни того ни другого ни разу ни у кого не видел).

6) В числе мотивов образования «Тактического центра» я упустил один серьезный. Докладывая в феврале 1919 года о переговорах своих с «Национальным центром» и «Союзом возрождения», Леонтьев между прочим бросил: «На объединении настаивают военные», из чего мы тогда же сделали вывод о существовании в распоряжении «Нац. центра» военной организации. Однако, как я уже указывал, на вопрос, последовавший от одного из участников совещания, кого не помню, о том, что это за военные, он ответил

---

[1] Ныне Подсосенский переулок.

уклончиво: «Там при «Нац. центре» есть что-то». Вопрос этот более в «Совете» не поднимался, и лишь в мае месяце в очень многолюдном его заседании, в котором были Д. М. Щепкин, Леонтьев, Кисловский, Сергиевский и Стемпковский, Леонтьев по поручению «Тактического центра» поставил вопрос, как относится «Совет» к военному выступлению, и указал, что военные требуют ответа от «Национального центра», последний же передал его в «Тактический центр». Он же и Д. М. Щепкин перед тем, чтобы сказать свое мнение, хотели бы поделиться с единомышленниками. Все присутствовавшие в один голос высказались в том смысле, что при разобщении действий Колчака и Деникина и отдаленности их выступление было бы опасно и несвоевременно.

7) Возвращаясь к 1918 году, времени существования «Правого центра», укажу, что в распоряжении его имелась какая-то военная организация или он имел с ней связь. Это относится к июню июлю 1918 года. После одного из заседаний Совета, помню, Леонтьев просил меня задержаться, чтобы переговорить об одной из записок (кажется, о местном управлении). Пока я ждал, он в той же комнате, немного поодаль, вел разговор с Гурко, из которого я мог уловить, что Гурко держит связь с военными. Они вместе с тем выругали Кишкина, который все дело портит, помню брошенную фразу: «Набирает каких-то, говорят, мальчишек-гимназистов!»

8) Возвращаясь к тому же времени, считаю необходимым отметить, что в продолжение того же разговора было сделано упоминание, что торговопромышленники дали полмиллиона (500 000) денег и решили этим ограничиться.

9) Я уже упоминал, что в самом конце марта 1919 года состоялось совещание, на котором был некий Азаревич, приехавший из Сибири. Я забыл добавить, что на том же совещании присутствовали приглашенные Леонтьевым два офицера: один маленького роста, с бородкой, фамилии его не знаю, прибывший также из Сибири, и другой (из сопоставления с упоминанием его фамилии в одной беседе Леонтьева и Щепкина думаю, что это Хартулари) с юга. Оба они сделали так называемую информацию и отвечали на разные вопросы, преимущественно политического свойства. После обмена все разошлись, а в следующем заседании, происходившем уже без них, было решено послать гонцов с информацией и обменом ее к Колчаку и Деникину, о чем я уже показывал. На вопрос (не помню кого), каким образом эти люди (то есть неизвестный и Хартулари) попали к нему, Леонтьев ответил, что это через «Тактический центр».

10) Зная, что я живу в доме Найденовых, и зная с моих слов, что я там раза два-три видел Ивана Давидовича Морозова, Леонтьев как-то в конце апреля или начале мая 1919 года спросил меня, не увижу ли я его скоро, и просил, если увижу, сказать ему,

чтобы он напомнил Сергею Арсентьевичу Морозову о деньгах, так как его трудно поймать, И. Д. Морозов жил в деревне, за последние полтора года приезжал в Москву всего 4—5 раз, и увидел я его у Найденовых на именинах сестры, 22 мая. Я отозвал его, передал поручение, и на следующий день он сказал мне, что ведь Сергей Арсентьевич половину отдал (150 000 рублей), а другую — даст потом. Здесь я считаю, что Ив. Дав. Морозов является только передаточной инстанцией, так как он те два-три раза, которые я перед тем видел его, говорил, что от всякой политики еще весной 1918 года отошел. После этого, насколько я знаю, он приезжал в Москву раз в августе; я тогда видел его у Найденовых за обедом.

11) В числе лиц, которых видел в «Совете» в феврале 1918 года, вспоминаю Валериана Николаевича Муравьева. Тогда он рассуждал о внешней политике, был он только один раз. Я его помню лицеистом, но с 1905 года с ним не встречался; он так изменился, что я только потом узнал, что это и есть Муравьев. В июне, кажется, он приходил в заседание «Совета», но ушел до конца, так что мне опять не удалось возобновить знакомства. Встретился я с ним опять в сентябре — октябре за обедом у Марии Юрьевны Авиновой (он сказал, что услышал потом мою фамилию, не подозревая, что это я). Он говорил, что занимается в военно-исторической комиссии и одновременно поступил в Главлеском. Не так давно (недели за две-три до моего ареста, я думаю) я встретил его во дворе Главлескома; он получал и отбирал в числе других картофель и рыбу. Мы поздоровались, и, когда я спросил его, окончательно ли он обосновался в Главлескоме, он мне сказал, что на днях, вероятно, переходит к т. Карахану заведующим информационным бюро или что-то в роде этого и, так как получит право избирать ближайших сотрудников, хочет перетянуть туда Котляревского. После этого я более не видел его.

Предыдущее мое показание имело целью в кратчайший срок дать ясную картину существовавших в 1918—1919 годах контрреволюционных организаций и возможно скорее указать лиц, так или иначе причастных к этим организациям.

Здесь я старался вспомнить, перебирая в своей памяти, все, что мог, факты, которые ускользали раньше и которые постепенно удалось восстановить в своей памяти.

Характеристика отдельных лиц мною излагается в очерке деятельности «Совета общественных деятелей».

В заключение укажу на следующее: указание следственной власти о том, что Леонтьев после августа продолжал свою контрреволюционную деятельность, явилось для меня откровением. Я считал, что посылка Гершельмана является лебединою песнью,

тем более что ни разу после этого у нас не было разговора о прошлых делах, ни разу он не спрашивал меня, вернулся ли Гершельман. То, что, несмотря на это, он, как вы говорите, продолжал действовать, не обмолвливаясь со мною ни словом, объясняю тем, что, видя меня утопавшим в главтопской работе, он считал меня просто потерянным для него лицом. Да и, повторяю, если он хотел бы говорить со мною, то обстановка была неблагоприятная. В стремлении и здесь открыть и сказать все, что могло бы помочь Советской власти, я думаю над тем, кто бы мог знать что-нибудь, и вспомнил Елизавету Ивановну Малеину (служившая в Плодовощи, жила прежде в санатории доктора Кишкина на Молчановке, а потом, кажется, где-то в Кисловском переулке). Когда я работал с Леонтьевым и писал записки, о которых упоминал ранее, то печатала их Малеина; у Леонтьева от нее тайн абсолютно не могло быть, это я утверждаю определенно.

Н. Виноградский

17 февраля 1920 года

V

В дополнение к данному мною сегодня утром показанию добавляю:

1) В первом моем показании я, кажется, упомянул, что Леонтьев сказал мне о поездке Гершельмана в сентябре, но, по-видимому, это было в октябре, так как весь сентябрь и Леонтьев и Д. М. Щепкин почти в городе не бывали.

2) В числе лиц, принимавших участие в первых совещаниях в Москве, в Фуркасовском переулке, припоминаю профессора Новгородцева, потом он был представителем от кадет в «Правом центре», говорили также, что после отъезда Милюкова он стал лидером кадетской партии.

3) Не могу утверждать, был ли С. Д. Урусов официальным делегатом «Совета общественных деятелей» в «Правом центре», но, во всяком случае, в заседаниях его принимал участие и о работах его должен был быть осведомлен. Об этом сужу по тому, что весною 1918 года Леонтьев просил меня принести какую-то записку на квартиру к Урусову. Там было совещание, на которое меня не пригласили, но мельком через открытую дверь видел Гурко и Новгородцева, членов «Правого центра».

4) Как-то зимою 1918/19 года, в каком месяце положительно не помню, шел разговор о том, что в Москве осталось мало политических деятелей. Леонтьев, касаясь кадетов, упомянул, что из 20—25 человек Центрального Комитета их в Москве осталось всего пять человек, которые, однако, продолжают заседания.

5) Вспоминаю еще: в одно из моих последних посещений Леонтьева у него на квартире в июне — июле 1919 года, он мне сказал, что в «Национальном центре» разрабатываются вопросы государственного управления, что этим занимается Борис Дмитриевич Плетнев (кадет, брат профессора, преподаватель Ярославского лицея, но живущий в Москве) и что хорошо мне было бы повидаться с ним, чтобы выяснить нашу точку зрения, согласно нашим работам предшествовавшего года. В назначенный мною день и час Плетнев пришел ко мне, и наша беседа продолжалась часа $1^1/_2$; я развивал ему мысли, вложенные в записки 1918 года. Более я его не видел, хотя и обещал позвонить к нему, но так и не позвонил, забыл.

17 февраля 1920 года *Н. Виноградский*

VI

ХАРАКТЕРИСТИКА ЧЛЕНОВ «СОВЕТА ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ»

1. ЩЕПКИН ДМИТРИЙ МИТРОФАНОВИЧ

Один из учредителей «Совета» осенью 1917 года и деятельный его участник в период легального его существования. После отъезда М. В. Родзянко на Юг (ноябрь 1917 года) вступает в должность председателя «Совета». Его кандидатура выдвинута вследствие уменья уладить с разными политическими группами и примирять различные течения. В должности председателя «Совета» оставался все время, вплоть до фактического прекращения существования «Совета» в июле 1919 года. В период полулегальной (декабрь — март 1918 года) и в особенности нелегальной деятельности «Совета» (с марта 1918 года) вместе с С. М. Леонтьевым — фактический и идеологический руководитель «Совета», в руках коих была сосредоточена вся деятельность и работа «Совета». С марта 1918 года уполномочен «Советом» совместно с Леонтьевым представительствовать всюду, где окажется необходимым, от имени «Совета». Таким образом, был делегатом «Совета» в «Правом центре» (1918 год) и в «Тактическом центре» (1919 год). На нем лежали обязанности вести переговоры политического и главным образом тактического характера с другими общественными и политическими организациями и партиями. Участвуя вместе с С. М. Леонтьевым персонально в разных собраниях (например, в клубе Кусковой и Прокоповича)[1], считался там представителем

[1] Речь идет о собраниях буржуазных общественных деятелей, проходивших в квартире Е. Д. Кусковой и С. Н. Прокоповича.

тех течений, которые разделялись «Советом» (конституционно-монархического и военной диктатуры), впредь до установления «порядка», «нормальных политических условий».

2. ЛЕОНТЬЕВ СЕРГЕЙ МИХАЙЛОВИЧ

Вместе с Щепкиным Д. М., активный и фактический руководитель «Совета», являвшегося при них скорее всего политической декорацией. По своим личным свойствам пользовался безграничным влиянием не только в «Совете», но и на Д. М. Щепкина. В высших организациях («Правый» и «Тактический» центры) пользовался большим влиянием и в противоположность Щепкину, занимавшемуся вопросами политического и тактического характера, вел наиболее активную деятельность по связи с военными делами. Наиболее яркая и выпуклая фигура 1919 года в смысле роли, которую мог бы играть, на случай переворота, в будущем правительстве.

3. УРУСОВ СЕРГЕЙ ДМИТРИЕВИЧ

Член «Совета» с января 1918 года. Пользовался в 1918 году большим влиянием в «Совете». Близко связан персонально с Д. М. Щепкиным и С. М. Леонтьевым. В 1918 году принимал активное участие в политической работе (участие в «Правом центре»), вел переговоры с немцами. В 1919 году значительно менее активен, в особенности после заключения в тюрьму; посещал заседания «Совета» редко.

4. УСТИНОВ ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ

Член московских совещаний и «Совета»[1] с момента их основания. Посещал почти все заседания «Совета», интересовался его деятельностью и часто выступал с большими политическими речами, преимущественно академического и аналитического характера (по вопросам государственного устройства, конституции и т. д.); тем не менее лично влиянием не пользовался. Типичный представитель старого «общественного деятеля», считающего ненормальным сидеть сложа руки, считающего необходимым «что-то делать», часто не зная, что именно, но сохранившего привычку и потребность присутствовать в общественных собраниях и говорить на политические темы.

---

[1] Имеются в виду проходившие в Москве в августе и в октябре 1917 года совещания «общественных деятелей», обсуждавшие вопрос о мерах борьбы с нараставшим революционным движением, о введении военной диктатуры. Их участники избрали руководящий орган — «Совет московских совещаний общественных деятелей».

5. СТЕМПКОВСКИЙ ВИКТОР ИВАНОВИЧ

Вступил в «Совет» во второй половине лета 1918 года после прекращения деятельности «Совета земельных собственников». Особенно тяготился советским строем и с жадностью и с любопытством выслушивал «информации», надеясь почерпнуть в них утешительные для себя данные. В этом стремлении готов был верить самым нелепым слухам. Посещал все заседания «Совета», движимый главным образом указанным выше любопытством и привычкой посещать политические беседы. Сам выступал в «Совете», главным образом по аграрному и крестьянскому вопросам; влиянием тем не менее абсолютно не пользовался.

6. ПРОФЕССОР СЕРГИЕВСКИЙ

Введен в «Совет» зимой 1919 года (кажется, в феврале) в связи с оживлением политической деятельности в Москве в качестве представителя молодой профессуры; близок к Д. М. Щепкину. Отсутствуя часто, редко бывал в заседаниях «Совета», но живо интересовался им. По самому характеру своего вступления должен был играть активную роль в случае создавшихся благополучных обстоятельств.

7 МУРАЛЕВИЧ ВЯЧЕСЛАВ СТЕПАНОВИЧ

Участник «Совета» с начала его образования. Будучи делегирован «Союзом трудовой интеллигенции»[1], считался поэтому идейным представителем преимущественно учительских кругов. Не будучи в 1918 -1919 годах формально ими делегирован, после прекращения существования «Союза трудовой интеллигенции» тем не менее продолжал считать себя идейным отразителем этих кругов и информировал «Совет» о господствующих там течениях и настроениях. В 1919 году посещал заседания «Совета» реже, будучи часто в командировках. Непримиримый враг Антанты и поборник германской ориентации.

---

[1] Имеется в виду Совет депутатов трудовой интеллигенции — «внепартийная» общественная организация, объединявшая лиц умственного труда. Возникла в Москве в мае 1917 года. В совет входило около 115 союзов — Всероссийский союз инженеров, Всероссийский учительский союз, Русское театральное общество и др.

Наиболее видную роль в совете играли кадеты и эсеры. В него входили также энесы, меньшевики, члены сионистской трудовой партии. Совет выступал за расширение представительства интеллигенции в административных органах и общественных организациях, за подъем производительных сил, за усиление культурно-просветительной работы в России, в защиту интересов работников умственного труда. К Октябрьской революции отнесся отрицательно. В марте 1918 года прекратил свою деятельность.

8. ЛОСКУТОВ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ

Старый участник «Совета», представлявший в нем наиболее демократические тенденции; заседания посещал часто, более всего интересовался вопросами местного управления, земской и городской реформы.

9. МЕЙСНЕР ИОСИФ БОГДАНОВИЧ

Один из наиболее влиятельных членов бывшего «Союза земельных собственников»[1], перешедший в «Совет» после его ликвидации. Враг Антанты и поборник немецкой ориентации. Интересовался более всего аграрным вопросом и проектами земской и городской реформы. Осенью 1918 года уехал на Украину; после возвращения оттуда зимой 1919 года ни разу в заседаниях «Совета» не участвовал и, тяжело больной, от политической деятельности ушел.

10. КАПТЕРЕВ

Старый участник «Совета общественных деятелей»; будучи в Москве, постоянно посещал его заседания. Считался отразителем среды молодой профессуры и учительского персонала. Не будучи ими формально делегирован, не выступал от их имени формально, но информировал Совет о господствовавших там течениях.

11. БЕРДЯЕВ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Один из учредителей «Московских совещаний» и «Совета общественных деятелей». Как мыслитель, философ, а по убеждениям — определенный монархист, был идеологом монархической идеи. С другой стороны, давал идеологическое обоснование революции и различных явлений революции, в том числе коммунистического течения.

12. ШИДЛОВСКИЙ СЕРГЕЙ ИЛИОДОРОВИЧ

Участник «Московских совещаний» и Совета с их основания. В начале 1918 года один из влиятельных членов Совета, разошедшийся с ним на почве ориентации. После того как Совет в июле 1918 года определенно и безоговорочно примкнул к германской

---

[1] «Всероссийский союз земельных собственников и сельских хозяев» — контрреволюционная организация, созданная в Петрограде после Февральской революции 1917 года для защиты права частной собственности на землю. Союз объединял помещиков и часть кулаков. Боролся с крестьянским движением за землю После Октябрьской революции призывал помещиков не выполнять декрета II Всероссийского съезда Советов о земле. Запрещен в феврале 1918 года, но продолжал нелегально действовать. В марте 1918 года вошел в «Правый центр».

ориентации, из его состава вышел. Несмотря на то что зимою 1919 года вопрос об ориентациях в Совете отпал, Шидловский в его состав не вернулся и вообще с половины 1918 года от политической деятельности совсем ушел.

Н. Виноградский

12 апреля 1920 года

VII

Дополнительно сообщаю:

1) Ник. Ник. Щепкин состоял в «Нац. центре» и в «Союзе возрождения», в последний он был введен для ослабления левых элементов и в «Такт. центр» входил официально от «Союза возрождения». Заместителем его был Александр Дмитриевич Бородулин, под фамилией Денисов; в СВ входил также Кондратьев, бывший товарищ министра продовольствия при Временном правительстве. К СВ был близок Прокопович. Другие участники СВ, безусловно, неизвестны.

2) В НЦ входили Котляревский, два старообрядца, кадет профессор-биолог Кольцов; Протопопов и Кизеветтер, безусловно, не входили; Кишкин не входил, но был близок.

3) Гершельман, посланный в октябре на Юг, не был специальным гонцом НЦ, им воспользовались как оказией (он старый университетский товарищ Д. М. Щепкина) для уведомления Деникина, что все старые явки прекращены; он вернулся обратно и уже в декабре поехал через Могилев с неким Фабрициусом, которому в Могилеве было поручено организовать Трамот и который взял Гершельмана под видом служащего.

4) Герасимов имел большое влияние на Мельгунова как старый его учитель, покрикивал на него и говорил: «К черту ваши социалистические бредни!» Мельгунова считали единственным человеком, с которым можно было говорить из СВ.

5) Мария Ивановна привела к Леонтьеву англичанина Поля Дюкса (Павел Дюкс), главу английской контрразведки в России, жившего в Петрограде и приехавшего в Москву, чтобы завязать связь с местными политическими организациями. Поль Дюкс был агентом Черчилля и связан был непосредственно с Юденичем. Свиданию его с Леонтьевым предшествовало совещание с Трубецким, не является ли Поль Дюкс провокатором, но решено было видеть его, считая, что если это провокация, то они уже влопались через Марию Ивановну. Поль Дюкс имел свидание также с Н. Н. Щепкиным. В разговоре с Леонтьевым Поль Дюкс более всего интересовался отношением московских организаций к военной интервенции англичан и оккупации части России; ему

было указано на желательность обеспечения тыла Деникина по мере продвижения Деникина, с тем чтобы непосредственное занятие новых местностей и Москвы было произведено войсками Деникина.

После отъезда Поля Дюкса из России Мария Ивановна явилась опять в Москву, виделась с Леонтьевым, внушила ему еще меньше доверия, чем летом, и указала, что она является главой английской контрразведки, так как заместитель Поля Дюкса не приехал, имеет неограниченные полномочия от английского правительства, обладает денежными средствами. Говорила, что даст миллион рублей денег, денег не присылала, на чем все переговоры с ней были прерваны.

Она, между прочим, говорила, что благодаря подкупу значившийся в списке расстрелянных по военной организации НЦ Евреинов на самом деле был освобожден.

6) На вопрос, чем же занимался НЦ, кроме связи с военной организацией, мне стало известно, что кроме собраний для общих политических суждений НЦ завел проскрипционный список коммунистов по карточной системе (около 10 000 карточек, на которые заносились служебные перемещения и устанавливались псевдонимы). Эту работу, стоившую свыше 10 000 рублей в месяц, вели три лица по газетам и агентурным путем, работа эта потом была запущена и осенью прекращена.

7) После расстрела бывшего генерала Кузнецова Трубецкой отвез его семье пособие и за несколько дней до ареста по почте получил письмо от сестры Кузнецова, его не знавшей (и, очевидно, предполагавшей в нем пожилого человека), просившей его взять ее бонной к его детям и обещаясь воспитать из них настоящих контрреволюционеров.

Н. Виноградский

Еще припоминаю следующие факты:

1) В состав «Нац. центра» входил Фельдштейн (государственник).

2) Фамилия старообрядца, входившего в НЦ, - Онуфриев, он уехал неизвестно куда.

3) Н. Н. Щепкин входил в НЦ и в «Союз возрождения» не персонально, а в качестве представителя кадетской партии, делегированный Центральным Комитетом. Он делал в ЦК партии доклады о деятельности НЦ и осведомлял его о действиях «Нац. центра». После ареста Н. Н. Щепкина он никем от ЦК кадетской партии заменен не был.

4) Членами ЦК кадетской партии, безусловно, состоят Н. М. Кишкин, Д. Д. Протопопов и Кизеветтер.

5) Профессор Бухшпан членом НЦ не состоял, но несколько раз принимал в заседаниях участие при обсуждении экономических докладов.

6) При образовании «Нац. центра» в 1918 году в нем присутствовал Галяшин, до образования НЦ входил делегатом этой группы в «Правый центр».

7) В заседании НЦ летом 1919 года, в котором обсуждалась кандидатура Леонтьева в будущее правительство, принимали участие члены «Союза возрождения», а именно: Мельгунов, Бородулин (Денисов), Кондратьев и Цедербаум (брат Мартова), было еще два-три человека. Члены «Совета общественных деятелей» на это заседание приглашены не были. Против кандидатуры Леонтьева возражал очень горячо Герасимов, находя Леонтьева неподходящим, вкладывающим в свою работу слишком личное отношение и опасаясь мстительности с его стороны.

8) После ареста Н. Н. Щепкина Трубецкой шифровал донесения, отправляемые белогвардейцам.

9) Приехавший летом 1919 года в Россию Поль Дью (П. Дьюкс)[1], между прочим, поставил вопрос об отношении русских общественных групп, находящихся в Москве, к самостоятельности Финляндии; вопрос этот обсуждался в «Нац. центре», который высказался против самостоятельности Финляндии.

10) В числе сведений, сообщенных белогвардейцам, значатся следующие (по точному выражению Трубецкого, «мы сообщили»):

1) англичанам было сообщено о существовании в Москве коммунистической организации ТАИ (Туркестан, Афганистан, Индия), поставившей целью вести широкую коммунистическую пропаганду в указанных странах, на что назначены большие средства и подготовляются кадры агитаторов;

2) Деникину сообщено об извлечении из высших учебных заведений Москвы при обысках летом 1919 года значительного числа бланков этих учреждений, удостоверяющих личность, со старыми факсимиле подписей и старыми печатями;

3) Деникин предупрежден о значительном скоплении красноармейских частей в районе Тулы (во время мамонтовского набега).

11) У Кольцова хранились суммы НЦ, и он передавал необходимые деньги на военную организацию С. Е. Трубецкому; доказать наличность у Кольцова сумм «Нац. центра» трудно, так как у него постоянно хранились значительные деньги Научного института.

20 февраля 1920 года *Н. Виноградский*

---

[1] Поль Дюкс.

VIII

1) Относительно «Союза возрождения» в Москве выясняется следующее:

С. П. Мельгунов показал, что членами СВ состояли кроме Н. Н. Щепкина, Волк-Карачевского (умершего), Кондратьева и Бородулина еще Розанов (меньшевик), Цедербаум (Левицкий), Семен Маслов, Филатьев и Потресов. Он указал, что Бородулина (Денисова) он не видел месяца два или более, но слышал, что Бородулин недавно заходил к С. М. Леонтьеву в Плодовощ. Несколько дней перед тем В. Н. Муравьев в разговоре о Бородулине заметил, что он имел связи между рабочими и что приговоренный прошлым летом к высылке меньшевик-рабочий, руководивший забастовкой на Александровской железной дороге, был знаком с Бородулиным и находился под его влиянием. В связи с этим вспоминаю, что С. Е. Трубецкой говорил, как рабочие умеют конспирировать, заметил, что осенью, после ареста Н. Н. Щепкина, к нему пришел «один из левых», совершенно изменивший до неузнаваемости внешний облик: он приделал рыжую бороду, обстриг брови, подвел глаза и носил очки. Мельгунов отрицает вхождение в СВ Кусковой и Прокоповича.

2) Относительно С. П. Мельгунова, состоявшего, по словам С. Е. Трубецкого и В. Н. Муравьева, председателем «Союза возрождения» в Москве, припоминаю следующие подробности:

а) после ареста Н. Н. Щепкина он скрывался более месяца в селе Лопасне или его окрестностях (около 70 верст от Москвы, между Подольском и Серпуховом), причем фальшивый паспорт был выдан ему председателем Лопасненского волостного исполкома;

б) у Мельгунова имеется потайной архив, «конечно, не на его квартире» (и, по-видимому, не в «Задруге»), где хранятся различного рода документы и записки, касающиеся деятельности «Союза возрождения» и «Национального центра» в Москве;

в) в день ареста Мельгунов оставил в «Задруге» на письменном столе материалы к сборнику «о деятельности большевиков», в числе которых была статья Котляревского;

г) на издание этого сборника он получил деньги от «Национального центра» (это сказал еще несколько дней перед тем В. Н. Муравьев);

д) «Задруга» как кооперативное товарищество обязано главным образом своим существованием Народному банку (очевидно, бывшему кооперативному Народному банку), где ей открыт большой кредит; Мельгунов задумался над тем, успеют ли и догадаются ли его коллеги по «Задруге» взять эти деньги вовремя из банка;

е) записка, отправленная весной или летом 1919 года за границу (по положению в Советской России), была провезена Фрицем Платтеном, который об этом, конечно, не знал, она была каким-то образом вложена в мешок, запечатанный советскими печатями, который Платтен вез за границу, мешок этот был, конечно, взят при аресте Платтена в Финляндии, однако Мельгунов думает, что Аксельроду удалось извлечь оттуда записку и она в Париж доставлена.

3) Летом 1918 года С. А. Котляревский был у немецкого посланника Мирбаха.

Н. Виноградский

IX

По имеющимся у меня сведениям, «Союз возрождения» находился в следующих условиях.

Весною 1918 года в Москве возникла мысль образовать надпартийную организацию, которая имела бы целью объединить существующие в Москве политические партии на почве общего понимания развертывающихся событий и выработки по поводу их единообразной точки зрения. Меньшевики вначале в СВ не вошли, и, таким образом, в его образовании участвовали три политические партии: эсеры, энесы и кадеты. От первых вошли Авксентьев, Аргунов, С. Маслов и Бунаков, причем вхождение их не было санкционировано ЦК партии. От энесов вошли Мельгунов, Мякотин, Титов и, кажется, Пешехонов с санкции ЦК партии и в качестве делегатов ее, а от кадетов — Астров, Н. Н. Щепкин, Кишкин и Шаховский с санкции ЦК партии, но не в качестве ее делегатов. Бывший тогда в Москве Савинков добивался вхождения в СВ и, очевидно, хотел занять в нем преобладающую и руководящую роль, но не был принят; после этого он занялся самостоятельно образованием военной организации.

В течение лета и к осени большинство из перечисленных лиц уехали на Юг и Восток; и с отъездом Мякотина, образовавшего на Юге официальное ядро, С. В. Мельгунов считает, что группа лиц, образовавшая осенью кружок, персонально являлась не «Союзом возрождения», а представляла собою группировку, разделявшую программу «Союза возрождения».

Что касается Кишкина, то после его ареста в 1918 году он в «Союзе возрождения» участия не принимал, но его встречали иногда на междупартийных собраниях, устраиваемых Прокоповичем и Кусковой.

10 марта 1920 года *Н. Виноградский*

X

1) В дополнение к данным мною ранее показаниям припомнил следующее обстоятельство.

Весною 1919 года, в каком месяце не помню, но во всяком случае в период самых крупных успехов Колчака, я, однажды придя к С. М. Леонтьеву, увидел у него на столе печатную листовку формата обыкновенной писчей бумаги под заглавием «Информационный листок» (кажется, № 2 или 3). Содержание его, насколько помню, заключалось в следующем: обрисовывалось движение Колчака, как национальное и не направленное против демократов, а затем помещены были сведения о фронтах, значительно отличающиеся от официальных сводок, сведения о восстаниях с присовокуплением, что официальным данным верить нельзя. На вопрос мой, что это за листовка, Леонтьев по обыкновению отвечал коротко и неопределенно; выражений его не помню, но у меня составилось впечатление, что изданием листовки занимаются социалисты, как привычные к подпольному печатанию. Теперь у меня возникает мысль: не в «Задруге» ли и вообще не «Союзом возрождения» ли это печаталось?

11

1) В дополнение к предыдущему моему показанию сообщаю, что совещание министров и их товарищей представляется в следующем виде: когда была получена радиотелеграмма о созыве конференции на Принцевых островах, Прокопович собрал всех находящихся в Москве бывших министров Временного правительства и их товарищей (имена их уже известны следствию) и предложил составить декларацию от имени Временного правительства, каковую возможно было переслать через Мельгунова и Аксельрода. Все присутствующие, однако, без исключения, отвергли эту точку зрения, заявив, что они себя членами и правопреемниками Временного правительства не считают, а являются частными лицами. Таким образом, предложение Прокоповича отпало.

По вопросу об отношении главных деятелей кооперации к мероприятиям Советской власти в области кооперации и к роли их при создавшемся в кооперации положении [1] мне известно следующее:

---

[1] Вопрос был задан в связи с тем, что ВЧК в это время вела следствие об антисоветской деятельности руководителей Всероссийского центрального союза потребительских обществ (Центросоюза) — Д. С. Коробова, А. Н. Лаврухина, А. А. Кузнецова и других. В ходе расследования выявилось, что кооператоры поддерживали связь с Антантой и «правительствами» Колчака и Деникина, контактировали с «Национальным центром», занимались спекуляцией. Дело кооператоров слушалось в Верховном ревтрибунале при ВЦИК в начале сентября 1920 года, который приговорил их к различным срокам наказания.

С того времени, как Советское правительство решило подчинить кооперацию общей политике республики и отнять у нее самодавлеющее ее, противоречащее советскому строю значение (образование Центросоюза с правлением на паритетных началах), в кооперативной среде наметились два течения: одно так называемое «соглашательское», то есть стоящее на точке зрения соглашения с Советской властью по кооперативным делам «для сохранения кооперации во что бы то ни стало», наиболее яркими представителями которого считаются Коробов (Центросоюз) и Чаянов. Другое течение, менее многочисленное, непримиримое к мероприятиям власти в области кооперации, олицетворялось С. Н. Прокоповичем.

Последние мероприятия власти в области кооперации (январские декреты, тезисы, принятые апрельской партийной конференцией)[1], по мнению указанных трех моих собеседников, означают полный разгром русской кооперации в случае продолжительности Советской власти, поэтому все работы кооператоров должны быть направлены на то, чтобы сохранить в «советизированных» кооперативных центрах сплоченные ячейки, хотя бы малосознающие и не пользующиеся силой, уступая руководящее влияние, если это нужно, коммунистам; нужно сохранить аппарат и людей (кооператоров). Так, например, Кондратьев полагал, что Льноцентр после включения в Центросоюз той роли, которую имел, играть не будет, самостоятельностью также пользоваться не будет, но ему удастся, пожалуй, сохранить свою структуру и некоторую автономность.

Больше всего кооператоров беспокоит то, что могут быть уничтожены культурно-просветительные отделы, существующие почти при всех кооперативных учреждениях, равным образом их огорчает, что, по-видимому, невозможно будет «пристраивать» и «подкармливать» так называемых бывших людей, которые до сего времени находили в кооперации приют.

Н. Виноградский

15 апреля 1920 года

ПОКАЗАНИЯ С. М. ЛЕОНТЬЕВА

С. М. Леонтьев, 40 лет, бывший дворянин, сын помещика Ростовского уезда Ярославской губернии (имение Воронино, в 24 верстах от Ростова).

---

[1] Имеются в виду декрет Совнаркома от 27 января 1920 года об объединении всех видов кооперативных организаций, слиянии промысловой и сельскохозяйственной кооперации с Центросоюзом и резолюция IX съезда РКП(б) «Об отношении к кооперации», принятая 3 апреля 1920 года. Партийной конференции в апреле не было.

Образование — историко-филологический факультет Московского университета.

Отношение к воинской повинности — ратник II разряда.

Прохождение службы: до войны гласный Ростовского уездного земства, председатель уездной управы и гласный Ярославского губ. земства. С начала 1915 года в Главном комитете по снабжению армии Всероссийского земского и городского союза член Главного комитета и заведующий отделом заказов. С марта 1917 года — товарищ министра внутренних дел (в министерстве Львова), вопросы реформы земских и городских органов. В июле снова вернулся в Главный комитет земгора на ту же должность. В апреле или мае 1918 года был выбран в коллегию Центрального кооперативного товарищества плодоводов и огородников (Плодовощ), где работал до момента ареста.

I

Из Петрограда ко мне действительно приезжала некая Мария Ивановна, которая должна была через меня познакомить некоего Павла Павловича [1] с каким-либо видным московским городским общественным деятелем. С Павлом Павловичем я имел разговор, причем осветил ему положение кооперации в России.

Свидание Павла Павловича с Н. Н. Щепкиным произошло дня за четыре до ареста Н. Н. Щепкина.

Мною действительно было дано право Марии Ивановне подписать одну телеграмму именем служащего Плодовощи Назарова, который ко мне и направил Марию Ивановну и на которого она сослалась.

Павел Павлович выдал себя за человека, официально уполномоченного вести разговоры от имени Англии.

Я в юности принадлежал к партии кадетов и позднее мне было предложено Ярославским комитетом к.-д. выставить кандидатуру в Учредительное собрание от партии, причем я отказался.

Н. Н. Щепкин просил передать Марии Ивановне, что он согласен на свидание с Павлом Павловичем и что он хочет быть представлен ему под псевдонимом «Иван Иванович». Мария Ивановна просила указать ей для свидания с Павлом Павловичем когонибудь из видных городских общественных деятелей Москвы. Явившись ко мне, Мария Ивановна заявила мне, что она познакомилась в Петрограде со служащим Плодовощи гр. Назаровым Егором Яковлевичем, которого я знаю в продолжение нескольких месяцев и который поступил к нам на должность разъездного агента по рекомендации Андрея Евгеньевича Кулыжного, ныне по-

[1] Павел Павлович — Поль Дюкс, резидент английской разведки в Петрограде, руководитель контрреволюционного заговора.

койного, служившего в сельском союзе [1]. С Марией Ивановной я виделся три раза. Второй раз она с Павлом Павловичем была у меня на службе, причем я передал им, что с ними будет говорить Иван Иванович (фамилию не назвал) на Тверском бульваре, в прихожей Московского областного союза кооперативов, причем Ивана Ивановича Павел Павлович узнает по приметам.

В это же свидение у меня был разговор с Павлом Павловичем о том, какие в России существуют политические организации, о их взаимоотношениях, какие они группируют вокруг себя силы, каково отношение к этим организациям широких масс населения, насколько эти организации могут опираться на массы и пользоваться их сочувствием. Я ему ответил, что, по моим сведениям, легально существующих организаций в Советской России нет. Павел Павлович сказал мне о существовании организации в Петербурге и что они находятся в непосредственной связи с Англией.

Павел Павлович задал мне вопрос, существуют ли аналогичные нелегальные организации в Москве. Я ответил, что не знаю, что я не москвич и что его, Павла Павловича, гораздо лучше информирует о существовании в Москве политических организаций то лицо, с которым он увидится.

Он спросил, какая среда мне известна в России, которую я мог бы ему охарактеризовать. Я выразил готовность осветить ему положение русской кооперации. Тут же я ему подробно рассказал о позиции, занимаемой русской кооперацией, как аполитичной и лояльной к Советской власти.

Между прочим, его поразило, что частью русская кооперация работает в контакте с властью, являясь ее контрагентом по выполнению целого ряда государственных заготовок (продовольствие, семена, поставки на армию).

В третий раз я видел одну Марию Ивановну, которая сказала, что свидание Павла Павловича с Иваном Ивановичем состоялось. Так как я очень интересовался тем, чтобы высказанная мною характеристика положения кооперации стала достоянием заграничных общественных кругов, я просил Марию Ивановну сообщить мне об отъезде Павла Павловича за границу. Причем она настаивала на условном тексте телеграммы. Через неделю я получил телеграмму, адресованную в Плодовощ. В телеграмме было указано, что Павел Павлович уехал. Телеграмма имеется в делах секретариата.

Никаких писем Марии Ивановне я не передавал и не пересылал, тем более для отправки за границу.

13 февраля 1920 года *Сергей Леонтьев*

---

[1] Союз сельскохозяйственной кооперации.

II

На поставленные мне при допросе 19 февраля 1920 года допрашивавшим меня следователем вопросы отвечаю:

1) В августе 1917 года я был избран в состав «Совета московских совещаний общественных деятелей». Совещаний этих было два: в августе и в сентябре или в начале октября, точно не помню. Оба совещания были достаточно многолюдны, но довольно случайного состава. Собирались эти совещания открыто, в газетах помещались подробные отчеты. Все это имело целью создание известного объединения совершенно раздробленных, государственно мыслящих элементов, к каким бы партиям и группам они ни принадлежали, стремящихся к возрождению России и восстановлению ее национального могущества из состояния общей разрухи, вызванной сначала небывало тяжкой войной и не умевшим справиться с поставленными этой войной задачами старым режимом, а затем — увлечением руководящих политических кругов крайними лозунгами, мало подходящими для практического применения, по мнению инициаторов совещаний, при общем низком уровне культуры страны и при отсталом ее экономическом развитии. Совещания избрали помянутый мною выше совет, в задачу которого вошло разработать как бы некоторую программу государственных мероприятий, причем намечалось, что программа эта будет внесена на обсуждение вновь предполагавшегося совещания и затем явится платформой при выборах в Учредительное собрание. Во-первых, краткость срока до предстоящих выборов лишала возможности совет осуществить предложения совещания, а затем события Октябрьской революции и вовсе прервали эту работу совета: многие из членов совета разъехались из Москвы, другие полагали, что условия политической жизни страны столь существенно изменились, что нет места для работы совета. Я полагаю, что Д. М. Щепкин дал исчерпывающие показания, характеризующие «Совет московских совещаний общественных деятелей», и мои показания не могут ничего ни прибавить, ни убавить к его характеристике этой политической группировки. Чтобы, быть может, точнее определить место этой политической группировки среди других, упомяну лишь об отношении совета к положению, создавшемуся после заключения Брестского мира и фактического выхода России из войны. Совет полагал, что продолжение войны с Германией бывшими союзниками России на их территории, образование так называемого Восточного фронта и смыкание блокады вокруг Германии, где-то на линии Волги, каковой план борьбы и с Германией, и с Советской властью поддерживали некоторые наши политические группы, - отразится неизмеримыми гибельными последствиями для изнуренного уже войной центра России.

Неизбежными следствиями продолжения войны на территории России будет еще больший упадок всего хозяйства страны, полное разрушение промышленности, обострение безработицы, дороговизны, голод и связанные с ним болезни, а следовательно, и вымирание. Указывалось, что результатом продолжения войны неизбежно явится неприязненное отношение к державам Согласия и стремление во что бы ни стало, из элементарного чувства самосохранения, помешать какими бы то ни было средствами успеху этого начинания. Совет полагал необходимым, чтобы державы Согласия признали нейтралитет России, а путем переговоров с Германией могли бы быть установлены гарантии неприкосновенности этого нейтралитета со стороны воюющих сторон. Совет высказался за обращение к воюющим сторонам с особым меморандумом. Для успеха предполагавшегося выступления необходимо было объединение вокруг подобной точки зрения возможно более широких политических кругов. Однако позиция совета не встретила сочувствия; некоторыми группами она была признана нарушающей национальные интересы России, как германофильская, и успеха инициатива совета не имела. Развернулись события лета 1918 года, образовались новые политические группировки, но совет ни в этих событиях, ни в этих группировках никакого участия не принимал. Таким образом, вместо намечавшегося первоначально объединения государственно мыслящих элементов получился еще больший их раскол, коснувшийся и состава самого совета; некоторые члены покинули его ряды, хотя сам совет не распался и существует до настоящего времени.

2) Относительно состава совета. Кроме названных мне при допросе лиц (Д. М. Щепкин, князь С. Д. Урусов, В. И. Гурко, В. И. Стемпковский, В. В. Меллер-Закомельский, П. Н. Каптерев, В. М. Устинов, Н. А. Бердяев, Сергиевский, Муралевич и я) могу указать как на входящих в его состав еще П. Б. Струве, князя Евг. Ник. Трубецкого и Н. Н. Кукина. Присяжный поверенный Захаров мне неизвестен, и лица с такой фамилией я в составе совета не знал. Н. Н. Виноградский членом совета не состоял и был привлечен к работе в качестве техника.

Приблизительно в марте или апреле 1919 года на одном из заседаний совета, насколько мне помнится, Д. М. Щепкиным было доложено об обращении к нему Н. Н. Щепкина с предложением обсудить вопрос о желательности сделать попытку некоторого тактического объединения между «Национальным центром», «Союзом возрождения» и «Советом»; причем, со слов Н. Н. Щепкина, было сообщено, что те военные круги, с которыми имеются связи у «Национального центра», якобы настаивают на образовании более широкого, действительно национального характера, тактического соглашения. В это же приблизительно время в Москву

стали проникать отчасти через «Известия ВЦИК» и «Правду», отчасти от приезжающих лиц сведения об образовании в Сибири общегосударственного правительства Вологодского и о передаче этим правительством адмиралу Колчаку власти «верховного правителя» государства. При этом сообщалось, что эта политическая конъюнктура пользуется в Сибири поддержкой политических групп, аналогичных по своей идеологии с «Союзом возрождения», группой «Единство», «Национальным центром» и «Советом московских совещаний». С другой стороны, с Юга стали доходить сведения из тех же указанных мною выше источников другого характера; шли вести о большой неопределенности в политическом положении, о чрезвычайном дроблении политических групп, совершенно не могущих установить между собой какое-либо объединение по текущему моменту. Считаясь с фактом образования общегосударственной власти в лице Верховного правителя и правительства Вологодского и признавая вредным дальнейшее раздробление государственно мыслящих элементов, было признано желательным сделать шаги для выяснения возможного соглашения. Возбужденный вопрос довольно долго обсуждался в разных группировках, и наконец выяснилась возможность некоторого объединения приблизительно на следующей, точно не формулированной, самой общей платформе:

1) восстановление государственного единства России;

2) всенародное Национальное собрание, долженствующее решить вопрос о форме правления и о взаимоотношениях национальностей;

3) единоличная, военная, диктаториального характера власть как необходимая переходная форма власти, могущая восстановить в стране элементарные условия порядка и немедленно приступить к разрешению ряда неотложных вопросов общегосударственного характера, социального мира, что дало бы возможность стране перейти к мирному труду, к возрождению ее производительных сил. Объединяясь на этой платформе, все три договаривающиеся группировки сохраняли свою организационную обособленность и свободу самостоятельности.

Я признаю, что принимал участие по уполномочию от «Совета московских совещаний» в образовавшемся «Тактическом центре», собиравшемся в составе названных мне на допросе лиц (Н. Н. Щепкин, О. П. Герасимов, С. П. Мельгунов, Д. М. Щепкин, кн. С. Е. Трубецкой, заменявший О. П. Герасимова, и я). Действительно, два или три раза мы собирались на квартире С. П. Мельгунова и один раз на моей квартире. Других квартир, где, быть может, были собрания, я не знаю, так как на некоторых собраниях я не участвовал. Вскоре после ареста Н. Н. Щепкина и ликвидации в августе — сентябре месяце «Национального цент-

ра» было только одно собрание, на котором был констатирован полный разгром этой центральной и наиболее значительной группы; причем было признано, что о какой-либо дальнейшей деятельности для «Тактического центра» говорить не приходится в силу совершенно изменившихся условий.

4) Действительно, у меня на квартире был в марте или апреле месяце 1919 года лично мне и ранее бывший знакомым В. Д. Хартулари. Я с ним случайно встретился на улице и узнал из разговора, что он побывал на юге, просил его зайти ко мне (предупредил, что я приглашу к себе несколько друзей) поделиться с нами его южными впечатлениями, на что В. Д. Хартулари и согласился. У меня на квартире собралось несколько членов «Совета»[1] «Московских совещаний». Информация Хартулари касалась главным образом и почти исключительно политических настроений на юге, взаимоотношений разных групп друг к другу, к Добровольческой армии, к союзникам, к немцам. Выше, в п. 3 моего настоящего показания, уже говорил, что, на основании доходивших с юга сведений, там представлялась картина полного политического разброда. Информация Хартулари вполне подтвердила это и, по-моему, лишь усилила сложившееся впечатление.

Имеющиеся в распоряжении власти материалы, часть которых была начата опубликованием в «Известиях ВЦИК», документально подтвердили полученную нами тогда информацию. На вопросы о военном положении В. Д. Хартулари, как я отлично помню, отказался отвечать, упомянув лишь, что Добровольческая армия ожидает снаряжения от союзников, испытывая острую нужду во всех видах снабжения. Ни служебное положение Хартулари, ни цель его появления в Москве мне не были известны, и об них у нас с ним разговора не было. Больше с Хартулари после описанного вечера я не встречался.

5) Действительно, в конце 1918 года или в начале 1919 года я был у С. Н. Прокоповича, где встретился с несколькими лицами, бывшими в разное время кто министром, кто товарищем того или иного министра при Временном правительстве разных составов. Помню среди присутствующих Д. М. Щепкина, А. Г. Хрущева, князя Д. И. Шаховского, Г. В. Филатьева. Был ли Д. С. Коробов, не помню. Названный мне при допросе как бывший на собрании Беркенгейм при мне у Прокоповича, во всяком случае, не был. Время этого собрания совпало с опубликованием в «Известиях ВЦИК» радио о конференции на Принцевых островах, и разговор вращался вокруг этой темы. В самом начале А. Г. Хрущев, а затем и Д. М. Щепкин указали, что настоящее собрание бывших людей едва ли может принимать какие-нибудь решения, так как

---

[1] В тексте «союза».

на нем собрались лица, объединенные лишь одним случайным фактом их разновременного, более или менее краткого участия когда-то в том или ином министерстве разных временных правительств. Никакие выступления подобной группы лиц совершенно неуместны, и если мысль о чем-либо подобном имелась при приглашении присутствующих, то, по мнению говоривших, ее надо сразу же оставить. Высказанная точка зрения не встретила возражений, и для меня, вполне ее разделявшего, так и осталось невыясненным, для чего нас приглашали. Я вскоре ушел, и, чем закончилась беседа, мне неизвестно.

6) Кто такой Лука Лукич, мне неизвестно, и, кто именно ожидался под этим именем в Москве, я не знаю.

7) На вопрос, кто был тот Сергей Николаевич, который должен был отправиться к находящимся за рубежом РСФСР русским политическим деятелям для информирования их о положении, создавшемся в Москве в связи с полным разгромом «Национального центра», могу показать следующее.

Вскоре после упомянутого мною в п. 3 моего настоящего показания последнего свидания членов «Тактического центра» ко мне обратился князь С. Е. Трубецкой, сообщив, что есть вполне подходящее лицо, которое можно было бы послать к зарубежным русским политическим группам и главным образом на Юге с изложением всех обстоятельств, сопровождавших ликвидацию организации «Национального центра» в Москве и Петрограде. Командируемое лицо могло бы ознакомить зарубежные группы с мнением оставшихся в Москве отдельных лиц, что о возобновлении в какой-либо мере деятельности «Национального центра» не может быть и речи. Князь С. Е. Трубецкой просил меня в случае, если известная Мария Ивановна вновь появилась бы ко мне, узнать у нее, может ли она взять на себя переотправку за рубеж гонца, и в утвердительном случае устроить с ней свидание. Мария Ивановна еще раз появилась ко мне на службу, и так как она заявила, что берется отправить за рубеж нужное лицо, то я ей сказал, что с нею должен увидаться человек, который и уговорится о всех подробностях дела. Свидание было назначено в прихожей квартиры, занимаемой правлением Кооперативного товарищества, где я служу. В назначенный час к Марии Ивановне должен был подойти от моего имени человек, а я описал Сергею Евгеньевичу Трубецкому наружность Марии Ивановны. В назначенный для свидания день меня на службе не было за отъездом из Москвы, и кто приходил на свидание с Марией Ивановной, где затем происходила сама беседа, как и где была потом устроена встреча Марии Ивановны с Сергеем Николаевичем, я не знаю. Сама отправка этого гонца не состоялась, но были ли приняты какие-нибудь иные шаги в этом направлении, мне неизвестно. Действительно,

перед своим отъездом в Петроград Мария Ивановна еще раз была у меня и сказала, что Сергей Николаевич произвел на нее несолидное впечатление, на что я ответил, что это ее дело и касается лиц, отправляющих Сергея Николаевича.

8) Гершельмана я никакого не знаю, не знаю и Семенова. С Гершельманом я не видался и никаких разговоров с ним о посылке его куда бы то ни было не имел.

Леонтьев Сергей

20 февраля 1920 года

III

1) Как я уже писал в показании своем от 20 февраля, тактическое соглашение «Национального центра», «Союза возрождения» и «Совета московских совещаний» состоялось на самой общей, подробно не формулированной программе, и образовавшемуся затем «Тактическому центру» пришлось уже обсуждать детали этого соглашения. Так, подробному выяснению подвергся вопрос о взаимоотношениях того военного лица - верховного правителя, который должен был быть облечен диктаторской властью, и правительства, причем было решено, что верховный правитель сам единолично назначает и увольняет состоящее при нем министерство, руководствуясь исключительно деловыми соображениями. Создание какого-либо Временного правительства до того, как Национальное собрание определит форму правления, представлялось излишним.

Далее обсуждался вопрос, тактически правильно ли и целесообразно ли назначение выборов в органы местного самоуправления в период еще продолжающихся военных действий и не следовало ли бы на переходный период прибегнуть исключительно к назначению всех необходимых органов управления и по заведованию местными делами. Вопрос был разрешен положительно в последнем смысле.

Целое заседание было затем посвящено обсуждению вопроса о тех основаниях, на которых должны покоиться мероприятия диктаториального периода власти при решении вопросов земельных взаимоотношений, причем прения велись главным образом о том, следует ли вообще касаться разрешения этих вопросов, и если следует, то должен ли быть декларирован принцип личной собственности. И тот, и другой вопрос был решен в утвердительном смысле.

Далее, при первоначальном тактическом соглашении совершенно неопределенно было указание на Национальное собрание.

Уже путем позднейшего обмена мнений было установлено, что верховный правитель созывает Национальное собрание в условиях, когда вся страна может принять участие в выборах, когда нет места уже для междоусобной борьбы и враждовавшие между собой классы общества все совместно могут принять участие в государственном строительстве. При этом было установлено, что Национальное собрание должно определить форму правления и взаимоотношения разных населяющих Россию национальностей друг к другу и к целому.

Попутно «Тактический центр» обсуждал и другие вопросы избирательного права, рабочего законодательства, причем признано было тактически необходимым разработать проект основных пунктов общей программы, могущей быть использованной в качестве материала зарубежными политическими группами. Предполагалось, что представители «Национального центра» внесут на обсуждение такой проект, но это так и не состоялось за ликвидацией этой организации и за прекращением деятельности «Тактического центра».

Еще помню, что «Тактический центр» обсуждал вопрос о выступлениях образовавшегося, по сведениям, помещенным в «Известиях ВЦИК», Русского комитета в Париже под председательством князя Г. Е. Львова, причем было признано, что московские объединенные тактическим соглашением политические круги не считают себя ни в какой мере связанными с упомянутым комитетом и ответственными за выступления русских эмигрантских кружков, не имея за границей бывшей России каких-либо уполномоченных представителей.

Далее укажу, что в связи с циркулировавшими по городу слухами о якобы готовящемся выступлении каких-то военных организаций с целью захвата власти «Тактический центр» подверг вопрос о подобном выступлении подробному обсуждению и вполне единодушно, самым категорическим образом высказался в том смысле, что вооруженное выступление в Москве было бы совершенно недопустимой авантюрой, могущей лишь самым гибельным образом отразиться как на участниках подобного начинания, так и на всем населении столицы, почему всякую политическую ответственность за подобный шаг тактически объединенные группы от себя абсолютно отклоняют. Попутно могу сказать, что это единственный раз, когда «Тактическому центру» пришлось обсуждать вопрос военного характера.

Наконец, одно из заседаний было посвящено вопросу о желательности расширить состоявшееся тактическое соглашение привлечением к нему еще новых политических групп. Этот вопрос был решен в смысле тактической целесообразности сделать шаги к выяснению возможного, принципиально желательного расши-

рения вправо уже имеющегося между тремя группами тактического соглашения. Однако предпринятые шаги не дали никакого результата за невозможностью установить сношения со сколько-нибудь организованными правыми течениями русской политической мысли.

В заключение могу добавить, что «Тактический центр», насколько мне известно, никаких практических вопросов текущего дня не обсуждал, так как по его структуре это вовсе не входило в его задачи, ибо, как я уже сказал в своем показании от 20 февраля, каждая из представленных в нем организаций продолжала жить и действовать совершенно обособленно, а потому все, по крайней мере при моем участии, обсуждавшиеся вопросы носили общий, отвлеченный характер. Но именно такого рода вопросы вполне естественно и должны были занимать больше всего внимание представителей разных политических групп, ибо совместное решение этих вопросов только еще налаживалось после долгого периода разобщенности и даже некоторой враждебности этих групп.

2) О том, какие вопросы были предметом обсуждения «Совета московских совещаний», я могу мало что добавить к своему показанию от 20 февраля. «Совет» в своей работе все время не упускает из вида ту задачу, которая при самом образовании «Совета» была на него возложена совещанием: выработка программы, могущей объединить вокруг себя по возможности более широкие круги государственно мыслящих элементов страны. К обсуждению отдельных частей этой программы «Совет» считал необходимым подходить лишь после тщательного изучения фактического положения вещей, полагая, что все мероприятия, декретированные Советской властью, внесли столь много существенно нового в весь строй государственной жизни, что игнорировать этого не следует. Было производимо изучение строя советского управления, порядка разрешения проблем продовольствия, социального обеспечения, охраны труда и др. Делались сводки декретов, составлялись конспекты, отдельные краткие доклады, которые и бывали предметом обсуждения «Совета».

Много времени (несколько заседаний) заняло обсуждение возможности тактического соглашения с «Национальным центром» и «Союзом возрождения» после продолжительного периода полной разобщенности и даже враждебности.

Наконец, также все вопросы, указанные мною в первом пункте настоящего показания, бывшие предметом совместного обсуждения представителей разных политических групп, первоначально обсуждались и «Советом». Помнится, что вопросы об отрицательном отношении к выступлениям русского комитета в Париже, о недопустимости какого-либо военного выступления в Москве

возникли в «Тактическом центре» и решены были им по инициативе «Совета».

Итак, практической работой «Совета московских совещаний» была разработка его программы — политической и экономической, но работа эта не велась сколько-нибудь систематически, и можно сказать, что были лишь обсуждены и намечены главные ее основания.

3) Из всего выше изложенного ясно, что «Совет московских совещаний» не входил, и не имел даже повода, в обсуждение каких-либо вопросов, касающихся какой-либо военной организации. Как я уже показал в п. 3 показания от 20 февраля и в п. 2 настоящего, «Совет» дважды касался вопроса, имеющего отношение к военной организации: во-первых, когда возникла мысль о тактическом соглашении, желательность которого мотивировалась Н. Н. Щепкиным настоянием военных кругов, — «Совет» тогда подчеркнул, что им признается желательность соглашения вне какой-либо зависимости от соображений военных кругов, а ради достижения всегда преследуемой «Советом» цели объединения всех государственно мыслящих элементов; и во-вторых, по поводу появившихся слухов о возможности военного выступления в Москве — «Совет» категорически высказался против подобной авантюры, относясь вполне отрицательно к самой мысли о возможности такого рода шага.

4) «Совет московских совещаний» действительно получил через меня от С. А. Морозова 50 000 (50 тысяч) рублей на оплату имевшихся у «Совета» его текущих расходов. Половину этой суммы я передал Дмитр. Митр. Щепкину, причем помнится, что тысяч 13—15 из этих денег у него было украдено из кармана. 19 тысяч и сейчас еще находятся у меня на хранении, а 6 тысяч было истрачено на оплату долгов разным лицам за выполненные ими работы по составлению и по переписке материалов к разрабатывавшейся «Советом» его программе.

Леонтьев Сергей

23 февраля 1920 года

IV

1) Я признаю, что входил в состав комиссии из трех лиц, состоявшей при «Тактическом центре» и образованной им для ближайшего обсуждения вопросов, касавшихся военной организации. Комиссия эта, как и самый «Тактический центр», образовалась в то время, когда «Национальный центр» давно уже существовал и действовал, равно как и состоящая с ним в связи военная организация. Как я уже писал в своем показании от 20 февраля,

Н. Н. Щепкин, возбуждая впервые вопрос о желательности тактического соглашения, в качестве мотива ссылался на настояния военных кругов. Итак, военная организация существовала до тактического соглашения «Национального центра» с «Советом московских совещаний».

Какова была структура связи этой организации с «Национальным центром», мне совершенно неизвестно, но полагаю, что в значительной мере она сохранилась без существенных изменений и с образованием «Такт. центра» и его комиссии. Во всяком случае, связь с военной организацией и за время существования комиссии трех поддерживал исключительно Ник. Ник. Щепкин. Ему, по-видимому, делались предварительно доклады военными, у него же сосредоточивались и все материалы, касающиеся военной организации, так как он всегда являлся докладчиком в комиссии по вопросам, им и вносившимся на обсуждение. При таком положении вещей спрашивается: зачем понадобилось образование комиссии? Конечно, не для руководства действиями военных в их специально военных делах — в эту область комиссия вовсе не вмешивалась, и я лично, если бы комиссия должна была касаться организационных или оперативных военных вопросов, самым решительным образом отказался бы от участия в ней, так как, никогда не бывши военным, в военных делах ничего не понимаю.

Я полагаю — и так, мне думается, смотрел на этот вопрос и «Тактический центр», — что комиссия была образована прежде всего с целью взаимного осведомления представителей разных групп об общем военном положении. Всегда, когда мы собирались, Н. Н. Щепкин делал подробную информацию по имевшимся у него неофициальным сводкам и другим сведениям и даже по проверенным, как он говорил, слухам. Иногда одной такой информацией и исчерпывалось все содержание нашего собрания. Всегда эта информация занимала много времени, мало, однако, отличаясь от того, что вообще циркулировало по городу. Ник. Ник. Щепкин неоднократно говорил, что он придает большое значение правильной информации. Вторым мотивом к образованию комиссии было естественное стремление приблизить представителей политических групп, вошедших в известное тактическое соглашение, к существовавшей военной организации, дабы не могло создаться впечатления, что без ведома всех трех групп, как бы за их спиной, что-то делается, за что этим группам пришлось бы нести ответственность. Так именно понимал я свое участие в этой комиссии, и одно из первых заседаний было нами посвящено выяснению вопроса о характере военной организации и того, связана ли эта организация какими-нибудь уже принятыми ею ранее к исполнению обязательствами. Прежде всего, был постановлен

вопрос, представляет ли существующая организация нечто самостоятельное, рассчитанное по своему замыслу на какое-нибудь действие по собственному почину или нет. Категорически было установлено, что организация имеет исключительно подсобное значение для русских военных сил, действующих извне, и вполне подчиняет себя директивам, получаемым от главных начальников этих сил. Тогда мною был задан вопрос, состоит ли организация в подчинении какой-либо определенной военной власти, то есть руководствуется ли она директивами, получаемыми с востока, с юга или северо-запада? Вопрос этот по выяснении его был разрешен отрицательно, так как было доложено, что в Москве не имеется представительства ни одной из этих сил, действующих против Красной Армии, при этом было дополнено, что мысль о постоянном представительстве Южной армии возникала, но так и осталась неосуществленной. Тогда подвергся выяснению вопрос, имеется ли, если нет постоянной, то хотя бы регулярная, связь путем обмена курьерами с какой-либо из этих армий?

Оказалось, что с Восточной армией никаких связей у военной организации за все время появления на фронте Колчака не было и каковы планы и директивы командования этой армии известно не было. В этом отношении положение изменилось значительно позднее, когда нам было доложено, что от Колчака «Национальным центром» получены деньги и сведения, что цель его наступления — Москва, направление — на соединение его сил с Северной армией союзников и согласование действий с армией Юденича. При этом никаких указаний о возможной роли московской организации [1] получено не было; во всяком случае, в комиссии об этом ничего не докладывалось. Сама эта связь установилась уже в то время, когда определился полный неуспех наступления с востока и армия Колчака быстро откатывалась назад под напором Красной Армии, разложившись в своем составе. С северо-западной армией Юденича положение связи было еще хуже, так как даже такой запоздалой связи, как с Колчаком, с ним установлено не было, так что не только не могло быть и речи о каких-либо директивах, но даже взаимная осведомленность совершенно отсутствовала.

Так нам было доложено, и комиссия неоднократно возвращалась к вопросу о необходимости установления связи. Материал, опубликованный впоследствии в «Известиях» о существовавшей якобы постоянной связи у «Национального центра» с Юденичем, для меня явился неожиданностью, так как я хорошо помню, что ничего подобного в комиссии нам не докладывалось. Наконец, комиссия была осведомлена, что более или менее регулярные

---

[1] Имеется в виду штаб Добровольческой армии Московского района.

сношения имеются у «Национального центра» с Южной армией, откуда приезжали курьеры и куда таковые посылались. Однако и сношения с Южной армией Ник. Ник. Щепкин характеризовал более как обмен политической информацией, и на поставленный вопрос, имеется ли какой-нибудь общий план военных действий, сообщенный южным командованием к руководству и исполнению московской организацией, ответил категорически отрицательно. Такое положение, насколько мне известно, сохранилось до последнего времени существования организации, и о плане действий Деникина в связи с его наступлением московской организации ничего сообщено не было.

На основании вышеизложенного с несомненностью выяснилось, что московская военная организация никакими директивами извне не связана, никакого плана не осуществляет. Далее, комиссия выяснила вопрос, что, собственно, представляет собой военная организация и какую роль она могла бы взять на себя. Ни подробной схемы организации, ни цифровых данных нам доложено не было, но было сообщено, что подбирается личный офицерский состав, который должен явиться кадрами, в которые вольются мобилизуемые, что персонально члены организации рассыпаны в разных частях расположенных в Москве войсковых единиц и военных учреждений, что целых кадров какой-либо части войск в организации нет. Численный состав организации был охарактеризован как очень незначительный, причем оказывалось, что ведется расчет на настроение и сочувствие многих. Сообщалось, что и в отношении вооружения даже наличный состав организации не обеспечен и предполагается путем захвата складов оружия у Красной Армии вооружиться для дальнейших действий. Н. Н. Щепкин, докладывая изложенные сведения, определенно указал со ссылкой на авторитет генерала Стогова, что о каком-либо самостоятельном выступлении в Москве речи абсолютно быть не может. Организация могла бы сослужить службу только в том случае, если бы какая-нибудь регулярная армия, разбив Красную Армию, подошла бы к Москве и здесь под влиянием этого акта началось бы какое-нибудь массовое движение среди населения, красноармейских частей, рабочих. Только при подобной общей конъюнктуре руководители организации и допускали возможность ее роли как небольшой, но организованной силы среди наступившего хаоса.

Эта общая руководящая точка зрения оставалась неизменной до конца существования нашей комиссии. Никаких деталей, касающихся военной организации на тех заседаниях, которые были при моем участии, комиссия не обсуждала, не входила она и во внутреннюю жизнь организации. Ни у «Тактического центра», ни тем более у его комиссии не было денежных средств,

которыми они могли бы распоряжаться, - все средства были у «Национального центра» и им распределялись непосредственно.

На поставленный мне вопрос, обладала ли комиссия диктаторскими правами и могла ли она сама назначить по соглашению с военными срок выступления, категорически отрицаю за ней это право: решение вопроса зависело всецело от обсуждения его в «Тактическом центре». Именно во избежание положения, когда могло бы быть принято решение, ответственность за которое легла бы на политические группы, объединенные известным тактическим соглашением, и была создана комиссия, которая, устраняя оторванность военной среды от политических кругов, должна была предотвращать роковые решения. Так я понимал свое участие в этой комиссии; помнится, такую же точку зрения, между прочим, высказал и С. П. Мельгунов. При своем участии в комиссии я неизменно руководствовался как сообщенным уже мною в показании от 23 февраля отрицательным постановлением о военном выступлении «Совета московских совещаний», так и единодушным решением по тому же вопросу «Тактического центра». Кроме вышеизложенных основных и постоянных тем, обсуждавшихся комиссией: о правильной информации, об установлении связи и о более строгом учете собственных сил,— в комиссии возник вопрос, к которому неоднократно приходилось возвращаться: можно ли считать, что той военной организацией, с которой имелась связь через Н. Н. Щепкина, объединяются все группы военных? Выяснилось, что несомненно существуют параллельные, между собой не связанные группы, и, как нам докладывалось, довольно значительные. Комиссия, однако, признала, что те политические группы, представители которых входят в комиссию, бессильны устранить это явление. Я, в частности, указал, что «Совет московских совещаний» ни с какими военными группами связи не имеет и что, по моему мнению, устранить параллельные организации должны сами военные. Состоялось ли объединение этих групп, или до самого конца существования организации не было достигнуто единства, мне неизвестно.

Далее, по переданной комиссии просьбе военных был поставлен на очередь вопрос о правильном и регулярном осведомлении их о настроениях в разных слоях населения Москвы и политических кругах. Эта задача по мере возможности выполнялась, причем я припоминаю, что были собраны сведения по преимуществу через «Союз возрождения», очень определенного характера, совершенно, между прочим, подкрепившие мнение «Совета московских совещаний» о невозможности строить какие-либо планы с расчетом на самодеятельность и активное выступление каких бы то ни было слоев населения. Общая апатия, крайняя утомленность, забота исключительно о продовольствии — так ха-

рактеризовалось настроение масс. Указывалось, что так называемая «зеленая армия» есть просто организованное дезертирство, одинаково пагубное для всякой силы, которая стремится организоваться. Произведенные наблюдения дали основание высказать сомнения в успехе какой бы то ни было мобилизации, если бы к таковой пришлось прибегнуть. Комиссия единодушно признала, что расчеты на активность масс должны быть отброшены.

В заключение укажу, что, по имевшимся у комиссии сведениям, после ареста сначала генерала Стогова, а потом и генерала Кузнецова военная организация никем достаточно авторитетным не возглавлялась, причем с полной чистосердечностью утверждаю, что ни в комиссии, ни в «Тактическом центре» до самого последнего времени их существования не было принято решения о своевременности военного выступления, не намечался даже и срок его, ибо не было налицо тех условий, только при наличности которых вопрос этот мог стать на очередь, как я уже показал выше. Скажу более того, имевшиеся сведения об удачно начавшемся наступлении Красной Армии на Южном фронте и доходившие вести о слабости тыла Деникина при отсутствии с Юга точной информации создавали положение, при котором предполагалось уместнее поставить на очередь вопрос о ликвидации военной организации, а не о сроке для ее выступления. Вскоре после ареста Н. Н. Щепкина и последовавших массовых арестов среди военных комиссия, как и самый «Тактический центр», прекратила свое существование.

2) Действительно, почти вот уже два года тому назад весной и в начале лета 1918 года я принимал участие в происходивших тогда беседах представителей русских общественных кругов с представителями германского посольства в Москве. Началу этих бесед предшествовало очень продолжительное обсуждение в разных общественных кругах вопроса о допустимости подобных сношений. Наконец сложилось мнение, довольно широко разделяемое, что если со стороны Германии будет проявлена инициатива, то русским общественным кругам нет оснований уклоняться от разговоров, наметив лишь необходимые условия, без наличия которых определенно отказаться от дальнейших сношений. Имелись основания думать, что Германия заинтересована образованием в России такой прочной политической конъюнктуры, которая бы обеспечивала ей если не союзные, то дружественно нейтральные отношения в продолжающейся, очень для нее тяжелой борьбе на западе. С другой стороны, в среде русских общественных кругов, в частности тех, которые объединились московскими совещаниями, их советом, укрепилось твердое убеждение, что продолжение в России союзниками войны с Германией, образование нового Восточного фронта, вовлечение в это разных доброволь-

ческих, чехословацких, польских и других отрядов, блокада вокруг центра страны явятся источником неисчислимых, ужасающих бедствий для всего населения Великороссии, о чем я уже говорил в своем показании от 20 февраля. Кругам этим казалось необходимым добиться полного нейтралитета России, чтобы страна могла сама оправиться от охватившей ее междоусобицы и, перейдя к мирному труду, начать борьбу с вызванной войной революцией и общей разрухой.

Имея в виду эти две предпосылки, и было установлено, что Германия могла бы рассчитывать на действительный нейтралитет России и на отказ ее от всякой дальнейшей связи с державами Согласия лишь в случае, если бы Германия согласилась на пересмотр условий Брестского мира. Вот это положение и легло в основу всех наших разговоров с представителями германского посольства в Москве после того, как через представителя одной из нейтральных держав в Петрограде со стороны Германии была проявлена необходимая инициатива для начала сношений.

В тех нескольких беседах, которые имели место в Москве с официальным дипломатическим представителем германского посольства, с нашей стороны было подробно развито изложенное выше положение, причем указывалось, что русское национальное самосознание никогда не примирится с теми условиями, которые были продиктованы в Бресте. С другой стороны, представитель Германии, не отвергая возможности изменений условий заключенного ею мира, больше всего интересовался вопросом, насколько широко и глубоко проникло в русские общественные круги сознание необходимости изменить ориентацию и из сферы влияния Англии перейти в сферу влияния Германии, на какие реальные силы опирается представляемое нами мнение. Во всех разговорах эта тема и была доминирующей.

Представитель Германии указывал на явно враждебную Германии позицию, занятую Добровольческой армией и вообще военными, затем таким, например, политическим деятелем, как Шульгин, и близкими ему кругами. Далее, позиция кадетской партии, особенно после бывшей в Москве ее партийной конференции, резко разошедшейся с лидером этой партии Милюковым [1], оценивалась как явно враждебная Германии, верная идее, что спасение России — в разгроме Германии союзниками, а потому борьба до конца во что бы то ни стало. Наконец, позиция деловых тор-

[1] Состоявшаяся в конце мая 1918 года конференция партии народной свободы, считая неизбежной победу союзников в войне, приняла решение о верности Антанте. Лидер кадетов П. Н. Милюков на конференции не присутствовал, он находился в Киеве. Милюков занял противоположную тактическую линию. Полагая, что война закончится не скоро, он настаивал на необходимости расширения связей с Германией, предлагал убедить немцев захватить Москву и Петроград, оказать помощь буржуазии в создании «всероссийской национальной власти».

гово-промышленных кругов бралась под сомнение ввиду давления капитала держав Согласия. Давая объяснения, с нашей точки зрения, всем явлениям, указывавшимся представителем Германии, должен сказать, что если при начале разговоров у меня, в частности, была почти полная уверенность, что вокруг мысли о нейтралитете России, а следовательно, о переходе ее из сферы влияния Англии к германской ориентации удастся сконцентрировать широкие и влиятельные круги, то чем дальше, тем больше уверенность эта исчезала, и надо сказать, что кроме влияния агитации представителей держав Согласия чрезвычайно уклончивая и неопределенная позиция Германии, поскольку она выяснилась в этих разговорах, значительно содействовала их полной безрезультатности.

Вокруг происходивших разговоров велась усиленная контрагитация, дошедшая до того, что был пущен слух, будто состоялось соглашение с Германией о занятии ею Москвы и об образовании дружественного ей правительства. Утверждаю, что ничего подобного не имело места в тех разговорах, в которых я участвовал. «Этого спектакля мы русской буржуазии не дадим»,— таковы были, между прочим, слова представителя Германии, когда он в одной из бесед упомянул, что кроме представляемых нами кругов ведут переговоры и другие политические группы, настаивающие на более решительных действиях Германии, от которых она отказывается.

В заключение упомяну, что если со стороны русской общественности не было единодушия в тот момент, то и политика Германии делалась и дипломатами, и военными; последние были более решительны в своих обещаниях, но, я полагаю, и столь же безответственны. С военными представителями Германии у меня никаких сношений не было.

На заданный мне вопрос о характере миссии в Москве приезжавшего летом 1918 года из Киева князя Гагарина могу сказать, что ничего особенного у меня в памяти не сохранилось в связи с приездом этого лица. Помню только, что он всех, кого мог, звал в Киев для укрепления положения правительства Скоропадского, но из его же рассказов положение на Украине при наличии германской оккупации было столь незавидное и мало прочное, что, помнится, мало кто из знакомых мне лиц воспользовался приглашением князя Гагарина. Ни о каком наступлении на Москву армии Краснова или каких-либо других сил Юга я не помню, чтобы Гагарин говорил, едва ли это и могло быть, так как и армий таковых не существовало.

Леонтьев Сергей

26 февраля 1920 года

V

1) На вопрос о том, что из себя представляет «Союз возрождения»: группу лиц, принадлежащих к разным партиям, но объединенных общей программой для известного политического момента, или объединение разных политических партий, делегировавших в «Союз» своих представителей? — я очень затрудняюсь ответить что-либо определенное, так как слишком мало знаком со структурой этого «Союза», образовавшегося в условиях подпольного существования, лишенного всех необходимых условий для свободного и правильного развития, отрезанного от своих главных политических единомышленников и даже некоторых своих главных организаторов, действующих от имени «Союза» за пределами РСФСР, не имея от них никакой информации; «Союз возрождения» в Москве едва ли фактически мог иметь какую-нибудь строго выдержанную схему организации.

Однако, насколько я могу судить, повторяю, по очень недостаточным данным, «Союз возрождения» мне представляется организацией, объединяющей не персонально тех или других лиц, а политические если не партии, то определенные группы, части бывших партий. Я полагаю, что в настоящее время в России, за исключением недавно сравнительно образовавшейся единой коммунистической партии, нет ни одной политической партии, а есть лишь осколки прежних партий, с обрывками прежних, уже устаревших программ. Это мое мнение касается, конечно, как социалистических, так и либерально-демократических и консервативных партий, выступавших ранее на политической арене. «Союз возрождения», имея в своем составе и социал-демократов, и социал-революционеров, и народных социалистов, и кадетов, является объединением лиц, делегированных для участия в «Союзе» частями этих партий, ибо, как мне представляется, группы эти ни в какие другие вновь образовавшиеся политические организации уже не входили; исключение составляют представители к.-д. партии, которые, вероятно, входили в состав «Союза возрождения» персонально, как персонально члены той же партии входили и в другие политические группировки: в «Национальный центр» и в «Совет московских общественных деятелей». Имена членов «Союза возрождения» Потресова, Розанова, Цедербаума, Авксентьева, Аргунова, Мякотина, Пешехонова, Мельгунова, Чайковского, Н. Н. Щепкина — говорят сами за себя, и, конечно, эти люди, образуя «Союз возрождения», были не одиноки, а вокруг них были и есть иногда значительные группы их единомышленников, их делегировавшие.

Ничего более о составе «Союза возрождения» я сказать не могу, причем признаю, что я принимал участие в качестве пред-

ставителя, уполномоченного на то «Советом московских совещаний», в совместном заседании с представителями «Союза возрождения» и «Национального центра». Заседание это, действительно, имело место в Научном институте у профессора Н. К. Кольцова, и названные мне при допросе лица были на этом заседании: С. П. Мельгунов, Н. Д. Кондратьев, Цедербаум, Волк-Карачевский, Н. Н. Щепкин и один из городских деятелей Москвы времен городского головы Руднева, фамилию не помню.

2) Столь же мало могу сказать что-либо на вопрос о составе «Национального центра», и о структуре этой политической организации мне совершенно неизвестно. На упомянутом выше совещании действительно принимали участие названные мне на допросе лица: О. П. Герасимов, С. Е. Трубецкой, проф. С. А. Котляревский, проф. Н. К. Кольцов, проф. Фельдштейн; был ли В. Н. Муравьев, не помню.

Совещание это, на котором от «Совета московских совещаний» были Дим. Митр. Щепкин и я, было первой попыткой столковаться о возможности какого-либо объединения трех политических групп, найдя общий язык для формулировки тактической программы. Попытка эта тогда положительных результатов не дала, так как после довольно продолжительных прений выяснилось, что вопрос об объединении еще недостаточно назрел в среде указанных групп и каждая из них, защищая свою точку зрения, не желала допускать правильности иного и идти на какие-либо соглашения. Я лично больше не участвовал в столь же многолюдном собрании представителей всех трех групп, так как в дальнейшем обсуждение вопроса о желательности тактического соглашения шло, с одной стороны, в соглашательной комиссии, где от нас участвовал Д. М. Щепкин, с другой — непосредственно в «Совете московских совещаний», о чем я уже говорил в своем показании от 23 февраля.

3) Лица, вошедшие в состав так называемого «Тактического центра», о котором я уже давал показания, были избраны в отдельности каждой от соглашающихся организаций после того, как между ними было достигнуто единомыслие в самой общей форме по основным программным вопросам, о чем подробно я изложил в своем показании от 20 февраля.

4) О «Государственном объединении», об его составе, деятельности и отдельных выступлениях я решительно ничего сказать не могу за моей полной неосведомленностью. После возвращения из Киева И. Б. Мейснера, а это было уже год тому назад, «Совет московских совещаний» никаких вестей с Юга от своих политических друзей, находящихся там, не получал. И. Б. Мейснер действительно сообщал, что, если мне память не изменяет, в Одессе образовалось объединение лиц, назвавшееся «Государственное

объединение», что в числе деятелей этого объединения были лица из состава «Совета московских совещаний»: В. В. Меллер-Закомельский и В. И. Гурко, что объединение это базировалось приблизительно на те же общественные группы, что и «Совет московских совещаний». Но больше никаких подробностей мы не получали — ни о программе этого объединения, ни о тех соглашениях с другими группами, в которые оно входило. Документ, о котором мне было сообщено при допросе, подписанный Федоровым как председателем «Национального центра», Мякотиным как председателем «Союза возрождения» и Кривошеиным как председателем «Государственного объединения» и составленный по поводу признания Деникиным Колчака «верховным правителем» государства, совершенно неизвестен, и ни в «Совете московских совещаний», ни в «Тактическом центре» документ этот не обсуждался, так как о нем не имелось никаких сведений.

5) На вопрос о деятельности Гершельмана я вновь повторяю, что Гершельмана не знаю, что мною уже было сказано в показании моем от 20 февраля. Не отрицаю, что от Д. М. Щепкина слышал, что Гершельман по собственному почину уезжает из Москвы и будет иметь возможность передать вести из Москвы на юг, но и только, о посылке его на юг речи не было. Сам ли Гершельман мог передать вести о положении в Москве, или только при его посредстве была эта возможность, точно не знаю. О том, что Гершельман стоял во главе какой-то организации, курьером за пределы РСФСР или об организованном якобы им «Союзе» молодежи, я услыхал впервые на допросе и ничего абсолютно об этом не знаю.

6) Признаю, что получил от Марии Ивановны Смирновой для передачи «Национальному центру» шифрованное письмо. Передавая мне это письмо, Мария Ивановна сказала, что доставлено оно в Петроград для «Национального центра», но так как то лицо, которому курьер должен был его передать, арестовано, то курьер, имея какие-то поручения и к ней, передал ей это письмо. Она же сообщила мне и шифр. Я расшифровал письмо и подлинник и расшифровку передал Н. Н. Щепкину. Содержание письма я помню очень смутно, так как совсем не в курсе того, кто пишет и кому. Действительно, в письме было упоминание и о каком-то Никольском и о Вике, но кто эти лица, я не знаю. Помню, что в письме действительно говорилось о семье погибшего Павла и о каком-то Г., но все это для меня неизвестные лица. В общей своей части письмо говорит о наступлении на Петроград из Финляндии и при участии финских войск, о какой-то международной комиссии, которая должна была появиться в Петрограде при его занятии. Далее сообщалось о затруднениях, испытываемых русскими в Финляндии, об интригах Германии, о германофиль-

стве финнов, о разногласии в среде русских эмигрантских кругов. Наконец, помню, что письмо содержало вполне категорическое указание, что наступление на Петроград должно произойти не позже как через месяц и что через 24 часа после его занятия население Петрограда будет обеспечено в избытке всем необходимым (продовольствие и пр.). Это единственное, насколько помнится, вполне конкретное сообщение было ко времени получения письма уже лишено всякого интереса, так как письмо было датировано числом первой половины мая месяца, а получено, кажется, в половине июля, когда давно прошли и указанные в письме сроки и когда ясно уже было, что общая конъюнктура в Финляндии совершенно изменилась и все эти планы оказались дутыми. Н. Н. Щепкину это письмо нового, по-видимому, ничего не дало, так как, прочтя и уничтожив его, он сказал, что все это устарело и ему ранее уже известны сведения. На вопрос, какие мною передавались Марии Ивановне письма, я еще раз, как и на допросе 13 февраля, совершенно чистосердечно заявляю, что никаких писем или вообще каких бы то ни было документов мною, от меня или при моем посредстве от кого-либо другого не передавалось Марии Ивановне и к ней не посылалось. Ее адрес в Петербурге был известен Н. Н. Щепкину, как она мне сообщила, и, кто и что ей туда посылал, если вообще посылалось, я не знаю.

7) На вопрос о том, какую информацию привез прибывший в Москву к «Национальному центру» курьер от Колчака, некто Василий Васильевич, я мало что могу добавить к тому, что уже показал по этому вопросу в своем показании от 26 февраля, так как именно этот Василий Васильевич и привез деньги «Национальному центру» и то общее сообщение о плане наступления Колчака, о котором я уже говорил. Помню, что отступление Северной армии генерала Пепеляева было, как нам сообщал Н. Н. Щепкин, объясняемо стратегическими соображениями, в связи с необходимостью изменить общий план наступления из-за несостоявшегося соглашения с Финляндией и затруднений, испытываемых для наступления Северной армии союзников, но что с помощью имеющихся резервов Колчак предполагал восстановить положение и новым ударом достигнуть поставленной цели, как я уже говорил, информация эта явилась в Москву очень запоздалой и ко времени ее получения вполне определился полный неуспех Колчака и развал его сил. Фамилия означенного Василия Васильевича мне неизвестна. Куда он после ареста Н. Н. Щепкина делся, я тоже не знаю. В военной комиссии Н. Н. Щепкин говорил о намерении отправить это лицо на Юг, но удалось ли это, я не знаю. Никакой политической информации этот курьер из Сибири не привозил, за исключением партийного к.-д. письма к Н. Н. Щепкину, содержание которого мне осталось неизвестным.

8) На вопрос о роли отдельных лиц, входивших в состав комиссии трех при «Тактическом центре», имею показать следующее: какого бы то ни было разделения обязанностей между нами членами этой комиссии не существовало и, как я старался установить своим показанием 26 февраля, не вызывалось характером комиссии. Это не была комиссия по управлению делами военной организации, связь с которой поддерживал исключительно Н. Н. Щепкин, причем вспоминаю, что им не раз упоминалась фамилия какого-то Тихомирова, мне неизвестного, как лица, между прочим, служившего ему этой связью. Были ли у С. Е. Трубецкого как члена «Национ. центра» какие-нибудь обязанности по связи с военной организацией, я не знаю, но из очень критического отношения Трубецкого к организации, а также из неоднократно им мне высказываемой малой его осведомленности о ее внутренней жизни я вывожу заключение, что Трубецкой, как и я, был членом комиссии без каких бы то ни было специальных обязанностей. В своем показании от 26/II я подробно изложил, каковы были взаимоотношения военной организации, уже ранее существовавшей, к «Тактическому центру» и к его комиссии. С. Е. Трубецкой был одним из тех, кто особенно горячо возражал против самой мысли о допустимости военного выступления, хотя по этому вопросу мнения членов «Тактического центра» были вполне единодушны. Могу в этом отношении сослаться кроме С. П. Мельгунова, о котором я уже упомянул в показании 26/II, еще и на О. П. Герасимова.

Леонтьев Сергей

7 марта 1920 года

ПОКАЗАНИЯ С. П. МЕЛЬГУНОВА

I. О ЗАСЕДАНИЯХ ТАК НАЗЫВАЕМОГО «ТАКТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА» У А. Л. ТОЛСТОЙ

Когда образовалась шестерка в качестве представителей трех групп, участники искали помещение для заседания. Я предложил свою квартиру, но она, очевидно, не всем нравилась (надо иметь в виду, что я только на страстной неделе был выпущен из Особого отдела ВЧК). Тогда я просил разрешения у А. Л. Толстой в комнате правления Толстовского общества устраивать иногда маленькие заседания людей, которых она лично знает (она со всеми была знакома по своей деятельности в Земском союзе), на что было получено разрешение. Здесь иногда и происходили заседания, когда я на них бывал и когда А. Л. бывала в Москве.

На заседаниях А. Л. Толстая никогда не присутствовала, конечно, а иногда входила, принося чай.

2. О РОТМИСТРЕ ДОНИНЕ

Такого я не знал. В начале лета 1919 года ко мне явился из Харькова Иван Яковлевич (фамилия приблизительно та, которая мне была названа при допросе, я точно ее не помню). Передал привет от А. А. Титова и просил его свести со Щепкиным Н. Н., что я и сделал, то есть передал Щепкину о таком желании, о моем впечатлении об этом лице. О моих товарищах И. Я. сообщил мне очень немногое. Я понял, что он находится в оппозиции, что И. Я. не одобрял, и говорил, что ездил в Ростов со специальной целью добиться соглашения между действующими на Юге политическими организациями. Так как общественная физиономия И. Я. для меня была неизвестна, то я довольно скептически отнесся к информации И. Я. и к его роли объединителя. Н. Н. Щепкин пожелал свидеться с И. Я. После переговоров со Щепкиным И. Я. было предложено сделать сообщение в «шестерке», что им было исполнено. Сообщение его сводилось к тому, что положение Деникина блестящее, что не позже октября он будет в Москве, что понемногу у него выправляется политическая линия, что надо готовиться и собирать общественные силы, что преступно, что Москва не ведет никакой агитации и т. д. В положениях И. Я. многое, по моему мнению, было правильно. Но сам И. Я. как-то придавал себе чрезмерно большое значение. В сущности, я не мог выяснить, кем он прислан и для чего. Слова его не давали ответа на поставленный вопрос.

О том, что «шестерка» платила жалованье И. Я., является каким-то поклепом, по моему мнению, на него. Во-первых, «шестерка» не обладала такими функциями; во-вторых, как он говорил, у него были деньги, которые он привез с собою и, по-видимому, передал на хранение Н. Н. Щепкину (что-то около 150 тысяч). И. Я. желал какой-то агитационной работы, а ее не было, во всяком случае у «Союза возрождения». Поэтому никаких взаимоотношений у нас не устанавливалось; приглашать его в нашу группу он не считал возможным и нужным. Об его информации я просил осведомить товарищей.

3. ОБ УЧАСТИИ С. А. СТУДЕНЕЦКОГО В ГРУППЕ «СОЮЗА ВОЗРОЖДЕНИЯ»

С. А. Студенецкий, как и все мы, приблизительно в одно время примкнул к платформе группы — он был одним из тех участников в партийных совещаниях, о которых я говорил в предшествующих показаниях. Бывал на заседаниях реже других, а в последнее

время, по моему мнению, совсем перестал бывать. В своей позиции он занимал, пожалуй, наиболее непримиримое положение по отношению к некоторым точкам зрения «Национального центра» (как по вопросу о строительстве государственной власти, так и в вопросе земельном).

4. О «ФИНАНСИРОВАНИИ» «НАЦИОНАЛЬНЫМ ЦЕНТРОМ» «ЗАДРУГИ»

Такое показание со стороны В. Н. Муравьева совершенно абсурдно. Как новый человек в Москве, мало осведомленный, очевидно, о «Задруге», видавший меня всего два-три раза, и то мимолетно, он, наверно, представил себе положение дела под влиянием каких-либо разговоров, бывших в «Национальном центре».

«Задруга», а равно и «Голос минувшего» - учреждения, возникшие в 1912 году по моей инициативе и, несомненно, мною руководимые, представив из себя настоящий кооператив авторов. «Задруга», по типу английских копартнершипов [1] Англии, несколько расширилась, так как членами товарищества состоят не только пишущие, но и работающие вообще в «Задруге» (все служащие, часть рабочих по уставу в виде временной меры допускаются 20 процентов наемного труда). Крупными пайщиками являются лишь некоторые центральные кооперативные учреждения. Создание «Задруги» преследовало цели борьбы с капиталистическим издательством. Так как идея подобной артели вызывала большое сомнение, так как приходилось вести борьбу в самой кооперации за эту идею, то в денежных вопросах мы всегда были щепетильны, быть может, более или менее крупным паем. «Задруга» строилась очень медленно, и только революция дала ей возможность развернуться, приобрести через посредство московского Народного банка типографии в Москве и Петербурге. Только Народный банк нас финансировал вначале под векселя — для приобретения типографии, а затем под наш товар (то есть книги и бумагу). За последние три года, как видно по нашему балансу, «Задруга» сильно выросла, почему мы получили право кредитоваться в Народном банке до 5 миллионов рублей. В «Задруге» теперь более 80 членов.

Показания Муравьева я могу объяснить только таким образом. Когда начались наши взаимоотношения с представителями «Национального центра» (наша, то есть группа «Союза возрождения»), явилась мысль объединить лиц на какой-нибудь литературной работе. Я предложил попытаться подвести как бы итоги русской революции в области политической, социальной, эконо-

[1] Копартнершип (англ.— copartnership) - сотоварищество, участие рабочих в прибылях.

мической и культурной. Разнохарактерность точек зрения при первом подходе к вопросу не могла бы помешать некоторому обмену мнениями и подведению итогов. У меня оставалась небольшая сумма денег, полученная в свое время редакцией «Голоса минувшего» от Комитета гражданского просвещения [1] (в начале революции) для обработки материалов по революции. Я мог бы ассигновать эту сумму на собирание необходимых материалов. Н. Н. Щепкин поднял в «Нац. центре» вопрос об ассигновании еще 25 тысяч рублей. Таким образом, образовался фонд в 45 тысяч рублей, который и был мною внесен в кассу «Задруги» и от имени редакции «Голоса минувшего» исключительно в целях бухгалтерских (им заведен особый отчет).

Я предложил в совете «Задруги» принять это издание в будущем, если оно будет осуществлено и если будет одобрено редакционным комитетом «Задруги».

Это и было принципиально принято, почему в наших печатных проспектах намечена подготовка издания по истории русской революции.

«Задруга» ни копейки не ассигновала на это издание по следующим мотивам:

1) Сомнительно было, чтобы издание, предназначаемое для более или менее отдаленного будущего, осуществилось; на нас лежали многочисленные литературные обязательства.

2) По правилам «Задруги» всякое издание должно было определить, что может в конечном результате получиться из издания при участии в нем лиц разных политических миросозерцаний. «Задруге» в этом отношении приходится быть особенно осторожной при разнообразии в составе членов — от коммунистов до кадетов.

Из проектированного издания, впрочем, ничего не вышло. В счетах «Задруги» совершенно точно, кажется, указано, сколько израсходовано денег и куда.

Сергей Мельгунов

31 марта 1920 года

VI

Относительно состава групп «Нац. центра» в Петрограде я не имел никакого представления. Никогда Розанов не осведомлял нас на эту тему. Почти то же могу сказать о группе «Союза освобождения». О вхождении Душечкина [2] не знал, также меня постоянно

---

[1] Комитет гражданского просвещения — общественная организация либерально-буржуазного направления, образовавшаяся после первой русской революции. Разрабатывала проекты развития народного образования в России.

[2] В тексте книги «Мечкина». Исправлено по подлиннику.

просили указать какого-нибудь из нар.-соц. в Петрограде, и такого я не знал. О деятельности петроградской группы я имел весьма слабое представление и считал ее еще более аморфной и неопределенной, чем наша. Нам казалось, что вся ее работа сводилась к собиранию крайне неопределенной информации и к поддержке связей с инакомыслящими. Кроме Герасимова, никаких к.-д. в Петрограде не знал и о них не слыхал. Считал, что [Герасимов] — член «Нац. центра» и имеет только связи с Розановым и Потресовым [1]. Совершенно убежден, что такое же представление имели и все мои товарищи. Никогда Москва не была всероссийским центром — во всяком случае с осени 1918 года, то есть когда основные члены «Союза» уходили. С той поры деятельность групп протекала именно в тех пределах, на которые я указывал в предшествующих своих показаниях. По существу ничего не могу добавить.

2. Деньги для московской группы СВ были оставлены Чайковским и находились у Щепкина. Из них ежемесячно передавались некоторые суммы в Петроград. Сумма, которой мы располагали осенью 1918 года, была около 300 тысяч рублей.

3. Никакого списка коммунистов с их местом службы и пр. никогда не составлялось и составлять не могли. Представители «Нац. центра» дают об этом показания, основываясь на этих деньгах, которые мною были получены через Щепкина для некоторых работ. Дело идет, очевидно, о том «Словаре» революционных деятелей, который мною был затеян осенью 1918 года по совету проф. Мазона. Словарь велся с марта 1917 года, и в него попадали все без исключения общественные деятели. Распоряжаться работой мог исключительно я один. Работа велась совершенно легально. В будущем предполагал ее издать под своей редакцией, если бы только работа была закончена. Пока она только в самой начальной стадии. В проспекте печатном «Задруги», который был представлен Государственному издательству. Была помечена та работа, как подготовляющаяся. В «Известиях» я прочитал сообщение, что на Юге образована комиссия для составления списков коммунистов. Никто ко мне с предложением участвовать в такой работе не обращался. После того сообщения я не раз высказывал опасения, что моя больше проектированная, чем исполненная работа будет смешана с какими-либо посторонними целями.

4. Н. Д. Кондратьев участвовал в собраниях московской группы СВ приблизительно в равной мере со мной. С лета 1919 года собрания стали происходить все реже и реже, и осенью наши

---

[1] В тексте: «Считал, что член «Нац. центра» и нашей не было связи с Розановым и Потресовым». Исправлено по архивным документам.

собеседования почти замерли. Что касается С. Л. Маслова, то он бывал, как я уже указывал, крайне редко и в последнее время, примерно с весны 1919 года, совсем не бывал. Я лично считал его отошедшим от идеологии группы в силу позиции к партии с.-р. Кто из с.-р. участвовал в петроградской группе персонально, я не знал. Если Розанов и называл какие-нибудь фамилии, то не обратил внимания, так как никого из них не знал. Мне казалось даже, что с.-р. все остались в Петрограде в силу резолюции Центрального Комитета.

С. Мельгунов

12 мая 1920 года

VII

1. Желая нести ответственность за то реальное, что я совершил, считаю необходимым еще раз опровергнуть два обвинения, может быть незначительные, которые мне были предъявлены.

На одном из первых допросов мне было сказано, что у меня найдена записка, которую я будто бы передавал т. Котляревскому. Решительно и весьма категорически опровергаю этот факт. Никакой записки вообще не писал и никогда ни своих, ни чужих записок Котляревскому не передавал. Мною лично оставлены были тезисы по вопросу об отделении церкви от государства в момент, когда мы предполагали обсудить проект НЦ. Мы обсуждали их в своей маленькой группе, и дальше ее они не пошли. Будучи исконным противником церковных начал [в] жизни я считал нужным установить определенную точку зрения для критики позиции НЦ, построенной на других началах. Записка, найденная у меня и мне предъявленная, по своему существу, как я мог понять при допросе, решительно расходится со всем моим миросозерцанием. Никогда в жизни не писал то, что нарушает мои принципы: смело и гордо могу заявить, что о том свидетельствует вся моя литературная работа.

2. Должен еще раз протестовать против обвинения, что будто мною принято было поручение от «Нац. центра» составить какой-то список с охранническими целями. По существу я уже дал ранее пояснение происхождения своего «Словаря революционных деятелей», работу над которым никогда ни от кого не скрывал. Если в уме кого-либо из представителей НЦ моя работа могла получить такой характер, то, вероятно, вследствие моих слов: когда в частных беседах заходила речь о том, что всякое новое правительство будет в затруднении, так как во всех учрежде-

ниях сидят коммунисты и пр., я говорил, что мой «Словарь» будет служить хорошим справочником для всех деятелей революции без исключения. Характер моей работы мне фактически нетрудно доказать.

Я решительно протестую против показания, если таковое в действительности было, что я принял поручение от «Нац. центра». Каким образом я мог принять поручение от чуждой мне политической организации, все сношения с которой у меня ограничились двумя или тремя заседаниями и участием в так называемом «Тактическом центре»? Мне могла бы дать поручение группа «Союза возрождения», но никак не «Нац. центр», для которого он, социалист правого крыла, по идеологии не более был приемлем, чем коммунисты. До образования «шестерки» о «Национальном центре» я знал только по информации Н. Н. Щепкина; мой же «Словарь» был затеян и осуществлялся с осени 1918 года.

С. Мельгунов

VIII

Отвечая ниже на вопрос о Савинкове и Алексинском, я не могу опять категорически не возражать против этой роли, которую приписывает так называемому «Тактическому центру» следствие или, быть может, даже участники «шестерки». При такой оценке совершенно искажаются функции мои как представителя московской группы «Союза возрождения», с одной стороны, а с другой стороны — я целиком солидаризируюсь с мнениями и отчасти с действиями, солидарности с которыми у меня быть не могло. Смею думать, что я могу быть избавлен от подозрения в стремлении преуменьшить свою вину,— двадцать с лишком лет общественной работы позволяют квалифицировать свои действия по иному масштабу. Законно и естественно стремление избегать ответственности за деяния необнаруженные, но недостойно отказываться от нее при их раскрытии. Но также смешно принимать на себя ответственность за то, чего не было. При известных общественных условиях есть смысл преувеличивать «заговор» в целях устрашения и воздействия, но таких условий нет налицо.

Я решительно утверждаю, что организации, объединяющей три группы, не существовало. Для меня могут быть важными показания моих товарищей по группе, а отнюдь не показания участников «шестерки», а в особенности оставшихся в живых, так как их позиция идейно коренным образом расходится с моими взглядами, да и взглядами всей группы СВ. Хотя процесс имеет

только «исторический» интерес, как мне сказано было при одном из допросов, тем не менее преждевременно еще выяснять различие взглядов сопроцессников, раз сидишь в тюрьме. Я продолжаю настаивать на правильности характеристики функции «Тактического центра», данной в предшествующих моих показаниях, а равно причину и момент его возникновения. Совершенно убежден, что иной характеристики не могут дать и все остальные участники московской группы. Не странно ли, что я, участник этой всеобъединяющей организации, не знал даже того названия, которое придают некоторые якобы руководящему и дирижирующему центру? Позволяю спросить: а что же мои товарищи по группе, знали это наименование?

Я так упорен в этой части своих показаний потому, что чувствую, как совершенно понемногу искажается моя принципиальная позиция, очень далекая от какой-либо солидарности с практикой Советской власти, от какого-либо одобрения ее методов действия, но далеко не однотонной с позицией тех, которые находятся в другом крайнем лагере. Если бы следствию было угодно, я мог бы с известной полнотой и откровенностью изложить мотивы своего общественного поведения, вытекавшие из оценки современности в отдельные моменты и из определения возможного будущего. Мое легкое отношение к Советской власти, как оно складывалось до последнего времени, было уже мною охарактеризовано в одном из предшествующих показаний. Это — фактор отрицательный в моих мотивах. Фактором положительным является борьба с теми, которые неизбежно придут на смену и будут стремиться смести то положительное, что дала революция. При этом в сфере политической реакции я не вижу возможности появления власти, которая подавляла бы все гражданские свободы в большей степени, чем это делалось в период так называемой диктатуры пролетариата. Власть, всякая новая политическая власть, будет слаба, с реакционным ее вожделением будет легче бороться во имя хотя бы политической свободы, чем с властью коммунистического правительства, которое опирается на инстинктивное чувство массы и идет по пути нового социального строительства. Последнее я, конечно, никогда не отрицаю и всецело бы сочувствовал, если бы пути были не ошибочны, а методы не так узко деспотичны. Я не верю в возможность осуществления таким путем социализма. Отсюда неизбежная общественная реакция, к ослаблению которой, по моему мнению, должны быть направлены все силы людей моего психического склада. Этот мотив определял мое отношение к той или иной силе, возникавшей в России. Может быть, этот до некоторой степени оппортунизм и ошибочен и преступен. Но все-таки это оппортунизм теоретический, ибо он ставил задачей бороться с

эксцессами другой крайности. Объявлять меня солидарным с ней неправильно. Во всяком случае, я лично против этого всемерно протестую.

О том, что Савинков не был принят в «Союз возрождения» при его возникновении, мне неизвестно и в самом факте этом сомневаюсь. О принятии его официально и не могло быть речи: 1) в «Союз» вступали, хотя и персонально, только представители политических партий, 2) Савинков к моменту возникновения «Союза» был связан с другой политической организацией, подробностей существования которой я не знаю, 3) позиция Савинкова в то время не соответствовала позиции, которую хотел занять «Союз», и к его позиции политический инициатор «Союза» относился отрицательно.

Алексинский никогда не принадлежал к московской группе «Союза», никаких ему поручений за границу группа не давала, ибо не считала себя даже вправе это делать, не будучи связанной с тем, который являлся официальным членом «Союза» и от имени кого действовал на Юге и за границей. А пригласили только раз Алексинского к себе перед его отъездом и информировали его о наших точках зрения, считая важным познакомить демократические и социалистические круги Западной Европы с положением дел в Советской России. Отъезд Алексинского произошел не по нашей вовсе инициативе.

С. Мельгунов

5 июня 1920 года

ПОКАЗАНИЯ С. Е. ТРУБЕЦКОГО

I

1. Членом «Национального центра» я сделался, помнится, в начале февраля 1919 года. Совершенно верно, что представил меня туда О. П. Герасимов. О деятельности НЦ ранее этого срока ничего определенного не знаю, кроме того, что некоторые его члены уехали на юг. Один из уехавших, Н. Ив. Астров, переписывался с Н. Н. Щепкиным, но письма эти были очень редки. При мне всего их получено два или три.

Вступая в НЦ, я говорил, что не знаю его программы, могу быть его членом, только если приемлемы люди с убеждениями правее к.-д. (я ранее сочувствовал октябристам), но для меня вполне приемлема платформа «Единая Россия и твердая национальная власть». Стоя на этой платформе, я не могу, конечно, сочувствовать существующей власти, с экономическими воззрениями которой я тоже принципиально расхожусь.

С. Е. Трубецкой

Первое собрание НЦ, на которое я попал, было, кажется, в феврале 1919 года, в Научном институте и происходило совместно с представителями «Союза возрождения»; должно быть, теми, которых вы мне называли: я, впрочем, знаю из них только С. П. Мельгунова, В. В. Волк-Карачевского и Кондратьева, имена остальных мне не известны. От НЦ участвовали, помнится, Н. Н. Щепкин, С. В. Котляревский, О. П. Герасимов, М. С. Фельдштейн и я. Речь шла об общей платформе, могущей объединить эти организации в данный момент. Левые требовали упоминания об Учредительном собрании или вообще об «источнике власти». На следующем собрании (там же) были и представители «Совета общественных деятелей» — Д. М. Щепкин и С. М. Леонтьев. После обмена мнениями некоторое объединение состоялось. Точной формулировки привести не могу, но объединение намечалось на почве признания необходимости единой твердой демократической власти. Было высказано пожелание, чтобы в дальнейшем не утрачивался контакт между этими тремя организациями. Таким образом, родился так называемый «Тактический центр». Заместителем представителя в нем НЦ — О. П. Герасимов некоторое время спустя был избран.

Больше совместных заседаний трех организаций не было, или, по крайней мере, я о них не знаю. Вообще, в 1919 году я несколько раз болел и поэтому бывал не на всех собраниях. НЦ, как вы верно осведомлены, собирался в Научном институте и на квартире Н. К. Кольцова. О каждом заседании порознь рассказывать не могу — это были скорее беседы за чашкой чая на темы дня. Всякий рассказывал, что он слышал о продвижении Колчака,

о разложении Красной Армии и т. п., больше всех рассказывал Н. Н. Щепкин, как находившийся в общении с военной организацией. Другой член военной комиссии — Н. А. Огородников, видимо, не был в курсе дела. Все сетовали на недостаток информации и ждали чего-то. Щепкин по нашему поручению несколько раз писал на Юг, прося информаций и указаний, чем мы могли быть полезны. Он же передавал туда сведения от военных. Сведения эти шли прямо к нему, минуя военную комиссию. Письма с Юга, как я сказал, приходили редко и по содержанию никого удовлетворить не могли. Самое подробное из них напечатано в «Известиях» (найдено у Н. Н. Щепкина). Раньше, как мне говорил Щепкин, было получено письмо из Сибири, но при мне таких писем не было. Раза два Щепкин говорил нам, что из Петрограда пишут (фамилии он не называл), что там получено сообщение из Финляндии: Юденич признал Колчака, соглашение с финнами налаживается, Петроград будет скоро взят... Раз какой-то молодой человек, приехавший из Киева, рассказывал про местные настроения. Другой раз то был приехавший с Дона, третий — из Сибири. Рассказы носили обывательский характер. Кроме этих трех случаев, при мне рассказов «с мест» не было.

Вы говорили мне о приезде с Юга полковника Хартулари и о его докладе в НЦ. Об этом ровно ничего не знаю, и если вообще этот факт имел место, то это могло случиться только во время моей болезни. Никого, конечно, такая «деятельность» не могла удовлетворить, но ничего другого не оставалось делать. Мы все знали о существовании «военной организации», но в чем она, собственно, заключалась, было, думаю, для всех, кроме Щепкина, тайной.

С другой стороны, я знал, что при участии Котляревского теоретически разрабатываются какие-то записки, и, интересуясь экономическими вопросами, я желал принять участие в этой работе, но это сделать не пришлось. Видел я одну экономическую записку, где доказывалось, что будущее лежит в мелкоземельной собственности и в развитии промышленности тоже на началах собственности — принципы, с которыми я вполне согласен, но какое практическое значение могла иметь эта записка, мне совершенно не ясно.

Говорилось в собрании НЦ о желательности составить проект плана экономической политики на случай победы Деникина; но дальше пожеланий дело, кажется, не пошло. Вот приблизительно в чем заключалась деятельность собраний НЦ. Не думаю, чтобы на собраниях, которые я пропускал, она носила бы иной характер. За все мне известное время было, помнится, только два «постановления» НЦ, о которых должен был сообщить на Юг

Н. Н. Щепкин: первое — признать недопустимость отдачи русских земель какому бы то ни было государству в награду за выступление против РСФСР и второе — признать недопустимым формирование «Эмигрантских министров». По поводу слухов о «Парижском правительстве»[1]. Обсуждали еще вопрос о желательности или нежелательности такого учреждения, как ВСНХ, для руководства экономической жизнью, но постановления по этому вопросу вынесено не было.

2. Весной (не помню точно срока) я был избран вместо Н. А. Огородникова членом военной комиссии. В нее входили Н. Н. Щепкин, С. М. Леонтьев и я. Не знаю, насколько военные посвящали Щепкина в свои планы, но мы с Леонтьевым не знали ни имен, ни даже числа участников организации. Н. Н. Стогов, глава организации, сообщил нам в первое свидание, что он придает организации только подсобное для Колчака или Деникина значение, так как размеры ее слишком малы, чтобы претендовать на большее. В дальнейшем Стогов рассказывал нам о полученных им сведениях про продвижение Колчака и т. д. Эту информацию мы потом передавали нашим друзьям. Практически Стогов предложил одну задачу: подыскать гражданских помощников военным начальникам участков, на которые должна была быть разбита Москва. Щепкин обещал подумать и, может быть, найти одного-двух. Мы с Леонтьевым сказали, что никого найти не сможем. На этом Стогов был арестован, я видел его всего два или три раза. Щепкин познакомил Леонтьева и меня с заместителем Стогова — С. А. Кузнецовым. Причем собрания комиссии продолжали носить характер информации. Кузнецов говорил, что организация растет (тоже не называя чисел) и приобретает приверженцев в артиллерийских и автомобильных частях, а также в разных военных школах. Никаких имен он не называл, и, считая это правильным, мы его не спрашивали. Кузнецов просил прибавить денег на «пособия» членам организации. Он просил, не помню точно сколько, только не меньше 100 тысяч рублей в месяц. Деньги были у Щепкина, он говорил, что они на исходе, и мы просили его писать в Сибирь, чтобы прислали таковых.

Наконец Щепкин сообщил нам, что от Колчака прибыл «Василий Васильевич» с одним миллионом денег, что должны везти

---

[1] Речь идет об антисоветской белогвардейской организации в Париже «Русское политическое совещание», считавшей себя единственным «правомочным представителем» России (в него входили ряд членов бывшего Временного правительства, представители Колчака, Деникина, Юденича, члены «Национального центра» и др.). В связи с поражением Колчака летом 1919 года и переориентацией Антанты на Деникина, с которым «Русское политическое совещание» вошло в контакт, оно в августе 1919 года заявило о прекращении своей деятельности.

еще, но, насколько знаю, больше денег не приняли. Деньги военным Щепкин передавал через И. Н. Тихомирова, мы с Леонтьевым дел с ним не имели и даже не знали его лично. Раз Щепкин дал мне деньги для передачи Кузнецову, что я и исполнил.

Тут Кузнецов был арестован, и через некоторый промежуток времени Щепкин познакомил нас с начальником штаба Стогова полковником Ступиным. Разговоры в комиссии продолжали носить тот же характер информации. Раз Ступин потребовал, чтобы была организована пропаганда среди рабочих, но ему было известно, что это невозможно. Со Щепкиным Ступин разрабатывал какие-то проекты прокламаций на случай выступления. Они должны были быть доложены в комиссию, но так доложены и не были.

Раз Ступин внезапно спросил: «Благоволят ли общественные деятели на вооруженное выступление?» Леонтьев категорически высказался против, выразив этим наше общее мнение.

Однажды Щепкин и Леонтьев рассказывали нам со Ступиным, что они через какую-то «мисс», прибывшую из Петрограда, познакомились с английским агентом «Павлом Павловичем» и что через эту «мисс» можно сноситься с Юденичем, каковую связь П. П. и прибыл установить. По-видимому, это дело известно вам в больших подробностях, чем мне, так как я даже не знаю, писал ли Юденичу Щепкин или нет. Уже после ареста последнего Ступин сказал мне, что он, Ступин, послал этим от имени Объединенного центра зашифрованную сводку номеров дивизий по армиям и что послал еще письмо «Василию Васильевичу».

После ареста Щепкина Ступина я видел только мельком: он пустился на какие-то авантюры с покупкой оружия, послал письмо генералу Мамонтову и вступил в связь с «зеленой армией», но подробнее его деятельность мне не известна. Мы с Леонтьевым просили Ступина сообщить хоть число участников организации. Он сказал: «Думаю, около 20 000 человек примкнут» и обещал сделать подробный доклад, но тут он был арестован. О его планах мне известно лишь то, что он хотел захватить Бульварное кольцо и на нем базироваться. Имен участников организации он тоже не назвал, я слышал от него лишь имена полковника Хартулари, Миллера и Тихомирова, но что делали первые два неизвестно.

Тем временем Бородулин, о котором вы говорили, выражал желание войти в военную комиссию как заместитель Щепкина, но так как никакой комиссии в сущности же не было, никто без Щепкина ничего не знал и, кроме того, Б. мы знали очень мало. Леонтьев и я, отвечая ему, отделывались общими фразами. Тогда же мы сообщили своим друзьям о разгроме военной организации,

указав на то, что создавать новую нецелесообразно и совершенно невозможно. Редкие собрания НЦ, совершенно лишенные интереса информации, тоже стали чахнуть и длились только в силу инерции.

3. На ваш вопрос относительно моего участия на собраниях «Тактического центра» могу сказать весьма мало. Я был на них всего несколько раз.

Н. Н. Щепкин предложил обменяться мнениями по поводу общих вопросов политики на случай побед Деникина: все согласились это сделать, что, кажется, никогда не произошло, да и собрания эти, насколько знаю, совсем прекратились.

21 марта 1920 года *С. Трубецкой*

1) Ал. Григ. Хрущев был рядовым членом НЦ. Когда я туда вошел, я застал его уже там. Первое время встречал его на заседаниях НЦ. Потом стал бывать все реже и, наконец, совсем прекратил свои посещения.

2) Собрание НЦ никем официально не созывалось, а на заседании сговаривались, когда встретиться в следующий раз.

3) О том, что Н. Н. Щепкин и Огородников — к.-д., я знал. Знал я и то, что первый входил в СВР как представитель своей партии. О том, что Щепкин входил и в НЦ как представитель к.-д., я не знал и думаю, что это не так. О том, что существовал кадетский ЦК и был как бы контролирующей инстанцией над НЦ, как вы говорите, я не знал и также думаю, что это не так. По всей вероятности, Н. Н. Щепкин сообщал своим друзьям по партии о своей работе в НЦ, но от последнего в том смысле никаких поручений не имел, по крайней мере я о том ничего не знаю.

4) Я знал, что Щепкин сносился с петроградской организацией, с югом и Сибирью посредством шифрованных писем, но самой техники сношений (как, через кого) не знал. Знаю, что шифров было несколько. Один из них — «Евангельский» (от Луки, гл. 11, 13 или 17, точно не помню) он мне объяснил, но шифровать ему не просил.

5) Вы спрашиваете, как часто бывали в НЦ профессора Л. Б. Кафенгауз и Я. М. Букшпан. Членами НЦ они не состояли, и я видел их у нас два раза (может быть, даже один раз) при разговоре о необходимости выработать проект экономической программы.

6) С «Павлом Павловичем» и «мисс» я ни разу не виделся. Леонтьев хотел познакомить меня с последней и говорил, что представит под другим именем, но об имени «Сергей Павлович», как вы говорите, речи не было. Боюсь, нет ли здесь путаницы с другим лицом, под чужими именами я вообще никогда не высту-

пал. Неправильно тоже, что я должен был познакомить с «мисс» Н. С. Арсеньева. Как я мог то сделать, не будучи сам с ней знаком, а Л[еонтьев] меня так с ней и не познакомил.

7) Вы спрашиваете, как состоялось постановление НЦ о командировке за границу Н. С. Арсеньева. Такого постановления совсем не было.

Дело было так. Он хотел уехать из пределов РСФСР и частным образом обратился к своим знакомым — Леонтьеву и мне, не можем ли мы ему в этом помочь. Не помню, обращался ли он с тем к Герасимову, как вы говорите. Кому-то из нас пришла мысль помочь ему уехать через новую знакомую Л[еонтьева], но в таком случае использовать его отъезд для информации «заграницы» (без точных указаний о положении у нас, как мы о них). О такой предполагаемой поездке Арсеньева для информационных целей мы, конечно, сообщили нашим друзьям. Членом НЦ Арсеньев не состоял и на заседаниях его не был. Никаких полномочий выступать от его лица ему дано не было.

8) Н. Н. Щепкин, рассказывая мне и другим членам НЦ о своем свидании с «Павлом Павловичем», говорил, что предлагал НЦ денежную субсидию от английского правительства (указанной вами цифры — 500 тыс. руб. в месяц — он при мне не называл, или я ее забыл). Щепкин спрашивал меня, как и другие члены НЦ, как мы на то смотрим. Я высказался за принятие денег, но о формальных постановлениях по тому поводу ничего не знаю, их, по-моему, и не было. Денег никаких мы не получили.

9) Вы спрашиваете, бывал ли я на заседаниях ТЦ на квартире С. П. Мельгунова и А. Л. Толстой. Нет, не знаю, собирался ли вообще ТЦ или нет.

10) С Цедербаумом я не знаком и не могу сказать, был ли он среди представителей СВР на совместном заседании в Научном институте. Я говорил вам, что там были неизвестные мне лица, был ли он в их числе, не знаю.

11) Имен приезжих, рассказывавших о донских, сибирских и киевских впечатлениях, я не знаю. Щепкин, вводивший их, не называл им наших, а нам их имен. Только о приехавшем из Сибири он при мне сказал, что его вымышленная фамилия «такая-то» (не помню точно, что-то вроде «Синельщиков»).

12) С экономистом Первушиным я немного знаком, на заседаниях НЦ он не бывал ни разу.

13) О сношении Щепкина с петроградской организацией все мы знали, но как были подписаны письма (Вик, как вы говорите, или нет), я не знаю. Ни одного имени Щепкин не называл, а говорил: «Петербург».

19—22 марта 1920 года *С. Трубецкой*

ПОКАЗАНИЯ АРЕСТОВАННЫХ ПО ДЕЛУ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ «НАЦИОНАЛЬНОГО ЦЕНТРА»

ПОКАЗАНИЯ *** [1]

I

В организацию я вступил в 1918 году. В организации меня предназначили на должность начальника артиллерии.

По организации я знаю: Ступина, Зверева, Ивана Ивановича — фамилию не знаю, Василия Васильевича — фамилию не знаю [2]. Слышал фамилию, кажется, Кузнецов, кажется, генерал.

25/IX 1919 года

II

В организацию я вступил по приглашению бывшего начальника 14-й пех. дивизии Владимира Ивановича Соколова осенью 1918 года на должность командира бригады.

Обязанности мои мне были указаны следующие: если Советская власть уйдет, то я буду обязан занять должность в формируемой бригаде.

Соколова я видел всего раза два. Никаких особых приказаний я не получал. Для связи с Соколовым мне служил сначала Найденов. Особых собраний и совещаний не было. Собирались иногда у меня следующие лица: Ступин, Тихомиров, Найденов, Талыпин, Филипьев Георгий Александрович (гусарский офицер), Зверев впоследствии (в конце июля); были лица, коих я не знал. Кто они, узнал я в камере. Миллер, Иван Иванович, Алферов Дмитрий Яковлевич (я его, собственно, не видел).

На собраниях фактически я не присутствовал.

Большей частью спрашивал Ступина: нужен ли я? И в соответствии с ответом или уходил совсем, или же находился в другой комнате, занимаясь своим делом.

---

[1] Под знаком *** в книге зашифрован А. Е. Флейшер, служивший в организационном управлении Всероссийского главного штаба. В военной организации «Национального центра» являлся начальником артиллерии. Дал наиболее полные показания о заговоре. От наказания после окончания следствия был освобожден. До 1926 года продолжал служить в военных учреждениях, позже на хозяйственной работе. Вторично был арестован в 1935 году и осужден к трем годам ссылки.

[2] Иван Иванович — Федоров, начальник железнодорожных войск Республики, Василий Васильевич — Мишин (Москвин), колчаковский курьер.

В середине июля или около того времени собрания у меня почти прекратились, так как я сказал, что за мною следят и у меня собираться нельзя. В августе месяце я заявил Тихомирову и многим другим, что из организации ухожу.

Моя задача (данная мне Ступиным лишь в последнее время) заключалась в следующем: овладеть при помощи какой-то ударной части артиллерией, но, какой частью и каким образом, мне не было сказано.

Связь я держал при помощи Дмитрия Александровича Ларионова [1] (брат жены Найденова).

Я и мы все думали, что организацию возглавляют Ступин и Тихомиров.

С вышеуказанным Ларионовым Дмитрием Александровичем (с первого дня моего знакомства с ним я его считал Ларионовым, а не Илларионовым) познакомился я осенью 1918 года. Ему, Ларионову, лет 23, худой, выше среднего роста, усталый вид, волосы русые, стриженные коротко. Жил Ларионов, кажется, с Найденовым. Квартиру Найденова точно не знаю — где-то в Замоскворечье.

Служил Ларионов в школе инструкторов 2-й Московской тяжелой артиллерийской бригады. Начальником связи Ларионова я взял через Найденова.

Особых поручений и задач я Ларионову не давал, а он числился у меня больше на бумаге. Ларионову я передавал деньги для раздачи лицам состоящим в организации.

III

С Зыковым я познакомился через гражданку Веру Яковлевну Рекк, которая один раз была у меня в июле или июне месяце.

С Верой Яковлевной я познакомился через ее знакомого Дмитрия Григорьевича Звырикина (или Зворыкина, вернее), служит где-то не на военной службе, а на железной дороге, либо на Курской, либо на Северной, вернее, на последней.

Познакомился я с ним в прошлом году через Ивана Николаевича Тихомирова.

Иван Николаевич кончил Московский университет, где служит, не знаю.

Отец Ивана Николаевича Тихомирова — Николай Иванович, кажется, инженер-химик, служит не то в Центросахаре, не то в

---

[1] Правильно Илларионов.

Центропатоке [1] (словом, по сахарному производству), угол Дегтярного переулка [2] и Дмитровки [3] (управление).

У Николая Ивановича происходили иногда какие-то недоразумения с сыном, по словам последнего.

У Зворыкина я раз был на квартире. Жил где-то около Пречистенки, в районе штаба военного округа.

Его роли в организации я не знаю. Зворыкин знал, что я состою в организации, и пришел ко мне предложить познакомить с барышней, желающей связаться с организацией. Зыкова я познакомил с Иваном Николаевичем и Владимиром Даниловичем Жуковым.

Ивана Ивановича знаю, пришел ко мне на квартиру, спрашивал Ивана Николаевича. Он мне симпатии не внушал, почему-то Иван Иванович должен был прийти ко мне для разговора относительно порученной ему роли. Однако он не пришел.

Из моих подчиненных: Ларионов, Минченко Николай Андреевич — в 1-й запасной бригаде, Головин Виктор Николаевич, Виноградов Иван Иванович.

Относительно Николая Пыжова. Уехал на фронт (он был в коллегии по формированию тяжелой артиллерии).

IX—1919 года

Волконского к данной организации не привлек и, наоборот, просил ни в какую политику Волконского не вмешивать и с ним по этому поводу не говорить.

Волконский вместе с Бойко-Бойчевским участвовал в каких-то судебных делах.

Организация, о которой указывает Волконский, была пуфом, созданным для влияния на женщин (интриговал) и, кажется, для получения денег.

Иван Николаевич Тихомиров был скорее монархистом, по-моему.

Минченко на всю группу брал в две недели по 2000 рублей. Платили по 150 рублей и по 200.

Ларионов был отдельно в тяжелой бригаде, ему денег не платил для передачи его группе, если она у него была.

---

[1] Правильно Главсахар (Главное управление сахарной промышленности ВСНХ) и Главкрахмал (Главный комитет крахмало-паточной промышленности ВСНХ).

[2] Ныне Казарменный переулок.

[3] В Москве были Большая Дмитровка (ныне Пушкинская улица) и Малая Дмитровка (ныне улица Чехова). О какой идет речь в данном случае, установить не удалось.

IV

Зыков, кажется, был у меня всего один раз. Я направил его к Жукову. Одновременно у меня были Иван Николаевич Тихомиров и Валентин Данилович (кажется) Жуков. После этого деловых сношений по заговору с Жуковым не имел. Знаю, что Зыков ведал мотоциклетами. С Зворыкиным Дмитрием Григорьевичем я знаком. Он у меня бывал. Веру Яковлевну Рекк рекомендовал мне Зворыкин. Не отрицаю, что мог обещать устроить Рекк в своем отряде по санитарной части.

Рекк была у меня один раз со Зворыкиным.

8/X—1919 года

V

Виноградов Иван Иванович служил в 23-м мортирном дивизионе (резервном), который был расформирован. Стоял Масловка, 90 (или 80). Затем в 1-й запасной бригаде, вероятно, там и находится (Ходынка). Жил где-то далеко, кажется, у Покровских ворот. В бригаде есть его адрес.

9/X—1919 года

VI

Роменский, кажется, был организатором санитарной части; как работника Иван Николаевич его ценил, часто заходил к нему. Летом как-то, месяца два-три тому назад, Роменский говорил, что, кажется, из Вязьмы перебрасывают башкирскую дивизию в Петроград. Предполагаю, что Бабиков знал об участии Роменского в организации и о самой организации, но Бабикова не знаю и положительно утверждать не могу.

Алексея Николаевича Смирнова знаю по службе в Главном штабе, он был младшим делопроизводителем 1-го отделения организационного управления.

Кроме Минченко, Головина, Виноградова Ивана Ивановича в группе 1-й бригады были еще Гофферберг (дезертировал, ненормальный, хотел бежать за границу) и Туганов Александр Александрович. Туганова принял Минченко, Виноградова Туганов; все получали жалованье.

VII

Аносов грубого солдатского вида, светлые волосы, плохо бритый, выше среднего роста, был в распоряжении, кажется, Головина, во всяком случае, находился в артиллерийской группе; прислан был в декабре или январе, отличался жадностью к деньгам. Из-за них выходили недоразумения. Головин на него жаловался, потом он куда-то исчез, кажется, уехал на фронт. Больше о нем ничего не помню.

22/X—1919 года

VIII

В организации Волконского Александр Сергеевич Ханжонков был начальником связи, но, какой связи, не знаю. В начале августа 1918 года Ханжонков уехал в Киев по коммерческим делам, потом служил в Красной Армии, приехал в Москву по делам службы 1—2 августа этого года, где и заболел. По болезни он просрочил время командировки, был арестован МЧК как дезертир и по представлении всех казенных денег и оправдательных документов был освобожден незадолго до моего ареста, приблизительно в половине сентября. Его адрес: Козихинский переулок, д. 22, кв. 15. Вспоминаю, наверное, Большой Козихинский переулок [1]. Об участии Ханжонкова в этой организации ничего не известно. Думаю, что не участвовал за неимением знакомства.

В организацию Волконского мы сами должны были платить деньги по 5 или 10 рублей в месяц или одновременно, не помню. Насколько могу утверждать, связи с военной организацией не было.

6/XI—1919 года

IX

1) В июле месяце сего года Анна Владимировна Богословская сообщила мне, что ей известна обширная контрреволюционная организация, хотя и не военного характера, но могущая иметь важное значение. Примерно через неделю она, сговорившись со мною по телефону, зашла ко мне, и мы с ней пошли к ее знакомому (не знаю ни его адреса, ни имени, ни фамилии), где я позна-

---

[1] Ныне улица Остужева.

комился с Константином Ивановичем Тихотским, по его словам, состоящего если не во главе, то в самых верхах гражданской организации. На вопрос о нашей платформе я сказал что-то, что не знаю, но думаю, что все должно решить Учредительное собрание, и на этом мы согласились войти в более тесную связь, причем я собирался его (Тихотского) познакомить с более сведущими людьми. Со своей стороны К. И. Т. указал мне, что хотя у них много (ныне призванных) офицеров, но все-таки их цель несколько другая (хотя и от отступления они не отказываются) — саботаж и дезорганизация, так сказать, в художественной отделке.

Если бы нам в организации понадобилась связь с провинцией, то у них постоянно бывают посылки, и все, что надо знать, можно сделать, и не только через посланных людей, но даже казенными условными телеграммами.

После разговора с К. И. Т. я больше не видел его, так как события личной жизни, службы, нездоровье мне не позволили зайти к нему лично. Звонить же по телефону я не решился. Мой телефон и адрес у К. И. Т. записаны, его же телефон я должен был найти по телефонной книжке.

2) А. В. Богословская (скульпторша) еще ранее, чем познакомить меня с К. И. Тихотским (через ее знакомого), часто говорила, что у нее в банках, и особенно в Государственном банке, свои ребята и могут много сделать, но считая А. В. Б. способной к работе больше на словах, но [не] на деле, я не придавал никогда ее словам значения и веры.

3) Осенью 1918 года или в январе 1919 года на квартире у Д. Г. Зворыкина я познакомился с бывшим артиллерийским офицером, кажется поручиком (имя, отчество, фамилию не помню), который служил в Государственном банке и обещал нам содействие, но активно в военную организацию вступить уклонялся и только обещал давать нам сведения о положении дел в отношении как политики, так и общие и являлся как бы комиссаром к[онтр]-р[еволюции] в Госбанке. Больше я этого офицера никогда не видел, так как нужды в нем не встретилось, а потом я о нем совершенно забыл и вспомнил только в камере.

А. В. Богословская родом из Сибири. Была в тюрьме за участие в попытке [1] освободить политических заключенных и после была выслана за границу. Принадлежит ли она к каким-либо партиям, не знаю, но связи имеет большие не только с правыми партиями, но и с коммунистами. Как партийная работница много говорит, но мало делает. Желает всегда играть первенствующую

---

[1] В тексте «в поездке».

роль или одну из главных, всегда готова идти на самое абсурдное предприятие, ограбление, увоз заложников и т. д. Человек очень добрый и хороший, живет для больного брата и его семьи. Для себя живет мало, постоянно нуждается в деньгах. Была знакома с В. В. Волконским, но входила ли в его организацию — не знаю.

По имеющимся у меня сведениям, К. И. Тихотский был председателем или одним из главнейших деятелей «Объединенного комитета служащих»[1], образованного зимою 1917/18 года, куда входил в качестве члена и Ив. Ник. Тихомиров.

По словам И. Н. Тихомирова, К. И. Тихотский принадлежал к партии эсеров, а потому нам была рекомендована в обращении с ним крайняя осторожность.

10/XII—1919 года

X

1) Антона Доминиковича Байкевича знаю примерно с сентября или августа 1918 года. Он состоял членом организации В. В. Волконского; кто его ввел в эту организацию, не знаю, но предполагаю, что Ив. Ник. Тихомиров. А. Д. Байкевич в прошлом был штабной офицер, кажется подполковник по хозяйственной части. В организации он никакой (как и вообще все члены организации) деятельности не проявлял. С развалом организации в новую военную организацию В. И. Соколова он принят не был, так как Ив. Ник. Тихомиров ввиду бездеятельности, излишней осторожности (даже трусости) запретил принимать Антона Доминиковича Байкевича в организацию. Его даже не уведомили, что старая, Волконского, организация распалась. Последнее время он состоял в качестве заведующего хозяйством Инженерных московских командных курсов у С. Н. Ильина. Предполагаю, что он должен был знать о военной организации, так как С. Н. Ильин не отличался сдержанностью в разговоре, а с Байкевичем он был в отличных отношениях.

16/XII—1919 года

Примечание: Для привлечения в свою организацию В. В. Волконский обещал видные места: например, Б. А. Оболенскому — место начальника военных сообщений всей будущей

---

[1] Вероятно, речь идет о контрреволюционном «Союзе союзов служащих государственных учреждений», организаторе саботажа чиновников в октябре—декабре 1917 года.

Российской монархии, Ивану Николаевичу Тихомирову московского градоначальника.

2) Когда мы, то есть я, И. Н. Тихомиров и Д. Г. Зворыкин, потребовали от Волконского, чтобы он нам показал хоть одного члена штаба, Волконский после долгого отмалчивания сказал, что штаб уехал на восток и оставил Ф.[1] временно заместителем и что об этом он, Волконский, принесет приказ. Все действие и все слова Волконского мне показались настолько странными, что стал очень осторожно к нему относиться, ведь меня, состоящего всего с 1 июля 1918 года, вдруг в начале августа того же года ставят чуть ли не во главе всей организации, по словам Волконского, числящейся в 15—20 тысяч человек (на самом деле 15 20 без тысяч), и 1 августа 1918 года в гостинице «Спорт», где я тогда жил и вывел на чистую воду, то есть заставил В. В. В. признаться, что вся эта организация дело его рук, и есть чистейшей воды «буф», но, работая, можно серьезную вещь создать, сказал он, ничего не возразив. Я в разговоре с И. Н. Т. и Д. Г. З. решил с Волконским всякие деловые сношения прекратить, его организацию, никому ничего не говоря, ликвидировать, и, действительно, ликвидация прошла для членов ее совершенно незаметно (И. Н. Т. после этого В. В. В. не подавал руки, встречаться с ним избегал).

Личность Волконского достаточно обрисована мною в моем показании, данном следователю Особого отдела ВЧК. Этот эгоист дегенерат — личность с иезуитскими замашками, правда, неглупый, достаточно образованный (в Германии), недурно говорит. Цель его организации была чисто личная: собрать побольше денег, которые нужны были ему для траты на женщин, хотя я знаю, что ему случалось жить на счет женщин. В отношении товарищества он был мало пригоден, дружил только с теми, кто был ему выгоден или у кого была красивая жена, для того чтобы ухаживать за ней, при этом он не имел никакого принципа, только то, что женщина есть женщина и для того она существует.

Когда ему не удавалось достигнуть в этом цели или когда ему уже надоедало, он бросал все и прекращал знакомство. Сам В. В. В. два раза женат, но с женой не живет, хотя официально и не расходится, только осенью вздумал развестись, но что из этого вышло — не знаю. В денежных средствах В. В. В. чрезвычайно неразборчив, так, например, машинку «ундервуд», принадлежащую организации, он выдал за свою и продал в артиллерийскую бригаду за 1500 рублей и т. д.

О прочих членах организации не стоит писать, никакой активной деятельности они не проявляли и ничего из себя интересного не представляют, не исключая А. С. Ханжонкова. И только один Михаил Дмитриевич Бредихин (псевдоним Скобелев) представлял

[1] Флейшера. Восстановлено по подлиннику.

из себя в некотором роде величину. Бредихин, бывший саперный офицер, судился за убийство товарища из-за женщины в запальчивости; ныне, кажется, служит в образцовом инженерном полку в Сокольниках, в селе Богородском; я его с осени 1918 года не видел, видел нынешний год в августе издали на улице, он хотел ко мне зайти, но не зашел. Бредихин решительный человек и не постоит за действием оружия.

21/XII— 1919 года

XI

О СВЯЗИ С МЦЕНСКОМ

Зимою 1918/19 года И. Н. Тихомиров ездил в г. Мценск и по возвращении оттуда сказал мне, что в М. существует красноармейская организация и что оттуда должен приехать уполномоченный для связи и переговоров. Действительно, уполномоченный приехал, остановился у А. Е. Ланкевича (Новослободская, 11), и Ланкевич вызвал меня, но я, не имея никаких инструкций и никаких по этому поводу распоряжений, ничего сказать не мог. Выяснилось, что главная цель приезда уполномоченного — получить деньги. Как я слышал, он израсходовал с В. И. Соколовым около 300 000, но тот ему дать не мог или не хотел. Чем дело кончилось, не знаю, так как больше я не видел ни уполномоченного, ни В. И. Соколова и не разговаривал ни с кем про это дело.

О СВЯЗИ С ХАНСКОЙ СТАВКОЙ

А. А. Ростовцевым, числящимся по организации в моем распоряжении, был по службе назначен в Киргизский комиссариат и был отправлен в Ханскую ставку [1]. Он хотел держать связь с организацией, но не мог, так как поспешно был вынужден бежать, оставив даже свои часы на столе у себя в комнате. Об организации ставки может вообще рассказать бывший на службе в том же комиссариате Замятин, по моему мнению, весь почти командный состав комиссариата, как я заметил, носил специфический характер.

О СВЯЗИ С ТУРКЕСТАНСКИМ ФРОНТОМ

В июне или июле этого года меня спешно, по телефону, вызвали домой, оказывается, дома ждал приехавший с фронта или, вернее, из Самары, где пополнялся и отдыхал полк, бывший командир

---

[1] Ханская ставка — центр Букеевской степи (бывшего ханства, занимавшего территорию между реками Волга и Урал). Ныне село Урда в Уральской области Казахской ССР.

4-го Московского конного полка. Фамилию я его не помню, но знаю, что он был офицером 1-го уланского Петроградского полка и был товарищ Филипьева.

Его доклада я не принял, так как на это никем и никогда уполномочен не был, направил его к И. Н. Тихомирову.

По рассказам этого командира, я вывел заключение, что он человек несерьезный, так как очень много говорил мне и хвастался, во всяком случае, он связь с фронтом и организацией поддерживал.

17/XII—1919 года

XII

1

Александр Сергеевич Слепяк. До Октябрьского переворота в старой армии служил в офицерской кавалерийской школе, потом в авиационных частях — бывший чин штабс-ротмистр. После Октябрьского переворота служил в воздушном флоте; в апреле 1918 года попал под трамвай и сломал ногу и летать после этого не мог. В июле 1918 года поступил в 5-ю Московскую советскую артиллерийскую бригаду (ныне 8-я стрелковая дивизия) начальником одного из дивизионов. В августе того же 18-го года по полном выздоровлении вернулся снова в авиационные части и ныне состоит в одном из авиационных отрядов Северного фронта, в каком именно — не знаю. Адрес можно узнать в Главном управлении воздушного флота. Последнее сведение о Слепяке я имел в августе 1918 года.

В июле 1918 года, возвращаясь из бригады домой, то есть из Петровского парка в гостиницу «Спорт», Слепяк говорил мне, что он состоит членом одной контрреволюционной организации и получает от своего контрреволюционного командира 500 рублей содержания ежемесячно, но вот уже две недели тот просрочил, а Слепяку сходить к нему нет времени. Дальнейших подробностей мне Слепяк не говорил, так как мы подошли уже к дому. Я выяснил только, что организация была германского толку, но была ли она чисто авиационная, думаю, нет, во всяком случае, когда был арестован один из начальствующих лиц воздушного флота, Слепяк страшно волновался и постарался поскорей уехать из Москвы на фронт. (Последнее — мое личное наблюдение, так как разговору по этому не было больше.)

2

Николай Александрович Калашников (возможно, что я отчество и фамилию путаю, впоследствии, при известных условиях, я могу восстановить ее точно) служил до Октябрьского переворота в старой армии в авиационных частях. Кажется, нигде не служил, так как при падении повредил себе ногу и хромает. Комиссией призван на службу как негодный к строевой службе и ныне, кажется, служит в Главном или Окружном управлении воздушного флота. Там можно узнать точно его адрес. Он среднего роста, темношатен, изящно одевается.

Летом 1919 года Н. А. Калашников пришел ко мне на квартиру, говорил, что с кем-то виделся — или с И. Н. Тихомировым, или еще с кем-либо, не знаю, и сказал мне, что пришел для связи с организацией, так как у них есть своя «летучая» организация и хорошо бы было слить обе контрреволюционные организации в одну, что их организация имеет где-то на Пресне многолюдные собрания. Для выяснения дела об этой организации Ив. Ник. Тихомиров командировал N. N.[1], которому был указан адрес на Пречистенке. Точно не знаю, но, по докладу N. N., его там встретила какая-то барыня, очень сухо, не сказала ни да ни нет, что сейчас никого нет дома, а она не уполномочена, в общем, впечатление N. N., что к нему не отнеслись с должным доверием, быть может, считая по виду его слишком молодым и несерьезным. Во всяком случае, в этот раз с вышеуказанной организацией нам связаться не удалось.

3

Касьян Константинович Зверев. Зверев неоднократно говорил мне, что еще до вступления в нашу организацию, антантовскую, он состоял в другой — германской, но что бывший дежурный генерал Главного штаба Алексей Петрович Архангельский его из этой организации извлек и познакомил с Н. Н. Стоговым, который его и ввел в антантовскую организацию. Кто еще был помимо К. К. Зверева в организации и кто его ввел в нее, он мне не говорил. Что же касается А. П. Архангельского, то, по словам К. К. Зверева, он уехал летом 1918 года на Украину и оттуда не вернулся.

4

Иван Николаевич Тихомиров. Неоднократно говорил мне и многим другим членам организации: 1) что в распоряжении штаба организации имеется радиостанция, хотя и не особенно сильная, так что попытка (это было весной 1919 года) разговаривать

[1] NN — здесь и далее — Сергей Васильевич Роменский. Он же — Р., С. В. Р., Н. Н.

с Колчаком не удалась, так как станция хватала только до Самары, телеграммы же Юденича принимались. Для получения более мощной станции принимаются меры, и она будет; 2) что нужно принять меры, и таковые принимаются, для отвода провода от прямого провода Москва — Серпухов (Ставка главнокомандующего) и что тот, кто работает над проводкой этого прямого провода, наш. Было ли что сделано и действительно ли это так, не знаю, передаю только почти буквальные слова И. Н. Тихомирова.

5

Сергей Сергеевич Данилов и Юрий Сергеевич. Оба служили в починочной мотоциклетной мастерской сначала в Замоскворечье, потом в комиссаровском училище, что в Благовещенском переулке по Тверской. После С. С. Данилов перешел лектором на Московские инженерные курсы и читал лекции по прожекторному делу и оттуда в начале сентября ушел в Техническое училище доканчивать курс, он бывший студент, в старой армии, кажется, поручик артиллерии. Про Юрия Сергеевича ничего определенного сказать не могу, но знаю, что он тоже бывший артиллерист-офицер и студент. Подробные о них сведения дать может Н. В. Зыков и Вера Яковлевна Рекк.

Ю. [С. и] С. С. Даниловы говорили мне неоднократно, что на Ходынской радиостанции служил их товарищ, верный человек, но что он очень [неразб.]... и его привлекать пока непосредственно в организацию не стоит, надо держать только на учении и, кажется, в данную минуту он готов к «услугам». Думаю, что Н. В. Рыков (той же компании) может дать кое-какие сведения об этом радиотелеграфисте, а в крайности, можно проследить, кто у нас со станции в июле или августе по станционным спискам, так как там радиотелеграфистов не так много.

Данилова я видел за неделю до моего ареста, Ю. С. — в начале августа и, где он теперь, не знаю; и тот и другой указали на всех моих. Данилов молодой человек, лет 25, среднего роста, темный шатен, типичный студент, без бороды, с небольшими усиками, жил где-то на Остоженке. Ю. Серг.— на Пречистенке.

Юрий Сергеевич небольшого роста, кругленький, с лысинкой, светлый шатен, лет 25—26, тип скорее среднего чиновника или среднего образования техника, где жил, не знаю.

XIII

Мелочи из прошлой организации В. И. Соколова. О сведениях: 1) незадолго до моего ареста ко мне обратился Василий Васильевич (колчаковец) с просьбой дать ему сведения о каких-то девицах, каких именно, не помню (эти сведения им были утеряны

В. И. Соколов,
бывший генерал-лейтенант

при бегстве от Щепкина). Не имея возможности и не желая доставить для В. В. каких-либо сведений, я направил его с письмом к N. N., прося, если он может, исполнить просьбу В. В. После я узнал, что он просьбы В. В. исполнить сам не мог, а направил его к Бабикову. Получил ли В. В. от Бабикова необходимые сведения и даже был ли у него, не имею представления, так как В. В. больше не видел, а с Бабиковым не знаком и знаю только про него от Р., к которому, если нужно было кого-либо устроить, обращались, а он от себя уже обращался к Бабикову.

О солдатах. Николай Ионович Ершов. Устроил несколько красноармейцев батареи Латышского стрелкового артилл. дивизиона в артзапасную бригаду, из старой батареи дезертировали, писал на них на бланках документы и посылал в бригаду. Красноармейцы с известной окраской состояли, по сведениям, в особой батарее.

О типографии. Организация очень нуждалась и долго искала типографию, в которой она могла бы печатать свои прокламации, приходы и декларации. Членам организации было поручено найти такую типографию. Я обратился к Анне Владимировне Богословской, и она сказала, что у нее есть друг, бывший владелец типографии по фамилии Мамонтов, который может печатать, опираясь на часть рабочих, сочувствующих контрреволюции, в своей типографии что угодно, но что рабочим надо будет заплатить. (По докладу И. Н. Т., А. В. Б. была передана якобы колчаковская, но на самом деле составленная И. Н. Т. прокламация для пробы.) А. В. Б. мы не говорили, что это проба. Через некоторое время А. В. прокламацию вернула со словами, что типография напечатать

не берется по следующим причинам: 1) Прокламация составлена очень плохо и 2) ввиду слежки сейчас очень трудно работать. Но тем не менее типография напечатает накануне восстания декларацию или приказ организации, что распространить его в народе организация должна своими средствами и что за это придется заплатить. А. В. мы сказали, что пока типографии не надо, так как на мой доклад о вышеизложенном И. Н. Т. сказал: «Не хотят, ну и черт с ними, у нас своя типография скоро будет», но где, не сказал; от других я слышал, от кого, не помню, что ее, то есть типографию, хотят поставить где-то в автомобильном гараже, а типографию Мамонтова мы берем на учет и в нужную минуту воспользуемся; конечно, за деньгами дело не станет. Больше разговора про типографию с А. В. не было.

Боевые отличительные признаки организации. В случае если бы состоялось выступление, то члены организации должны были иметь отличительные знаки, кои состояли из белой материи величиной около $1^1/_2$ вершка и по приказу в разное время различным образом комбинировались. Знаки предполагалось заготовить каждому самому.

О печати. Для скрепления документов была печать, которая хранилась у И. Н. Тихомирова, следующего чертежа и размера.

Значение букв: Российская добровольческая народная армия (точка). Чтобы не было подделки, таких печатей у И. Н. Т. было три: Михаил Анатольевич Мамонтов

Долгоруковская [1], 17.

Тов. типография Союза русских художников.

Долгоруковская, 17.

Адм. Тов. Типогр. Союза Русск. Худ. стр. 315 «Вся Москва».

Примечание: Адрес Мамонтова и его типографии помимо А. В. Б. можно узнать или по телефонной книжке, или по адресной московской книжке «Вся Москва».

22/XII—1919 года

ДОКЛАД ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ОСОБОГО ОТДЕЛА ВЧК О ПРИЧИНАХ, ТОЛКНУВШИХ НЕКОТОРЫХ ЛИЦ НА ПУТЬ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

ЛИЧНОЕ МНЕНИЕ БЫВШЕГО КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕРА ***

Я разбиваю лиц активных в контрреволюционные организации по причинам, заставившим их сделать этот шаг, на следующие разряды:

---

[1] Ныне Каляевская улица.

1. Люди, убежденные противники принципов Советской власти, большею частью правых монархических партий и убеждений, но были и люди левых республиканских направлений. Пункт соглашения: «долой большевиков», а там, после, мы разберемся. Для лиц этой категории целью ставилась сильная, единая, неделимая Россия. Россия для русских и личное свое эти лица приносили в жертву идее (пример — Ступин).

2. Лица, связывающие со свержением власти Советов свои личные выгоды, то есть если не полностью, то хоть отчасти возвращения к старому, а следовательно, возвращение своих преимуществ, имений, домов, капиталов, чинов, орденов, званий, общественного положения и т. д. Лиц этой категории я считаю самым злостным и вредным элементом, они старались действовать издали — вне линии огня, внося, и то скупо, свои капиталы, сочувствовали из-за угла несчастию погибших, но сами гибнуть и рисковать не желали, желая загрести жар чужими руками; они были очень осторожны, а если бывали открыты когда-либо, то только благодаря какой-либо случайности. Так, например, братья А. Н. и Н. Н. Сучковы — они были даже коммунистами.

3. Лица, кои Советской властью были как-либо обижены, оскорблены и питали злобу и чувство мести за что-либо и жаждали времени, чтобы было возможно отомстить и расправиться за прошлое. Большинство лиц этой категории желало мстить лицам, не связывая личности с правительством, не учитывая ни стихийности момента, ни тяжести работы власти среди будущего моря революции. В общем, лица эти — их немного было — в большинстве случаев политического широкого взгляда на события и жизнь совершенно не имели.

4. Лица, страхующие себя на случай переворота или прихода кого-то, кто погонит Советы (шкурники). Они вступали в организацию, получали деньги, ничего не делали в организации (на всякий случай саботируя и на советской службе) или для того, чтобы потом сказать: «И я был в организации, меня не надо вешать, а следует наградить»; таких было много, типичный пример я укажу — тов. Е. Я. Свидерский.

5. Лица (пролетарии, как вы и я называли), кои при всех обстоятельствах и при всяком правительстве бились из-за куска хлеба, всегда нуждались в деньгах, рискующие головой, чтобы как-нибудь прокормить семью и себя до лучших, более светлых дней. Эти лица (хотя идеи организации были и далеки им) шли в организации из-за денег и, часто честно служа, то есть исполняя свои обязательства по отношению к Советской власти по службе, состояли в контрреволюционных организациях. Деньги их привлекали, и деньги их губили. Действительно, возьмем осень прошлого 1918 года, когда возникла контрреволюционная организация

бывшего Г. Л. Соколова; идея — составить реальную силу для погромов, грабежей, быть защитой бывшим офицерам и обществу. О выступлении против власти не говорили, работы не требовалось особой, а деньги платили. Привожу пример. Осенью 1918 года получали в рублях:

	на сов. службе	в контррев. организации	всего
командир бригады артиллерии	700	800	1500
помощник его	600	500	1100
командир батареи	550	400	950
офицер	450	300	750
начальник связи	550	400	950

На эти деньги жить было нужно осенью 1918 года.

Наши контрреволюционные организации и главари упустили следующее, что цена жизни идет геометрической прогрессией, и в то время, когда Советская власть увеличила содержание к осени 1919 года в 5—7 раз, контрреволюция все оставила по-старому и получился крайне комический факт: что могло значить 500 рублей для командира дивизиона, при казенном пайке он получал на советской службе около 3000 рублей. Но поступить в организацию было легко, а уйти очень трудно. Коготок увяз — всей птичке пропасть; несмотря ни на что, многие члены организации всеми силами старались выйти из нее, тем более что большинство было против активного выступления.

Я считаю, что если бы главари организации увеличивали бы плату параллельно с увеличением платы властью, то народу в организации было бы несравненно больше и не было бы такого бегства под разными предлогами из нее. В погоне за средствами некоторые члены организации часто прибегали к некрасивым поступкам. Так, например, при требовании денег показывали состоящими на учете 60 человек, а фактически их было человек 15—20. Знаю факт, что было и 3. Пример могу привести; по моему мнению, Г. А. Филипьев — у него было около 20 человек, а деньги получал человек на 50—60.

NB. Был еще разряд лиц, но по своей малочисленности я его выбрасываю вон. Это лица тщеславные, во что бы то ни стало желающие играть первые роли, если не там, то здесь, за все берущиеся, все желающие взять в свои руки, а потом и не могущие ничего сделать хорошо. В пример привожу Миллера: он и артиллерист, и начальник сектора, и взрывает мосты, и хранит оружие, бензин, типографию. Сам таскает пироксилин и т. д., и все сам.

Процентное отношение разрядов — выведенный итог из личных наблюдений и по разговорам с контрреволюционерами:

Разряды	%
I	2—3
II	2—5
III	2—5
IV	5—15
V	72—89

Если первый разряд можно назвать идейные контрреволюционеры, то II — подлые, III и IV — шкурники, а V — страдательный элемент.

22 декабря 1919 года

XIV

ПРОЕКТИРУЕМЫЕ И. Н. ТИХОМИРОВЫМ БАНКОВЫЕ И ДРУГИЕ ЭКСПРОПРИАЦИИ

1

Относительно того, что В. Д. Жуковым предполагалось ограбление одного из банков, я положительно ничего не могу сказать, так как ни от кого по этому поводу ничего не слышал, тем более что последнее время В. Д. Жуков бывал у меня очень редко, а вскоре он уехал на Туркестанский фронт. Нужды ему заходить ко мне не было, так как с И. Н. Т. он мог видеться каждый час, живя в одном с ним доме, Новослободская, 2, только этажом выше. Отрицать же намерение Жукова тоже не могу, так как с этой стороны совершенно не знаю.

2

В начале 1919 года и осенью 1918 года Иван Ник. Тихомиров производил разведку о хранении денег в одном из советских учреждений, помещавшихся против Страстного монастыря по внешнему проезду сего бульвара. Разведка выяснила следующее: деньги хранятся в несгораемом шкафу, несколько миллионов, а охраняются очень слабо, караул небольшой, малодисциплинированный и службу несет плохо. Для экспроприации означенных денег требовалось хорошо вооруженных людей человек 20 с бомбами и проч., динамит для взрыва увезенной кассы, грузовой автомобиль и квартира в глухом месте и пустом доме для ликвидации увезенной на автомобиле кассы (не очень большой), так как на месте взрывать и открывать ее не представлялось возможным. Ни людей, ни оружия, ни автомобиля И. Н. Т. не получил. Из членов организации, насколько я теперь помню, никто не пошел, считая такое дело авантюрой в духе нашего Пинкертона.

3

Весной этого 1919 года И. Н. Тихомиров и В. В. Ступин приказали мне войти в связь с Государственным банком на Дмитровке, казначейством и почтамтом, заведя там знакомство и установив связь, и, если представится возможным, завести там ячейку. С почтамтом и казначейством я отказался установить связь. Про почтамт И. Н. Т. сказал, что там на телеграфе служит его родственница и дело наладить можно. В Государственном же банке связь была установлена непосредственно через Анну Владимировну Богословскую (Цветной [б-р], д. 3, кв. 3, в том же доме, где живет скульптор Меркулов, рядом с цирком Соломонского), где в банке, по словам, у нее было много своих работ и дело налажено еще раньше; об этом было мною доложено В. В. Ступину и И. Н. Тихомирову. После чего я получил приказание познакомить А. В. Б. с И. Н. Т., что я и сделал, и они много раз на дому вели беседу, но о чем — не знаю. Кажется, в конце концов оба остались друг другом недовольны или, быть может, просто не доверяли друг другу. На этом дело заглохло. Анна Владимировна Богословская, высокая шатенка, была сослана за попытку освободить арестованных. Человек она беспокойный, старается играть роль, много говорит, но мало делает. Хотя натура деятельная и готова на всякое рискованное предприятие — ограбление, убийства, быть может, и пр. Живет с братом и его семьей, нуждается постоянно в деньгах. В большевистских кругах имеет знакомство, но каких — не знаю.

4

В конце июля, около этого времени, В. А. Ступин и И. Н. Т. мне сказали следующее в кратких словах: у киргизов два комиссара: один Ханской ставки — Тунганчин [1] и другой общий — Джангильдин [2], и они оба находятся в неприязненных отношениях друг к другу. Джангильдин живет на Рязанском вокзале в своем вагоне и ждет открытия в Киргизские степи дороги, куда он повезет 20 000 000 рублей. Надо установить за ним наблюдение — связь и эти деньги экспроприировать. В Киргизском комиссариате (Трубниковский переулок, 10) у меня был знакомый, Николай Александрович Замятин (адрес: Денежный переулок, не то 17, не то 19, кв. 2), бывший ротмистр 2-го гусарского Изюмского полка. До войны был в запасе. Лет ему около 39—40, высокого роста с бородкой, в пенсне, нос длинный, довольно красивый. Я обратился к нему, и он меня познакомил со своим товарищем, тоже из Киргизского комиссариата, не помню только, как зовут его и фамилию;

[1] В тексте книги и в подлиннике показаний ошибочно Тингучин.
[2] В тексте книги и в подлиннике показаний ошибочно Дзенгельдин.

но по списку комиссариата могу вспомнить. Если не ошибаюсь, то его зовут Сергей Владимирович или Петрович и фамилия на букву «Х», он бывший лицеист, московский, потом был земским начальником. Среднего роста, брюнет, бородка прямоугольная, но не по всему подбородку, а посредине, полный. Он очень не хотел ехать с комиссариатом и искал в Москве места. С. В., оказывается, знал его раньше как лицеиста и направил для приискания места в РВСР, кажется, к Бабикову; результаты в дальнейшем не известны.

Вот через этого человека я и должен был войти в связь с киргизскими миллионами. Он был на вокзале, виделся с комиссаром Джангильдином, он его и раньше знал, и Джангильдин брал его с собой. По делу о деньгах выяснилось, что караул около 20—30 человек и всего в эшелоне около 100, но потом останется очень мало, и экспроприация денег вполне возможна, но только в пути, а когда Джангильдин поедет, неизвестно. Мною об этом было доложено В. В. Ступину и Ивану Николаевичу Тихомирову, и они мне приказали войти в связь более тесную с вокзалом и установить наблюдение. Этого я сделать не имел ни возможности, ни желания, считал такие авантюры, как экспроприация каких-то денег, для меня не подходящими. Какие были по этому поводу после предприняты шаги, не знаю, во всяком случае, я больше не видел и не встречал и разговора о нем и о деньгах ни с И. Н. Т., ни с В. В. Ступиным не было, тем более что последнее время я несколько с И. Н. Тихомировым разошелся, и он как-то перестал со мной делиться мыслями и стал реже бывать, потому что переехал с квартиры на дачу в Томилино.

Думаю, что NN и Николай Александрович Замятин помнят этого человека и могут указать его фамилию; возможно, что он еще в Москве, его также видели один раз И. Н. Тихомиров и В. В. Ступин, последний не наверно.

22/XII—1919 года

5

Н. Н. Стогов с А. М. Мочульским был в отличных отношениях, насколько я знаю, и бывал у него в управлении. Так, при подаче мною прошения о приеме на службу в организационное управление ВГШ[1] в начале апреля этого года я встретил там Н. Н. Стогова, выходящего из кабинета Мочульского. Это было за два-три дня до ареста Стогова. Ал. Мих. Мочульского знает и бывал у него на дому бывший ротмистр 2-го гусарского Изюмского полка Николай Александрович Замятин-Тонагель, он называл Мочуль-

[1] ВГШ — Всероссийский главный штаб.

Н. А. Замятин-Тонагель

ского за его характер и хитрости Рейнике-Лис, возможно, что он лучше знает убеждения Мочульского.

6

Личного мнения о начальнике Полевого штаба Павле Павловиче Лебедеве я не имею, так как совершенно не знаю его ни с какой стороны, но от других слышал, что он очень хороший человек и отличный начальник штаба; его работа чрезвычайно полезна, продуктивна и т. д., что он энергичный, честный работник, работает для пользы Советской Российской республики не покладая рук. Слышал я это не только от лиц, не имеющих понятия о военном заговоре, но и от контрреволюционеров, таких, как Ступин, Зверев, которые говорили, что при всем желании к Павлу Павловичу не подступиться и никак, даже косвенно, не вовлечешь его в орбиту контрреволюции. В. С. Ступин его особо хвалил как выдающегося генштабиста и как начальника Полевого штаба.

XV

Летом или весной этого года я слышал от И. Н. Тихомирова, что организация стремилась завлечь в свои ряды служащего в организационном управлении ВГШ [1], бывшего генерала или полковника Фреймана, но что он настолько трусит, что наотрез отказался от этого и в организацию ни в коем случае поступать не

[1] В тексте книги ошибочно ВСШ.

желает. После этого я не слышал никогда из членов организации фамилии Фрейман. Лично его я знаю, так как сам служил в организационном управлении ВГШ, и с Фрейманом встречался, но никогда, кроме службы и про службу, с ним не разговаривал. Кто именно предлагал ему вступить в организацию, я не знаю.

26/XII— 1919 года

XVI

1. Летом этого 1919 года Зверев при мне доложил Ступину, что Новиков познакомил его с каким-то приезжим от Деникина офицером (фамилию я не знаю, Зверев ее мне называл, но я забыл совершенно) и что тот просит его познакомить с начальником штаба организации. Ступин, насколько помню, на знакомство не согласился, говоря, что здесь верно что-нибудь не так, так как от Деникина приехало другое лицо и про зверевского уполномоченного от Деникина не говорило ни слова, и, возможно, что здесь провокация. Зверев остался при своем мнении, но Ступин знакомиться не захотел.

2. Большинство сведений о продвижении войск, о положении на фронтах, сосредоточении резервов и т. п. организация получала из Цупвосо [1], но, от кого именно, не могу сказать, это дело меня не касалось, и я им интересовался мало. О снабжении армии, числе снарядов, оружия, снаряжения, обмундировании сведения шли из ЦУСа [2], как я уже говорил на прошлых докладах, от бывшего генерала Маниковского и часть сведений получалась из РВСР от бывшего генерала Бабикова; как и через кого получались данные, как и кому передавались, не знаю. Все это шло мимо меня. Знаю, что часть сведений шла через И. Н. Тихомирова и через N. N. и Тихомирова, и я один раз весной передавал от С. В. Р. И. Н. Т. какой-то секретно запечатанный пакет.

3. Про начальника Цупвосо Аржанова я слышал мало, знаю, что его мы считали чуть ли не коммунистом (я им совершенно не интересовался) и что И. Н. Тихомиров через кого-то делал попытку вовлечь его в организацию, но что из этого вышло, сказать затрудняюсь, думаю, что ничего, так как ничего и про результат не слышал.

4. Генерала Балканова Найденов не хвалил, но я через него (хотя я никогда его не видел) попал на службу в организационное управление ВГШ. Про его политические воззрения я ни от кого не слыхал, и вообще я о нем очень мало знаю.

---

[1] Цупвосо — Центральное управление военных сообщений Красной Армии.
[2] ЦУС — Центральное управление снабжения Красной Армии.

Я думаю, что Бабиков знал о моем поступлении в ВГШ, так как прошение я подавал через N. N. в В[оенный] Совет, думаю, что ему известно было, что я состою в организации контрреволюционного заговора.

Николая Александровича Замятина-Тонагеля в организацию вовлек Алекс. Алекс. Ростовцев (бежал), а Ростовцева — Глеб-Кошанский (Танеев). Ник. Алекс. Замятин знал из организации меня, Кондратьева, Байкевича, Данилова, Ильина, Виноградова П. П., из Кремлевского арсенала.

Деятельность его выражалась в том, что он получал деньги и ничего для организации не делал. В прежнюю свою службу в Киргизском комиссариате он знал хорошо Х. (бывший лицеист, потом земский начальник, потом на германской войне чиновником), должен был связаться с Джангильдиным, комиссаром всей Киргизии, который жил в своем вагоне на Рязанском вокзале. (Звали Х., кажется, Сергей Владимирович или Петрович, не помню.)

27/XII—1919 года

XVII

Братья Арбузовы, одного звали Петром, другого — не помню, состояли членами организации осенью 1918 года и числились у Бориса Александровича Ляшкевича. Осенью же 1918 года они оба заявили о своем выходе из организации без объяснения причин, и с тех пор я их не видел, никакого назначения бр. Арбузовы не исполняли и числились младшими офицерами; через кого они вступили в организацию, совершенно не помню. У меня на квартире они были раза два. Они оба состояли слушателями Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии [1], адреса я не знаю. Ляшкевич Борис Александрович в настоящее время состоит командиром 1-й батареи 1-й школы артиллерийского дивизиона 8-й стрелковой дивизии (Запфронт).

Арбузов, кажется, Георгий состоял членом организации В.З [2] в 1918 году осенью и числился младшим офицером у Б. А. Ляшкевича. Осенью же 1918 года он без объяснения прямо из организации добровольно вышел, и с тех пор его не видел. До тех пор он сначала служил инструктором в 1-м (бат. 8-й стрелковой артиллерийской бригады, а затем по освобождении числился слушателем сельскохозяйственной Петровской академии. Арбузова я

---

[1] Ныне Сельскохозяйственная академия имени К. А. Тимирязева.
[2] В.З — военного заговора.

очень мало знаю, даже в лицо совершенно не помню, несмотря на то, что он какой-то дальний родственник жены (троюродный брат, кажется). Никакой активной роли в военном заговоре не играл.

5 февраля 1920 года

***

Фигуровский Николай Николаевич в организации не числился у меня, но про нее от меня и Найденова знал, предполагаю, что он мог войти в организацию через Николая Тихомирова, с которым познакомился у меня, когда тот приносил для организации деньги и, кажется, Фигуровскому было предложено сформировать отряд сестер милосердия. Я это слышал от него. Иван Николаевич Тихомиров старался достать через Фигуровского наклейки Красного Креста на ящики, для какой цели, не знаю. Выдавал Фигуровский себя за подполковника (войскового старшину), но я ему не верил, так как службу он знал, но, во всяком случае, был человек опытный, многое знал и понимал толк в вещах; во Владивостоке, по его словам, он был помощником нотариуса или даже имел свою транспортную контору и вел дела с Китаем. Восток он, во всяком случае, знает хорошо. По его словам, его фамилия не Фигуровский, а другая и приехал он из Сочи или откуда-то с Кавказа, где лечился от ран. Родом он, как кажется, из Черниговской губернии. Отец его был с ним не в ладах. У меня на квартире Фигуровский жил несколько дней по выходе из лечебницы и после был очень редко, так как был в Орле в командировках, в Красный Крест он поступил через Найденова.

Его знакомств я не знаю, но по службе он числился выдающимся.

XVIII

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ О ЛИЦАХ, УКАЗАННЫХ В СХЕМЕ

1) Александр Николаевич Кондратьев.

Военный инженер, заведующий учебной частью Московских инженерных курсов. Каково его участие в в[оенном] з[аговоре], судить не могу.

2) Львов (фамилия, может быть, вымышленная).

Служил в Центроброне, Новинский, 109, приходил ко мне за деньгами для организации, много говорит и хвастается.

3) Николай Александрович Замятин, бывший ротмистр 2-го гусарского полка. Служил инструктором на 1-х Московских военно-инженерных курсах. Служил в Киргизском комиссариате; в организации числился в моем распоряжении, его никто не знал из артиллеристов, по организации совершенно бездеятельной, получал 350 рублей. Адрес: Денежный переулок, 17 или 19, кв. 2.

4) Борис Александрович Ляшкевич. На фронте, 8-я стрелковая дивизия, из организации вышел и ведет себя по отношению к Советской власти безукоризненно, сражаясь с врагом на Западном фронте.

5) Алексей Владимирович Перевозников.

6) Сергей Александрович Лопатин.

7) Карл Карлович в Москве — спросить Минченко.

8) Аносов. Спросить Ларионова [1].

9) Тарлицкий. Спросить Ланкевича.

Товарищ Д. А. Ларионова, фамилию не знаю, служил во 2-й Московской тяжелой запасной артиллерийской бригаде, давал Ларионову для него деньги, но он не взял, потом куда-то пропал.

10) Сергей Сергеевич Данилов, студент бывшего Московского технического училища в Лефортове, служил в починочной мастерской (Комиссаровское училище в Благовещенском переулке), потом читал прожекторское дело на Инженерных курсах, потом ушел совсем, спросить про него Зыкова.

11) Юрий Сергеевич... товарищ Данилова, служил в починочной мотоциклетной мастерской, спросить у Зыкова.

12) Сергей Иванович Трегубов, служил во 2-й Московской тяжелой артиллерийской запасной бригаде.

13) Его товарищ, артил. техническ., служил там же.

14) Александр Николаевич Николаев, бывший артиллерийский полковник на фронте; деятельности не проявлял, и его участие в организации выражалось сочувствием; предположение пригласить его на должность командира бригады во 2-ю дивизию не состоялось, не знаю почему. Адрес в телефонной книжке, где-то на Покровке.

15) Александр Александрович Ростовцев, бывший красноармеец 4-й конно-артиллерийской советской дивизии, ушел в Ханскую ставку, бежал, деятельный участник. Сведения о нем есть в моих приложениях.

16) Владимир Анатольевич Глеб-Кошанский, служил в 8-м стрелковом артиллерийском (Советском), 4-м конармейском дивизионе (Советск.). Ушел и где-то в Тамбове. Вышел из организации совершенно, теперь коммунист и, кажется, в исполкоме.

17) Роман Георгиевич Гофферберг, служил в запасной артиллерийской бригаде, сумасшедший, ныне бежал к себе на родину в Польшу или Литву.

18) Николай Иванович Пыжов, с.-р., служил в коллегии по формированию тяжелой артиллерии, был отправлен на фронт; бежал, по слухам, с деньгами. Участник различных предприятий с.-р. Денег, по его словам, им добыто около 1 050 000 р. в Петрограде, про него говорил неоднократно на допросах.

---

[1] Здесь и далее следует читать «Илларионов».

19) Михаил Владимиров, служил в 8-й стрелковой артиллерийской бригаде (Сов.), перешел в Рязанский авиационный отряд, в Москву — после болезни; где теперь — не знаю. Молодой, маленького роста, брюнет.

20) Павел Михайлович Красовский, в заговоре непосредственного участия не принимал, осенью 1918 года бежал.

21) Анисимов, служил в Киргизском комиссариате и в Ханской ставке, по его словам; я его видел весною 1919 года, кокаинист, морфинист, постоянно нуждается в деньгах, готов на всякое дело из-за денег, ранее служил в авиационных моторных частях у артиллерии.

22) Цветков, служил в 8-й стрелковой артиллерийской бригаде, перешел в 4-й конармейский дивизион. Кокаинист и эфироман, человек пропащий; где теперь, не знаю.

А. Е. Ф.

XIX

О ПОЛУЧЕНИИ ДЕНЕГ ВОЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ .

Деньги на выплату пособий членам военной организацией первоначально получались непосредственно от В. И. Соколова, и передавал их до ноября 1918 года В. Л. Вартенбург, после отъезда В. Л. В. в командировку денежный расчет перешел в руки к И. Н. Тихомирову и велся им до конца; по его словам (о достоверности их я судить не берусь), деньги шли через одно из иностранных консульств, через шведское или датское,— точно не помню, но верней — через шведское и не непосредственно, а через какое-го третье лицо. По данным И. Н. Т., сведения о числе лиц (только число без фамилий) и сумма, потребная для выплаты. И. Н. Т. делал сводку, куда-то уходил, и деньги аккуратно выдавались до весны этого года. Весной И. Н. Т. сказал, что в деньгах будет задержка, так как шведский консул заболел (то есть на нашем условном языке — арестован), и деньги вовремя выданы быть не могут, пока связь снова не наладится. Связь наладилась месяца через полтора, и деньги выдавались аккуратно до августа.

После своего побега из концентрационного лагеря, находясь у меня на квартире, бывший начальник Всероссийского главного штаба и бывший генерал-лейтенант Николай Николаевич Стогов очень интересовался и расспрашивал меня во всех подробностях о том, как служат, что делают и как работают для Советской власти начальник Полевого штаба Павел Павлович Лебедев и начальник организационного управления Всероссийского главного штаба

Александр Михайлович Мочульский. Я ответил, что начальника Полевого штаба Павла Павловича Лебедева совершенно не знаю, никогда его не видел и своего впечатления про его работу для Советской власти ничего сказать не могу, но от других лиц, знающих его, слышал только хорошее.

Про начальника же организационного управления Всероссийского главного штаба Александра Михайловича Мочульского я доложил Н. Н. Стогову следующее: А. М. Мочульский служит для Советской России, всеми силами работает за десять человек, и я удивляюсь его энергии и продуктивности работы в деле организации Красной Армии, он служит не за страх, а за совесть, его одного работа является равной работе двух отделов организационного управления, и, не будь во главе управления А. М. Мочульский, а кто-либо другой, дело организации Красной Армии шло бы в десять раз хуже. На мой доклад, немного подумавши, Николай Николаевич Стогов сказал буквально следующие слова: «Странно, что все мы — я (то есть Н. Н. Стогов), Архангельский А. П., А. Мочульский, П. П. Лебедев и многие другие (фамилий Н. Н. Стогов не назвал) — пошли на службу к большевикам с благословения правых национальных кругов (правого крыла «Национального центра») специально, чтобы не дать формироваться армии, и они (то есть А. М. Мочульский, П. П. Лебедев) предались на сторону Советской власти и работают на жидов против русских» (реплика была усилена выражениями русского лексикона, которые я выпускаю, как особого значения не имеющие). На этой фразе разговор и окончился, и в тот же день вечером за Н. Н. Стоговым пришли какие-то люди и его увели.

Личное мнение об Александре Михайловиче Мочульском.

Александра Михайловича Мочульского я знаю с сентября 1918 года по Иркутску, он всегда считался выдающимся офицером Генерального штаба. В организационном управлении ВГШ под начальством А. М. Мочульского я служил с 26 апреля 1919 года по день моего ареста, то есть 25 сентября 1919 года, и, по моим наблюдениям, человек он выдающегося ума, колоссальной энергии, громадных знаний военного дела (что доказывает его прошлая служба), чрезвычайно вежлив и обходителен с подчиненными от своего помощника до последнего сторожа. Мне кажется, что если бы во главе организационного управления ВГШ стоял не А. М. Мочульский, а кто-либо другой, то дело организации армии пошло бы много хуже. Никогда ни от кого я не слышал, чтобы Александр Михайлович Мочульский хотя одним словом обмолвился неодобрительно о Советской власти, хотя бы намеком (хотя в управлении и были лица, ругавшиеся чуть не вслух на власть и порядки). Я лично с А. М. Мочульским почти никог-

да не разговаривал, а если и говорил, то только деловые, служебные разговоры и считаю его выдающимся работником в деле создания боевой мощи Советской России.

ПОКАЗАНИЯ Д. Я. АЛФЕРОВА

I

К организации Добровольческой армии Московского района непосредственного отношения я не имею. Знаю, что членами организации состояли начальник Окружной артиллерийской школы Василий Александрович Миллер, Иван Николаевич Тихомиров, который, по-моему, играл в организации видную роль, от него исходили распоряжения и т. д., Зверев Касьян Константинович, служащий в Управлении военных сообщений, Василий Васильевич — низенького роста, одетый в желтую кожаную куртку, с маленькой рыжеватой бородкой (блондинисто-рыжеватой).

Алферов

20/IX—1919 года

II

На заседаниях организации Добровольческой армии Всеволод Васильевич Ступин был раза три. Иваном Николаевичем Тихомировым было мне дано для передачи Миллеру 45 тысяч рублей. Деньги Миллеру я передал недели две тому назад.

Кто писал от имени штаба Добровольческой армии воззвание к населению, не знаю. Одно воззвание мне передал Иван Николаевич Тихомиров для дальнейшей передачи Миллеру. Означенное воззвание Миллеру передано дней пять тому назад.

Житникова из штаба Московского округа я знаю.

Во время обсуждения вопроса о подготовке восстания в Москве Миллер, Иван Николаевич Тихомиров и Ступин просили меня всегда выйти в другую комнату.

Зверев присутствовал на собраниях организации раза три в течение недель пяти.

Несколько дней тому назад К[удеяр] [1] известил меня о том,

---

[1] Кудеяр С. А. (1891—1921) — до 1919 года народник-коммунист. После Октябрьской революции был членом Московского Совета, комиссаром государственного конезаводства. С октября 1919 года — сотрудник для поручений Особого отдела ВЧК. С апреля 1921 года — уполномоченный комиссии по улучшению быта рабочих при Президиуме Моссовета.

Осенью 1919 года Кудеяр служил мотоциклистом в одной из воинских частей Московского гарнизона. По просьбе ВЧК его вместе с мотоциклом передали в распоряжение полковника В. А. Миллера. Совершая поездки с Миллером, Кудеяр сумел выявить адреса многих заговорщиков.

что у Миллера предполагается «чай» по случаю новоселья, которое должно было быть собранием организации. Типографию организацией было поручено поставить Миллеру. По словам Миллера, типографию предполагалось поставить или в Кускове, или в Вешняках, в школе маскировки, у Сучкова. Ввиду же отказа Сучкова поставить у себя типографию, мне было поручено подыскать для типографии место. Я обратился к инженеру автомобильного гаража Шеканову. Шеканов на постановку в гараже типографии согласился. Типографию должен был перевести К[удеяр]. К[удеяру] я об этом передал. К[удеяр] со мною был у Шеканова.

Задание мне о постановке типографии было дано Ивановым.

Начальником штаба организации был Ступин.

Казначеем организации был Иван Николаевич. Деньги получались от Деникина.

Сведения о положении на фронте доставил Ступин. Помощника командира 35-го Тверского ж.-д. полка Леви видел на собрании один раз.

Имя, отчество Леви — Николай Григорьевич [1].

Леви видел на собрании дней десять тому назад.

Собрания происходили у меня, Миллера и Ивана Николаевича.

У Миллера на собрании был один раз. На собрании присутствовали: я, Миллер, К., Ступин.

У Ивана Николаевича на собрании присутствовали: Ступин, я, Василий Васильевич и еще неизвестные мне; ни имени, ни фамилии я не знаю.

На собрании неизвестный мне офицер, занимающий командирскую должность и приехавший с Востфронта, делал доклад о положении на фронте южнее Самары и Саратова, причем часть его стояла около Николаевска примерно в последних числах августа. Прибывшее лицо занимает должность командира полка (кавалерийского полка).

Приметы: среднего роста, несколько выше, блондин, без усов и бороды, стриженый, окончил военное училище, образование среднее.

Алферов

III

Моя квартира являлась квартирой для свиданий разного рода лиц, как участников организации, так и лиц, причастных к ней с Иваном Николаевичем Тихомировым. Сам же я являлся членом организации для поручений. Почему многих лиц, бывающих у меня на квартире для свидания с Иваном Николаевичем, я не знал.

29/IX—1919 года *Алферов*

---

[1] Правильно Лейе Николай Рейнгольдович.

IV

Гр. Георгий Тихонович держал связь непосредственно со Ступиным, с которым я его и познакомил. Никаких сведений о Кремле или других он мне не передавал для Ступина, и я Ступину (подобных) никаких сведений не передавал. Г. Т. был знаком с Житниковым.

Знаю, что Г. Т. имел связь с Кремлем (курсантами), кроме того, исполнял поручения. Было поручено ему узнать, сколько людей охраняет Кремль, и их вооружение. Узнать об этом Ступин в моем присутствии предложил Георгию Тихоновичу.

Алферов

1/X—1919 года.

V

Я уже показывал, что Лейе мною дано было 3000 рублей и Миллеру — 45 000 рублей.

Относительно квитанций ломбардных, на имя Штейна, доверителя присяжного поверенного Протопопова Николая Павловича, знаю следующее.

Георгий Александрович Шмук (пасынок Протопопова) как-то в разговоре обратился ко мне: не знаю ли я лицо, которое может посоветовать и посодействовать выкупу вещей. Разговор был, кажется, при Георгии Тихоновиче, который сказал, что имеет знакомство и может произвести выкуп.

Георгий Александрович передал ему квитанцию или копию, по которой, как оказалось, выкупить вещи нельзя. На выкуп нужны были 35 000 рублей, которые я просил у Ивана Николаевича, причем последний отказал.

Георгий Александрович Шмук служит в госпитале (605) или (606), кажется, заведует хозяйственной частью.

Протопопова хорошо знаю, так как был его помощником (и у Рынзунского).

Алферов

Дополнительно:

Иван Николаевич познакомил меня с неким Ф. (не помню — еврейская фамилия) — Б. Дмитровка, против дома Михайлова (Сытинский переулок), ход с улицы, третий этаж, направо, есть карточка при входе (мраморная дощечка). Ф. дал мне под часы денег, я дважды там был.

Николай Иванович Тихомиров рассказывал, что Кремль так хорошо укреплен (по словам его знакомого), что взять его никак нельзя.

Харсон Александр Михайлович — мой очень хороший товарищ по адвокатуре. Последний раз я видел его в день ареста, встретив на лестнице Трамота. Заходил к брату Леонтию, который служит там врачом. Леонтий об организации не знает, услугами его не пользовался.

Мое вступление в организацию — начало августа 1919 года совпало с желанием перейти в один из железнодорожных батальонов. По этому вопросу я обращался к Широкову, с которым я ранее служил (на войне).

Со Ступиным служил вместе в штабе Северного фронта. Я служил во Всеобуче под начальством некоего (другого) Ступина, который теперь уехал на фронт.

Я столовался в Дегтярном переулке, д. 6, кв. 3. Заведует помощник комиссара милиции 2-го Арбатского участка.

Один раз, обедая со Шмуком, я видел там «Вас. Вас.», который рассказывал, что он был у Щепкина, бежал оттуда и в него стреляли.

Относительно поездки от меня каких-то двух лиц показываю: в конце августа собирались ехать на поезд Ступин и Зыков, торопились. Поездка была в Волоколамский уезд (на Виндавский вокзал [1]). Через день они вернулись. Результата поездки не знаю.

Шмук к организации никакого отношения не имеет. Каракашев тоже.

3/X – 1919 года *Алферов*

VI

Гр. Шеканов определенно знал, что типография предназначена для организации. Иван Николаевич Тихомиров просил меня спрятать смесь для автомобилей в каком-либо гараже.

Я просил об этом Шеканова, который согласился выполнить сохранение смеси и взял на себя перевозку смеси с Малой Дмитровки к себе в гараж.

Количество смеси — 6—7 пудов.

Шеканов прислал автомобиль, и ко мне пришел его двоюродный брат об этом сказать, так как я живу напротив.

Я указал, что должен прийти человек, который возьмет на себя получение смеси по документу.

В результате смесь была отвезена.

21/X — 1919 года *Алферов*

---

[1] Ныне Рижский вокзал.

ПОКАЗАНИЯ П. М. МАРТЫНОВА

I

Бумажка с текстом: «Возьмите русское евангелие от Луки, главу 11 (где «Отче наш») — текст пишется цифрами в два и три цифровых знака; справа всегда означает порядок буквы в стихе, а остальные цифры означают номер стиха. Так, например: 311, 26, 46, 41, 311, 54 означает 1-я буква в 31-м стихе — ц; 6-я буква во 2-м стихе — а и т. д.»; все слово означает «царица», принадлежит мне и найдена у меня при личном обыске.

Шифр этот дан мне Николаем Николаевичем Щепкиным для переписки с Огородниковым.

К Николаю Николаевичу Щепкину меня направил Огородников в то время, когда я сидел в тюрьме, примерно в марте или апреле месяце. Шифр Николай Николаевич Щепкин дал мне недели две тому назад.

30 августа 1919 года

II

Находясь в Бутырской тюрьме в 1919 году, я познакомился с Николаем Александровичем Огородниковым, который мне сказал, что он состоит членом «Национального центра», как объединения интеллигентных сил России, стоящих за созыв Учредительного собрания, выкупное наделение крестьян землей и диктатуру военного авторитета до организации всероссийской власти Учредительным собранием. Когда его освободили, он приходил прощаться и приглашал меня заходить к нему, когда меня освободят.

Когда меня освободили (8 декабря 1918 года), я зашел к нему, и он мне предложил примкнуть к их организации и предложил ежемесячное жалованье в 1200 руб. Так как он на рождество уехал в Кострому к семье, то я ни во что не был посвящен, а когда он приехал, то сказал, что желает ввести меня в военную организацию Центра и через несколько дней дал адрес генерала Соколова Владимира Ивановича, к которому я и пошел познакомиться.

Соколов мне сказал, что организация желает от меня получать сведения военного осведомительного характера о красных частях и положениях на фронтах и, так как ходить к нему не безопасно, чтобы сведения я давал генералу Левицкому Борису, с которым я и познакомился в отделении по борьбе с дезертирством Всероссийского главного штаба. После знакомства с Левицким мне стало ясно, что он ничего для «Национального центра» не делает, а

только занимается вольным сочинительством на военные темы, и решил поступать так же, так как у нас в штабе ничего-то и узнать нет возможности, ибо служил я в отделении спорта, которое не имеет никакого отношения к делам на фронте. Было мне поручено узнать действительную фамилию командира дикой дивизии киргизов в Москве, но я этого не мог сделать, не имел соответствующих знакомств. Также мне было поручено выяснить личность полковника Ткаченко, который состоял членом организации и предъявлял требования на большую сумму денег, которые якобы он должен уплатить семьям членов организации, которых он привел к делу и они погибли. Этого я также не мог сделать, так как не имел достаточных знакомств.

Дежуря в управлении, я на стене видел плакат с обозначениями округов и командного состава в частях, по принадлежности такового к бывшему офицерскому составу, о чем я сообщил Левицкому, а потом Соколову, обещая таковой план скопировать и представить, но этого не исполнил. Мне также было поручено через знакомых из тюремной администрации постараться, чтобы привезенного из Петербурга бывшего члена Государственной думы Черносвитова Кирилла перевели из общей камеры в одиночную, в видах лучшего помещения, но и этого я сделать не мог.

Арестованный вторично 20 февраля, я сидел в общих камерах и на пасху во время крестного хода по тюрьме увидел Соколова и спросил его, за что он арестован и что ему инкриминируется, но он так боялся со мной говорить, что я не мог ничего от него узнать. Но тут же я узнал от кого-то из старых заключенных, что в одиночке сидит Огородников, и решил его повидать. Через некоторое время я пошел в библиотеку одиночки менять книги, и там мне вызвали Огородникова, который сказал, что произошла выдача организации и в одиночке сидят Левицкий, Селивачев, Стогов, Иванов и многие другие. Тогда я попросился у заведующего о переводе меня из общих камер в одиночку, что и было сделано.

Во время общих прогулок Соколов мне сказал, что после ареста ему был представлен список арестованных генералов в доказательство их принадлежности к организации Центра и он не мог отвергать, что это правда, но об Огородникове он якобы ничего не показывал. Виделся и с Огородниковым, так как он был посажен в строгую одиночку, а я мог ходить по камерам как столяр и староста Красного Креста, но он меня уверил в том, что хотя его и обвиняют в принадлежности к Центру, но положительных данных, видимо, нет. На случай моего выхода из тюрьмы он мне сказал, что я могу обратиться за материальной помощью к Щепкину Николаю Николаевичу, ведущему дела «Национального центра».

После освобождения из тюрьмы (25 июля с. г.) я очутился без гроша в кармане и обратился к Щепкину, который дал мне

1000 руб., затем я еще раз взял у него 1000 руб., и третий раз он мне дал в расчет за время сидения в тюрьме 5200 руб.

Так как Огородников и другие были из тюрьмы переведены в Андрониевский лагерь, а потом Огородников и Черносвитов куда-то из лагеря снова переведены, то я по поручению Щепкина должен был выяснить их местонахождение и все, что можно о них узнать. Имея знакомство в тюрьме, я пошел и взял официальную справку о том, что ни Огородникова, ни Черносвитова в Бутырке нет.

Тогда я отправился к сестре Огородникова Зинаиде Александровне Бурковой, живущей в Сокольниках на фабрике «Богатырь», где ее муж служит, которая мне сказала, что она сама никак не может добиться толку, где Огородников. Тут же она мне показала письмо от жены Огородникова, в котором та сообщает об аресте в Петербурге сына Огородникова — Александра на квартире Штейнингера с какими-то документами. Я снял копию с этого письма для Щепкина. Также я с целью выяснения дела обращался к Кальмейеру в политическом Красном Кресте и Якулову, но они мне сказали, что Огородников в Бутырке, и когда я сказал Якулову, что его там нет, то он мне рекомендовал обратиться с вопросом к Муравьеву, адрес которого у меня отобран при обыске, а также копия с письма жены Огородникова.

Побывав у Щепкина, я передал ему содержание записки жены Огородникова, но он сказал, что у Александра Огородникова было письмо или сообщение совсем ничтожного значения. Тут же Щепкин предложил мне отвезти в разведывательное отделение штаба Деникина сообщение. Я сказал, что если послать некого, то я готов поехать, на что он мне ответил, что он может доверить только мне отвоз и с тем условием, что я сейчас же вернусь обратно, так как я нужен в Москве. Я сказал, что такая поездка в связи с моей службой в штабе будет для меня невозможна с возвратом обратно и что, таким образом, я уже поеду и останусь у Деникина, но Щепкин настаивал на моем возвращении, из чего я понял, что организация совсем малочисленна и бедна людьми. Тогда же я ему сказал, что мне было бы очень желательно знать друзей во Всероссийском главном штабе, на что он сказал, что сделать этого не может, так как это составляет секрет и, конечно, я настаивать не буду; я, не имея надобности непременно знать, не настаивал.

Также мне было поручено постараться узнать каким-либо способом, какая может грозить опасность заложникам и разным бывшим общественным деятелям, находящимся в Москве, если Деникин успешно будет продвигаться к Москве и угрожать ей; могут ли они быть уничтожены, как якобы было сделано т. Петерсом в Киеве (согласно «Вечерним известиям»), или они будут куда-либо эвакуированы.

Я обещал постараться собрать необходимые сведения.

Приблизительно около этого времени, вследствие бедственного положения жены Левицкого я сделал об этом заявление Щепкину, и он выдал мне для передачи ей 6000 руб., что мной и было сделано. Также на расходы для передачи Огородникову я передал сестре Огородникова данные мне Щепкиным 3000 руб., от которых та отказывалась, но я ей вручил, так как хотел, чтобы она не стеснялась с расходами для него.

22 августа я был у Левицкой, где был и ее муж, пришедший из концентрационного лагеря, которому я и сказал, что у меня затруднительное положение, ибо нужно послать донесение Деникину, а послать некого, почему, пожалуй, придется ехать самому. Левицкий сразу же мне предложил своего друга или родственника, вполне надежного и испытанного человека и опытного в делах подобного рода. Приглашенный из соседней комнаты молодой человек на мой вопрос, мог ли бы он сделать для меня указанное дело, ответил полным согласием и сказал, что он все равно едет в Киев. На мой вопрос, офицер ли он, он ответил утвердительно; в вопросе же о расходе он сказал, что ему будет достаточно 1000 руб. Я ему назначил свидание в штабе в воскресенье, 24-го, когда я должен был дежурить, и расстались. В субботу, 23-го, вечером, я получил у Щепкина два маленьких сверточка, завернутых в цинковую бумагу, и ключ к шифру, с которого снял себе копию, отобранную у меня при аресте и указанную в протоколе 30 сего августа, и, заклеив сверточки в бумагу, не посмотрев их, в воскресенье передал их Макарову (фамилия молодого человека) и 22 500 руб. денег из данных мне Щепкиным. Макарову мной были даны указания сдать в первый же штаб деникинской армии маленький сверточек для прочтения и получения пропусков и проездной помощи, а второй — большой — сдать в разведывательное отделение штаба Деникина.

Кажется, в среду, 27 августа, вечером я был у Щепкина и сообщил ему о том, что донесение с верным человеком послано. Тут же пришел какой-то человек среднего роста, лет 35 на вид, блондин, с небольшой бородкой, одетый в кожаную куртку, с которым мы познакомились и который оказался офицером, приехавшим из Сибири [1]. Сидели и разговаривали о делах Колчака, причем он говорил, что дела Колчака плохи ввиду сильного дезертирства, но что он готовит удар Красной Армии. Я ему рассказал о своих заключенных и сидке в тюрьме и ушел первым, а он остался. В субботу, 29-го, утром, я был у сестры Огородникова, которая показала мне письмо от Огородникова, полученное ею по почте, в котором он пишет о том, что его обвиняют в принадлежности к шпионской организации и проч., копия с которого (письма), снятая мной

---

[1] В. В. Мишин (Москвин).

для Щепкина, была отобрана у меня при задержании. Вечером я пошел к Щепкину, чтобы показать ему копию письма, и был у него арестован засадой Всероссийской чрезвычайной комиссии.

Надписи на последней копии с письма Огородникова означают мои заметки: 1) о сдаче красного поезда и штаба армии Мамонтову в Тамбове, по рассказу какого-то мешочника, приехавшего с мукой, на трамвайной остановке, 2) о том, чтобы Н. Н. Щепкин сказал Н. Н. Стогову о том, что жене Левицкого было через меня передано 6000 руб., а не больше, и чтобы Стогов подтвердил это Левицкому, 3) о том, что я виделся с Смирновым Николаем Яковлевичем, который виделся с Эйдуком А. В. и который говорил Смирнову, что уезжает в Сольвычегодск с большой суммой советских денег для какой-то надобности и что Смирнов просился к нему на службу, но тот ему в этом отказал, предложив принять кавалерийский полк на фронте, от чего Смирнов отказался. Я предложил Смирнову поступить на службу в штаб, откуда он может перевестись на красные кавалерийские курсы, чего ему очень хочется; 4) по вопросу об общественных деятелях и заложниках отмечено для разговора о необходимости иметь конспиративные квартиры на всякий случай и комнату вблизи Ивановского монастыря для заключенных там генералов.

Мартынов Павел

1 сентября 1919 года

ПОКАЗАНИЯ Н. Н. ЩЕПКИНА

I

На поставленные мне вопросы объявляю следующее:

1. Если Розанов в Петрограде был представителем партии меньшевиков-оборонцев и считал себя связующим [1] лицом между партией и «Союзом возрождения», то в этом нет никакого противоречия с моим показанием о том, что «Союз» этот не был союзом партий, а союзом лиц, входивших в него персонально. Прием новых членов в «Союз возрождения» с самого начала делался персонально, и никакой речи о представительстве партий никогда не поднималось в Москве. Все считали, что члены СВ по отношению к своим ЦК самостоятельны, а если они расходились с ЦК, то уж их дело было решить, оставаться в «Союзе» или уйти. Избрание происходило обычно по предложению одного из членов, решение откладывалось до ближайшего пленума, для приема члена требовалось единогласие, отводы делались без мотивировки. Если ЦК

---

[1] В тексте книги «сведущим».

какой-либо партии по своим соображениям хотел иметь в среде «Союза» лицо, которое считало бы себя ответственным перед ЦК, то он все-таки не мог обойти способ и порядок приема членов, указанный выше. Конечно, и при этом он мог провести желательное лицо, но для «Союза возрождения» лицо это не было бы представителем партии, таких не полагалось. Может быть, в Петрограде был иной порядок, но в Москве было так, как я говорю. Так, основатели «Союза возрождения» из числа правых эсеров вступили в члены персонально. Мне ясно, что показание Розанова указывает лишь на то, что ЦК его партии был весь солидарен с платформой «Союза» и своим решением о представительстве давал только свою моральную поддержку Розанову, это было внутреннее дело, а для «Союза возрождения» Розанов являлся персонально избранным членом, если бы он даже разошелся со своим ЦК.

2. Александра Ивановича Астрова я знаю давно, но, кроме редких и чисто деловых встреч, никаких других отношений у меня с ним не было. Я считаю его знающим техником, хорошим работником и честным человеком, но и только. С его братом Ник. Астровым, который теперь за рубежом, я был знаком несколько ближе, но также только в деловой сфере, ибо нам приходилось вместе работать по городскому управлению в наших политических занятиях. Несколько чаще я стал встречаться с Александром Астровым с начала войны с Германией в «Союзе городов»[1], где он заведовал одним из технических отделов, а я был членом главного комитета СГ и заведующим всеми учреждениями «Союза» на Западном фронте. После февральского переворота я почти не встречал Александра Астрова, а вернее, даже не видел его до августа текущего года. Писем от него я никогда не получал, и то, что мне сообщено, что будто бы Александр Астров направил ко мне кого-то, рекомендуя его для работы в «Нац. центре», а самую рекомендацию изложив в письме, запрятанном в мыло, я считаю плодом какой-либо ошибки или недоразумения — этого не могло быть и не было. Александр Астров не мог знать, что я состою в «Нац. центре», сам он там не состоял и вообще был совершенно в стороне от московской политической деятельности. Наши отношения, наконец, не позволяли ему это сделать. Самая форма скрытия письма в мыле показывает, что это не московская корреспонденция, ибо в Москве Александру Астрову было бы легко просто лично увидеть меня, а не прибегать к мылу. Если по следствию точно установлено,

---

[1] «Всероссийский союз городов» — военно-общественная организация либеральных помещиков и буржуазии, образован в 1914 году с целью оказания помощи больным и раненым воинам. Затем выполнял заказы интендантства на поставку обмундирования для армии. После Октябрьской революции встал на путь саботажа, организации контрреволюционных заговоров. Упразднен декретом СНК в январе 1918 года.

что письмо, найденное в мыле, предназначалось мне и было действительно написано «Астровым», то тут может быть только одно решение, что письмо написано не Александром, а Николаем Астровым за рубежом и заделано в мыло, чтобы не могло быть найдено в пути.

3. Жившая у меня прислугой и арестованная одновременно со мной Акулина Козочкина живет в нашей семье давно, не помню сколько, лет 8—10 или больше; ей около 30 лет. Поступила она случайно. Дворник дачи разговорился с ней, узнал, что она не может поступить в Москве, так как срок паспорта истек, а волость без согласия мужа не возобновляла паспорта. Дворник посоветовал ей поступить к нам в семью, убежденный, что я помогу ей получить паспорт, как я это делал всегда, и рекомендовал ее жене как хорошо ему известную женщину.

Козочкина приютилась после этого в семье и стала членом семьи. Моя жена, скончавшаяся в октябре 1919 года, очень любила Козочкину, которая была тоже привлечена к ней. Жена проболела тяжко около года, пользовалась все время внимательным уходом со стороны Козочкиной и скончалась у ней на руках. Мы с покойной женой и детьми решили, что если в более счастливые времена мы имели возможность скопить средства на черный день, то мы должны, когда этот день пришел, проживать эти средства с теми, кто помогал нам в более счастливые дни. Вот почему Козочкина и прочая прислуга оставались у нас на правах почти членов семьи, так как дочери несли одинаковую с ними работу. Козочкина — женщина очень чувствительная к несправедливости и быстро раздражающаяся. При аресте ей, несомненно, оказана была несправедливость, она арестована без достаточного повода, только потому, что раздраженно отвечала на вопросы, заключавшие чуть не прямое обвинение в укрывательстве. Это состояние раздражения, боязнь запутать себя, нашу семью и других в связи с обычной крестьянской повадкой на допросах отговариваться незнанием, тактикой, завещанной веками бесправия, и самые преувеличенные представления о том, что совершается в ВЧК, как я думаю, были сложной причиной, побудившей ее отговариваться незнанием. Ей, как малокультурному человеку, это совершенно простительно, если то же самое делают культурные люди. Думаю, что очная ставка со мной, как и в случае с Ивановой, легко направит ее на надлежащий путь.

4. Я понимаю, что в интересах и Советской власти, и буржуазии, и самих военных ликвидировать организации, имеющие целью активные выступления, не прибегая к террору, и, насколько моя совесть позволит, я готов помочь в этом, но обстоятельства сложились так, что помощь в той форме, как мне предложили, оказывается невозможной. Со стороны может казаться невероятным,

что я не знаю руководителей, но это так. Вступил я в «Нац. центр» и стал к нему близко, когда его деловые обычаи уже сложились. Мне было поручено принимать депеши, приходившие от наших товарищей с юга, а когда мне приносили готовый текст депеш на юг, — приводить их в годный для отправки вид. Затем предстояли сношения с нашими товарищами по «Нац. центру» с юга, то депеши следовались совместно с кем-нибудь из членов «Нац. центра». Депеши эти для Добровольческой армии доставлялись готовыми. В этих депешах я позволял себе исключать места, заключавшие сведения или неверные, или с политической точки зрения излишние. Из переданных мне депеш я намерен был исключить все, что касалось вопросов о возможности устройства вооруженного восстания, так как считал все это вредным. Я уверен, что в «Нац. центре» и «Союзе возрождения» не было лиц, которые стояли за вооруженное восстание внутри Советской России и имели какие-нибудь отношения к военным группам, поставившим такие задачи. Если же такие лица были, то они не были со мной откровенны [1]. Таково было положение дела. Сложилось оно так потому, что я, в сущности, никакой конспиратор и даже в таком деле действовал почти открыто, а этим, по-видимому, пользовались те лица, которые приносили мне депеши, не сообщая мне истинного положения дела и подробностей. Лиц этих, со слов предшественника, я считал агентами Добровольческой армии.

Я предлагаю выпустить на свободу на несколько дней и оставить меня в эти дни без слежки. Так как ни «Нац. центр», ни «Союз возрождения» не имели отношения к активным организациям, да и самый факт существования активных организаций в Москве явился для меня новым и стал выясняться в течение допросов меня, то мне придется обойтись без содействия этих политических групп. При моем знании взаимоотношений лиц из московской буржуазии я быстро ориентируюсь и дойду до тех, кто может быть посредником между мной и руководителями подобной активной организации, если она существует...

Мне удастся убедить посредников, а через них и руководителей ликвидировать всякие подобные начинания и сделать их невозможными и на будущее время. В успехе моем я вполне уверен.

5. На вопрос, знаю ли я Крестовникова, знаю ли я [о] военной организации, известной под его именем, знаю ли я двух лиц или о двух лицах (мужчине и женщине — фамилий не запомнил), приехавших с юга от Добровольческой армии и желавших установить связь с «Национальным центром», в чем им будто бы было отказано, за незнанием ими соответствующего пароля, я отвечаю письменно, как ответил словесно — не знаю. Но таким ответом ограничиться я не могу, так как мне начинают выясняться некото-

[1] В тексте книги ошибочно «отправлены».

рые комбинации, которые, быть может, устранят многие сомнения и подозрения в отношении «Союза возрождения» и «Нац. центра».

Начиная с декабря 1918 года и до времени моего ареста до меня несколько раз доходили сведения, что в Москву прибывали лица из Добровольческой армии, беседовали, информировались тут в кругах, стоящих далеко вправо даже от «Нац. центра». Для меня до этого по некоторым признакам было ясно, что в Москве жили постоянно лица, связанные с Добровольческой армией и в то же время с крайними правыми группами. Дело в том, наши товарищи по «Нац. центру» с юга уведомили, что Деникин считает своей политической опорой «Нац. центр» и ни к кому больше в Москве обращаться не будет, и всегда, когда депеши шли одновременно и по делам Добровольческой армии, и от наших товарищей с юга, приезжавшие умели находить «Нац. центр», а когда приезжали лица, не имевшие отношения к южному «Национальному центру», они направлялись куда-то в неизвестное мне место.

Из личных расспросов некоторых приезжавших я убедился, что на юге имеется ярко правая конспиративная организация, близкая к группе Маркова-2-го, которая преследует какие-то свои собственные цели и действует вразрез с намерениями Деникина и совещаниями при нем, и что эта группа имеет во всех отделах Добровольческой армии своих людей и, пользуясь этим при посылке людей в Москву, всюду могла выдавать их за людей, доверительно командированных из Добровольческой армии.

Был один случай прямо подозрительный: одному из тов. «Нац. центра» знакомым ему юношей было сказано, что в одной московской семье с юга появилось лицо, которое выдавало себя за очень известное в Москве лицо, занимающее будто бы высокий административный пост у Деникина, и лицо это просило связать его с представителем «Нац. центра». Фамилия, названная при этом, была такова, что такое лицо без всякого розыска и посредства по своим московским связям могло бы в пять минут установить связь со всеми политическими организациями Москвы. Для меня было ясно, что это или мистификация, или еще что-нибудь похуже. Когда сообщавшего об этом юношу стали настойчиво просить сказать, в какой семье он встретил это лицо, он уклонился от ответа. При допросе мне было сказано, что будто бы два лица, командированные из Добровольческой армии, искали связи с «Нац. центром» и будто бы Крестовников передал им отказ за неимением у них пароля и что, несмотря на то, что они командированы будто бы начальником разведки.

Необходимо несколько вернуться назад ко времени образования «Нац. центра» и распада организации, из которой он возник. Организацию эту называли «Правым центром», в состав его входили кроме элементов, вошедших в «Нац. центр», также

представители течений правых и самых крайних правых. Когда по вопросу о союзе с немцами против Советской власти и держав Согласия этот «Правый центр» распался, то все считали, что он совершенно перестал существовать. Впоследствии оказалось, что сохранилась очень небольшая самостоятельная группа монархистов-конституционалистов, называвшая себя «Союзом общественных деятелей» и существовавшая номинально и бездеятельно. Теперь для меня уже ясно, что сохранилась и продолжала самостоятельно работать группа крайних непримиримых правых, единомышленников Маркова-2-го. Если в Москве и могла быть какая-нибудь активная военная группа, то только в связи с подобной политической группой, которая всегда отличалась активностью на словах и способностью подбивать легкомысленные головы на легкомысленные и опасные предприятия. Сообщение же мне, что присланные с юга имели будто бы удостоверения от начальника разведки Шлиппе, еще более наводит меня на эту мысль. Шлиппе — фамилия, которая тесно связана с ярко выраженными, наиболее правыми течениями, и я позволю себе даже сомневаться, состоял ли он начальником разведки, выдавая удостоверение. Во всяком случае, Шлиппе ни за что не поручил бы обратиться к организации, в которой состою я; Крестовникова я не знаю. По тому, что мне сказано, что по отцу его зовут «Григорьевич» и что он живет в Трехсвятительском переулке [1], я думаю, что это сын покойного председателя Московского биржевого комитета, то есть лицо, принадлежащее к семье правой, но все-таки далекой от группы Маркова-2-го. Крестовников никогда к «Нац. центру» не принадлежал, был ли он связан с «Правым центром», не знаю.

Положительно удостоверяю, что [ни с] «Нац. центром», ни с отдельными его членами ни Крестовников, и никто другой не вел беседы о том, чтобы принять лиц, приехавших сюда с юга с удостоверением Шлиппе. Как ни отрывочны эти факты, построенные на них соображения, но меня они приводят к такому заключению, что если в Москве и имеется военная организация с активными целями, то она связана с самыми крайними правыми элементами, ничему не научившимися. Я убежден, что даже Крестовников, которого я не знаю, но мало ценю политически по семье, из которой он происходит, не входит в эту группу, а посланы с юга Шлиппе к нему только потому, что он потерял связь со своими. Думаю, что если подобная военная группа имеется, то она совершенно неспособна что-либо сделать и что все это только болтовня и хвастовство, которые, как всегда, доведут до гибели многих, даже не причастных к группе и не подозревающих об ее существовании.

Имевшиеся в Москве ячейки «Нац. центра» и «Союза возрож-

---

[1] Ныне Большой Вузовский переулок.

дения» заключали в себе очень немного лиц и не строились по карбонарскому типу — тройками, пятерками и пр.

Каждый политический штаб представлял одну ячейку, и далее нее никого не было.

Николай Николаевич Щепкин

12 сентября 1919 года

II

1) Как я уже говорил ранее, «Союз возрождения» сложился не как партийная, а как надпартийная организация, поднявшаяся над программами и выдвинувшая национальные, государственные и экономические положения, которые могли разделять отдельные лица, как беспартийные, так и принадлежащие к самым различным партиям. Имели ли Центральные Комитеты меньшевиков-оборонцев и правых эсеров сведения о вхождении отдельных членов партии в «Союз возрождения», неизвестно. Думаю, что эсеры имели, так как из статей эсеров в газетах можно было заключить, что среди эсеров были группы, настаивавшие на воспрещении членам партии вступать в «Союз возрождения». Я говорю только о Москве, где у эсеров, в сущности, не было ЦК и шел распад. Повторяю, в «Союзе возрождения» партий не было, а вступление было делом персональным, так что о каких-либо взаимоотношениях между партиями и «Союзом возрождения» в обычном значении этого слова не приходится говорить.

2) Отношения между «Союзом возр.» и «Нац. центром» ограничивались, как я уже говорил в первом показании, установлением в первом периоде платформы, послужившей основой для Уфимского совещания, и позднейшей платформой о национальной власти и ее задачах.

Содержание платформ приведено мной в первом показании.

3) Как в группах населения, близких по воззрениям к последней платформе, так и в «Союзе возрождения» и «Нац. центре» отношение к тому, как произойдет или должна произойти смена Советской власти властью национальной, было очень разнообразно. Многие считали, что это может произойти только в процессе гражданской войны при содействии русских окраинных военных сил (Деникин, Колчак и др.); многие полагали, что это произойдет эволюционным порядком, путем известного перерождения власти под давлением изменения к ней отношения со стороны масс и сознания, что нельзя строить государственный порядок на штыках и наиболее жестоких приемах диктатуры. Но большинство считало, что падение или смена Советской власти явится результатом целого ряда сложных причин и процессов, из которых не-

которые, может быть, не учитываются ни коммунистами, ни их политическими противниками.

Занимаясь по своей специальности массовыми явлениями, я лично держался последнего взгляда. Сложный массовый процесс не может быть разрешен одним каким-нибудь ударом. Гражданская война являлась лишь одним из факторов, действующих наиболее сильно. Осложненная и поддержанная другими факторами, действующими в массах, она может привести к смене Советской власти или к фактическому ее упразднению на местах под влиянием местных условий. В массовых процессах всегда можно ожидать того, что принято называть «исторической неожиданностью» за невозможностью предвидеть, во что выльется сумма маленьких процессов. Например, кризис в Венгрии для меня был именно такой «исторической неожиданностью». Там была и гражданская война, и иностранные военные силы; казалось, все должно было разрешиться исключительно оружием, а произошло совершенно иначе.

Ко времени моего ареста я не мог установить наличность мнения, что смена власти может быть произведена военным актом изнутри. Соответственно этому «Союз возр.» и «Нац. центр» относились к Добровольческой армии Деникина, к Сибирской армии Колчака и русским силам около Юденича как к факторам положительным в борьбе за смену Советской власти национальной и потому признавали, что эти военные силы должны иметь политическую поддержку «Союза» и «Центра». Но при этом совсем не исключалась возможность, что даже при наличности этих внешних военных сил смена власти может произойти не путем силы, как шло до гражданской войны, а путем соглашений. Именно поэтому в платформе ничего не говорится, в какой именно форме и каким путем должна сложиться власть. Платформой устанавливалось, чтобы эта в историческом процессе сложившаяся власть обладала силой и способностью выполнить задачи, намеченные в платформе. Я лично считал, что всем этим путь соглашения не исключался.

4) Ни «Союз возр.», ни «Нац. центр» никогда не ставили перед собой вопроса о захвате власти — ни военной силой, ни вхождением в состав советских учреждений с расчетом ослабить, растворить и переродить отношения коммунистов к власти и фактически заменить их. Лица, которые состоят в советских учреждениях на постах различных рангов, вероятно, всей своей работой, своим деловым влиянием и беседами участвуют в таком процессе эволюции всего строя в сторону их воззрений, но это является их персональным делом, невольным проявлением их личных убеждений, а не выполнением предписаний «Союза», «Центра» или партий. Ни такого предписания, ни такого лозунга не существовало.

5) Первый период деятельности «Союза» и «Центра» закончился весной 1918 года. Почти все основатели и инициаторы этих организаций разъехались из Москвы. В их числе был и генерал Болдырев, который намечен был одним из кандидатов в директорию. Уезжая, Болдырев оставил завет, более **прямой приказ,** который организации обязаны были выполнить, подчиняясь директории. Он предписал никогда не помышлять о внутренних военных переворотах и создании для таких активных действий внутри Советской России военных организаций. Вся деятельность лиц, остающихся в пределах Советской России, должна была ограничиваться пропагандой целей и платформы организации и подготовкой населения к мысли о неизбежности замены Советской власти властью национальной, возникающей при поддержке Добровольческих армий извне. По отношению к этим внешним силам «Союзу возр.» и «Центру» фактически не приходилось ставить в общей форме о видах помощи этим военным силам, так как сами эти силы не обращались к организациям, предполагая до самого последнего времени, что Москва является политически пустым местом. Изредка появлялись в Москве лица, приезжавшие сюда из Сибири; они обменивались с политическим центром словесно информационными сведениями; причем москвичам очень скупо сообщались факты и намерения и не давалось никаких практических поручений. Дважды в течение года от членов «Нац. центра», уехавших на юг, приходили указания, что в задачи московских товарищей не должна входить активная помощь Добровольческой армии созданием военных организаций для вооруженных выступлений внутри Советской России, так как это должно было только затянуть процесс и повести без всякой пользы для дела к неисчислимым и бесплодным людским жертвам. В последнее время (так, с зимы 1919 года) при лице, которое я заменил после его отъезда, как-то повелось, что депеши, отправляемые лицами, приезжавшими к нам, приводились в компактный вид, приспособленный для перевозки моим предшественником; это продолжал делать и я, как я уже показал об этом на допросе.

Ник. Ник. Щепкин

10 сентября 1919 года

ПОКАЗАНИЯ В. Д. ЖУКОВА

I

На предложенные мне вопросы об участии в военной организации для свержения существующего строя докладываю, что я не

В. Д. Жуков

представляю себе возможным борьбу незначительных по числу лиц с целым государственным строем, поэтому мои разговоры, консультация по чисто техническим вопросам никак не могут считаться чисто активным участием в организации переворота. Указания лиц, которые приведены в выдержках протоколов, мне лично некоторых знакомых, считаю правильными, как бывшие события, но то что не уясняю, при каких это обстоятельствах происходило. Будучи у своих бывших сослуживцев как старый знакомый, встречал иногда лиц, которых раньше никогда не видел, потому сказать, как их зовут, я не могу. Как доказательство, что считаю своей обязанностью и долгом, получая деньги, нести службу, как это надлежит, я указываю на моих сотрудников и комиссара фронта тов. Каныгина, который в письменной форме говорил о моей деятельности, донося в центр. Поэтому не считаю себя саботажником и не совмещаю понятий о пользе и вреде одновременно для Советской Республики. Если же мои собеседования, консультация в свое время и были как показатель участия организованного выступления, то от них я не отказываюсь — существующий строй лишил меня семьи, голод и нужда, которые я испытывал, не могли заставить меня полюбить видимую обстановку [1].

В. Д. Жуков

25 октября 1919 года

---

[1] Так в тексте книги. Подлинник не обнаружен.

ПОКАЗАНИЯ Н. Р. ЛЕЙЕ *

I

Приблизительно в конце июля или начале августа на Тверском бульваре ко мне подошел господин и познакомился со мной, который впоследствии назвался Всеволодом Антоновичем [1]. При встречах он заговаривал о политике и однажды предложил мне взять на себя руководство и охрану вокзалов в свои руки. Я сказал, что вокзал все равно в моих руках и что никакой разницы нет. Всеволод Антонович хотел вовлечь меня в военную организацию, и я дал ему слово взять на себя охрану вокзалов. У меня не хватило мужества отказать ему и думал, что все равно по долгу службы я должен охранять вокзалы. Всеволод Антонович познакомил меня с господином с черными усиками, роста выше среднего (и через него я познакомился с Миллером) и сказал мне, что я должен находиться в подчинении Миллера. Мы были у Миллера на квартире, и здесь мы вели беседу о вокзалах. Затем я вторично был недели две назад и сказал Миллеру, что меня переводят на Александровскую жел. дор., а потому я отказываюсь.

Затем я у Миллера ни разу не был. Всеволод Антонович больше ни с кем меня не знакомил. Я говорил Миллеру, что в нашем полку имеется резерв в 60—70 человек, но об ударной группе ничего не говорил. Но я все же сказал Миллеру, что все эти люди верные и будут мне подчиняться; фактически рабочей силы у меня не имелось.

Я совершенно отрицаю, чтобы когда-либо устраивал приезд агентов к Мамонтову и для взрыва мостов. Больше ничего не имею показать.

При сем присовокупляю, я слыхал от Миллера, что предполагается кого-то направить к Мамонтову, но знаю наверно, что у них случились какие-то счеты в деньгах и люди не были отправлены. Никакого присяжного поверенного я не знаю, кто бы должен был поехать для взрыва моста. Ничего больше показать не могу. Я целиком поддерживаю и ярый сторонник Советской власти.

Кроме того, я был познакомлен с Дмитрием Яковлевичем, который потом, оказалось, был Алферовым. Дмитрий Яковлевич пригласил однажды меня на заседание на М. Дмитровке, которое было недели две тому назад; на этом заседании говорил Всеволод Антонович. Люди уходили и входили; когда я пришел, то меня оставили минут [на] 15—20, в то время были там Миллер, молодой блондин невысокого роста в офицерской форме, Дмитрий Яковле-

---

* Мне 26 лет, бывший прапорщик, в настоящее время служу в 35-м Тверском в качестве помощника командира полка.

[1] Так Лейе ошибочно называет Ступина Всеволода Васильевича.

вич и я и довольно полный господин с козлиной бородкой. Когда я уходил, я заметил, что входил пожилой господин с бородкой, я его фамилии тоже не знаю и видел в первый раз. На заседании Всеволод Антонович сказал нам, то есть мне и молодому блондину: «Вы поступаете в распоряжение Миллера» — и при этом передал Миллеру какую-то карту, одну из частей г. Москвы. Мне лично Всеволод Антонович сказал: «Вы оставайтесь на вокзалах». Я промолчал, хотя уже знал, что наш полк уходит с Николаевской дороги, и я все равно не в состоянии выполнить своей задачи. На этом заседании мне было сказано Всеволодом Антоновичем, что я слишком болтлив. При сем могу сказать, что во время заседания Всеволод Антонович часто выходил с полным господином в другую комнату и о чем-то шептались. Я помню как-то, недели полторы тому назад, я пришел на Дмитровку и хотел поговорить с Дмитрием Яковлевичем. Когда я вошел, Дмитрий Яковлевич меня не принял, говоря, что у них заседание. Вообще, мне говорил Дмитрий Яковлевич, что заседаний основательных не бывает, а собираются всегда не более четырех-пяти человек, и то те сейчас же уходят, а другие приходят. Ко мне лично они относились свысока, ничего нельзя было их спросить, обо всем умалчивалось. Несколько раз я задавал вопросы, как называется ваша организация, мне всегда давали уклончивые ответы. Раз я чуть не влетел, теперь постараюсь больше носа своего не совать и жить и работать так, как работал до этого злосчастного момента.

Н. Лейе

II

С. И. Талыпин получил ордер на помещение, куда сложено было оружие, через одно лицо, которое служит в отделе по распределению жилых и нежилых помещений. Отдел этот находится на Софийке [1], лицо это — студент, причем этот студент был в дружественных отношениях с С. И. и знал, что работает для организации. Не ручаюсь, но кажется, его отчество Григорьевич. С. И. боялся, чтобы Тихомиров об этом не рассказал. А. Н. Яндоловский был познакомлен с Миллером Ал. Ал. Михайловым; причем на вопрос Миллера: «Можно ли рассчитывать при выступлении на ваш батальон?», ответил: «Все будет сделано». Причем Яндоловский назначил Михайлова на одну из командных должностей в организации. По освобождении собирается уехать за границу.

А. А. Михайлов ездил по Павелецкой жел. дор. по поручению Миллера и из вагонов осмотрел один из мостов близ Москвы с целью взрыва.

А. А. Михайлов и С. С. Казаринов по освобождении собираются уехать в Архангельск.

[1] Ныне Пушечная улица.

Г. Т. Свищев имел знакомство в Главном штабе и сообщил Ступину через это лицо положение на всех фронтах.

С. С. Денисов сообщил, что он по поручению Миллера принес к последнему около 2 пудов динамиту, кроме того, говорил, что благодаря бегству его начальника по службе многое из его поступков осталось неоткрытым.

Е. Я. Свидерский, высказывая свои взгляды на постановку учебного дела, говорил: «Я презираю тех офицеров, которые с увлечением предаются службе и этим только укрепляют Советскую власть. Теперь необходимо преподавать так, чтобы, не давая никаких знаний курсантам, подталкивать и разрушать то здание, которое наполовину разрушено» (считая под зданием Советскую власть).

Перуанский, из Высшей стрелковой школы, в своих разговорах часто высказывал свое недовольство Советской властью, говоря, что ему вся эта волынка уже надоела.

Тарлицкий и Радионов (Высшая стрелковая школа) при разговоре между собою говорили: «Чем хуже, тем лучше. Скорее все теперешнее погибнет, и эта власть изменится».

Н. Н. Кудрявцев говорил, что командный состав Высшей стрелковой школы порешил между собою в случае переворота уничтожить генерала Филатова.

Генерал Даниловский часто высказывал свое недовольство Советской властью.

Шваки также неодобрительно относился при разговорах к Советской власти.

Генерал Тихонравов ничего не высказывал относительно Советской власти, но восхвалял всегда царский режим.

Когда однажды я с Богоявленским был у Миллера, я услышал разговор Миллера с молодым человеком, который обещал связать Миллера с каким-то церковным монархическим кружком. Кажется, этот молодой человек небольшого роста, белокурый, бритый.

III

С Талыпиным я познакомился через молоденького мальчика Булгакова. Мне позвонил, кажется, Зыков, что со мной встретится Булгаков вместе с Богоявленским. Так и было, на Тверском бульваре я встретил обоих и пошел к Талыпину [1] вместе с Булгаковым.

Раз я шел со Зверевым и армянином между квартирой Д[митрия] Я[ковлевича] и Цупвосо, причем армянин говорил: «Хорошо бы проникнуть в армянскую или грузинскую организацию, но трудно потому, что они законспирировались».

В Валдай армянин ездил с Романовым.

14/X — 1919 года. *Н. Лейе*

---

[1] В тексте книги ошибочно «к Балтину».

IV

О существовании организации в полку более точно, так как я вел с ними беседу, знали: Богоявленский, Соболев, Романов, Алатырцев Ник. Фед. и отчасти Алексей Иванович Кулаков, который скорее предполагал, чем был знаком. Остальные, т. е. тт. Куприянов и Маслов, я могу сказать, что они ввиду вообще семейной обстановки в полку среди командного состава могли только догадываться и в силу товарищеского чувства ничего об этом не говорить. Относительно всех остальных могу сказать, что они были хорошими службистами и верными товарищами, и я не знаю об их отношении к организации. То же самое я могу сказать относительно Бармака с Широковым; относительно посылки отряда в 20 или 30 человек я не говорил. Бочаров определенно ничего не знал о существовании организации. Относительно же Балашова я точно могу сказать, что, хотя мы и ездили к нему на вечеринки, он не имеет никакого отношения к организации, и вообще мы к нему относились недружелюбно.

Курилко, Денисова и Иванова я не знаю и никогда с ними знаком не был. Относительно поездки по Ярославскому шоссе я не знаю. Факт встречи и разговора с Зотовым, Богоявленским и Денисовым на Арбатской площади я отрицаю. Потехина, о котором говорит Миллер, что якобы просил о назначении его в полк, я не знаю. Больше показать ничего не могу.

Н. Лейе

28 октября 1919 года.

V

От Дмитрия Яковлевича Алферова я слыхал, что был обыск или арест у какого-то Ник. Ник. Щукина или Щепкина и что документ выданный бланк из штаба 35-го полка (без подписей) на имя Михайлова[1] Алферову попал в Чрезвычайную комиссию; именно лицо, имевшее этот документ, находилось в гостях у Ник. Ник. В это время пришли с обыском, Михайлов бросился бежать через забор, выронил документы и успел скрыться, несмотря на стрельбу.

Алферов говорил, что Михайлов настоящая фамилия этого лица. В данное время он побрился и живет под другой фамилией.

Бочаров (комиссар полка) никакого отношения к организации не имеет и не знает о ее существовании.

В организацию я вошел в середине июля через Зыкова (имя не помню), служит районным инструктором по мотоциклетной части

---

[1] Речь идет о В. В. Мишине (Москвине).

автосекции Все[российского] военведомства. Несколько раз мы видались в условных местах, затем с одним мальчиком, лет 19—20, которого он привел на одно из свиданий, послал меня к Сергею Ивановичу Талыпину на Дмитровке, вызвал его, познакомил, сказал, что от Зыкова, пошли на бульварчик — на Садовую-Каретную. Талыпин предложил что-нибудь сорганизовать или в полку, или на стороне. Предлагал сказать трем-четырем лицам, которые должны в свою очередь завербовать трех-четырех и т. д. Я предложил начать работу в направлении подготовки к охране вокзала при всяких обстоятельствах.

Мое участие в организации объяснялось нервностью вследствие сведений и слухов о поголовном расстреле Деникиным командного состава Красной Армии, в особенности лиц, принимавших активное участие в работе в пользу Советской власти и Октябрьской революции, а я был караульный начальник в Государственном банке в октябре 1917 года в г. Москве. Причем мною были обезоружены 50 юнкеров, охранявших Государственный банк. Нес охрану до 6 ноября, когда меня сменили из нашего полка. Был избран ротным командиром 2-й роты. По приказу Берзина 9—10 ноября 1917 года занял караулы Кремля. Солдаты стали грабить винные склады, я с разрешения Берзина разбил все вино и вылил.

После двух свиданий с Талыпиным последний прислал ко мне Дмитрия Яковлевича Алферова в полк за получением упомянутого документа на имя Михайлова. Алферов записал мой телефон для связи. С Алферовым встречался довольно часто. Алферов познакомил меня с начальником штаба (Всеволодом Антоновичем), предъявленная карточка Ступина похожа, но усы прямые и светлые.

Начальник штаба говорил, что подробное задание я получу за неделю до выступления.

Талыпин говорил, что выступление предполагается самое позднее 20 октября. Алферов 12 или 11 сентября предупредил меня лично (на Б. Бронной) на улице, чтобы я явился к нему на М. Дмитровку 12 числа сентября к $6^1/_2$ часам вечера (о здании см. предыдущий протокол). В дополнение показываю: на этом заседании Миллер получил приказание относительно общего плана действий его района и карту. В связи с этим Миллер приказал явиться мне и молодому блондину в субботу, 13 сентября, к 5 часам. Однако я не мог явиться к Миллеру в этот день, так как был занят по службе. Явился же к нему в 13 часов 14 сентября. Здесь объяснил, что перехожу на Александровскую ж. д. и, следовательно, задач выполнить не могу. Миллер спросил: «Вас считать или нет?» Я сказал: «Обождите, на этой неделе я дам ответ». В пятницу я принял дорогу и был арестован.

Часть полка, на которую я предполагаю, что мог бы рассчитывать: 1) 9-я рота (стоит в Москве штаб) вошла как 3-я рота (или 1-я) в 5-й батальон. Командир был Сытников, до этого был Фрейман (заболел), теперь вновь назначен из Лихославля тов. Бармак; помощник Столяров Василий Петрович, взводные: Алексеев, Левинский. 2) Полковая школа (ушла на Александровскую дорогу, как 1-я рота), командир роты Маслов, помощник Николаев, взводные: Кулаков, Филиппов, Кузнецов, Страхов.

На эти части мог бы рассчитывать потому, что они стоят в Москве и имеют небольшие резервы. Однако школа и роты усмиряли Юрьев-Польское восстание [1], два раза отправлялись на фронт (Раненбург).

Чабров поступил приблизительно в июне месяце в полк из штаба жел.-дорожн. обороны республики.

Зыков работал по связи, причем у тех лиц, с которыми я через него познакомился; его не встречал.

С Бочаровым я знаком давно, со студенческих времен, встречались у Маковского, студента, и Севастьянова, студента. Это в 1915—1916 годах. Я имел в виду в начале сентября рекомендовать в организацию Петра Антоновича Жигалова в связи с разговорами о предполагаемой посылке к Мамонтову, однако Жигалов отказался. Жигалов служил в уголовном розыске на Николаевской дороге, теперь уехал в Уфимскую губернию за покупкой ненормированных продуктов. Жигалов, энергичный молодой человек, был со мною в командировке как представитель уголовного розыска Николаевской жел. дор. в Полтавскую губ. для закупки ненормированных продуктов. В Кременчуге Жигалов попал к Григорьеву [2], скрывался и продал продукты сахарному заводу, чем избег григорьевской реквизиции полковых продуктов. Поездка была с марта по июнь. Дважды ездил в Москву. Мне известно от Алферова, что штаб послал кого-то к Мамонтову, человек вернулся и привез сообщение, что Мамонтов отступает к Воронежу и на Москву не пойдет. Алферов просил меня найти человека для новой отправки.

От Алферова слышал, что посылали в Волоколамский уезд для

---

[1] Восстание дезертиров («зеленых») в Юрьев-Польском уезде Владимирской губернии началось в ночь на 11 июля 1919 года. Оно было организовано правыми эсерами. Проходило под лозунгом «Долой Советы, да здравствует Учредительное собрание и зеленая армия!». Мятежниками было убито 10 коммунистов, около 20 жестоко избито. 12 июля отряды красноармейцев из Иваново-Вознесенска, Москвы при поддержке юрьевских коммунистов и железнодорожных рабочих подавили мятеж.

[2] Н. А. Григорьев — командир 6-й Украинской стрелковой дивизии, поднявший в мае 1919 года контрреволюционный мятеж на значительной территории юга Украины. В июле части Григорьева присоединились к Махно.

связи с зелеными, но связаться, по словам Миллера, не удалось. Это было месяца полтора назад.

Слышал от Алферова, что когда был арестован Щепкин, то у него нашли 700 000 рублей.

Миллер хвастался несколькими инструкторскими школами и орудиями.

Н. Лейе

VI

Примерно в двадцатых числах августа Миллер В. А. мне говорил, что имеет типографский станок, и предложил его куда-нибудь устроить. Однако я ничего сделать не мог.

Петр Антонович Жигалов по поручению Талыпина ездил в Рязанскую губ., чтобы связаться с «зелеными». Поездка была неуспешна. Ему предлагали ехать к Мамонтову, но он не поехал.

В 6-м участке охраны служил бывший офицер Семенов [Александр] Кузьмич, который в мое отсутствие (в марте этого года) перешел в Кремль на инструкторские пулеметные курсы взводным командиром. Он иногда приходил в мой полк.

В прошлом году Семенов месяцев шесть сидел в Чрезвычайной комиссии. Месяца два тому назад он пришел в полк, в котором у него был приятель — Николай Ефимович Волков, бывший помощник командира полка (недавно командированный на Южный фронт) в Конотоп, кажется, на должность командира полка.

Семенов рассказал, что в Сергиеве много «зеленых». В это время я уже был знаком с организацией.

Здесь я немного посвятил в организацию, спросив, какую помощь он мог бы предложить.

Он обещал кое-что сделать с «зелеными»: сказал, что у него есть знакомый офицер.

Семенов дважды, кажется, ездил в Троицко-Сергиев, но особенных результатов не дал. Возможно, что они оставили там ячейку.

Семенов пришел ко мне с этим офицером и предложил посильную помощь, рассказав, что служит в Кремле. Я сказал Алферову, последний предложил познакомить с одним человеком — Георгием Тихоновичем (живет в Кисловском переулке).

Д. Н. Алферов свел меня с Георгием Тихоновичем, а я двух офицеров (Семенова и Ульянова) свел с Георгием Тихоновичем у него на квартире. Дм. Яковлевич называл его в шутку женихом. Это было за неделю до ареста. Г. Т. говорил, что видел меня у Дм. Яковлевича. Алферов говорил, что Г. Т. какое-то ответственное лицо по Кремлю.

У Миллера Алферов говорил, что у них в Цупвосо все свои люди. Миллер знаком с каким-то лицом, хорошо знакомым с Аржано-

вым. Кажется, это лицо коммунист. В Цупвосо я знал еще Широкова, с которым меня познакомил Зверев.

О Сучкове говорил Миллер. Этот Сучков как будто бы был лидер правых партий, а теперь записался в коммунисты. Разговор был у Миллера в присутствии какого-то студента (в очках, лохматый).

Фамилию Де-ля-Барт слышал в связи с разговором Дм. Як. с Георг. Тих. о помещении, именно: Георгий Тихонович сказал, что можно было бы собраться у меня (Г. Т.) или брата: посмотрите по телефонной книжке Де-ля-Барт или de la Base. Со Зверевым познакомился через Дм. Яковл., который привел меня для этого в Цупвосо. По поводу предупреждения предполагаемой командировки в Челябинск, Зверев посоветовал для этого подать мне рапорт, чего, однако, я не сделал.

Миллер говорил, что купил оружия за 200 000 или 150 000, причем в складе, куда оружие следовало отвезти, оказалась посуда или стекло.

При отправке к Мамонтову Ступин сказал Жигалову, чтобы он ехал на Тулу или Горбачево или на лошадях до казачьего разъезда. Там потребовать отправки к Мамонтову. Пароль примерно таков: Реснинский — Дон — Кубань — Двина, сказать еще Хартулари [...]

С 20 мая 1918 года началось формирование 6-го участка охраны Николаевской ж. д. В это время я окончил ликвидацию 2-й роты 56-го полка и 3 июня поступил на должность ротного командира 1-й роты 6-го участка охраны. Начальником охраны был тов. Бочаров. Он принимал людей. В июле я стал помощником начальника участка (по строевой части).

Моей задачей было проэкзаменовать строевую подготовку солдат, чтобы не тратить на обучение времени, которого у нас было очень мало.

В охрану поступили много окрестных крестьян, московских рабочих и прочих бывших солдат.

В результате сформировали 800—900 человек, из которых было человек 100 унтер-офицеров.

В декабре 1918 года участок охраны был сформирован в полк и перешел в военный комиссариат.

На эти 100 унтер-офицеров (которые теперь разбиты по полку и части нет) я указывал в организации и хвастался ими.

О конспиративной квартире слышал от Дм. Яковл.: на Тверской, на Арбате и у Дм. Яковл., где он бывал.

Ступин 12 сентября приказал мне передать Миллеру людей, которых я должен был получить от Семенова из Сергиева.

4/X — 1919 года *Н. Лейе*

VII

С Константином Константиновичем [1] меня познакомил Зыков. Встречал я К. К. два раза. Первый раз вместе с Зыковым и Богоявленским Алексеем Николаевичем у памятника Гоголя, второй раз — на Новинском бульваре [2]. К. К-чу я сказал, что полк готов к выступлению, так как почва очень благоприятная.

К. К. просил сорганизовать ячейку, которая может быть ударной группой.

Я сказал, что в полку большой офицерский состав, на который можно рассчитывать.

Волков Николай Ефимович имел связь с эсерами. Он ушел из полка в Конотопский полк на должность командира полка. Он ездил в командировки с помощником начальника обороны республики Гончаровым.

Ульянов Н. Н., кажется, имел какого-то знакомого кооператора, который был с.-р. Этот кооператор знает хорошо Сергиев и может оказать содействие. Волков говорил, что эсеры будут молчать, никаких действий не будут предпринимать.

Из моего полка знали об организации Соболев Сергей Артемьевич и Романов Николай Петрович, который ездил по поручению Дм. Яковл. для сопровождения какого-то армянина или грузина, где предположено было связаться с зелеными.

По возвращении Романов говорил, что они там никого не нашли.

Надежными офицерами в полку считались Алатырцев, начальник разведчиков, Маслов Павел Григорьевич.

Н. Лейе

VIII

За август и сентябрь не получили совершенно, хотя у И. Н. Т. было 100 000 — 150 000, но, по его словам, для других целей. Я выяснил, что деньги, кои мы получали летом этого года, были принесены в количестве 1 000 000 [3] рублей колчаковским офицером Василием Васильевичем и где-то зарыты в саду на площади, но туда идти нельзя, так как за этим «земельным банком» установлена слежка, но как только слежка будет снята, деньги будут вырыты и розданы. До лета деньги мы получали новыми 250-рублевыми и 1000-рублевыми билетами. После же, когда связь с шведским консульством прекратилась, стали выдавать керенками

---

[1] К. К. Анчутин.

[2] Ныне улица Чайковкого.

[3] В тексте книги ошибочно «100 000 000».

(40-рублевыми), при этом сильно подмоченными, полинялыми и частью негодными, так что торговцы часто их не брали в уплату и не меняли. Василий Васильевич и Иван Николаевич Тихомиров жаловались, что денег не хватает, так что часто счет неверен, что много приходится платить за какое-то оружие, за командировки, но куда и кто командировал и кто покупал оружие — мои вопросы просто обходили молчанием. Эти разговоры были уже после ареста Н. Н. Щепкина, так как до его ареста я никогда В. В. не видал и его существование не предполагал. Ив. Ник. сам в деньгах не нуждался, насколько мне известно; сколько он получал, я не знаю. Некоторые члены организации, по моим личным наблюдениям и предположениям, при требовании денег позволяли себе некорректные поступки, то есть показывали большее количество лиц, состоящих на их иждивении (иногда в несколько раз больше, чем было на самом деле).

17/XII 1919 года

IX

Краткие сведения (на память) из устава, написанного В. Волконским для организации, им основанной (устав напечатан на пишущей машине «Ундервуд» и отлитографирован)

1

ЦЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ. Главною целью организация ставила себе лишение власти большевиков и восстановление единой неделимой России. При этом образ правления предполагался конституционно-демократический, вернее, по образу английского. Средства для достижения этого допускались такие: цель оправдывает средства. Но с другими организациями — германскими или антантовскими — связи не было.

2

ВЕРБОВКА В ОРГАНИЗАЦИЮ. В организацию приглашались лица обоего пола, всех состояний и положений, за исключением евреев, даже крещеных, требовалось поручительство двух членов организации и присяга церковная или гражданская, хотя по приемке ни то, то есть поручительство, ни другое, то есть присяга, не применялись. Попытка В. В. Волконского привлечь в организацию сколько-нибудь видных деятелей и генералов никакого успеха не имела; я знаю, что попытка привлечь одного генерала кончилась позорно.

3

МАТЕРИАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА. Материальные средства, денежные, должны были поступать: 1) в виде добровольных пожертвований от богатых лиц (не было ни одного поступления или если было, то пошли на другие, чуждые организации цели) и 2) от членских взносов сторонников организации (тоже не поступали, в смысле вооружения. Каждый член организации должен был иметь свое и на свои средства заведенное оружие, револьвер, шашку или винтовку), что не исполнялось по разным причинам, больше из-за опасения обыска.

4

КОНСТРУКЦИЯ. Организация должна была состоять из верховного штаба, начальствующих лиц и рядовых, при этом никто не имел права знать более пяти лиц и никто, не исключая начальствующих лиц, не имел права знать, где помещается штаб, под страхом смерти.

5

ДИСЦИПЛИНА. Всякое приказание начальника исполнить беспрекословно и немедленно; неисполнение — смерть. За выдачу тайн организации — смерть, за попытку проникнуть в штаб без разрешения — смерть и в этом роде.

6

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ. Отличительным знаком организации был знак батальона смерти — череп с мечами; золотой на голубом — для начальников, серебряный на зеленом — рядовым и золотой на черном бархате — штабной. Для скрепы приказов была печать — круг с мечами и буквы в круге ССР («Союз спасения Родины»).

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПОКАЗАНИЕ В. Д. ЖУКОВА

II

В организацию вступил совершенно случайно. В середине лета 1918 года я приезжал в Москву из Сергиева, где было ГВИУ, для того чтобы найти способ переслать деньги своей семье на Украину; в тот период деньги послать в Васильково обычным порядком

по почте не представлялось возможным. В Москве совершенно случайно на улице встретил жену своего бывшего сослуживца — Хомякову, которая знала меня и семью, и обратился к ней с просьбой указать, если она знает, как переслать деньги, и помочь мне в этом. Она посоветовала обратиться к своему родственнику Ханжонкову (кажется, Сергей Иванович), у которого можно было произвести перевод на их фирму в Киев. В тот же день я Ханжонкова не видел, а мне указали адрес его квартиры на Тверской[1], 75, зайдя куда я познакомился с *** , потом, во второй приезд, по поручениям для Военного комиссариата комиссара Подвойского я снова зашел к Ханжонкову, его вновь не застал, но попал в общество, которое, оказалось, составляло организацию. Сидя вместе и разговаривая, я увидел, что говорившие желают выйти из того тяжелого положения, в котором находились. И я после предложения вступить в их общество (предложено было кем-то наедине там же, фамилию его не знаю) дал свое согласие принять участие. Мне предложено было заведовать железнодорожными войсками, которые я должен был собрать; за это обещали платить в месяц 400 рублей. После этого я уехал. По основаниям, которые были сообщены мне, указывалось найти себе помощника и еще одного офицера, с тем что дальше произойдет наращение до требуемого числа офицеров и солдат.

После этого я долгое время никого не видел и ничего не предпринимал.

В этот промежуток времени ГВИУ переехало из Сергиева в Москву. Я вновь зашел справиться о том, переслали ли мои 2 тысячи рублей в Васильково. Мне тогда было указано, что необходимо работать, так как до этого я ничего не сделал. В Москве я остановился на сослуживце инженере Денисове, которого я сделал сторонником своего начинания, указав ему сыскать еще офицеров. Через несколько времени я встретил у своего знакомого Кондратьева, к которому был приглашен на чай, Широкова. Сидя среди незнакомых, разговорились на злобу недоедания. Мы все сошлись на том, как трудно жить, и кто-то сказал, что есть организация, которая поможет изменить положение дела. Словом, обнаружилось сходство желаний, и я предложил наедине Кондратьеву войти в организацию, получив у него согласие, и, как выяснилось в разговоре, мы состояли уже у того же *** .

Впоследствии выяснилось, что Широков состоял тоже. Таким образом, познакомив Денисова с Широковым, я выполнил свою задачу, и у меня образовалась группа. Дальнейшая работа группы велась каждым самостоятельно — моя задача была выполнена.

Мне было предложено навести подробные сведения о Московском узле желдороги, найти места, которыми можно изолировать

[1] Ныне улица Горького.

Москву извне путем порчи железнодорожных сообщений; определить, где держать группы людей для порчи и связи с организацией, — все это было поручено Широкову. Как было видно впоследствии, все это было исполнено в положениях, во всяком случае, до моего участия в этой организации, до конца июля 1919 года, ничего сделано фактически не было.

Кроме того, обнаружилось, что работа ведется и в деле связи. Так, Анчутин, находящийся в организации, ведает автомобильным и мотоциклетным транспортом. Через Денисова мною передавались получаемые распоряжения отыскать, где находятся гаражи, определить их количество. Получил распоряжение найти связь с радиотелеграфом. Все эти сведения, получив, передавал их Тихомирову.

Из результатов этих сведений и получаемого указания, сколько необходимо людей для того, чтобы овладеть ими, я знал от Тихомирова, что им от многого нужно отказаться, так как нет соответствующей силы.

После отъезда моего на фронт (в августе) связь свою с организацией я не поддерживал, и, как она работала дальше, мне ничего неизвестно.

Николая Николаевича Щепкина я встретил у Ханжонкова один раз летом этого года...

В. Жуков

2/XI — 1919 года

III

В дополнение к моему показанию, данному 2 ноября, прошу не отказать принять мое искреннее раскаяние в совершенном моем поступке — участии в противосоветской организации. Участие было вызвано вследствие тяжелого материального положения моего и семьи, а получаемые от организации деньги были лишь средством поддерживать жизнь, получаемый же заработок был совершенно недостаточен; политические убеждения не играли никакую роль.

Своей добросовестной работой на советской службе в ГВИУ и желвойсках подтверждаю, что я честно относился к долгу. Это подтвердит комиссар фронта тов. Каныгин. Работал по организации войск вместе с военкомом Николаем Ильичом Подвойским, заслужил его благодарность за исполнение поручений серьезного характера, как самостоятельное образование губернского военного комиссариата г. Сызрани. За доклад о порядке формирования желвойск с изменением некоторых пунктов декрета, представ-

ленный Высшему военному революционному совету, имел от него поручение сформировать желдорожные войска. Наконец, теперь в последний момент событий, когда мне было известно в Оренбурге об аресте Федорова, Широкова, когда я мог быть уверен, что организация в той или другой форме раскрыта, я не сделал попытки скрыться, к чему средств и способов в моем распоряжении было сколько мне понадобилось бы: вагон на ж. д. был в моем распоряжении, также я мог бы иметь десятки и сотни тысяч денег, - этого не сделал, а был занят работой по восстановлению линии Ташкентской и Орской желдороги и вел борьбу за передачу мне полной власти по технике по этим же работам. 11 октября у меня было бурное заседание при участии всех высших железнодорожных чинов в Оренбурге, и в тот же день я был арестован, а об аресте Федорова и Широкова знал примерно в первых числах октября.

Говорю вполне утвердительно, что не скрывался лишь потому, что мое бывшее участие в организации не принесло никакого серьезного вреда и участие в ней простят, как человеку, пошедшему в нее из-за нужды.

Прошу же проявить братскую справедливость и не наказывать жестоко за мой непродуманный вполне проступок и позволить дальнейшей работой заслужить вполне мою вину.

IV

В дополнение предшествующего показания докладываю, что Мария Николаевна Хомякова, моя знакомая по предшествующей службе с ее мужем, есть родственница Ханжонкова и о степени ее отношения к организации мне ничего не известно. М. Н. Хомякова, желая мне помочь в деле пересылки денег для семьи на Украину, направила меня к Ханжонкову примерно в июле 1918 года.

Пойдя на квартиру к Ханжонкову, я не застал его, а познакомился с бывшим там ***, который сказал, чтобы я зашел позже, тогда я, быть может, увижу Ханжонкова. Придя позже, я Ханжонкова также не видел, но застал компанию незнакомых мне людей, которая в разговоре высказывала недовольство о видимом порядке вещей. К тому разговору и сочувствию я также примкнул и предложил сам участвовать в предприятии, которое поможет выйти интеллигентному работнику из тяжелого положения.

Разговаривая таким образом с ***, я согласился принять на себя роль в создании железнодорожных войск. Потом я был еще раз у Ханжонкова по поводу переотправки своих денег семье, и в одно из этих посещений я видел там Николая Николаевича (фамилию не знаю) и еще ряд лиц, из которых помню Тихомирова,

А. С. Ханжонков

с которым встречался уже потом, и теперь уясняю, видел там же Зверева. Потом приехав в Москву, много спустя, я также заходил к Ханжонкову и видел вновь присутствующих лиц — пять-шесть; Николая Николаевича тогда не было. В одно из этих собраний выяснилось, что организация занимается переотправкой офицеров на Украину. Затем решено было создать организацию для активного выступления в Москве.

Состоя в организации, я должен был дать сведения о количестве навербованных лиц, получая эти сведения через Денисова. Знаю, что у Широкова есть одно-два лица, у Кондратьева, кажется, — семь, которым было поручено сформировать саперную часть, и еще одно-два лица, но без фамилий. Широкову мною было передано поручение от Тихомирова сформировать отряд в 100-верстной полосе вокруг Москвы, а также еще задание — исследовать, где удобнее повести подрыв железнодорожной ветки Пенза – Рузаевка. По этим данным, мне известно из сообщений, что Широков сделать в пользу решения этого задания ничего не может, так как у него нет людей.

В ГВИУ встречался с Бефани, степень его фактического участия в организации не могу определить, так как он часто не бывал в ГВИУ, и я знаю его как человека ленивого и недельного. Перед отъездом заходил к Карагодину, потому мне нужно было сказать, чтобы он увиделся с Анчутиным и что я уезжаю. Карагодин держался вполне конспиративно.

В. Жуков

10/XII — 1919 года

V

Деньги для уплаты членам организации я от Тихомирова получил и передавал Дубинину.

Бефани знал как члена организации; Ильина и Оленева не помню.

В. Жуков

14/XI — 1919 года

VI

Из лиц, входивших в состав организации, припоминаю Дубинина Виталия Васильевича, который из сочувствия к жестокому состоянию материального положения, в котором приходилось нам жить всем, открыто мне заявил, что он не прочь примкнуть ко всем нам, если будет общее восстание. Делился со мною всякими впечатлениями по поводу совершающихся событий и говорил, что если организации понадобятся его услуги, то сделает, что сможет. Но спустя недолгого промежутка времени куда-то уехал, и я потерял с ним всякую связь. Где он находится, мне не известно.

Потом вспоминаю еще по фамилии Алферова, который пришел ко мне в ГВИУ и сказал, что он должен встретиться с лицами, близко стоящими к организации, и это должно произойти через меня. Тогда же и в то же время пришел или был уже у меня — не помню точно — Тихомиров, которого я и передал Алферову, и они ушли вместе.

Для полного указания лиц, причастных хотя косвенно к организации, лиц, которые сочувствовали этому движению, показываю, что мне Денисовым было сказано о Гассовском, который мог бы быть участником. С Гассовским я говорил однажды на эту тему в очень неопределенной форме о вступлении в военную организацию, и никаких точных мнений и желаний ни с какой стороны не выявилось. Решено было поговорить после, но этот разговор не состоялся.

Из сослуживцев, которые были настроены против видимого порядка вещей, могу сказать о бывшем полковнике Годлевском (начальник железнодорожного отдела ГВИУ), которому было ясно из моих разговоров, что я состою в какой-то организации. Он иногда говорил о протекающих событиях на фронтах гражданской войны и выражал сочувствие белым.

Из разговоров по этому вопросу предполагаю, что (бывший генерал) Козлянников являлся также сочувствующим. Но как Годлевский, так и Козлянников в организации не состояли, а то об их участии я знал бы.

Кроме того, нужным считаю указать и на Трестера, который говорил часто о всяких событиях, вероятно, из источников, которые получались из источников у начальника ГВИУ Корасташевского. К Трестеру относились весьма недоверчиво, предполагали его стоящим в партии коммунистов и поэтому не доверяли.

Мне он говорил, что он поможет, если нужно будет, но участия в организации не предлагал. Что я состою в организации, ему я говорил. Свою помощь предлагал при условии самой строгой конспиративности.

В. Жуков

13. XII — 1919 года

ПОКАЗАНИЯ В. А. МИЛЛЕРА

I

Я, бывший полковник гвардии Миллер, педагогической деятельностью занимался в батарейных школах и в учебной команде. На фронте я преподавал пехотным офицерам артиллерийское дело. Больше педагогической деятельностью не занимался. В феврале 1918 года я вернулся с фронта, где командовал мортирным дивизионом. Поступил служащим в школу маскировки [1] на 150 руб. и паек, приводил в порядок дела канцелярии. В это время проводили штаты школы маскировки. Месяца через полтора я бросил школу. Мне пришла мысль о создании новой школы — школы полковой артиллерии. Обратился прямо к тов. Дзевялтовскому, который поручил мне составить план, сметы и штаты. Дело это, безусловно, должен знать, но нужна специальная подготовка. Для поступления требовалось среднее образование и командный боевой опыт. С июня — июля школа стала функционировать, начала формироваться в середине мая. Педагогический персонал с помощью ГУВУЗа [2] подбирал я лично. Рекомендацией служила предыдущая деятельность. Зав. учебной частью — Руссет, генштабист, окончил педагогические курсы, бывший инспектор Вольского или Оренбургского корпуса. Преподаватель артиллерии — Любачевский. Тактику и топографию читал Свенцицкий. Траншейные орудия — Дехтярев, бывший полковник, артил[лерист], заведовавший командой траншейных орудий на фронте, и Подгорецкий, бывший пехотный офицер. Гранатное дело — Брунцов, пехотный офицер. Газовое дело — Геникс, ныне инструктор классов в школе газотехники.

---

[1] Высшая школа военной маскировки.

[2] ГУВУЗ — Главное управление военно-учебных заведений.

В переменный состав принимались все изъявившие желание после проверки мною технических знаний, по заключению комиссара. Были левые эсеры Аносов и Коржов, сидевшие в тюрьме во время эсеровских восстаний. Был казначей Андреев, но его вскоре Подвойский взял с собою. Работать в школе мне не пришлось. В конце июля я по приглашению Подвойского занял место заместителя председателя военной секции ВВИ [1]. Возвратившись из поездки в середине октября в ГУВУЗ, по поручению ГУВУЗа я формировал Высшую стрелковую школу, с назначением и. д. н-ка учебного отдела.

После формирования учебного отдела, траншейных курсов, пулеметных курсов, стрелковых и тактических курсов я ушел, поспоривши с Филатовым, снова в распоряжение ГУВУЗа, где получил назначение для формирования школы окр[ужной] арт[иллерийской] в Москве; существовала на основании данного ГУВУЗом положения. Пока школа находилась в Лефортове, преподавателей было подыскать очень трудно. На артиллерийских курсах преподавателей-артиллеристов не было. Были окончившие в 1917 году. С переездом в Мертвый переулок [2] были данные найти более крупные артиллерийские силы (Смысловский, Тихоцкий).

Положение на всех советских курсах считаю катастрофическим, так как не хватает людей. Штатных преподавателей не дают, а приватные получают фунт хлеба и довольно. Все преподаватели ныне перелетные птички. Меня пригласили читать в Кремль. У меня два утра в неделю. Когда же меня перегрузили и я просил меня освободить от одного отделения, этого никак нельзя было сделать за отсутствием заместителя. Вообще, школы открываются без обеспеченности их педагогическим персоналом. Штат школы был увеличен приказом РВСР заведующим учебной частью Кривченко (генштаба), из школы полковой артиллерии, где был помощник, заведующий учебной частью. Я полагаю, что на вверенных мне курсах учебное дело, несмотря на его печальное положение, было поставлено лучше, чем в других местах. Снабжения учебными пособиями нет: что найдешь, то и имеешь, вплоть до карандаша. Материальную часть я потребовал от ГАУ [3], и она была отпущена, хотя в штаты и не включена. Отпущена в неисправном порядке, без панорам и прицелов. Я просил Кривченко расспросить всех преподавателей, нельзя ли где-нибудь достать или купить панорамы и прицелы. В конце концов они были куплены по цене 10 000 рублей — панорама и прицелы, две штуки. Кажется, Крив-

---

[1] ВВИ — Высшая военная инспекция.
[2] Ныне улица Н. А. Островского.
[3] ГАУ — Главное артиллерийское управление.

ченко сделал это через Кузьмичева с какого-то завода или что-то в этом роде, но откуда — с уверенностью сказать не могу.

В. Миллер

21/X — 1919 года

II

В прошлом году, в ноябре или декабре, встретил в Казначействе Николая Васильевича Маслова, который раньше служил в Земском союзе [1], и я его встречал на войне. После этого он начал захаживать ко мне и оставлял колеты [2]. Затем он исчез и появился в марте. Он говорил, что он служит в хозяйственной части 8-й дивизии. Рассказывал про Деникина и Колчака и говорил о выступлении в Москве, причем я всегда указывал на абсурд подобного предположения. В это время он уже работал в 8-й артиллерийской бригаде 3-й дивизии в хозяйственной части. Он оставил у меня колет (говорил, что деньги) и несколько других пакетов. Затем он исчез и снова появился в августе. В этот приезд передал он мне на хранение кучу бланков. Он говорил, что по поручению командира полка Виноградова должен разослать кой-кого своих людей за грузом. Он боялся, что у него документы могут пропасть. Он опять заговаривал о политике, и я опять отверг. Я очень просил его убрать бланки, так как не хотел подвергаться ответственности, но он целый месяц не заходил ко мне.

Несколько дней тому назад я встретил [его] случайно на Арбатской или Кудринской площади и спросил, когда он возьмет бланки. Он обещал через пару дней и просил подождать несколько дней. Карточку, которую вы мне показываете, я видел и познакомился месяц тому назад и видел его раза два. Приказ № 1 дал мне Николай Васильевич. Желая говорить совершенно чистосердечно и откровенно, я заявляю, что с человеком, который называл себя Василием Васильевичем, видался весьма таинственно и в различных местах на бульварах и т. п. Он предложил мне взять боевой участок Лефортово — Хлудово (прилагаемый при сем план), причем вместе с планом были еще какие-то бумаги. Я не давал своего согласия и сказал, что подумаю. Он обещал мне людей в будущем и во имя спасения России и поддержания чести мундира составить план. Однажды, кажется в конце августа или в начале сентября, меня Николай Васильевич пригласил на заседание. Заседание

---

[1] «Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам» — военно-общественная организация, объединявшая органы местного самоуправления (земства) для помощи царизму в ведении войны. Образован в 1914 году. Упразднен одновременно с «Союзом городов» декретом СНК от 4(17) января 1918 года.

[2] Колет — военный мундир из белого сукна.

состоялось на Малой Дмитровке в квартире Алферова Дмитрия Яковлевича, с которым я встретился по работе его транспортной конторы «Маяк». На заседании присутствовало человек пять. Никого, кроме Алферова, по имени и отчеству не знаю. Был также гражданин, которого вы называете Ступиным, он был знаком под именем Василия Васильевича [1].

Был еще один черный, высокого роста, усы маленькие. Был некто среднего роста, бритый. На собрании называли имя «Михаил Михайлович». Других имен не помню. Они уговаривали меня принять командование. Выступление предполагалось ими при взятии Петрограда или при крупных успехах деникинской армии на юге или при других событиях, могущих повлиять на общественное настроение. Силы наши подсчитывались так примерно: из школы — человек 50, из 35-го полка — ударная группа в 60—70 человек. Высшая стрелковая школа, по их словам, должна была дать большое количество, но я лично этому не верил. Примерно они считали от 150 до 200 человек. На школу маскировки почти не рассчитывали, на караульную команду рассчитывали, примерно на 30—40 человек. На заседании главным образом были заняты подсчетом сил.

Они говорили, что у них имеется склад оружия в районе Лефортово — Немецкая улица, дом не помню. Пироксилин и динамит, найденные в школе, находятся в школе с весны, не заприходованы по небрежности. Приносили по приказанию Николая Васильевича в отдельных пакетах, примерно по 20 фунтов, всего четыре пакета. Все положили ко мне в комнату, и первое время я даже сам не знал, что в пакетах динамит и пироксилин, и только дня через два он, Николай Васильевич, сказал, что это динамит и что нам пригодится. Я тогда отправил динамит в школу в Лефортово, а затем перевели школу в Мертвый переулок и сложили в чулан со всякой дрянью. Я велел Цветкову аккуратно положить, но сам я не видел, как он положил. Винтовки были у Фишера Михаила Владимировича, который состоял заведующим учебной частью пулеметных курсов. Был арестован, и, когда его выпустили, он бежал. Винтовки лежали на квартире, кажется, Серебряный п., д. 1, кв. 15 или 16. После его побега пришла его сестра и жаловалась, что он убежал и оставил три винтовки. Я согласился взять их в школу. Винтовки лежали в комнате. Револьвер Кольта мой и наган, которые по ошибке прислали из стрелковой школы.

Казначеем был Тихомиров Николай Иванович. Поручали разным лицам закупку оружия. Одну партию поручили купить мне и дали на это около 200 или 250 тысяч рублей. Я поручил купить К., но не знаю, купил ли он. Оба брата Сучковы не верили в выступ-

---

[1] Ступина звали Всеволод Васильевич.

ление и говорили, что приведет к напрасным жертвам. Насколько мне известно, гражданских организаций было несколько: «Национальный центр», «Возрождение»[1] и т. п. Я несколько раз говорил и возбуждал вопрос о средствах, на это мне говорили, что деньги имеются в достаточном количестве. Дмитрий Яковлевич извещал о заседаниях, но на субботу и на понедельник меня он не извещал. Может быть, мне Алферов говорил о заседаниях, но я не помню. Цветкову я давал поручение узнать, какие силы будут за нас в Вешняках, и он должен был разузнать об этом. На собраниях с командиром 35-го ж.-д. полка я не встречался. Лейе пришел ко мне в связи с перемещением. Ударную группу в 60—70 человек, кажется, определял сам Лейе. На заседаниях сам Лейе не присутствовал и докладывал о силах кто-то другой. К Лейю относились с недоверием, так как он молод.

Александр Николаевич Подгорецкий состоит инструктором нашей школы. Я ему давал поручения чисто осведомительные, так как у него был телескоп. Я посылал его в Калугу за снарядами. Пробыл он там около двух дней. Вся поездка заняла четыре-пять дней. Он подробного доклада мне лично не делал, о поездке в Калугу говорил только, что он переговорил со своими людьми. Ордер на склад был написан на [бланке] Комиссариата здравоохранения, каким образом был получен бланк, я не знаю.

Сучков на мое предложение поставить у него типографию для печатания воззваний — отказался, так как боялся навлечь на себя подозрение. Кривченко Петр Александрович — заведующий учебной частью у меня в школе.

Курилко Владимир Николаевич состоит делопроизводителем в школе. По отношению к нему я относился не с полным доверием, хотя чувствовал, что он свой человек. На заседаниях говорилось о подготовке взрывов, и мне было поручено найти людей для отправки на юго-восток: Пенза — Саратов — Рузаевка.

С Назаревским я встречался два раза. Я говорил ему, чтоб он дал статью в нашу нелегальную газету. Он сказал, что попробует написать, но написал или нет, я не знаю, так как статьи он мне не сдавал. Определенного плана восстания еще не было установлено. В штабе были различные предположения на этот счет.

Юделевич состоит заведующим отделом снабжения ГУВУЗа; записка, адресованная на его имя, мне не знакома.

А. А. Бутягина — учительница, квартирная хозяйка, читает на пулеметных курсах русский язык. Я также читал лекции в Кремле.

Сестра Бутягиной проживает по Брянской ж. д., разъезд 12, имение Собакино, Куйбышев Николай Владимирович раньше

---

[1] Имеется в виду «Союз возрождения России».

служил в Высшей военной инспекции, а потом назначен комиссаром какой-то дивизии. Помеченная надпись на чертеже означает: № 1 — вокзалы, № 3 — Таганка, № 2 — Лефортово, № 4 — Замоскворечье, № 5 — Дорогомилово. Во главе секторов должны были стать я, Лейе, Савелов, Яновский или Янковский (предполагаемый план).

Дегтярев состоит заведующим траншейными курсами в Высшей стрелковой школе. Теща моя и Мария Владимировна Поспологитокис, сестра Фишер желали открыть кафе или другое торговое дело, а потому я в книжке производил расчеты.

Шиловский Евгений Александрович служит в Высшей военной инспекции, знаю по службе.

На заседании говорили о побеге Стогова.

Свенцицкий Владимир Осипович состоит заведующим учебной частью в Кремле. Знаком с ним по службе.

21/IX — 1919 года

III

К прежнему показанию могу прибавить следующее: в № 2 Савенков, имя, отчество не знаю, бывший офицер, среднего роста, шатен. Квартиры не знаю, а служит в Народном комиссариате путей сообщения. Участник № 3 — фамилию не помню, должен был подойти с Рязанского шоссе, № 4 — Янковский или Яновский, имя не знаю, живет за Москвой-рекой. № 5 говорил, что в Дорогомилове предполагается формирование, но еще о нем одни слухи, так как разведка точных данных не дала.

Припоминаю, что кто-то докладывал, что ввиду отказа Сучкова типографию надо оборудовать в церкви; другой говорил о пустых монастырях; третий — о казенных учреждениях, но, на чем остановились, не знаю.

Из штаба дано было мне задание для прекращения передвижения войск в районе Пенза — Рузаевка — Саратов и Сызрань устроить взрыв ж. д., причем мною было поручено К. [найти] двух подходящих людей; люди были найдены, но не поехали. Причина — их недоверие к организации и кто стоит в центре организации. Оригиналы документов, из которых были сделаны подложные документы, были принесены с документами. Штабом было поручено Лейю отправить агентов к Мамонтову с осведомительными поручениями. Лейе обратился ко мне, и я ему посоветовал испросить по 20 тысяч на каждого на расходы и иметь документы на разные города. Бланки я ему дал из числа присланных ко мне. Когда выехали агенты и вообще поехали ли они, не знаю. Вопрос о том, получены ли 50 берданок от караульной роты, мне не известно и никаких распоряжений по этому поводу я не делал. От Суч-

кова я взял свой карабин, который у него хранился. Свидетельство о несуществующей воинской части было написано на имя Высшей военной школы маскировки, причем Сучков отказывался разрешить поставить у себя типографию. Когда была составлена вышеуказанная бумага, он временно согласился взять только на хранение машину, но тотчас же позвонил по телефону, чтобы машину не привозили. Некто лично мне обещал дать статьи или воззвания для набора. Назначил ли штаб кого-либо редактором, я не знаю, но техническая работа была поручена К. Лично я обещал дать К. статью; писать начал, но работа не клеилась. Я написал два воззвания и передал их для корректировки и печати К.

Лейе пришел ко мне по рекомендации кого-либо из общих знакомых. Ввиду предполагаемого расформирования его части он просил его устроить в 5-й батальон, причем я знал, что он свой человек. Был ли он с Богоявленским или с другим господином, я не знаю.

У меня на заседании были Всеволод Васильевич [1], Алферов, К. и еще один или два человека, которые пришли с ними. Мне было дано задание — линия Вокзальная площадь, слияние Москвы-реки с Яузой. Я распределил силы так: 35-й полк — вокзал; Савенков — Лефортово; я со своей школой — Таганка; за Москвой-рекой демонстрацию должен был производить Яновский. Другая группа одновременно действовала в районе Ходынского поля и окрестностей. Кто командовал, фамилию не знаю. Всеволод Васильевич на мой вопрос, кто, сказал: своевременно вам скажем.

В. Миллер

22/IX — 1919 года

IV

Насколько мне известно, предполагалось, что восстание должно было начаться около 6 часов вечера в нескольких пунктах одновременно — за городом и в городе. Город был разделен на два сектора. Центр первого сектора — Лефортово, а тыл — Вешняки; а второй сектор: центр — Ходынка и прилегающие местности. Руководителем первого сектора был назначен я, фамилия руководителя второго сектора мне не известна. Мой сектор был разбит на пять пунктов, и в моем распоряжении находились для действия в районах. Руководителями в районах были назначены Лейе, Савенков или Савицкий (работает в жел.-дор. учреждении, находящемся на Никитской улице [2], д. № 14, бывшее реальное учи-

[1] Так Миллер ошибочно называет М. М. Савваитского. Ниже он называет его также Савицким.

[2] В Москве были Большая Никитская (ныне улица Герцена) и Малая Никитская (ныне улица Качалова) улицы. О какой из них идет речь, установить не удалось

15 Заказ 541

лище и гимназия во дворе, роста ниже среднего, шатен, около 30 лет, кажется, одет во френч защитного цвета, бывший офицер, причем он говорил, что у него имеется около 100 человек бойцов), Янковский или Яновский, а пятый еще не был назначен. Лейе и Савенкова прислали ко мне из штаба, Янковского пригласил я сам — сколько мне помнится, с ним познакомился через Михайлова Александра Александровича. Он не знал, что я предполагал дать ему Замоскворецкий район, изъявил полную готовность, куда бы я его ни направил. Сучкову просил не говорить, так как ему не доверяли. Передвижные средства должны были прислать из штаба, а я должен был представить список необходимого количества автомобилей, мотоциклов, лошадей. Количество броневиков еще не было установлено. Броневики должен был доставить Савенков, причем после осмотра выяснилось, что взять броневики будет технически трудно выполнимо, так как слишком узкие ворота.

Заведующий учебной частью броневой школы Шематуров должен был оказать содействие для вывода броневиков. С Шематуровым встречался два раза. В первый раз он зашел ко мне в школу (Лефортово), а второй раз — на квартиру (Арбат). Прислали ко мне из штаба и во второй приход мы обсуждали о деталях. При этом разговоре присутствовали Савенков, Поздняков, Рубинский. Через Подгорецкого я давал поручения Звереву достать места в санитарном поезде для агентов, едущих для устройства взрыва на ж. д. в районе Саратов — Рузаевка — Пенза, и Подгорецкий принес от Зверева от 6 до 10 записок. Зверев присутствовал на заседании, где обсуждался вопрос о взрывах. Это было месяца $1^1/_2$ назад в помещении на Тверской, между Садовой-Триумфальной и Страстной площадью [1], на частной квартире, плохо обставленной, почти без обстановки. Со Зверевым я встречался на заседании у Дмитрия Яковлевича раза два. Насколько мне известно, он ведал инженерной частью, но наверняка сказать не могу. С Иваном Ивановичем Федоровым (служащий на Староконюшенном, дом № 33) я познакомился через Сергея Сергеевича Денисова (служит там же). Сергей Сергеевич был у меня на квартире, приблизительно в конце мая. Сейчас не могу вспомнить, кто из наших общих знакомых привел ко мне.

Сергей Сергеевич с самого начала уговаривал меня вступить в организацию активным членом. Он говорил о взрывах и в последующих разговорах обсуждал о способах, местах взрывов. Мне казалось, что Иван Иванович Федоров состоял членом штаба с совещательным голосом. Показания Подгорецкого о посещении Ивана Ивановича правильны. К Ивану Ивановичу заходил я раза два, причем он говорил о желательности взрывов в окрестностях

---

[1] Ныне Пушкинская площадь.

Москвы. С Поздняковым я познакомился в штабе на одном из заседаний, а затем встретил один раз у кого-то на частной квартире, а другой раз – на заседании Дмитрия Яковлевича, и затем он был у меня на Арбате. Он вместе с Рубанским Михаилом Ивановичем должен был выработать план действия стрелковой школы. С Рубанским я знаком давно, ему я давал поручения обследовать стрелковую школу со всех сторон и на всякий случай обследовать ж. д. в этом районе. С Руссет я знаком очень давно. Я говорил ему о нашей организации; он предупреждал, что меня могут арестовать, но на мой вопрос, откуда у него сведения, он не сообщил мне. Подгорецкий говорил мне о Лиснере, как о спекулянте и вообще как об интересной личности. Лейе мне говорил, что у них очень хороший политический комиссар и что он выручал их, когда Василий Васильевич потерял документ 35-го полка при побеге.

С Михайловым я познакомился месяца полтора назад в школе. Ему мною дано было поручение обследовать школу маскировки, Кунцевский район и прилегающие железные и шоссейные дороги. Руководителем Кунцевского района, кажется, должен быть некто в красных штанах, приятель Михайлова. Фамилию Талыпина я слыхал на заседании. Об Анищенко, кажется, кто-то говорил на заседании. Зверев в штабе докладывал, что, по полученным из Реввоенсовета сведениям, взято Дно, но по проверке оказалось, что это ложь, и вообще он читал сводки, полученные из РВСР. Рубанскому я давал поручения через Сергея Сергеевича войти в связь с ГВИУ на предмет технического оборудования взрывов мостов и телефонных проводов, но результаты были плачевны из-за недостатка технических средств.

Шуберт Ник. Алек. знал об организации очень туманно. Я говорил с ним, но он отнесся очень критически. Кажется, взрывы мостов были отброшены за неимением технических средств.

23/IX—1919 года

В. Миллер

Сегодня, 23/IX, Миллер рассказал, что в разговорах они строили планы, как захватить Ленина и Троцкого в качестве заложников против красного террора и для этой цели держать их в каком-нибудь имении вне города Москвы.

Ф. Дзержинский

V

Алексея Николаевича и Николая Николаевича Сучковых я знаю примерно с 1906 года. Николай Николаевич женат на моей

сестре Марии Александровне. Н. Н. Сучков окончил Московский лицей и Московский университет, работал при профессоре Озерове, читал лекции в лицее и готовился в профессора. А. Н. Сучков окончил Московский лицей и служил в Петрограде чиновником в Государственной канцелярии. Характеры их очень похожи: люди они крайне деятельные; я никогда не видал, чтобы они сидели без дела. Впечатление составлялось такое, что они сами себе придумывают работу. В то время я служил в Петрограде и мне редко приходилось их видеть. При встречах о политике не было и речи, так как я ею совершенно не интересовался, и весь разговор сводился к семейным делам или текущим событиям.

В 1914 году я с бригадой ушел на войну, а Сучковы были призваны и служили сначала, кажется, при штабе Южного фронта, а затем при ставке главнокомандующего. В 1916 году я первый раз услыхал, что ими создана школа военной маскировки, которая приносила реальную пользу нашей армии.

Служа в штабах и организуя школу, Сучковы приобрели знакомство во всех сферах. Все их знали, и они всех знали. Их знало строевое начальство, инженерное, артиллерийское и интендантское ведомства. По демобилизации нашей армии я вернулся в Москву в апреле 1918 года, Сучковы были в Москве.

Находясь без места, я был в очень тяжелом положении, и Сучковы предложили мне поступить к ним в школу. Я поступил на должность обслуживающего, и они мне дали работу по выработке и проведению новых штатов школы, так как школа жила еще по старым штатам и помещалась на Поварской, 5.

Одновременно с организацией школы Сучковы ведали комиссией по выработке форм обмундирования, которая помещалась в том же здании.

Работа шла самая кипучая; с утра и до поздней ночи толпился народ и шли заседания, которые имели очень серьезный, деловой характер. Я лично там встречал Подвойского, Дзевялтовского, Перчихина, Марьясина, инженера Величко, интенданта Акимова, Бабикова, представителей различных цехов: художников, портных, красильщиков, сапожников и т. д. Двери на заседания были открыты, и в зал проходило много посторонней публики. Кроме того, Сучковы работали и в других местах, так что часто бывали в отлучке. Я их иногда спрашивал: когда они отдыхают? Ответ был один: «Старая Россия сгнила и провалилась, мы обязаны строить новую, а когда идет постройка, отдыхать нет времени. Мы строим Россию по новым формам». Они были прямо влюблены в Подвойского, хвалили энергию Троцкого и восхищались великим умом Ленина. Никаких разговоров, кроме дела и работы, не было. Я поражался, с какой любовью и энергией они отдавались работе. Личной жизни у них не было.

В начале мая я ушел из школы и приступил к формированию 1-й Московской советской школы полковой артиллерии и боевых технических приспособлений. Имея собственное ответственное дело, мне редко приходилось видеть Сучковых, но каждый раз при встречах разговор был только деловой и всегда торопливый, так как они всегда куда-то спешили. У меня в школе были комиссарами Коржов и Аносов; случайно от них я узнал о готовящемся выступлении «левых эсеров». Я сейчас же предупредил А. Н. Сучкова; он тут же сказал: написать мне рапорт Подвойскому и прямо повез меня к нему. Я сделал доклад Подвойскому в 12 часов дня. Вечером был убит Мирбах, а ночью сам А. Н. Сучков с отрядом приехал ко мне в школу и по ордеру арестовал всех левых эсеров (июль 1918 года). Я знаю, что Сучков ездил с отрядом усмирять левых с.-р. Оба они были возмущены выступлением и громко это высказывали. В этот период Н. Н. Сучков работал в финансовой комиссии и страшно увлекался своей работой.

С 20 июля по 22 сентября я был в командировке при наркомвоене Подвойском. Осенью Сучковы переехали в Кунцево, а мне дали работу по формированию Высшей стрелковой школы. Сначала я работал в Москве, а затем, в декабре 1918 года, переехали в Вешняки. Сучковых видел редко, так как нас разделяло значительное расстояние, кроме того, я несколько раз не заставал их дома. При наших кратковременных свиданиях мне почти никогда не удавалось быть с ним наедине; все время толпился народ. Разговор вертелся только о белых и, главное, о школе. Высшая школа маскировки начала процветать. Пользуясь своим прежним огромным знакомством, они привлекли к работе в школе лучшие умы и силы. Кроме школы они создали целый ряд научных учреждений при школе. В этот период они работали не покладая рук, не зная ни отдыха, ни времени для еды. Школа принимала вид стройного научного учреждения. Мне часто приходилось слышать, как они жаловались на недостаток настоящих работников, на трудность что-либо достать и быстро провести в жизнь. Людей они подбирали, глядя только на их работоспособность. Так, они уволили из школы правителя канцелярии бывшего полковника Савича, заведующего строевым обучением Крупенского и многих других, фамилий коих не знаю; все увольнялись за скверную работу. Кругом пошел ропот, что Сучковы шкурники и не помогают своим, на них стали коситься. Михайлов им выразил недоверие, а С. С. Денисов прямо говорил, что Сучковых надо повесить как предателей. Когда я приезжал раньше в школу маскировки, то все отзывались с любовью о Сучковых; за последнее время отношения переменились, настроение было натянутое, о них говорили с досадой (частные разговоры).

Летом и осенью 1919 года я несколько раз говорил с ними о

политике (правда, мимолетом), и вот их взгляд: «Ни в какую контрреволюцию мы не верим, так как все это будет немедленно подавлено и вызовет только лишние жертвы лучших людей. Если и будет перемена, то она произойдет путем эволюции; большевизм есть наше национальное движение, и мы должны спокойно его пережить. Уже теперь он начинает укладываться в чисто государственную национальную форму и приобретает стройную форму. Что будет дальше, сказать трудно, но пока мы должны идти вместе с ним, так как это эпоха». От всяких активных действий они наотрез отказывались и просили об этом не говорить.

В середине августа я просил Сучкова поставить у них типографию, они в этом отказали, потом сказали: подумаем; ответа не дали. Наконец после долгих переговоров они дали согласие только поставить, причем заявили, что они ее проведут по книгам (середина сентября), но когда я вернулся домой, то они уже звонили по телефону, чтобы ее не привозили. Документ на типографию был изготовлен заранее, так как надеялись, что Сучковы согласятся. В производстве работ на типографии они прямо отказали. И, видимо, они были очень недовольны, что к ним обратились с подобной просьбой. Давным-давно у них валялись карабины с патронами (кажется, один из них он мне подарил, еще давно). В начале сентября я выпросил их у него и увез в Собакино, где и передал Валентине Александровне Бутягиной, прося ее их спрятать для меня. Осенью несколько раз они уговаривали меня бросить всякие организации и заниматься только созидательной работой по школе, говоря, что абсолютно в этом нет никакого толка и в конце концов из пустой болтовни я очень сильно пострадаю и не принесу никакой пользы.

Как-то, разговаривая о подборе служащих, они высказывались, что все силы употребляют, чтобы спасти и сохранить нужных для строительства России людей, оценивая их исключительно по их талантливости, способности и уму, и, действительно, в Высшей школе маскировки был отличный работоспособный подбор сотрудников, что и дало возможность поставить великолепно дело. Когда я говорил о политике с кем-либо из сотрудников школы, они относились к этому неодобрительно и несколько раз просили меня этого не делать. С кем они могли вести переговоры о политике и об организации, я не знаю.

С Николаем Александровичем Шубертом говорил только один раз об организации, но он отнесся к ней самым скептическим образом. С Николаем Вильгельмовичем Руссетом я часто говорил о событиях, он уговаривал меня бросить это дело, так как из него ничего хорошего не выйдет, и сам наотрез отказался принимать какое-либо участие в политических делах. Меня он предупредил, что мне грозит опасность. Почему он так думал, он мне не сказал.

Насколько помню, гусар в красных штанах и есть Янковский или Яновский, о котором говорил Михайлов, это было недели три тому назад.

24/IX — 1919 года *В. Миллер*

VI

В Реввоенсовете Республики у меня никаких знакомых не было. В самом Реввоенсовете я по делам службы был два раза и говорил с секретарем Глезаровым по делу о ставках и о призыве командного состава, но мне предложили подать рапорт по команде. Если бы у меня были знакомые, они навели все справки. Некоторые отрывочные сведения я получал через Подгорецкого, который их получал через телеграфиста или телефониста.

2) В Вс[ероссийском] гл[авном] штабе у меня тоже знакомых не было, и, приходя туда по делам, мне приходилось ожидать очереди наравне с другими. Мне пришлось там бывать по делу формирования школы. Я просил Сучковых указать кого-либо из их знакомых, чтобы мне не ждать в приемной, но они никого мне не указали.

3) В ГВИУ я был раза два, когда хлопотали о получении мотоцикла, никого там не знаю, так как и раньше не имел знакомых среди военных инженеров.

В ГВИУ мною был послан Рубинский с запиской, переданной через Подгорецкого; с ним он держал связь, я не знаю, так как, получив от Рубинского сведения, что реальных средств в ГВИУ нет, я больше им не интересовался, так как реального содействия оттуда ждать не мог.

4) Кавказца [...] Герасимов[ича] я раза два встретил в штабе [1], но с ним не говорил, так как он ко мне отношения не имел.

5) С огнеметчиками никакого дела не имел и даже не знаю, была ли такая команда.

6) С радио у меня никакой связи не было.

7) Фамилию Жукова я слышал в штабе, но с ним знаком не был и, какую он выполнял функцию, не знаю.

8) Про конницу я слышал мельком, что думают набрать немного всадников, но так как о ней почти при мне не говорили и для меня она не имела никакого значения, я ею не интересовался. Кто ее формировал, не знаю. (Справки даст штаб.)

9) В штабе Всеволодом Васильевичем мне было дано следующее задание: произвести одновременно взрыв мостов на всех ж. д.

---

[1] Говоря о штабе, Миллер здесь и далее имеет в виду штаб Добровольческой армии Московского района.

радиусом 50—70 верст от Москвы и также попортить телеграфное сообщение. Это надобно было сделать за несколько часов до начала выступления. Имея много знакомых в Высшей стрелковой школе, так как я формировал ее учебный отдел, я поручил это Рубинскому, то есть найти по нижеследующему расчету: для порчи ж. д. группы в 5—4 человек, на телеграфные провода по 2. Рубинский производил разведку моста по Николаевской ж. д., 54 верст; Рязанская ж. д. 74 верст, другие данные не помню. Все дороги были обследованы и партии были назначены, но они были малочисленны — по 1—2 чел., тогда я сказал Н. С. Цветкову, чтобы он подобрал людей среди местных жителей и дал бы их Рубинскому для усиления партии. Цветков нашел несколько человек. Распределение дорог намечалось следующим образом: Курская — Цветков, Рязанская – Рубинский и Миттельштедт, Нижегородская — Смирнов, Розанов, Савеловская — Тютнев, Курская - Курилко (ему людей в помощь я предлагал взять из 35-го полка от Лейе), Александровская и Брянская — А. А. Михайлов (из Кунцева). На другие дороги группы были еще точно не намечены. Разрушение проводов должны были сделать подрывные группы, так как не хватало людей.

Рубинский говорил, если дать рабочих, то руководителей он выделит из сформированных им групп. Рубинскому я верил, так что в детали не входил. Кроме того, для разрушения или серьезного повреждения одноколейного ж. д. моста надо около 2 пудов пироксилина. Нам нужно было достать около 38 пудов пироксилина или другого взрывчатого материала, капсюлей, бикфордова шнура. У меня имелось только около 2 пудов пироксилина, 7 капсюлей и аршина 2 бикфордова шнура. С партиями я не торопил, так как взрывчатых веществ достать было негде и я боялся лишней суеты и разговоров.

Когда в штабе выяснилось, что взрывчатых веществ окончательно достать нельзя, то мне предложили разобрать пути, пользуясь местным населением. За малочисленностью людей и ввиду инертности подмосковного населения я считал эту задачу невыполнимой и предпочитал собрать всех людей в ударную группу. Рубинскому ГВИУ обещало дать кошки для лазания по столбам, но и этого не дало, все дело так и кончилось разговорами и пожеланиями. Говорилось много, а реальной работы было очень мало.

10) Список лиц, с которыми имел дело по организации, видел в штабе или других местах:

1. Ступин Всеволод Васильевич,
2. Зверев Касьян Константинович,
3. . . . . . .Герасимович (кавказец),
4. . . . . . .Евгеньевич
5. Алферов Дмитрий Яковлевич,

6. Тихомиров Иван Николаевич,
7. .   .   .Василий Васильевич,
8. Талыпин Сергей Иванович,
9. Зыков (шофер Зверева),

[С которыми сам работал или должен был работать:]

1. Лейе Николай Р., 2. Поздняков, 3. Савицкий Михаил Михайлович, 4. Шематуров, 5. Подгорецкий Александр Никол., 6. Цветков Николай Серг., 7. [Кудеяр Сергей Антонович], 8. Рубинский Михаил Иванович, 9. Михайлов Александр Александрович, 10. Яндоловский, 11. Денисов Сергей Сергеевич, 12. Маслов Николай Васильевич, 13. Фишер Михаил Владимирович.

[Фамилии, которые только слышал:]

1. Стогов Николай Николаевич, 2. Жуков, 3. Щепкин, 4. Ланкевич, 5. Найденов.

[Фамилии лиц пассивных, которых я считал своими:]

1. Курилко Владимир Николаевич, 2. Тютнев, 3. Миттельштедт Борис Карл., 4. Смирнов, 5. Казаков Петр Петрович, 6. Михайлов Константин Александрович, 7. Федоров Иван Иванович, 8. Константин Петрович, 9. Горячев, 10. Толоконников, 11. Сучков Н. Н., 12. А. Н. Сучков, 13. Назаревский, 14. Ладыженский Александр Алекс., 15. Анисимов Сергей Владимирович.

По вопросу о взрыве двух летательных аппаратов никакого поручения я Подгорецкому не давал и говорил в частной беседе о моем разговоре с Иваном Ивановичем Федоровым, который высказывал пожелание об уничтожении аэродрома, на что я отвечал, что тогда пришлось бы охватить всю Москву, и по этому делу ничего не было предпринято. Допускаю, что Подгорецкий мог меня понять в том смысле, что я даю ему поручение.

28—29/IX — 1919 года *В. Миллер*

VII

Весной с. г. (апрель — май) ко мне стал заходить Николай Васильевич Маслов (он так называл свою фамилию). Я его встречал на войне в организации Земского союза в Варшаве, Ломже и Галиции — человек штатский, но все время убеждал меня работать, действуя на самолюбие и напоминая мой долг по отношению ко всему офицерскому корпусу. Заходил он ко мне несколько раз весной, летом и осенью. Адреса он мне не говорил, говоря всегда, что «я зайду сам», цель его была, очевидно, вербовка людей. В организации я его не встречал.

Весной пришел ко мне Сергей Сергеевич Денисов; его познакомил со мной кто-то из общих частных знакомых, кто, не помню, так как в это время у меня на квартире формировалась Москов-

ская окружная артиллерийская школа и у меня бывало человек по 50 в день (спросите у Денисова).

Денисов говорил о взрывах на ж. д. и просил у меня помощи. Я сказал, что буду искать людей. Через несколько дней он прислал мне на квартиру около 2 пудов пироксилина и мелинита; приносили разные лица, пакетами по 20 фунтов (4 пакета). Затем этот пироксилин я перевез в Лефортово, из Лефортова — в Мертвый, 5, где он и был найден при обыске. Как произвести взрывы: Денисов прислал сапера — Константина Петровича (его знает Подгорецкий), фамилию и адреса не знаю. С Денисовым я виделся за все время раза четыре-пять. Кажется, Денисов меня познакомил с Иваном Ивановичем Федоровым (служба была весной: Староконюшенный, 33, кажется, управление ж.-д. войск). К Федорову я заходил раза два-три и один раз посылал Подгорецкого. Разговоры вертелись около взрывов, но имели характер пожеланий и предположений. Людей и средств не было, и все кончилось одной болтовней.

Летом Денисов через Константина Петровича передал мне записку, чтобы я явился в штаб. Мне дали пароль и адрес (точно не помню) близ Бутырской тюрьмы (Николай Иванович) Ивана Николаевича, кажется, Тихомирова. Там впервые я встретил Всеволода Васильевича, разговор шел общий — произошло знакомство. К этому времени я просил Михаила Ивановича Рубинского, [из] Высшей стрелковой школы, подыскать людей для организации взрывов мостов на ж. д. вблизи Москвы, радиус — 50—70 верст. Фамилии, кого подбирал Рубинский, меня не интересовали, так как работа лежала на нем, а мне было важно иметь группу из 3—5 лиц на каждой ж. д. с аналогичной просьбой для Александровской ж. д. и Брянской. Я обратился к Александру Александровичу Михайлову — Высшая школа военной маскировки. Кроме того, я дал Рубинскому и Михайлову поручение подобрать людей из среды школ как активную группу на случай выступления. В Высшей стрелковой школе я вел переговоры с Борисом Карловичем Миттельштедтом, но он явился как бы в помощь Рубинскому. Рубинский получил записку от Денисова и был мною командирован в ГВИУ за получением технических средств, но средств дано не было за неимением, и взрывы состояться не могли. С кем имел дело Рубинский в ГВИУ, не знаю (спросите у Рубинского).

В начале августа я получил задание произвести взрыв моста в районе Саратов — Пенза — Рузаевка, так как люди Рубинского ехать не могли, то я просил кучера найти людей. Людей он нашел, но из-за недоверия к организации они не поехали. Техника выполнения такова: Иван Николаевич Тихомиров давал бланки на проезд, он же сказал Звереву, откуда принести пропуска на санитар-

ный поезд. Я посылал Подгорецкого к Звереву, и он мне принес 10—6 пропусков. На партию было ассигновано 20 тысяч рублей. Деньги дал Иван Николаевич (Николай Иванович). Посылка не состоялась, и документы были взяты у меня при обыске. Рубинский мне докладывал, что у него партии подбираются, и он насчитывает человек верных 15—18. У Михайлова насчитывалось человек шесть. Разведка мостов ими была произведена.

Подгорецкий Александр Николаевич был у меня для связи и выполнял разного рода поручения — связь.

На Николая Рейнгольдовича Лейе была возложена задача штабом послать людей для связи к Мамонтову. Первый раз Лейе пришел ко мне на квартиру из штаба поговорить о личном деле. Попросить Аржанова, которого я знал, назначить его командиром 5-го ж.-д. батальона, причем он с Алексеем Николаевичем Богоявленским, который просил похлопотать за него на предмет перевода его из 35-го полка в штаб ж.-д. войск. За А. Н. Богоявленского просил Хренников Иван Николаевич, который знал о моем обширном знакомстве. Кроме того, брат Богоявленского чинил в мастерской мой мотоцикл.

Следующий раз Лейе заходил и спрашивал совета, как отправить людей, я дал ему бланки и сказал, чтобы он взял из штаба 20 тысяч рублей на каждого едущего (аванс). В третий раз Лейе был у меня на предмет получения задания на случай выступления, так как штаб подчинил его мне с его 35-м полком.

На заседаниях в штабе я бывал редко (раз 6—7); два раза — в квартире у Триумфальных ворот, на Тверской [1], а остальные разы — на квартире у Алферова Дмитрия Яковлевича, М. Дмитровка, д. 2/4, кв. 44. На одном из заседаний мне было предложено организовать типографию. Я обратился к К., так как знал, что он имеет специальные познания в типографском деле (работал у Сытина и учился за границей). В конце августа он типографию нашел и хранил у себя, так как поставить ее было некуда. Впредь до приискания места для постановки машины согласился набирать готовый материал у себя на дому. В первую очередь я ему дал полученное от Д. Я. Алферова: 1) приказ, 2) приказание, 3) воззвание, и я сам написал два черновика воззвания. Также я обращался к Назаревскому, чтобы он тоже дал материал; он согласился, но материал до ареста им прислан не был. Работал ли К. один или в компании, я не знаю.

Одновременно я получил из штаба приказание достать оружие. Я сообщил об этом Подгорецкому и К. Через некоторое время К. сообщил, что оружие может быть добыто в значительном количестве (предполагалось приобрести приблизительно, согласно расчету, см. записку).

---

[1] Ныне площадь Белорусского вокзала.

На приобретение типографии и оружия было отпущено около 180 тысяч рублей, которые я передал К. Вследствие телефонного затруднения часть этих [денег], а в какой сумме, я не знаю, К. должен был вернуть Василию Васильевичу, с которым К. вел переговоры. Бланки для легализации склада оружия на Бауманской ул.[1] я получил от Алферова Д. Я., передал их К., который осматривал склад совместно с Николаем Сергеевичем Цветковым. Перевоз оружия производился на лошадях школы К., Цветковым, Толокониковым и Горячевым. Заведование складом возложили на Цветкова (у него документы). Откуда перевозили оружие, не знаю (К. знает). Сколько оружия было перевезено, я тоже не знаю.

В Кунцеве моя работа свелась к служащему. Связь я держал через Александра Александровича Михайлова. Про деятельность Сучковых я уже написал. Через Михайлова у меня завязалась связь с караульной ротой, где меня Михайлов познакомил с Яндоловским (гусар в красных штанах). Показанную мне ранее фамилию Янова или Яновского прошу не считать, так как правильно Яндоловский. Он сказал, что в любой момент будет вместе с ротой в моем распоряжении, вся связь через Михайлова. Кроме наружного оружия в роте имелось 50 берданок, которыми рассчитывал вооружить примкнувших крестьян. С другими лицами, кроме общих разговоров, я никаких серьезных дел в Кунцеве не имел. В Московском отд. Высшей школы воен. маскировки у меня никакой связи не было. Н. В. Руссет от всякого участия отказался, ссылаясь на старость и болезнь и необходимость помочь дочери.

Детали, как вел дело Рубинский, могу сообщить следующие: им были обследованы все ж. д., кроме Александровской и Брянской; на каждую ж. д. были назначены партии; из числа участников мне известны еще Тютнев, Некрасов — служат в Высшей стрелковой школе. Кроме того, я сказал Н. С. Цветкову, чтобы он в помощь Рубинскому подобрал несколько надежных лиц из числа жителей Вешняков и передал бы их Рубинскому. Группы делил сам Рубинский; на Курскую ж. д. должен был ехать Цветков, на Рязанскую — Миттельштедт и Рубинский, на Савеловскую — Тютнев. На Курскую я полагал послать Владимира Николаевича Курилко (делопроизводителя моей школы), а людей ему дал бы Лейе, так как он ведал охраной этой дороги. Николаевскую ж. д. нужно было взрывать только по особому распоряжению штаба. Деньги на разведку давал Иван Николаевич, и я оплачивал действительный расход, деньги давал Рубинскому.

В штабе мне приходилось бывать редко, так как все необходимое и срочное я передавал через Дмитрия Яковлевича Алферова. В штабе я встречал Ивана Николаевича, он ведал денежной частью; Всеволода Васильевича — начальника штаба, от которого

[1] В тексте улица Баумана.

и получал все приказания непосредственно; Зверева Касьяна Константиновича, который ведал самостоятельной отраслью, автомобилями; Талыпина, который ведал участком, но войти с ними в связь я не успел; Василия Васильевича, который играл видную роль, но какую, не знаю, его я видел раза три; «Евгеневича», имя и фамилию не знаю, который назначался быть начальником артиллерии; Михаила Михайловича Савицкого, командира полка; Позднякова — имя и отчество забыл — командира полка; Лейе Николая Р[ейнгольдовича] — командира полка; Алферова Дмитрия Яковлевича — связь, затем еще несколько лиц, с которыми мне не пришлось иметь никакого дела и фамилии которых я не знаю.

При важных вопросах Всеволод Васильевич уводил того, с кем должен был говорить, в другую комнату и там с глазу на глаз давал приказания. При мне однажды какой-то молодой человек в пиджаке делал доклад Всеволоду Васильевичу о рабочих в Волоколамске — впечатление было самое плачевное, по его словам, активных работников там почти не было. Зверев говорил, что в его распоряжении имеется много автомобилей. Еще раз я встретил уже не молодого человека, который ведал инженерным делом, имя и фамилию не знаю. Общая всех жалоба — на малочисленность людей, способных выступить в первую голову.

На последнем заседании, наконец, мне был дан определенный участок: центр его — Лефортово, тыл — Высшая стрелковая школа — Вешняки. Другой участок был Ходынка и прилегающая местность. Кажется, там командовал Талыпин, но я с ним на этот счет не говорил. Предварительный план был составлен следующий: одновременное выступление с двух концов Москвы, наступление на центр, при неудаче — оборона линии трамвая «Б». Под мое командование входили и мною было намечено следующее распределение:

1) Участок Лейе — вокзал, около 70 человек. 2) Лефортово — отряд Мих. Мих. Савицкого (по его словам, человек 50), он должен был вывести броневики, и дать шоферов должен был Шаматуров — пом. заведующего учебной частью Броневой школы. 3) Таганская площадь, куда должен был подойти из Высшей стрелковой школы Поздняков и Рубинский после захвата там оружия. Поздняков говорил, что у него имеется человек около 100. На этом участке я думал находиться сам, куда и предполагал вывести свою школу и при помощи Позднякова заставить ее целиком примкнуть. 4) Замоскворечье — караульная рота Высшей школы военной маскировки — Яндоловский (по его словам, около 160 человек). 5) Дорогомилово, куда я послал на разведку Подгорецкого, но ответа от него еще не получил.

Кроме того, штаб мне обещал дать еще людей. Таким образом, я рассчитывал для первого удара иметь около 500 человек. Конеч-

но, эту группировку я наметил только приблизительно и изменил бы ее в зависимости от обстановки.

Из Броневой школы мы должны были захватить 5 исправных броневиков, и, кроме того, Зверев должен был мне дать автомобили и мотоциклы, точного количества еще подсчитано не было. Лично проверить силы преданных мне отрядов я не успел и говорю со слов их командиров. Детальный боевой план еще выработан не был, так что и эта схема могла перемениться. Я слышал, что когда обсуждался вопрос о броневиках и автомобилях, то было предположено те машины, которые нельзя будет вывести, временно испортить (это знает Зверев).

Я слышал, как Зверев приносил сводки и читал их, но многое в них было наврано, так, например, сообщалось о взятии станции Дно. С политическим центром я связи не имел, так как и на это у меня не было времени, кроме того, я и раньше никого из членов не знал, так как политикой не занимался. Ввиду того, что в моем распоряжении не было радиотелеграфных станций, я с ними связи не имел. На мне лежали следующие обязанности: 1) типография, 2) покупка оружия, 3) командование восточным сектором, 4) организация взрыва мостов и порча телеграфных линий под Москвой. П. 3, кажется, отпадал за неимением технических средств и людей.

Служа все время в строю, я ведал боевой частью. Все деньги мне передавал Иван Николаевич лично или через Всеволода Васильевича, или Дмитрия Яковлевича. Деньги давались на определенный предмет и отпускались туго, видимо, в них был недостаток. С Иваном Николаевичем Хренниковым я имел следующие сношения: во-первых, семейные — он уговаривал меня помириться с женой, затем я его просил, не может ли он мне найти людей среди бывших обществ хоругвеносцев, но он все время крестился и никого указать не мог, после долгих переговоров он указал на Мохова, но я к нему не пошел один, а Хренников идти со мной не хотел.

Вид Хренников имеет ненормальный, так что я ему очень не доверял. Н. С. Цветкову я давал поручение собирать оружие, но о результатах он мне не докладывал.

28/IX—1919 года *В. Миллер*

VIII

Алферов говорил, что у него в штабе Московского округа есть знакомство, через которое можно хлопотать об оставлении призывного в Москве. Я просил его запиской пристроить гр. Оханова, за которого просил К. Оханова совсем не знаю и не видал.

Когда я первый раз был у Ив. Ив. Федорова, то разговор был

вообще о разрушении жел.-дор. полотна по всей России (крушения, разборка путей и проч.), так как это неминуемо вызывает пробки на всех узлах и тормозит все движение, причем он говорил, что создание таких пробок желательно. В дальнейшем, при другом посещении, разговор коснулся о взрыве мостов в районе Москвы; при следующем посещении он говорил о районе Пенза — Рузаевка. Знакомство с Федоровым состоялось весной, разговор о Пензе Рузаевке шел в начале августа.

Денисов С. С. заходил несколько раз весною и принес пироксилин. Недавно он опять зашел, причем, кажется, говорил о возможности скорого выступления. В связи со скорым выступлением я и послал к нему Подгорецкого.

Со штабом Ступина меня познакомил запасной преданный человек Подгорецкого, примерно в конце или в начале июля с. г., С. С. Денисов. Кто познакомил меня с Денисовым, не помню, вероятно, помнит Денисов. А. Н. и Н. Н. Сучковы в разговорах по телефону часто называли по имени и отчеству лиц, близко стоящих к правительству (Раттель, Подвойский, Кржижановский, Аржанов), часто бывал секретарь в Кремле и др. Никаких сведений стратегического характера Сучковы мне не давали. Возможно, что кому-нибудь другому и давали.

Формирование Высшей школы военной маскировки, кажется, началось или в штабе Брусилова, или в ставке главнокомандующего. Там много работал по делу школы инженер генерал Величко. Очень возможно, что Сучковы лично знали генерала Брусилова.

Акимова я видел в комиссии по выработке форм обмундирования, где Н. Н. Сучков был председателем. Но уходя из Высшей стрелковой школы, где я был начальником учебного отдела, был прикомандирован в ГУВУЗ, откуда получил формирования Московской окружной артиллерийской школы.

Анисимова знаю с весны. Полагал, что он может принять участие на основании предыдущих разговоров, в которых он иногда соглашался, иногда отказывался. К нему я послал Подгорецкого с предложением принять участие. Ответ Анисимова мне не известен.

С Шубертом Ник. Н. Н. Сучков был очень откровенен, при мне они иногда даже замолкали.

Шиловскому я предлагал содействовать (организации), но он наотрез отказался. Позднее, по возвращении из Украины, он ко мне заходил, но не застал.

Мое предложение касалось дачи сведений военного характера. Шиловский служил тогда в Высшей военной инспекции.

О настроении в школе маскировки. Старые слушатели большею частью люди безразличные, а вновь прибывающие стоят на платформе Советской власти. Служащие заботятся только о себе.

Стаж [1] — уменье рисовать; есть окончившие высшее учебное заведение, есть просто маляры.

Рубинский говорил о Казакове как о своем человеке, которому он поручил разведку.

Ладыженский у Рубинского работал по разведке. Иногородняя разведка была в штабе, и я отношения к ней не имел.

Давыдов Иван Владимирович — старший делопроизводитель счетного отдела ГУВУЗа (через него проходили сметы). Когда был призван, просился ко мне в школу. Давыдов мне рекомендовался Курилко на должность делопроизводителя.

Мурзин Сергей Николаевич служил у меня преподавателем мат[ериальной] части, ушел в жел.-дор. войска, Мурзин пришел ко мне из школы маскировки, когда был призван.

Относительно Могилева: кажется, там служили братья Ладыженского, однако к организации отношения не имеют.

В. Миллер

30/IX—1919 года

IX

П. В. Бергштрессер, бывший мой делопроизводитель в 1-й Московской школе полковой артиллерии, указывал на существование общества и предлагал поближе познакомить и ввести в это общество. Я отказался; вскоре Бергштрессер уехал в Рязань. Это было в ноябре прошлого года. Стыкова Виктора Васильевича видел несколько раз — он заходил к своему брату в школу (к Бергштрессеру).

Разговор о выступлении с Н. Н. Сучковым был приблизительно таков: в планы выступления его почти не посвящал, указывал в общей форме о возможности выступления. Из родственного чувства предупреждал его, что ему следует куда-нибудь уехать на случай выступления (например, переменить квартиру), словом, отстраниться от событий. Не думаю, чтобы Н. Н. Сучков считал меня вполне советским человеком.

Примерно в январе — феврале Н. Н. Сучков дал мне рекомендацию о вступлении в Коммунистическую партию; в то время я никакой политикой не занимался и только работал. Вторую рекомендацию я получил от сотрудника Высшей военной инспекции Бабина Евгения Ивановича.

В Городском районе от меня потребовали ряд формальностей, которых я сразу выполнить не мог и поэтому передал бумаги ко-

[1] Так в тексте. Возможно, речь идет о станковой живописи.

миссару Высшей стрелковой школы Дмитриеву через секретаря ячейки (не помню, кто). Дальнейших результатов моего заявления не последовало. Хотел получить обратно, но мне сказали, что их потеряли. Вскоре я ушел из В. с. школы (март).

В Московскую организацию я вступил в связь — конец мая начало июня. Неприем в партию меня очень обидел, так как я совершенно искренне работал.

Последний разговор о типографии с Н. Н. Сучковым был обостренный; я ему сказал, что нечего было путать, брать так брать или сразу отказываться. Я ему много раз говорил, что в городе ставить опасно («тысячу раз попадешься»), а за городом значительно безопаснее. Постановка типографии — поручение штаба. От печатания на машине в районе школы Н. Н. отказался, сказав, что это особый вопрос, согласился лишь на время спрятать типографию, однако далее и от этого отказался.

Штаб дал бланки для легализации машины. Содержание бланков: такая-то часть ввиду ухода на фронт предлагает школе маскировки принять на хранение печатную машину. Бланки — на имя Н. Н. Сучкова (кажется). Я просил поставить машину на самый короткий срок.

Недели за полторы-две до ареста я мельком видел Николая и Алексея Сучковых вместе. Николай сказал Алексею, что он хочет поставить в Кунцеве станок-американку. Алексей ответил: делай, как хочешь.

Через несколько дней я приехал в Кунцево с К. Николай был в Москве. Цель приезда — условиться о деталях, между прочим, познакомить с К., который должен был работать на машине.

Алексея Николаевича мы нашли в канцелярии, где произошел следующий разговор: познакомил его с К., и, когда стал говорить о станке, Алексей Николаевич сделал удивленный вид, стал спрашивать, зачем станок. Когда мы ему объяснили, что желательно печатать статейки осведомительного свойства, а затем напечатать кое-какие приказы и документы, воззвания, какие могут понадобиться, А. Н. завел бесконечный разговор с К. о партийности К. и прочее, причем К. ответил, что он беспартийный.

В это время вошел Назаревский. Тогда Ал. Ник. сказал: вот они хотят ставить станок, раз брат Николай знает, что он, Алексей, ничего не имеет против.

Кто-то тут зашел, и мы простились.

Уходя я просил Назаревского зайти ко мне в школу на предмет разговора о статьях, так как я знал, что он литератор.

К Назаревскому я отнесся с доверием потому, что Сучков нашел возможным при нем говорить о нашем деле — о постановке типографии.

Через несколько дней Назаревский ко мне зашел, и я просил

его написать воззвание к крестьянам окружных (вокруг Москвы) деревень. Воззвание не должно было иметь погромный характер, но должно было поддержать восставших в Москве и окрестностях в смысле объединения и информации. Назаревский согласился написать, однако ничего принести не успел.

Алексей в день его посещения нами уговаривал нас подождать Николая, но мы торопились и ждать не могли.

Вернувшись домой, мне сообщили, что звонили из Кунцева, чтобы я вещи не привозил (типографию). Конец разговора может подтвердить Назаревский.

Однажды в штабе был разговор, что хорошо было бы иметь в ЧК людей. Говорили также, что хорошо бы провести на командные должности отрядов особого назначения своих офицеров, спрашивали, нет ли у меня. Говорили, что нужно было пехотинцев, пулеметчиков, артиллеристов и т. д., но у меня никого не было.

В. Миллер

3/X—1919 года

Дополнительно:

Очевидно, братья Сучковы хорошо знали, для какой цели нужна была типография, но при разговорах этого не высказывалось.

В. Миллер

X

Относительно отправки штабом офицеров на фронт мне известно: поручено было Лейе отправить двух человек (см. выше).

Я лично отправил с целью спасения двух человек: одного, Комарова, отправил примерно перед пасхой — дал документы на Сызрань. Дал отпускной билет (по болезни) нашей школы. Второй меня просил Фишер отправить его приятеля в Самару (около пасхи). Поручений никаких им не давал.

Знаю, что связь была, деньги получались. Слышал, что примерно зимой в Англию уехал Чечерин, он служил в школе маскировки; когда он уехал, точно не знаю. Когда я говорил с К., я думал об этом факте, кроме того, я имел в виду слова Денисова с угрозой по отношению к Сучковым и сказал фразу: «что Сучковы у меня в руках», чтобы К. не боялся, возможно, что и приукрасил их для убедительности.

3/X—1919 года

О гарантии в верности Сучковых. Действительно, был разговор между Миллером и К. о том, что А. Н. Сучкова и Назаревского надо держать в руках, для чего признавалось желательным иметь против них какие-нибудь документы. При этом гр. Миллер сказал в успокоение К., который был опечален, что против А. Н. Сучкова у меня есть данные (я имел в виду слова С. С. Денисова, что он не минует веревки, а затем отъезд служащего школы Чечерина за границу).

С. К [удеяр]

Дополнительно:

XI

Назаревского я никогда раньше не видал. К Назаревскому отнесся с доверием потому, что А. Н. Сучков ему доверял, допуская при нем разговор о машине.

А. Н. Сучков сказал Назаревскому: «Вот приехали ко мне печатать противоправительственные вещицы».

Миллер предложил Назаревскому написать кое-что, тот согласился. Миллер просил его зайти в школу, потому что в это время постучались. Перед началом разговора в комнате были, очевидно, люди, никакого отношения к делу не имеющие (двое мужчин и одна женщина).

А. Н. просил их выйти из комнаты.

Миллер: Руссет к делу никакого отношения не имеет.

К.: Кажется, был в курсе некоторых дел организации.

На улице однажды при встрече Руссет предупредил Миллера, что ему, Миллеру, грозит опасность.

В. Миллер
4/X—1919 года *К [удеяр]*

XII

Алекс. Алекс. Михайлова видел в Кунцеве и в школе маскировки.

Знаю его давно, дал ему поручение примерно в начале августа обследовать Александровскую и Брянскую жел. дор. и наметить подходящие для взрывов мосты, причем такие, которые можно было бы исправить в течение недели, то есть 4 5 сажени.

Он ездил по этому поручению, сказал, что подходящие мосты нашел. С ним говорил Рубинский для установления деталей.

Рубинский дальний родственник Огородникова Николая

Александровича, с которым однажды Рубинский и зашел ко мне.

Л. Л. Кисловский говорил, что было бы хорошо завести поближе знакомство с кадетами и «Национальным центром».

Политические центры в Москве («Национальный центр», «Правый центр», «Союз возрождения»), я слышал, что порешили выделить военную организацию и не вносить в нее политику.

В. Миллер

9/X—1919 года

Относительно роли Сучковых — она двойственная: с одной стороны, они оказывали услуги сильным мира сего, с другой стороны, вызволяли и устраивали людей другого лагеря; так, например, Николай говорил, что ему удалось высвободить нескольких лиц, замешанных в процессе Вацетиса [1], недели за две до моего ареста.

По просьбе Лейя я просил Н. Сучкова, чтобы убрали из полка командира Чаброва и назначили другого, фамилия вроде Петухов или Потехин (см. записную книжку). Лейе рассчитывал, при Петухове легче заниматься своей контрреволюционной деятельностью.

По просьбе того же Лейя я просил Н. Сучкова ускорить перевод А. Н. Богоявленского из 35-го полка штаба ж.-д. войск.

12/X—1919 года *В. Миллер*

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ Л. П. ШЕМАТУРОВА

I

Со Зверевым познакомился по службе в Центроброне [2] 15 ноября декабря 1918 г. Зверев предложил мне вступить в организацию. Я согласился. Тогда он никаких фамилий не называл. Через

---

[1] В начале июля 1919 года Особый отдел ВЧК арестовал группу военных специалистов, служивших в Полевом штабе РВСР, - А. К. Малышева, Ю. И. Григорьева, Н. Н. Доможирова и др. Был также арестован и главком И. И. Вацетис. Всем им вменялось в вину вынашивание планов захвата Тулы, Серпухова, а затем Москвы к моменту подхода к ней войск Деникина. Расследование не подтвердило вины Вацетиса, и его через три месяца освободили из под стражи. К остальным арестованным была применена в ноябре 1919 года амнистия. Почти все проходившие по делу о «заговоре в Полевом штабе» потом продолжали службу в Красной Армии.

[2] Центробронь — Центральный совет по управлению всеми броневыми частями РСФСР. Находился в составе Главного военно-инженерного управления. В августе 1918 года реорганизован в Центральное броневое управление (ЦБУ).

некоторое время он сказал, что необходимо набрать людей для броневого отряда. Я предложил взводному инструктору Пеньковскому (бывшему поручику) поступить в организацию (он согласился) и преподавателю пулеметного дела, фамилии не помню, но могу восстановить, хотя это и не имеет в настоящее время значения, так как этот преподаватель уехал на родину в Польшу. Пеньковский перед пасхой уехал в отпуск, также не вернулся.

Организационная работа шла очень вяло, о чем могу судить по разговорам Зверева. Таким образом, в отряде у меня никого не осталось. Зверев передает мне этого Николая Васильевича Тарасенко, который служил в школе в должности заведующего музеем, но через некоторое время его от меня отнимает и Петрова, который, кажется, находится в настоящее время на 9-х Советских пехотных курсах. В июле Тарасенко откомандировывается в распоряжение Главброни [1].

Когда в мае Зверев пригласил меня зайти к нему, чтобы переговорить, я у него нашел Н. В. Тарасенко, Г. В. Тарасенко, Красавина и еще одного господина, фамилию его не знаю, но знаю, что он Генштаба. На этом заседании говорилось, что необходимо захватить броневые машины школы, определялось количество людей, необходимое для этого. Но о силах и плане не говорилось.

На следующем заседании, куда я был приглашен, у Миллера (кажется, начальник артиллерийской школы) говорилось, что необходимо скорей набирать людей. Когда я сказал, что у меня людей очень мало, то решили мне в момент захвата машины дать необходимое количество людей. Тут указано было, что наш участок — Лефортово; говорилось, что вместе будет действовать артиллерия и пехота. Но у меня сложилось впечатление, что сил у организации очень мало — все исчисляемое десятками, говорили, что есть человек 60 в Высшей стрелковой школе, около этого в железнодорожной охране и еще, кажется, упоминалась какая-то часть, но какая — не помню. Упоминалась еще фамилия Солоева, с которым я познакомился в начале сентября, он предназначался в мой отряд — так говорил Зверев.

Зверев говорил, что организация очень сильна, она правильно построена и что можно надеяться на успех. Но на этих двух заседаниях, на которых мне пришлось быть, я, повторяю, вынес впечатление, что силы-то и не было, все было построено на предположениях. Мое искреннее желание искупить вину, а потому прошу, если возможно, назначить меня на фронт в действующую артиллерию как артиллериста. Своей службой, уверен, сотру пятно, лежащее теперь на мне. По своему имущественному положению

---

[1] Главбронь — Главное броневое управление, созданное на базе ЦБУ в январе 1919 года.

я принадлежу к пролетариям. Работать с такими людьми, которые ни к чему не способны, не хочу. А на что способен русский пролетариат, вижу, а потому буду, если дадут возможность, работать с ним и на него.

На предложенные вопросы отвечаю.

Зверев Константин Константинович [1] предложил вступить мне в организацию в октябре — ноябре 1918 года. Конкретных заданий тогда мне не ставилось, а к ним подошли лишь в это лето, предложено было сформировать броневой отряд путем подбора людей. В этом направлении мной было сделано следующее: 1) предложено вступить в организацию бывшему офицеру, занимавшему у нас в школе должность взводного командира, Пеньковскому, имени, отчества его не помню, он уехал в отпуск, куда — не знаю. Тарасенко Ник. Вас., передан мне Зверевым, занимавший должность заведующего музеем, откомандирован в Главбронь и оттуда, кажется, послан на Восточный фронт. Предложено вступить Владиславу Станиславовичу, фамилии не помню, знаю только, что польская, и занимает должность преподавателя пулеметного дела в школе. Затем переданы мне Зверевым были Петров, имени, отчества не знаю, на первых Советских курсах (не смешивать с Вас. Вас. Петровым, который в школе на должности преподавателя пулеметного дела); Соедов Леня (не то Алексей, не то Леонид) был передан мне Зверевым — служит Соедов, кажется, в Реввоенсовете.

Моя роль должна была заключаться в содействии выводу броневиков. В момент восстания должны были быть присланы люди, поступающие в мое распоряжение. Рассчитывать можно было лишь на два броневика, которые были вполне исправны, при желании можно было воспользоваться не вполне забронированным «фиатом» и манжманмуляк — полуброневой, невооружен.

На первом собрании, кажется июль месяц, где присутствовали Зверев, два брата Тарасенко, я и генштабист, фамилии не знаю, блондин, в очках (кажется, Тарасенко Георг. Вас., брат Ник. Вас., служил в Главброне, а затем перешел в Реввоенсовет),— на этом заседании генштабист расспрашивал нас о машинах, качестве, настроении курсантов, рекомендовал проникнуть в соседние курсы, чтобы узнать настроение тех. Заседание происходило в квартире Зверева, днем, в праздничный день.

Добавляю, что на этом заседании был еще Красавин Серг. Ник., он был у нас в школе, завед[овал] строевым отделом, а потом перешел в гараж формирования.

Второе заседание было в начале сентября на квартире Миллера; присутствовали Миллер, Зверев, я и еще трое или четверо, фамилий их я не знаю. Оно было после пяти часов дня, в будний

[1] Зверева звали Касьян Константинович.

день. Обсуждалось: Миллер говорил, где придется действовать район Лефортово. Думаю, что один из троих присутствующих был из Высшей стрелковой школы. С Миллером я встречался всего лишь два раза — первый раз был послан к нему Зверевым в конце июля и второй раз на этом заседании. На первом свидании Миллер спрашивал о качестве машин и количестве людей, необходимых для их захвата,— человек 300 нужно было. Одним словом, я предназначался лишь для роли захвата броневиков нашей школы, полагаю, что во главе всех броневиков, которые предполагалось захватить, стоит Зверев. Какие еще броневики хотели захватить, мне не известно и мне не говорилось,— предполагаю, что рассчитывали на гараж формирования (Петроградское шоссе [1]).

Л. П. Шематуров

28/IX—1919 года

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ Н. С. НАЙДЕНОВА

В последнее время я служил в качестве слушателя курсов на курсах разведки и военного контроля [2] при Полевом штабе РВСР [3]. Вместе со мной кроме семьи жили мой товарищ по курсам и по полку Борис Николаевич Освецимский и брат жены, окончивший артиллерийские курсы на Ходынке, Дмитрий Алексеевич Илларионов. В июле или августе прошлого года Соколов Вл. Ив. предложил вступить в организацию, которая поставила своею целью охрану порядка в случае ухода власти Советской или переворота. Организация сама не ставила себе задачи сплотить нашу бывшую 14-ю дивизию. В этой организации я только его и знал и предложил вступить в нее своему товарищу по училищу С. Ив. Талыпину. Тот согласился.

Я служил в этой организации без жалованья. Жалованья никакого не было, давали вспомоществование тем офицерам, которые не имели должности. Я находился на учете. С Тихомировым я познакомился у Соколова. После ареста последнего Тихомиров явился ко мне, объяснил, что Соколов сознался, что его скоро освободят и что участие в организации нисколько не опасно и принимает как будто легальное положение. Из членов организации я встречался с * * * и Ступиным — начальником штаба (дивизии), Филипьевым — заведующим конницей, Зверевым — заведующим броневи-

---

[1] Ныне Ленинградский проспект.

[2] Военный контроль Регистрационного управления Полевого штаба РВСР контрразведывательный орган Красной Армии, вел борьбу с иностранным шпионажем. В начале 1919 года был объединен с фронтовыми и армейскими ЧК. Новый орган получил название Особого отдела ВЧК. Здесь употреблено старое название курсов, существовавшее до января 1919 года.

[3] В тексте ошибочно «РСФСР».

ками и вообще автомобильной частью, армянином или грузином, вернувшимся из плена, нигде не служит, должно быть дезертир. Знают его Алферов и *_*_. Дальше знаком был с вышедшим из тюрьмы после второго обыска у Соколова, который формировал, кажется, Киргизскую часть и уехал. В последнее время, приблизительно с января, я был сначала при Соколове и затем командиром полка Замоскворецкого участка (от Крымской площади до Краснохолмского моста), начальником связи был у меня сначала Конст. Дмитр. или Дм. Конст. Арбатский, служивший в какой-то технической части на Театральной площади[1] и живший по Б. Дмитровке, д. 33 (?) (а может быть, и М. Дм.), а потом уехавший на фронт, кажется на Западный. После Арбатского начальником связи был у меня Александр Емельянович Ланкевич, служит в Законодательном Совете[2], живет: Новослободская, 9 или 11, одноглазый. Миллера я встречал несколько раз.

В последнее время участок мой был переменен, хотя точно не был определен, мне должны были дать Кусково, где рассчитывали на часть курсантов (около 40 человек), этим должен был ведать Миллер, и в его подчинение я должен был поступить.

Возвратившись с заседания от Миллера, я сказал Освецимскому: «После разведки Миллера в Кунцеве (или в Кускове) нам следует проехать туда и произвести новую разведку, может быть, пошлем Ланкевича». Говорил ему, что нам обещают дать человек 40 курсантов. Говорили, есть оружие и орудия.

У меня была еще группа в четыре человека: Георгий Мих. Зверев, брат его и у них два или четыре человека. Г. М. Зверев бывший штабс-капитан Особого полка (для Франции), Рыкунов на фронте под Оренбургом (кавалерист).

Фамилии лиц, состоящих у меня в полку:

1) Освецимский, помощник командира полка, получал 750 рублей.

2) Нюберг, присланный не то Арбатским, не то Рыкуновым, кажется, Дмитрий Константинович, батальонный командир, получал 500 рублей, служил в Окарту[3], отправлен на фронт в поезде Троцкого с партией офицеров, кажется, в июне месяце. Потом возвращался в госпиталь в августе или сентябре месяце, бывший пехотный подпоручик, тов. ком. Декбаха.

Кажется, получил должность на Ильинском пер.[4]

---

[1] Ныне площадь Свердлова.

[2] В Военном законодательном совете РВСР. Законодательные советы наркоматов и Реввоенсовета республики — органы, ведавшие подготовкой и юридическим оформлением ведомственных нормативных актов.

[3] Окарту — окружное артиллерийское управление.

[4] Ныне 2-й Обыденский переулок.

У Нюберга два члена, один артист, другой офицер слегка еврейского типа. Оба заходили ко мне раза два, получали по 150 рублей.

5) Ланкевич — начальник связи.

6) Комаров Владимир Иванович, батальонный командир, получал 500 рублей. Бывший пехотный офицер, строевой офицер в Алексеевском училище. Рекомендован Освецимским, поступил из страха перед белыми.

7) Смирнов Алексей Николаевич, кажется, левый эсер, на службе в Главном штабе, и Смирнов сам просил принять его в организацию. Служил раньше в Главном штабе, получал 200 рублей, должен был быть вторым начальником связи, бывший пехотный подпоручик какого-то стрелкового полка.

Знаю следующих лиц:

8) Аносов или Анохин, рекомендовал Арбатский.

9) Лабунский приходил с товарищем высокого роста, широкоплечий, кажется, Константин Константинович. Хотел прийти от Рыкунова к Найденову, но я отказался. Бабунский был направлен из полка Рыкунова (жившего на Пречистенке, угловой большой дом, Курсы военного контроля, кв. 24, на последнем этаже слева) вместе с товарищем к Филипьеву.

10) Рыкунов, командир полка в обоих лагерях: у белых и красных. Заходил к Найденову, чтобы получить явку в штаб. Ланкевич справился у Тихомирова, и я направил его к Филипьеву.

Я должен был быть отправлен на фронт, сообщил об этом Тихомирову, тот по общему правилу организации просил постараться остаться здесь, а если придется уехать на фронт, то держать связь на случай вызова. Комаров рекомендовал Освецимскому поступить на Курсы военного контроля. Я обратился к Ив. Ник. за рекомендациями коммунистов через Ланкевича. Ни у ***, ни у Минченко я рекомендаций не достал, а получил от председателя домового комитета, коммуниста, в д. № 50 по Б. Якиманке [1], трамвайного служащего. Тот к организации не причастен; вторую рекомендацию дал Н. Н.[2], знавший, что я член организации. Потом Георгий Ник. Мячин (непричастный к организации), служит в Окружном военном комиссариате [3] [и 4-ю рекомендацию дал Флейшер] [4].

Н. Найденов

---

[1] Ныне улица Димитрова.

[2] Н. Н. — Роменский С. В.

[3] В тексте книги допущена опечатка, написано: «в Окр. С. Комис.». Сверено по архивным материалам.

[4] Восстановлено по подлиннику.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ С. С. ДЕНИСОВА

I

Я, нижеподписавшийся, в организацию Народной армии [1] вступил приблизительно в апреле месяце с. г., но не в качестве члена, а только на испытание, причем от содержания отказался. Не вступил я прямо членом по той причине, что мне не было известно ни ее лозунгов, ни имен лиц, стоящих во главе, и вообще о правилах партии мне ничего не говорилось, что невольно давало повод думать о несерьезности организации. О Народной армии я слыхал еще раньше от ехавшего из Сибири лица, фамилия коего осталась неизвестной. Впоследствии я узнал, что партия состоит под начальством Деникина и оттуда идут все указания. Приходилось слышать, что приехал гонец, но что он сообщил, передавалось сбивчиво и неясно. Со мной о партии переговоры вел Жуков Владимир Данилович, и, согласно правилам, других лиц я знать не мог. Еще до окончательного вступления в члены мне сообщили, что главенство перешло к Колчаку и Деникин подчинился ему. Все мои старания узнать, кто же стоит во главе, так и не удались; все, что приходилось слышать, показывало, что главы нет, так как многие распоряжения были абсурдны до глупого. Так, например, было предположено сделать выступление, но силы, с которыми это выступление предполагалось, подсчитывались в несколько сот человек.

Несмотря на то что я еще не был членом, в своих разговорах с Жуковым пришли к заключению, что при таком положении необходимо порвать всякую связь с организацией, так как под предлогом скрытности, по-видимому, скрывалась просто пустота, а мы являемся одураченными пешками. Когда же я вступил в члены, то есть примерно в конце июня, мне было сообщено, что я должен вербовать членов организации на тех же основаниях, что и я сам, то есть могу лишь одну фамилию знать, а других фамилий быть не может, полное отсутствие записей и предлагать содержание. Подобная вербовка для меня оказалась невозможной, так как в Москве у меня друзей не было, а обратиться к малоизвестному лицу со столь скудными данными представлялось неразумным и рискованным.

Данные о новых членах давались к 1-му и 15-му числу месяца, и отсутствие данных о членах, завербованных мною, привело к осуждению меня.

Еще одно поручение натолкнуло меня на необходимость оста-

---

[1] Имеется в виду Добровольческая армия Московского района.

ваться в единственном числе – это указание, что необходимо найти лиц, на которых можно было бы возложить бой на улицах. Тогда же я ответил Жукову, что полагаю, что это дело высшего командного состава, а не маленького члена организации.

Вскоре после этого возник вопрос о переводе меня в ГВИУ, в штаб желвойск [1], вследствие чего я отправился к начальнику железнодорожных войск Ив. Ив. Федорову, где познакомился с начальником артиллерийской школы Миллером. Увидевши, побывавши у него, что он очень осведомленный человек, я решил познакомиться с ним ближе, о чем сообщил Жукову, и через несколько дней я получил указания, что переговоры с ним будут вестись не мною, а Иваном Николаевичем (фамилия мне не известна).

В какой области и действительно ли велись указанные переговоры, мне не известно, но в ближайшие дни я получил пакет от Жукова со взрывчатыми веществами и передал его Миллеру. С тех пор я Миллера не видел почти до самого отъезда в Петроград, так как он переменил адрес и переехал неизвестно куда. Перед своим отъездом я получил указание от Жукова отправиться на квартиру к Миллеру (на Арбате) и переговорить с ним, нельзя ли каким-либо образом составить партию людей для отправки на подрывные работы, в район Пензы, а также и составить несколько команд телефонистов. Из весьма непродолжительного разговора с ним я вынес впечатление, что он принимать участие в этой работе, по-видимому, не находит возможным, так как все это западня, а уговаривать людей ехать почти на верную смерть он не находит возможным. На это я сообщил, что пусть все эти соображения он передаст опять-таки Ивану Николаевичу. Была ли сорганизована эта партия или нет, мне не известно, и какое участие принимал в дальнейшей работе Миллер, также не знаю ввиду срочной командировки от штаба в Петроград к представителю Украинской чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии для осмотра имущества, им предложенного для желвойск, и также для срочной отправки 31-й роты на фронт. На квартире инженера Куропаткина я был взят засадой и два месяца отсутствовал, из коих месяц был заключен в Петрограде и один месяц в Вологде на работах.

С Федоровым каких-либо переговоров по вопросу телефонных проводов не вел, так как подобных заданий не получал. Вообще Ив. Ив. Федорова членом организации Народной армии считать не мог по той причине, что, как передал Жуков, узнавши, что я был у него, предупредил о том, что он является неблагонадежным и за ним, а также за мной будет установлено наблюдение.

О количестве переданных Миллеру пакетов мне не известно, так как мною передан лишь один.

---

[1] Желвойска — железнодорожные войска.

Серг. Ник. Цветкова знаю лично как частного знакомого, и его отношение к организации мне не известно. Встречался и познакомился с ним на квартире Конст. Иван. Величко, к которому по праздникам приходили играть в винт, там почти каждый раз встречался с Цветковым.

С Подгорецким виделся один раз, когда был у Миллера перед отъездом в Петроград. О нем как о члене организации не знаю ничего и также и не слыхал от Жукова. Насколько мне известно, он большой друг Миллера. Еще раз повторяю, что ввиду моего короткого срока состояния в организации как члена я никаких лиц не знал, в качестве членов, кроме указанных, и моя деятельность лишь на указанной работе, да и то прекращенной вследствие моего отъезда. Что было после меня, не знаю, так как никакой связи с тех пор не имел.

Считаю нужным добавить, что ваш вопрос о партии центра, по-видимому, не есть одно и то же, что Народная армия, так как о центре мне слышать не приходилось. Самое же название Народной армии стало мне известно уже в конце июня, когда прошел слух, что власть перешла к Колчаку.

Нужно прибавить, что сведения, которые нам сообщались, всегда сводились к массовым победам, преувеличенным различным данным, к полному победному движению и к угрозам к находящимся в России лицам. Причем указанные данные не подтверждались, что, безусловно, приводило в недоумение и внушало недоверие к членам организации.

С. Денисов

5/X—1919 года

II

Для более ясного понятия о моем участии в деле организации Народной армии я считаю нужным разъяснить некоторые пункты, которые из первоначального допроса не совсем ясны. Дело в том, что мое участие в организации захватывает лишь промежуток времени от июня до 2—3 августа, после чего я уехал в Петроград и прервал всякую связь с работой. За все свое пребывание я имел дело лишь с В. Д. Жуковым, при котором я состоял лицом связи с некоторыми членами организации его группы. Из допроса я понял, что вслед за мною уехал и Жуков, о чем я тоже не был осведомлен, но, очевидно, с его отъездом были произведены изменения в группировке, а также были предприняты новые решения и приводились к окончанию ранее намеченные. Все указанные пункты для меня неизвестны, и естественно, что на многие вопросы я лишен возможности дать ответы.

Полагаю нужным прибавить к моим показаниям о Миллере следующее: познакомившись с Миллером и введя его в организацию, связавши его по распоряжению Жукова с Иваном Николаевичем, я получил представление, что Миллер имеет у себя группу лиц, с которыми он предполагал работать, а потому дать показания о его работе для меня не представляется возможным ввиду его самостоятельной работы и прекращения моей связи с ним. Одним из указаний, которое было передано мною от Жукова,— необходимо послать в распоряжение Константина Константиновича [1] одного человека для получения указаний по разведке железнодорожных сетей.

Что касается связи с Константином Константиновичем, она ограничивалась лишь передачей незначительных распоряжений, и по большей части все переговоры с ним вел сам Жуков.

По вопросу установления через меня связи с ведающим броневой частью Зверевым могу сказать лишь очень немного, так как об этом решении узнал от Жукова в конце июля и [оно] состоялось за несколько дней до моего отъезда случайно, столкнувшись с ним в кабинете Жукова.

Связь моя с автомобильной частью не состоялась и осталась непосредственно за Жуковым; думаю, что причиною этому была особенная конспиративность лица, стоящего у этого дела, до сего времени оставшегося мне неизвестным.

По вопросам взрывов на жел. дорогах могу сказать следующие дополнительные указания: незадолго до моего отъезда в Петроград я получил приказание переговорить с Ив. Ив. Федоровым по вопросу взрыва в районе Пензы — Рузаевки и просить дать ему заключение о наиболее выгодном для этой цели пункте. На указанный вопрос Ив. Ив. дал заключение, что наилучшим районом для указанной цели является Пенза.

Передавши это соображение Жукову, я получил от него указание переговорить с Миллером о возможности сформировать для этой цели команду. Во время этих переговоров я впервые и единственный раз видел Подгорецкого, да и то он участия при разговоре не принимал, и, состоял ли он членом организации, мне не известно, так как его участие в этой цели ограничилось тем, что он меня провел на квартиру Миллера, с которым я впервые встретился после июня месяца. До сего времени моя связь с Миллером была прервана. Ввиду же моего отъезда все дальнейшие переговоры относительно партии должны были вестись с Жуковым, и в результате их, а также о приведении в исполнение указанного плана я не в курсе.

Для полного разъяснения считаю нужным дополнить, что, будучи членом организации Народной армии, то есть чисто военной

---

[1] К. К. Анчутин.

организации, имеющей целью лишь восстановление Великой России, никакими другими политическими организациями я не интересовался и этот вопрос для меня, человека, никогда не занимающегося политикой, мог представлять лишь случайный интерес. Почему и не задавал себе вопроса, состоит ли то или иное лицо в гражданской организации. Таким образом, дать определенный ответ о причастности Ив. Ив. Федорова к другим организациям является затруднительным.

Денисов

7/X—1919 года

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ А. С. ЖИТНИКОВА

Зверев предложил мне работать в Московской организации штаба Добровольческой армии в начале или середине августа.

Зверев познакомил меня с Дмитрием Яковлевичем (высокий, седой). Алферова фамилию слышал. Зверев посылал мне несколько раз Георгия Тихоновича для извещения о приходе к Касьяну Константиновичу. Георгий Тихонович был курсантом Военно-педагогических курсов.

Мое участие было в подыскании людей для организации. Со мной был мой брат. Деньги я получал от Зверева — 300 рублей в месяц, брат получал столько же.

Еще был один офицер, Тарасевич Валентин — курсовой офицер пулеметной школы в Кремле. На Тарасевича мне указал Зверев, который хорошо его знал как однополчанина. Тарасевич звонил мне через день - через два по телефону.

Он просил Тарасевича навести справки, когда курсанты пулеметной школы ходят на занятия (часы выхода в поле).

Георгий Тихонович говорил, что при выступлении необходимо занять Кремль, для чего нужно знать распорядок жизни Кремля и местонахождение оружия. Обследование Кремля (расположение постов, порядок несения караульной службы и проч.) было поручено Тарасевичу.

Недели две назад Георгий Тихонович вызвал Тарасевича и обещал свести с двумя офицерами или курсантами из Кремля.

Моему брату Рафаилу Зверев хотел дать какую-то задачу как пулеметчику, эту же задачу должен был исполнить и Тарасевич.

Иногда я рассказывал Звереву содержание сводок, иногда - Георгию Тихоновичу.

По-видимому, Зверев и Г. Т. имели лучшую информацию о фронте, чем мог я иметь. Например, о Мамонтове.

У Зверева видел двух офицеров (один молоденький — раз-

вязный, по моему предположению, служит в оперативном отделе[1]), так как говорит очень подробно о положении на фронтах, о занятии К[асторной]. Орел не занят, отряды Мамонтова двинулись на Мценск. Занят узел под Воронежем, сведения эти мне по службе не были известны.

Другой, по-видимому, довольно видная фигура, потому что Зверев к нему адресовался. По-видимому, штабной. Поразило меня удивительно спокойное выражение лица и спокойный, ровный голос.

Георгий Тихонович заходил иногда на службу ко мне. Предлагал использовать офицеров, приезжающих из Украины.

По-видимому, они хотели меня использовать для того, чтобы устраивать в Москве лиц, которые им нужны.

Зверев интересовался, каковы бывшие офицеры в штабе, особенно Новиков.

Однажды просил дать сведения: какие части находятся в Москве? Я сведения дал через командное отделение штаба округа; за последнее время (месяца два) переводов из одной части в другую было очень мало (два-три случая).

А. Житников

30/IX—1919 года

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ Б. К. МИТТЕЛЬШТЕДТА

Родился в Москве, 65 лет, на курсах траншейной артиллерии Высшей стрелковой школы состоял пом. заведующего учебной частью, окончил юридический и историко-филологический факультеты в Московском университете, гимназию Кринина; сын купца, оставившего 100 000 рублей после себя; окончил Александровское военное училище в чине прапорщика в августе 1917 года.

1) К партиям не принадлежал, но сочувствовал меньшевикам ввиду мирного и постепенного проведения их программы.

2) На фронте никогда не был.

3) Привлечение в организацию состоялось приблизительно в марте, где я служил тогда с Миллером. Привлек меня Миллер.

4) Ввиду моего отказа принимать участие в активных действиях Миллер предложил мне оказывать содействие в той или иной форме.

5) Приблизительно в конце мая Миллер предложил мне организовать группу в стрелковой школе, привлекая новых членов.

---

[1] Оперативный отдел Полевого штаба РВСР.

Я уклонился от этого поручения. Миллер замял этот разговор, сказал, что он подумает. Потому у меня создалось впечатление, что Миллер поручил это дело другому лицу и что группа, по-видимому, образовалась.

6) С Рубинским, как сочувствующим, меня познакомил ***.

7) Раз я спросил Рубинского, вернувшегося от Миллера, по поводу поручения относительно групп, говорил ли ему об этом Миллер, Рубинский ответил уклончиво.

8) У Миллера я бывал редко, на собраниях никогда.

9) По поводу орудий и снарядов в траншейной школе разговор с Миллером был. Он спросил меня, есть ли кроме трехдюймовки скорострельные пушки. Я ответил, что есть одна Макрена. Миллер спросил, есть ли к ним снаряды. Я ответил, что Г. ему орудий не дает. Вам для траншейных курсов они не нужны, а потому он постарается заполучить эти орудия к себе. На самом деле, на траншейных курсах скорострельных пушек оказалось две. Через пару дней пришла бумага от ГУВУЗа с предписанием выдать трехдюймовку школе Миллера, но ввиду протеста администрации Высшей стрелковой школы пушка оказалась за ней.

10) О взрывах мостов разговор с Миллером был приблизительно в конце июня. На разведку мостов Казанской ж. д. ездил сначала Ефимов, потом я. Вернувшись с разведки, я сообщил Миллеру, что мосты охраняются, а потому их придется брать силой, что я считал нецелесообразным и для себя неприемлемым.

11) Приблизительно в конце августа Миллер, у которого я был, спросил, можно ли в случае чего поднять восстание в стрелковой школе. Я усомнился, указав, что нет людей. Миллер на это возразил, что люди могут быть присланы из Москвы, и предложил вести переговоры с другими курсами, чтобы набрать людей. Я отказался.

12) По поводу подсчета сил. Недели за две до ареста Рубинский предложил мне пойти на собрание какой-то группы сочувствующих в районе стрелковой школы. Я не пошел, а потом спросил Рубинского, что дал подсчет, так как Рубинский говорил мне, что дело касается подсчета. Он сказал: очень мало, всего около 12 человек, просил передать это Миллеру; вскоре же Рубинский передал мне для сообщения Миллеру, что наберется человек 20 посторонних, окрестных жителей. Все это я и передал Миллеру.

О предполагаемых восстаниях впервые я услышал от *** на Фоминой неделе [1], в момент наступления Колчака, потом еще в июле и раз в конце августа.

Б. Миттельштедт

---

[1] Фомина неделя — первая после «святой» (пасхальной) недели. В 1919 году она была 28 апреля - 4 мая.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ В. И. КРЯЖЕВА

Первый разговор об организации я имел в начале июня 1919 года с Всеволодом Васильевичем Булгаковым, который сообщил мне о существовании последней в Москве и предложил мне для проверки его сообщений устроить свидание с лицом, близко стоящим у этой организации. Недели через две он повел меня на М. Дмитровку, квартира во дворе, познакомил меня с лицом, которое отрекомендовалось Серг. Ив. Последний сообщил мне, что эта организация имеет своею целью составить кадр из людей, могущих поддерживать порядок г. Москвы на случай оставления власти нынешним правительством. Разговор был недолгий, он сказал мне, что я должен привести к нему хорошо известных мне людей, симпатизирующих идеям Колчака. Личное впечатление у меня осталось от Сергея Ив. как кадрового офицера. Через недели две Булгаков напомнил мне, что я ничего не делаю, что раз я принципиально согласился, то должен работать. Я встретил Горбунова Николая Николаевича (Нащокинский пер.[1]).

Был уже конец июня, когда Булгаков попросил у меня шофера, я познакомил его с Берманом и сам в это же свидание познакомился на квартире Зыкова с Зыковым. Дальше меня стало тяготить состояние, к которому я пришел помимо личных своих убеждений, и я все больше и больше склонялся к мысли, что работать вопреки своим убеждениям мне не по силам и что я должен так или иначе выбраться оттуда. Как раз мне представился хороший случай, я получил предложение от заведующего заводом Ник. Ник. Виноградского, предложение поехать за Волгу с рабочими его завода за хлебом. Помимо того что меня прельщала сама поездка, я увидел, что мне представляется случай навсегда избавиться от организации и не слышать больше приставания Булгакова: «Ну что же, Васил. Ив., что ж вы так плохо работаете?» Я уехал 26 июля и приехал числа 12-го.

Еще раз заявляю о том, что душевное состояние, овладевшее мною, заставило меня после 26 июля совсем отказаться от мысли что-либо делать и на эту тему у меня был разговор с Берманом. Когда, приехав в Москву, я спросил Бермана: «Ну как организация?», ответил, что он больше не работает, да и не хочет, так как своих дел слишком много. Вот все, что я знаю об организации.

В. Кряжев

19/X — 1919 года

---

[1] В Москве было два Нащокинских переулка (ныне улицы Фурманова и Усачева). О каком из них идет речь, установить не удалось.

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ А. Н. ПОДГОРЕЦКОГО

Я, Александр Николаевич Подгорецкий, показываю следующее: с Миллером я познакомился в октябре 1918 года при формировании школы в Вешняках, и в конце декабря он со мной говорил относительно организации; дело после этого разговора прекратилось; в июле месяце я узнал от К., что существует в Москве штаб; поручений о разведке сил, которые бы могли стоять за штаб в Вешняках, он мне не давал.

Относительно организации в Калуге я ему умышленно ответил, что в Калуге никакой организации нет, чтобы он мне никаких поручений не давал. По поводу оружия — я лично не перевозил. Из разговора с К. выяснил, что оружие было закуплено и увезено в какой-то склад, адреса мне не сказали. По поводу пироксилина Миллер передавал, что он получен, кажется, из штаба и он спрятан на чердаке в школе — Лефортово. Прятали я и Курилко, пироксилин был в корзине, в сумке, в бумаге, когда перевозили из Лефортова на Мертвый. Я в это время был в командировке, и второй раз я не прятал пироксилина и не знал, что находится в чулане.

Иван Иванович Федоров давал через меня поручение Миллеру найти людей для отправки на взрывы мостов Пенза — Рузаевка. Обстоятельство было таково: Миллер послал меня в ГВИУ к Сергею Сергеевичу, который, по сообщению, неделю тому назад, за просрочкой командировки, был арестован, и он меня познакомил у себя на квартире с Иваном Ивановичем Федоровым.

ПОКАЗАНИЯ Г. А. ФИЛИПЬЕВА

Я, Филипьев Георгий Александрович, занимаю должность помощника командира эскадрона 1-х кавалерийских курсов.

Ввел меня в организацию штаба Добровольческой армии Московского района в ноябре 1918 года Анисимов, прапорщик Черниговского гусарского полка — жил в Денежном переулке, 20 или 22, во дворе, во флигеле (идя Арбатом, с левой стороны). Уехал в Курскую губернию к родным.

Он передавал мне деньги, с ним я и был связан (вначале по 150 рублей в две недели).

Он меня познакомил как с членом организации, бывшим прапорщиком Сумского полка Петровичем Александром Александровичем. Петрович и Анисимов уехали вместе. Перед отъездом Анисимов свел меня с бывшим генералом Ник. Ник. Стоговым. Сто-

гов познакомил с Всевол. Вас. Ступиным. Стогов командовал бригадой, а Ступин был начальником штаба бригады.

Численность организации считалась тысячи две.

Еще будучи у Анисимова, я завербовал в свой десяток Петровича, Короновского (Павлоградского гусарского полка, имя, кажется, Владимир Николаевич, жил возле почтамта в переулке, причем недалеко от дома, где он жил, было какое-то учреждение ЧК), его знакомого Александра Александровича (служил в банке на Арбате, молодой блондин, прапорщик пехотного полка); больше не было.

Получал я на всех тогда 1000 рублей с небольшим.

Стогов настаивал, чтобы я набирал людей.

Я привлек Аркадия Николаевича Кожевникова, Нежинского гусарского полка, служит на 1-х кавалерийских организационно-инстр[укторских] курсах начальником пулеметной команды. Живет в районе Арбата.

Второй, привлеченный мною,— Петр Ник. Смирнский, бывший штабс-ротмистр 1-го Драгунского полка. У Смирнского была группа в 23 человека.

Набирать людей я должен был таких, которые знакомы с лошадью.

С. И. Талыпин заведовал, кажется, саперной командой.

Иван Никол. приносил деньги после ареста Владимира Львовича (Вартенбург, немецкая фамилия), который был арестован и потом, кажется, расстрелян.

В самом начале собирались на квартире Анисимова, куда я ходил как младший офицер. Собрания были для того, чтобы сговориться о формировании десятков.

Далее собрания были у Ивана Никол., у Алферова, у С. И. Талыпина, у меня. Один раз видел человека, который ехал в Петроград. Говорили, что он моряк, среднего роста, большие волосы, в поддевке, в шароварах и рубашке.

Раза два видел у Ив. Ник. пожилого, с большой проседью, в шароварах, во френче. Говорили с Вас. Вас. о подвижных инструментах. Называли его, кажется, Владимир Данилович.

Летом был поднят вопрос о привлечении членов, сочувствующих организации. Им не платили, но на них рассчитывали при выступлении.

Требовали, чтобы ежедневно был назначен час, когда члена организации можно застать дома.

Спрашивали у меня, нельзя ли воспользоваться лошадьми на наших курсах. Я ответил, что этого нельзя.

Рыкунова знаю с детства. Иван Николаевич предполагал (1-го Уманского полка) передать Рыкунова под мое начальство, когда он приехал с фронта, но потом Иван Николаевич сообщил

мне, что Рыкунова передали Ивану Ивановичу (Балоду). От Рыкунова ко мне никто не приходил, и Лабунского я не знаю. Я держался пассивно, и Всеволод Васильевич упрекал меня за то, что я не установил связи с кавалерийскими курсами Чеховича, а также Московским кавалерийским полком в Хамовниках. Узнав как-то в начале лета, что командиром Хамовнического полка назначен Рыкунов, мой приятель, Всеволод Васильевич приказал мне пригласить его в организацию и постараться привлечь полк Рыкунова к организации. Но я этого не выполнил, а когда Рыкунов приехал с фронта, то он не был уже командиром полка. Моя настойчивость по отношению к Смирнскому объясняется боязнью, что у меня совсем не окажется людей, дивизионеров, которых я должен был бы представить организации, если бы их потребовало собрание. Смирнский П. Н. сказал, что он примет человека, который будет дивизионером вместо него.

От Петровича, когда я вступил в организацию, слышал в разговоре, что к организации принадлежат из офицеров моего старого полка Петришкевич, Иванов Вячеслав, Крейтер Гуля, Берг Павел Сергеевич, Борх и другие. По существу, если не все, то большинство офицеров Сумского полка принадлежали к организации. Но я ни у кого из них не бывал, ни на каких товарищеских вечеринках у Берга, в особняке, отданном под германское посольство при графе Мирбахе. Какие должности в организации занимали мои однополчане, не знаю.

Я говорил в последнее время, что у меня 68 человек, на какую цифру получал деньги от Ивана Николаевича (11 700 рублей), фактически давал на 21 человека, через Смирнского Петра Ник. Второму дивизионеру, взятому незадолго до ареста, уплатил лишь его личное жалованье один раз за полмесяца.

Разведки я не производил и никаких сведений не получал; Всеволод Васильевич говорил мне, что необходимо разузнать настроение и расположение воинских частей в районе Грузинской улицы, а также количество оружия в клубе коммунистов имени Ленина, нет ли там отряда войск особого назначения и т. п. Ввиду этого я сказал Смирнскому Сергею Николаевичу, чтобы он собрал какие-нибудь сведения вследствие настойчивости Ступина.

Моя роль при выступлении слагалась в процессе выработки плана. Ступин говорил, что все будет зависеть от обстановки и количества людей в моем распоряжении. На последнем заседании у Талыпина Ступин решил, что если удастся достать грузовые машины, то мне придется занять коммунистический дом на Пресне; основной задачей было занять виадук у Ваганьковского кладбища или у Триумфальных ворот.

Смирнскому С. Н. я передал несколько раз 3350 руб. на 21 человека: по 250 руб. на дивизионера, по 200 руб. на двух эскадрон-

ных командиров и по 150 руб. на 18 младших офицеров. Петру Николаевичу Смирнскому я должен был дать после отъезда его брата, но ни разу не давал.

Г. Филипьев

31/X—1919 года

ПОКАЗАНИЯ С. И. ТАЛЫПИНА

I

В квартиру Тихомирова в доме № 11 по Новослободской улице я зашел к своему знакомому Ивану Николаевичу Тихомирову для того, чтобы одолжить у него денег вследствие моего плачевного материального состояния, вызванного родами жены, где и был задержан засадой.

Ивана Николаевича Тихомирова я знаю около года. Познакомился с ним здесь, в Москве, кажется, в Экономическом обществе, в которое, как бывший офицер, я заходил за покупками, даже когда я приехал из Петрограда по ликвидации школы прапорщиков — я был там записан на бирже труда для офицеров. С Ив. Ник. Тихомировым в Экономическом обществе я познакомился случайно и даже не помню, при каких обстоятельствах.

При сем прилагаются следующие документы:

1) Удостоверение № 329 Московских советских кавалерийских курсов 1-го командного состава.

2) Удостоверение № 1032 Центр. Пулем. Комисс.

3) Записная книжка, разные удостоверения и записи и проч. документы.

Протокол читал и правильность написанного подтверждаю.

С. Талыпин

21/IX—1919 года

II

Талыпин Сергей Иванович от показаний отказывается.

Павлуновский [1]

23/IX—1919 года

---

[1] Павлуновский И. П. (1888—1937) — заместитель начальника Особого отдела ВЧК. Член партии с 1905 года. Участник трех российских революций. В 1937 году незаконно осужден, впоследствии реабилитирован.

III

О существовании организации я узнал впервые в ноябре месяце. Познакомился я с ней через Найденова, который сообщил, что в Москве существует организация, которая ставит себе задачей набор кадра офицеров, которые могли бы сразу же приступить к организации армии, после переворота.

Я находился в то время в слишком затруднительном материальном положении, согласился на это, но лишь при условии, что дальше набора кадра офицеров дело не пойдет. При этом он мне сообщил, что все участники будут получать вознаграждение в следующих размерах: командир полка — 800 рублей, командиры батальонов — по 500 рублей, ротные командиры — по 400 и младшие офицеры – по 300 рублей, об окладах высших чинов он мне не сообщил; не сообщал также, кто стоит во главе этой организации и откуда получаются эти деньги. После этого я несколько месяцев ни с кем не встречался, кроме Найденова, который приносил мне деньги приблизительно от $1^1/_2$ до 2 тысяч.

В конце декабря месяца я уезжал за покупкой продуктов. Во время этой поездки ко мне заходил неизвестно какой-то человек, который просил меня зайти к Найденову. Вернувшись, я зашел к Найденову, который и направил меня к Тихомирову, а Тихомиров — к Ступину. На квартире Ступина я застал, и он дал мне участок Сущевско-Марьинского района, где я по его приказанию должен был произвести разведку в смысле выяснения, где и какая часть находится. При этом он мне объяснил, что в случае переворота я буду являться начальником этого района и поэтому я должен хорошенько ознакомиться с этим районом. В январе приблизительно месяце я получил записку от Тихомирова, который просил меня зайти к ***, где я встретил Ступина, Тихомирова, Найденова и еще несколько человек, мне не известных, трое из них, как помню, мне удалось узнать, были Зверев, Васильев и Жуков. На этом заседании было каждым сообщено, что до сего времени было сделано. Я сообщил, что у меня было 5 или 6 человек офицеров, хотя в то время у меня положительно никого не было, другие сообщали однородные сведения, какие, точно не помню.

После этого было еще одно заседание на квартире у Филатьева (имя и отчество не знаю) в Сущевском пункте. На этом заседании были все те же лица, где неизвестный человек мне сообщил, что на заседании у них поднят вопрос о перевороте, а для этого необходимо, чтобы каждый из участников образовывал вокруг себя группу сочувствующих. С Алферовым я познакомился в июле месяце у меня на квартире, куда его привел Ступин, причем Ступин сообщил, что Алферов офицер для поручений. У Алферова за все время

я бывал раза три; на его квартире я встречал тех же лиц и еще одного молодого человека, фамилию которого не знаю.

Карточку, которую вы показываете и которого называете Миллером, я видел у Алферова. Лица, которые были мне подчинены,— два брата, имя, отчество и фамилию не помню. Один из них, кажется, нигде не служит, а другой — в штабе округа. Недели полторы тому назад Алферов прислал мне представителя от огнеметной команды, который мне сообщил, что команда у них человек 300—400, из нее 90 человек, на которых можно вполне положиться.

С представителем от броневых, расположенных на Ходынке, меня хотел познакомить Зверев, но не познакомил. Алферов мне сообщил: для того, чтобы прекратить телефонную связь, хотят взорвать какой-то котел на телефонной станции. Знал одного офицера, который служил когда-то на радиотелеграфной станции и который хорошо ее знает и может предложить свои услуги. Представителя от радиотелеграфной станции должен был прислать Жуков, для того чтобы он познакомился с вышеуказанным офицером и переговорить относительно радиотелеграфной станции.

Сведения об организации были сосредоточены у *_**. Алферов мне сообщил, что нужно оружие, винтовки, пулеметы и два ящика патронов и сложить в складе по улице Баумана. Тихомиров мне сообщил, что если есть люди, то направлять их к Найденову для определения в какую-то туземную часть.

Сведения о кавалерии имеются у Филатьева. Дюром сообщил о количестве караульных батальонов, месте их расположения и количестве штыков. Встретившись с Алферовым на Малой Дмитровке, он мне сообщил, что сегодня перевозили динамит, но куда и откуда — я не знаю. Зыкова я не знаю, но фамилию слышал. С зелеными в Волоколамске устанавливал связь Ступин, и Зверев говорил, что если бы ему это дело передали, то он лучше бы сделал, чем Ступин. Лейе, представитель 35-го полка, говорил, что он в полку среди красноармейцев пользуется авторитетом, ему Ступиным была дана задача занять вокзалы Николаевский, Ярославский и Рязанский. Лейе мне говорил, что в Кремле у него есть знакомый, через которого он узнал, что в Кремле есть 27 пулеметов.

25/IX — 1919 года *С. Талыпин*

IV

Месяца два назад ко мне на квартиру зашли Алферов, Ступин и еще один неизвестный господин в темно-синем костюме, высокого роста, без бороды, усы английские, брюнет, и, насколько мне помнится, он состоял преподавателем в академии Генерального штаба. Разговор у них был без меня, так как я был занят хозяйст-

вом. По-видимому, Ступин, вызвав, вел с ним переговоры, но о чем шел разговор, не помню. Недели три назад заходил ко мне Ступин, ***, Филатьев и некто Иван Иванович.

Ступин давал задание относительно Ходынки. *** должен был завладеть всей ходынской артиллерией. Иван Иванович должен поднять караульный батальон и части, находящиеся на Ходынке. Я должен был поднять броневые части Ходынки. Часть людей была среди прислуги броневой части, а ударная часть должна была быть у меня.

С Дюром меня познакомил весной с. г. Булгаков Всеволод Васильевич, где он служит, а также адреса я его не знаю. Его мне прислал *** . Младший Дюром служит в окружном комитете по военным делам, и Ступин нигде не служит. Живет на Сивцев Вражке, подробно адреса не знаю (на углу деревянный полуразрушен. дом). Со старшим Дюром я встречался всего три раза, а с младшим 2 раза. Старший Дюром передавал через Булгакова, что у него надежных людей имеется человек 10—12, а у младшего — 9 человек.

Когда-то летом, приблизительно в июле месяце, Ступин дал мне задание послать человека под Рязань на станцию Рыбное для того, чтобы завязать связь с «зелеными». Я был у Дюрома-старшего и предложил ему поехать туда, но он заявил, что он не дипломат, а военный и что этого поручения он исполнять не может. Филипьев на грузовых машинах должен был напасть на коммунистический отряд на Пресне, а затем должен был следовать или к Бутырской тюрьме, или к Воронковскому кладбищу, чтобы сделать затычку к Ходынке. Я должен был оставить два броневика у входа на Ходынку, а остальные отправить в распоряжение *** и Ивана Ивановича. В конце заседания был Зверев, и Ступин заявил, что руководить отрядом на Ходынке будет он сам, но Зверев должен был держать со мной связь. Предварительную работу — набор прислуги, машин и т. п.— должен был сделать Зверев.

Я говорил Лейе, что, судя по разговорам, выступление будет приблизительно около 15 октября. Больше я ничего не помню. Посылка на Рыбное состоялась. Я был у Лейе и говорил о задании Ступина, начальника штаба. Лейе сказал, что у него имеется такое лицо, о чем я сообщил Ступину, и он поручил мне послать его.

Лейе был у меня с неизвестным господином, который поехал туда. Адрес я получил от Алферова. Станция Рыбное, на 18-й версте от станции имеется деревня, от деревни в трех верстах находится хутор, надо было спросить Овчинникова.

Посланный съездил и сообщил Ступину через Лейе о своей поездке.

29/IX—1919 года *С. Талыпин*

В дополнение присовокупляю, что кроме тех причин, побудивших меня вступить в организацию, которые мною сообщены, то есть затруднительное материальное положение, и что организация не ставит своей задачей активное выступление против существующей власти, что мною было сообщено при первом знакомстве с Булгаковым и братьями Дюром, и то обстоятельство, что, принимая активное участие в Октябрьской революции, я хотел реабилитировать себя перед новой властью, тем более что вопрос об активном выступлении был поднят в момент наибольшей опасности для Советской власти, этим и объясняется мое индифферентное отношение к работе в организации, которое может быть выяснено как моими показаниями, так и показаниями против меня. Задачи, которые возлагались на меня, почти совершенно не были выполнены, даже главная задача — набор кадра, как видно из показаний, не пошел дальше двух братьев де-Росси.

Активное мое участие в Октябрьской революции выражалось в следующем:

1) Когда 2-я Петергофская школа прапорщиков[1], где я был курсовым офицером, 24 или 25 октября была вызвана в Петроград для защиты Временного правительства, я, один из офицеров, отказался от этой поездки, остался в Петрограде и с оставшимися юнкерами в количестве 15—25 человек заняли станцию Старый Петергоф и не пропускали в Петроград как воинские части, так и отдельных лиц; таким образом, нами было задержано $^1/_2$ школы 1-й или 3-й Петергофской, 1-я Ораниенбаумская и много отдельных лиц. Этот факт могут подтвердить: 1) комиссар школы, член Петроградского Совета и член партии коммунистов Фомин, 2) председатель школьного комитета, член Петроградского Совета и член партии коммунистов или же сочувствующий Липский и 3) член Петроградского Совета, член партии коммунистов Власенко.

2) Когда 2-я Петергофская школа прапорщиков во время демократического совещания в Александровском театре[2] была вызвана в Петроград и заняла государственное казначейство, я просил Липского, председателя школьного комитета, без разрешения Петроградского Совета никаких шагов не предпринимать, этот факт могут подтвердить те же лица.

3) Когда командир роты юнкеров той же школы Сахловский выбыл из школы, заведующий всеми школами прапорщиков, а также начальник школы Козаков хотели назначить его заместителем гвардии полковника Рыпейского, который не только среди команды обслуживающих, но и среди юнкеров пользовался ре-

---

[1] Здесь и далее в книге ошибочно «Петроградская школа».

[2] Имеется в виду Всероссийское демократическое совещание, состоявшееся в Петрограде 14—22 сентября 1917 года.

путацией ярого реакционера. Я один из офицеров выступил против назначения Рыпейского и настаивал на назначении Власенко — коммуниста, хотя мне это и удалось, но я попал под суд офицеров, которые открыто говорили, что я первый кандидат на виселицу. Этот факт могут подтвердить те же лица и комиссар 1-й школы (фамилия не известна).

Кроме этих фактов было много других, которые я теперь уже не помню, и кроме вышеприведенных лиц правильность приводимых мною фактов могут подтвердить все коммунисты и сочувствующие как 2-й, так и 1-й школы прапорщиков.

С. Талыпин

15/X—1919 года

V

Булгакову Всеволоду Васильевичу я давал деньги раза четыре-пять суммами по 750 рублей и 1 тыс. (для него и братьев де-Росси). Сам Булгаков получал в месяц по 280 рублей на разъездные. Получал ли Булгаков деньги для Кряжа [1], не знаю, так как такой фамилии не припоминаю; возможно, что тот студент-радиотелеграфист, для которого я раза два или три передавал деньги через того же Булгакова. Деньги я получал непосредственно от Ивана Ивановича [2] Гасамарова. Получал ли деньги на нужды организации через какое-нибудь консульство, не знаю, так как об этом разговора у меня ни с кем не было.

С. Талыпин

Примечание редакции: Ввиду разногласия в показаниях гр. Талыпина и Булгакова по вопросу о получении денег через какое-то консульство между ними была установлена очная ставка. Спрашиваемые по этому поводу упомянутые лица показали:

16/X—1919 года

Гр. Булгаков — остается при прежних показаниях.

С. Талыпин — деньги получал непосредственно от Гасамарова Ив. Николаевича и Найденова Н. Сем. Не отрицаю, что мною

---

[1] Речь идет об участнике военной организации В. И. Кряжеве.
[2] Правильно — «Николаевича».

при разговоре с Булгаковым могло быть высказано предположение, что деньги получаются через какое-то консульство.

Гр. Булгаков заявляет, что это могло быть сказано в виде предположения.

С. Талыпин
В. Булгаков

20/X -1920 года

VI

Приблизительно в июне месяце с. г. Жуков сказал мне, что пришлет мне для связи представителя особой огнеметной роты. Приблизительно в середине сентября Алферов в присутствии Ступина на вопрос последнего, не приходил ли ко мне представитель особой огнеметной роты, ответил: он устроит свидание. Точно не знаю, прислал ли он непосредственно этого представителя, или же он его прислал через Зверева. В середине сентября ко мне явился представитель, последний заявил, что он представитель от огнеметчиков и прислан ко мне Алферовым. Представитель огнеметчиков мне сказал, что особая огнеметная рота состоит из 350—400 человек, часть из них вооружена винтовками, общее настроение роты противосоветское, активное участие могут принять человек 80—90, которые, по его мнению, смогут увлечь всех остальных. По общевыработанному штабом плану я являлся начальником Сущевско-Марьинского района или сектора, предполагаю, что в случае фактического завладения этим районом *** и Ивана Ивановича, как действующие в этом районе, подчиненном мне, подчинялись бы мне в административном отношении, в боевом же отношении они мне подчинены не были.

Антонинов ко мне был направлен Кряж[евым], я просил его узнать (по поручению Ступина) относительно караульного батальона по Масловке, что он и выполнил, явившись туда в форме милиционера, а потом доложил мне. Я предложил ему занять должность коменданта участка моего сектора: Бутырского, Ходынского или Сущевско-Марьинского. Антонинов согласился. Во время разговора с ним я узнал от него порядок сопровождения денег в поездах, им сопровождаемых, узнал число охраны. Я предложил ему также сгруппировать вокруг себя ячейку активно сочувствующих, что он обещал сделать.

С. Талыпин

14/X—1919 года

ПОКАЗАНИЯ К. К. АНЧУТИНА

I

По автомобильному делу я поддерживал связь с Н. В. Зыковым, который давал мне сведения о машинах, на которые можно было рассчитывать. Иногда он приходил с мотоциклистом.

Предполагалось иметь отдельные части: 1) связи, 2) телеграфно-телефонная, 3) железнодорожная, 4) автомобильная.

Сформировать в общей поверхностной форме удалось только связь.

В связь входило максимум до 50 машин (автомобили, мотоциклы и проч.).

Гр. Зыков познакомил меня с командиром 35-го Тверского полка. Этот полк хотел самостоятельно выступать, и поэтому я просил Зыкова познакомить с Лейе. Я просил Лейе всячески задержать выступление и обратиться по этому вопросу в штаб. Не то Жуков, не то Денисов просили меня устроить в какую-нибудь часть одного красноармейца, Лебедева, которому ВЧК обещала свободу на условии поступления в армию.

К. Анчутин

10/X—1919 года

II

1) *Телефонная связь.*

Разведка по Московской телефонной сети была поручена Михаилу Ивановичу Рубинскому, который говорил, что им исследовано 18 линий. Общее впечатление, что линии не охранялись и препятствий к порче не будет. Обследования линий, вероятно, были произведены при помощи лиц, состоящих в различных школах.

Центральная телефонная станция мною была посещена значительно ранее и из вынесенного мною впечатления совершенно не охранялась. По техническим соображениям нарушение телефонной связи могло быть произведено только захватом самой станции, так как порчей извне цель не была бы достигнута; рассчитывать на помощь технического персонала станции для прекращения телефонной связи нельзя было.

По общим разговорам и личному впечатлению, можно было предполагать, что при некоторой инсценировке насилия телефонная станция продолжала бы работать и при другом режиме.

2) *Почта и телеграф.*

Нарушение телеграфной связи предполагалось произвести одновременно с нарушением телефонной связи проводов вне Москвы.

Захвата почты и Центральной телефонной станции, равно как и других станций, не предполагалось.

Эта работа в подготовительной части (рекогносцировка) одновременно должна быть произведена М. И. Рубинским.

3) *Радиотелеграф.*

По радиотелеграфному делу была произведена рекогносцировка только мощной станции на Ходынке Зыковым, по сведениям которого охрана ее производилась весьма слабо — 4—5 постами, и, по некоторым данным, эта станция ввиду общего настроения служащих могла бы, вероятно, при некотором незначительном насилии обслуживаться при другом режиме теми же служащими.

По поводу радиостанций я имел разговор с бывшим членом Инженерного комитета Владимиром Ивановичем Ковалевым в смысле установления связи, но никаких конкретных данных и согласия на это не получал. Разговор этот был приблизительно в июле месяце.

Кроме того, я имел разговор с Константином Николаевичем Карагодиным (служащим ГВИУ) относительно общего настроения огнеметной роты, причем получил впечатление, что большинство этой роты относится не сочувственно к существующему режиму и в случае переворота часть ее могла бы принять участие.

По словам Жукова, техническая часть должна была быть передана мне и в случае надобности своевременно были бы переданы необходимые лица, но за спешным отъездом Жукова фактическая передача не состоялась.

К лицам, сочувствующим движению, из различных разговоров я мог отнести до некоторой степени Сергея Павловича Матвеева, ст. инженера подрывного отряда ГВИУ.

К обязанностям и поручениям, даваемым Зыкову, относятся: учет и привлечение автомобилей, грузовых и легковых, мотоциклов, с личным составом, их обслуживающим, и рекогносцировка дорог и путей по Москве, а также рекогносцировка мощной станции беспроволочного телеграфа на Ходынке.

Деньги я получал два раза непосредственно от Жукова и два раза непосредственно от Алферова, ни от каких консульств денег я не получал, и получение таковых от консульств мне не известно.

Мои отношения с В. В. Трестером ограничились служебным характером по ГВИУ, только раз В. В. Трестер частным образом просил меня как бывшего начальника отдела складов и приемок ГВИУ о возможности и назначении его брата начальником автомобильного склада, но так как вакансия была уже занята, то разговор на этом и был окончен. Кондратьева я знал и предполагал, что он является участником организации.

К. Анчутин

24/X— 1919 года

III

Всев. Вас.[1] предложил разработать план нарушения телефонной связи и железнодорожного сообщения вокруг Москвы в расстоянии от 15 до 40 верст примерно, собрать сведения, сколько может быть автомобилей и мотоциклов.

Как единственно рациональной мерой нарушения телефонной связи я предложил захват Центральной телефонной станции.

Относительно плана разрушения полотна жел. дорог Всев. Вас. мне была обещана присылка бывших офицеров, которых я должен был инструктировать в техническом отношении.

Однако людей мне прислано не было; для этого, для нарушения телефонной связи, ко мне пришел в начале августа или конце июля молодой бывший артиллерист Вс. Вас.[2].

Я указал ему, что проще всего следует обрезать острогубцами или ножницами провода на всех (20) линиях вокруг Москвы. Для этого нужно было по одному человеку на каждую линию.

Им были осмотрены эти линии, о чем мне было доложено в следующий приход.

К. Анчутин

ПОКАЗАНИЯ К. К. ЗВЕРЕВА

Копия.
Секретно.

Приказ
Революционного Военного Совета Республики
(по личному составу армии)

§ 40

26 апреля 1919 г., г. Москва.

Назначается:

Военнослужащий Касьян Константинович Зверев начальником 8 броневого отделения Центрального управления военных сообщений при Революционном Военном Совете Республики.

Подлинный подписали: заместитель Председателя Революционного Военного Совета Республики *Э. Склянский* (по Управлению по командному составу).

ВЕРНО: Ст. делопроизводитель *А. Грузинский.*

В настоящее время служу в 9-м броневом отделении при 2-м отделе Центрального управления военных сообщений на должности начальника отделения.

В Москву я приехал в апреле 1918 года и все время жил в Москве. Сначала я служил в Центроброне, а затем, в мае 1919 года, я был назначен в 9-е броневое отделение, в последнее время на оклад в 3000 рублей.

---

[1] Имеется в виду В. В. Ступин.
[2] Имеется в виду В. В. Булгаков.

I

С Миллером я познакомился месяц или полтора месяца тому назад. В первый раз я его увидел, кажется, у Алферова или у Ивана Николаевича, но я еще не знал, что он из себя представляет.

Я бывал на совещаниях у Миллера и Алферова приблизительно раза четыре. На совещании у Миллера был Найденов, Михаил Савоицкий [1], Рубинский и Шематуров, а у Алферова я встречал Ступина Всеволода [2] Васильевича, Ивана Николаевича Тихомирова, Лейе — больше никого вспомнить не могу.

С Найденовым я познакомился в Законодательном совете и встречался только на совещании. С Савоицким я познакомился приблизительно в июле. Мы встречались только в служебное время. Подгорецкий должен был быть у меня по поручению Миллера по поводу записок о разрешении на проезд в санитарном поезде. Записки я получал из 14-го отделения от старшего делопроизводителя Льва Платоновича. В пакете было 10 или 12 записок. У Миллера был разговор о наших силах, и общий итог равнялся 500 человек. Упоминались 35-й полк, миллеровские 60 человек и 120 человек из Кунцево, остальные части я не помню. Знаю, что разговор о выводе броневиков у Миллера имел место, но о том, что технически невыполнимо, я точно не помню. Мы рассчитывали, что у нас будут два броневика, и то не наверняка, так как броневики были не совсем исправны. Из штаба мне давали поручения узнавать о положении дел на фронте. (Один броневик был исправен, а другой не вооружен.)

Сведения, переданные мной нашим о взятии ст. Дно, я слыхал в управлении. В Реввоенсовете никого знакомых у меня нет. Из высшей стрелковой школы я знаю многих, так как я раньше служил там. Сергея Ивановича Талыпина я видел на кв. *** , с которым меня познакомил Иван Николаевич Тихомиров на его же квартире. Из разговора с *** я узнал, что он состоит членом нашей организации. С Серг. Серг. Денисовым я познакомился по служебному делу. Об организации он со мною говорил мало; говорил, что хорошо бы организовать группу, но он был очень осторожен.

Разговор о шоферах броневой школы у Миллера был, но мы думали, что их можно будет заставить выехать.

Больше ничего показать не имею.

Савоицкий говорил, что у него имеется около 50 человек бойцов.

Зверев

24/IX—1919 года

---

[1] Правильно «Савваитский».
[2] В тексте – «Василия».

II

С Талыпиным я познакомился несколько месяцев тому назад в квартире Филипьева; присутствовали Иван Николаевич Талыпин и Найденов. Разговор был о выступлении. Долгое время я Талыпина не видел, и недели две назад я встретился у Талыпина на его квартире, на Б. Дмитровке, 22. На этом совещании были Ступин, Филипьев, Иван Иванович. Филипьев говорил, что у него конницы около 40 человек.

На Ходынке связь с гаражом броневого формирования была установлена с Красавиным Сергеем Николаевичем; живет где-то на Покровке. Он бывал у меня, но я ни разу у него не был. Он обещал два броневика.

С огнеметной командой связь была через одного из начальников команды. Высокий, кажется, блондин, одет в военное.

Алферов направил огнеметчика к Талыпину, к нему же должен был пойти Красавин, но он у него не был. Огнеметчик говорил, что у них около 400 человек надежных.

Были получены сведения от Ступина, что в Волоколамске есть какая-то группа, может быть, и зеленые. Штаб поручил для переговоров поехать мне. Я ездил туда и в деревню Шишково. Меня возил туда Зыков Николай Васильевич. Живет где-то около Пречистенских ворот [1], и он знает, к кому мы приехали. Я же никого не знал.

С Жуковым я познакомился у Филипьева и встречался в управлении. С С. Денисовым я познакомился у Жукова, который месяца полтора назад уехал на Восточный фронт. На квартире Талыпина при подсчете сил выяснилось, что у Талыпина около 200 человек. Найденов должен был командовать полком и находился в распоряжении Миллера. Зыков собирал сведения об автомобилях. В Кремле у меня есть знакомый — Тарасевич Валя, кажется, инструктор на курсах. Он мой старый знакомый. Лично я ему ничего об организации не говорил. Об этом ему говорил Житников Алексей. От организации я получал ежемесячно 500 руб. Деньги я получал от Ивана Николаевича. О «Национальном центре» я слыхал приблизительно около $1^1/_2$—2 месяцев тому назад. Мне было категорически запрещено говорить о «Национальном центре», и я не мог больше расспрашивать об этом.

Зверев

28/IX—1919 года

---

[1] Ныне Кропоткинская площадь.

*** и др. говорили, что в Москве (у Миллера также говорили) есть несколько параллельных организаций — солдатских.

Тарасевич Валентин вошел в организацию через Житникова, с которым я и об организации говорил.

Цифровые условия записи в записной книжке представляют собою запись выплат содержания членам организации (моей) группы (броневой).

В первой строчке цифра 1 - это я; вторая цифра 1 - мой помощник Тарасенко Георгий Вас. (1.1).

Во второй строчке: 1 командир Красавин, помощников не знаю (1.3). В группе — Ходынка.

Четвертая строчка командир Соедов (помощников не знаю) (1.2.4.).

Из остальных членов организации знаю Соколова - броневик, был в броневой школе, кажется, к Шематурову отношения не имеет.

С половины июня прибавилась новая группа 5 – пятая строчка 1. Командир Житников (пехота) сначала, потом группа перешла, кажется, к Найденову, хотя деньги до половины августа он получал через меня.

Соедов был командиром всего один месяц, заменив Тарасенко Николая (брата Георгия), который уехал на Восточный фронт.

Соедов за неделю до ареста (моего) уехал, вряд ли вернется, по моему впечатлению, так как уехал со своим начальством, кажется, с Петраевым в командировку.

П р и м е ч а н и е. Соедов служит в штабе охраны и обороны войск (при Цупвосо).

Георгий Тихонович — в записной книжке — член нашей организации, встречал его у Дм. Як. Алферова, который знает о нем. 4—35 р. 23 коп.— его телефон.

Кирюша Сабашников мотоциклист, с которым я ездил в Волоколамск. 4—57 руб. 73 коп.— телефон.

4 –06 руб. 89 к. телефон Константина Герасимовича — члена организации, 4—03 р. 91 к.— телефон, не помню чей.

1—64—86 до 7 от 5 - 2—62 70 (квартира) Упр. 163	телефон Бориса Фомина, секретаря начальника жел.-дор. войск Федорова Ив. Ив.

Телефон Н. И. Раттеля записан потому, что я бывал в канцелярии по делам.

Числа 16 или 17 пришел ко мне Николай Ионович Ершов около 7 часов вечера и сказал, что приехал «некто» (фамилию не назвал) из Курска, посланный из организации. Между прочим, Ершов был

у меня впервые. Он мне сказал, что свидание этому приезжему он назначил на завтра около 8 часов вечера. Я сначала отказывался, так как совершенно не мог понять своей роли в этом свидании, на что мне было заявлено, что нужно какое-нибудь лицо для большего веса.

Мне было сказано, что меня зовут другим именем и что меня никто знать не будет. Также было сказано, что человека этого он не знает, но что его прислал какой-то его знакомый. Не придавая особенно значения этому свиданию, я решил прийти в условленный час 19-го числа. Я пришел к Н. И. Ершову, который куда-то собирался. Мы решили с ним подождать с полчаса. Не дождавшись этого господина, мы вышли с ним во двор. При выходе со двора на Садовую улицу встретился нам какой-то молодой человек в штатской одежде и остановил Ершова. Как тут же я узнал, это был приезжий из Курска. Меня ему Ершов представил, причем назвал начальником штаба. В кратких чертах этот господин объяснил, что приехал в Москву с поручением от организации (количественность которой около 50 человек), с тем чтобы просить указаний от нас и с просьбой также финансировать. Последнее меня страшно удивило, и я ему ответил, что никаких денег у нас нет, а посему и разговоров денежных быть не может. Что же касается до директив, то я совершенно не знаю, что сказать, так как те лица, которые могли бы это сказать, в Москве не находятся в данное время и, «если вам желательно, то подождите несколько дней». На это мне он сказал, что ждать не может, так как прибывший в Москву второй гонец торопит его возвращаться. В это время подошел Зыков, который тоже познакомился. Посланный из Курска предложил мне повидаться с ним завтра, этот срок он считал для себя крайним, предложил же встречу потому, что с кем-то хотел познакомить. Я от этого наотрез отказался. Зыков же хотел попытаться встретить его, но я не знаю, сговорился ли он или нет. Мы простились.

Про поездку в Волоколамск, несмотря на то, что ездил туда я, знаю только со слов, так как разговаривать я ни с кем из крестьян не разговаривал, кроме только семейства, в котором мы были. Это в деревне Шишково. О Дмитриеве я узнал только в Москве, которому было назначено приехать, но который почему-то долго не приезжал, но потом я слышал, что он был здесь, но только, как потом сказали, что там ничего не выйдет. Больше я ничего не знаю. По-моему, Зыков Дмитриева в Москве не видел.

Фамилия Владислава Станиславовича мне не известна, и я его не знаю.

Армянина я знал Дадиана, но не считаю его армянином, т. к. он житель Москвы и совсем русский человек.

Зверев

12/X—1919 года

V

Победоносцева я знал, он был служащий Главброни. Он офицер пехотный. Он состоял в группе у Красавина, и Красавин его знает как сослуживца в той же Главброни. Относительно передачи Победоносцева, Красавина не помню, думаю, что это было автоматически при наших общих разговорах. Нефедьев был тоже служащим в Главброне, и о нем могу сказать в отношении организации то же, что и о Победоносцеве (тоже чисто автоматическим способом, так как мы все были знакомы). Красавин говорил мне о трех лицах, третьего лица я фамилию не помню. Деньги я получал непосредственно от Ивана Николаевича, и об источнике, из которого получались эти деньги, я никогда не спрашивал, а поэтому и не знал. Кривченко я не знаю, видел его только однажды на квартире Миллера, когда он вошел в комнату и его фамилию мне назвали, но Миллер сейчас же увел его в другую комнату и при нем не хотел говорить про дела (это так он нам сказал после, когда тот ушел). В Цупвосо Миллер был один раз, когда я его видел, но он был не у меня, и Кривченко тогда с ним не было. Мне было поручено познакомить огнеметчика с Талыпиным, эту просьбу я передал Широкову, которого я просил прислать его ко мне. Через кого Широков передавал, я не знаю, и фамилия Аджогов мне не известна. Член организации обманным способом не привлекался, а всякий ставился в известность о цели ее без указания будущего образа правления, т. к. это не была цель нашей дальнейшей работы.

Зверев

VI

После регистрации офицеров в Алекс. училище [1] я узнал, что в Москве существовала «Алексеевская организация», во главе которой был генерал Алексеев.

В августе 1918 года со мною встретился в Армянском переулке Лев Львович (фамилию вспомню), старый броневик, служивший, кажется, в прожекторской роте, в Армянском переулке. Пригласил к себе в «Алексеевскую организацию», где он был начальником броневых частей. Предложил явиться для знакомства с кем-то на Никитский бульвар [2]. Л. Л. потом уехал в Воронеж для дальнейшего следования за кордон.

Позднее, когда я познакомился с Вартенбургом и Найденовым, я спросил, не Алексеевская ли это организация. Получил отрицательный ответ. На вопрос об ориентации мне ответили, что организация чисто русская, причем главу не сказали.

---

[1] Алексеевское военное училище в Лефортове.

[2] Ныне Суворовский бульвар.

В. И. Соколов, как я слышал, был не в нашей дивизии. Всего было две дивизии. После ареста Соколова и других стали говорить, что дивизий нет больше, а есть «отряд».

О встрече в Армянском переулке знает Соедов.

Зверев

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПОКАЗАНИЙ С. П. ГОРЮНОВА

I

С Зыковым знаком по речному яхт-клубу уже года 2—3. В одно из посещений своих клуба в конце июля 1919 года я встретил Зыкова, где он и сообщил мне о существовании Добровольческой армии Московского района и предложил набрать количество людей около 50 человек, в которое бы по возможности входили специалисты по управлению автомобилями. Во второй раз я встретил его на Воробьевых горах [1], на даче клуба, где он спросил, что мною сделано; я ответил, что еще ничего. Это происходило в воскресенье, дня через 3 или 4 после разговора. Потом он мне сообщил по телефону, чтобы я пришел в клуб и прислал туда Дмитрия Владимировича, через которого я и должен был давать сведения о количестве людей. Видеться с этим человеком я должен был при изменениях в наличном составе, для чего мне был дан номер телефона Д. В.

В первый раз Д. В. пришел в клуб недели через две после последнего свидания с Зыковым, часов в 8—$8^1/_2$, и также обратился ко мне с вопросами, сколько у меня имеется в виду людей. Я ответил, что человек 20—15. После чего я увиделся на Пречистенском бульваре [2] со Скурятниковым Сергеем Ильичом и передал ему предложение Зыкова. Он согласился и обещал дать 10—15 человек с машиной из комиссариата (Киргизский комиссариат). Кроме Скурятникова, я сообщил также Дмитрию Павловичу Бирюкову, сотруднику штаба 43-й дивизии по артиллерийской части, он также хотел собрать некоторое количество людей, не более 7. Кроме этих двух, я никого не знакомил с существованием организации, переданной мне Зыковым, не имея на это свободного времени.

Второе свидание происходило на Пречистенском бульваре, у памятника Гоголю, по прошествии полторы недели со времени первого свидания в клубе. Д. В. был задан тот же вопрос о наличии людей. Я сообщил, что наберется человек 35—40 и один моторист (как говорил Скурятников). Число людей я прибавил, надеясь,

---

[1] Ныне Ленинские горы.
[2] Ныне Гоголевский бульвар.

что Скурятников и Бирюков подберут еще кого-нибудь, или если удастся сообщить кому-нибудь из знакомых, которые тоже могли бы набрать некоторое количество людей, но таковых не находилось.

Третье свидание тоже происходило на Пречистенском бульваре в 8—$8^1/_2$ часов. Число, когда это было, я не помню, но приблизительно через $1^1/_2$—2 недели. Был задан тот же вопрос, и ответ был тот же.

В начале августа, в одно из воскресений, я встретил Д. В. на Воробьевых горах, в клубе, где опять был задан тот же вопрос. В последний раз Д. В. заходил ко мне в управление в понедельник 29 сентября, в 1 час дня и сообщил, что Зыков арестован.

Порученной мне работой тяготился и в одно из свиданий заявил Д. В., что уезжаю на фронт, и хотел все передать Скурятникову. С Зыковым мы встретились последний раз в Художественном [театре], это было как будто бы во вторник, 23 сентября, и никаких деловых разговоров не велось. Никаких инструкций или заданий Зыков мне не давал, а заявил, что все будет известно в свое время. Никаких событий в связи с положением на фронтах он мне также не сообщал.

Горюнов

30/IX—19 года

III

В организацию я вступил по предложению Зыкова, сочувствуя этому делу и доверяя Зыкову. К участию в этом деле я привлек трех лиц: Бирюкова Дмитрия Павловича, Казаринова Сергея Сергеевича и Скурятникова Сергея Ильича. Кроме них, привлечено не было. Бирюков и Казаринов обещали достать человек 7, в том числе был и шофер Казаринов. От Зыкова мне дано было поручение дать не исключительно шоферов. Скурятников обещал достать человек 10—15, сколько шоферов, не говорил, но говорил, что можно одну машину. Фамилии лиц, обещанных этими троими, никто не называл. Но полагаю, что им они были известны. Я поддерживал связь по организации исключительно с Зыковым через Дмитрия Владимировича, фамилию которого я не знаю, но это молодой человек, черненький, среднего роста (предъявленную карточку Д. В. опознал). Подробных сведений о ближайшей задаче я ни от кого не получал.

Горюнов

4/X—19 года

ПОКАЗАНИЯ Н. Н. СУЧКОВА

I

Ничего конкретного о готовящемся в Москве выступлении, о Добровольческой армии Московского района, об участии в заговоре В. А. Миллера мне не известно. Предъявленный мне список с адресами не принадлежит мне, и у меня не мог быть обнаружен — так я полагаю. Предполагаю, что это список членов ученых совещаний, которые бывали у нас в школе.

22/IX—19 года *Николай Сучков*

II

Рекомендовали меня в партию тт. Свердлов Яков Михайлович и Подвойский Николай Ильич.

Во время минувшей империалистической войны я был в штабе Юго-Западного фронта, у начальника инженеров Юго-Западного фронта, бывшего генерала Величко. Знаю начальника штаба Юго-Западного фронта, бывшего генерала Клембовского.

Образование: 5-я гимназия, неделю в Политехническом институте, кончил лицей, сдал экзамен на окончание университета, был оставлен при университете профессором Озеровым.

Отец мой — бухгалтер Московского купеческого банка. Из этого круга знал Крестовникова и других, из профессоров имел общение с Озеровым, Гензелем, Боголеповым, Соколовым, затем профессоров лицея, где я читал финансовое дело.

Из земских деятелей бывал в нашей семье Кологривов Серг. Ник., покойный.

Первый раз о типографии зашла речь примерно в июле месяце. Миллер сказал, что имеется типография, которую можно было бы достать для школы. В то время предполагалось моим братом и мною устроить при школе типографию, чтобы отпечатать на ней прежде всего мелкие необходимые работы: приказы, бланки и проч., а затем разрешенные нам положением о школе «Труды Высшей школы военной маскировки». В этом разговоре еще не было речи о том, что эта типография находится в какой-то воинской части. Второй раз Миллер заговорил о типографии недели три-четыре до дня Советской пропаганды [1].

Разговор был приблизительно такой: Миллер сказал, что «вопрос о типографии следует решить: берешь ты ее или не берешь?» Я уклонился от решительного ответа: тут меня взяло сомне-

---

[1] День Советской пропаганды проводился 7 сентября 1919 года.

ние о законности этого предложения, и я просил обождать, ибо типография по моим представлениям являлась предметом, не подлежащим свободной продаже, как хлеб и прочее. О контрреволюционной цели данного предложения Миллера я не думал, ибо не мог предполагать в Миллере какой-либо активной контрреволюционности, ибо считал его всегда активным (не саботажником) советским работником. Даже припоминаю, что зимою или в начале весны после работы Миллера у т. Подвойского он имел намерение вступить в члены или сочувствующие РКП и даже имел одну рекомендацию какого-то члена Городского района (номер билета от 1000 до 2000). По этому вопросу я заезжал к т. Подвойскому в Высшую военную инспекцию посоветоваться, могу ли я дать свою рекомендацию Миллеру. Т. Подвойский, указав мне, что Миллер хороший работник, сказал, однако, что он не считал бы Миллера подготовленным для поступления в партию, почему и посоветовал Миллеру этот вопрос оставить; поэтому к Миллеру как к активному контрреволюционеру относиться я не мог.

Третий разговор был за некоторое время до дня Советской пропаганды. Миллер сказал, что типография принадлежит какой-то артиллерийской части, ушедшей на фронт, и указал, что ее можно получить, с тем чтобы, если она потребуется, сдать ее обратно. На этот раз я согласился взять типографию, предупредив, что возьму ее вполне официальным путем, возможно, что сказал, что отдам в приказе. После этого он должен был ее доставить, и я ждал со дня на день. Между тем типографию не везли некоторое время. За это время у меня родились сомнения в законности дела, так как я вспомнил, что существующая у нас типография была получена определенными законными путями, и боялся получить новую типографию без достаточного разрешения компетентных органов.

В день Советской пропаганды Миллер приехал по моему телефонному вызову, я категорически отказался от принятия типографии, чем доставил ему, по-видимому, огорчение. Он сказал, что нехорошо так колебаться. О возмещении расходов, могущих быть причиненными моими колебаниями, он мне ничего не говорил.

Типография вообще в школе была, знают типографы — два брата Тихомировы о крайнем переобременении типографии. Скляр — управл[яющий] делами. Издания весьма опаздывали (см. книгу приказаний). Типографию согласился взять для того, чтобы не упустить ее, и ставить сначала не предполагал до соответственного оборудования нашей основной типографии.

Н. Сучков

III

Примерно в июле месяце ко мне пришел В. А. Миллер и рассказал, что он участвует в контрреволюционном заговоре.

Это признание меня чрезвычайно фраппировало, и я после некоторого колебания под влиянием родственных чувств пришел к решению не донести об этом, но стараться вырвать Миллера из заговора, для чего на первых порах применил прием запугивания тем, что мне известно, что за ним же следят и хотят его арестовать.

Под влиянием этого Миллер, действительно, некоторое время, казалось, отстранился от своих заговорщицких дел, после этого через продолжительное время он снова, по-видимому, успокоившись, пришел ко мне советоваться и выяснить, какую я займу позицию по отношению к заговору.

Здесь я решил, что Миллер несомненный заговорщик, причем первая моя невыдача его уже связывала меня (не выдавать его как родственника), и я принял решение тогда, по возможности мешая ему в практической его деятельности, насколько я о ней знал, и пользуясь близостью Миллера ко мне, быть в курсе о моменте выступления и каких-либо попыток привлечь школу к этому.

В результате благодаря крайнему недостатку времени и чувству брезгливости я весьма редко виделся с Миллером и даже избегал с ним встреч, почему конкретные случаи столкновений моих с фактами его заговорщицкой деятельности были чрезвычайно редки.

Из конкретных фактов соприкосновения помню:

1. О пироксилине.

2. О типографии.

3. Миллер просил меня устроить на жел.-дор. службу двух своих лиц, фамилии забыл — я не исполнил.

4. В середине августа Миллер предупредил меня, что числа 26—27 августа предположено было выступление.

Я сказал, что это — провокация, и через несколько дней Миллер приехал и сказал, что выступление отменено.

5. Говорил, что комиссар его школы, человек очень слабохарактерный и подписывал все, что ему, Миллеру, нужно.

6. В одном из разговоров с братом я дал ему понять, что Миллер участвует в контрреволюционных кругах.

Н. Сучков

В дополнение к заявлению, что по просьбе Миллера мною были даны ему две винтовки и несколько патронов. Винтовки эти были привезены моим братом в 1915 году после взятия Перемышля в Москву, и хранил их как прекрасные ружья для охоты. О передаче этих винтовок Миллеру брат не знал.

12/X—1919 года *Н. Сучков*

IV

Пишу вам полную исповедь участия и отношения моего к делу заговора Миллера.

Василий Александрович Миллер — родственник мне, брат моей жены. Как родственника и душевного в частной жизни человека, я его, можно сказать, любил. Идейные пути наши разошлись уже давно, особенно во время войны, которая разделила нас и физически, — я его почти не видал до демобилизации после Октябрьской революции.

Он приехал с фронта в колеблющемся настроении задавленности происходящими событиями, смысл которых он, видимо, не сознавал. Под моим и отчасти брата (моего брата А. Н. Сучкова) влиянием он решил пойти служить в Красный Крест, думая принять командование дивизионом. Потом случайно встретился с левым эсером Аносовым и вместе с ним спроектировал школу траншейной артиллерии; после же восстания левых с.-р., в котором он спас положение в школе траншейной артиллерии, которую Аносов, по-видимому, приготовлял как одну из баз восстания, вскоре перешел в Инспекцию[1] т. Н. И. Подвойского, где работал до весны нынешнего года, насколько мне известно, вполне успешно. В его настроении, по-видимому, происходил перелом до того, что однажды, в марте—апреле с. г., он принес мне заявление о желании поступить в партию РКП (большевиков), на котором уже стояла рекомендация одного из членов РКП, товарища из Инспекции (фамилии не помню).

При разговоре с ним я видел искреннее желание его войти членом в РКП и даже сгоряча дал ему вторую рекомендацию, но на следующий же день поехал к Н. И. Подвойскому, чтобы переговорить о Миллере. Николай Ильич дал мне отзыв благоприятный как для советского работника, но не как о достойном стать членом РКП, говоря, что, кроме того, у Миллера была какая-то история в Астрахани, и я просил Миллера мою рекомендацию с его заявления снять. После этого мы не видались, кажется, порядочное количество времени. Миллер ушел из Инспекции, перешел в Высшую стрелковую школу, наконец, ушел и оттуда. Это было время наступления Колчака.

К этому времени относится первое конкретное указание Миллера о том, что он стал принимать участие в какой-то белогвардейской организации.

Надо заметить, что я, став в 1906—1908 годах государствен-

[1] В Высшую военную инспекцию.

ным социалистом[1] совершенно своеобразного, «своего» толка, даже мечтал тогда выступить со своей собственной «теорией»; к 1917 году отчасти под влиянием ощущавшегося кризиса и революции находился в периоде чрезвычайной борьбы мысли, не был совершенно удовлетворен Февральской революцией, немедленно начал присматриваться и изучать «большевистское» движение и с крайней быстротой, еще до наступления Октября, признал и принял своим убеждением, единственным исходным и счастливейшим моментом человечества — раз навсегда свергнуть иго эксплуатации путем всемирной социалистической революции с коммунистическим завершением ее на развалинах государственных форм общежития. На этом основании я, после приезда Н. В. Крыленко в Ставку, немедленно вошел с ним в контакт (хотя его раньше лично не знал) о строении новой жизни армии (тогда еще Красной гвардии) и держал соответствующую речь и отношение среди сослуживцев по Управлению полевой инспекторской инженерной части, где я служил. Переехав в Петербург и Москву, я продолжал ту же работу, сначала в контакте с Н. И. Подвойским и И. Л. Дзевалтовским, затем - с Э. М. Склянским, затем был приглашен вами в ревизию М. С. Кедрова, дальше вы знаете.

Но в семье своей, в которой отец и мать старые, хотя и аполитичные, но старинных взглядов люди, и жена, подчиняющаяся моему влиянию, но не моим убеждениям, в политику и политические вопросы не вводил, старательно избегая говорить о какихлибо делах, чем вызывал против себя обвинения в скрытности.

То же самое отношение я принял и с В. А. Миллером по его приезде с фронта, сначала пытаясь убедить его, затем приняв с ним безразличный, ничего не выражающий, «ни да ни нет» тон, достаточный, чтобы не разойтись, но и не подававший каких-либо надежд человеку в его ли просьбах или спорах.

Этот-то тон в связи с другим тоном «терпимости», который был принят братом и мною в школе маскировки (почему — я упомяну ниже), вероятно, ввел в обман В. А. Миллера, когда он дошел до признания в участии в заговоре.

Здесь была, однако, точка поворотная. Это уже были не одни разговорчики, и я ужаснулся. Это уже был факт с его стороны, и я должен был как-нибудь на него реагировать. Сколько коле-

---

[1] «Государственный социализм» буржуазно-реформистская теория, признающая социализмом непосредственное вмешательство буржуазного государства в экономику и социальные отношения (например, принятие государством законов о 8-часовом рабочем дне, о запрещении труда несовершеннолетних, о принудительном характере решений третейских судов, о равной оплате женского и мужского труда и т. д.). В современных условиях сторонники «государственного социализма» превозносят роль государственно-монополистического капитализма в развитии экономики и в решении социальных проблем.

баний, сомнений и душевных мук я тогда вынес! И в конце концов, с точки зрения, как теперь смотрю, я сподличал и не сделал так, как должен был сделать коммунист, ибо тогда я уже был членом партии, — пойти, не считаясь ни с какими отношениями и родством, и заявить товарищам из боевого органа ЧК, ибо это был, по существу, тот же враг, лишь в тылу. Перевесили во мне тогда чувства родственных отношений и ведь еще то, что тогда бы разрушилась вся моя семья - ушла бы жена с ребенком, может быть, отвернулись бы старики, ибо на их языке я подвел бы ее брата на расстрел, и мотивы «убеждений» едва ли бы здесь что значили.

Кроме того, во мне гнездилась расслаблявшая волю мысль, что я постепенно успею отклонить Миллера и вырвать его из организации, куда он попал по своему прирожденному легкомыслию и доверчивости.

И вот, действительно, терпя его «разговоры» и только старательно отгораживаясь, желая хоть чем-либо случайно помочь ему в его делах, я через несколько времени попытался начать отклонять его от «своевременности», затем от «целесообразности» его участия и, наконец, о том, принесет ли это пользу или вред любимой им родине. Наконец я прибегнул к косвенной угрозе, сказав, что за ним следят, что ему надо все бросить, и он действительно испугался, бросив дела, квартиру и, как мне казалось, ту организацию, где он участвовал.

На этом я, было, и успокоился, особенно потому, что ничего не знал о том, где он участвует, предполагая лишь из его слов, что это какая-то кучка вздорных заговорщиков, не централизованная где-либо. От узнавания же фактической стороны его «дел» я всячески уклонялся, ибо, если бы я узнал больше одного факта участия самого Миллера «где-то», а и о самом заговоре, я чувствовал, что должен был бы окончательно разрубить гордиев узел и пойти сообщить товарищам. Вместо этого я прятал «голову в подушку» и думал, что ничего и нет вокруг.

Но через некоторое время обстоятельства круто изменились. Я не помню точной последовательности фактов, но самые факты точно укажу.

Во-первых, Миллер, боясь обыска, попросил поставить в школе в Москве свои чемоданы. Я разрешил. Когда я спросил, что в них, он ответил, что там динамит. Я потребовал у него немедленно убрать их вон, а брат даже хотел, узнав от меня, что динамит в школе, немедленно зарегистрировать его, но Миллер уже взял чемоданы вон. Чемоданов этих я не видел, ибо вся история произошла в 24 часа, и я был в Кунцеве.

Во-вторых, Миллер приехал ко мне и стал передавать мне, что он снова продолжает работу в организации и что он предупреж-

дает меня, чтобы и я поторопился «осознаться», ибо за рубежом, по его сведениям, я уже приговорен к смертной казни. Я отделывался отнекиванием.

В-третьих, Миллер стал приставать ко мне с типографией, которую надо было скрыть, иначе он попадется. Я согласился, рассчитывая взять типографию и ее более ему не отдавать. Тогда он через некоторое время стал строить проекты пустить эту типографию (одну маленькую машину) в ход. Я сначала наотрез отказался, а затем, видя, что иначе дело дойдет до того, что он поставит ее в другом месте, стал как бы соглашаться и не соглашаться, затягивая дело. Затянул я его до того, что Миллеру пришлось в конце концов, по-видимому, под нажимом пойти на какие угодно условия, лишь бы сложить где-нибудь типографию, и я тогда согласился окончательно ее взять в школу под условием сопровождения ее официальной бумагой, на что он согласился, сказав, что сопроводит ее бумагой от какого-то ушедшего на фронт артиллерийского дивизиона. Я же по получении машины предполагал ее немедленно же отдать в приказе по школе, мотивировав тем, что иначе нельзя было по обстоятельствам дела, и тем обезвредить и отчасти и спасти Миллера. Но последний вдруг ни с того ни с сего приехал в мое отсутствие (я был в Москве) в школу с каким-то неизвестным мне человеком и пытался завести разговор с братом. Этого разговора я так доподлинно и не узнал, после чего я немедленно телеграфировал Миллеру мой отказ взять машину, ибо участие многих лиц вывело бы меня, как я уже говорил, из моих «отношений» к Миллеру и к факту знания самого заговора и к немедленной необходимости сообщить о нем.

Наконец, последнее — Миллер взял, по его просьбе, у меня две старые австрийские винтовки с патронами, а затем еще просил достать оружия. Я, конечно, тянул и ничего не достал.

Да, просил он меня устроить на службу 2—3 [человек] в ж.-д. войска, я это не исполнил, но не отказал ему.

Наконец терпенье мое иссякло. Эта «игра» была не только невозможна, но и нестерпима. Я задыхался в ней. Я уже имел, потеряв всякую надежду исправить Миллера, с ним крупные разговоры, уже вел к разрыву.

Правда, я имел от этих отношений известную, весьма крупную пользу для нашего дела. Я потребовал у Миллера не захватывать школы в его организацию и ничего не делать без моего ведома. По-моему, он это требование исполнил.

Далее, Миллер обещал держать меня в курсе «выступлений» и в августе указывал на готовившееся выступление в конце августа. Я сейчас же, кстати, смутил его, что это «провокация», и через несколько дней он пришел сказать мне, что выступление не состоится. Я был спокоен за школу, что у меня в ней заговорщицкого нет,

эта была моя лучшая агентура, притом самая лучшая и безошибочная.

Наконец я в этих отношениях с Миллером ровно ничем (если не считать ничего не стоящих двух винтовок) реально не помог врагам Советской России и нашего дела, а извлекал из этого гораздо большую пользу. Вот почему на базе родственных отношений я щадил Миллера, но, повторяю, отношения становились столь невозможными, что я шел уже на разрыв с Миллером, что он сам, повидимому, чувствовал, становясь ко мне недоверчивее.

Уже отказ мой взять типографскую машину довел дело почти до разрыва, но тут пришел арест.

Мое отношение к Миллеру станет вам уже совершенно ясным после того, как я дам вам еще несколько штрихов к общей картине.

Характер работы моей вы знаете. Вы знаете, что я отдаю всего себя раз взятой идее. Так же я и работал как коммунист для достижения победы нашего всемирного социалистического отечества, всемирного освобождения рабов капитализма, всемирной коммунистической революции.

Я все свое время уделял этой работе, оставляя жалкие крохи семье и ничего себе лично. Вы знаете мою работу, с вами в поезде, в Архангельске [1], помните, как оценили ее англичане в своей прокламации, оценив мою голову. Потом я уехал в Москву и отдался весь на создание нового, могучего средства борьбы военной маскировки, которую я хотел поставить первою в Р.-Кр. Красной Армии.

О маскировке есть разные мнения, есть еще и не верящие в нее. Но у меня, кроме моего и сотрудников глубокого убеждения, есть почти единодушное мнение самых выдающихся специалистов и, главное,— документальные доказательства выдающегося успеха первых же начинаний на фронте, первых же шагов созданных мною маскировочных частей.

И там ясно говорится, что это целый переворот в военном деле. И я, и брат создали это дело из ничего, из пыли, все на своих плечах, пробивая всюду косность, незнание или недоверие. Как трудно было собрать людей для дела.

И вот мы молчаливым согласием (смешно сказать — мы никогда этого не решали сообща) применяли особую систему в школе — известной терпимости по отношению к мелочам жизни,— стремясь обставить получше работников и не придираясь к мелким недостаткам людей. Главным образом этот характер отношений поддерживал брат, я был грубее, строже, но тоже не протестовал. Это привлекало к нам работников из сослуживцев.

---

[1] В «Северной ревизии» М. С. Кедрова по обследованию Архангельской, Вологодской, Костромской, Ярославской и Иваново-Вознесенской губерний и организации обороны региона в связи с угрозой интервенции войск «союзников» (май июль 1918 года).

Затем, все прочие ряды войск — артиллерия, авиация, инженерные войска — имели уже своих специалистов, кадровых и военного времени. У нас же, в маскировочном деле, вновь создаваемом, их не было, их приходилось вновь создавать. Поэтому пришлось брать курсантов из имеющих соответствующее образование около среднего, преимущественно из числа художников.

Но так как среди последних мало коммунистов, приходилось брать молодежь и ее перерабатывать. Ведь не ждать же у моря погоды, когда нужно строить Красную Армию и когда мы для пехоты, например, берем для нее даже кадровых офицеров, чуть ли не завзятых белогвардейцев. А здесь мы выпускали, как показал опыт, идейных работников.

Но сколько же было при этом труда, сколько работ, сколько волнений. Скажу о себе — я совмещал: 1) помощника начальника школы, 2) начальника отдела опытных станций и ученых исследований по военно-маскировочному искусству, 3) заместителя комиссара, 4) лектора по маскировке в школе академии Генштаба, курсов разведки, 5) вел литературную работу, 6) председателя ячейки РКП(б) школы, 7) выступал на митингах и пр., 8) читал лекции по государственному праву в Центральной школе советской работы, 9) начальника военно-маскировочного отдела ЦУС [1] и постоянного члена Технической комиссии [2], 10) члена Инженерного комитета по маскировочным вопросам, 11) наблюдал за техникой маскировочных работ, формировал маскировочные части, снабжал фронты специальным маскимуществом, формировал маскобазу, был докладчиком по маскировочным вопросам во Всероглавштабе и в Полевом штабе и даже 12) председателя комиссии по выработке форм Красной Армии.

И все маскировочное дело — я да брат. И без нас оно погибло бы.

Вот в этой-то каторжной работе, имея на плечах ответственность политическую за школу, я отчасти и ухватился за свои отношения к Миллеру как за верный манометр, лучше всякой агентуры могущий мне показать надвигающуюся опасность белогвардейства в школе и устранить ее вовремя. И я убежден, что до сего времени в стенах школы никакого заговора нет и не было.

И отчасти считаю, что обязан этим своему «предохранительному клапану» — Миллеру.

Вот все, что я сейчас могу написать вам. Я истощен скорее не тюрьмой, а моральным гнетом, на меня свалившимся.

Вся моя вина изложена здесь, большей у меня нет — за это ручаюсь своими честными именем и кровью.

---

[1] ЦУС — Центральное управление снабжения Красной Армии

[2] В тексте «ТЕХКОМа».

Т. Менжинский [1] намекал мне на какую-то передачу мною сведений, оружия (в большом количестве, а не те две винтовки) и передачу через рубеж белогвардейцев. Я считаю это пустыми словами, сплетнями и, безусловно, отрицаю какое-либо мое в этом участие, если таковые факты где-либо были. Никаких сведений я врагу не передавал, никакого оружия и никаких белогвардейцев через рубеж не препровождал. Если т. Менжинский говорил мне на основании чьих-либо показаний, дайте мне их разобрать — я сейчас же выясню истину.

Я знаю, что я виноват в своих отношениях с Миллером, мною описанных. И сколько уже горечи, а теперь и позора испил за них! Я поздно теперь, но горько раскаиваюсь за первую минуту моей слабости, от которой все пошло дальше неумолимым клубком. Правда, я больше извлек для нашего дела, может быть, пользы, но для меня в моих глазах это не оправдание.

И если товарищи по партии осудят меня за это — я приму смерть как достойное по моей ошибке.

Но если вы и другие товарищи вспомните мою уже двухлетнюю бескорыстную, идейную, беззаветную работу и на нашу коммунистическую революцию и коммунистическую идею, то, как я, за исключением этого случая, никогда не нарушал доверия партии и товарищей, не щадил своей жизни (восстание л. с.-р. и пр.), и вот, отдавая всего себя на общую работу, и, может быть, дадите вновь надежду восстановления вашего ко мне доверия, забыв, как я однажды завязал свою ногу в болоте, я с удесятеренной энергией, прошедший этот очищающий опыт, буду безгранично счастлив отдать всего себя на служение нашей великой задаче всемирной коммунистической революции.

Ник. Ник. Сучков

19/X—1919 года

[ПОКАЗАНИЯ А. Н. СУЧКОВА]

I

Незадолго до моего ареста ко мне приехал Миллер, который сказал, что есть типографская машина, оставленная каким-то полком, и предложил ее школе маскировки. Я заявил, что у нас есть

---

[1] Менжинский В. Р. (1874—1934) — видный деятель Советского государства, член партии с 1902 года. Подвергался репрессиям царского правительства. Активный участник Октябрьской революции в Петрограде. После революции — нарком финансов, в 1918—1919 годах — генеральный консул РСФСР в Берлине. С 1919 года — в органах ВЧК—ОГПУ. В 1919 году особоуполномоченный Особого отдела ВЧК, в 1920 году — член коллегии ВЧК, начальник Особого отдела, с 1921 года — начальник секретно-оперативного управления ВЧК. В 1926—1934 годах — председатель ОГПУ СССР.

уже одна «американка», на что он заявил, что может быть, эту машину можно поставить к нам на хранение, причем машина могла бы быть собрана и могла бы обслуживать школу.

Разговор происходил в присутствии Назаревского Бориса Владимировича и неизвестного мне человека в очках.

Миллеру заявил, что специального человека у меня на вторую «американку» нет. Миллер указал на неизвестное мне (4-е) лицо, говоря, что он может печатать. На мой вопрос, на каких основаниях он ко мне поступит, так как у меня нет штатных мест, Миллер заявил, что этот человек служит у него в школе и может быть командирован в школу маскировки.

Я сказал: для канцелярии машина не нужна, спрошу у брата, не нужна ли для научного отдела, тогда сообщу.

Миллер торопил меня взять машину, потому что машину необходимо в скорейшем времени принять, иначе она уйдет.

Я спросил неизвестного, каких он убеждений, состоит ли в профсоюзе (желтом или красном [1]), насколько он опытен. Он заявил, что заведовал типографией «Русское Слово»[2], сам опытный наборщик. Тогда я ему предложил поступить на штатное место вместо тов. Тихомирова, которого намеревался устроить на другое место. Неизвестный отказался, говоря, что связан с Миллером.

Относительно убеждений от ответа уклонился. Я указал, что вопрос существен, так как в его руках будет станок, на котором могут быть напечатаны всевозможные вещи.

Он заявил, что всякий печатник может набрать, а затем, напечатав, рассыпать набор, так что я все равно никого не поймаю. Весь вид его показался подозрительным, так что когда я брату передал разговор, то брат решительно отклонил предложение и сказал мне, чтобы я телефонировал, что машину, которую я должен был на другой день к 11 часам утра послать за типографией, не пошлю.

Миллеру я протелефонировал, что в машине (типографии) мы не нуждаемся и за ней мы не пришлем.

---

[1] «Желтые профсоюзы» входили в «Международную федерацию профсоюзов» («Амстердамский интернационал профсоюзов»), образованную реформистскими профсоюзными лидерами ряда капиталистических стран в конце июля — начале августа 1919 года в Амстердаме. Они выступали за сотрудничество пролетариата с буржуазией, отрицали революционные формы борьбы рабочего класса, враждебно относились к Советской России. «Амстердамский интернационал профсоюзов» прекратил свою деятельность во время второй мировой войны.

«Красные профсоюзы» — революционные профсоюзы, выступавшие за единство профессионального движения на основе развертывания борьбы в защиту требований пролетариата, против наступления буржуазии, за сближение с рабочим классом Советской России. В 1921 г. организационно объединились в «Красный интернационал профсоюзов» (Профинтерн), существовавший до конца 1937 г.

[2] «Русское слово» — буржуазная газета, выходила в Москве с 1895 года. Закрыта Московским ВРК 26 октября 1917 года.

Назаревский все время молчал, и я к нему не обращался.

Ал. Сучков

2/X—1919 года

ОЧНАЯ СТАВКА А. Н. СУЧКОВА С К. [С. А. КУДЕЯРОМ]

II

Подъехали на мотоциклетке К. и Миллер к квартире гр. Сучковых, причем гр. Миллер позвонил из этой квартиры в кабинет А. Н. Сучкова в канцелярию.

На квартире Сучковых какая-то женщина (не прислуга) передала К. и Миллеру две винтовки и ящик патронов, причем предварительный разговор был таков:

Миллер: «Где они?» Женщина показала на комнату: «Здесь».

Гр. Миллер, по-видимому, зная хорошо расположение квартиры, сам пошел, взял винтовки и патроны и передал их мотоциклисту. А. Н. Сучков при передаче винтовок и патронов не присутствовал и заявляет, что узнал об этом на допросе.

К.: О винтовках был разговор дня за два до этой передачи, именно: Миллер говорил мне, что, кстати, в Кунцеве следует захватить винтовки и патроны, данные ему Сучковым. На мой вопрос, дадут ли Сучковы еще оружия, Миллер заявил, что винтовок пока нет, холодного оружия они обещают достаточно.

Сучков А. Н.: Никаких разговоров о передаче холодного или огнестрельного оружия с Миллером я не вел.

К.: Разговор с Миллером был на Театральной площади, причем Миллер поздравил с большой победой: был вчера в Кунцеве, меня познакомили с Яндоловским и Михайловым, договорились принять участие в восстании, причем просили дать посерьезнее задачу. В залог доверия Яндоловский и Михайлов обещали дать («во всякое время в вашем распоряжении») 50 винтовок и 15 000 патронов. Оружие не было передано из-за недостатка помещения для хранения.

Сучков А. Н.: На вопрос, кто познакомил Миллера с Яндоловским, заявляю — не я. Яндоловского и Михайлова хорошо знаю. Яндоловский был инструктором школы, мною было предложено ему перейти в караульную роту. Михайлов — инструктор школы. Кроме Яндоловского, мною приглашены Стронский Ник. Мих., через Стронского, кажется, Зродловский, Лачинов и другие.

Никаких поручительств за этих лиц не было. Яндоловский познакомился с Миллером, по его словам, на празднике дня Советской пропаганды, на школьной территории, 7 сентября.

К.: Задолго до приобретения машины Миллер говорил однажды, даже в присутствии Подгорецкого, о том, что машину безопаснее всего поставить у двоюродного брата — коммуниста Сучкова. Я говорил, что коммуниста следует опасаться, однако Миллер уверял, что Сучковы люди свои.

Разговор в кабинете А. Н. Сучкова. Участники: Назаревский К., А. Н. Сучков и Миллер.

Сначала Миллер: Говорил о постановке машины, причем Сучков уклонялся от окончательного ответа. В разговор вмешался К.: вопрос о машине давно был известен А. Н. Сучкову. А. Н. говорил о деле, как о знакомом, но всячески увиливал, желая, чтобы дело шло, но самому быть в стороне, предлагал разные комбинации, например работать на машине после пяти часов, поместить типографию в избушке среди дач видных коммунистов (тт. Рязанов, Балабанова, Раковская), так как тогда «никакая МЧК не будет опасна» и т. п. К. все отклонил.

Примечание. Перед началом разговора А. Н. Сучков попросил присутствовавших двух лиц выйти из комнаты.

Порешили взять машину на два дня — привезти машину, поставить, напечатать материалы и увезти. Миллер сказал, что представит бумагу от какого-то полка на имя А. Н. Сучкова, причем в бумаге будет указано, что машиной можно пользоваться.

А. Н. Сучков отрицает: предварительные переговоры о машине (всякой легальной и нелегальной), все о «комбинациях» (печатание после 5 часов), об избушке, о взятии машины на два дня.

Ал. Сучков

3/Х—1919 года

ПОЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

Садовое кольцо. Хлудов[ский] тупик[1] г. Москва

Примечание. Позиция рассматривается от противника.

Для обстрела Фурманного пер. и Доброй Слободки[2] на Садовой-Черногрязской надлежит занять дома: № 13 (6 стрелков) и № 19 (6 стрелков). Садовая-Черногрязская хорошо обстреливается из одиноко стоящего дома № 1, обращенного на нее, причем здесь необходим один пулемет и 5—6 стрелков. Покровка обстреливается из углового дома № 21-3, где необходим один пулемет и

[1] Ныне Хомутовский тупик.
[2] Ныне улица Машкова.

5—6 стрелков; из этого же дома достигается фланкирование[1] вправо небольшого участка Земляного вала. Для получения перекрестного огня в Покровку желательно занять угловой дом (угол Старой Басманной и Земляного вала[2]), противолежащие дому № 21-3 (6—8 стрелков). Из этих двух одиноко стоящих домов достигается перекрестный огонь для защиты образуемых этими домами ворот при выходе с Покровки на Садовое кольцо (всего 10—12 стрелков). Из второго одиноко стоящего дома пулеметом обстреливается вправо значительный участок Земляного вала, приблизительно до Яковлевского пер.[3] Для дальнейшего фланкирования Земляного вала необходимо занять дом № 7 на углу Садового тупика: поместив здесь пулемет, можно дать огонь вплоть до Сыромятнической ул. Для анфилирования[4] М. Казенного пер.[5] необходимо приспособить к обороне 8—10 стрелками ограду церкви, находящуюся против Б. Казенного[6] пер., д. 6, занять дом № 25 (6—8 стрелков). Следующим пунктом, который важно укрепить на всякий случай, явится здание Курского вокзала, где необходимо поместить 50—60 стрелков при одном пулемете. Также следует занять дома, выходящие на площадь перед вокзалом, один из них, № 27, другой — на противоположной стороне. В каждом из этих домов, фланкирующих Земляной вал влево и вправо и обстреливающих подступы к Курскому вокзалу, должны быть помещены 20—25 стрелков (в доме № 38 помещается ЖЧК)[7]. Также надо занять 8—10 стрелками дом № 37 для обстрела Воронцова Поля[8] и фланкирования подступов. Для обстрела дальним продольным огнем Земляного вала д. № 87 (2 — должно быть занято пулеметом боковое окно дома № 44), амбулатория, расположенного на противоположной стороне Земляного вала. Для дополнительного анфилирования Воронцова поля занимается 6—8 стрелками дом № 45. Для фланкирования влево Земляного вала — одним пулеметом дом № 47, поместив его на чердачное помещение, так как ближнего обстрела этот дом не дает. От Сыромятнической ул. до р. Яузы нельзя достичь фланкирования Земляного вала. Поэтому для обстрела Грузинского пер.[9] и ближайших участков Земляного вала вправо и влево необходимо занять гарнизоном в 15—20 че-

---

[1] Фланкировать — от франц. flanc (бок) — военный термин, означающий обстрел с флангов.

[2] Ныне улицы Карла Маркса и Чкалова.

[3] Ныне улица Елизаровой.

[4] Анфилировать — от франц. enfiler — военный термин, означающий обстреливать вдоль.

[5] Ныне Мечников переулок.

[6] Ныне улица Аркадия Гайдара.

[7] ЖЧК — железнодорожная ЧК.

[8] Ныне улица Обуха.

[9] Ныне Никитников переулок.

ловек дом № 53 (детская больница). Участок Земляного вала, прилегающий к реке Яузе слева, не может быть обороняем достаточным продольным огнем, а кроме того, может угрожать занятое противником большое фабричное здание на противоположной стороне Земляного вала. Для борьбы с ним необходимо занять 8—10 стрелками дом № 55. Защита пункта, где р. Яуза пересекает позицию, затрудняется отсутствием удобных анфилирующих капониров [1], поэтому представляется необходимым в глубине позиции, позади Высоко-Яузского моста, оборудовать на обоих берегах близ воды 2 окопа (на 8—10 стрелков каждый), которые давали бы ближайший перекрестный огонь вперед. Сверх того, можно укрепить ограду моста, поместить здесь 6—8 стрелков, а также занять дома на обоих берегах р. Яузы — 57 и 59, расположив в них 25—30 стрелков. Затем должен быть занят д. № 61 (8—10 стрелков и 1 пулемет) для обстрела Земляного вала влево, вплоть до Грузинского пер. Для анфилирования Николо-Ямской (Ульяновской) ул. должен быть занят 6—8 стрелками д. № 71, в котором, судя по вывеске, помещается клуб анархистов. Из дома № 77 6—8 стрелками простреливается Тетеринский пер. Для дальнейшего фланкирования Земляного вала должно быть 8—10 стрелков, д. № 85, откуда достигается хороший обстрел подступов, вплоть до Таганской площади. Далее необходимо занять дом № 87—2, имеющий большое значение, так как пулеметом из этого дома фланкируется прострел 6—8 стрелками Таганского тупика. Из дома № 91 обстреливается Б. Радищевская ул. (Швивая горка [2]), из него же фланкируется 10—15 стрелками вправо Таганский проезд до дома № 113. Для достижения дальнейшего обстрела Б. Радищевской ул. следует занять дом на углу Коммунистической и Советской ул. (продовольственный магазин внизу), должны быть помещены 8—10 стрелков. Следующим важным пунктом является д. № 113, из которого анфилируются (18—20 стрелками) Радищевская, Гончарный пер. и фланкируются одним пулеметом вправо Краснохолмская (Народная) ул., Гончарная ул. (ул. Володарского) простреливается из дома на углу Б. Каменщики, здесь достаточно поместить 5 стрелков, т. к. выход Гончарной ул. на Садовое кольцо достаточно хорошо защищен перекрестным огнем из указанных домов № 113 и 7. По Краснохолмской ул. дальше необходимо занять дом № 7, из которого 8—10 стрелками влево достигается хороший ружейный обстрел Таганской площади, а одним пулеметом из боковых окон этого дома фланкируется влево вся Краснохолмская ул. до самой реки Москвы, для усиления обороны этого пункта

---

[1] Капонир (фр. — capponiére) — фортификационное сооружение для ведения флангового и косоприцельного огня. Бывают пулеметные, орудийные и орудийно-пулеметные, открытого и закрытого типов.

[2] Ныне часть улицы Володарского.

может быть занят 6—8 стрелками дом № 5, огонь которого будет перекрестным с огнем из дома № 7. У дома № 11 деревянный забор может быть занят 8—10 стрелками, приспособление этого дома может быть достигнуто при помощи имеющихся здесь же, в складе, строительных материалов. Следует обратить внимание, что между 4-й Гончарной и набережной есть Краснохолмские бани, расположенные в глубоком дворе, на противоположной стороне ул.; на случай, если этот двор окажется проходным, необходимо против него занять забор склада лесных материалов (6—8 стрелков). На левом фланге этого участка должен быть занят дом № 1 по Краснохолмской ул. (двухэтажный небольшой белый дом), из которого посредством 8—10 стрелков и одного пулемета достигается обстрел подступов к мосту и фланкированию косым огнем берегов р. Москвы. С целью анфилировать Гончарную наб. необходимо надлежащим образом приспособить к обороне расположенную у моста сторожевую будку, где должны быть помещены 4—5 стрелков и 1 пулемет.

Для запоров входов в улицы, уходящие в глубь нашего расположения: 1) должны быть устроены баррикады с перекопами в следующих улицах: Ст. Басманной (10—12 стрелков), 2) Гороховской [1] (5—6 стрелков), 3) три баррикады на Садовой, Б. Никольском и М. Никольском пер. по 5—6 стрелков в каждой (всего 15—18 стрелков), 4) Сыромятни[ческой] (5—6 стрелков), 5) Сыромятников, впереди Кривого пер. (8—10 стрелков), 6) Сиваковом пер. (5—6 стрелков), 7) Николо-Ямской (8—10 стрелков), 8) Грязный переулок [2] (5—6 стрелков), 9) Третьем Дровяном пер. [3] (5—6 стрелков), 10) четыре баррикады в улицах Б. Алексеевской (Коммунистической), Семеновской (Советской), Пустой [4] и Воронцовской (всего 20—24 стрелка), 11) Б. Каменщики (5—6 стрелков), 12) М. Каменщики (5—6 стрелков), 13) Краснохолмской наб. (8—10 стрелков). Итого 18 баррикад.

Отдельных перекопов необходимо перерыть 17 штук в следующих пунктах: 1) Покровке, 2) М. Казенном, 3) Б. Казенном, 4) Яковлевском, 5) Воронцовом Поле, 6) Грузинском пер., 7) Серебрян[ической] наб. и напротив, по другую сторону Яузы (то есть всего 2), 8) Николо-Ямской — 2, 9) Тетеринском, 10) Таганском тупике, 11) Б. Радищевской, 12) Радищевской, 13) Володарского, 14) 4-й Гончарной, 15) Гончарной наб.

Кроме того, для препятствия движению по фронту при наличии времени и благоприятных условий могут быть устроены перекопы

---

[1] Ныне улица Казакова.

[2] Ныне Аристарховский переулок.

[3] В Москве были Большой и Малый Дровяные переулки. О каком из них идет речь, установить не удалось.

[4] Ныне Марксистская улица.

по Садовому кольцу в следующих местах: 1) между Б. и М. Казенными пер., 2) между Сыромятником и Б. Сыромятником, 3) для запоров входа на площадь перед Курским вокзалом – два, 4) между мостом и Сиваковым пер., 5) у дома № 85, 6) два перекопа у входов в площадь, образуемых с выходами Коммунистической и Советской, Пустой и Воронцовской улиц, 7) у дома № 113, 8) правее дома № 7, 9) левее Красноходмской наб. Всего 11 перекопов.

Всего для обороны этой линии потребуется около 450–550 стрелков при 14 пулеметах (не считая прислуги при последних). По силе сопротивляемости этот участок является вполне удовлетворительным, и лишь его центр у р. Яузы требует особого внимания и дополнительного усиления.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ [1].

[1] В указатель включены лица, упомянутые в документах, предисловии и подстрочных примечаниях книги. Некоторые фамилии не удалось установить. В таких случаях приводятся имена и отчества, псевдонимы или клички, а также сведения о партийной принадлежности или другие уточняющие данные.

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ [1]

---

[1] В указатель включены географические названия и названия физико-географических объектов. Наименования административных единиц и физико-географических объектов даны с определениями (деревня, село, поселок, станция, река и т. д.) в сокращенной общепринятой форме:

город — г.
деревня — д.
море — м.
местечко, местность — мест.
озеро — оз.
остров — о-в
полуостров — п-ов
поселок — пос.
река — р.
село — с.
станица — ст-ца
станция — ст

СОДЕРЖАНИЕ

Красная книга ВЧК. Т. 2.— 2-е изд., уточн.— М.: По-
K78 литиздат, 1990.— 541 с.: ил.
ISBN 5—250—00686—8 (т. 2)

К $\frac{0503020400-183}{079(02)-90}$ 128—90

ББК 67.99(2)116.2

КРАСНАЯ КНИГА ВЧК

Том II

Издание второе,
уточненное

Заведующий редакцией *А. И. Котеленец*
Редактор *Л. С. Макарова*
Младший редактор *С. В. Вершинская*
Художник *Л. Т. Рябыкина*
Художественный редактор *О. Н. Зайцева*
Технический редактор *В. П. Крылова*

ИБ № 8922

Подписано в печать с диапозитивов 14.12.89. Формат 60×84 1/16. Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 31,74. Усл. кр.-отт. 32,38. Уч.-изд. л. 34,44. Тираж 100 000 экз. Заказ № 541. Цена 1 р. 50 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Диапозитивы изготовлены в типографии издательства «Горьковская правда». 603006, г. Горький, ГСП-123, ул. Фигнер, 32.

Отпечатано в ордена Ленина типографии «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16

Р. С.

УПРАВ

Особог

российской Чре

ОРДЕР

писываю

лия, имя и отчест

оживающаго в гор.

ул.

пер. дом №

числением за

Председатель Особо

Всерос. Чрезвыч. ко

Начальник Активною

Ф. С. Р.

ВЛЕНИЕ

о Отдела

звычайной Комисси

№ 581

110

191 9 г.

10 кв.

Отделения